

**Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева**

**Кавказская война: уроки истории и
современность**

**(Материалы Всероссийской научно-практической
конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.)**

Майкоп 2006

Печатается по решению Ученого Совета Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Редакционная коллегия: Чирг А.Ю., Хунагов А.С., Панеш А.Д.,
Хлынина Т.П., Пчегатлук С.К.

В данный сборник вошли материалы Всероссийской научно-практической конференции «Кавказская война: уроки истории и современности». Статьи посвящены различным проблемам истории освободительного движения северокавказских народов в XIX в.

Содержание

Предисловие	7
Алоев Т.Х. Ермоловское наступление 1822 года и завершение формирования «хаджретской» Кабарды в Закубанье	10
Абдулаева М. Осmano-дагестанские контакты в период движения на Кавказе шейха Мансура.....	23
Бичиева И.С. Репатриация адыгов на рубеже XX-XXI вв. (К проблеме преодоления последствий Кавказской войны).....	31
Бурькина Л.В. Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е – 50-е гг. XIX в.....	39
Варивода Н. В. Объединение северокавказского казачества в единое линейное войско	48
Великая Н.Н. Религиозный фактор в движении горцев Северо-Восточного Кавказа: прошлое и настоящее	55
Виноградов Б.В. Особенности российско-кабардинских взаимоотношений во второй половине – конце XVIII в.	61
Гарунова Н.Н. Материалы государственного архива Республики Дагестан о нападении имама Гази-Магомеда на г. Кизляр (1831г.)	70
Горожанина М.Ю. Взгляды К.В. Россинского на проблему взаимоотношений казаков и черкесов	75
Гишев Н.Т. Три вопроса одной проблемы	83
Губаханова Р.А. Амирхан Чиркеевский.....	114
Гусейнова П.О. Новые материалы по истории хроники Абдурахмана Казикуухского «Хуласат ат-тафсил»	119
Дадаев К.С. Наука и образование в имамате Шамиля	132
Дадаев Ю.У. Государственный язык Имамата	145
Делок Р. А. Герои русско-кавказской войны в романе И. Машбаша «Жернова»	164

Дзамыхова М.К. Философско-нравственные основы романа Б. Тхайцухова «Горсть земли»	172
Дзыба А.Х. Кавказская война и абазинская литература	177
Доного Х. М. «Наш царь Шамиль» или русские в имамате	181
Дышекова М. Шариат в практике Временного Кабардинского суда	187
Емтыль Р.Х. Исторические реалии Кавказской войны в романах И.Машбаша «Жернова», «Хан-Гирей»	207
Емтыль Р.Х. Отражение Кавказской войны в учебно-методической литературе	232
Емтыль З.Я. Кавказская война и махаджирство в адыгской публицистике начала XX века	243
Жемухов Н. М. К вопросу об уровне адыгской медицины XIX в.	255
Жемухов С. Н. Хан-Гирей об альтернативах русско-адыгских отношений.....	260
Кандор Р.С. Становление системы административного управления черкесским населением по течению рек Лаба и Белая (Шхагуаше) с 1859 по 1864 г.	267
Кармов А.Х. Кавказская война и формирование идеи горской государственности.....	275
Керейтов Р.Х. Кавказская война и некоторые вопросы перехода ногайцев к оседлости.....	283
Кринко Е. Ф. События и герои Кавказской войны в учебной литературе	290
Ктиторова О. В. Вместе с Россией (Магомет-Гирей ЛООВ).....	302
Клычников Ю.Ю. «Кавказская война» в фольклорном отражении народов Северного Кавказа.....	315
Кузьминов П.А. Эмансипация зависимых сословий у народов Северного Кавказа в контексте Кавказской войны	328
Курмангулова Ш.А. Кавказская война в ногайском фольклоре	340

Кумпан В.А. Миграционная политика царской администрации в отношении адыгов Северо-Западного Кавказа (1864-1917 гг.).....	349
Кумпан Е.Н. Ислам в правовой системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.	364
Мальбахов Б.К. К истокам Кавказской войны.....	380
Мурзаканова Е.А. Кавказская война и махаджирство	386
Мусхаджиев С.-Х.Х. Черкесская община имамата: формирование и правовое положение (1840-1850-е гг.)	393
Нагучева Н.К. К вопросу о роли торговли в развитии русско-адыгских отношений в XIX веке	406
Панеш А.Д. К проблеме российско-адыгских отношений в период Кавказской войны (теоретико-методологические аспекты).....	413
Патракова В.Ф. Завершающий этап Кавказской войны в общественном мнении России (40-60-е годы XIX в.)	418
Прасолов Д.Н. К вопросу о политическом статусе кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в.	425
Пчегатлук С.К. Попечительство керченской и бугазской торговли (1821 – 1829 гг.) и причины прекращения его деятельности.....	432
Рябиков А.Н. Восточная политика Великобритании в контексте соперничества великих держав на Кавказе в начале XIX века	462
Скиба К. В. О реакции «аристократических» и «демократических» адыгских племен на Адрианопольский мирный договор 1829 г.	469
Терекбаева А.К. Переселение ногайцев в Османскую империю во II половине 19 – начале 20 века: причины и последствия	480
Трапш Н.А. Махаджирство в контексте первичной модернизации абхазского общества (1810 – 1917 гг.)	485
Тугуз Х. И. Русско-Кавказская война: правда и мифы.....	489
Тхагапсова Н.Х. Антропогенные ландшафты Северо-Западного Кавказа после окончания Кавказской войны.....	546

Тюльпарова Е.В. Разрушение системы жизнеобеспечения адыгов в последние годы Кавказской войны	552
Тютюнина Е.С. Военные поселения на Военно-Грузинской дороге (1837-1843 гг.)	572
Федосеева Л.Д. А.П. Ермолов и Кавказ.....	600
Хайбулаев М.Р. Женщина на Кавказской войне	606
Хайбулаева Н. М. Образ Шамиля в русской публицистической литературе XIX в.	619
Хайбулаева М.М.-Р. О роли Накшбандийского тариката в Кавказской войне	625
Хлынина Т.П. Роль подвижной границы во взаимоотношениях народов России и Северного Кавказа во второй половине XIX в.: заметки по поводу	633
Цыбульникова А.А. К вопросу о многогранности взаимодействия российской и кавказской сторон в период т.н. Кавказской войны (на примере повседневной жизни казачек Кубани)	639
Чурей Т. А. Художественное мировоззрение адыгов диаспоры в творчестве Ахмета Мидхата Хагура	655
Черноус В.В. Историография Кавказской войны: новейшие тенденции	676
Чуякова Б.З. Тема Кавказской войны в творчестве русских писателей: А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого	682
Шеуджен Э.А. Историческая память и проблемы Кавказской войны	692
Шебзухова Ф.Х. Земельный вопрос и земельные отношения у северо-западных адыгов после окончания Кавказской войны	705

Предисловие

Исторические судьбы адыгов сложились весьма своеобразно и трагично. Неблагоприятная внешнеполитическая ситуация тормозила общественно-политические процессы в Черкесии. Историческое взаимодействие адыгов с Россией в XVI-XIX вв. отмечена двумя важными событиями: обращение черкесов к Русскому государству, сопровождавшееся заключением военно-политического союза и Кавказская война, завершившаяся насильственным выселением адыгов в пределы Османской империи. Эти вехи адыгской истории всегда привлекали внимание историков.

Взаимодействие адыгов с Россией проявилось в самых различных формах: от установления дружеских отношений до развития экономических и культурных связей. Однако со второй половины XVIII в. царизм начинает проводить в Черкесии военно-колониальную политику, вызвавшая закономерное противодействие адыгов. Оно вылилось в национально-освободительное движение адыгов и других народов Северного Кавказа, которое приняло особенно широкий размах в XIX в.

В исторической литературе национально-освободительное движение народов Северного Кавказа известно под названием Кавказская война. Основным ее содержанием являлась упорная и неравная борьба северокавказских горцев за независимость.

Первыми выступили против экспансии царизма кабардинцы. К 30-м годам XIX в. в результате карательных экспедиций царских войск Кабарда полностью была разорена и рассеяна. Из 350-тысячного кабардинского населения осталось 30-35 тыс. человек.

Военные действия против западных адыгов продолжались до 1864 г. За период времени с 1857 по 1877 гг. в Османскую империю вынуждены были переселиться примерно 1 миллион 400 тысяч человек.

Длительная и опустошительная Кавказская война прервала дальнейшее развитие многоотраслевой экономики адыгов, стоявшей на пороге зарождения мануфактурного производства.

Основную часть северокавказских мухаджиров составляли адыги. Принимая их, султанское правительство преследовало чисто политические цели: во-первых, увеличение мусульманского населения в среде христианских народов; во-вторых, использование адыгов в качестве военной силы против освободительного движения угнетенных народов.

Проблемы Кавказской войны всегда привлекали внимание историков, этнографов, философов, фольклористов и ученых других специальностей.

Состоявшаяся в Майкопе научно-практическая конференция «Кавказская война: уроки истории и современность» явилась важным событием в научной и общественно-политической жизни не только Адыгеи, но и всего Северного Кавказа. В работе конференции приняли участие ученые из Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Армавира, Краснодара. Активно выступили на секциях ученые Адыгейского госуниверситета, Майкопского государственного технологического университета. Организатором форума выступил Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

В выступлениях участников конференции красной нитью проходила идея о сложном переплетении конкретно-исторических факторов, определявших характер российско-адыгских отношений в период Кавказской войны. Ученые отметили, что, несмотря на все

перипетии, отношения адыгов с Россией не были сплошным противостоянием.

Несмотря на деструктивное воздействие Кавказской войны, в адыгском обществе шел поступательный процесс общественно-политического развития. Этой проблеме был посвящен ряд выступлений.

В годы Кавказской войны народы Северного Кавказа стремились к консолидации своих сил. Ярким выражением этого процесса стало взаимодействие имамата Шамиля и Западной Черкесии.

Конференция еще раз продемонстрировала, что в исторической науке еще существуют разные, порой противоположные мнения по вопросу о характере и причинах движения северокавказских горцев против экспансии царизма. Об этом свидетельствуют острые дискуссии, развернувшиеся на секциях конференции.

Материалы настоящей конференции (Майкоп, 2004, май) еще раз подтверждают, что движение народов Северного Кавказа было массовым, народным, антиколониальным и прогрессивным. Основное внимание участники конференции уделили национально-освободительному движению народов Центрального и Западного Кавказа и, в частности, геноциду адыгов на завершающем этапе Кавказской войны.

Алоев Т.Х.

Ермоловское наступление 1822 года и завершение формирования «хаджретской» Кабарды в Закубанье

В настоящее время отечественная историография не располагает необходимым корпусом исследований, отражающим формы участия и роль кабардинцев в русско-кавказской войне. В наибольшей степени это касается той части кабардинцев, которую в русских документах XIX столетия именуются «беглыми». Между тем, именно «беглые» кабардинцы на протяжении нескольких десятков лет оказывали упорное сопротивление российской агрессии на Кавказе.

Еще в ходе развертывания «шариатского движения» в Кабарде Адильгирей Атажукин в 1799 г. переселился за Кубань. По сути это было началом длительного и противоречивого процесса переселения кабардинцев в Закубанье.

За Адильгиреем последовали не только его вассалы – уорки с подвластным крестьянским населением, но и приверженцы его идей. Он основал новое поселение «в весьма крепком месте при речке Малый Зеленчук» и, по словам П.Г. Буткова, в 1802 г. при нем находились 200 кабардинцев, причем их число увеличивалось с каждым днем¹.

Со строительством же в 1803 году Кисловодского укрепления, и возобновлением в связи с этим военных действий активизируются миграционные процессы в Кабарде. И в результате военных кампаний 1804-1805 г. за Кубанью формируется значительный массив кабардинского населения.²

В этот период за Кубань, со своими людьми переселяются такие видные князья, как Шумахо Наурузов и Росламбек Мисостов.

Последний же после смерти Адильгирея Атажукина в 1807 г. становится лидером хаджретов.

О бежавших в это время кабардинцах И. Бларамберг писал следующее: «Со времени волнений в Кабарде... значительная часть этой народности укрылась в Кавказских горах. Те, кто искал убежища у кубанских черкесов, занимают в настоящее время долины Верхнего Урупа и Верхнего Улу-Инджика. Именно эти беглые кабардинцы всегда возглавляли ватаги разбойников, совершавших набеги на русскую территорию...»³.

И действительно, по словам Н.Ф. Грабовского, кабардинцы уже «в следующем 1806 году произвели снова восстание...»⁴. К тому же Османская Порта, объявившая войну России 30 декабря 1806 г. всячески подстрекала адыгов к войне. С начала 1807 г. кабардинцы активизировали свои действия. Вот что по этому поводу докладывал генерал-майор Шеншин графу Гудовичу 4 марта 1807 г.: «Закубанские бесланеевцы и Росламбек Мисостов делают немалое собрание и намереваются для злохищничества в скором времени впасть в нашу границу, ибо они с прежнего жительства переселились все вдаль в горы...»⁵. Через день после этого Гудович доносил графу Кочубею что «один из князьков Росламбек Мисостов... бежавший из Большой Кабарды за Кубань, собирал большую часть закубанцев... делал важные набеги с отгоном большей части до 20 т. кочевых татар, на нашей стороне Кубани кочующих...»⁶.

Источники сообщают, что в последних числах марта 1807 г. значительный отряд, под предводительством Росламбека Мисостова сосредоточился в верховьях реки Лабы. А уже с апреля, на Кубанской линии начались «нападения черкес самые чрезвычайные, какие они с таким усилием и с такими успехами никогда ранее не производили»⁷.

Наглядным подтверждением этих слов стала волна черкесских атак на станицы и села Правого фланга Кавказской линии. В течение 1807 г. полному разгрому черкесских отрядов на указанном участке Линии подверглись два крупных села и одна станица. Людские потери (убитыми и пленными) в ходе уничтожения сел Сенгилеевского, Каменнобродского и станицы Воровсколесской составили около одной тысячи человек. И это без учета жертв, практически постоянных черкесских нападений мелкими группами.

В тот момент ни на одном участке Кавказской линии не наблюдалось такого тотального наступления на русские позиции. «Первое десятилетие XIX века – когда за Кубанью оказались «беглые» кабардинцы – для Кубанской линии – время появления на ней главных признаков «настоящей» «Кавказской войны» – постоянных, никогда не прекращавшихся горских набегов и регулярных экспедиций российских войск»⁸.

Практически «беглые» кабардинцы – хаджреты стали одними из основных организаторов нападений на правый фланг Кавказской линии в первое десятилетие XIX в.

К началу второго десятилетия XIX в. накал борьбы на правом фланге линии резко спал, что во многом объясняется практическим прекращением миграционного потока из Кабарды. Тем более, что с удалением с Кавказа генерала Булгакова наступает период относительной стабилизации кабардино-русских взаимоотношений.

Несмотря на значительное и довольно активное присутствие кабардинцев за Кубанью в указанное время завершение формирования «хаджретской» Кабарды связано с периодом деятельности генерала Ермолова.

Ставя крупные для судеб народов Кавказа проблемы, А.П. Ермолов видел универсальное средство их решения в насилии⁹. Новый

главнокомандующий русскими войсками на Кавказе генерал Ермолов требовал от кабардинцев безусловной покорности и смирения, чего кабардинцы, не теряя сущностных основ своего мировидения, сделать могли.

Кабарда, лишенная к тому времени (1821) значительной части своей территории, обезлюденная многолетним противостоянием агрессии Российской империи (людские потери от боевых действий, чума, переселения части населения за Кубань и в Чечню) была сильно ослаблена. Но «кабардинцы, как центральное племя, пользовавшееся большим влиянием на Северном Кавказе», сохранили свои главенствующие позиции не только в системе иерархических связей региона, но и в генерировании престижных культурных форм. В.А. Потто отмечал в связи с этим: «Влияние их (кабардинцев) выразалось ясно в рабском подражании окружающих народов, их одежде, вооружению, нравам и обычаям.»¹⁰.

В таких условиях вытекавшее из фундаментальных противоречий возобновление военного противостояния было неизбежным.

В сентябре 1821 г. Ермолов после почти годичного отсутствия вернулся на Кавказ с четким планом окончательного покорения Кабарды. В основе его лежала идея перенесения в глубь Кабарды кордонной линии с целью отрезать кабардинцев от Западной Черкесии. В предписании от 13 ноября 1821 года Вельяминову Ермолов писал: «Умножившиеся набеги кабардинских...хищников заставляют взять против них особенные меры строгости и я предназначаю некоторую часть войск к движению в Кабарду в продолжение наступающей зимы, дабы озаботить их собственным охранением и удержать от замыслов нападения на линию»¹¹.

Реализация плана Ермолова началась с середины декабря 1821 г. К рыскавшим по Кабарде нескольким русским отрядам накануне нового

1822 года присоединился главный, под командованием Коцарева. Состоявший из тысячи штыков пехоты, трех сотен казаков и двухсот конных чеченцев с 4 орудиями, отряд Коцарева продвигался через Малую Кабарду.

В ночь на 20-ое января в Кабарду вступило со стороны Солдатской подкрепление под командованием Тарановского. Еще один отряд русских, под командой майора Курилы действовал в верховьях Малки. Но действия отряда были безуспешными.

Еще в ноябре Ермолов писал: «Начальнику отряда поставить главной целью не сражения или сшибки с кабардинцами, но лишение их стад и табунов, которых они, конечно, укрыть не могут, ибо в горах не менее в жестокости времени грозит им самая неприязнь утесняемых ими жителей, которые ободрены будут не одним, как обыкновенно, мгновенным появлением войск наших, но их присутствием пожелают отомстить им понесенные оскорбления»¹².

Но его предположения не подтвердились. На протяжении всего похода русский отряд вынужден был вести постоянную перестрелку. А наступившая оттепель позволила кабардинцам отогнать табуны в горы. При попытке захватить один из табунов 10 января русские понесли «напрасные потери». Ни одно отчаянное нападение не удавалось: отряд был окружен наблюдательными кабардинскими пикетами и скрытые движения были невозможны.

Отсутствие зримых успехов у отрядов Коцарева и Курилы вынудило генерала Сталя скорректировать задачи отрядов. Коцарев со своим отрядом должен был непрерывными движениями между реками Баксан и Терек держать в напряжении аулы Кайтукиных и Бекмурзиных. Думается, что необходимость рейдов на эти два княжеских удела Кабарды обуславливалось тем, что в отличие от самого князя – валия

Кучука Джанхотова, часть его дворян и практически все Кайтукины были в числе открыто выступавших против России.

Проще обстояло дело с Атажукиными и Мисостовыми. Их аулы поголовно перебрались в ущелье Баксана и через горные тропы осуществляли постоянную связь с Закубаньем. В аулах Мисостовых и Атажукиных, где возникло сильное стремление к побегу за Кубань, чему воспрепятствовать Коцарев был не в силах, возможность скрыться от преследования русских войск поддерживала пламя бунта и жажду «мстительных нападений на русские пределы»¹³.

С конца января в Кабарде действовал отряд «беглых» кабардинцев из пятисот всадников во главе с Атажукой Магометовым. Он осуществлял прикрытие переселяющихся аулов.

Военные действия в Кабарде продолжались несмотря на то, что еще 14 января 1822 г. А.П. Ермолов обратился с прокламацией к кабардинцам для внесения раскола в кабардинское общество: во-первых, противопоставить одних феодалов другим, и во-вторых, крестьянское население своим князьям и дворянам. В частности он писал: «.. владельцы, которые чувствуют себя невиновными, могут обратиться ко мне с доверием. Они сохраняют права свои, сохраняют власть над подданными их, и они одни признаны будут в достоинстве владельцев; те же владельцы, которые не явятся к начальнику российских войск, будучи прежде замешаны в злодействах, – изгоняются из Кабарды. Подвластным их объявится свобода и независимость, и впредь над ними не будет власти, кроме власти великого нашего государя...»¹⁴.

Как признавал позже сам Ермолов: « хотя Коцарев и преследовал повсюду непреклонных и нам (русским) не покорствующих, разорил селения их, отогнал во множестве лошадей их и стада, но... не мог изгнать злейших разбойников, и они не переставали возбуждать мятеж»¹⁵. Поэтому Ермолов собрал отряд, состоявший из двух

батальонов пехоты, 300 казаков с 8 орудиями, и 22 мая вступил в Кабарду. Одновременно с ним в Кабарду вошел отряд под командованием Сталя, который объединившись с отрядом Коцарева, направился к Малке. Третий отряд под командой полковника Победнова наблюдал верховья Кубани. Двинувшись первоначально по течению Уруха, Ермолов затем перешел в верховья реки Черек, по пути сжигая некоторые селения¹⁶. Весь ход экспедиции показывает, что не покорившиеся кабардинцы не ставили задачи решить свою судьбу в ходе решительного сражения. Итог противостояния итак был ясен. Все действие кабардинцев определялись задачей прикрыть переселяющиеся за Кубань семьи, перегон табунов лошадей и стада овец. Поэтому мы не видим в ходе этой экспедиции ни кавалерийских атак кабардинской конницы, ни попыток прорыва линии, ни молниеносных маневров, да и сами боевые столкновения не переходили в основном стадии перестрелок. Лишь в Баксанском ущелье сопротивление кабардинцев стало нарастать. В это время к отряду Ермолова присоединился и отряд Сталя. Отряд генерал-майора Сталя следовал по левому берегу реки, а отряд Ермолова по правому. В самом узком месте ущелья кабардинцы сделали завал, который не позволил русским продвигаться далее вверх по ущелью. Однако ночью четыре орудия на людях были подняты на гору. И производимый с высоты артиллерийский огонь заставил защищавших завалы оставить их. Это позволило русским войскам продолжить продвижение вверх по ущелью Баксана. Около балкарского селения Ксанти кабардинцы опять возвели каменные завалы. Русские войска в течение дня пытались овладеть ими, которые защищались «главнейшими из кабардинских разбойников»¹⁷. Но все эти попытки были безуспешными. С наступлением ночи, кабардинцы сами оставили завалы, так как задача обеспечить безопасное переселение своих семейств была решена. Потто отмечал: «...неприятель бежал, и по

высотам, в отдалении, можно было видеть спасающиеся семейства кабардинцев и угоняемые стада. Майор Якубович со своим батальоном преследовал бегущих»¹⁸. Но кабардинцы сбрасывали с гор «огромной величины камни, чем и заставляли останавливаться преследователей». Далее русские войска не продвигались «Войска, вышедши из Баксанского ущелья, перешли на реку Куму, близ истребленного Бибердова аула. Отсюда генерал-майор Вельяминов 3-й, с частью войск, к каким присоединился с отрядом полковник Победнов, отправлен на Кубань к Каменному мосту, для воспрепятствования кабардинцам при побеге за Кубань». «Отряд, однако, опоздал; когда он подошел к месту назначения, большая часть кабардинцев уже переходила реку. Он захватил только конец переправы и успел отбить скот». Русские войска перешли р. Кубань и «преследовали спасающихся вверх по Кубани», но без успеха, так как «...места неприступные могли служить им убежищем».

Подводя итоги экспедиции в Кабарду, Ермолов во всеподданейшем рапорте от 29 июля 1822 г. сообщал в частности: «...Главнейшие (из кабардинцев), изгнаны в отдаленнейшие горы за пределы земли кабардинской, некоторые бежали за Кубань, и подданные Порты, слабо ею управляемые народы приняли к себе подобных им разбойников».

Ермолов уже в конце июля проводил рекогносцировки для строительства новой линии в Кабарде и как позже сам признавался «...во время пребывания моего в Кабарде некоторые укрепления приводились к окончанию, всем сделан чертеж и начались работы»¹⁹.

По словам Потто, новая линия была расположена так, что «все кабардинское население, переселившееся на плоскость, совершенно отрезывалось ею как от гор, так и от Закубанья и вынуждалось покинуть самую мысль о враждебных отношениях к России»²⁰.

Прокламацией от 29 августа 1822 г., Ермолов учредил Кабардинский временный суд вместо шариатского. В статье 17, наставлений временному суду сказано: «Проступки не заключающие особенной важности решаются временным судом», а в статье 15 «дела уголовные разбирательству суда не подлежат и подвергаются вообще законам и строгости военной»²¹.

Вышеизложенные мероприятия Ермолова вместе с выселением оставшихся между р. Кумой и р. Малкой кабардинских аулов окончательно утвердили многих кабардинцев, остававшихся в Кабарде, в необходимости покинуть родные места. Только теперь переселения осуществлялись не открыто, под прикрытием многочисленной кабардинской конницы, а скрытно, небольшими группами. Многие кабардинцы оставались в горах, так как с наступлением холодов невозможно было семьями переселяться за Кубань.

Так в ноябре 1822 г. «один кабардинец, выбежавший из гор, донес Коцареву, что в верховьях Чегемского ущелья скрываются семейства беглых кабардинцев, и за установленную плату брался провести туда войска»²². Ночью двадцатого ноября отряд подошел к месту назначения. В результате ночной атаки непокорный аул был истреблен «пощажены были только жены и дети, в числе двадцати человек». Кабардинцы на следующее утро преградили дорогу отряду который возвращался назад. И лишь в ходе ожесточенного боя русским удалось продвинуться дальше.

«Экспедиция, – около 1821 года посланная в Кабарду для выселения их аулов на равнины и очищения подножья гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы, чтобы там прекратить беспорядки, – ускорила падение кабардинцев, которые в это время, так сказать, распались на две части: одна из них, составляемая более беспокойными, но лучшими воинами, переселилась за Кубань к

бесленеевцам и другим закубанским черкесам, и там живут они ныне (1835), рассеявшись между тамошними племенами...»²³ – писал Хан-Гирей. Он же оставил нам довольно подробные данные о количестве хаджретских аулов. Им составлена «Таблица, показывающая число и названия аулов, из Кабарды переселившихся к закубанским черкесам во время беспокойств, происходивших в Кабарде в 1821 и 1822 г.».

Данные этой таблицы полностью (с некоторыми дополнениями) подтверждаются «Сведениями о землях Большой Кабарды, собранных по народным показаниям, полковником Петрусевичем в 1846 году»²⁴. Из данных этого документа складывается впечатляющая картина переселенческого движения, которой была в тот период охвачена Кабарда. Так после описания территории принадлежащей Куденетовым следует: «Из числа фамилии Куденетов Гаджи Умар, Гаджи Исмаил, Умаркой и Кучук бежали за Кубань...», а оставшийся Магомет через много лет перешел к Шамилю.

На сегодняшний день вопрос о численности переселившихся недостаточно разработан, однако определенное представление по этой проблеме можно составить.

В выше указанной таблице представлены 62 названий аулов Большой Кабарды. По сведениям того же Хан-Гирея, перед переселением во всей Кабарде насчитывалось 176 аулов, в том числе 156 в Большой Кабарде и 20 аулов в Малой Кабарде.

Малая Кабарда не была вовлечена в переселение, следовательно, в Большой Кабарде осталось 94 аула, т.е. 40 % селений покинуло Кабарду в 1821-1822 годах²⁵. На первый взгляд все логично. И действительно, С.Н. Бейтуганов при определении численности беглых кабардинцев исходит из этих фактов. Но категоричность в данном вопросе не уместна.

Дело в том, что по крайней мере половина упомянутых в вышеуказанной таблице аулов беглых кабардинцев имеют аулы-тезки в Кабарде. Это значит, что при переселении из Кабарды одного или нескольких владельцев отдельно взятого аула, все селение не всегда покидало родные места. Одни дворяне оставались со своими подвластными в Кабарде, а их братья с подвластной частью аула могли переселиться за Кубань. Учет этого момента весьма важен в том смысле, что в данном случае мы не можем говорить всегда о целых аулах (с 40-60 дворами в каждом), а приходится принимать во внимание, что количество дворов в аулах беглых кабардинцев могло быть во многих случаях урезано.

Согласно приблизительным подсчетам Хан – Гирея, в течение двух лет за Кубань переселилось 12400 человек. При этом он исходил из того, что в каждом ауле проживало, как минимум, 40 дворов, и на каждый двор, по его мнению, приходилось 6 членов семьи. О том, что «семья из 5-6 человек не характерна для кабардинской семьи первой половины XIX века»²⁶ писал еще Т.Х. Кумыков. Однако, следует сказать, что он не приводит конкретных данных для первой четверти XIX столетия. Все же мы располагаем подробными сведениями о количестве членов семьи у кабардинцев, но только несколько позднего периода. 30 ноября 1849 г. была составлена «Ведомость кабардинским аулам, живущим на речках по Большому Зеленчуку и Урупу...»²⁷. В этой ведомости даны статистические сведения о 32 аулах (из них один шапсугский), в которых насчитывалось 1409 дворов с 11 383 жителями. Это составляет в среднем на один двор 8 человек. Еще в одной ведомости «мирных аулов» Зеленчукской линии даны сведения о 13 кабардинских аулах, в которых было 560 дворов с 4390 жителями, т.е. в среднем на каждый двор приходилось 7,8 человека. Учитывая вышеизложенное, мы исходим из чисел «40» (количество дворов в ауле) и «8» (количество членов

семьи). Тогда получим, что в 1821-1822 гг. Кабарду покинуло приблизительно 20 тысяч жителей (19800).

Основываясь на несколько иных цифрах («55»-количество дворов и «б»- количество душ в семье) С.Н. Бейтуганов пришел практически к такому же выводу, а именно к тому, что Кабарду в указанные годы покинуло 20460 жителей²⁸. В целом, по этому вопросу «данные разноречивы, но все они свидетельствуют о значительности кабардинского населения на Кубани»²⁹. В заключение следует отметить, что хотя значительные переселения кабардинцев за Кубань осуществлялись до 1825 г., завершение формирования в Закубанье значительного массива кабардинского населения, получившего название хаджретской или «беглой Кабарды» можно отнести к 1822 г.³⁰

Примечания:

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Спб, 1869. Ч.2. С.561.

² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Т.2. Тифлис, 1868. С. 969.

³ Бларамберг И.Ф. Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С.199.

⁴ Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С.186.

⁵ АКАК. Т. 3. С. 627.

⁶ АКАК. Т. 3. С. 650.

⁷ Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. Тифлис.1900-1901 г. С.157.

⁸ Скиба К.В. Кубанская линия начала XIX века в военно-политических событиях «Кавказской войны» // Вопросы северо-кавказской истории. Армавир, 2001. Вып.6. Ч.1. С. 38.

⁹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М. 1994. С. 151-152.

¹⁰ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т.1. С.345.

¹¹ АКАК. Т.6. Тифлис. 1875. С. 468.

¹² Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т.2. С. 362.

¹³ Потто В.А. Указ. соч. Т.2. С.363.

¹⁴ Леонтович Ф.И. Алаты кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 257-258.

¹⁵ Ермолов А.П. Записки. 1818-1825 // Осада Кавказа. С-Пб, 2000. С.63.

¹⁶ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе. Ессентуки, 1998. С.37.

¹⁷ Ермолов А.Г. Указ. соч. С. 64.

- ¹⁸ Потто В.А. Указ. соч. Т.2. С.373.
- ¹⁹ Ермолов А.П. Записки. 1818-1825 // Осада Кавказа. СПб, 2000. С. 65.
- ²⁰ Потто В.А. Указ. соч. Т.2. С.375.
- ²¹ АКАК Т.6. Ч.1. Тифлис. 1875. С.471.
- ²² Потто В.А. Указ. соч. Т.2. С. 378-379.
- ²³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 154.
- ²⁴ ЦГА КБР Ф.40.Оп. 1. Д 14. Л. 145-162.
- ²⁵ Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. Нальчик. 1993. С. 245.
- ²⁶ Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик. 1991. С. 88-89.
- ²⁷ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М, 1967. С. 40.
- ²⁸ Бейтуганов С.Н. Указ.соч. С. 245.
- ²⁹ Калмыков И.Х. Черкесы. Черкесск, 1974. С. 31.
- ³⁰ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, Т.2. 1994. С.469.

Абдулаева М.

г. Махачкала

Османо-дагестанские контакты в период движения на Кавказе шейха Мансура

В 80-е годы XVIII в на Северном Кавказе возникло движение Ушурмы, больше известное в исторической литературе как движение шейха Мансура (1785-1791 гг.).

Личность «первого кавказского сопротивленца» – как именует его А. Беннигсен своей специальной работе¹ – в известной мере освещалась отечественными и зарубежными исследователями. Однако, мы не ставим перед собой цель осветить историографию вопроса или описать основные этапы данного движения. В контексте нашей основной темы мы рассмотрим эти события сквозь призму османской политики на Кавказе и на основании турецких источников.

Как пишет о Мансуре современный турецкий историк Р.Туна: «Основу газаватских войн на Кавказе заложил именно он. Как рассказывают, он якобы видел сон, посланный самим пророком, который благословил: его на священную войну – джихад. Для начинания джихада пророк дал Мансуру звание эмира Основная идея движения – создание единства на Кавказе, в основе которого должны быть единая религия и тарикат»². В нашей отечественной историографии долгое время бытовала версия о том, что Мансур – «турецкий агент, бежавший после провала его планов к туркам, за Кубань, и активно боровшийся на турецкой стороне в годы русско-турецкой войны (1787-1791)»³.

Более полно эта версия нашла свое отражение в статьях Н.А. Смирнова, изданных в 1950 г.⁴ Кстати сказать Н.А. Смирнов ссылается на известного дагестанского историка Г.З. Алкадари, который

пишет о том, что «в 1199 (1785) в царствование султана Абдул Г амида, шейх Мансур был направлен Оттоманской империей в Чечню и Дагестан, чтобы вовлечь мусульман в войну против России»⁵. Подобной версии придерживается в своей монографии Р.М.Магомедов: «Под именем шейха Мансура выступает турецкий эмиссар, который развернул мюридистское движение в интересах захватнической политики на Кавказе, с целью борьбы против России»⁶.

Был ли Мансур турецким агентом или нет – на это еще предстоит ответить. Думается, в этом поможет тщательное исследование турецких архивов.

Известно, что на первом этапе в движении шейха. Мансура принимали участие дагестанцы, и в особенности, аксаевские и эндиреевские кумыки, причем, как владельцы, так и простой народ.

Данные об их участии в движении Мансура содержатся в известной работе. Н.А.Смирнова⁷, который в свою очередь ссылается на архив.

В конце 1785 г., когда наиболее преданные люди стали отходить от движения «Ушурма был вынужден перейти к кумыкам, которых надеялся удержать около себя и опираясь на преданного ему андреевского владельца, князя Чепалова, поднять ногайцев»⁸.

Это сообщение, русских источников. А теперь обратимся к турецким. Исследовавший турецкие архивы А. Беннигсен доказывает, что в архиве Баш Векалет хранится письмо, врученное Падишаху посланцем, в котором Ахмед-хан Дженгутаевский говорит от имени других владельцев Дагестана, в частности, шамхала Тарковского, уцмий Кайтагского, кадия Акушинского и хана Кубинского, предлагающих свои услуги Турецкой империи, просит директив стратегического значения⁹.

Впрочем, о связях дагестанских владельцев с турками

свидетельствуют данные Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), на который ссылается Н.А. Смирнов, говоря о присланном Дагестан фирмане Турецкого султана Селима III и письмах в адрес почти всех феодальных владетелей Дагестана¹⁰. Однако, Н.А. Смирнов подчеркивает; что «призывы турок не нашли поддержки в Дагестане»¹¹.

Ниже, мы приведем выдержку из письма шейха Мансура к губернатору Анапы, датированного октябрем 1785 г. «Новость, которую ты нам сообщаешь в твоём благословенном послании мы узнали: неверным москвичам объявлена война и это нам доставило огромную радость... Твой ничтожный служитель делает все, что только можно, чтобы быть тебе и помогать тебе в твоих усилиях. Пусть всемогущий Бог дарует тебе победу и позволит мусульманам славить победу над вратами религии, Аминь...»¹².

Из вышеприведенного письма очевидно явствует, что на Дагестан возлагались большие надежды, в связи с предстоящей войной с Россией.

Это же подтверждает в своей работе Джевдет-паша – историк султанского двора. Говоря о содержании султанских грамот, адресованных к горским владетелям Джевдет-паша подчеркивает, что в них османы увещевали дагестанцев «не давать веры речам русских, которые только с виду кажутся сладкими, но скрывают отраву и потому с полным усердием и согласиём оказывать твердость в сопротивлении и не допускать неприятеля до владений Ирана и Дагестана»¹³.

Турецкое правительство не оставляло без внимания феодальную верхушку Дагестана; к султанским посланиям зачастую прилагались ценные дары, что подтверждается в заметках историографа двора: «Высокое правительство обещало во всем оказывать всевозможную помощь с целью расположить их (имеется в виду – горских владетелей) к себе и задобрить, каждому из них прислало приличные подарки»¹⁴.

Определенный интерес для нас представляет и документ № 4304 (III) из архива Palais Topkari. Это письмо на турецком языке от имама Мансура к Падишаху. После обычных приветствий, Мансур обращается к султану с просьбой о помощи. Вот, что он, в частности, пишет: «Но увы! Народы ислама сейчас слабы. Они нуждаются в помощи и поддержке. Они умоляют о поддержке императора и просят прийти к ним на помощь, услышать их голос и протянуть им руку. Народ Дагестана послушен нам и следует за нами, с помощью бота, которую он нам посылает и силе, которую он нам дает»¹⁵.

В этом письме к турецкому султану, так же, как и в послании: к губернатору Анапы Мансур заостряет внимание на том, что дагестанцы следуют за ним. Насколько это соответствовало действительности?

Очевидно, что на протяжении 1785 – начале 1786 г. горцы Дагестана, действительно принимали участие в движении, шейха Мансура. Об этом говорят и русские источники. К примеру, царский полковник Савельев докладывал 3 января 1786 г., что из Константинополя прибыли люди с письмами в Андреевское и Аксайское, а также другие селения с обещанием помощи, в виде денег и войска¹⁶.

Позднее, в марте 1787 г. грузинский царь Ираклий направил послание русскому командованию о военных приготовлениях губернатора Чилдыра (Карса) и его контактах с дагестанскими ханами¹⁷.

Эта информация содержится в турецком архиве Баш Векалет. Сулейман-паша – губернатор Чилдыра в своем рапорте приводит подсчет военных сил Турции к численности войск дагестанских ханов в предстоящей войне с Россией и ее союзницей Грузией¹⁸.

К 1785-1786 гг. относятся письма Мансура, обращенные к дагестанцам. Они носят характер исламских проповедей, в которых автор призывает мусульман Дагестана быть добродетельными,

богобоязненными, милосердными. В то же время в письмах содержится призыв биться с неверными, уничтожать многобожие¹⁹.

К 1787 г. говорить об участии дагестанцев в движении шейха Мансура практически не приходится. Еще в середине 1786 г. тарковский шамхал Мухаммед, а также владельцы Аксаевские и Андреевские обратились к русскому командованию с письмами, в которых раскаивались в своих прегрешениях²⁰.

Интересно, что Турция, которая продолжала свою традиционную политику на Кавказе, в меньшей степени интересовалась шейхом Мансуром, нежели дагестанскими владельцами. Очевидно, что на последних возлагались большие надежды, в связи с назревающей в 1787 г. войной. Об утрате влияния на дагестанцев шейха Мансура сообщает в своем рапорте от 24 октября 1787 г. Сулейман-паша (губернатор Карса), где говорится, об отправке Мансура на Кубань, что объясняется, по мнению Сулейман-паши «полной неприязнью его партизан в Дагестане и Чечне»²¹.

В 1787 г. усиливается турецкая, активность на Северном Кавказе.

«В Дагестан был отправлен капиджи-паша для возбуждения горцев против России. С ним было послано 80 тысяч червонцев и 30 халатов для подарков разным ханами влиятельным лицам»²².

В период войны с Россией (1787-1791 гг.) турки продолжали тесные сношения с горскими народами. В 1789 г. султан Селим III отправил очередной фирман, обращенный к кабардинцам, чеченцам, дагестанцам, в котором призывал к общему выступлению против России, и говорил, о «скором появлении на Кавказе победоносною Гусейна Батал-паши с 60-тысячным войском и многочисленными пушками для избавления горцев от России и с большой казной для награждения отличившихся.»²³.

Стратегические планы турок заключались в том, чтобы

вторгнуться в Кабарду, подчинить ее, а затем двинуться на Кизляр, откуда открывался Дагестан и Закавказье, и, соответственно, выход к Каспийскому морю. Однако, этим планам не суждено было сбыться. На границе с Кабардой турки были разгромлены.

Интересный документ, обнаруженный в турецких архивах, относится к декабрю 1790 г. Это письмо от имени народов Дагестана и Кабарды к Османскому правительству с требованиями оказания военной помощи.

Краткое содержание документа сводится к следующему: в связи с притеснениями, чинимыми появившимся после главнокомандующего на Кубани Мустафы-паши в крепости Анапа Хаджи Баттал – пашой и тем, что он распустил, войска в весьма жалком состоянии и действия этого, присвоившего себе от имени султана ранг сераскера Кабарды, весьма отрицательны, сейид Муххамад ал-Мансур направляет султану письмо с требованием от имени народа всего Дагестана и направить в Дагестан и Кабарду такое-то количество войск, орудия и военное снаряжение²⁴.

Трудно сказать, исходя из этого документа, кто на самом деле скрывается под Муххамад ал-Мансура. Как известно, Мансур, возглавивший горцев в 1785-1791 гг. не имел звания сейида (потомка пророка), хотя стиль письма напоминает его. Вместе с тем, тот кто обращается к османам в этом письме взял на себя смелость говорить от народов Дагестана и Кабарды.

Как показали события, военная кампания 1787-1791 гг. была турками проиграна. В документах этого периода четко прослеживается недовольство османов действиями горцев. Так, в рапорте Абдулла-паши, губернатора Эрзерума и Трапезунда назначенного после поражения Баттал-паши адресованном Великому Визиру в начале 1791 г. говорится: «не следует гордиться ни черкесами ни другими племенами. Это люди, которые думают только о своих выгодах. Они способны разбежаться,

грабя все, если они видят; что Оттоманские силы могут потерпеть поражение»²⁵.

29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мирный договор между Россией и Турцией, который подтвердил условия Кючук-Кайнарджирского договора 1774 г. о присоединении Крыма и Тамани к России.

Но уже в 1793 г. турки пытаются взять реванш и вновь отправляют своих эмиссаров в Кабарду и Дагестан с фирманом Селима III призывающего кабардинцев и дагестанцев готовиться к новой войне²⁶.

Некоторые турецкие историки обвиняют Россию в экспансионистских устремлениях. Так, например, небезызвестный генерал Исмаил Беркок в своей «Истории Кавказа» пишет, что в конце XVIII века, несмотря на договор Яссах, Россия расширяла свои границы до Анапы и захватила Грузию²⁷.

Однако к этому времени позиции Турции на Кавказе были уже ослаблены. Наметилась стабильная: тенденция в ориентации горцев на Россию, которая постепенно устанавливает свое господство в этом регионе. Еще один документ из турецкого архива Баш Векалет относится к концу 18 в. (1796 г.) В нем говорится о том, что султан Селим III (1789-1807 гг.) распорядился назначить в Дагестан чиновника, с особыми поручениями Шахсувар-бея, с выдачей ему из казны султанской армии трех тысяч курушей на дорожные расходы²⁸. О полномочиях данного чиновника, остается только догадываться.

Надо сказать, что османо-дагестанские контакты продолжались и в последующее время. Как пишет Р.Туна «Несмотря на свою неудачную политику на Кавказе османы, тем не менее, не прерывали своих отношений с Кавказом 29. Вместе с тем никогда реальной помощи горцам турки не оказывали, они лишь пытались использовать кавказцев

В СВОИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ.

Примечания:

- ¹ Бенниусен А.. Народное движение на Кавказе в XVIII в. Махачкала, 1994. с.41.
- ² Tuna R. Cerkeslerin Kafkasyadan docu / Kafkasya uzerine bes konferese. Istanbul. 1977. S. 134.
- ³ Смирнов Н. А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954 С. 258.
- ⁴ Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители / Вопросы истории 1950 № 10. с. 19-39; Его же. Турецкая агентура под флагом ислама / Вопросы истории религии и атеизма М., 1950. С. 11-63.
- ⁵ Алкадари Г.Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 105.
- ⁶ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 356-357.
- ⁷ См. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVIII – начале XIX в. М., 1958. С. 139-140.
- ⁸ См. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVIII – начале XIX в. М, 1958. С. 139-140
- ⁹ Баш Векалет архив. Док. № 11656 Хатти-хумаюн; Беннигсен А. Указ. соч. С. 78.
- ¹⁰ См. Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 155.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Баш Векалет архив. Док. № 1351. Хатти-хумаюн; Беннигсен А. Указ. соч. С. 65.
- ¹³ Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 г. хиджры / Русский Архив, 1888. Т. 3. С. 378.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Архив дворца Топкапы. Док. № 4304/111; Беннигсен А. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁶ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁷ Беннигсен А. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁸ Там же. С. 78.
- ¹⁹ Баш Векалет. Архив Док № 1247, № 1248 Хатт-и хумаюн; Беннигсен А. Указ. соч. С. 68-69.
- ²⁰ Русско-дагестанские отношения XVIII – начале XIX в. Сборник документов. Москва Наука, 1988.
- ²¹ Баш Векалет Архив Док №1308, № 1248 Хатт-и хумаюн; Беннигсен А. Указ. соч. С. 78.
- ²² Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 151.
- ²³ Там же. С. 156.
- ²⁴ Баш Векалет Архив Док № 4681, Джебдет.; Osmanli devleti ile Kafkasya, Turkistan re Kirim hanliklari arasindaki munasebetlere dair arxiv belgelere. С.I. (1687-1908 yillari arasi) Istambul, 1992. p.71-72.
- ²⁵ Баш Векалет Архив Док № 1308, № 1248 Хатт-и хумаюн; Беннигсен А. Указ. соч. С 78-79.
- ²⁶ Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 165.
- ²⁷ Berkok I. Tarihte Kafkasya Istambul, 1958. p. 345-403.
- ²⁸ Баш Векалет Архив Док № 4256. Джебдет.; Osmanli devleti ile Kafkasya, Turkistan re Kirim hanliklari arasindaki munasebetlere dair arxiv belgelere. С.I. (1687-1908 yillari arasi) Istambul, 1992. p. 72.
- ²⁹ Tuna R. Ibid. S. 122.

Бичиева И.С.

Репатриация адыгов на рубеже XX-XXI вв.

(К проблеме преодоления последствий Кавказской войны)

В 90-х гг. XX в. в России произошло реформирование федеративного устройства, процессы суверенизации национальных субъектов Федерации и многочисленные локальные межнациональные конфликты. Эти события делают особенно актуальными обращение к историческому опыту межэтнического взаимодействия в России. В этой связи представляется особенно актуально изучение современного состояния проблемы репатриации потомков адыгов, переселившихся в Османскую империю в результате Кавказской войны. Разрешение этой проблемы включает как политические, так и социально-экономические последствия.

Итогом этнических и политических процессов в России стал рост национального самосознания адыгов, причем не только среди российских, но и в диаспоре на Ближнем Востоке. Демократизация общества повлекла за собой оживление процесса репатриации.

В результате Кавказской войны, свыше 5млн. черкесов (адыгов) были вынуждены покинуть свою Родину. Большинство репатриантов ныне проживают в Иордании, Сирии, Турции, США, Германии, Израиле, Голландии. Часть адыгов со временем вернулась на родину, часть ассимилировалась. С течением времени стали возникать проблемы внутри самой диаспоры. Некоторые соотечественники считали необходимым во что бы то ни стало возвратиться на родину, прилагая для этого все возможные усилия, хотя и предвидели трудности, с которыми могут столкнуться. Другая же часть не видела смысла в возвращении и считала

Кавказ исторической родиной скорее формально, так как только первое поколение адыгов имело право называть Кабарду, Адыгею, Карачаево-Черкессию своей Родиной. Особенно явно эти противоречия проявились в Турции, где проживает самая большая по численности диаспора – от 1,5 до 2млн.чел. Для разрешения этой проблемы требовались и требуются практические меры, как со стороны соотечественников, так и органов власти КБР, АР, КЧР.

В 1999 году был принят Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Этот государственный нормативный акт получил высокую оценку среди зарубежных соотечественников. Но наличие определенных льгот, которые были предоставлены этим Законом, не вызвало массового возвращения черкесов на Родину. Хотя положения Закона гарантировали им возможность более тесных культурно-этнических и экономических связей со своей исторической Родиной. При необходимости репатрианты могли решить вопросы гражданства и вернуться на постоянное место жительства на родину своих предков – в Кабардино-Балкарию, Адыгею, Карачаево-Черкессию, Шапсугский район Краснодарского края.

В 2002 году был утвержден новый закон «О гражданстве Российской Федерации». Статья 43 этого Закона отменила статью 11 «Вопросов гражданства в отношениях с соотечественниками» Федерального Закона №99 – ФЗ от 24 мая 1999 года «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом», которая предоставляла преимущество выходцам из России и их потомкам. Это факт усложнил процедуру приема в гражданство Российской Федерации. В частности, пункт г) статьи 13, гласит: «Иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие возраста 18 лет и обладающие дееспособностью, вправе

обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в общем порядке, при условии, если указанные лица обратились в полномочный орган иностранного государства с заявлениями об отказе от имеющегося у них иного гражданства. А также пункт д) – владеют русским языком в достаточной степени.

Республиканские законодательные акты, регулирующие вопросы репатриации отражены в Законе Республики Адыгеи «О репатриантах», принятом Государственным Советом – Хасэ 29 мая 1997 года, а также «Закон о репатриантах» Кабардино-Балкарской Республики, принятом Советом Республики Парламента 6 июля 2001 года. Оба закона регулируют и определяют порядок приобретения статуса репатрианта, а также правовое положение и меры государственной поддержки репатриантов. Обе Республики (КБР и АР), опираясь как на Конституцию РФ, так и на местные Законодательные акты, изыскивают правовые и финансовые возможности для скорейшего возвращения репатриантов на свою историческую родину.

Большую поддержку в этом деле оказывает Международная Черкесская Ассоциация, образованная в 1991 году. Статус Международной, при регистрации изменений в Уставе МЧА, подтвержден получением необходимых документов от зарубежных ее членов из нескольких стран и без каких-либо замечаний МЧА перерегистрирован Министерством Юстиции РФ в марте 2001 года.

К сожалению, точные данные по численности репатриантов в 90-е годы точно установить не удастся, потому что сведения различных официальных источников не совпадают.

По данным предоставленным ассоциацией «Родина» за период с 1 января 1990 года до 1 сентября 1996 года с заявлениями на получение вида на жительство обратились 3493 соотечественника: из Сирии (1523),

Иордании (1230), Турции (602), США (101). Положительно рассмотрены почти все заявления.

За этот период вид на жительство получили 1345 соотечественников. Наибольшее количество заявлений поступило в 1992 году. До него наблюдался рост, после него – имеет место ежегодное снижение количества заявлений.

С первого января 1991 года до 1 сентября 1996 года гражданство Российской Федерации получили 213 соотечественников¹.

По сведениям, полученным от МЧА, основанным на данных ОПВР МВД КБР, всего за период с 1992 г. по 2000 год в КБР «Вид на жительство» получили 630 соотечественников: Сирия (256), Турция (1193), Иордания (153), США (21), и по несколько человек из Германии, Голландии, Югославии.

СВЕДЕНИЯ

**О количестве иностранных граждан (репатриантов), получивших
вид на жительство в Российской Федерации (в Республике Адыгея)
по состоянию на 20.10.2002**

Год Государство	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Всего
Турция	149	79	25	14	28	34	28	16	15	19	7	415
Сирия	117	82	13	9	4	10	9	9	8	8	8	277
Иордания	35	54	12	7	4	8	9	17	6	2	9	163
Израиль	111	22	10	0	0	0	1	1	1	1	1	148
Югославия	2	7	3	1	1	0	7	59	26	0	0	106
США	14	5	1	0	2	0	1	0	0	1	1	25
Германия	3	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	5
Франция	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	2
Голландия	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Нидерланды	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Италия	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
Итого	433	250	64	31	40	53	55	102	58	31	27	1139

СВЕДЕНИЯ
о количестве репатриантов, принятых
в гражданство РФ

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Всего
Турция	2	43	23	23	11	12	11	10	22	7	4	168
Сирия	1	16	15	7	4	3	7	10	8	3	1	75
Югославия		1	3	2	1		1	15	22	9	7	61
США		1		1		1						3
Иордания		2	7	15	1	3	3	8	3	1		43
Израиль		4				1		3	3	1	1	13
ФРГ		2		1								3
ЛБГ			1							1		2
Ливан		1										1
ИТОГО	3	70	49	49	17	20	22	46	59	21	13	363

Российское гражданство получили 344 человека: Сирия (183), Иордания (53), Турция (81), США (6) и т.д.²

По Адыгее мы располагаем только данными МЧА. Согласно им: за период с 1992 года по 2001 год «Вид на жительство» получили 1106 человек: Турция (402), Сирия (266), Иордания (153), Израиль (146), Югославия (106), США (23), Германия (4) и т.д.

За этот же период российское гражданство приобрели 343 человека из числа соотечественников: Турция (160), Сирия (71), Югославия (49), Иордания (42), Израиль (12), ФРГ (3), США (3) и т.д.³

Так же, по Адыгее имеются сводные данные о динамике репатриации в 1992-2002г., предоставленные ОПВС МВД РА (См.табл. 1 и 2).⁴

Из приведенных данных очевидно, что наибольшие масштабы репатриации приходились на первую половину 90-х годов и за последние годы существенно сократились.

Причины такой динамики кроются в проблемах, возникших у соотечественников при обустройстве на своей исторической родине. Прежде всего, это были сложности социально-экономического характера.

Неожиданными трудностями, мешающими адаптироваться возвратившимся семьям соотечественников, стали проблемы социально-экономического характера:

1. Бюрократические препоны в оформлении «Вида на жительство» и гражданства РФ;
2. Отсутствие истинной информации об изменениях налогового законодательства и других нормативных актов;
3. Злоупотребления налоговиков и сотрудников ГАИ;
4. Вопросы смены фамилий и имен на собственные родовые;
5. Вопросы получения высшего и среднего профессионального образования;
6. Получение земельных участков под индивидуальное строительство⁵.

Эти проблемы были характерны для всех республик, куда возвращались репатрианты. В конце 90-х годов к этим сложностям добавилось ужесточение законов, связанных с предоставлением гражданства Российской Федерации.

Но наряду с трудностями, которые испытывают наши соотечественники, вернувшиеся на историческую родину, имеют место быть и позитивные моменты. В последние годы их общественное положение значительно улучшилось, благодаря, как стабилизации экономики и политики в Российской Федерации, так и в регионах.

Большинство репатриантов занято в сфере частного бизнеса и предпринимательства – импорт и экспорт технического оборудования, производство рекламной продукции, ремонт и техническое обслуживание автотранспортных средств, переработка овощей и фруктов, организация общественного питания и т.д. Совсем небольшой процент репатриантов занят на государственной службе, в основном в научно-образовательных учреждениях.

Подводя итог вышесказанного можно с уверенностью сказать, что проблема репатриации будет решена в ближайшие годы, т.к. это является одним из приоритетных направлений внутренней и внешней политики и Российской Федерации и автономных областей.

Примечания:

¹ Архив Кабардино-Балкарского отделения Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом «Родина».

² Архив МЧА.

³ Архив МЧА.

⁴ Там же.

⁵ Архив МЧА. Доклад Нахушева З.А. на Совете МЧА 29-30 июня 2001г., Нальчик.

Бурыкина Л.В.

г. Майкоп

Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ

в 20-е – 50-е гг. XIX в.

Для крестьян центральных и южных районов России Северо-Западный Кавказ был большой приманкой. Малоземелье, неурожай хлеба, растущий гнет со стороны государства и помещиков, гонения официальной церкви побуждали крестьян искать на окраинах страны облегчения своего положения. В народных толках, сопутствующих массовым переселениям, которые походили на бегство и сплошь и рядом были несанкционированными, содержались рассказы о государственных льготах для переселенцев: крестьяне чувствовали, что делали что-то необходимое для государства. Верно заметил С.Н. Южаков: «Нигде русское движение не было исключительно военным, но всегда всюду вместе с тем и земледельческим»¹.

По свидетельству Л.М. Мельникова, «чуть ли не одновременно с возникновением на берегах Кубани бывшего Черноморского войска, ставшего потом главной составной частью Кубанского войска, иногородние проникли в этот почти пустынный край в качестве ремесленников, торговцев, наконец, простых чернорабочих в области земледелия, скотоводства и рыболовства»².

Иногородними называли тех, кто, не будучи приписан к казачьему сословию, жил на войсковой территории либо постоянно, либо временно, в качестве сезонных работников. Однако прилив в этот край пришлого населения до окончания Кавказской войны был незначительным. Во-первых, адыги не хотели примириться с мыслью о том, что их независимости может прийти конец и воспрепятствовали

формированию российских поселений на их землях. Во-вторых, существовавшее в России крепостное право являлось серьезным препятствием свободному притоку в регион иногороднего населения. Тем не менее находились смельчаки, решавшиеся противозаконным путем свергнуть с себя крепостную зависимость.

Переселение является важнейшим орудием колонизации³. Можно утверждать, что в большинстве случаев переселений имеется сложное переплетение всевозможных мотивов, поводов, причин ближайших и более отдаленных, из которых далеко не все осознаются самими переселенцами⁴. Прибавление населения всегда ведет к усилению развития труда и производительных сил в осваиваемом регионе. Государственные крестьяне внесли свою лепту в процесс заселения и освоения территории Северо-Западного Кавказа. Они занимали промежуточное положение между крепостным и свободным населением. Считаясь лично свободными, государственные крестьяне фактически полностью оставались зависимыми от государства: за пользование землей они платили феодальную ренту⁵. Термин «государственные крестьяне» впервые появился в 1724 г. Он объединял различные сословные группы: черносошных крестьян, экономических, удельных, однодворцев, отставных солдат и т.д. Даже к 1858 г. к категории государственных крестьян относились 23 подгруппы, одной из которых были собственно государственные крестьяне, поглотившие 39 ранее существовавших других подгрупп⁶. Именно государственное крестьянство отличалось наибольшей сословной подвижностью. Оно пополняло численность черноморского и кавказского линейного казачества и сыграло решающую роль в формировании городских сословий края.

Следует подчеркнуть, что межсословное движение переселенцев и населения Черноморья превосходило по масштабам уровень сословной

мобильности населения России в целом. Это явилось результатом политики царизма, направленной на расширение военно-казачьей колонизации Северо-Западного Кавказа за счет зачисления в казаки государственных крестьян. Так, в 1823 г. по решению правительства в Кавказское линейное казачье войско было зачислено 2244 души мужского пола государственных крестьян⁷, что увеличило численность войска до 28325 человек. С массовым переселением украинцев в Черноморию только в 1849 г. в казаки было приписано 1274 души мужского пола и 1079 душ женского пола государственных крестьян Полтавской губернии⁸.

В процессе широкого межсословного движения кроме государственных крестьян участвовали крепостные крестьяне и отставные солдаты. В Черномории процент крепостных был минимальный. Если в 1810 г. крепостных в крае было 0,1 % от всего мужского населения⁹, то через 40 лет число крепостных составило 0,6 %¹⁰. Владельцами крепостных здесь выступала казачья верхушка, получившая вместе с армейскими чинами права потомственных дворян. Несмотря на то, что юридически казачье офицерство не владело землей на правах собственности, а следовательно, и не имело права иметь крепостных, численность крепостных в Черномории возрастала.

Увеличение казачьего населения региона потребовало от российского правительства решения вопроса об обеспечении его жителей продовольствием, который можно было разрешить только с помощью развития земледелия в заселяемых казаками районах. Достижение этой цели правительство видело в планомерной гражданской колонизации края. Оно стало щедро раздавать казенные земли Черномории помещикам, при условии, что те заселят их своими крепостными крестьянами. Так называемая «дворянская колонизация» достигла в регионе определенных результатов, так как имелись

значительные массивы неиспользуемых плодородных земель. Кроме того, около 40 русских и украинских поселений в крае были основаны по приказу правительства «казенными» поселянами, прибывающими из внутренних губерний России, и отставными солдатами¹¹.

Так, селение Новорождественское было основано в 1797 г. «на пустопорожней казенной земле из переселенцев – государственных крестьян Курской, Харьковской, Воронежской, Екатеринославской губерний»¹². Станица Николаевская, расположенная на правом берегу Кубани, построена в 1822 г. и заселена жителями селения Николаевского, которое находилось в тридцати верстах от нее. При основании станицы Николаевской в ней было водворено 150 семейств донских казаков¹³. Станица Расшеватская, расположенная в 175 верстах от г. Екатеринодара по обоим берегам реки Расшеватки, в 1801 г. была заселена крестьянами-выходцами из Орловской губернии Елецкого уезда, Воронежской губернии сел Хохла и Турова и Курской губернии¹⁴. Главным занятием жителей являлось земледелие и скотоводство. Кроме того, каждая женщина занималась ткацким производством для своей семьи¹⁵. Указом Николая I от 28 декабря 1832 г. крестьяне станицы Расшеватской с первого января 1833 г. были обращены в казаков для усиления военных сил Кавказского линейного войска.

Были случаи и перехода на российскую сторону и адыгских крестьян, искавших свободы от власти своих владельцев, занимавших враждебную по отношению к русским позицию¹⁶. В целях удержания переселенцев на контролируемых российскими властями территорий, предпринимались шаги по ограничению их контактов с «немирными» соплеменниками. Например, жителям Гривенского аула и селения Ады в Черномории запрещалось выдавать дочерей замуж в Закубанье¹⁷. Горцев старались отселить подальше от их непокорных земляков, опасаясь их участия в набегах¹⁸. Впрочем, такие запретительные меры касались и

русского населения¹⁹. Известно немало примеров побегов солдат, казаков и крестьян к горцам в силу самых разных обстоятельств, и решить эту проблему правительству так и не удалось²⁰.

Недостаток в рабочих руках и обширное скотоводческое хозяйство привлекали ежегодно в Черноморию массу свободного рабочего люда на заработки. Многие из прибывших в край сельскохозяйственных рабочих по окончании полевых работ оставались здесь на зиму, а затем и на постоянное жительство²¹. К началу 30-х годов выяснилось, что в юртах некоторых станиц Черномории иногородние не только живут оседло, имеют дома и хозяйственные постройки, но и пользуются всеми предоставленными казакам выгодами: хлебопашеством, сенокошением, рыбной ловлею и прочим, без несения каких бы то ни было повинностей в пользу войска. Такими лицами первоначально были родственники зачисленных в казаки лиц или женившиеся на казачьих вдовах и девицах. Войсковое правительство стало энергично бороться против этого «зла», защищая права и привилегии казачества. Было предписано всем иногородним распродать свою недвижимость в шестимесячный срок²².

Положение иногородних было тяжелым, так как они оставались фактически бесправными в экономической и политической областях. Так из поручения генерал-лейтенанта Заводовского от 19 мая 1849 г. известно, что в Черномории «с посторонних людей, пользующихся сенокошением на казачьих землях», берут плату два рубля серебром за стог сена²³. Иногородним запрещалось пользоваться всякими угодьями и обзаводиться постройками на войсковой земле²⁴. За пастьбу скота на пастбищах в пределах войска с них взималась пошлинная сумма²⁵. Иногородним воспрещалось заниматься распашкой земли²⁶, пользоваться войсковыми выгонами²⁷.

Войсковое правительство регулярно проводило розыск лиц, не принадлежавших к казачьему сословию, и высылало на прежнее место жительства помещичьих крестьян. Так, в 1860 г. было предписано разыскать и «немедленно выслать установленным порядком» крестьянина Бородина и его сына Илью²⁸. В сентябре 1860 г. в станицах шестой бригады проживало 163 человека из «посторонних лиц». Это были государственные крестьяне, мещане, купцы, отставные солдаты, два помещичьих крестьянина²⁹. В феврале 1861 г. в станицах четвертой бригады Кубанского казачьего войска проживало 30 человек «посторонних лиц»: государственные крестьяне и отставные солдаты³⁰.

Отставным нижним чинам регулярных войск, служившим на Кавказе, как и другим невойсковым жителям, было воспрещено водворяться на войсковой земле и без разрешения обзаводиться какой-либо недвижимостью и заниматься скотоводством. Они могли зачисляться в казачье сословие с разрешения войскового начальства, обязуясь приписываться в казаки навсегда и с потомством³¹.

Но несмотря на особые правила об отставных нижних чинах регулярных войск, к 1843 г. оказалось, что многие из последних, оставшихся в Черномории после отставки и женившихся на казачьих вдовах и девицах, обзавелись уже оседлостью и хозяйством.

Некоторые же из отставных солдат, привыкнув к месту за время долголетней солдатской службы, оставались жить в той же местности. Для них начальством отводилось особое место на принадлежавшей к крепости земле. Постепенно при каждой крепости по Кавказской линии образовывались из отставных нижних чинов форштадты, к которым присоединялись другие лица невойскового сословия. Жители форштадтов подчинялись войсковому крепостному начальству и не отбывали никаких повинностей. Источником их существования являлись доставка дров и различных продуктов для крепостей. Кроме того, они

занимались хозяйством на отведенной им в пользование бесплатно земле при крепостях.

Однако с упразднением крепостей жителям форштадтов было предложено либо зачислиться в казачье сословие и переселиться на передовые линии, либо расселиться по малолюдным станицам. В Усть-Лабинской, Кавказской, Прочно-Окопской, Темнолесской крепостях и Усть-Джегутинском, Хумаринском редутах и редуте святого Николая проживало 3101 лицо воинского звания и 503 лица гражданского ведомства³².

В 1859 г., когда возникла острая потребность, иногородних, проживавших в войске Черноморском и «временно призванных на службу для укрепления границы, а равно и для участия в экспедициях против горцев», распоряжением войскового начальства стали содержать наравне со служащими природными казаками³³. Безусловно, подобное «равенство» стало возможным только в период необходимости.

Одной из главных причин, побуждавших российскую администрацию усиливать темпы колонизации, была нарастающая военная напряженность в регионе, которая подталкивала к переводу на Северо-Западный Кавказ все новых переселенцев, размещавшихся в стратегически важных точках Кавказской линии, Черномории и Закубанья. Но все это, в свою очередь, приводило к стеснению автохтонного населения и раскручивало новый виток эскалации Кавказской войны³⁴.

Продолжавшееся переселение на Северо-Западный Кавказ крестьян из центральных губерний Российской империи не только закладывало фундамент для будущего экономического благополучия региона, но и способствовало ослаблению аграрного кризиса в других частях страны.

Примечания:

- ¹ Южаков С.Н. Англо-русская распря. – СПб., 1885. – С. 57.
- ² Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области. Исторический очерк // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1900. – Т. 6. – С. 73.
- ³ Гинс Г. Переселение и колонизация. – СПб., 1913. – Вып. 1. – С. 4.
- ⁴ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар, 2003. – С. 19.
- ⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформы П.Д. Киселева. – М., – Л., 1946. – Т. 1. – С. 25.
- ⁶ Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX века). – М., 1973. – С. 62.
- ⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 1-е. – Т. 38. – Ст. 29682.
- ⁸ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1897. Л. 175.
- ⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1891. Л. 25.
- ¹⁰ Там же. Л. 26.
- ¹¹ Заседателяева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XVI – начале XX века (динамика этнокультурных процессов): Дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. – М., 1996. – С. 15.
- ¹² Черный К.Н. Ейский уезд (Статистическое описание) // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. Т.1. – С. 344.
- ¹³ Арканников Ф.Ф. Николаевская станица (Статистико-этнографическое описание) // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1. – С. 556-558.
- ¹⁴ Живило К. Станица Расшеватская, Кубанской области, Кавказского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1888. – Вып. 6. – Отд. 1. – С. 47.
- ¹⁵ Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Терской и Кубанской областей // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1889. – Вып. 8. – С. 297.
- ¹⁶ Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII – 60-х гг. XIX в. // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп, 1991. – Вып. VIII. – С 227-245.
- ¹⁷ ГАКК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 1325. Л. 2-4.
- ¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 2. Д. 35. Л. 3.
- ¹⁹ Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска и жизни её с 1794 по 1914 г. // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1914. – Т. 19.- С. 473.
- ²⁰ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. – М., 1961. – С. 254-258.
- ²¹ Городецкий Б.М. Крестьянское землевладение и землеустроительные работы в Таманском отделе Кубанской области. Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1912. – Т. 17. – С. 293.
- ²² Шамрай В.С. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового Архива // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. – Т. 7. – С. 79.
- ²³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1877. Лл. 19, 19 об.

- ²⁴ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1848. Л. 243, 243 об.; Ф. 252. Оп. 1. Д. 149. Лл. 179, 179 об.
- ²⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1047. Лл. 85, 85 об.
- ²⁶ ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 238. Лл. 1, 1 об.
- ²⁷ Там же. Д. 126. Л. 1, 1 об.
- ²⁸ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 148. Лл. 1, 1 об.
- ²⁹ Там же. Лл. 54, 54 об., 55, 55 об., 68, 68 об.
- ³⁰ Там же. Лл. 71, 71 об., 101, 101 об.
- ³¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 872. Л. 1.; Ф. 259. Оп. 1. Д. 11. Лл. 1, 1 об.
- ³² Шамрай В.С. – Указ. соч. – С. 84.
- ³³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1917. Л. 2, 2 об.
- ³⁴ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). – Пятигорск, 2002. – С. 222.

Варивода Н. В.

г. Нальчик

Объединение северокавказского казачества в единое линейное войско

Взаимодействие Российского государства с казачеством всегда представляло сложный и противоречивый комплекс отношений. На всех этапах исторического развития русская государственность, руководствуясь собственными интересами, проводила целенаправленную социально-экономическую политику, превратившую казачий субэтнос в военно-служилое сословие. В документах XIX в. казаки определенно именуется войсковым (военным, казачьим) сословием¹. Государственное регулирование коснулось не только сословности, но и административного деления региона.

Расширение военных действий на Кавказе в первой половине XIX в. потребовало от русской военной администрации введения определенной реорганизации в области управления казачьими войсками. Военные операции против горцев требовали безусловной централизации власти, оперативного решения стоящих перед командованием задач. Казачьи же войска, в отличие от регулярной армии, были совершенно не связаны между собой и управлялись войсковыми начальниками по своему усмотрению. Эти недостатки вынудили царское правительство свести все северокавказские казачьи войска в единое войско, получившее название Кавказского линейного казачьего войска. Высочайшим приказом от 25-го июня 1832 г. Терско-Семейное, Гребенское и Терско-Кизлярское войска были преобразованы в полки и получили название Терского, Гребенского и Кизлярского полков. Помимо этих полков, в состав Линейного войска вошли: Кавказский,

Кубанский, Хоперский, Волжский, Ставропольский, Горский и Моздокский полки. Когда были сформированы Владикавказские и Сунженские казачьи полки, их также включили в состав Линейного войска². Всего по ведомости за 1837 г. числилось³:

Полки	Служащих			
	штаб-офицеров	обер-офицеров	урядников	казаков
Кавказский	2	35	85	2162
Кубанский	2	35	78	2130
Ставропольский	-	26	68	1738
Хоперский	4	24	85	1840
Волжский	1	25	55	1252
Горский	1	34	75	1025
Моздокский	1	29	82	1759
Гребенской	-	24	55	880
Семейно-Кизлярский	1	31	62	630
Всего:	12	263	645	13446

Общее управление Линейными войсками возлагалось на назначаемого наказного атамана, в обязанности которого входило: подготовка казаков к службе, контроль за их военной подготовкой и осуществление гражданского управления.

14 февраля 1845 г. было издано «Положение о Кавказском линейном войске», определившее его военное и гражданское устройство⁴. В гражданском отношении отделялось от Кавказской области и получало свое внутреннее управление с высшими и низшими учреждениями, а по военной части всем войсковым единицам была определена однообразная организация с равным распределением

населения. Это привело к тому, что Гребенской полк составили станицы Калиновская, населенная моздокскими казаками, Николаевская, состоящая из переселенцев-малороссов и отставных солдат, Шелковская, где большая часть жителей являлась приписанными к казакам грузинами. Гребенские же станицы Старогладковская и Курдюковская были переданы в состав Кизлярского полка. То есть, в данный период правительство не обращало уже никакого внимания на этнические различия казачьих групп, осуществляя перекройку административных границ. Постоянное переподчинение военно-административных единиц являлось своеобразной профилактикой против сепаратизма⁵. Поместное военное устройство составляло основу организации войска: каждый полк составлял свой территориальный округ, а станицы в округе делились на сотни. Полки были распределены на бригады, счет которых шел от Кубани к Тереку. Все полки должны были находиться в постоянной боевой готовности. В станичном управлении утверждалась строгая система единоначалия. Станичный атаман назначался из числа офицеров, в помощь ему избиралось станичное правление и два члена суда сроком на три года. Кроме денежного вознаграждения и права пользования земельными наделами, казаки избавлялись от податей, поставок рекрутов и сборов на содержание полиции, наделялись правом беспошлинного пользования солью, замены свободной продажи вина суммою, выручаемой с питейных сборов, получаемых в Войсковую казну, вознаграждения за Ессентукские минеральные воды, а так же свободной, беспошлинной рыбной ловлей на море и по рекам⁶.

По «Положению» казак со дня своего рождения и до глубокой старости находился под неусыпным надзором местного начальства и воспитывался в духе преданности царю, престолу, Отечеству. На 20-м году юноши зачислялись в казаки, на 21-м приступали к прохождению

действительной службы, срок которой был неограничен и продолжался до глубокой старости⁷. Как отмечает И.Л. Омельченко «после издания «Положения» 1845 г., доступ в казачье сословие практически был закрыт. В войсковое сословие принимались только такие лица, которые могли принести «пользу» станичным обществам. Для них устанавливалась целая система бюрократических перегородок...»⁸. Однако такое утверждение представляется нам слишком категоричным, учитывая, что в это время еще шли военные действия. Да и в пореформенный период продолжалась приписка в казачье сословие, хотя в значительно меньших размерах, чем в период войны. К началу 90-х гг. XIX в. относится документ, в котором говорится, что «ввиду недостаточной численности войскового народонаселения в Терском войске..., Военный Совет признал возможным поступиться войсковыми правами и... предложить хуторянам зачислиться в казачье сословие..., но хуторяне отказались от предложенной им чести, потому что свое лучшее и более обеспеченное положение они не хотели променять на много худшее, которое терпеливо переносят терские казаки»⁹. И подобных примеров было немало¹⁰. Упоминание о тяжелом «положении» казаков свидетельствует о том, что вряд ли их следует считать привилегированным сословием, т.к. помимо военной службы, казаки выполняли почтовую, подводную, дорожную, квартирную и другие повинности. Казаки за свой счет приобретали коня, холодное оружие, обмундирование. Станичные органы управления были поставлены под жесткий бюрократический контроль¹¹.

В 1860 г. Кавказская линия была разделена на 2 части: правая – Кубанская и левая – Терская область. Управление в этих областях передавалось областным начальникам, которые были одновременно и командующими войсками. Для выделения казачьей организации областей казачьи войска в 1861 г. получили наименование Кубанского и

Терского казачьих войск¹². Военно-административное устройство войск и позднее претерпевало изменения. Так, указом 1888 г. административное и полицейское управление Терской области и Терского казачьего войска, а также и военный состав передавался в ведение войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск и командующего войсками Кавказского военного округа¹³. В 1899 г. на территории войска проживало 177102 чел. служилого сословия. Казаки составляли около 19,6 % населения Терской области¹⁴.

К началу XX в. Терская область была разделена на отделы – Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский. Казаки занимали все 4 отдела. По отделам размещение казачьего населения выглядело следующим образом¹⁵:

Отделы	Мужчины	Женщины	Всего
Пятигорский	34573	34913	69186
Моздокский	32130	31678	63758
Сунженский	32148	32272	64420
Кизлярский	28554	28850	57404
Всего	127405	127663	255068

Т.е., наивысшая заселенность наблюдалась в центральной и западной частях, где увеличение происходило за счет переселенцев-крестьян, волжских, донских и малороссийских казаков. Естественный же прирост казачьего населения был низок. Так, в Кавказском линейном войске за 10 лет с 1840 по 1849 гг. за счет естественного прироста население увеличилось только на 1 %¹⁶. Такой малый прирост населения объясняется, в первую очередь громадной смертностью детей до пятилетнего возраста. Среди причин большой смертности в казачьих станицах и неблагоприятные условия местностей (сильное

распространение лихорадок). Однако нельзя не назвать и другую причину, не менее важную – это низкий уровень материальной жизни казаков, когда они целиком и полностью зависели от царского жалованья (которое далеко не всегда регулярно выплачивалось), а источники жизни от хозяйственной деятельности, ввиду постоянной занятости их на службе, не могли обеспечить им жизнь. И только во второй половине XIX в. создаются реальные условия для изменения положения о прохождении службы, которые представляли большие возможности казакам заниматься хлебопашеством, скотоводством и другими промыслами. Так, сокращение служебных сроков по положению о прохождении службы от 3 июля 1882 г., создавало благоприятные условия для хозяйственной деятельности станичного большинства и являлось той материальной основой, которая существенно повлияла на численный рост казачьего населения¹⁷.

При рассмотрении национального состава казаков прослеживается преобладание русских. Численность украинского населения возрастала с востока на запад. П.А. Востриков указывает: «Начиная от г. Кизляра до станицы Прохладной, по течению Терека, население казачьих станиц состоит, по большей части, из великорусов; от Прохладной и дальше по р. Кубани попадаетя попережку малороссийское население»¹⁸. В войске были представители других национальностей: грузины, армяне, осетины, кумыки и др. Ценные сведения о процентном отношении казаков – «иноверцев» в полках Терского войска приводит историк казачества С. Писарев: Кизляро-Гребенской полк – 7,2%, Горско-Моздокский – 4,3%, Волжский – 0%, Владикавказский – 0%, Сунженский – 0%¹⁹.

Таким образом, в XIX в. завершается формирование казачества как военно-служилого сословия с четким законодательным оформлением его прав и обязанностей и полным подчинением государственной власти.

Образование единого Линейного войска и реорганизация в области управления казачьими войсками вели к сокращению демократизма в местном самоуправлении, а после издания «Положения о Кавказском Линейном войске» в 1845 г. произошла окончательная ликвидация выборности должностных лиц в Войске и назначение командирами казачьих полков офицеров регулярной армии. Постепенно происходит процесс превращения казачества в замкнутое служилое сословие, имевшее определенные права и обязанности, территориально-административное и внутреннее устройство.

Примечания:

- ¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростова-на-Дону, 2001. С. 95-96.
- ² Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С.117.
- ³ Там же. С.118.
- ⁴ Гальцев В.С. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т.ХІХ. Орджоникидзе, 1957. С. 105-106.
- ⁵ Великая Н.Н. Указ. соч. С. 87.
- ⁶ ЦГА РСО-А. Ф.2. Оп.1. Д.134. Л.95.
- ⁷ Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 122
- ⁸ Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 275-276.
- ⁹ Отдел рукописных фондов СОИГИ, отдел истории, Ф.1. Оп.1. Д.55. Л.56-57.
- ¹⁰ ЦГА РСО-А. Ф.2. Оп.1. Д.9; Ф.3. Оп.1. Д.20; Ф.13. Оп.1. Д.9,38,78.
- ¹¹ Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска. Тифлис, 1877. С. 39-41.
- ¹² ЦГА РСО-А. Ф.13. Оп.1. Д.33. Л. 12.
- ¹³ Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁴ Терский календарь на 1901 г. Владикавказ, 1900. С. 1,6.
- ¹⁵ Сборник сведений о Терской области. Вып.1. Владикавказ, 1878. С. 35.
- ¹⁶ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX вв. СПб, 1996. С.68.
- ¹⁷ Омельченко И.Л. Указ. соч.С. 127-128.
- ¹⁸ Востриков П.А. Станица Наурская. // СМОМПК. Вып.33. Тифлис, 1904. С.108.
- ¹⁹ Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877. Владикавказ, 1881.С. 43.

Великая Н.Н.

г. Армавир

**Религиозный фактор в движении горцев
Северо-Восточного Кавказа: прошлое и настоящее**

Лозунг с требованием очистить ислам от языческих и прочих наслоений не нов и уже имел место в истории народов Северо-Восточного Кавказа. Наиболее радикальная попытка в этом направлении была сделана идеологами мюридизма в первой половине XIX века. Тогда обычаи и верования местного населения отличались пестротой, сочетали разновременные и разноконфессиональные пласты.

Что касается Чечни, то в это время она являлась исламизированной, однако многие ее общества с началом мюридского движения, выступавшего за утверждение шариата и «чистого» ислама, были зачислены в разряд «религиозных врагов» (1, с.78), с которыми то нарастая, то затухая велась упорная борьба. Вот что сообщал летописец Шамяля о выступлении жителей горного Буртуная (Чеберлоя?). Это общество «возымело желание отложиться от имама и жить в разврате, произволе и своеволии. Насмехаясь над имамом, оно прислало ему сказать, чтобы он снова явился к нему, так как данный им шариат улетел от них куда-то в небытие». Население было предупреждено дважды, но снова ответ был таким: «Приди и возьми от нас свой шариат. Мы его положили в кожаный мешочек и крепко зашнуровали». Иمامу... пришлось идти на богоотступников со всеми своими силами и артиллерией... Вероотступники бежали и заперлись в своих башнях. Но это их не спасло. Их башни и сакли были разрушены и имущество захвачено. Это случилось весной 1259 года» (1843 г.) (2, с.143).

По словам дагестанского историка Х.-М.Хашаева, Шамилю приходилось вести войну на два фронта – против царских войск и против жителей многих селений, которые отказывались подчиняться ему (см.:3, с.87). В основе этого неподчинения лежал целый комплекс причин политического, социально-экономического, этнического, идеологического порядка (4, с.24-26). Все выступления против имама сурово наказывались. Одни аулы разрушались, другие – уничтожались вместе с жителями (3, с.94, 171, 228, 234, 235).

Эта картина наблюдалась не только в Дагестане, но и в горной Чечне. Сам Шамиль заявлял: «Правду сказать, я употреблял против горцев жестокие меры; много людей убито по моему приказанию... Бил я и шатоевцев, ...и ичрекинцев» (5, с.386). Местные предания также сообщают о нападениях войск имама на селения Терлоевского, Хильдыхароевского, Малхистинского, Шароевского и других обществ Чечни.

Неприсоединение к Шамилю, неповиновение ему, неприятие мюридской идеологии с ее проповедями шариата и борьбы с неверными были постоянно действующими факторами. Причем идейное противоборство во всех выступлениях играло весьма существенную роль: в одних случаях главную, в других – подчиненную. Жители целых обществ и селений не хотели расставаться с вековыми традициями и обычаями, которые соответствовали их быту и правосознанию. И если это справедливо для Дагестана, на территории которого ислам стал распространяться еще со времен арабских нашествий и к XIX веку занял господствующее положение, где сильны были позиции духовенства, то в еще большей степени это характерно для горной Чечни.

Здесь ислам утвердился позже. Причем его постепенное (занявшее не менее 300 лет) внедрение не вызвало коренной ломки прежних обычаев и традиций. Шел медленный процесс переработки, включения

ряда элементов духовной культуры в новую конфессиональную систему. Она не отрицала существование обычного права, традиционных народных праздников, связанных с основными хозяйственными циклами и датами календаря, фольклором, искусством (музыка, песни, танцы, зачатки театрального и циркового искусств, декоративное творчество, отображающее и живых существ, о чем свидетельствуют сохранившиеся вышивки, петроглифы, объемные каменные и деревянные скульптуры и др.). По этому поводу некоторые исследователи говорили о неполном господстве ислама. На наш взгляд, это была система народного (этнизированного) ислама, которая помимо основных догм, включала многие обычаи и традиции прошлого.

Уже при Гази-Магомедде началось введение шариата в быт дагестанских народов. Еще более активно этим занялся Шамиль. По словам А.Зиссермана, «Шамиль стремился к решительному нивелированию всего подвластного ему народонаселения, он не допускал никаких местных особенностей, преследовал строго всякие предания и легенды, уничтожил суды по обычаям и все подчинил шариату» (6, с.126). Причем в ряде случаев религиозные нормы еще более ужесточались самим Шамилем.

Многие элементы духовной культуры вайнахов (песенное, музыкальное, танцевальное творчество, народные обычаи и традиции, праздники, нормы поведения и др.) вошли в противоречие с насаждаемыми догмами «чистого» ислама (ср.: 7).

При этом общества Чечни никогда не выступали против ислама как такового. Их жители уже давно считали себя мусульманами: молились аллаху, не ели свинину, совершали захоронения по мусульманскому образцу, отмечали исламские праздники и пр. Они выступали против детальной регламентации их жизни и быта, ставящей под запрет то, что веками создавалось народом в области духовной жизни. То есть это

была борьба за сохранение этнического и культурного своеобразия чеченского народа, которое пытались ликвидировать идеологи мюридизма, установив для всех горцев-мусульман единые нормы жизни.

Противоборство мюридского ислама с его народным вариантом выливалось в разные формы, в том числе происходили и переселения «неверных» мусульман на земли, не контролируемые мюридами (в мирные плоскостные аулы, Грузию). Так, по официальным данным, в 1847 году часть майстинцев под предводительством Джоколо, измученных «репрессиями Шамиля, с одной стороны, и тяжелейшими экономическими условиями, с другой» переселилась на территорию Панкисского ущелья (8, с.83). Здесь же обосновались саханойцы и хильдыхароевцы. Вместе с ранее прибывшими вайнахами они составили этнографическую группу кистин на территории Грузии (9, с.206).

В заключение подчеркнем, что многолетняя, изнурительная борьба Шамиля за чистоту ислама, направленная против местных обычаев и других этнических особенностей, не увенчалась успехом. В целом, религиозный феномен «Кавказской войны» заслуживает углубленного изучения, поскольку многие события можно объяснить не «материальными», а «идейными» факторами (10, с.161).

В последнее десятилетие XX века мы стали свидетелями нового этапа борьбы за чистоту ислама, который развернулся на Северном Кавказе. Активными проповедниками фундаментализма (ваххабизма) стали пришлые религиозно-политические деятели (представители арабских, среднеазиатских религиозных центров). Наиболее восприимчивыми к новой пропаганде оказались представители молодежи, что обострило конфликт поколений, привело к расколу в семьях, и в целом, в чеченском обществе.

Механическое перенесение на чеченскую почву т.н. ваххабизма не встретило и не могло встретить массовой поддержки населения,

несмотря на то, что проповедники фундаментализма имеют прекрасно изданную литературу, видеокассеты, деньги для оказания любой помощи неопитам и т.п. (подробнее см.: 11; 12). Опыт истории показывает, что каждый народ (и даже близкие соседи) по-своему этнизировал исламские (разных течений и толков) верования и культы. Суннитский ислам у чеченцев неравнозначен суннитскому исламу у арабов, ногайцев, других народов, поскольку вобрал в себя обычаи и традиции прошлой истории, особенности духовной культуры. Призывы к установлению «чистого» ислама и в прошлом, и в настоящем преследовали вполне конкретные политические цели: создание единого исламского государства на Северном Кавказе (где на первом месте в самосознании граждан должно стоять понятие «мусульманин», а не чеченец, кумык, кабардинец и др.), выход из российского социально-политического и конфессионально-культурного пространства и др.

Фундаменталистские идеи, общины, распространившиеся на Северном Кавказе по политическим, новомодным и иным соображениям, очевидно, ожидает та же судьба, что и в прошлом. Они или исчезнут, или постепенно займут свое место среди многочисленных организаций мусульман России. Для их победы должны быть полностью изменены жизнь, быт, духовная культура народов, что никому, кроме времени, сделать не под силу.

Примечания:

- ¹ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.6. – Тифлис, 1872.
- ² Магомед Тагир из Караха. Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.45. – Махачкала, 1926.
- ³ Материалы научной сессии Дагестанского филиала АН СССР, посвященной рассмотрению вопроса о движении горцев под руководством Шамиля. – Махачкала, 1957.

- ⁴ Дударев С.Л. О причинах оппозиции части горцев имамату Шамиля // Чечено-Ингушетия в составе России в конце XVIII – середине XIX века. Республиканская научно-пропагандистская конференция. Тезисы докладов. – Грозный, 1989.
- ⁵ Руновский А. Кодекс Шамиля. – Военный сборник. Т. XXIII. – СПб., 1862.
- ⁶ Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). Т. III. – СПб., 1881.
- ⁷ Мадаева З.А. Календарные празднества и обряды весеннего периода у чеченцев и ингушей (конец XIX – начало XX в.) // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. – Грозный, 1981; Мадаева З.А. Летне-осенние календарные обычаи и обряды вайнахов и их связь с хозяйственным бытом чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983; Мадаева З.А. Новогодняя обрядность в семейном быту вайнахов // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. – Грозный, 1982; Хасбулатова З.И. Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. – Грозный, 1982; Хасиев С.-М.А. Институт ухаживания чеченцев (по материалам второй половины XIX – начала XX в.) // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. – Грозный, 1982.
- ⁸ Шавхелишвили А.И. Из истории грузино-чечено-ингушских взаимоотношений (XVI – первая половина XIX в.) // Грузино-северокавказские взаимоотношения. – Тбилиси, 1981.
- ⁹ Волкова Н.Г. Вайнахи в Закавказье // Археолого-этнографический сборник. Т. 4. – Грозный, 1976.
- ¹⁰ Дегоев В.В. Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопросы истории. 1999. № 6.
- ¹¹ Добаев И.П. Традиционный ислам и салафийя в этнополитических процессах Чечни // Современное положение Чечни: социально-политический аспект / Южно-Российское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып.4. – Ростов н/Д, 2001.
- ¹² Ярлыкапов А.А. Ваххабизм на Кавказе // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М., 2001.

Виноградов Б.В.

г. Армавир

**Особенности российско-кабардинских взаимоотношений
во второй половине – конце XVIII в.**

Не подлежит сомнению, что до второй половины XVIII в. российско-кабардинские отношения развивались взаимовыгодно, хотя бы уже потому, что Кабарда была заинтересована в российской защите от Турции и Крыма, а Россия, в свою очередь, в укреплении собственных позиций на Северном Кавказе, что было проблематичным без союза с кабардинскими феодалами – наиболее мощной и консолидированной силой Центрального Кавказа [1].

Противоречия кабардинской феодальной знати и российских властей приобретают регулярный характер, когда вскоре после строительства Моздокской крепости (1763 г.) кабардинские князья стали добиваться ее срытия [2].

Ряд исследований разных лет позволяют нам усомниться в том, что крепость Моздок возникла на «исконных кабардинских землях» [3]. Однако, очевидно то, что обозначившееся начало российского административно-военного присутствия на Центральном Кавказе не устраивало кабардинских феодалов. И дело здесь видимо не в пресловутых «грубых военно-феодальных методах» России, вызвавших «недовольство во всех слоях коренного населения» [4].

Еще Владимир Кудашев отмечал воинственность кабардинского народа [5]. Не подлежит сомнению, что кабардинцы являлись самым развитым в социально-экономическом отношении народом Северного Кавказа. Отсюда – доминирование кабардинских феодалов над балкарцами, карачаевцами, осетинами, ингушами, чеченцами на

протяжении долгого времени. Оно выражалось в выплате зависимыми народами дани, в контроле кабардинцев над расселением, внешнеполитической ориентацией, наконец, в систематических набегах кабардинских феодалов [6].

Теперь же (с 60-х – 70-х гг. XVIII в.) кабардинские князья весьма болезненно начинают воспринимать попытки российского покровительства над народами, ранее им фактически подвластными, усматривая в этом посягательство на привычное «приволье». В данном случае можно сказать, что усилению России сопротивлялись те, кто привык сам осуществлять в крае военно-феодальную и набеговую экспансию, проводить по «праву сильного» собственную колонизацию Центрального Кавказа.

Долгое время наступательная «воинственность» кабардинских феодалов сдерживалась необходимостью, в свою очередь, обороняться от набегов крымцев, ногайцев, калмыков [7]. Кстати, именно в российской помощи против вторжений крымцев и турок заключалась основная заинтересованность кабардинских феодалов в покровительстве России. К середине 70-х годов XVIII в. ситуация заметно изменяется. Ранее существовавшая внешняя угроза явно уменьшается, а затем и сходит на нет; в тоже время по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. с Османской империей признается российский суверенитет над Кабардой [8].

Таким образом, намечается усиление зависимости Кабарды от России в той обстановке, когда кабардинские феодалы все в меньшей степени нуждаются в российской военной помощи (другое дело, что ликвидация крымской, ногайской и калмыцкой угроз Кабарде есть следствие именно политики России).

«Нейтральность» Крымского ханства после 1774 г. в условиях происходившей там борьбы пророссийской и протурецкой «партий», по

всей видимости, оставляла известную возможность восстановления «крымско-турецкой» угрозы Кабарде. Не от того ли кабардинские феодалы, как то утверждал В. Кудашев, «сначала очень дружелюбно» встретили постройку российских крепостей в 1777 г. на реках Малке, Куме, Золке и Подкумке? [9]. И от чего же довольно скоро, уже в 1779 г., начинаются антироссийские выступления кабардинской знати?

На наш взгляд, здесь прослеживаются два фактора. Внешнеполитический был связан с постепенным прояснением ситуации вокруг перспектив возобновления крымской угрозы Кабарде, которая становилась все более призрачной. А с другой, «внутренней» стороны, строительство укреплений вновь упрежденной Азово-Моздокской Линии в значительной мере ограничивало перспективы дальнейшего доминирования Кабарды среди народов региона, имело тенденцию к сдерживанию набеговой активности кабардинских феодалов. Последнее, разумеется, кабардинским князьям не нравилось.

Так или иначе, уже в 1779 г. кабардинские князья требуют у России ликвидации новых укреплений и начинают широкомасштабные набеги на них [10], что приводит к ответным «репрессивным» действиям русских военных властей. Некоторые авторы обвиняют в данной связи Россию в «захвате третьей части Кабарды» [11].

В действительности разгром «фронды» в Кабарде в 1779 г., взятие с кабардинцев «баранты» и приведение к присяге можно считать мерой со стороны России ответной. Неприятие таковых мер привело бы к расширению антироссийских выступлений. Так, еще в 1778 г. закубанские владельцы обещали кабардинским князьям помощь против России [12]. Помощь обещалась и от турецкого султана [13].

На рубеже 70 – 80-х гг. был не исключен и другой неблагоприятный для России вариант развития событий в Кабарде: уход

части кабардинских феодалов вместе с подвластными крестьянами в Грузию [14].

Эпизод с попыткой ухода части владельцев Малой Кабарды в Грузию свидетельствует о сохранении в сознании кабардинских феодалов представлений о вассальном характере своих отношений с Российской империей. Таким образом свое российское «подданство» по условиям османо – российского договора 1774 г. кабардинские феодалы восприняли более чем условно, без каких либо ограничений привычного уклада жизни.

Однако, природа взаимоотношений России с северокавказскими народами (в том числе и с кабардинцами) несколько отличалась от института вассалитета, являвшегося структурообразующим в Кабарде. И хотя народы региона и находились долгое время более в вассальном, чем подданническом положении к России, российские власти не могли воспринять чисто вассальную систему связей, хотя бы уже потому, что собственные государственные порядки давно уже основывались на иных принципах. И хотя Россия не стремилась на протяжении XVI – XVIII вв. сделать народы Северного Кавказа своими подданными в дословном смысле данного понятия, она не желала допускать и выхода горцев из-под своего контроля в условиях острого соперничества в регионе с Турцией и Ираном.

Следует также заметить, что и кабардинские стандарты сеньориально-вассальных отношений с народами Центрального Кавказа не подходят под «классическую» схему европейского вассалитета, так как кабардинские князья взимали феодальную ренту с подвластных народов [16], и могли распоряжаться их имуществом [17].

В событиях российско-кабардинских взаимоотношений конца XVIII века на наш взгляд просматривается тенденция столкновения двух систем – государственной со стороны России и хоть и феодальной, но

догосударственной со стороны кабардинцев. То, что для российских властей представлялось законным, для кабардинцев могло таковым не выглядеть, и наоборот. Констатация данного противоречия вполне применима и к специфике взаимоотношений России с другими народами региона.

Неполная совместимость общественного устройства и управления России и Кабарды не мешала кабардинским владельцам просить помощи российских властей по целому ряду вопросов. Так, в январе 1783 г. Мисост Баматов просит П.С. Потемкина защитить кабардинцев от закубанского султана и быть судьей в междоусобицах кабардинских князей [18], тогда же кабардинские феодалы испрашивают разрешения Командующего Кавказским корпусом, чтобы пристав А.Е. Ураков разбирал их споры [19]. Вместе с тем, здесь же кабардинские владельцы просят вернуть им бежавших за Терек крепостных людей [20].

Как известно, бегство кабардинского «черного народа» за «линию» и поселение их в российских укреплениях вызывали долговременные противоречия российской администрации и кабардинских феодалов. Однако Россия была объективно заинтересована в ослаблении кабардинских князей, стремящихся сохранить свое доминирование на Центральном Кавказе и не допустить расширения здесь российского влияния.

В целом настроения верхушки кабардинского общества начала 80-х годов XVIII в. наверное нельзя назвать действительно лояльными по отношению к российским властям. Еще Н.Ф. Грабовский отмечал, что кабардинцы питали «надежду на лучшее будущее, которое, по их мнению, могло устроиться при содействии Турции и Крыма» [21].

Присоединение к России в 1783 г. Крыма и правобережной Кубани и признание этого Турцией в значительной степени

опрокидывали данные расчеты немалой части кабардинской знати. С другой стороны, политическая ориентация кабардинских князей была довольно двойственной: они не желали подчиняться России, но не хотели и попасть под власть Турции (ведь с турецко-крымской агрессией были связаны многие «черные страницы» истории Кабарды). На наш взгляд, стратегический план кабардинских князей состоял в том, чтобы используя поддержку России обороняться от турецкой опасности и, одновременно использовать турецкий фактор для отстаивания своей независимости от российских властей. Развитие такого сценария могло позволить им сохранить собственное доминирование над народами Центрального Кавказа.

Однако тот же 1783 г. внес существенные изменения в данный «политический расклад». Турецкая угроза в немалой степени сократилась. Но и потребность кабардинцев в столь ранее необходимой российской помощи значительно уменьшилась. И теперь кабардинские феодалы столкнулись с заметно усилившейся Российской империей, имевшей на Северном Кавказе свои собственные интересы и планы.

Тезис о захвате Россией части кабардинских земель довольно распространен в историографии в качестве дестабилизирующего фактора развития двусторонних отношений. Однако следует признать, что не все территории, которые кабардинцы считали «своими», были местом их постоянного обитания [22]. В то же время деятельность России позволила кабардинцам вновь расселиться в тех местностях, где они долго уже не жили в силу опасного крымского соседства [23]. Что же касается Малой Кабарды, то вторая половина XVIII в. ознаменовалась смещением ее территории на запад и север в связи с уходом кабардинцев с р. Сунжи. Связано это было не с российским фактором, а с особенностями кабардино-вайнахских отношений [24], а также с нападениями калмыков и ногайцев.

Проводимая после 1783 г. казачье-крестьянская колонизация Степного Предкавказья на наш взгляд в незначительной степени затронула территорию «этнической» Кабарды. Что же касается возведенных в 1783 – 1784 гг. укреплений в направлении Дарьяла, то вызвано это было не колонизационными намерениями, а стратегическими резонами – обустройством и защитой Военно-Грузинской дороги – единственной коммуникации, связывающей Россию и Грузию, находившуюся по условиям Георгиевского трактата 1785 г. под российским протекторатом.

Если предположить наличие у России собственных интересов на Кавказе, то надо признать, что они объективно сталкивались в конце XVIII в. с традиционными устремлениями кабардинской знати, которая, в частности была не в восторге от процесса сближения с российскими властями своих вассалов, прежде всего осетин и ингушей [25].

Если бы Россия одобрила «феодалные права» и прочие притязания кабардинских феодалов к соседним народам, это неизбежно бы привело к резкому падению российских позиций в регионе, к созданию эффекта некой кабардино-российской «двуполярности» влияния на Центральном Кавказе. При условии, что Турция и Иран не отказывались от своих претензий на северокавказские народы, ситуация сложилась бы для России неуправляемая, хаотичная [26].

Своеобразной попыткой интеграции кабардинских феодалов в систему российской службы явился екатерининский манифест от 26 августа 1786 г. об «учреждении войска из горских народов» [27]. Однако, перспектива охранять Кавказскую линию не сильно вдохновила кабардинских князей [28]. Объективно не устраивала их и предложенная ранее в 1784 г. «запись» в российское дворянство «лиц магометанского вероисповедания», так как этот шаг существенно бы корректировал сложившиеся иерархические связи и соотношения внутри кабардинской

знати перед лицом главного и единственного «сюзерена» – России и нарушало бы систему отношений с феодалами зависимых народов.

Таким образом, кабардинские феодалы пытались отстоять в конце XVIII в. не столько «независимость» Кабарды от России, сколько собственное традиционное доминирование над народами Центрального Кавказа.

Катализатором антироссийских выступлений стало учреждение в Кабарде в 1793 г. «родовых судов» и «расправ» [29]. Их создание, не означавшее в принципе масштабного внедрения здесь российской судебно-административной власти, вскоре вызвало негативную реакцию кабардинских феодалов и духовенства так называемое «шариатское движение» [30].

Здесь можно предположить, что российские нововведения натолкнулись на собственно кабардинский вариант общественно-политической трансформации, вызревавший по мере исламизации кабардинцев. Нелишне будет вспомнить, что ислам в Кабарде устанавливался и укреплялся при явном участии Турции.

К концу XVIII в. в российско-кабардинских взаимоотношениях накопились проблемы порой довольно острые. Объем данной публикации не позволяет нам осветить их в полной мере. Однако, на наш взгляд ясно, что исследовать их необходимо без столь нередко привычных односторонностей, без сведения многообразия проистекавших в регионе процессов и некой «колониальной экспансии России».

Примечания:

¹ Кожев З.А. Кабарда в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе (XVIII в.), Дис... канд. ист. наук. – М., 1998. – С. 76.

² Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913. – С. 62.

- ³ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М., 1974. – С. 192 – 193; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1988. – С. 437.
- ⁴ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1967. – Т. 1. – С. 173.
- ⁵ Кудашев В. Указ. соч. – С. 69.
- ⁶ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией – Нальчик, 1999. – С. 3; Кожев З.А. Указ соч. – С. 78,79,85.
- ⁷ Волкова Н.Г. Указ. соч. – С. 47.
- ⁸ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – С. 44.
- ⁹ Кудашев В. Указ. соч. – С. 69.
- ¹⁰ Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722 – 1825). – Нальчик, 1998. – С. 96-99.
- ¹¹ Думанов Х.М. К вопросу о периодизации Кавказской войны // Черкесия в XIX в. – Майкоп, 1991. – С. 40.
- ¹² АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела, 1762 – 1778. Оп. 115/2. Д. 8. Л. 409.
- ¹³ Там же. – Л. 441.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 52. Кн. Потемкина – Таврического. Оп. 1/194. Д. 217. Л. 14-15; РГВИА. Ф. 23. Кавказские дела. Д. 13. Ч. 1. Л. 7.
- ¹⁵ Кожев З.А. Указ. соч.
- ¹⁶ Там же. – С. 82, 85.
- ¹⁷ Ладыженский А.М. Адамы горцев Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 172.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 23. Д. 13. Ч. III. Л. 15.
- ¹⁹ Там же. Л. 45
- ²⁰ Там же. Л. 45 об.
- ²¹ Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. – Вып. 9. – С. 164.
- ²² Волкова Н.Г. Указ. соч. – С. 85.
- ²³ Там же. – С. 50.
- ²⁴ Шаова С.Д. История кабардинцев бассейна р. Сунжа в XVI – середине XVIII в. и их взаимоотношения с вайнахами / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2003. – С. 19.
- ²⁵ Виноградов Б.В. Дискуссионные проблемы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783 – 1816 годах // Научная мысль Кавказа. – 2004. – № 1. – С. 51.
- ²⁶ Там же. – С. 51 – 52.
- ²⁷ Русско-дагестанские взаимоотношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. – М., 1988. – С. 198 – 199.
- ²⁸ Грабовский Н.Ф. Указ. соч. – С. 167.
- ²⁹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) – М., 1988. – С. 14.
- ³⁰ История Кабардино-Балкарской АССР... С. 221.

Гарунова Н.Н.
г. Кизляр

**Материалы государственного архива Республики Дагестан о
нападении имама Гази-Магомеда на г. Кизляр (1831г.)**

В первой половине 19 века Кизляр продолжал развиваться и значительно расширил свои торговые связи, увеличил производство, но при всем том, утратил значение военно-административного центра и южного форпоста государства. Главные военные действия происходили уже в Закавказье и в горах Дагестана и Чечни, на подступах к которым вдоль Сунжи и Сулака при Ермолове возводились передовые укрепления и крепости: Грозная, Бурная, Внезапная и другие. Они – то и сыграли роль российских форпостов в тяжелой Кавказской войне.

В административном отношении с начала века произошли изменения. С 1802 года центром Кавказской губернии стал Георгиевск, с 1822 года это – Кавказская область и, наконец, в 1847 году – Ставропольская губерния. Кизляр оставался во всех случаях центром уезда, а одно время Кизлярского округа. Роль административных центров крупного масштаба перешла к городам, занимающим более выгодное положение на Кавказе – Ставрополю, Владикавказу, Екатеринограду. Через них проведены были главные магистрали, связывающие Россию с Кавказом и Закавказьем.

Увы, положение окраины Кавказа в 19 веке и послужило причиной постепенного упадка города и крепости. Красноречивое свидетельство упадка обороноспособности и политического значения Кизляра, бывшего на протяжении многих лет форпостом российской государственности на Кавказе, содержится в архивном документе – сообщении кизлярцев о нападении на город 1 ноября 1831 года конного

отряда горцев первого имама Дагестана Гази-Магомеда: “Господину следователю Подполковнику Ковалеву и Колежскому Ассесору Сапожникову избранных из среды Кизлярского Благородного Дворянства Депутатов.

Ответ:

... не только из нас никто не имел никаких предварительных слухов, но даже не видно было никаких признаков угрожающей опасности...

... между тем как в одной части города беспечно покоились, обедали или занимались хозяйством, в другой носились ужасы грабежей и убийств...

... Хотя же при обратной переправе их через реку сделаны несколько выстрелов пушечных из крепости, которая до того была в совершенном бездействии, но и они были направлены не искусною рукой артиллериста, а некоторым армянином, ныне покойным Калустом Годерзиевым...

... Одним словом злодеи скрылись спокойно, обременные богатою добычей и пленными и никакие меры не были предпринимаемы к преследованию их...”¹

Трудно поверить, что речь идет о некогда грозной и непреступной крепости Кизляр!

Было убито свыше 200 человек, среди них много населения, много женщин взято в рабство, были разграблены церкви и дома жителей.

Для иллюстрации этих факторов приведем следующие документы, хранящиеся в фондах ГАРД.

“Опись награбленных вещей, разрушенных строений во время нападения горцев на Кизляр. Ведомости убитых, раненых, увезенных в плен жителей во время нападения горцев”²:

Пострадавшие Кизлярско-Терского войска:

	Возраст	Число					
		Убитых		Раненых		Увезенных в плен	
Казаки		м	ж	м	ж	м	ж
Данилов	19					1	
Магомет	19					1	
Гаврилов	66	1					
Ольмесов	23					1	
Алиев	36	1					
Аблезов	27					1	
Мусаев	21						
Хорунжица Мищерякова	34						1
Ее дети:							
Петр	11					1	
Александр	9					1	
Федор	5					1	
Марья	2						1 и т.д.
итого		12	-	6	-	18	7

“Ведомость об убитых, раненных, увезенных в плен... на какую сумму и сколько ограблено горскими хищниками при внезапном нападении в г. Кизляр 1го сего ноября 1831 года. (Жителей города)”:³

Убито		Ранено		Увезено в плен		Число ограб. Дом.	На какую сумму	
м	ж	м	ж	м	ж	ж	Руб.	Коп.
5	4	8	0	5	5	131	209,818	9

“Список убитых, раненных и увезенных в плен разных чинов военного ведомства при нападении на Кизляр 1го ноября 1831 года.”:

Убито		Ранено		Увезено в плен	
м	ж	м	ж	м	ж
112	14	27	11	62	106

Всего было разграблено три церкви⁴, а имущество Троицкой церкви Кизляра, разоренной горцами 1 ноября 1831 нанесен ущерб на

41484 руб. 50 коп.⁵ О последствиях этого нападения люди помнили и 20 лет спустя, а правительствующий Сенат издал указ от 28/ 9-1832г. об облегчении жизни жителей города Кизляр, потерпевших убытки от набегов горцев.⁶

Кровопролитная, истощившая силы государства и народов, Кавказская война разрушала связи, разъединяла народы, делая их врагами. “Весь край людей”, – такие факты приводит в своей книге Г.А. Ткачев.

Для горцев Дагестана эта война принесла страшные страдания и потери, но в то же время и всенародную славу и восхищение всего мира. 40-е годы были самым напряженным моментом в Кавказской войне. Казалось бы, после 10-летьей этой войны дагестанцы и русские должны были ненавидеть друг друга. Но именно в этот самый ожесточенный момент противостояния русские и представители всех кавказских народов продолжают сосуществовать и взаимодействовать в Кизляре. Как указывается в Кавказском календаре за 1853 год, с 1848 по 1852 года Кизляр посетили 74122 горца, которыми было вывезено товаров на 489022 рубля. Рядом с войной была ключом мирная жизнь, взаимовыгодное сосуществование. друг друга.

Так, и во время Кавказкой войны Кизляр играл объединяющую роль, помогая враждующим народам преодолевать ненависть и неприязнь, религиозные и прочие антагонизмы и понимать, что миру и взаимовыгодному сотрудничеству альтернативы нет. Это тем более замечательно и делает честь кизлярцам того времени, если учесть, что город десятки раз подвергся набегам и нападениям «немирных горцев» и последствия Кавказской войны также не обошли кизлярцев стороной.

Кизлярскую крепость продолжали укреплять. В 1856 – нач. 1857 г. был проведен ремонт и укреплены возведенные новые здания. И в том же 1857 году последовал указ: «...Имея ввиду высочайшее повеление,

объявленное в приказе по отдельному Кавказскому корпусу от 10 сего июня за №314, на основании которого крепость Кизляр, находящаяся в одной инженерной команде должна быть упразднена, а состоящий в Кизляре военный госпиталь будет перевезен в Петровскую крепость...»⁷

Примечания:

- ¹ ГАРД Ф.379. Оп. 4. Д.486. С.10-13.
- ² ГАРД. Ф.379. Оп.4. Д.370. Л.2-3.
- ³ ГАРД.Ф.379. Оп.4. Д.370. Л.4-13.
- ⁴ ГАРД. Ф.379. Оп. 4. Д.370 Л. 14-15.
- ⁵ ГАРД. Ф.379. Оп. 4. Д.370. Л.16.
- ⁶ ГАРД. Ф.379. Оп. 4. Д.370. Л. 46.
- ⁷ ГАРД. Ф.379. Оп. 7. Д. 325. Л.61.

**Горожанина М.Ю.
г. Краснодар**

Взгляды К.В. Россинского на проблему взаимоотношений казаков и черкесов

Одним из выдающихся деятелей Черномории начала XIX века был Кирилл Васильевич Россинский. С именем этого человека связано много дел в казачьем крае: открытие первых учебных заведений, создание хора и библиотеки, строительство храмов, благотворительные акции. Определенную роль сыграл он и в укреплении отношений между казаками и черкесами. По сути К.В.Россинский стоял у истоков зарождение культурных связей между соседними народами. В связи с чем его взгляды на эту проблему представляются весьма актуальными, тем более, что в течение времени под воздействием различных факторов, они видоизменялись.

К.В. Россинский родился 17 марта 1775 г. в семье известного и уважаемого в Новомиргороде священника Михайловской церкви В. Россинского.

Василий Россинский, несмотря на свою занятость, уделял немало внимания воспитанию своих детей. Кроме Кирилла, у него было еще 2 младших сына: Иоанн, Спиридон и дочь Феодосия. Всем своим детям В. Россинский дал прекрасное образование, даже Феодосия, несмотря на то, что в то время грамотные женщины были редкостью, умела читать и писать.

Характерной чертой всех Россинских было милосердие, готовность в любую минуту прийти на помощь, огромная работоспособность и преданность своему делу. В. Россинский, мечтая видеть сыновей, продолжателями своего дела, с детских лет стремился

привить им любовь к Богу и ближнему. Именно он заложил основу религиозного мировоззрения К.В. Россинского. Постоянно руководствуясь в повседневной жизни Святым Писанием, он приучил к этому и юного Кирилла. Благодаря отцу, Библия стала настольной книгой для К.В. Россинского, а ее заповеди – наставлением в жизни. Потребность в новых знаниях и интерес к различным наукам, которые в течение всей своей жизни испытывал К.В. Россинский, также были следствием влияния его отца.

В 1795 году К.В. Россинский, избрав для себя стезю, пройденную своим отцом, поступил в Новороссийскую (Екатеринославскую) духовную семинарию. А спустя три года, блестяще ее закончил и сразу же получил предложение остаться в ней преподавать. К этому времени, К.В.Россинский за отличную службу, из дьякона был возведен в сан священника. Работа в семинарии открывала перед К.В.Россинским большие перспективы. Но, узнав о том, что в его родном городе не хватает священников, он отклонил выгодное предложение и добился своего перевода в Рождество-Богородичную церковь, где всего себя отдавал любимому делу.

В 1800 г. за отличную службу он был возведен в сан протоиерея и переведен в Таганрог, где выполнял еще и функции первоприсутствующего духовного правления. Вдалеке от дома, К.В.Россинский оставался верен себе. Чужая беда или боль никогда не оставляли его равнодушным, в его сердце всегда находилось место для доброго слова, внимания и сочувствия. Неудивительно, что вскоре местные жители прониклись чувством глубокого уважения и симпатии к своему духовному наставнику.

Слух о хорошем протоиерее быстро пересек границы Таганрога и дошел до казачьих станиц Кубани. В 1803 году черноморские казаки обратились с просьбой к архиепископу Екатеринославскому Афанасию –

назначить К.В. Россинского протоиереем их войска. И спустя 3 месяца получили разрешение. Молодой протоиерей, оставив спокойную, размеренную жизнь прибыл в незнакомую местность.

В Черномории все было по-другому: сложные жизненные условия, тяжелый климат, военная обстановка. Но не это тревожило и огорчало протоиерея. Собственные трудности он переживал легко, никогда не боялся за свою жизнь, а вот привыкнуть к чужому несчастью и беде К.В.Россинский не мог.

В то время мирной жизни в Черномории не существовало. Приезд К.В.Россинского в Черноморию совпал с резким ухудшением отношений между казаками и черкесами. Почти каждый день происходили военные столкновения между соседями. На имя войскового атамана часто приходили сообщения такого рода: “Закубанские хищники напали на хутор близ Титаровской, взяли в плен казака Семена Титаренко с женой и четырьмя детьми, а казака Тимофея Месгоренко, попытавшегося скрыться в камышах, убили”.¹

Вид разрушенного жилища, печальный взгляд казака, потерявшего семью, переполненные тоской и отчаянием глаза сироты, болью отзывались в сердце К.В.Россинского.

Интересуясь историей вопроса, протоиерей был в курсе того, что с первых дней своего переселения на Кубань черноморцы пытались установить добрососедские отношения с соседями. С одной стороны они стремились привлечь на свою сторону местную знать, раздавая различные льготы и выплачивая щедрое жалованье, с другой – простой горский люд, развивая торговлю и тем самым, улучшая его материальное положение. В то же время российское правительство всячески старалось не нарушать обычаи и привычный уклад горцев. Принятие российского подданства, так же как и выбор православной веры были делом сугубо добровольным. Зная все это, К.В.Россинский

никак не мог понять воинствующих черкесов. Поэтому долгое время считал их жестокими варварами, не способными на доброту и милосердие. Часто в своих речах он осуждал воинственность горцев, называл их необузданными дикарями. Восхищаясь мужеством казаков, К.В.Россинский противопоставлял их черкесам. Он полагал, что именно черноморцы должны прекратить жестокость и варварство, царившее в этих местах. Не удивительно, что набожные казаки, были для него символом добра, бесстрашными защитниками православия несущими мир и благоденствие, и напротив воинствующие черкесы ассоциировались с безбожниками и страшными грешниками, всюду сеющими зло и насилие. Неоднократно говорил об этом сам протоиерей, обращаясь к черноморцам: «Вот уже двадцать лет как вы боритесь с тяжелым здешним климатом и не щадя своей жизни во имя будущего противостоите наглости необузданных соседей. Одной рукой отражаете набеги лукавых хищников, которые всячески поощряют варварство и бесчеловечие, другой рукой во имя любви и будущего возводите новые города и веси. Одной рукой смиряете дерзость своевольных врагов и тем самым охраняете покой вверенных вам территорий и ограждаете тишину Отечества, другой, где была мерзость и запустение, где суеверие и нечестие приносило жертву порочным прихотям, там ваше благочестие и вера сооружают священные храмы в которых проповедуется Евангелия Христова».² Эта же идея противопоставления казаков и черкесов прослеживается и во многих ранних стихах К.В.Россинского.

Где хищность и грабеж, насилие своих
Был подвиг храбрости и упражненье злых:
Там ныне воины населены исправны,
Не буйством, хищностью, ни наглостию славны,
Где брата – и сестру- и мать – и отца
Водили в плен жестокие сердца:

Семейства ныне там живут благословенны.³

Во многом формированию негативного образа черкесов способствовало первое знакомство протоиерея с ними. Спустя всего месяц с момента своего приезда на Кубань К.В.Россинский невольно оказался свидетелем печальной картины: два молодых черкеса привезли в Екатеринодар для продажи в рабство своего родного престарелого отца. Жестокое обращение со стариком сильно поразило протоиерея.⁴

Воспитанный в духе почитания родителей, он не мог понять сыновей, совершивших данный поступок. Именно, с этого времени он негативно стал относиться ко всем черкесам, считая их «дикими и коварными».⁵ До глубины души возмущенный этими качествами горцев, К.В.Россинский, полагал невозможным вести мирные переговоры с ними. В это время он искренне верил, что изменить ситуацию можно лишь, покорив гордых соседей. Поэтому протоиерей не только одобрял военные походы черноморцев, но и благословлял их. В тоже время, оставаясь набожным и милосердным человеком, он всегда призывал казаков не уподобляться противнику, а проявлять гуманность к побежденному и не обижать мирных жителей: женщин, детей, стариков.⁶

Часто его можно было видеть на кордонах и заставах казаков с Библией в руках и слышать благословение. “Ваша должность есть противостоять врагу, устранить его дерзость, обуздать его наглость, заставить его пасть перед вашим оружием и тем обезопасить Отечество. Бог вам помощник: дерзайте, бодрствуйте, мужайтесь. Ваша вера, твердость и постоянство ваше в повиновении власти в наполнении звания вашего доставят оружию верные успехи, кои увенчают славою Отечество, Бог и государь” – говорил он, обращаясь к черноморцам.⁷

Таким образом, К.В.Россинский долгое время был сторонником силового решения конфликта, полагая, что по иному договориться с черкесами, признающими лишь силу оружия нельзя. Лишь детальное

знакомство с обычаями и культурой горцев заставили К.В. Россинского изменить свое мнение. Протоиерей мечтал о том, чтобы тишину раздольных кубанских степей нарушал лишь колокольный перезвон, но до этого было еще слишком далеко.

Начавшаяся в 1807 г. очередная русско-турецкая война еще более обострила обстановку. Практически ежемесячно черкесы наносили урон черноморцам на сумму 200-300 рублей, уводили до 20 человек в плен, которых отпускали лишь за выкуп.⁸ Зло порождало новое зло, насилие рождало ответное насилие. Видя, что военные походы не приносят желаемых результатов, К.В.Россинский ищет выход из сложившейся ситуации. В это время он знакомится с двумя детьми черкесского хана, которых полковник Бурнос, убив в сражении их отца, берет к себе на воспитание. К.В. Россинский практически все свободное время проводил с ними. С удовольствием обучал их русскому языку и закону Божьему, знакомил их с Библией. Радость, с которой дети каждый раз встречали К.В.Россинского, поражала его. Наблюдая за их игрой, он впервые для себя отмечает, что они многим похожи на маленьких казачат. Устраивая судьбу приемных детей полковника Бурноса, (когда дети подросли, К.В.Россинский определил мальчика в Екатеринодарское уездное училище, а девочку в Харьковскую гимназию) К.В.Россинский изменяет свое отношение к черкесам.⁹ Пытаясь понять их психологию, протоиерей стремится как можно больше узнать об их быте и нравах. Новые знания о соседях меняют его первоначальные воззрения. Примерно с 1811г К.В.Россинский начинает относиться к черкесам более лояльно, участие многих горцев в Отечественной войне 1812г. на стороне России, окончательно укрепляет его миротворческие позиции. И хотя до конца своей жизни протоиерей продолжал осуждать грабительские набеги черкес, он изменил отношение к ним.

В это время К.В.Россинский во многом разделял взгляды известного русского политика и драматурга А.И. Грибоедова. Протоиерей полагал, что наладить мирную жизнь на Кубани можно посредством приобщения горцев к русской культуре. Необходимо создать такие условия, чтобы само горское население не мыслило свою жизнь без России, было заинтересованно войти в ее состав. По мнению К.В.Россинского источником грабежей служит не сама природа черкес, как считал он раньше, а их необразованность и сложная жизненная ситуация. Поэтому в первую очередь необходимо создать благоприятные условия для развития просвещения и образования.¹⁰ С этой целью К.В. Россинский предложил обучать детей черкесов, лояльно относившихся к России, в черноморском училище, а позже и гимназии. Он считал, что совместное проживание и обучение детей лишь укрепит отношение между соседями. И как показало время, протоиерей был прав. Спустя сто лет его начинание стало хорошей традицией, в черноморской гимназии специально держали несколько мест для молодых черкесов.

Таким образом, благодаря усилиям и заботам К.В. Россинского многие талантливые сыны Адыгеи получили возможность развить свой талант. Протоиерей своей деятельностью с одной стороны способствовал прекращению военных столкновений, с другой развитию черкесской культуры и налаживанию культурных связей с казаками. Сама история показала, что мир установить можно лишь через взаимопонимание и уважение, насилие в этом плане не только опасно, но и бессмысленно.

Примечания:

¹ ГАКК. Ф.249. Оп. 1.Д.624. Л. 226.

- ² Россинский.К.В. Речь, говоренная в день торжественного празднования войском Черноморским при получении высочайшей грамоты и знамен. Харьков.1810. С. 4.
- ³Россинский. К.В. Стихи в день торжественного празднования войском Черноморским при получение высочайшей грамоты и знамен. Харьков. 1804г. С.13
- ⁴ Россинский. К.В. Речи и стихи. Харьков. 1810. С. 10
- ⁵ Там же. С. 5.
- ⁶ Россинский К.В. Речь, говоренная при освящении батареи за рекой Кубанью. Харьков. 1810. С. 4.
- ⁷ Там же. С. 7.
- ⁸ ГАКК. Ф.250. Оп.1.. Д. 57. Л. 5.
- ⁹ ГАКК.Ф.670.Оп.1.Д.17.Л.60
- ¹⁰ Россинский К.В. Речь об успехах развития образования в Черномории, произнесенная при открытии гимназии в 1820г. СПб. 1820. С. 15.

Гишев Н.Т.

г. Майкоп

Три вопроса одной проблемы

Проблемы, связанные с историей Русско-Кавказской войны, до сих пор волнуют умы людей всего мира. Многие стороны этой глобальной проблемы освещены в публикациях различных авторов в течение вот уже более 200 лет. Однако интерес к этой теме не угасает, а, наоборот, все больше возрастает. Это вызвано, на мой взгляд, не только конъюнктурным освещением исторических событий тех лет отдельными авторами, не только неполным освещением всех сторон этой продолжительной, жестокой и кровопролитной войны, но и искажением (умышленно или по незнанию) фактов освещаемых вопросов.

В данном случае хотелось бы остановиться на трех взаимосвязанных вопросах.

Первый вопрос: Предлагал ли царь Александр II черкесам с гуманных соображений спуститься с гор на равнину?

Второй вопрос: Соответствуют ли даты образования всех адыгейских населенных пунктов, встречающихся в архивах и отдельных публикациях, истине (исторической правде)?

Третий вопрос: Каковы истинные причины отмены крепостного права в России в 1861 году?

1. По первому вопросу широкое распространение получило положение о том, что, якобы, царь Александр II предлагал черкесам спуститься с гор и расселяться на плоскость – в Кубанские равнины, а черкесы (адыги) будто не согласились с этим и поэтому погибли в неравном бою. В настоящее время повсюду можно услышать разговоры

о том, что черкесы (адыги) здесь (имеется в виду территория нынешней Республики Адыгея) не жили, и откуда, мол, они взялись.

Историческая правда гласит по этим вопросам следующее: с древнейших времен черкесы (адыги) или их предки (зихи, синды, керкеты, гениохи, ахейцы и т.д. занимали земли, расположенные между Доном и Черным морем, от Тамани до нынешней Чечни. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации до н.э. и н.э.¹ Одним из свидетелей проживания черкесов (адыге) на правом берегу р.Кубань, не говоря уже о левом берегу, является Семеон Броневский, который писал, что «бжана, жанины [Жане – одно из племен адыгов –Н.Г.] жили прежде на правом берегу Кубани, повыше Копыла,но в 1778 г. ушли на левый берег вместе с прочими Таманскими жителями, спасая себя от приближавшихся российских войск... (См. об этом же: Генрих-Юлиус Клапрот (1783-1835 гг.) «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.» // Адыги, балк. и карач. в изв. евр. авторов XIII-XIX вв.» Нальчик, 1974.-с.243.). Владельцы их, оставшиеся за Кубанью с 20 или 30 семьями подданных называются: Альхос – Мальгирей [Алкъэс Мэлджэры – Н.Г. Мета-Гуко [Мэт1агъокъо – Н.Г.]². Подтверждением этой исторической правды является и следующие слова С.Сиюхова: «К XVI в. территория адыге была уже сильно ограничена и северной границей имела р.Кубань. Но тем не менее адыге считали степи по правому берегу своими и пользовались ими по мере надобности... У адыге к этому времени насчитывалось шесть городов: Тамань, Темрюк, Агу, Агджы, Суджук и Каплу...³ Эти названия городов, видимо, заимствованы С.Сиюховым у Карла Пейсонеля (1727-1790 гг.), который об этом писал в «Трактате о торговле на Черном море»// «Адыги, балкары и карач. в изв. евр. авторов XIII – XIX вв.» Нальчик, 1974. – с.190. К этому относится и свидетельство адыгского фольклора: «Хъырцыжъыкьо Алэр «Пшызэ адырабгъу кЮнэу рихъухъагъ.

ПшызэрыкI, Лъэустэнхьаблэ ипэчIынатIэу, «КъэлэжъкIэ» еджэхэу щыIагъ, ар адыгэмэ япсэупIагъ. А лъэхъаным ащ урысэу исыгъэр мэкIагъэ, урысыр нахьыбэ къэхъоу, чIыпIэхэр аубытхэу зэхъум, адыгэу исыр Пшызэ къызэпырыкIыжъыгъ. Ащ къимыкIыжъэу зы адыгэ унагъо къинэгъагъ (это из тех «20 или 30 семей» – по Броневскому, – оставшихся на правом берегу Кубани). А унагъор – зы лIыжъырэ зы ныорэщтыгъ. А лIыр Дэчыгмэ ащыщыгъ, ыцIагъэр Пщымаф...»⁴

Заселение русскими адыгских земель, расположенных на правом берегу р.Кубань началось в 1722 г. Именно тогда на эти места переселялись казаки, с которыми черкесы (адыги) имели мирные и добрососедские отношения. Поселившимся казакам адыги помогали, чем могли. Адыги дарили новым соседям-казакам зерно, плодовые семена, скот и прочее. Однако, начиная с 1777 г. «колонизация края носит не случайный характер миролюбивого заселения русскими выходцами адыгских земель, а планомерного захвата этих земель силою оружия в ущерб интересам адыге. Резко наметилась такая политика приблизительно в 1792 г. К этому времени царское правительство уже претендовало на весь правый берег Кубани и Лабы, включая, таким образом, земли и адыге».⁵ Официальным документом политики России по присоединению (захвату) прикубанского края к России явился Манифест Екатерины II в 1783 г. При императрице Екатерины II считалось неофициально, что черкесы уже покорны русскому царю. Тому свидетельство следующее упоминание А.О.Ишимовой: «В Киеве ожидали всех удивление другого рода: к приезду государыни съехались туда не одни дворяне русские, но и многие знаменитые иностранцы. Сверх того собрались там депутаты от всех разноплеменных подданных Екатерины II. Тут были казаки с Дона, другие – с Урала, третьи – недавно вступившие в число подданных России запорожцы, и кочующие киргизы, и дикие калмыки... Подле этого уже давно не страшного племени красовались легкие,

недавно покорившиеся России черкесы, за ними также подданные ее – стоял со своей свитой царевич грузинский, недавно присягнувший на подданство Екатерине». ⁶ Дальше – больше. У русского царизма аппетит все возрастал по захвату адыгских земель.

Царизм последовательно и динамично проводил политику захвата чужих земель, используя малейшие ослабления зоркости или попустительства со стороны жителей этих земель. Так, русское правительство использовало распри между дворянами и народом адыгских племен-шапсугов и бжедугов – в 1796 г. («Бзюкская битва»), чтобы равнинные земли адыгов Прикубанья без боя занимались черноморскими казаками. Это, естественно, облегчало русскую колонизацию Западного Кавказа. ⁷ Глобальные стратегические планы России по захвату («присоединению») всего Кавказа или «стремление России утвердить свою власть на Северном Кавказе, насаждения царской администрации вызвали сопротивление горцев. Началась затянувшаяся на долгие годы Кавказская война, охватившая горные районы Северо-Западного Кавказа, Дагестана, Чечни. Вне административно-политического контроля царского правительства оставались горные районы Кавказа, отделявшие Россию от Закавказья. После присоединения Грузии подобное положение стало нетерпимо для России». ⁸ И поэтому «в 20-е годы (XIX в.) – был проведен ряд карательных экспедиций против непокорных адыгов». ⁹ Таким образом, захват равнинных кубанских земель, принадлежавших адыгам, негласно начатой Россией в 1722 г., приобретающий насильственный и планомерный характер с 1777 г. и превратившийся в официальную политику России с 1792 г., вылился в беспрецедентную, открытую, непрерывную, захватническую, кровопролитную войну между российской регулярной армией и адыгами, продолжительностью почти в 50 лет (1817-1864 гг.). ¹⁰ Сефербий Сиюхов характеризовал эту войну

следующим образом: «Произошла не война армий и даже не борьба народов, а борьба рас и культур, страшная борьба, не на покорение и подчинение, а на уничтожение. Эта борьба изобиловала потрясающими моментами, когда с одной стороны, поднимались до невиданной высоты человеческое мужество, бесстрашие, благородство, с другой – открывались бездны жестокости и зверства в человеке».¹¹ Словом, преследуя свои имперские интересы, русское царское правительство, могущественное государство учинило над малочисленным благородным, добрым соседом-адыгом – настоящий геноцид.

Адыги занимали земли, расположенные между Кубанью и Белой, и часть кавказских гор. Тому подтверждение многочисленные публикации до окончания Русско-Кавказской войны и после нее даже участниками этой войны. Так, М.И.Венюков пишет: «Племя «адыгэ» есть самое многочисленное из всех горных племен Кавказа... в одних пределах Закубанского края всех адыге находится до 180000 душ обоего пола».¹² И далее М.И.Венюков продолжает, что «в рассматриваемом крае, между Кубанью и Белой, как уже сказано, жили или еще живут абадзехи, бесленейцы, егерукаевцы, кабардинцы, махоши, темиргоевцы и хатукаевцы»,¹³ т.е. перечисленные здесь племена адыгов и некоторые другие жили на равнине. Тот же автор писал в 1863 г., что «там, где четверть века назад жило густое население племен Адыгэ и Абазинского, с весны настоящего года господствующим населением является русское».¹⁴ Несмотря на многочисленность и жестокость в своих действиях, русские войска встречали ожесточенное сопротивление со стороны защитников своей земли-Родины – адыгов. Это видно из записок того же М.И.Венюкова: «Войска наши должны были воздвигать укрепления [хотя уже было возведено «около шестидесяти станиц и укреплений»]... и, сражаясь с смелым и предприимчивым неприятелем, покупать ценою больших усилий каждый свой шаг по направлению к

юго-западу»¹⁵. И «один факт смены туземного населения русским, населения бодрого нравственно и физически, воинственного и издавна гордившегося своею свободою, невольно приковывает к себе внимание»¹⁶. М.И.Венюков в своем очерке как бы подводит итог своим успехам в уничтожении адыгов, когда пишет: «...численность племени адыгэ между Кубанью и Белой теперь не превышает 8800 душ. Три года назад она была впятеро больше (до 45000)»¹⁷.

Бесконечное по численности войск и по времени действия, жесточайшее проведение политики геноцида царского правительства России, ложная и наглая пропаганда о якобы «диком» черкесском народе сделали свое дело – уничтожили народ убыхов, 95% абадзехов, шапсугов и других этнических групп черкесов (адыгов); черкесы были побеждены, но не покорены, ибо некого было покорять. Многие участники и (или) наблюдатели тех исторических и трагических событий невольно испытывали уважение к черкесам (адыгам) и об этом открыто высказывали. Приведу отдельные их высказывания и характеристики в адрес черкесов (адыгэ): Джемс Белл в 1838 г. писал, что «немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвастаться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью, всем тем, что отличает этот народ [адыгэ] в его повседневных взаимных сношениях»¹⁸. И далее: «По всему тому, что я видел, я смотрю на черкесов в массе как на самый вежливый от природы народ, который я когда-либо знал или о котором я когда-нибудь читал»¹⁹. А.Фонвиль писал следующее: «Чувствовалось, что могучий народ, который если и был побежден русскими, тем не менее он отстаивал свою страну сколько мог, и что, во всяком случае, в нем не было недостатка ни в храбрости, ни в энергии»²⁰. Один из авторов «Очерков покорения Кавказа» писал следующее: «Теперь, когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе

вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага [адыгэ], честно защищавшего свою родину и свою свободу до полного истощения сил»²¹. Еще более открыто высказал свое отношение к черкесам П.Цирульников, который писал: «Прошло 46 лет. Все Закубанье прежней территории черкесов занято сплошь русскими, по преимуществу казаками...»²². Внутренний голос П.Цирульникова, видимо, был возмущен геноцидом адыгов, совершенным царизмом, и с негодованием обращается к русским государственным умам того времени: «Зачем вы лишили всю массу русского народа столь разноплеменного нового члена семьи, духовный облик которого так богат лучшими чертами человеческой личности? Зачем?...»²³.

Действительно «зачем»! Можно было договориться с адыгами до начала войны и тем самым избежать кровопролитную войну. В истории русско-черкесских отношений были попытки со стороны черкесов (адыгов) договориться с русскими правителями жить в добрососедских отношениях, помогать друг другу при необходимости. Однако при этом, адыги всегда требовали сохранения их свободы или просили не посягнуть на их свободу. Вспомним 968 г., когда Мстислав Всеволодович пошел войной на Тмутаракань, князь тмутараканский (черкесский) Редед предложил Мстиславу не проливать народную кровь, а побороться с ним честно один на один и решить проблему. А что произошло известно истории. Адыги просили царя Ивана Грозного в XVI в. оказать помощь в борьбе с татарами, нападавшими на мирных черкесов. Однако надежды адыгов (кабардинцев) на помощь русского царя не оправдали себя. Подобных примеров множество. Так, в ходе военных действий на Русско-Кавказском фронте в 1857 г., от имени всех племен черкесов (адыгэ) Заноко Сафербий передает меморандум на имя российского императора Александра II с требованием (просьбой)

признания со стороны царского правительства политической независимости Черкесии»²⁴. Это требование было отклонено, ибо царизм не мог допускать политическую свободу для черкесов (адыгэ). Осенью 1861 г. царю Александру II лично был вручен «Меморандум Союза черкесских племен», но и этот документ не повлиял на кровожадного царя, ибо его политика заключалась в уничтожении черкесского народа. Им был уже одобрен план генерала-графа Н.И.Евдокимова по вытеснению адыгов из занимаемых ими земель и заселению этих земель вооруженными казаками. План Н.И.Евдокимова был поддержан командующим Кавказской армией А.И.Барятинским, который, кстати писал: «Нещадно и безостановочно теснить горцев к морю, и в то же время усиленно двигать русское население на места, только что освобожденные бегущими горцами»; начальником штаба Кавказской армии генералом Д.А.Малютиным, который писал: «Начертанный в 1860 году план действий за Кубанью состоял в том, чтобы окончательно очистить горную полосу от исконного его населения, принудив его избрать одно из двух: или переселяться на указанные места на равнине и вполне подчиниться русскому управлению, или совсем оставить свою родину и уйти в Турцию; горную полосу полагалось занять передовыми казачьими станицами и укреплениями на всем протяжении от занятых уже верховий Лабы до черноморского берега»²⁵. Получив поддержку, Н.И.Евдокимов взялся за осуществление своего плана и обещал выполнение жестокого плана в течение 2-х -3-х лет. С четырех сторон была окружена часть абадзехов в горах, сражения приобретали жесточайший характер. С обеих сторон фронта люди погибали, проливали кровь невинных людей, а ликующий генерал Евдокимов писал: «Я считаю себя вправе предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего и русских интересов»²⁶. Адыги уже чувствовали нависшую над ними опасность и

решили объединиться для более решительного отпора врагу. Для решения проблемы, стоящих перед абадзехами, убыхами и шапсугами, представители этих этнических групп адыгов созвали съезд в долине р.Сочи летом 1861 г. и образовали орган власти – Меджлис, который предпринимал шаги к прекращению кровопролитной войны путем переговоров с командующим Кубанской области генералом Н.И.Евдокимовым. Однако попытки договориться с кровавым генералом были бесполезными. Затем представители Меджлиса решили действовать через командование Кавказской армией в Тифлиси, но нигде не могли найти поддержку, ибо трагическая судьба адыгов была уже предрешена. Даже встреча адыгов с Александром II не дала утешительных результатов, ибо, как писал Р.А.Фадеев «земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности»²⁷.

Для того, чтобы представить неискушенному читателю подлинное политическое и человеческое лицо российского императора, царя Александра II приведу выдержки из главы I – «Царская колониальная политика на Кавказе» книги Ф.Л.Познохирина «Сельское хозяйство социалистической Адыгеи к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 года» – Майкоп, 1939): «Физически истребляя горцев, беспощадно уничтожая их поля и мирные аулы, царизм прокладывал огнем и мечом путь к интересам русских помещиков, купцов и фабрикантов на Кавказе.

Оправдываясь перед общественным мнением Европы, русские ссылались на то, что черкесы неорганизованный, грабительский народ, что они своими набегами нарушают мирную жизнь русских поселений, что у них нет никакой государственности и т.д. Это были жалкие, лживые попытки оправдать грабительскую захватническую войну против мирных черкесов.

Достаточно привести один замечательный документ, чтобы все утверждения об отсутствии порядка и государственности разлетелись в прах. Этот документ – «Меморандум Союза черкесских племен», лично врученный представителем Меджлиса Хаджи Берзеком 17 сентября 1861 года царю Александру II.

Приводим выдержку из него:

«...Эти земли принадлежат нам: мы их унаследовали от наших предков, и стремление удержать их в нашей власти является причиной нашей долгой вражды с вами. Мы приняли новое государственное устройство и наше намерение – управлять нашей страной со строгой справедливостью и человечностью, не причиняя никому несправедливости. Народ с такими добрыми намерениями должен был бы внушить симпатию такой могущественной державе, как ваша. Уничтожить такого невинного соседа не принесет вам чести. Вы высказывали, при некоторых обстоятельствах, симпатию народам, стремящимся к независимости, почему вы не хотите поступить так же по отношению к нам?

Мы делаем все возможное, чтобы справедливо управлять нашей страной и придерживаться новых, изданных нами законов. Мы хотим обходиться по-справедливости с нашими соотечественниками и уважать жизнь и собственность иноземцев, приезжающих к нам. Что является задачей такой могущественной державы, как ваша страна, уничтожить такой маленький народ или помочь нам в проведении наших реформ? Мы решили обратиться с нашим делом ко всем великим державам: вы одна из них и мы излагаем вам наше дело в правдивом освещении.

Будьте к нам справедливы и не разоряйте наше имущество и наши мечети, не проливайте нашу кровь, если вас на это не вызывают. Для могущественной державы позорно отнимать без необходимости у человека жизнь.

В продолжении этой противозаконной войны захват в плен беспомощных женщин и детей является противоположностью всего справедливого и доброго. Вы вводите в заблуждение весь мир, распространяя слухи, что мы дикий народ и под этим предлогом вы ведете войну с нами; между тем мы такие же человеческие существа, как и вы сами. Не стремитесь проливать нашу кровь, так как мы решили защищать нашу страну до последней крайности...»

Исключительный по силе аргументации документ не повлиял на коронованного хищника, царя «освободителя». Ответ его был краток и жесток: «Выселиться, куда укажут или переселиться в Турцию»²⁸.

После такого ответа царя Александра II на «Меморандум Союза черкесских племен», его обращение к представителям абадзехского народа осенью 1861 г. звучало лицемерно и издевательство по отношению к черкесам (адыгам). Его речь на встрече с абадзехами в долине Хамкеты [ХьамкIэтый] осенью 1861 г. (уже после отмены крепостного права в России – 19 февраля 1861 г.) я привожу по записи Сафербия Сиюхова от слов его дяди Магамчерия Магометовича Азаматова-Бгуашева, который являлся очевидцем этих событий в возрасте 20 лет. Речь царя Александра II перед представителями абадзехов осенью 1861 г.:

«Я к вам прибыл не как враг, а как доброжелательный друг. Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест, чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе.

Россия – большое государство, перед которым стоят великие исторические задачи. Нам необходимо укрепить наши границы, приобрести моря для выхода к другим странам. Наша торговля с другими должна идти через моря. Мы не можем обойтись без Черного моря. И я предлагаю дать ваше согласие на прокладку через ваши земли трех дорог к Черному морю: к Анапе, Новороссийску и Туапсе. Казна

моя за это выплатит вознаграждение тем аулам, которым придется переселяться с территории, отведенной под эти дороги. Вы должны принять подданство русского царя, это не лишит вас национальной самобытности: будете жить и управляться по своим адатам, сохраните неприкосновенность своей религии, не будем вмешиваться в ваши внутренние дела. Администрация и суд будут из ваших выборных людей.

Вы много десятков лет воюете храбро, но ваши лучшие люди гибнут и вам не отстоять самостоятельности, потому что моя армия велика и сильна. Уже ясно виден конец: Кавказ будет русским. Нет никакого разумного основания губить и дальше людей. Если вы прекратите губительную войну, ваш народ сохранится и ему будет лучше жить. Русское государство будет вас охранять от врагов и блюсти ваши интересы, залечатся раны, утихнет вражда, забудутся обиды и через полвека вы будете жить государственной жизнью и управляться по справедливым законам.

Ваши дети и внуки воспримут грамоту и культурные навыки в ведений хозяйства и им жить будет легче, чем вам. В этот решительный час я прошу вас понять неизбежность покорения русскими Кавказа и принять мои условия, при которых ваш народ сохранится в наибольшей целостности и будет иметь возможность жить и развиваться себе на пользу и благоденствие. Если мои условия вами будут отвергнуты, я буду принужден приказать своим генералам закончить войну в ближайшие годы несмотря ни на какие жертвы, и приказ будет выполнен, но это принесет вам неисчислимые бедствия и истребление народа... Будьте благоразумны и примиритесь с исторической неизбежностью. Царское слово крепкое, и я торжественно заявляю, что мое слово будет свято и нерушимо, это все я подтверждаю царским указом»²⁹. На это лицемерное выступление абадзехи ответили отказом. Суть их выступления

выражалась в следующем: «... С окончанием нашей свободы окончится и наша самостоятельность, иначе и быть не может. Мы храбро и беззаветно должны продолжать борьбу. Бог не в силе, а в правде. Будем биться до конца. Если и погибнем за родину, за народ, за честь, то позора нам не будет. Может быть Кавказ и будет русским, но черкесы не будут рабами русского царя, пока в их жилах течет кровь.

Русский царь называет себя нашим доброжелателем... Как это странно: наш «доброжелатель» шестьдесят лет безжалостно проливает нашу кровь...

Нет, Кавказ будет или нашей любимой колыбелью, или нашей могилой, но живыми мы его не отдадим. Лучше гибель, чем рабская жизнь. Не опозорим воинской славы наших предков и не забудем их первой заповеди – будь героем или умри». [«Е улЫн, е улЭн»]... Сильные духом умрут, но не покорятся»³⁰.

Выступивший от имени абадзехского народа Тлиша Шуцежхо Цейко прямо в глаза русского царя сказал, что он «вовсе не друг, а исконный и непримиримый враг и кровник». Эти слова взволновали царя и его окружение, опасалась ярости народной. Однако черкесы, а тем более абадзехи, никогда не теряли голову и не нарушали своих священных человеческих законов. В ответ на такое волнение Цейко сказал; «Царь в настоящее время наш гость, а гость – священная особа, и пусть никто не подумает, что абадзехи способны нарушить долг гостеприимства»³¹.

Выступление царя Александра II звучало ультимативно, и он требовал покорения адыгов без боя. Царь не говорил о том, чтобы спуститься с гор на равнину, а требовал сдаться перед неизбежностью уничтожения всего народа. Его ответ на «Меморандум» черкесов был похож также, по-смыслу, на уничтожение народа или на покорение оставшихся в живых – «Выселиться, куда укажут или переселиться в

Турцию». А план генерала Евдокимова, утвержденный самим царем, предлагал «решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселяться на открытые равнины, позади казачьих станиц, или уходить в Турцию»³². Значит, царь и его генералы предлагали спуститься абадзехам с гор «на открытые равнины» для того, чтобы легче было их уничтожить. Жителей равнинных исконных адыгских земель, куда теперь предлагали идти горной части абадзехов, было уже уничтожено, за исключением жалких остатков. В течение более, чем 70 лет царские войска и казаки непрерывно, методично уничтожали адыгов. Были почти уже уничтожены убыхи, махоши, натухаевцы, жанеевцы, большей части равнинных абадзехов, шапсугов, темиргоевцев, бжедугов, бесленеевцев, адамиевцев, хатукаевцев, егерухаевцев и др. Их жалкие остатки были покорены царем. Непокоренными или еще боеспособными оставалась горная часть абадзехов, шапсугов и убыхов. В этот период царь Александр II организовывает встречу с абадзехами и обещает сохранить народ, жить в дружбе, не вмешиваться в их внутренние дела и т.д. Народа как такового не оставалось, он был уже истреблен. А царь-убийца обещает «полумертвому» народу принять его условия, «при которых (ваш) народ сохранится в наибольшей целостности и будет иметь возможность жить и развиваться себе на пользу и благоденствие». Можно подумать, что народ в России жил тогда в благоденствии! По всей России слышны были стоны крепостных рабов. Слова, изложенные в речи Александра II, уместны были бы до начала военных действий по захвату и уничтожению черкесов, но перед национальной катастрофой эти слова звучали издевательски.

Таким образом, нельзя распространять историческую ложь о том, будто царь Александр II предлагал адыгам мир, благоденствие и лучшие равнинные кубанские земли. Если даже он предлагал спуститься с гор на

равнинные земли, то это говорилось не с гуманных соображений, а для быстрого завершения тяжелой и для России войны и уничтожения оставшихся еще непокоренными абадзехи на равнинном «кладбище» своих сородичей. Историческая неправда порождает зло. Распространенный слух о царе- «освободителе» породил и разговоры о том – «откуда взялись адыги здесь на Кубани?» Думаю, что разговоры на эту тему излишни. Лучше не сыпать соль на рану.

Таким же образом, историческим искажением правды являются и выводы отдельных советских историков о якобы прогрессивном значении покорения («присоединения») народов Кавказа Россией. В книге «История СССР XIX- начало XX в.» (М., 1981 г.) мы читаем, что «в 1863-1864 гг. русские войска заняли всю территорию по северному склону Кавказского хребта. В мае 1864 г. они взяли штурмом последний очаг сопротивления черкесского племени убыхов Кбааду. Длительная Кавказская война закончилась»³³.

По результатам войны (фактически геноцида) автор этой части книги, видимо историк, делает совершенно необоснованный, смешной (горький) вывод о значении результатов этой войны для завоеванных («присоединенных») народов (уже почти несуществующих, уничтоженных). Вот эти выводы:

«Присоединение народов Кавказа к России имело для них большое прогрессивное значение. Окончание феодальных смут, неприкосновенность границ, уничтожение патриархальных пережитков, рабства, кровной мести, благоприятно отразились на хозяйственной жизни Кавказа»³⁴. Все это наиграно. Авторы таким образом хотели создать дружбу русского и адыгского народов, но такой подход унижает одну сторону, а другую незаслуженно поднимает на высоту. Тем самым искусственно создается диссонанс – русская сторона – одно совершенство, благодать, а адыгская сторона – одно невежество,

дикость; из завоевателей и душителей делают благородных носителей культуры и благоденствия, а из пострадавших, благородных – зависимых и благодарных царизму рабов за истребление.

На самом деле, как можно сделать вывод о том, что присоединение для них имело большое прогрессивное значение. Ведь «их» почти уже не было, они были уничтожены. Для кого «прогрессивное значение?!» Смешно!

«Окончание феодальных смут» – такие смуты были редким явлением среди адыгов, для народов с демократическим управлением – абадзехов, шапсугов – они были исключением. Феодальными смутами, наоборот, пестрели страницы истории царской России.

«Неприкосновенность границ» – у черкесов как таковой не сохранялась граница, после захвата русским царизмом их земли. Исторические границы известны, о них сказано выше, а после захвата их уже не было. Нынешние границы Адыгеи появились или установились, не благодаря царю, а благодаря Советской власти, в 1922 г.

«Уничтожение патриархальных пережитков, рабства». Этими недостатками больше страдала Россия, а не Адыгея и поэтому примером для подражания царизм не мог быть.

Избавление от «кровной мести». Во-первых, кровная месть у адыгов была редчайшим явлением и, если уж возникала кровная месть, адыги находили такие методы, чтобы урегулировать дело мирным путем. Во-вторых, царизм кровную месть мог бы заменить лишь каторгой, тюрьмой, истязанием, травлей и т.д.

Относительно того, что все это «благотворно отразилось на хозяйственную жизнь» адыгов звучит банально, ибо хозяйственная жизнь адыгов в то время стояла гораздо выше хозяйственной жизни средних слоев населения России (см. об этом работу Якова Абрамова «Кавказские горцы», впервые опубликованная в ж. «Дело», №1. – С.-

Петербург, 1884 г. // Н. Дубровин. Черкесы (адыгэ): Материалы для истории черкесского народа. – Нальчик, 1991. – С. 249-297).

Таковы факты по этому вопросу. Такова правда истории.

2. Второй вопрос нашей темы касается дат образования адыгейских аулов, встречающихся в государственных архивах Краснодарского края, Республики Адыгея и в отдельных публикациях. При изучении истории образования адыгейских населенных пунктов на нынешней территории Республики Адыгея сталкиваешься с явной неточностью дат их образования. Причем это не единичные случаи, а составляет почти 90-95% всех населенных пунктов.

Для ясности скажем: большинство населенных пунктов образовано, если ориентироваться архивными документами, накануне окончания Русско-Кавказской войны или же вскоре после ее завершения. Однако исторический материал, употребление топонимических названий в трудах ученых, историков, географов, путешественников, торговцев, военных, дипломатов и т.д., в адыгском фольклоре исторической давности – говорят совершенно о другом. Многие из адыгских аулов встречаются еще с XIV в., а большинство – с XVIII – начала XIX веков. Для доказательства этой исторической правды, мы сравним даты образования некоторых адыгейских населенных пунктов по архивным данным с датами издания тех работ, в которых встречаются те же названия населенных пунктов.

Аул Адамий: датой образования данного аула является **1751** год, если ориентироваться по книге «40 лет Автономии Адыгеи» (Майкоп, 1962); 1868 год, если поверить книге «Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985 гг.)» (Краснодар, 1986. – С.239). Однако к этим фактам утвердительно относиться нельзя, т.к. у Эвлия Челеби в «Книге путешествии» (Вып.2., М., 1979) (1661-1667 гг.) встречается **Адами** по соседству с

хатукаевцами и со своим владетельным дворянином Дигузи-бей (Дагужиевым). Племя **Адами** на том же месте встречается также у Генриха-Юлиуса Крапрота (1807-1808 гг.). **Адамий** на реках Шхагуаше (Белая), Пшахе, Пшише, рядом с хтукаями показан в книге С.Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе...» (М., 1823. – С.66).

Аул Ассоколай: датой образования принято в книгах «40 лет Автономии Адыгеи» и «Основные административно-территориальные преобразований на Кубани 1793-1985 гг.» (Краснодар, 1986) **1850** год, в последней книге отмечается, что данный аул до 1870 года также назывался «Эмузкай». Однако эту дату нельзя признать точной, т.к. тот же а. Ассекелай (Ассоколай) на р. Мате мы читаем в книге Хан-Гирея «Записки о Черкесии», завершённой в **1836** году и опубликованной в Нальчике в 1978 г. (см. стр. 190).

Аул Афипсип: датой его образования считается в архивах и указанных выше публикациях 1864 г., но мы находим у Эвлия Челеби (1661-1667 гг.) как Афипс-керман, т.е. крепость Афпысып на р Афпыс (см. Книгу путешествий, с. 89). У Г.-Ю.Клапрота (1807-1808 гг.) знакомимся с шапсугами, жившими западнее бжедугов от Анапы на реках Антихир, Афипсе, Чебике. И, наконец, у С.Броневского (1823 г.), мы читаем, что на р. Афипс расположены деревни дворян Беци (возможно Баджэ) и Педис.

Аул Габукай: официальной версией даты образования этого аула считается 1842 год., но как быть с Габукаем на р. Псекупс, отмеченным С. Броневским (1823 г.)

Аул Гатлукай: в архивах и книгах, изданных сравнительно недавно, датой образования Гатлукай принят 1851 г. Однако тот же аул Ххалекхоай (Хьальэкьюай – Гатлукай) на реке Ус-шь (Дышь) мы

находим в книге Хан-Гирея (1836 г.) и у Броневского (1823 г.) как деревня Гатлукайская, принадлежавшая Шеретлуку.

Аул Джерокай образовался на нынешнем месте, видимо, в 1864 году, как это встречается в архивах и современных изданиях, однако, следует указать, что Джерокай упоминает и Г.-Ю. Клапрот (1807-1808 гг.) как Чирихай (Джерокай) в долине рек Лабы и Арима; у С. Броневского (1823 г.) – Черикай на реке Арим; у Хана-Гирея (1836 г.) – Дьракый и т.д.

Аул Джиджихабль по официальным записям образован в 1840 г., но у Джемса Белля (1837-1838 гг.) есть упоминание о том, что он встречал (почти на нынешнем месте Джиджихабля) «множество жилищ, принадлежавших Зизи-оку» (Джэдзыкьо – «Джеджико»)³⁵.

Аул Кабехабль (первоначально назывался также Чамокохабль (Цуамэкьохьябл): датой образования этого аула современные источники называют 1859 год, однако надо сказать, что тот же Вамокохабль (Цуамэкьохьябл) встречается и в книге Хан-Гирея (1836 г.).

Аул Нешукай имеет датой образования 1845 год, но этот же самый аул встречается на реке Мате у Броневского (1823 г.) и Хана-Гирея (1836 г.).

Аул Начерезий: дата образования в официальных документах 1840 год, но что делать с Нечерезием на реке Мате у Хана-Гирея (1836 г.)?

Поселок Энем: в архивах и современных публикациях датой его образования зафиксировано 1890 год. Однако у С. Броневского (1823 г.) можно найти Уем (Энем) на реке Суп (см. стр. 66) и у Хана-Гирея – Инем (Энем), принадлежавший Шумэныкьо (см. стр. 194).

Аул Шенджий: образование его в официальных документах зафиксировано 1860 годом, но мы его находим у С. Броневского (1823

г.) – Ширги (Шенджий) на реке Чеби и Унаубат; у Хан-Гирея (1836 г.) – Шърдей (Шенджий) (см. стр. 194).

Аул Тахтамукай зафиксирован 1860 годом, но у Хана-Гирея (1836 г.) встречается тот же аул Тоххтемрчкоай на реке Кубань.

Аул Пчегатлукай имеет официально датой образования 1856 г., но у Хан-Гирея (1836 г.) Пчххалеккоай встречается на реке Псекупс (см. стр. 195).

Аул Тауйхабль имеет дату основания 1850 г., но тот же аул Теуй на реке Мате встречается у Хана-Гирея (1836 г.).

Аул (поселок) Глюстенхабль по официальным документам образован в 1840 году, но сам Хан-Гирей, родом из этих мест, умер там же в 1842 г. после его отставки от службы в царской армии.

Аул Тугургой по официальным документам и в современных книгах имеет дату образования 1883 год, однако у Броневского Тугуркай встречается на реке Чеби (см. стр. 66) и у Хана-Гирея – Тугурхгой на реке Кубань (см. стр. 195).

Аул Хатукай имеет датой образования 1852 год в книге «40 лет Автономии Адыгеи»; 1859 год – в книге «Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985 гг.)». – Краснодар, 1986. – С.271. Однако в работе Эвлия Челеби «Книга путешествий» (1661-1667 годы) мы встречаем Хатукай (см. стр. 89); у Клапрота (1807-1808 годы) племя Хатиквей находится на реке Шхагуаше и является защитой для крепости Усть-Лабинской от нападения других адыгейских племен; у С. Броневского (1823 г.) – Хатугуй на реке Пшекупсе (стр. 66); у Хана-Гирея (1836 г.) – Хьаттиккоай (см. стр. 181, 184).

Аул Хачемзий имеет официальную дату образования 1862 год и в «Основных административно-территориальных преобразованиях на Кубани...» – 1864 год. Последняя дата наиболее вероятна, если иметь в

виду нынешнее место аула. Однако у Генриха-Юлиуса Клапрота (1807-1808 годы) мы находим Хакемси (Хьак1эмзый), принадлежавший дворянину Хакемиса на реке Псега и Пшаба (Псыбэ). Как описывает Клапрот деревни Хакемиса (Хьак1эмыз) состояли из трех деревень.

Даты образования и многих других населенных пунктов не соответствуют исторической правде, и поэтому ими надо заниматься специально.

Наши исследования по населенным пунктам для «Энциклопедии населенных пунктов РА» в какой-то степени способствуют решению этой проблемы.

3. Третий вопрос касается отмены крепостного права в России в 1861 году. О причинах отмены крепостного права и появления «Манифеста» царя Александра II довольно много материала в специальной исторической и политической литературе, но мой подход к этому вопросу отличается от того традиционного положения, которое становится уже трюизмом. Отмена крепостного права царским правительством в 1861 г. теснейшим образом была связана с Русско-Кавказской войной, т.е. с завершающим этапом этой жестокой бесчеловечной войны.

Официальной версией причины отмены крепостного права в России в исторической литературе муссируется отставание России в военном и экономическом отношениях, выявленных будто поражением в Крымской войне в 1853-1856 годах, углублением кризиса феодально-крепостнической системы, обострением социальных отношений внутри страны, в результате чего усилилось недовольство крепостных крестьян, участились случаи народных волнений. Все это, якобы, напугало царя и вынудило к отмене крепостного права. Даже В.И. Ленин, видимо, желая развить теорию буржуазной революции и о роли народных масс в революции, выдвигал две главные причины отмены крепостного права в

России: 1) «Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма» и 2) «рост антикрепостнического движения угнетенных масс, в первую очередь крепостного крестьянства, заставивший первого помещика, Александра II, признать, лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»³⁶. В.И. Ленин, говоря так, имел в виду выступление царя Александра II перед московским дворянством 30 марта 1856 года. Именно на этом совещании впервые было заявлено царем о необходимости отмены крепостного права. В своей речи Александр II лицемерно заявлял о своем нежелании «дать свободу крестьянам», но вынужден приступить к их освобождению. Он хотел припугнуть крепостников-помещиков, чтобы они не упирались в предоставлении личной свободы крепостным крестьянам или освобождении крепостных крестьян от полной зависимости крепостников, и в своей речи употребил выражение – «лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, когда оно само будет отменено снизу». Надо отметить, что к этому выступлению царя предшествовали слухи о якобы вышедшем указе царя, по которому «помещичьи крестьяне имеют право оставлять свои деревни и переселяться в Крым, где будут свободны от крепостного состояния»³⁷. Эти провокационные слухи распространялись умышленно по всей России для того, чтобы вызвать массовые столкновения крепостных крестьян со своими помещиками. Были случаи самовольного ухода крестьян от крепостников в 1854-1855 годы; затем (весной и летом 1856 г.) «крестьяне ряда южных губерний России устремились в Крым «за волей»³⁸. Разумеется, эти самовольные переселения, вызванные ложными слухами о добром царе-«освободителе», явились своеобразной репетицией перед массовым переселением «освобожденных» уже крепостных крестьян на завоеванные (уже пустые) черкесские земли. Кроме того, эти искусственные массовые переселения крестьян,

естественно, задевали интересы помещиков-крепостников, интересы которых сталкивались с интересами «самовольных» крестьян. Поступки своих крепостных рабов возмущали крепостников и производили на них определенное впечатление. Все это можно было истолковать для того, чтобы напугать помещиков-крепостников о приближении новой «пугачевщины» или даже угрозы «глубоко задуманной демократической революции»³⁹. Это все способствовало и содействовало выступлению царя о «вынужденной» необходимости отмены крепостного права сверху и хитро задуманной Александром II программы освобождения крестьян от помещичьей зависимости с целью манипулировать ими свободно, независимо от крепостников-собственников крепостных крестьян. Выступлению царя по крестьянскому вопросу предшествовало также создание «Секретного комитета» под председательством самого Александра II 3 января 1856 г. «Секретный комитет» был создан специально «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян»⁴⁰. Однако в «Секретный комитет» попало много ортодоксальных помещиков, которые действовали нерешительно или вопреки программе царя. Надежды Александра II на то, чтобы заставить самих крепостников проявить инициативу по неотложным проблемам крестьянского вопроса, непростительно затягивались. Ясно уже представлялся конец изнурительной Русско-Кавказской войны, а освобожденные от черкесов земли незамедлительно нужно было закрепить за Россией, заселением в эти земли русских переселенцев. Для того, чтобы провести программу царя в жизнь, необходимо было незамедлительно приступить к разработке программы подготовки реформы. В конце 1857 г. вплотную занялись к осуществлению задуманной реформы. Начиная с 20 ноября 1857 г. и до конца 1858 года царь Александр II рассылал рескрипты (предписания) по многим губерниям с требованием создания губернских комитетов и общей

комиссии по нескольким губерниям, состоящих из числа местных помещиков, для подготовки местных проектов по «улучшению быта помещичьих крестьян». В основе содержания этих царских рескриптов лежала правительственная программа, подготовленная Министерством внутренних дел России еще в 1856 г. Основное содержание «Программы» сводилось к тому, чтобы «крестьянам предоставлялась личная свобода, но сохранялись феодальные производственные отношения»⁴¹. Это именно и подтверждает нашу точку зрения относительно того, чтобы освободить крепостных крестьян от зависимости помещиков для свободного переселения их в завоеванные земли черкесов.

После публикации царских рескриптов и начала работы губернских комитетов, подготовка реформы приобрела гласность. В связи с этим «Секретный комитет» был преобразован в «Главный комитет по крестьянскому делу».

В конце лета 1859 г. был представлен уже проект «Положений о крестьянах», который подвергался некоторым изменениям в связи с замечаниями депутатов от губернских комитетов. Губернские «Редакционные комиссии» завершили работу над выработкой «Положений» и 10 октября 1860 г. представили проект «Положений» в «Главный комитет по крестьянскому делу», где были внесены некоторые изменения в пользу помещиков. Окончательный вариант проекта «Положений» поступает 28 января 1861 г. в Государственный совет, где делают новые дополнения опять в пользу помещиков. И вот, наконец, 16 февраля 1861 г. Государственный совет заканчивает свою работу над проектом «Положений». Остается лишь утверждения их царем. Александр II решил подписать «Положений» в день своего восшествия на престол (19 февраля 1855 г.). 19 февраля 1861 г. в торжественной обстановке Александр II подписал «Положений», которые получили

силу закона. В этот же день царь подписал «Манифест», возвещавший об освобождении крестьян. Хотя по «Манифесту» крестьянин сразу получал личную свободу, однако «черты внеэкономического принуждения продолжали сохраняться»⁴², т.е. в течение двух лет, после подписания «Манифеста» царем, крестьяне обязаны были отбывать те же самые повинности, что и при крепостном праве⁴³. Это, естественно, вызывало недовольство у крестьян, которое могло перейти в массовые выступления. Предусмотрев возможные последствия, царское правительство заранее, с конца 1860 г., организовало (мобилизовало) вооруженные силы для подавления возможных крестьянских волнений.

Аграрный вопрос занимал центральное место в реформе 1861 г. Закон признавал полное право собственности помещиков на всю землю в их имении, включая сюда и крестьянскую надельную. Крестьяне являлись лишь пользователями надельной земли, где они отбывали установленные «Положением» повинности – оброк или барщину. Надельные земли могли стать собственностью крестьян лишь при выкупе их у собственника-помещика. Однако, в то время стоимость земли по выкупу в 2-3 раза превышала ее рыночную. За такую цену крестьяне не могли приобрести землю в собственность, поэтому «в ряде районов крестьяне добивались получения дарственных наделов»...⁴⁴. Чтобы ослабить массовые выступления крестьян, желающих получить дарственные земли, опять распространили слухи по всей России будто «в ближайшее время царем будет дарована новая «настоящая воля»⁴⁵. Это должно было наступить, по мнению крестьян, после истечения двух лет со дня подписания царем «Положений», т.е. 19 февраля 1863 г. В силу этого они рассматривали «Положения» временными, «которые по истечении двухгодичного срока со дня их обнародования будут заменены другими, предоставляющими крестьянам безвозмездно достаточное количество земли и полностью их избавляющими от опеки

помещиков и местных властей»⁴⁶. Эти слухи не были беспочвенными: устанавливая двухгодичный срок действия «Положений», царь Александр II, видимо, рассчитывал к этому времени завершить грабительскую войну на Кавказе и «освобожденным» от помещиков крестьянам раздарить завоеванные от черкесов земли не от своей щедрости, а для окончательного закрепления этих земель за Россией. Ведь известно, что пережитки крепостного права сохранялись вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Это и помещичье землевладение, отработки, чересполосица и т.д. Крестьянство все еще оставалось самым низшим, податным сословием, на которого полностью были возложены рекрутскую, подушную и разного рода другие денежные и натуральные повинности. Вдобавок ко всему, крестьяне подвергались все еще телесным наказаниям. Следует напомнить, что по «Положению о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», и царскому «Манифесту» «крестьяне получили личную свободу и право свободно распоряжаться своим имуществом; помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, однако обязаны были предоставить в пользование крестьянам «усадебную оседлость» и полевой надел «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком». За пользование надельной землей крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк и не имели права отказа от нее в течение 9 лет... Крестьянам предоставлялось право выкупа усадьбы и по согласованию с помещиком – полевого надела, до осуществления этого они оставались временнообязанными крестьянами»⁴⁷. Царские документы предусматривали освобождение крестьян без земли, но помещики от этого не имели ущерба. За это «основную сумму помещик получал у государства, которому крестьяне должны были погашать ее в течение 49 лет ежегодными выкупными платежами»⁴⁸. Крестьяне не только не

имели возможности выкупа усадьбы или полевого надела у помещика-собственника земли, но и не было у крестьян средств на переселение в другие земли, в другие районы, если даже предоставлялась такая возможность. Однако и эта сторона дела была предусмотрена заранее царем и царским правительством.

Надо заметить, что в 1860 г. царь Александр II подписывает указ об образовании Кубанской области, куда входили Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский (часть) отделы с охватом земельной площади 81 тысячу квадратных километров. Эта огромная территория, после уничтожения и вынужденного выселения черкесов (адыгов) – коренных жителей, уже почти пустовала. Царское правительство спешило заселить эти плодородные земли новыми русскими переселенцами для того, чтобы надежнее закрепить за Россией свои завоевания. Еще в завершающем этапе Русско-Кавказской войны царское правительство вплотную занималось разработкой земельной реформы на Кавказе. Оно решило, в первую очередь, наделить землями боевых генералов, офицеров, войсковых чиновников Кубанского казачьего войска. Тем самым, ликвидируя крепостничество, царское правительство создавало новых помещиков – владельцев завоеванных земель. Были определены нормы этих наделов. Так, в потомственную собственность генералам выделялось земли от 800 до 1500 десятин земли, т.е. 872-1635 га, штабным офицерам – до 400 десятин, обер-офицерам – до 200 десятин, рядовым – до 30 десятин. Земли выделялись также крупным русским дворянам и местным князьям и дворянам, которые лояльно относились царской России в ходе военных действий.

И вот, после отмены крепостного права в России в 1861 г., масса раскрепощенных крестьян ринулась в новые даровые земли Кубани. Поток крестьян-переселенцев в Кубанские земли увеличился и тем, что в ряде губерний юга России опять распространяли слухи о том, что не

только бесплатно раздают земли, но и за переселение платят еще деньги. Переселенцам действительно предоставлялись определенные льготы. Основная масса крестьян Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Рязанской и других губерний ехала на предлагаемые земли добровольно, с желанием. Они в основном попадали к «новоиспеченным» помещикам, вчерашним генералам, офицерам и др., которые «обустроивали» их на новом месте – создавали новые хутора и станицы с русским населением. Однако, для занятия огромной пустующей уже территории, явно недостаточно было добровольных крестьянских переселенцев. Тогда царское правительство решило переселять целые черноморские казачьи станицы в Закубанье, но казаки отказывались переселяться в новые места. Правительство не ожидало этого и начало прибегать к насильственным мерам: царские войска окружали целые казачьи станицы с целью заставить их жителей переселяться на черкесские земли. Казачьи станицы сопротивлялись как могли. Дело приобретало опасность для скорейшего решения задуманной царем земельной реформы, и поэтому царь Александр II вмешивается и отменяет правительственное решение о насильственном переселении казаков.

Донские казаки, насильственно переселяющиеся в «освободившиеся» новые земли, получали от государства 107 рублей 14 копеек на семью, 15 рублей на вооружение. Кроме того, от войсковой казны получали еще 25 рублей и от станицы 50 рублей на семью. У добровольцев на переселение эти суммы выплат были выше.

В течение 1862-1864 годов в Закубанье и адыгские земли было переселено всего 17565 семейств, из которых в принудительном порядке – 14396, добровольных крестьянских семей – 1338, мещане – 651 семейство и 1180 семей отставных солдат. Кроме них в эти земли были переселены греки и армяне из Турции (по договоренности с Россией), которым на семью выделяли по 15 десятин земли. Им предоставляли

еще льготы – на 8 лет освобождали от податей, на 6 лет от службы в армии.

В то же время шел поток вынужденного переселения местных жителей адыгов в Турцию.

Следует подчеркнуть и то, что, после отмены крепостного права, народные массы крестьян выражали свое недовольство проведенной реформой и выступали против ее кабальных условий (выкуп, барщина, оброк и т.д.). Однако эти крестьянские движения и волнения легко подавлялись правительством. Это еще раз доказывает то, что царь Александр II не боялся народных волнений до реформы, из-за чего якобы отменил крепостное право, а ликвидировал лишь зависимость крестьян от помещиков для того, чтобы «свободных, независимых» крестьян переселять на опустевшие черкесские земли. Кроме того, основы феодально-крепостнической системы России были сохранены и поэтому нельзя считать, что царь мол освобождал путь для наступающей силы экономического развития России. Все это доказывает нашу точку зрения по вопросу основной причины отмены крепостного права в России в 1861 г. Основной причиной, повторяюсь, явилась необходимость освобождения крепостных крестьян от помещиков для их свободного переселения на завоеванные черкесские земли и скорейшего окончательного закрепления этих земель за Россией.

Примечания:

¹ См. об этом: Страбон. География в 17 кн.-М., 1964, кн. XI. – С. 468-470; Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Нальчик, 1992. (По изд. 1858 г.); Сергеев В.С. История Древней Греции. М., 1963 –С. 131.

² Броневский Семеон. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные С.Броневским. М. В типографии С.Селивановского. 1823. – 465 с.

³ Сиюхов Сафербий. Избранные. Нальчик, 1997. – С. 324.

⁴ Гышц Нухь Хьырцыжъыккьо Алэр – адыгэ лӀыхъужь // Ж. «Псалъ» («Слово»), № 1(4). – Майкоп, 2002. – С.105.

⁵ Сиюхов Сафербий. Избранное. Нальчик, 1997. – С.327.

- ⁶ Ишимова А.О. История России в рассказах для детей... т. II. – С.-Петербург, 1993. – С. 157.
- ⁷ См. об этом: Сиюхов Сафербий. Избранные. – Нальчик, 1997. – С. 320.
- ⁸ История СССР XIX – начало XX в. – М., 1981. – С. 110.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См. там же.
- ¹¹ Сиюхов Сафербий. Избранные. Нальчик, 1997. – С. 292.
- ¹² Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой» // Записки императорского русского географического общества, Кн.2. – С-Пб., 1863. – С. 50.
- ¹³ Там же. С.51.
- ¹⁴ Там же. С.1.
- ¹⁵ Там же. С.2.
- ¹⁶ Там же. С.3.
- ¹⁷ Там же. С.56.
- ¹⁸ Белл Джемс. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 годы. – Лондон, 1840 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.479.
- ¹⁹ Там же. С.507.
- ²⁰ Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Из записок участника – иностранца // Материалы для истории черкесского народа. Вып. 5. – Краснодар, 1927. – С. 41.
- ²¹ Там же. С. 2.
- ²² Цитирую по кн.: Сиюхов С. Избранные. – Нальчик, 1997. – С.284. [Цирульников П. На старом пепелище черкесов-абадзехов // «Мусульманин», С.263].
- ²³ Там же, С. 286.
- ²⁴ См.: Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е годы XIX в.). – Майкоп, 2002. – С. 161.
- ²⁵ Милютин Д.А. Воспоминания // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. – С-Пб., 2000. – С. 593-594.
- ²⁶ Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX века): Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000. – С.157.
- ²⁷ Там же, С. 162.
- ²⁸ Указ.соч., С. 7-8.
- ²⁹ Сиюхов Сафербий. Избранные. – Нальчик, 1997. – С.376-377.
- ³⁰ Там же, С.379.
- ³¹ Там же.
- ³² Из воспоминаний начальника штаба Кавказской армии Д.А.Милютина «Моя поездка в Кубанскую область и Черноморский берег» // Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX века): Сборник документов и материалов. – Нальчик, 2000. – С.30.
- ³³ См. указ. книгу, С. 112
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См.: Джемс Белл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 года, Т. I. – Лондон, 1840. – С. 468.
- ³⁶ Ленин В.И. Полное собр. соч., Т.20, С.173.
- ³⁷ История СССР XIX – начало XX в. – М., 1981. – С.126.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же, С. 128.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, С. 131

⁴³ См. там же.

⁴⁴ Большая советская энциклопедия, 13. – М., 1973. – С. 1202.

⁴⁵ История СССР. – С.136.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Большая советская энциклопедия. – С. 1153.

⁴⁸ Там же. – С.1202.

Губаханова Р.А.

г. Махачкала

Амирхан Чиркеевский

Золотыми буквами в историю Дагестана вписаны имена сподвижников Шамиля. Они были единомышленниками, сопровождали в боевых походах, не думая о последствиях жертвовали собой во имя свободы своей Родины.

На протяжении двух десятилетий секретарем, письмоводителем и хранителем печати Шамиля был Амирхан Чиркеевский. Сам Шамиль отмечает тот факт, что в руках мирзы Амирхана сосредоточена большая власть: «Он управлял под моим личным руководством почти всеми делами страны»¹.

Родился Амирхан в одном из самых крупных аулов Салатавии – Чиркее, в семье узденя Нурмагомы.

Из воспоминаний очевидцев, Амирхан и Шамиль учились вместе у Джамалутдина Казикумухского. Имам доверял ему свою канцелярию, деловую переписку. По воспоминаниям Абдурахмана, Амирхан был вторым чезювеком, входящим в мечеть после имама. А первые годы правления имама в Дарго он был муфтием имамата. Печать Шамиля хранилась у него до его последних дней и ее изображение мы видим на его надгробном камне².

В хронике Мухамед Тахира ал Карахи есть упоминание об Амирхане как «ученике Шамиля, познавшего тарикат»³. и хотя у нас нет непосредственных данных об учебе Амирхана, источник дает основание предположить, что некоторое время Амирхан провел в Гимрах у Шамиля.

Непосредственное участие принял Амирхан в военных действиях

на стороне имама после штурма Ахульго. В сороковых годах Шамиль, обосновавшись в Чечне, собирает новое войско. Один за другим переходят на его сторону аулы Чечни и Салатавии.

«Когда Шамиль с войском вступил в Агдаш-аул к нему явился туда его ученик Амирхан-ал-Чиркави, его друг шейх ас-Сафи-ал-Чиркави и др.», – пишет Мухамед Тахир ал-Карахи⁴.

Они объявили от имени аула Чиркей покорность и повиновение и «просили дать им некоторый срок для того, чтобы выручить свои стада баранты из рук врагов на равнине. Шамиль был доволен и разрешил им это»⁵.

Возглавив чиркейскую молодежь, Амир-Хан участвовал в походе на сел. Цоботль (Зубутль – Р.Г.). Войско Шамиля разделилось на 3 отряда: один отряд возглавил сам имам, другой – Амир-Хан, третий – Магомедхан из Эндери.

Джамаат Зубутли явился к имаму с изъявлением своей покорности⁶

Далее все три отряда направились в сторону аула Чиркей. Там между сторонниками шариата и врагами последнего разногласия. В конце концов первые верх»⁷.

Затем все три отряда, пополнив свои ряды молодежью из села Чиркей, двинулись на аул Ишкарты. Здесь их встретила милиция, возглавляемая шамхалом Абумуслимом к Ахмед-ханом Мехтулинским. В бою за Ишкартами отличилась черкеевская молодежь, противник обратился в бегство.

Амир-Хан принял участие в походе на Эрпеш, Игали, Чир-Юрт, Янг-Юрт.

Возглавил отряд чиркеевцев Амир-Хан по поручению направился в Гимры «уговорить жителей добровольно перейти на сторону мюридов»⁸. Посланные выполнили с честью возложенное на них

поручение⁹.

Авторитет Амир-Хана рос день ото дня. Когда встал вопрос о необходимости связаться с Турцией, первым в качестве посланника назван был Амир-Хан. В помощь ему имам назначил еще троих: чиркеевского шейха, Балаханца Мусу и Иса Гаджи. Имам строго приказал им слушаться во всем Амир-Хана. «Миссия заключалась только в доставке по назначению письма и что она не уполномочена вступать в переговоры с хунзахцами¹⁰.

Однако в царской администрации стало известно о дагестанской делегации и несмотря на то, что прибывшие на Западный Кавказ Амир-Хан и его сподвижники соблюдали осторожность, их миссия заранее была обречена на провал.

Каждый из причаливших к берегу турецких кораблей строжайше охранялся русскими. Посоветовавшись между собой, дагестанцы решили отправить в Турцию одного шейха, а остальным вернуться в Дагестан.

«Депутаты вернулись домой, подвергаясь по дороге всякого рода опасностям, через страны, занятые русскими»¹¹. Шейх, посланный Амир-Ханом, благополучно прибыл в Стамбул и вручил письмо имама к султану.

Шамиль советовался с Амир-Ханом по всем животрепещущим проблемам. Одной из таких проблем была просьба прибывшей с Западного Кавказа абхазской делегации «дать им предводителя». Имам долго отказывался аргументировав это тем, что не может взять на себя ответственность в таком деле, от которого зависит благосостояние всей страны»¹². Однако Амир-Хан убедил имама в том, что нельзя оставить народ на произвол недалёковидных старшин, которые с давнего времени подвергают страну двойному бедствию: со стороны русских, для которых распри их служат самым лучшим союзником, со стороны обыкновенных междоусобиц, порождаемых мелким самолюбием и

бесконечными неудовольствиями»¹³.

Когда Шамиль предложил Амир-Хану поехать туда тот отказался, ответив, что этот край ничего общего не имеет с Дагестаном. А когда на просьбу абхазских депутатов отозвался Магомед-Амин, Амир-Хан вполне благожелательно одобрил этот выбор¹⁴.

Находясь в непосредственной близости к Шамилю, Амир-Хан оказывал влияние на имама, поддерживая его в трудные часы, которых, к сожалению, было немало. Так было перед наступлением на Хунзах, откуда от Хаджи-Мурада поступила информация о сносе водой мостов и невозможности в связи с этим военного похода. Мухаммед Тахир пишет: «Имам стал угрюмым и задумчивым. Личный его друг и любимый ученик Амирхан Чиркеевский советовал ему не поддаваться настроению, которое может быть и результатом дьявольских ухищрений и козней»¹⁵.

Амирхан занимался не только работой, а принимал активное участие в военных походах. Так, в 1844 г. он по указанию Шамиля возглавил поход в с. Эрпели¹⁶.

До августа 1859 г. Амир-Хан сопровождал Шамиля. Но в самый последний момент он не поднялся на Гуниб вместе с имамом. Что двигало им, нам трудно осмыслить и понять. Возможно, он видел, как и многие другие, что судьба борьбы горцев предрешена и дальнейшее сопротивление бессмысленно.

Возможно, что царские войска слишком стремительно окружили Гуниб, и не только Амир-Хан, но и другие единомышленники Шамиля не успели присоединиться к имаму. Во всяком случае, утверждение Гаджи-Али о том, что о щедрости фельдмаршала А. Барятинского, явился к нему»¹⁷, нам кажется совершенно беспричинным.

У Амир-Хана осталась овальная печать имама. Дагестанские арабисты, исследователи письменного наследия Шамиля отмечают, что

этой печатью скреплялись письма вплоть до самых последних дней имамаатства. На письмах Шамиля после его пленения стоит лишь подпись, печати нет. Сам Шамиль в своем обращении к Магомед-Амину писал: «Сие послание я не скрепляю печатью по той причине, что печать моя осталась в руках Амирхана, который изменил мне!».

Скончался 15 февраля 1876 г. и был похоронен на кладбище в селении Чиркей. Перед затоплением аула, Чиркея сняли надмогильную плиту и унесли с собой. На плите Амирхан назван другом и секретарем Шамиля – имама Дагестана.

Примечания:

- ¹ Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989. С. 149.
- ² Ахмедзияутдинов. Т. Чиркей во времена имама Шамиля. Махачкала, 2002. С. 150.
- ³ Хроника Мухамед Тахира ал-Карахи. Ленинград, 1941. С. 125.
- ⁴ Там же. С.125.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 129, 142.
- ⁸ Мухаммед Тахир-ал Карахи. Три имама. Махачкала, 1990. С.50.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же С.64.
- ¹¹ Мухаммед ал-Карахи. Указ соч. С.66.
- ¹² Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989. С.149.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Мухаммед Тахир ал-Карахи. Указ соч. С.67, 76.
- ¹⁵ Мухаммед Тахир ал-Карахи. Указ соч. С.67, 76.
- ¹⁶ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С.61.
- ¹⁷ Омаров Х.А. Печати Шамиля. Ж. Тарих. №2-3. 1996. С.54.

Гусейнова П.О.

г. Москва

**Новые материалы по истории хроники Абдурахмана Казикумухского
«Хуласат ат-тафсил»**

Середина XIX в. – особый период в истории арабоязычной литературы в Дагестане. Он характеризуется появлением целого ряда крупных исторических сочинений, тематически связанных с освободительным движением горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50 годов XIX в. Количество этих сочинений значительно, однако наиболее содержательными среди них являются хроники «Сказание очевидца о Шамиле» Гаджи-Али, «Барикат ас-суйуф» («Блеск горских сабель в некоторых битвах Шамиля») Мухаммад-Тахира ал-Карахи и «Хуласат ат-тафсил» («Резюме подробного изложения о деяниях имама Шамиля») Абдурахмана Казикумухского. Их авторы – сподвижники Шамиля, входившие в ближайшее окружение третьего дагестанского имама. Они были свидетелями, а зачастую и активными участниками многих описываемых ими событий. Это обстоятельство придает вышеперечисленным хроникам значение исключительно важных, уникальных источников по периоду Кавказской войны, без обращения к которым невозможно правильное понимание и интерпретация других, в том числе и русских источников этого времени.

Настоящая статья посвящена одному из указанных выше сочинений, а именно «Хуласат ат-тафсил» Абдурахмана Казикумухского. Полное его название – «Хуласат ат-тафсил ‘ан ’ахвал ал-’имам Шамуил» («Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля»). Оно повествует о событиях периода пленения Шамиля и его последующего пребывания в России. Автор «Хуласат ат-тафсил» –

Абдурахман, сын известного шейха накшбандийского тариката Джамалуддина, зять и шурин Шамиля. Как родственник и активный сторонник имама, он принимал непосредственное участие в событиях, предшествовавших падению имамата Шамиля. Так, он сопровождал Шамиля в его последнем отступлении из Нового Дарго в горный Дагестан. В прибежище имама на Гунибе Абдурахман, по свидетельству А. Руновского¹, вел переписку от его имени². После капитуляции и высылки имама Абдурахман, в числе прочих членов семьи Шамиля, отправился за ним в Россию. Его отъезд не был добровольным: существовало специальное распоряжение военного начальника Дагестанской области кн. Л.И. Меликова (одобренное главнокомандующим Кавказской армией А.И. Барятинским) об удалении из Закавказского края семей двух дочерей Шамиля – Нафисат и Фатимат³. Впрочем, в отличие от бывшего имама он не имел статуса военнопленного и считался обычным жителем Дагестанской области. Абдурахман находился в Калуге вместе с Шамилем и его семьей 6 лет, т.е. до 1866 г.

В свете вышеуказанного становится понятным тот интерес, который вызывала «Хуласат ат-тафсил» у исследователей. Автограф хроники был обнаружен ак. В.В. Бартольдом в собрании Азиатского музея Академии наук в Ленинграде. Особого интереса она, впрочем, у него не вызвала: лишь однажды он упомянул «Хуласат ат-тафсил» в статье «Шамиль», написанной для «Энциклопедии ислама» (1938). Перечисляя источники по биографии имама, он сообщил о ней следующее: «Сочинение о Шамиле и его пленении было написано по-арабски его племянником Абд ар-Рахманом в Калуге; рукопись находится сейчас в Азиатском музее в Ленинграде; ее русский перевод (выполненный А. Руновским) появился в Тифлисе в 1862 г. (первоначально в газете «Кавказ», № 72-76)⁴.

Начало научному изучению «Хуласат ат-тафсил» было положено ак. И. Ю. Крачковским. В 1933 г. вышла в свет его статья «Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле», посвященная этой хронике. Она стала одной из первых в северокавказском цикле его работ, которые заложили фундамент изучению арабоязычной литературы Северного Кавказа. Оригинальные памятники этой литературы прежде были практически неизвестны широкому кругу исследователей: И.Ю. Крачковский первым показал их значимость «не только для местной истории, но и для арабистики, для общей истории арабской литературы»⁵. Вышеупомянутая статья представляет собой лишь предварительное исследование «Хуласат ат-тафсил»; она включает в себя описание автографа хроники и ее обстоятельный литературный и текстологический анализ. По заключению Крачковского, основная часть хроники была завершена в 1864-1865 гг. во время нахождения Абдурахмана в Калуге. Позднее она уже не подвергалась значительным изменениям, но приблизительно до 1883 г. автор продолжал работать над ее окончательной редакцией, делая отдельные приписки, вставки небольших фраз и пояснения. Подобная датировка рукописи позволила Крачковскому оспорить приведенное выше утверждение Бартольда относительно того, что «Хуласат ат-тафсил» представляет собой арабский оригинал «Записок Абдурахмана», опубликованных в газете «Кавказ». Он пришел к выводу, что «обе версии – лежавшая в основе перевода Руновского и представленная в рукописи Азиатского музея ... различны»⁶. И если последнюю можно считать «окончательной редакцией книги, вышедшей из рук автора», то переводы Руновского основаны на «первоначальных набросках отдельных ее частей»⁷. Причем «выбор их, порядок и известная литературная обработка принадлежали на столько автору, сколько переводчику»⁸.

Версию, предложенную Крачковским, в дальнейшем поддержали и остальные исследователи хроники. Более того, выявление новых материалов позволило им ее существенно дополнить. Так, В. Г. Гаджиев после обнаружения неизвестного ранее письма к Абдурахману Руновского установил, что последний не только перевел и отредактировал «Записки», но местами и дописал их, причем не испросив на то предварительного согласия автора⁹.

В целом история этой хроники в настоящее время, спустя 70 лет после начала ее исследования, выглядит следующим образом: Абдурахман приступил к работе над ней в 1862 г., выполняя просьбу А. Руновского. Последний просил его написать небольшой рассказ о последних днях Шамиля в Дагестане, его пленении и последующем пребывании в России. Воспоминания записывались по частям, без соблюдения строгой хронологической последовательности. Отдельные их фрагменты затем были отобраны Руновским, переведены на русский язык и отредактированы. Без согласования с автором переводчик внес в них собственные дополнения, в основу которых легли сведения, почерпнутые Руновским из личных бесед с Абдурахманом и его рассказов.

В 2002 г. вышел в свет русский перевод хроники, выполненный Н.А. Тагировой; к нему приложено факсимиле ее арабского оригинала¹⁰. Считается, что впервые вопрос о переводе и издании "Хуласат ат-тафсил" был поднят ак. И.Ю. Крачковским. Действительно, в рассматриваемой выше статье "Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле" он первым из исследователей указал на необходимость опубликования серии памятников арабоязычной литературы Северного Кавказа, одно из главных мест в которой Крачковский отводил хронике Абдурахмана¹¹. Однако, как выяснилось, возможность издания ее на русском и арабском языках активно обсуждалась рядом российских

ведомств еще в 60-х годах XIX в., т.е. задолго до того, как этот вопрос был поднят ак. Крачковским. Свидетельство тому – документы дела, обнаруженного нами в фонде Азиатской части Главного штаба Российского государственного военно-исторического архива¹². Озаглавлено оно следующим образом: “По резолюции начальника управления о переводе сочинения зятя Шамиля с арабского на русский язык”. В нем собраны 9 документов разного рода (записки, отношения, письма) из междуведомственной переписки 1866-1867 гг. Начало ей было положено запиской ген.-л. М.Н. Чичагова от 13 марта 1866 г. Напомним, что последний в 1865-1866 гг. состоял в должности калужского губернского воинского начальника; военнопленный Шамиль и все его семейство находились в его непосредственном подчинении¹³. Помимо прочего, он был обязан следить за порядком несения службы приставом Шамиля и его переводчиками. После отставки Пржецлавского П.Г.¹⁴ и упразднения должности пристава при Шамиле служебные обязанности последнего были переданы Чичагову: отныне именно он осуществлял общий надзор за бывшим имамом в Калуге. Порядок их взаимоотношений регулировался специальной инструкцией от 5 января 1866 г; она, в частности, предписывала калужскому воинскому начальнику выступать ходатаем за Шамиля и сообщать начальству обо всех его уважительных просьбах и желаниях¹⁵.

По-видимому, это предписание распространялось и на остальных членов семьи Шамиля; этим можно объяснить обращение Чичагова с вышеупомянутой запиской в управление иррегулярных войск Военного министерства¹⁶. В ней он уведомлял начальника этого ведомства Н. И. Карлгофа¹⁷, что зять пленного имама составил сочинение о “событиях с Шамилем со времени взятия Вены до водворения его в Калуге”¹⁸. Желая видеть его опубликованным, Абдурахман передал рукопись своего сочинения Чичагову. Последний

нашел необходимым переправить ее на рассмотрение в Управление иррегулярных войск. Отсюда рукопись перекочевала в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, где должны были определить, заслуживает ли она быть отпечатанной на арабском и русском языках и в какую сумму обойдется ее издание тиражом 1200 экземпляров¹⁹.

Азиатский департамент проведение соответствующей экспертизы поручил проф. И. Г. Нофалю, преподавателю учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел²⁰. Данное им заключение оказалось неблагоприятным: по мнению Нофаля, сочинение Абдурахмана “не представляет собой интереса в историческом отношении”. Художественные его достоинства также невелики: стихи, параболы, присказки, которыми оно переполнено, “не имеют серьезного значения”, а само оно составлено «по апологической системе, общей всем произведениям Востока». Автор, пишет Нофаль, своей единственной задачей ставит расточение лести в адрес российского императора, прославление могущества и величия русского правительства и великодушного его отношения к Шамилю. Впрочем, не все его высказывания одинаково уместны: приводимые в книге обвинения русских в некоторых вероломных поступках и именование турецкого султана государем и повелителем всех мусульман не соответствуют общему ее духу и, как дает понять рецензент, выдают неискренность автора²¹.

Приводимый выше отзыв Нофаля, несмотря на справедливость отдельных его оценок, в целом излишне суров и необъективен. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к тексту самой хроники и к исследованиям, ей посвященным. Заслуживает внимания мнение ак. Крачковского: “Они (воспоминания – П.Г.) одинаково интересны и для биографии Шамиля, и для бытовой картины России в начале 60-х годов.

Не лишены они и литературного значения, как образчик поздней “арабской” письменности, сохранившей все своеобразные черты схоластической традиции”²². Необъективность Нофаля в данном случае можно объяснить его излишним служебным рвением или же его исламофобией, о которой писал в своих «Очерках истории русской арабистики» И.Ю. Крачковский.

Негативный отзыв из Азиатского департамента не поколебал решимости руководства Управления иррегулярных войск издать сочинение Абдурахмана. Впрочем, понимая невозможность опубликования ее в тогдашней ее редакции, оно посчитало необходимым либо просить автора исправить рукопись в соответствии с замечаниями Нофаля, либо позволить Азиатскому департаменту самостоятельно сделать из нее извлечения с последующим опубликованием их на русском и арабском языках. Начальник управления Н.И. Карлгоф запросил на этот счет мнение калужского воинского начальника Чичагова²³. Последний в ответном письме указал, что Абдурахман видит главной целью издания своего сочинения опровержение ходивших тогда в Дагестане ложных слухов о пленении Шамиля и его бедственном положении в России²⁴. Для достижения этой полезной цели Чичагов полагал возможным, не изменяя текста рукописи, ограничиться удалением из него “излишних рассуждений, доказывающих дикость, молодость и неопытность автора”²⁵. Особую важность он придавал сохранению авторского (“цветистого”) слога Абдурахмана, известного кавказским жителям, чтобы в них не вкралось сомнений относительно подлинности сочинения²⁶.

Таким образом, выясняется, что издание “Хуласат ат-тафсил” с самого начала имело своей задачей цели, далекие от сферы литературы. Эта книга должна была стать идеологическим орудием, аргументом, способным опровергнуть вредные толки среди населения недавно

покоренного Дагестана. В свете этого обстоятельства становится понятной настойчивость, которую проявляло в этом деле руководство российского военного ведомства; что касается автора, то им, очевидно, двигало желание снискать к себе доверие у русского начальства.

Несмотря на заявленную государственную важность издания сочинения Абдурахмана, подготовка ее к публикации застопорилась. Как следует из рассматриваемого нами архивного дела, в переписке по этому вопросу возникает ничем, на первый взгляд, необъяснимая пауза. Причину ее мы находим в биографии Абдурахмана: 11 марта 1866 г. в Калуге от чахотки умирает его жена Нафисат. С разрешения Карлгофа он отпущен в Дагестан для сопровождения тела покойной. В июне того же года ему было разрешено возвратиться на постоянное жительство возле Темир-Хан-Шуры. В силу этих обстоятельств Чичагов был просто не в состоянии довести до Абдурахмана замечаний Нофаля и, соответственно, просить его внести требуемые коррективы. Вслед за этим в июле от тифа умирает и сам Чичагов. Переписка прерывается, чтобы вновь возобновиться спустя 3 месяца. Следующий документ из этого дела датируется уже августом. Это записка из Управления иррегулярных войск с просьбой вручить поручику Шамилю (Магомед-Шафи)²⁷ рукопись на арабском языке, сочиненную Абдурахманом²⁸. Затем прилагается расписка Магомед-Шафи в ее получении²⁹. Никаких пояснений относительно причин передачи ему рукописи не приводится.

Далее в переписке возникает очередная пауза, на этот раз уже до декабря. За это время в жизни лиц, ею затронутых, происходят серьезные перемены: 26 августа этого года Шамиль вместе с сыновьями Кази-Магомедом и Магомед-Шафи приносит присягу на верноподданство России. В октябре он посещает Петербург, где присутствует на свадьбе наследника престола. В том же октябре месяце Абдурахман выезжает из Дагестана в Тифлис, где ему, наконец, удается

поступить на российскую службу: он зачисляется в Дагестанскую постоянную милицию с откомандированием в команду милиционеров Кавказского горского управления. Начальника этого управления Д.С. Старосельского³⁰ чрезвычайно заинтересовало сообщение Абдурахмана о предстоящем издании его сочинения о жизни Шамиля в России. Он обращается с письмом уже известному нам Карлгофу с просьбой уведомить его для последующего доклада главнокомандующему Кавказской армией ген.-ад. А.П. Карцову, действительно ли это сочинение заслуживает внимания и может быть признано полезным для горцев³¹. В случае утвердительного ответа Старосельский выражал готовность Кавказского горского управления приобрести 200-300 экземпляров арабского текста хроники для распространения ее между кавказскими горцами и 100-150 – ее русского перевода. Кроме того, он извещал адресат о желании А.П. Карцова издать ее на татарском (азербайджанском) языке и на одном из горских наречий, которое благодаря ученым стараниям ген. Услара³² уже обзавелось собственным алфавитом. К примеру, он полагал возможным перевести ее на аварский язык; в этом случае работа над переводом будет происходить под наблюдением самого автора. Как пишет Старосельский, Абдурахман планирует дополнить свое сочинение описанием событий, случившихся уже после его отъезда на Кавказ, а именно: принесения Шамилем присяги на верноподданство и его поездки в Петербург на свадьбу наследника престола. Рассказ о них автор думает изложить в форме письма к нему от Шамиля, которое, если будет нужно, он и в самом деле надеется получить³³.

Ответ на запрос Старосельского последовал незамедлительно. В письме от 4 января 1867 г. начальник управления иррегулярных войск Карлгоф, не давая никаких собственных оценок сочинению Абдурахмана, приводит целиком известное нам заключение Нофаля и,

что замечательно, отзыв самого Шамиля. Относительно последнего он сообщает, что Абдурахман не показывал свою книгу тестю, желая сделать ему сюрприз. Однако Шамиль, случайно узнав о ней, просил Карлгофа прислать ему рукопись для ознакомления. Очевидно, книга была передана ему через Магомед-Шафи, приехавшего в августе 1866 г. в Калугу для принесения присяги. Отзыв Шамиля оказался также неблагоприятным: пленный имам, пишет Карлгоф, заметил в ней много ошибок, почему и посчитал ее недостойной напечатания. Никаких пояснений относительно характера обнаруженных Шамилем ошибок он, к сожалению, не приводит. Учитывая тот факт, что в своей книге Абдурахман пишет о событиях, очевидцем которых он являлся, и не имея причины подозревать его во лжи, можем предположить, что осторожный Шамиль воспрепятствовал ее изданию единственно из опасения, что некоторые высказывания его зятя могут быть превратно истолкованы (что, кстати, и произошло в случае с Нофалем). Вероятно, он опасался, что неблагоприятное впечатление, которое она, возможно, произведет, лишит его благосклонности начальства и широкой публики. Нельзя также упускать из вида его стойкое нежелание вмешиваться в дела, касающиеся Кавказа, и щепетильное отношение к собственному имени и авторитету³⁴.

Каковы бы не были мотивы, которыми руководствовался Шамиль, именно его отрицательный отзыв определил дальнейшую судьбу хроники Абдурахмана. В свете открывшихся обстоятельств Управление иррегулярных войск посчитало издание ее невозможным; рукопись была переправлена в Тифлис, в Кавказское горское управление для возврата автору. Неизвестно, узнал ли Абдурахман, по какой причине его книга не была опубликована; несмотря на полученный отказ, он еще долго продолжал над ней работать. Впрочем, своего намерения дополнить ее (о котором он когда-то говорил

Старосельскому) он не осуществил, ограничившись внесением незначительных исправлений. В дальнейшем заново отредактированная рукопись "Хуласат ат-тафсил" вновь неизвестным нам образом оказалась в Тифлисе. Здесь она попала в руки члена совета кавказского наместника Е.Г. Вейденбаума, который в 1908 г. пожертвовал ее Азиатскому музею в Петербурге. В 1934 г. коллекция музея была передана отделу рукописей Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР (ныне – Санкт-Петербургское отделение Института востоковедения РАН); в числе прочих здесь и сейчас хранится автограф «Хуласат ат-тафсил» Абдурахмана Казикумухского.

Итак, как мы показали, первая попытка издать хронику Абдурахмана была предпринята Управлением иррегулярных войск (ведомством, действовавшим в составе Военного министерства) в 1866-1867 гг. Опубликование ее ДОЛЖНО было преследовать практическую цель – опровержение ходивших в Дагестане вредных толков о бедственном положении в ссылке бывшего имама. Впрочем, полученные книгой отрицательные отзывы (автором одного из них был сам Шамиль) положили конец этому начинанию. В следующий раз вопрос об издании хроники был поднят спустя лишь 70 лет. И, наконец, понадобилось еще 70 лет, чтобы русский перевод хроники Абдурахмана наконец увидел свет.

Примечания:

¹ Руновский А. (1823-1874) – полковник, первый пристав Шамиля в Калуге (1859-1862).

² Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала, 1989. С. 154.

³ РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 90.

⁴ Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. II. С. 874.

⁵ Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. М.-Л., 1948. С. 165.

⁶ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле//Избр. соч. М.-Л., 1960. Т. VI. С. 564.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

- ⁹ Гаджиев В.Г. Абдурахман и его воспоминания//Из истории дореволюционного Дагестана. Сб. науч. трудов. Махачкала, 1976. С. 130.
- ¹⁰ Сайид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагестани. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. Пер. с араб., коммент., указ. Н.А. Тагировой. М.: Вост. лит., 2002.
- ¹¹ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись... С. 570.
- ¹² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 17.
- ¹³ Как житель Калуги бывший имам подчинялся губернатору Калужской губернии.
- ¹⁴ В 1862-1866 г. – пристав Шамиля в Калуге.
- ¹⁵ Инструкция калужскому губернскому воинскому начальнику//Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (далее – РФ ИИАЭ). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 323. Л. 1.
- ¹⁶ С июля 1862 г. вся переписка, относящаяся к Шамилю и его семейству, производилась именно в этом ведомстве (ранее ею ведал Инспекторский департамент этого министерства).
- ¹⁷ Карлгоф Н.И. – генерал-лейтенант, с 1861 г. – начальник управления иррегулярных войск Военного министерства.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Л. 2.
- ²⁰ Нофаль И. Г. (1828-1902) – профессор арабского языка и мусульманского права, с 1860 г. – преподаватель учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел.
- ²¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.
- ²² Крачковский И.Ю. Арабская рукопись... С. 572.
- ²³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
- ²⁴ Слухи о тяжелом положении Шамиля в ссылке действительно в это время носились в Дагестане. (См., к примеру, упоминание о них в письме А.И. Барятинского к военному министру Н.О. Сухозанету от 28 февраля 1861 г. (РФ ИИАЭ. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 169). Как пишет в своих записках А. Руновский, под влиянием этих слухов родственник Шамиля Джамалуддин приехал в Калугу, чтобы разделить тяготы ссылки со своим бывшим имамом. (Руновский А. Указ. соч. С. 154).
- ²⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.
- ²⁶ Там же. Л. 7.
- ²⁷ Магомед-Шафи (1839-1906) – третий сын Шамиля. С 1861 г. состоял на службе в Кавказском эскадроне собственного Е.И.В. конвоя.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.
- ²⁹ Там же. Л. 9.
- ³⁰ Старосельский Д.С. (1832-1884) – генерал-лейтенант, начальник Кавказского горского управления. Принимал непосредственное участие в подготовке и проведении таких важных правительственных мероприятий, как обложение кавказских горцев государственной податью, урегулирование запутанных аграрных отношений, уничтожение рабства. По его поручению был начат сбор сведений, касающихся быта горцев; позднее они легли в основу “Сборника о кавказских горцев” – повременного издания, выпускавшегося Кавказским горским управлением в 1868-1875 гг. (Тифлис, 8 выпусков). По его инициативе Абдурахман приступил к написанию следующего своего крупного произведения – “Книги воспоминаний”, законченной в 1868 г. в Тифлисе.
- ³¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 17. Л.10.
- ³² Барон Услар П.К. (1816-1875) – генерал-майор Генерального штаба, состоял при Кавказской армии. Известный филолог, исследователь кавказских языков. Член

кавказского отдела Русского императорского географического общества, член-корреспондент Российской академии наук. Автор капитальных исследований абхазского, чеченского, табасаранского, аварского, лакского, лезгинского, даргинского языков. Составитель к этим языкам алфавитов, в основу которых им была положена графическая система русского языка.

³³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

³⁴ См., к примеру, эпизод из воспоминаний М.Н. Чичаговой, когда Шамиль ответил отказом на просьбу ее мужа присоветовать что-либо полезное Кавказскому комитету по делу предстоящего разоружения горцев (Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1889. С. 183).

Дадаев К.С.
г. Махачкала

Наука и образование в имамате Шамиля

Тема науки и образования в имамате Шамиля является одной из самых неисследованных и необработанных. Воссоздать картину образовательного процесса приходится путем анализа отрывочных сведений из источников и литературы, хотя полагаю, что подробное изучение этой проблемы позволило бы более объективно оценивать процессы, происходившие в Дагестане в период Кавказской войны.

О Шамиле – всемирно известном предводителе горцев в борьбе за свободу и независимость, талантливом полководце, крупнейшем государственном деятеле, талантливом реформаторе всем хорошо известно. О Шамиле – крупнейшем мыслителе, страстном ораторе и ученом арабисте написано очень мало. Эта сторона его личности, как просветителя недостаточно изучена. Надеюсь, что данная работа, прольет хоть немного света на эту темную и неизведанную страницу, нашей с вами истории.

В условиях жестоких законов войны Шамиль и другие руководители имамата не забывали о приобретении знаний, «они убеждали людей в том, что неосведомленность грешна, а обретение знаний является достойным делом»¹. Они сумели привить простому горскому народу любовь к знаниям, всячески способствовали образовательному процессу, поддерживали и помогали ученым-алимам, а также их ученикам.

«В наших книгах сказано: «поиск знаний лучше дополнительной молитвы, даже джихада»².

Вследствие такой политики были достигнуты положительные

результаты за поразительно короткие сроки. Система образования в имамате имела 3 ступени: начальную, послена начальную и высшую. В каждом ауле была начальная школа (мактаб) при мечети, где могли обучаться мальчики и девочки. Начальные школы открывали и частные лица. В школах обоих типов дети учились писать и читать на арабском языке. Большое внимание уделялось ознакомлению с Кораном и основам нравственного и духовного воспитания.

Шамиль и сам прошел не легкий путь «муталима» – так называли юношей, которые переходили из одного дагестанского села в другое в поисках новых наставников для приобретения знаний в различных областях наук.

Есть сведения, что уже в 6 лет Шамиль изучил арабскую азбуку под руководством своего дяди по матери – Хазура, что мог уже читать Коран. После этого первоначального курса обучения у того же дяди Шамиль изучил еще 2 небольшие книжки «Мухтасаруль-минтаж» («Сокращенные пути») и «Марифатул – ислам» («Познание ислама»), т.е. самые начальные правила мусульманской веры. В течение 14 лет Шамиль закончил усвоение знаний и мусульманских наук, обучаясь у известных алимов того времени и стал авторитетным ученым. В молодости в разные годы Шамиль учился в таких аулах как Гимры, Аргвани, Чиркей, Аракани, Чирката, Игали, Зубутли, Ирганай, Ашильта, Унцукуль. В детстве и юношестве, а также в молодости его наставниками и учителями были такие известные ученые как Саид Араканский, Абдулла-Дибир из Ашильта, Лачинилав из Хариколо, Таймасхан-Кадии из Чиркея, Газимагомед и Батырхан из Гимры, Магомед Ярагский, Джамалудин Казикумухский, Абдурахман-Хаджи из Согратля и др.

Но в начале он был муталимом (учеником) и прожил хотя и не легкую, но интересную жизнь в поисках знаний перебираясь из одного

селения в другое. В то время Шамиль был одним из лучших и талантливых учеников среди сверстников. Где бы не учился, какую бы науку не постигал, он всегда был первым, на лету схватывал все, проявлял самое серьезное усердие к учению, глубокому познанию основ не только ислама, но и всех наук, известных в то время в Дагестане: астрономии, физики, математики, риторики, юриспруденции и др. Шамиль в совершенстве владел грамматикой арабского языка, логикой, изучал мистику, фундаментальные основы философии, мусульманского права, свободно излагал комментарии к Корану, постоянно изучал и очень любил историю пророка Мухаммеда, римских, греческих и арабских полководцев.

Шамиль писал прекрасные стихи, четыре из которых дошли до нас. Как пишет наш знаменитый земляк – ученый Казем-бек «во время сражения мюриды его шли в атаку, напевая хором стихи, собственно для этого сочиненные на арабском языке самим Шамилем».

Он огромное внимание уделял распространению знаний среди племен и народов, руководимого им государства Имамат, на территории которого действовали сотни мечетей, во многих из них были медресе, существовали также десятки форм частного обучения.

«В мактаб обычно отдавались мальчики в возрасте от 8 до 10 лет. Занятия продолжались с утра до заката солнца, с небольшими перерывами для приёма пищи. Занятия не проводились в разгар сельскохозяйственных работ, а также во время поста Рамазана и Навруз-Байрама. Детям разъясняли понятия добра и зла, воспитывали чувство долга, милосердия, великодушия. Их учили совершать праведные поступки, быть вежливыми, уважительно относиться к родителям, старшим, учителям. «Особо подчёркивалась недопустимость злословия в адрес человека за его спиной, ибо это считается в исламе непростительным грехом – клеветник в рай не войдёт»³.

Обучение в примечетских школах, конечно, имело существенные недостатки, объясняемые многими обстоятельствами, прежде всего состоянием войны. Но прогрессивным в них было то, что неграмотные дети учились читать и писать, т.е. становились грамотными. В Имамате по существу впервые была предпринята попытка всеобщего начального образования по инициативе государственной власти, но осуществить это в ходе войны оказалось чрезвычайно сложным и трудным делом. В каждом ауле был человек, ответственный за организацию работы медресе, школ и оказание им необходимой материальной помощи.

Как пишет Абдурахман из Газикумуха: «мутааллимы живут в мечети того селения, куда они пришли учиться. Питаются они за счёт закята, которым распоряжается кадий»⁴.

Как ни удивительно, в период Шамиля бурное развитие получило образование в горах, и образованность стала таким же важным элементом для горцев, как умение защищать свою родину. Совершенно не правы те, кто утверждает, что в этих школах изучали только Коран, основы ислама. Исследования показывают, что многие из них не только давали более широкие знания для того времени, но и способствовали упрочению дружбы между народами.

Есть сведения современника, который утверждает, «что таких наук было 12: морфология, синтаксис, метрика, логика, теория диспута, законоведение, толкование Корана, жизнеописание (пророка), суфизм, риторика или аль-мухадара и хул аса»⁵.

«Больше всего, – продолжает автор – у нас изучаются морфология и синтаксис, т.к. для учащихся необходимо избегать ошибок (в языке); законоведение для разбора людских дел, связанных с жизнью и верой; затем наука о толковании Корана для объяснения значения сур священного Корана; жизнеописания и история, чтобы знать о жизни нашего пророка Мухаммада, мир ему; метрика для сочинения стихов на

арабском языке; теория диспута, чтобы соблюсти правила ведения дискуссий среди мутааллимов»⁶.

Школы повышенного типа (медресе) открывались при мечетях крупных аулов на средства казны Шамиля. Среди учителей было немало просвещённых для своего времени личностей, владеющих несколькими языками, в том числе арабским и турецким, знакомых с литературой, историей, философией Востока, с математикой, астрономией и другими науками. Единых программ обучения не было; обычно изучались вышеуказанные научные дисциплины. Большой популярностью пользовались медресе в аулах Согратль, Ведено, Аракани, Гимры, Чох, Хунзах, Аргвани и др.

Наибольшую известность имело Согратлинское медресе во главе с разносторонне развитым Абдурахманом-Хаджи, который получил высшее образование в Египте, понимал пользу науки и исламской культуры. Аул Согратль прославился на весь Дагестан, туда приезжали из разных мест жаждущие знаний муталимы, подвергая себя риску сурового наказания со стороны колониальных властей, чтобы приобщиться к наукам.

Деятельность школ контролировалась государством. Вопросами образования занимался Государственный Совет имамата, интересовались ими Шамиль и наибы. Обучение в школах было бесплатным. Муталимы содержались за счёт закята и всевозможных благотворительных взносов в их пользу от жителей аулов.

Следующие 2 письма говорят о том, что Шамиль лично помогал ученикам в получении образования. В мае 1852 года он предложил заведующему казной Мухаммеду Бен Ибрагиму аль-Уруди помочь из казённых средств сыну Раджаба. Ещё раньше в 1846 году Шамиль обратился к учёному Мураду из Гудали с просьбой принять на учёбу Шамхала, «истинного ученика и человека науки, который желает

получить от тебя хорошие знания»⁷.

В образовательном процессе имамата трудно переоценить роль библиотек, книжных коллекций. Имамат стал маленькой библиотечной державой. Он имел сеть личных и мечетских (вакуфных) библиотек. Многие учёные в богоугодных целях добровольно жертвовали свои труды в пользу мечетей. Вакуфные библиотеки в отличие от частных, были широко доступны для тех, кто хотел работать над книгами и рукописями.

В библиотеках обоих типов находились рукописи, книги, связанные с религией и различными отраслями знаний. В мечетских и частных коллекциях в том или ином количестве были рукописи по грамматике арабского языка, риторике, мусульманскому праву, логике, философии, догматике, суфизму, поэзии и т.д. Потребность в грамотных людей в книгах удовлетворялась рукописями местного происхождения или поступившими из мусульманских стран. В условиях отсутствия типографий широкое распространение получила практика переписывания книг, отдельных произведений на арабском и на языках народов Дагестана. Такие школы были в Ахты, Курахе, Кумухе, Цудахаре, Дербенте, Рутуле и в других населённых пунктах.

Книжные коллекции, насчитывающие сотни и тысячи томов, имели крупные алимы, мюршиды, имамы и почти все наибы. Абдурахман-Хаджи имел богатую библиотеку, где находились рукописные сочинения крупных мыслителей Дагестана и восточных стран. Большие личные библиотеки были у наибов Кебкед-Мухаммада, Мухаммада-Амина, Доного Мухаммада из аула Гоцо, Даниял-бека, который в 1852 году просил Хаджи Юсупа передать деньги Хаджи Ибрагиму, чтобы тот купил в Стамбуле книги и переслал их с доверенным лицом⁹.

В имамате одарённые выпускники медресе могли получить

высшее образование. Специфика его получения заключалась в том, что государство не несло материальных затрат, не создавало специальных школ для этого. Выпускники медресе, желающие получить высшее образование, договаривались с известными учёными об условиях учёбы и продолжительности обучения – это т.н. « ступенчатый» тип образования.

Муталим учился у алима одной науке, затем переходил к другому учёному для изучения другой науки и т.д.

У пытливых муталимов была возможность последовательно получить образование, обучаясь у крупных учёных, которые использовали опыт высшей школы на мусульманском Востоке. Многие из них почти всю жизнь совершенствовали свои знания. Они почитали алимов, у которых получили высшее образование, выражали им благодарность и горячую любовь. Алимы систематически занимались самообразованием, их упорный труд продолжался почти всю жизнь. Они прославляли себя и Дагестан на Кавказе и за его пределами.

В имамате отношение к крупным учёным было подчёркнуто благожелательным, и в этом большая роль самого имама Шамиля. «Учёные – наследники пророков и маяки, которые освещают души народа. Они – основа веры, они разрушают тропинки невежества»¹⁰.

В составе Государственного Совета был создан специальный отдел, который ведал науками, медресе, мактабами, перспективными молодыми горцами, проявившими склонность к наукам и образованию, осуществлял государственную дотацию крупным учёным, выплачивая им жалование из казны имамата, они освобождались от службы в армии и налогов. И всё это впервые в истории Дагестана.

Была ещё одна своеобразная привилегия для учёных. Когда вставал вопрос, кого выкупить из вражеского плена или обменять – алима или не алима, у Шамиля не бывало двух мнений. Характерным

является следующий пример.

В 1842 году при втором сражении в Казикумухе с царскими войсками «воины отступили, а затем, испугавшись, побежали подобно диким ослам. Остались лишь спавшие в Казакумухе. В числе тех, кто остался там, были: учёный Хаджи-Абдурахман Согратлинский, учёный Хаджияв Чиркавский –сын Шахмардана и учёный Чухалав Магарский. Они были взяты в плен и отправлены в Тифлис»¹¹.

Об удивительном и огромном уважении Шамиля к учёным говорит тот факт, что Шамиль обменял учёных на двух русских пленных офицеров. Между тем он мог потребовать возврата своего сына из Петербурга или получить большой выкуп за пленных офицеров. Шамиль сказал окружавшим, что умом любит учёных, а потому не хочет, оставив учёных в плену, получить «взамен двух русских начальников ни сына, ни богатства»¹².

Имаматские учёные, когда это нужно было, участвовали в боях с врагом. В 1839 г. Среди храбрых защитников Аргвани находился алим Курбанали Хваршинский, бурка которого была продырявлена в пяти местах. Он принимал участие в отражении четырёх вражеских штурмов.

Учёные имамата пользовались большим авторитетом и всеобщим уважением. Как признаётся Абдурахман из Газикумуха, он был лично знаком со многими из них. Он пишет, что «одни из них были известны своей учёностью, деятельностью и происхождением; другие – без последнего (качества, но все) они были столпами веры, как горы являются опорой земли...

...Имам любил их и уважал, – большего и желать нельзя, – т.к. Всевышний Аллах и его посланник предпочли многим из творений и дали им знания. Если бы не они, не было бы у дагестанских имамов, ни сабли, ни защитников веры; (именно) благодаря им положение мусульман улучшалось или ухудшалось»¹³.

Многие из них успешно работали во властных структурах советниками, наибами, муфтиями, кадиями, командирами воинских подразделений. Шамиль привлекал известных ученых для разработки низамов. Так, в 1848 г. группа ученых из 27 человек приняла участие в составлении постановления о введении нового государственного порядка в имамате. Поименный список этих ученых опубликован¹⁴.

Ученые имамата изучали вопросы философии, истории, математики, языкознания, законовещения, занимались поисками полезных ископаемых. Многие из них встречались друг с другом, обсуждали интересующие их проблемы. На своеобразных научных форумах часто происходили диспуты по острым вопросам философии, права, морально-этическим проблемам и т.д. Шамиль живо интересовался этими диспутами, порой сам организовывал их.

Гасан Алкадари в «Асари Дагестан» приводит имена более 200 мыслителей и ученых Дагестана за период с XVI до начала XX вв. Не зря в исламском мире Дагестан назывался «Бахр-аль-ильми», т.е. «Мир наук»¹⁵.

Имам Шамиль постоянно общался с ученым миром Дагестана. Он часто писал письма алимам, кадиям, в которых касался широкого круга вопросов, связанных с образованием, наукой, нравственным воспитанием населения и т.д. Этим письмам, являвшимся образцом высокой человеческой мысли, свойственна четкость фразеологии, ясность, точность, но отнюдь не категоричность. Шамиль никогда не прибегал в своих письмах к повелительной манере обращения к ученым, показывая им свое высокопочтительное отношение. Если почти все официальные письма Шамя начинались со стереотипного обращения: «От эмира правоверных Шамя», то письма к ученым начинались так: «От бедного Шамя к благородному ученому». Шамиль добивался результативности наук. Это видно из следующего его высказывания:

«Избавь меня Аллах от той науки, от которой нет пользы». Шамилю принадлежат следующие высказывания:

«Ученые – украшение земли, так же как звезды – украшение неба», «Общение с учеными – целое наслаждение», «За ученого молятся на небе и на земле»¹⁶.

Преподавание в школах, обучение муталимов у алимов, написание подавляющего большинства научных трудов осуществлялось на арабском языке, положительная роль которого в культурной жизни имамата вне всякого сомнения. Между тем, в дагестанской историографии значение арабского языка освещалось с антинаучных позиций, считалось, что он играет реакционную роль, а примечетские школы никуда не годились. Так П.А. Павленко в статье «Дагестанский опыт» утверждал, что в Дагестане в XIX веке грамотность мужчин составляла 5 % и 1 % женщин, да и то на арабском языке. В работах отдельных историков и философов, изданных в 90-х годах XX века, можно встретить утверждение, что «вековой фанатизм прочно окутал дагестанские горы»¹⁷.

Против подобных фальсификаций еще в XIX веке выступили ученые. Большой знаток кавказских и дагестанских языков, русский лингвист, совершенно не заинтересованный в сгущении красок, барон, царский генерал П.К. Услар писал: «Если об образованности судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опережают даже многие просвещенные европейские нации». Общий процент грамотности населения в Дагестане, в том числе и в имамате был выше, чем в Российской Империи, где в 1860 году он составил всего лишь 6 %¹⁸.

Существуют документы доказывающие, что русские сами признавали наличие образовательных учреждений в селах имамата, и подчеркивали, что они играют важную политическую и идейно-духовную

роль для юношей и молодежи. В рапорте генерал-адъютанта Нейдгарта генерал-адъютанту Чернышеву, датированном 20 ноября 1843 года, говорится, что «...духовенство получило значительную силу и вес в Чечне со времени Шамиля; для распространения познаний необходимых для вступления в духовное звание, Шамиль в разных селах при мечетях учредил школы. Мера эта весьма важна в политическом отношении. Наставники в этих школах выбраны из людей преданных Шамилю, и дают благоприятное для него направление ума юношества, вверенного их воспитанию. Для решения же дел, касающихся до управления и верховных дел в Даргах, главном месте пребывания Шамиля, по предложению Джамал-Эддина, учрежден в 1841 году совет (Диван-хана), в котором присутствуют люди духовного звания известных ученостию и преданностию к Шамилю и мюридизму»¹⁹.

Прапорщик Орбелиани, который, как известно, в 1842 году находился в плену у Шамиля, после своего освобождения писал, что «... Шамиль всеми мерами старается возвысить духовенство, чтобы иметь в нем опору и деятельных сподвижников для поддержания фанатизма мюридизма. А для сего он учредил во многих селениях школы, которые и посещаются многими учащимися. Этими училищами усиливается духовенство и число приверженцев Шамиля, потому что в них дают детям и молодежи направление в духе имама, т.е. шариата и мюридизма; всякий мулла или грамотный человек пользуется между горцами большим уважением»²⁰.

Ну и, наконец, не выдерживают совершенно никакой критики утверждения некоторых ученых, что до 1917 года в Дагестане не существовало письменности. Этот факт можно признать с маленькой оговоркой – письменности на русском языке. Но была очень распространена среди горского населения другая письменность на основе арабской графики. Исследования дагестанских ученых

показывают что, письменность в Дагестане появилась еще в XII — XIV вв. У многих народов Дагестана, в частности у аварцев был свой алфавит созданный на основе арабского, и они им успешно пользовались²¹.

Стабильную систему аварского чтения на основе арабской графики – аджам – разработал Дибиркади из Хунзаха (1742-1817). Этой системой пользовались вплоть до 1928 года, хотя и предпринимались некоторые усовершенствования, например, обозначение с помощью трех подстрочных точек под «л» литерального «ль», введенное по предложению имама Шамиля и установленное специальной комиссией, в которую входили Лачинилав из Хунзаха, Али из Кульзеба и другие ученые²².

Обобщив вышеизложенный материал, можно сделать следующие выводы. Во-первых, образование и наука занимали значительное место во внутренней политике Шамиля. Во-вторых, были достигнуты положительные перемены в этой области. В-третьих, развитие культуры происходило в период непрерывного противостояния против сильного противника. В-четвертых, уникальным следует считать то, что в труднейшие годы войны в имамате получил развитие культ знаний. В-пятых, если взять в комплексе все нововведения в области культуры и всей социально-экономической и политической жизни народов, то правомерно говорить о своеобразной имаматской цивилизации.

Примечания:

- ¹ Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 201-202.
- ² Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 92.
- ³ Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 202.
- ⁴ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 92.
- ⁵ Там же. С. 85.
- ⁶ Там же. С. 85.

- ⁷ Наш Дагестан., 1992., январь. С. 26.
- ⁸ Баркуев К., Ахмедов М-К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. // Ученые записки. Т.ХІ. Серия историческая. Махачкала, 1963. С. 173.
- ⁹ ДГСВК. С. 615.
- ¹⁰ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 79.
- ¹¹ Мухаммед Тахир аль-карахи. «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах». Махачкала, 1990. С. 106-107.
- ¹² Там же. С. 106.
- ¹³ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 83.
- ¹⁴ Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX веках. Ч.1. Махачкала, 1999. С. 105-106.
- ¹⁵ Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. М. 1998. С. 204.
- ¹⁶ Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 208.
- ¹⁷ Там же. С. 211.
- ¹⁸ Там же. С. 212.
- ¹⁹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 403.
- ²⁰ Там же. С. 412.
- ²¹ Алексеев М.Е., Атаев Б.Н. Аварский язык. М., 1998. С. 20.
- ²² Там же. С. 21.

Дадаев Ю.У.

г. Махачкала

Государственный язык Имамата

Становлению государственного языка в Имамате, прежде всего, способствовали исторические связи, контакты экономического, политического и духовного характера, сложившиеся между разноязычными племенами, народностями в течение веков на территориях, входящих в состав Имамата и расположенных рядом с ним.

Объективно, указанные отношения вытекают из общей судьбы и неделимой истории этих народов, когда-то имевших общий для всех один язык, из общности культуры, быта, традиций, хозяйственного и духовного единства, генетического взаимозависимого менталитета народов и более 10 веков назад имевших свою государственность.

Появление государственных атрибутов у народов Северного Кавказа, в том числе Дагестана, Чечни, началось еще до распространения и утверждения ислама. Ханства, феодальные княжества, вольные общества, и другие общественно-политические формирования управления еще до прихода ислама имели четко действующие, более или менее регламентированные институты государственности, соответствующие господствующим социальным, экономическим и политическим условиям, и учитывающие различия местного характера.

Важнейшим инструментом становления, функционирования и развития централизованного государства, в форме и структуре Имамата, и с большим количеством разноязычных племен и народностей, говоривших на своих языках, наречиях, становится объективная необходимость наличия и установления общего для всех,

межплеменного, межнационального, общевоинского языка, то есть официального или государственного языка.

Еще до возникновения и функционирования шамилевского государства, с распространением и закреплением ислама на Кавказе, как основной религии, арабский язык стал играть важную роль в духовной, политической и социальной жизни народов. Ислам стал главной идеологической базой, на которой формировались определенные элементы государственности, управления в ханствах, княжествах, в феодальных владениях, вольных обществах, союзах сельских (тейповых) обществ Дагестана, Чечни, Ингушетии, Адыгеи, Черкесии. Их носителем и распространителем был арабский язык. Поэтому в государстве Шамиля он сразу стал официальным государственным, так как на этом языке несколько столетий осуществлялось отправление и соблюдение религиозных ритуалов, создавались научные труды, литературные произведения, велась переписка с другими странами, между племенами и народами Северного Кавказа, исповедующими ислам. Объективно, еще несколько веков ранее, до шамилевских времен, арабский язык стал языком межплеменного общения внутри Дагестана и за ее пределами, а в Имамате «стал основой, на которой должна была строиться политическая жизнь государства, превращая язык шариата одновременно в государственный язык... Признание арабского языка государственным языком Имамата и языком межнационального общения в Имамате само собой вытекало из доктрины единого мусульманского государства с единым мусульманским народом без различия национальностей, языков»¹.

Арабский язык давно выполнял на указанных территориях функции языка межнационального общения, овладение им открывало большие возможности приобщиться к достижениям мировой цивилизации, образования, науки, культуры.

К началу формирования государства Имамат, на Кавказе была широко разветвленная сеть примечетских школ, медресе и других учебных заведений, где изучали арабский язык, самые разные естественные и общественные науки на арабском языке, а многие дагестанские ученые создавали литературные и научные труды на этом языке. К началу формирования государства Шамиля, естественно, на Северном Кавказе к услугам нового государства среди всех народов было достаточное число ученых, литераторов, образованной и грамотной арабо-язычной молодежи. С созданием государства Шамиля роль арабского языка в политической жизни еще больше возросла, она начала играть более интенсивно многофункциональную роль, в том числе специфическую роль – языка объединяющего и сплачивающего народы Северного Кавказа в борьбе за свою свободу и независимость. Уникальность государства созданного Шамилем определялась многими позитивными факторами, в том числе специфическим местом государственного языка.

Арабский язык был не только одновременно объединяющим все разноязычные племена, все вольные общества, джамааты, сельские общины Дагестана, Чечни, Ингушетии, Адыгеи, Черкесии и других регионов Северного Кавказа. Он способствовал также сближению идеологий разных социальных слоев в государстве, укреплению братских отношений между народами, развитию науки, литературы на языках народов Дагестана и других регионов. Он стал важным инструментом закладки фундамента централизованного, многоэтнического, прогрессивно-демократического и воюющего государства.

В тех условиях выбор арабского языка как официального государственного языка в государстве Шамиля определялся естественной исторической необходимостью и был наиболее верным

решением. «Арабский язык в Государстве Шамиля наряду с шариатом был тем знаменем, вокруг которого должны объединяться все мусульманские народы Дагестана и Северного Кавказа»² и это полностью отвечало идеологии шариата, социально-политической основе государства – работающей на основе ислама. Уникальность и демократичность государства Шамиля, его прогрессивный и передовой характер, по сравнению с окружившими его крепостными, монархо-феодальными государствами (Россия, Иран, Турция) проявляется во всех отношениях, даже в выборе и использовании государственного языка.

При выборе государственного языка Шамиль сознательно отдавал предпочтение арабскому языку, а не одному какому-то языку. Следует подчеркнуть, что на арабском языке создавалась литература, наука и осуществлялось государственное строительство.

Абсолютное большинство должностных лиц государственного аппарата Шамиля (члены Государственного совета, руководители отделов, управлений, наибы, муфтии, кадии, помощники наибов, старшины сел и аулов, мухтасибы, сотники, пятисотники, муртазеки и многие другие) в свое время получили арабо-язычное образование. Многие из них свободно могли читать и писать по-арабски, разговаривали, общались, а в необходимых случаях, на арабском языке.

Так, например, из 32 членов Государственного совета, все свободно владели арабским языком, писали свои сочинения на арабском языке, кроме своего родного языка знали 3-4 языка народов и племен. Из 260 наибов Шамиля по нашим подсчетам более 200 владели арабским языком³ еще 2-3 языками народов входящих в Имамат.

Если делопроизводство, деловая и дипломатическая переписка, канцелярская работа в Имамате велась в основном на арабском языке, в некоторых случаях и на языках народов, входящих в состав Имамата, то общение во время съездов, совещаний, сражений и других контактов

осуществлялось на нескольких языках, в том числе на арабском, аварском, чеченском, кумыкском, лезгинском, лакском, даргинском и других языках. В необходимых случаях деловая переписка велась внутри государства на аварском, чеченском, кумыкском и на других языках народов Дагестана, Чечни, Ингушетии, Западного Кавказа на основе арабского алфавита, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники (письма Шамиля, наибов, ученых, сочинения ученых, разных национальностей на своих родных языках). Сильно был развит в Имамате институт многоязычности, т.е. когда один человек знал два-три и более языка родственных и близких народов. Эта специфическая и уникальная особенность государства имамат и народов, входивших в его состав, когда представители одной национальности свободно владели 2-3 языками других родственных народов, сложилась исторически издревле, и особое развитие получило в первой половине XIX века, в период создания и функционирования государства Шамиля. Сам имам Шамиль свободно писал, читал, говорил на арабском, азербайджанском, кумыкском языках, прекрасно мог говорить на чеченском, даргинском, лакском, лезгинском языках, не говоря о своем, родном аварском языке.

Член Государственного совета учитель Шамиля Джамалутдин из Кази-Кумуха создавал свои научные труды на классическом арабском языке, свободно разговаривал на аварском, кумыкском, даргинском, лезгинском, чеченском, азербайджанском языках.

Прославленный наиб, мудар Шуаиб мулла, кроме родного чеченского, свободно владел арабским, аварским, кумыкским языками⁴.

Характерной особенностью, направленной на укрепление братской дружбы, единства, сплоченности всех народов и племен в государстве Шамиля, было уважительное отношение людей к языку своих соседей, не только к языку, но и культуре, традициям, обычаям,

национальным особенностям. Отношения людей так были устроены в государстве Шамиля, что знание языка братского, дружественного народа, становилось естественной необходимостью, мерилom, взаимного уважения их преданности и взаимоподдержки друг друга.

Огромная заслуга Шамиля, его государства заключается в том, что там не было места национальному вопросу. Политика, идеология, мораль и практические действия шамилевского государства были глубоко интернациональными, нравственными и высоко порядочными.

Шамилевский интернационализм – был важнейшим составляющим, фактором, обеспечившим столь долгое существование шамилевского государства в условиях жесткой борьбы со в сотни раз превосходящим по численности, экономическом и военном, географическом отношении противником в лице Российской Империи.

Братский интернационализм во всем, в том числе и в отношении, в выборе языка, главного языка общения между собой пронизывал и пропитывал Имамат с самых высших органов власти до низших звеньев управления. Так, например, состав Государственного совета Имамата был примером интернационального братства. Он состоял из представителей всех народов входящих в Имамат – аварцев, чеченцев, лакцев, ингушей, кумыков, даргинцев, лезгин, азербайджанцев, табасаранцев, ногайцев и т.д.⁵

Язык каждого народа, в Имамате и его структурах пользовался должным уважением и равенством во всех отношениях наряду с арабским языком. В пользовании и употреблении любого языка народов Дагестана, чеченского, ингушского и других не было никаких ограничений со стороны государственных структур в центре и на местах. В государственном совете, в структурах Имамата, в наибствах, в примечетских школах, медресе использование, изучение родных языков поощрялось и одобрялось так же, как изучение Корана, арабского языка⁶

, и самых разных наук. Также не было насильственного принуждения со стороны государства в деле изучения арабского языка. В то же время Шамиль все делал, чтобы повсеместно, во всех мечетях, медресе все без исключения изучали арабский язык, добился внедрения в своем государстве начального всеобщего образования, что было в то время огромным, до этого невиданным шагом в деле образования горцев. Изучение и знание арабского языка в жизни народов имело такое же огромное значение тогда, как сегодня знание, изучение русского языка для нас всех.

Арабский язык играл тогда в государстве Шамиля такую же важную роль, какую играет сегодня в нашей жизни русский язык. Языки народов Дагестана, Чечни, Ингушетии, Западного Кавказа в государстве Шамиля развивались относительно свободно, но не как сегодня. Сегодняшний уровень развития языков нельзя сравнить с тем, что было в Имамате, ведь в годы социалистического строительства был сделан огромный бросок в развитии и становлении национальных языков народов Северного Кавказа.

Деловые, бытовые контакты между представителями разноязычных народов Дагестана, Чечни, Ингушетии и других регионов Северного Кавказа и общение между ними в общественных местах: во время подготовки к большим сражениям с царскими войсками, военных и гражданских сборов, прохождения общегосударственных съездов представителей наибств, джамаатов, ученых и т.д., джамаатских, общинных встреч по тем или иным вопросам (мира, войны, улаживания конфликтов), подготовки крупных операций против неприятеля, строительство укреплений с участием ополченцев различных племен, как правило, проходили демократично, без малейшего притеснения того или иного языка, наречия. На таких сборах и местах скопления людей общение между людьми шло, как правило, на 2-3 языках или на одном

языке, на котором говорила большая часть присутствующих. В таких случаях каждый мог говорить на удобном ему языке. Если принимался какой-нибудь документ в письменной форме, то он составлялся, как правило, на арабском языке, потом, если возникала необходимость, и на языках народов, входивших в государство Имамат. Тогда в государстве Шамиля редко можно было встретить, особенно среди членов государственных структур, военачальников, наибов, сотников, муфтиев, кадиев и алимов, старшин аулов, лиц, не владеющих 2-3 и более языками народов Дагестана, Чечни, Ингушетии и других регионов Северного Кавказа.

Ближайшие сподвижники Шамиля Джамалутдин Казикумухский, Абдурахман-Хаджи Согратлинский, Лачинилав из Хариколо, Юнус и Раджабил Мухамад, Амирхан из Чиркея, Аскар-Хаджи из Капира, Курбан-али из Ашильта, Муртазали из Урада, Ахмеднаби из Ахты, Мухамад из Тануси, Хаджидада из Аракани. Абакаркади из Аргвани. Хаджиабдурахман из Тлярота и другие свободно разговаривали на многих языках народов Дагестана.

Например, большинство наибов, муфтиев, кадиев, мухтасибов, алимов в государстве Шамиля, как правило, владели минимум 2-3 языками народов. Знание других языков, образованность, умение писать и читать, ставилось очень высоко. Это было одним из главных критериев при подборе и назначении руководящих кадров⁸.

Отважный наиб Шамиля Хаджимурад свободно владел кроме своего родного аварского, кумыкским, азербайджанским, чеченским языками, читал и писал на арабском языке. Самый близкий и преданный друг Шамиля Юнус из Чиркея читал и писал на арабском, аварском, чеченском языках, разговаривал на кумыкском, лезгинском, лакском языках, мог объясняться и на татском языке, на родном языке своей супруги Зайнаб.

Секретарь Шамиля Амирхан из Чиркея разговаривал на 6 языках народов Дагестана, писал письма от имени Шамиля на арабском, кумыкском, аварском, чеченском языках.

Много людей, владеющих родными наречиями, многими языками народов Дагестана, Кавказа и Ближнего Востока было среди ученых Дагестана даже в самых отдаленных горных аулах. Особенно много их было в государстве Шамиля, в Нагорном Дагестане, в столице Дарго и Дарго-Ведено. Шамиль относился к ним с большим уважением и окружал их всеобщей заботой – «как наследников пророка, и маяки, освещающие души народа»⁹.

Молодой наиб из Салатавии Гебек, который погиб в 23 года в 1857 году защищая Салатавию от царских войск под командованием генерала Орбелиани, писал свои стихи, сочинения на арабском, читал и писал на чеченском, свободно говорил на кумыкском, объяснялся на русском языках¹⁰.

Прославленный наиб Шамиля Ахбердил-Мухаммад Хунзахский, талантливый и бесстрашный полководец, владел аварским, арабским, даргинским, тюркским, кумыкским, грузинским языками. После того как потерпел поражение от царских войск в битве за Ахульго и в начале сентября 1839 года вместе с Шамилем и несколькими мюридами оказался в Чечне, через полгода так хорошо говорил на чеченском языке, что многие чеченцы не думали, что его родным языком является аварский. Не исключением из правил было в Имамате владение очень многими должностными лицами и особенно учеными, да и рядовыми мюридами двумя и более языками, наречиями народов Кавказа.

Известный наиб Шамиля, мухаджир Абакар-Хаджи Акушинский «самый достойный сын своего времени, так как в нем сочетается ученость, непримиримость к врагам, предусмотрительность, слава» (из письма Шамиля своим сторонникам Кайтага и Табасарана 2 июня 1850

г.)¹¹ кроме своего родного даргинского владел аварским, кумыкским, лакским, азербайджанским языками.

Особенно следует сказать о мухаджирах, которые в абсолютном большинстве знали государственный арабский, свой родной и еще минимум 2-3 языка народов Дагестана, чеченский и другие языки. Старожилы рассказывают, что в селении Дылым жил мухаджир пожилого возраста, ученый, ногаец Ораз-бай, который свободно владел арабским, русским, кумыкским, чеченским, ингушским, аварским, турецким, кабардинским языками. Среди тех мухаджиров, которых Шамиль поселил на восточной стороне Дылыма в 1845 году, ногайца Оразбая запомнили из-за того, что в местной примечетской школе он преподавал арабский язык, народную медицину, астрономию и разговаривал с любым мухаджиром на его родном языке. Среди мухаджиров были люди самых разных национальностей¹².

Известный наиб Шамиля, прекрасный ученый хафиз, который еще юношей наизусть знал Коран, Мухаммад-Амин из Гонода, будучи в Дагестане до 1847 года знал кроме аварского, арабский, кумыкский, лакский, даргинский, чеченский языки, а став посланником Шамиля на Западном Кавказе не только объединил все племена в борьбе против царских колонизаторов, внедрил шариат, построил сотни мечетских школ и медресе, где обучал детей читать и писать на арабском, своих родных языках, но сам изучил и свободно владел адыгским убыхским, абхазским и турецким языками.

Изучение источников показывает, что всеобщее использование и внедрение арабского языка в государственных структурах, в делопроизводстве, дипломатической переписке, в создании научных трудов и произведений литературы оказывало влияние на развитие и становление письменностей и литературных языков народов Дагестана и других мусульманских народов Северного Кавказа.

Языки народов Дагестана, чеченский язык на практике выполняли многие функции государственного языка. Ранее, до создания Имамата, на территории Дагестана и Чечни и приграничных территориях, различных государственных феодальных образованиях, ханствах, роль официального государственного языка выполняли аварский, чеченский, кумыкский, даргинский, лезгинский, лакский и другие языки. На территориях Чечни и приграничных районах с Чечней – чеченский язык и, соответственно, свои языки на Западном Кавказе.

Одним из первых, государственным языком в Имамате вместе с арабским стал аварский язык, так называемый маарул мац¹, или «болмац¹» (язык войска). Это объясняется рядом исторических причин, и, прежде всего тем, что количество населения, говорящее на этом языке, было самым большим, среди всех народов Дагестана, территория распространения и воздействия занимала стратегическое положение. «Область распространения аварского языка прорезывает весь Дагестан от севера к югу, в виде полосы, северной оконечностью которой служит Чир-юрт, а южной – Закатала. Полоса эта простирается в длину около 160 верст, ширина ее различна: верст 70, находится в середине полосы, на параллели Хунзаха. Кроме того, язык это встречается небольшими островами (Технущаль и Ункратль), окруженными языками андийским и дидойским.

На означенном пространстве помещается более 400 селений и поселков с населением свыше 100 тысяч душ обоего пола»¹³.

Эти данные из исследований известного ученого Комарова составлены на основе переписи населения после окончания Кавказской войны, в ходе которой численность аварцев уменьшилась намного, а сотни сел и хуторов, отселков, стертые с лица земли царскими колонизаторами, так и не были заново восстановлены.

К началу кавказской войны в Дагестане было около 200 тысяч

аварцев, не считая на территориях нынешней Грузии и Азербайджана, а на территории Чечни было более 150 тысяч чеченцев. Колониальная война и политика геноцида Российской Империи привели к тому, что аварцев и чеченцев к концу Кавказской войны осталось менее половины. По истечении еще 18 лет (1897), после окончания войны, численность аварцев достигла лишь 158,6 тысяч человек¹⁴, даже более чем через 100 лет не была восстановлена эта численность. В 1926 году аварцев было 184,7 тыс. человек, а если бы не было вообще Кавказской войны, колониальной интервенции и геноцида со стороны Российской Империи, то к 1860 году численность аварцев по демографическим подсчетам составила бы свыше 600 тыс. человек, а нынешняя численность могла бы достигнута к 1895 году¹⁵, т.е. более чем 100 лет назад.

Такие же данные можно привести по другим народам и племенам, входившим в состав Имамата, особенно пострадали чеченцы, племена и народности, входившие в состав Северо-Западного Кавказа.¹⁶

Во все исторические времена, и так же к началу формирования, и в период существования государства Шамиля аварцы занимали «серединное положение в Дагестане, разделяя его на две части во всем протяжении с севера на юг и через это соприкасаясь с большей частью племен, населяющих эту страну. Понятно, что при таких обстоятельствах, аварский язык должен был получить еще более широкую область своего распространения: он сделался языком посредствующим для междуплеменных отношений во всем Дагестане»¹⁷. Объективному становлению аварского языка вторым государственным на территории Имамата, границы которого менялись постоянно, в зависимости от военных успехов, способствовало сложившееся веками этнографическое расселение аварцев на территории Дагестана и отдельных территориях нынешнего Азербайджана, Грузии, Ичкерии, с одной стороны. С другой стороны, взаимная территориальная близость

расположения, влияние быта, культуры, языка, социальной психологии, духовная близость, компактность проживания с кумыками, даргинцами, лезгинами, лакцами, табасаранцами, рутулами, цахурами, агулами, татами, азербайджанцами внутри самого Дагестана. Важным условием было также и то, что веками дагестанские народы вместе воевали против общих врагов, защищали свою общую страну, совершали походы против других народов и государств. Во многих случаях вместе с другими языками в качестве общевоинского, межплеменного языка использовался аварский язык.

Становление аварского языка на государственный уровень в Имамате имевшем свое влияние не только в Дагестане, Чечне и на другие регионы Северного Кавказа, способствовало и то, что «аварский язык не всегда находился в тех пределах, которые в настоящее время ее ограничивают»¹⁸. Далее там же отмечается, что еще до завоевания Дагестана арабами, ранее IX века аварский язык был распространен севернее Чирюрта, и племена, говорившие этим языком, некогда кочевали по кумыкской плоскости... «они некогда обитали к северу от Каспийского моря – на нынешней территории Астраханской области и Северо-Западного Казахстана... В то время аварцы были, как и теперь, первенствующим народом в Дагестане, и тогдашний их нуцал Суракат противопоставил сильный отпор арабам. По преданиям, этот Суракат, имевший местопребывание свое в Тануси (сел. в Хунзахском районе)¹⁹ повелевал народами от Шемахи до Кабарды и держал в своей независимости чеченцев и тушин... насчитывают до 20 нуцалов – предков Сураката»²⁰.

Источники показывают, что выполнение аварским языком отдельных функций государственного языка началось с появлением еще в раннее средневековье на этой территории государственных институтов. С распространением и утверждением ислама началось письменное

использование арабского алфавита для обозначения аварского языка. «Наиболее древним, дошедшим до нас опытом письменной фиксации аварской речи до недавнего времени считалось составленное на арабском в 1485 г. завещание аварского феодала Андуника, которое содержит запись 16-ти аварских слов с помощью арабских букв, близких по произношению к аварским»²¹. Для обозначения специфических аварских звуков, которых нет в арабском, были использованы «близкие по произношению к аварским», что стало первой попыткой писать по аварски». Если бы за этой попыткой не последовала серия таких же, а позже не возникла бы система письма на аварском языке на основе арабской графики,... как начало возникновения у аварцев письменности»²². Это не означает, что до появления арабской графики у аварцев не было письменности. Наиболее ранняя фиксация аварского языка арабскими буквами относится к XIV веку, которую обнаружил историк Т.М. Айтберов²³.

«В дальнейшем попытки приспособить арабский алфавит к аварской фонетике не прекращались: глоссарии на аварском языке были, их начали писать с начала 1660 г. Шаабай сын Исмаила из Обода и Тайиб сын Омара из Харахи (ум. в 1688), использовавшими в своих записях дополнительные знаки. Все записи Шаабана и Тайиба переведены на «болмац1», а не хунзахском диалекте, хотя оба они представители хунзахского диалекта»²⁴, о возникновении письменности аварского языка как общего пользования, выполняющего уже функции государственного языка. Сохранились также произведения, большое количество записей, целые поэмы и нравоучения на аварском языке Гасана из Кудали (ум. 1700), сборник наставлений в форме турки известного ученого Абубакара из Аймаки²⁵. В этот период в Дагестане аварский язык (болмац1), в Чечне чеченский язык активно функционируют не только как устно-литературные языки, но и как

сложившиеся формы письменности этих языков.

В период наивысшего подъема национально-освободительной борьбы, укрепления государства Шамиля более высокими чем раньше темпами развивалась в Дагестане, Чечне и других регионах наука, литература, образование, в том числе на национальных языках. Арабский язык не мешал развитию национальных языков, их письменности. Наоборот, «ни идеологи освободительного движения из арабистов, ни его противники не могли оставаться безучастными к развитию родного языка²⁶. Государственный совет Имамата особое влияние уделял развитию национальных языков, в том числе чеченского, и их письменности. Многочисленные письма Шамиля его наибам, другим должностным лицам на чеченском языке, написанные с использованием арабского алфавита, песни, стихи, отдельная переписка, даже строки боевого гимна воинов Шамиля, переведенные на чеченский язык, и написанные для воинов чеченцев говорит о том, что на практике чеченский язык выполнял функции государственного языка и языка межнационального общения в Чечне, в смежных с ней территориях Дагестана²⁷. Лачинилав из Хунзаха, будучи наибом Чеберлоя (Горной Чечни) на основе арабской графики создал свой вариант чеченского алфавита, на котором были созданы множество летописных хроник, стихов, песен, трактатов по теологии, истории, астрономии и другим наукам²⁸. В ходе походов по местам шамилевских битв в Чечне 1989-1994 годы автором было обнаружено десятки документов написанных на чеченском языке арабской графикой (письма Шамиля наибам, письма наибов Шамилю, стихи боевого гимна, летописные хроники, надписи на могильных камнях и другие документы).

Особое широкое использование как второго государственного языка и языка межнационального общения получил аварский язык: «Болмац1» среди аварцев (да отчасти среди андийских народностей)

более или менее активно выполнял как раз многие функции, которые, как хотелось бы имаму, должен был выполнять арабский язык. И, тем не менее, Шамиль по понятным причинам не мог «болмац1» объявить общегосударственным языком²⁹.

Шамиль проявлял заботу о совершенствовании аварского алфавита, созданного в свое время на основе арабской графики талантливым ученым Дибир-Кади из Хунзаха (1742-1817). Главная заслуга Дибир-Кади заключалась в том, что он осуществил окончательную разработку аджамской системы аварского алфавита, которым аварцы пользовались более 200 лет. Этой системой пользовались до 1928 г., с некоторыми усовершенствованиями. По указанию имама для унификации аварского письма и общеаварского языка (болмац1) была создана специальной комиссия, в состав которой входили видные филологи того времени: Лачинилав из Хариколо, Али из Кульзеба и другие.

Комиссия установила постоянный знак (букву) для обозначения аварского латерального ЛЪ: поставить три точки над буквой Л³⁰. Аналогичным образом были внедрены изменения во главе с Лачинилавом в алфавит чеченского языка. Не противился имам и переводу Корана на аварский язык. Это видно хотя бы из того, что когда Шамилю показали две Коранические суры, переведенные на аварский язык в порядке эксперимента, имам сказал: «Это богоугодное дело». Этим самым он продемонстрировал свое намерение способствовать развитию, наряду с арабским и местных дагестанских языков³¹.

Тем не менее, аварский язык «болмац1» на практике выполнял многие функции государственного языка, межнационального языка. Особую положительную роль в укреплении государства, в том числе в исполнении многих функций государственного языка сыграли почти все языки народов Дагестана, так как они объективно способствовали

развитию многоязычия, многоликости языкового общения, и интернационализации языкового баланса в государстве Шамиля. Возникновение письменности на лезгинском, даргинском, лакском языках на основе арабского алфавита относится к 2-3 столетиям позднее после принятия ими мусульманства в 1111 г. н.э. Появление письменных документов, подтверждающих наличие арабо-язычной письменности, а их фиксация письма лакцев, даргинцев, кумыков, лазгин проходила идентичным образом, как и у аварцев, по форме своей и времени и содержанию.

Об этом свидетельствуют записи на даргинском языке на навакуфных рукописях акушинской мечети, написанные в 1507 году в селении Акуша Идри-сом сыном Ахмеда лечебник, переведенный на лакский язык с персидского по поручению правителя Сурхай-хана в 1734 году, письмо кумыкского феодала Султанмута, адресованное русскому царю Алексею Михайловичу в 1654 г., которое написано арабским шрифтом на кумыкском языке, с некоторыми формами татарского языка и другие³². Большую положительную роль в государстве сыграл и кумыкский язык, который в ранние периоды был языком межнационального общения дагестанских народов, языком торговли, куначества, дружбы и братства.

Языки народов Дагестана, Чечни, Ингушетии, Адыгеи, Черкессии не мешали арабскому языку исполнять свои функции основного государственного языка, в государстве Шамиля, а наоборот, способствовали его развитию и обогащению, распространению и утверждению как основного государственного языка в первом многонациональном централизованном государстве на территории Северного Кавказа.

Национальные языки: аварский, чеченский, кумыкский, лезгинский и другие выполняли на практике отдельные функции

государственного языка, дополняя арабский язык, и помогая ему на практике, становились государственными языками.

Примечания:

- ¹ Н.С.Джидалаев. Язык общения Имамата. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Материалы Всесоюзной научно конференции 20-22 июня 1989 г. Махачкала, 1994. С.270-271.
- ² Н.С.Джидалаев. Там же. С.271.
- ³ Учеными, сотрудничающими с Фондом Шамиля составлен список наибов Шамиля, который постоянно дополняется.
- ⁴ Эти данные собраны автором в ходе многолетних экспедиций по шамилевским местам, встреч со старожилыми, краеведами.
- ⁵ Г-А.Д.Даниялов. Имам Шамиль. Г.Махачкала, 1996. С.71-79.
- ⁶ Об этом свидетельствуют письма Шамиля наибам, алимам, муфтиям и другим государственным чиновникам.
- ⁷ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала. 1997 г.
- ⁸ Письмо Шамиля о назначении наибов.
- ⁹ Абдурахман из Газикумуха. Махачкала, 1997.
- ¹⁰ Об этом свидетельствуют воспоминания старожилых сел. Дылым Казбековского района Дагестана, сел. Гендерген Ножауртовского района Чечни, записанные мною в ходе поисковых походов по шамилевским местам в 1991-1994 годах.
- ¹¹ Р.М. Магомедов. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала. 1999. С.457.
- ¹² Записано со слов Убайдат, внуки известного сподвижника Шамиля Султанбека в 1970 г. Магомедом Дадаевым.
- ¹³ Кавказские горцы. Аварские народные сказания. Тифлис, 1869. Москва, 1992. С.4.
- ¹⁴ М.У. Алексеев, М.Б.Атаев, Аварский язык. Москва. 1998. С.17.
- ¹⁵ Там же. с. 157, 8 тыс. человек в 1897 году численность возросла до 184,7 тыс. человек к 1926 г., 396 тыс. человек к 1970 г., 418 тыс. человек к 1979 г., 604,3 тыс. человек к 1989 г. и около 800 тыс. человек к 2000 г. По нашим примерным подсчетам.
- ¹⁶ Т.Х. Кумыков. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик. 1994.
- ¹⁷ Кавказские горцы. Аварские народные сказания. С.5, Тифлис, 1869. Москва, 1992.
- ¹⁸ Кавказские горцы. Аварские народные сказания. С.6, Тифлис, 1869. Москва, 1992.
- ¹⁹ Примечание автора.
- ²⁰ Там же. С.6-7.
- ²¹ М.Е.Алексеев, Б.М.Атаев. Аварский язык. М. 1998. С.20.
- ²² М-С.Саидов. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана. Языки Дагестана. Вып. III. Махачкала, 1976. С. 124.
- ²³ Айтберов Т.М. Аваро-арабская надпись из сел. Корода (XIII – XIV вв.) Эпиграфика Востока. М., 1985. Вып. XXIII. С.79-81.
- ²⁴ Тамже. С. 124.
- ²⁵ М.Е.Алексеев, М.Б.Атаев. Аварский язык. М., 1998. С.21.
- ²⁶ Б.Магомедов. Очерки аварской дореволюционной литературы. Махачкала, 1961.

С. 17.

- ²⁷ Далхан Ходжаев. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный. 1998. С.144.
- ²⁸ Он же. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный, 1998. С.114.
- ²⁹ Джидалаев Н.С. Язык общения Имамата. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. Материалы Всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1994. С.271.
- ³⁰ Саидов М. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана.). Языки Дагестана. Махачкала. 1976. Вып. III. С. 125).
- ³¹ Дадаев Ю.У. Дух свободы, жажда познания наук. Газета «Дагестанская правда», 1 февраля 1997 г.
- ³² Саидов М. С. Там же. С.126-132.

Делок Р. А.

г. Майкоп

Герои русско-кавказской войны в романе И. Машбаша «Жернова»

Тема русско-кавказской войны являлась и является злободневной и в литературе, но если идеологические установки в России, цензура, а также чувства и эмоции мешали спокойному, объективному системному изучению и исследованию, в том числе и художественному, трагических событий на Кавказе, то сегодня можно смело утверждать, что слова русского офицера царской армии, участника Кавказской войны К.Ф.Сталя стали пророческими: «Пройдут годы, изменятся обстоятельства, и постепенно успокоится Черкесия. Страна, на которой, так сказать, нет места, не окупленного подвигом, не ознаменованного кровавым событием. Когда-нибудь досужий писатель соберет материалы, прислушается к преданиям, опишет без прикрас эту войну». Этим писателем явился Исхак Шумафович Машбаш.

Подтверждением этому является исторический роман-эпопея «Жернова» (1994). На самом деле «Жернова» – это не история войны, а об истории, ее художественное осмысление. «Жернова» – первое эпическое произведение о русско-кавказской войне на Северо-Западном Кавказе. Оно воскрешает трагические, героические страницы истории адыгов первой половины XIXв. в борьбе за свободу и независимость, правдиво, на документальной основе рассказывает о бессмысленности этой кровавой полувековой бойни, в которую были втянуты царизмом многие народы – адыги, русские, турки, поляки, французы, англичане и т. д.

Такие исторические личности как Сафербий Зан, его сын Карбатыр, наиб Шамиля в Черкесии Магомет-Амин Асалаев, Асланбеч

Хаджемукров, Хатырбай Цей, Джирандук Берзедж, русские генералы Евдокимов, Вельяминов, Паскевич, Филипсон, Засс, флигель – адъютант, царя Николая I Хан-Гирей, простые казаки, сам Николай I, даже турецкий султан оказываются вовлеченными в острейший художественный конфликт романа, в котором события захватывающе разворачиваются с 30-х годов прошлого века и охватывают пять десятилетий трагических, героических страниц истории адыгов в русско-кавказской войне.

В одном из своих интервью Исхак Шумафович сказал: «Меня всегда интересовал не человек сам по себе, а человек общественный, исторический. Проза должна думать о вчерашнем, чтобы знать мир сегодня, человека в нем. Это главное измерение».

Исторический роман на то и исторический, что сюжетная линия его основана на подлинных событиях. Но какими бы «сухими» оказались страницы подобного произведения, если бы они не наполнялись автором образами живых людей, их пристрастиями и характерами, радостями и печалью, любовью и болью.

На первых же страницах романа мы встречаемся с главным героем. Это родовитый шапсугский князь Сафербий Зан. И дальше вкратце узнаем о том, что его еще мальчишкой отдали на воспитание предводителю русского войска в крепости Анапа Бухгольцу. Жена предводителя, Екатерина Михайловна – урожденная абадзехка из рода Едыгов, старалась воспитывать его так, чтобы он не забывал традиции, обычаи, нравы своей земли. Потом его отдали в Ришельевский лицей в Одессе. Море, бульвары, дворянское, офицерское общество, в лицее он познакомился и подружился с Газаром Серебряковым. Служил юнкером в 22-м Егерском полку под командованием полковника Рудзевича. То было счастливое время молодости, удали, блеска, мечтаний и первая неприятность – ссора с командиром полка и последовавший за этим уход

из русской армии. Турки захватили Анапу и Сафербий поступил на службу в турецкую армию. Русские отбили Анапу и он попал в плен к воинам, с которыми рос, дружил, мечтал. Выручил его давний друг Газар Серебряков – снял позор пленника. И снова Турция... Его отец Магометчерий Зан, полвека назад, стараясь поправить свои торговые дела, продал часть своих родовых земель на месте где теперь стояла крепость Анапа, и оно стало кровавым местом, где больше всех доставалось древней земле адыгов. Сын в душе винит отца за этот недалёковидный поступок. Но разве дети вправе осуждать поступки родителей? Это противоречит вековым законам «адыгэ хабзэ». А тут еще этот Адрианопольский договор, заключенный в 1829 году между Турцией и Россией, согласно которой России передавались черкесские земли от левобережья, от устья Кубани до Терека, от восточного берега Черного моря до Кабарды – это самые лучшие земли адыгов.

Сумрачно печально, тревожно на душе князя. Да, служил Зан и у русских, и у турок, но те и эти погоны лежали тяжелым грузом, – все же не враги они ему, но как можно отдать кому-то то, что тебе не принадлежит, мало того, никогда не принадлежало, где в мире справедливость?

Умный, образованный, владеющий разными языками политик, дипломат, князь Зан ясно понимает свое место и роль в народной борьбе и готов взять груз ответственности за судьбу своих соотечественников, пытаясь консолидировать их: «Я не устаю говорить, – всем надо объединиться в наше адыгское государство, надо стать под одно знамя, страна, у которой нет единого знамени, не может быть сильной¹.

Но, как справедливо отличает критик Х. Тлепцерже, «не смотря на то, что адыги... являлись одними из самых многочисленных и могущественных народов Кавказа, Сафербий Зан поначалу все же

переоценил их силу и возможности, не учел особенностей менталитета и психологии адыга, силы же и мощь Российской армии – недооценил»².

А происходило то, что происходит везде, где государство с большей военной силой вступает в общение с «первобытными» дикими народами для внесения цивилизации в их «дикие» нравы, тогда как этот «дикий» народ живет, может быть, более мирно и добро, чем его «цивилизаторы».

Однако вернемся к нашему герою. Не сразу Зан осознал необходимость союза с могучим соседом. Вначале он был твердо убежден, что «надо стоять насмерть, защищая свою землю», и лишь через нелегкие, порой драматические испытания и трудные поиски к сознанию и сердцам своих соотечественников становится ему миропонимание оно и составляет внутренне движение характера главного героя.

Даже теперь, когда он понял, что просто попался в умело расставленные сети, Сафербия не оставляют думы о своей земле, живя в Турции, не перестает действовать во благо своей земли. Здесь, в турецкой неволе зародился у него проект национального флага: «12-ю звездочками я обозначил 12 адыгских племен, я не выделил ни одного из них – ведь в объединении все равны. А вот насчет стрел мне пришлось изрядно подумать, поломать голову. И пистолет, и шашка, и кинжал, и ружье – многое приходило на ум, но я остановился на этих стрелах. Сегодня с нами воюют, мы защищаемся, стрелы скрещены, это значит, что мы не хотим воевать, а зеленый цвет – цвет лугов, гор, лесов»³.

Перед нами живой образ, радующийся жизни, любящий, страдающий, глубоко озабоченный адыгской болью, нависшей над отчизной смертельной опасностью политик, отмечает критика, он подчинил свою судьбу судьбе нации, личность трагическая, не сумевшая справиться со своей эпохой и ее главными проблемами. В конце жизни

он завещает сыну – надо искать мира с Россией, иначе погибнет весь народ адыгский.

Вот такую эволюцию познания претерпевает образ одного из самых ярких лидеров своей эпохи Сафербия Зана.

Достаточно значительное место в структуре романа занимает образ наиба Шамиля в Черкесии Магомет Амина Асалаева. В романе он представлен, как противник Сафербия Зана в борьбе за адыгское лидерство.

Из источников известно, что он родился в 1818 году в селении Гонода в Дагестане. В своей автобиографии Магомет Амин писал о том, что с 11 лет после смерти своего отца он скитался в качестве тельмиза (или ученика, студента). Затем стал последователем Шамиля и тот послал его в качестве наиба в Черкесию.

А со страниц романа мы узнаем, что 3-х летним ребенком он приезжал с родителями к адыгам и прожил 13 лет, выучил язык, потом уехал в Дагестан, побывал в Каабе, получил приличное духовное образование, служил в мечетях. Источники отмечают решительность и энергию нового посланца Шамиля: «10-летнее политическое поприще Магомет Амина замечательно по уму, искусству и настойчивости, с которыми он боролся против важных препятствий, поставленных на его пути»⁴.

Когда в конце января 1849 года Мухаммед Амин выступил на большом народном собрании абадзехов, где огласил цель своих действий – распространение шариата и политическое объединение адыгов для более эффективного сопротивления войскам России, большинство абадзехов поддержало наиба. И уже в течение зимы этого года он утвердил свою власть в Абадзехии, сформировал здесь управление государственного типа. Хитрый, умный, коварный, жестокий наиб, каким мы видим его в романе, знал и использовал самый

действенный способ к сознанию и сердцам доверчивых абадзехов. Машбаш тонко отмечает: «И хоть они не понимали смысла произносимых слов, слушали наиба с великим благоговением. Надо сказать, что не понятное, но приятное, благозвучное, действует иногда на человека сильнее понятного, именно своей таинственностью, а если еще речь идет о боге, о великих тайнах его, о непостижимой и влекущей к себе вечности, тогда и вовсе размягчаются души..., возникает необоримое желание любви, добра...»⁵

Да, ум, сильный характер, умелое чтение Корана, знание языка, его внешняя привлекательность, о которой указывают многие источники, в т. ч. записи Теофила Лапинского, встречавшегося с наибом 6 февраля 1859 года на реке Пшиш: «Внешность Мухаммед Амина располагала в его пользу. Лицо, окаймленное темной бородой, красиво и благородно и носит отпечаток лезгинской расы: он бодр, крепкого телосложения и выше среднего роста...»,⁶ способствовали укреплению его власти в Абадзехии.

Надо признать, Наibu за довольно короткий срок удалось добиться гораздо большего, чем кому-нибудь из адыгских лидеров.

Что же касается его деятельности, то известно, что всех адыгов богатых, он разбил на сотни, каждые 100 дворов выбирали своего управителя. Всю Абадзехию Мухаммед Амин разбил на 5 областей, расположенных по долинам рек Шхагуаше, Пшеха, Пчаша и Псекупса. Во главе областного управления мекмаме поставил управляющих, которые непосредственно подчинялись верховному управителю, т. е. ему. Каждая семья выделяла для нужд войны одного, а в случае необходимости 2-х вооруженных всадников.

Ужесточились наказания за воровство, неверность мужу, несоблюдение законов шариата, и наблюдались жестокие сцены расправы с инакомыслящими, предателями и т. д. Он четко, жестко шел

к поставленной перед ним Шамилем цели и сдался в плен, когда тот сошел со сцены.

Благодаря таланту художника Машбаша, мы можем наблюдать не только действия, поступки, но и тайные мысли чувства героя, его раздумья о мужественном народе адыгов, находит в себе силы, мужество признаться Зану: «Я виноват, что не послушался тебя, не помог объединить адыгские племена в единое государство». Но Зан, конечно, понимал, что даже если бы это и случилось, произошло бы неизбежное – изгнание адыгов из родной земли и это был необратимый процесс.

Живой, полнокровный образ создал писатель Машбаш в романе. «Внешне привлекательный, с множеством позитивных черт, отмечает Х. Тлепцерше, – Магомет Амин предстает со страниц романа как ловкий и хитрый политический делец, авантюрист, играющий судьбами сотен тысяч адыгов».

Хотелось надеяться, что последняя встреча этих двух великих личностей на абадзехской земле закончится миром, но опять же взаимные упреки, личные амбиции, и надежда на сотрудничество во благо своего народа тает, как тают последние страницы романа.

Два образа, две исторические личности, два антипода, сыгравшие огромную роль в исторической судьбе адыгского народа, их жизнедеятельность художественно осмыслена автором на фоне той исторической эпохи, в которой им довелось просуществовать и творить.

Такова роль исторических личностей в мировой истории. Это они и сейчас вершат судьбы миллионов людей одним знаком, взглядом, жестом, в переломные судьбоносные моменты. Их ошибки, амбициозность приводят к войнам, трагедиям, гибели целых народов, или, наоборот, к расцвету. Вспомним известное положение марксизма о том, что не герои делают историю, а история делает героев. Выдающиеся личности могут играть серьезную роль в жизни общества

лишь в том случае, если они сумеют правильно понять условия развития общества, понять, как изменить их к лучшему.

Сегодня когда мы приобрели государственность, над ним реет тот самый зановский флаг с 12-ю звездочками и мирно скрещенными тремя стрелами, нельзя не отметить писательский гуманизм народного писателя Адыгеи И. Ш. Машбаша, именно гуманизм, а не призыв к мести. Роман «Жернова» – предостережение от новых исторических ошибок и трагедий. В этом смысле не только историческая проза, но и все творчество И. Машбаша – мощный пласт в строительстве и сохранении мира, добрососедства и согласия между народами.

Примечания:

¹ Машбаш И. «Жернова». Майкоп, – 1993 – 16 С.

² Тлепцерже Х. Разговор о вечном Москва. 2003 г. – 364 С.

³ Машбаш И. «Жернова» – Майкоп, 1993, 192 С.

⁴ Казем Бек М. А. Мохаммед Амин // Русское слово. Сп. б, июнь 237 С. 18 июля

⁵ Машбаш И. Жернова Майкоп, 1993 274 С.

⁶ Лапинский Теофил (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских: Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. – Нальчик, 1995 – 399 С.

Философско-нравственные основы романа

Б. Тхайцухова «Горсть земли»

Тема махаджирства – насильственного переселения горских народов в Турцию – интенсивно разрабатывается, начиная с конца 50-х годов, в литературах народов Северного Кавказа. Эта тема оказалась в центре внимания в основном в силу того, что она долгое время была под запретом, как и тема Кавказской войны, хотя эта тема является одной из самых трагических и кровавых страниц в истории народов Кавказа. Следует отметить, что этот период был обойден советской историографической наукой, историками-кавказоведами.

Махаджирство, как геноцид, расизм, апартеид, колониализм – это написанные кровью трагические строки истории кавказских народов, вынужденных оставить родной кров и переселиться в страны Ближнего Востока, были осмыслены в фольклорных жанрах-хабарах, песнях-плачах. Используя художественные традиции художественного выражения этой темы, собственно литературный опыт создания емких форм эпического повествования, абазинские писатели, равно как и писатели Северного Кавказа, обратились к этой судьбоносной теме, что увенчалось первыми романами Б. Тхайцухова «Горсть земли» (1966 г.), Б. Шинкуба «Последний из ушедших» (1982 г.). Эта традиция будет продолжена в северокавказских литературах историческими романами М. Эльберда «Ищи где не прятал», И. Машбаша «Хан-Гирей», А. Лохвицкого «Громовой гул» и др. Авторы первых исторических романов основываются на документальных данных, вскрывающих причины и следствия трагического исхода народов, вынужденных оставить родные

места, вскрывают трагедию геноцида и, в связи с осмыслением судьбы народа именно в этом разрезе, углубляют философию более глобальной проблемы жизни и судьбы этноса.

Однако историческая тема не ограничивается событиями Кавказской войны, проблемой махаджирства и геноцида. Как известно, фольклорные жанры этого периода обогатились целым рядом произведений поэзии и прозы, в которых подняты социально-политические проблемы времени. Создаются образы крестьянских вожаков, рассказываются хабары о насилии феодалов, о крепостной зависимости крестьян. Литература, развивающая философские и этнокультурные традиции народа, также обращается к непреходящим ценностям, на основе которых появляются романы и повести: З. Хачукова «Проданный с конем» (1966 г.), П. Цекова «Мечь горного аула» (1967 г.), Х. Жирова «Пробуждение гор» (1962 г.).

Таким образом, последствия махаджирства поразительны по своей трагичности: физическое и духовное истребление людей, утеря национального единства и, наконец, исчезновение с лица земли целых народов (например, убыхов). Все эти исторические научные знания, преломляясь сквозь призму авторского мироощущения, воплотились в художественных образах исторических романов Б. Тхайцухова и Б. Шинкуба. Исследователи абазинской и абхазской литературы рассмотрели принципы воплощения этой темы в сравнительно-сопоставительном плане: ценные суждения о поэтике этих романов, об особенностях эпического романа мы находим в трудах В. Тугова, А. Ладария, С. Бигуаа, В. Авидзба и других литературоведов.

Сравнительный анализ авторских интерпретаций темы махаджирства выявляет общность в идейно-тематической проблематике романов, обращенных к прошлой и недавней теме абазинской прозы, синтезирует вопросы как общечеловеческого значения, так и сугубо

национальные: судьба отдельного человека в единстве с судьбой его народа, право нации на свободу и независимость, роль личности в истории, проблемы ассимиляции народов, патриотизма, интернационализма, дружбы, любви, становления личности, судьбы кавказской женщины и т.д.

Идейно-тематический замысел романов Б. Тхайцухова и Б. Шинкуба проецируется через образы главных героев Зуркана Золока и Асият на весь народ для усиления горького опыта ошибочности выбора. Типичным явлением для многих первых романов младописьменных литератур была временная статичность: художественное время почти не отражало движения исторического процесса, а ограничивалось только развитием сюжета и психологических переживаний, отсюда растянутость, монотонность, отсутствие диалектического движения в действии романа. В произведениях прозы Б. Тхайцухова и, особенно в его романе, как и в романе Б. Шинкуба, этот барьер преодолен.

Новое восприятие прежних художественных задач заставило авторов новаторски переосмыслить структурные принципы романа, в частности, приключения героя, поставленного в центр повествования. И в романе Б. Тхайцухова, и в романе Б. Шинкуба категория времени предстает в новом эпическом качестве. И у Б. Тхайцухова и у Б. Шинкуба присутствует образ рассказчика, мудреца, образ хранителя, который передает герою историю махаджирства и всего того, через что прошел народ-изгнанник.

Через этот образ писателем исповедуются лучшие философско-нравственные представления народа, ибо жизнь народа оказывается пропущена через память и сердце народа, что требует эмоционально выразительных средств его выражения.

В романе Б. Тхайцухова наряду с философско-нравственным принципом осмысления исторического прошлого народа наглядно

проступает и принцип историзма в изображении прошедшей эпохи.

Используя различные художественные приемы, диалектически сочетая вымысел с документальностью, автор исследует причины и истоки махаджирства, раскрывая это явление во всей многоплановости, во взаимосвязи с исторической действительностью, с философско-нравственными и этнокультурными традициями народа, сохраняя при этом понимание неразрывной связи времен, обусловившей и ощущение будущего.

Нравственно-этическая проблематика романа «Горсть земли» базируется на этнонациональных традициях абазин, нравственных идеалах, философских воззрениях, представлениях о мире, добре, зле и справедливости. Сам выбор темы романа проистекает из желания автора показать философско-нравственные представления таких извечных ценностей и понятий, как родина, родная земля, родной очаг, дом, понятие свободы, чувства патриотизма, чести и долга и т.д.

Этнокультурная, фольклорно-эпическая традиция абазин находит отражение не только в самой теме романа, ибо, начиная с нартского эпоса, тема защиты родины, дома, земли, очага, его народа от всевозможных бедствий является основополагающей темой для всех жанров героико-эпического наследия абазинского народа. В осмыслении нравственных и гуманистических проблем, связанных с понятием **хъац1ара** (мужество), **г1выч1вг1высаг1ара** (человечность) и др., было положено начало литературного осмысления данных проблем, воссозданы философия и философские основы этих традиционных представлений народа. Эти нравственные и этические идеалы народа наиболее ярко и отчетливо проявились в связи с махаджирством, массовым уходом абазин после окончания Кавказской войны и в ее ходе в страны Ближнего Востока, в Турцию, Иорданию и т.д.

Обращаясь к этой теме, Б. Тхайцухов продолжает начатую еще

К. Джегутановым разработку эпической темы, темы судьбы, стремится утвердить в абазинской прозе 60-80-х годов своеобразный жанр романного повествования, своего рода роман-судьбу. По мысли многих исследователей-литературоведов, изучающих динамику жанра романа в новописьменных литературах, эта родовая разновидность (роман-судьба) приходит вослед и существует одновременно с историко-революционными жанрами романа, начало которым было положено Х. Жировым, И. Табуловым. Сама тема обязывает писателя обратиться к психологическим, нравственным и другим моментам, сопутствующим трагедии народа, вынужденного испытать горечь разлуки с родиной, угасание очага, утраты в ходе переселения своих родных и близких.

Не случайно тема махаджирства в фольклоре народов Кавказа, в том числе абазин, получает не только героико-эпическое выражение, когда славится героизм защитников родины, но и, прежде всего, нравственно-психологическое и философско-этическое значение. Известно много песен-плачей, в которых воссозданы ужасающие картины разлуки с родиной, переживания вызванные картинами разорения аулов, очагов. В связи с эпической темой махаджирства, впервые поднятой Б. Тхайцуховым, независимо от появления на эту же тему романа-судьбы абхазского писателя Б. Шинкуба «Последний из ушедших», нравственно-этическая проблематика входит в ткань и структуру художественного повествования, расширяя горизонты этического повествования, углубляя философско-нравственную концепцию эпического героя, обогащая концепцию проблематики романа-судьбы, а также, усложняя и психологически насыщая художественный конфликт романа.

Дзыба А.Х.
г. Черкесск

Кавказская война и абазинская литература

Одним из первых тему кавказской войны в абазинской литературе затронул Т.З. Табулов в своем рассказе «Джалдуз» (1926 г.). Рассказ «Джалдуз» носит эпический характер, где смерть героя – неотъемлемая часть эпического повествования. Автор воскрешает в своем рассказе эпизод кавказской войны. Это живое повествование о бесчеловечном варварском убийстве и истреблении офицерами царской армии ни в чем не повинных людей, о разорении одного из абазинских аулов.

Кавказская война и махаджирство – это антропологическая катастрофа абазин, абхазов, адыгов и других народов, но не русское крестьянство истребляло горцев и сжигало Кавказ, а «бравое казачество»; а русские офицеры писали об этом с поразительной завистью о героической отваге и мужественной смерти горцев.

В «дореволюционные годы» в своих мемуарах отрицательно отражались на состоянии исторической прозы различного рода тенденции в литературе на освещение правды. Были извращены некоторые факты в освещении национально-освободительного движения горцев. Тема о насильственном переселении горцев была не до конца освещена. Но, несмотря на это, абазинские писатели, опираясь на богатые эпические традиции, старались затронуть и раскрыть эту тему.

Воскрешение этих исторических моментов в судьбе народной обусловлено ростом национального самосознания. Благодаря этому, благодаря историко-генетической памяти, фольклору, «молве народной» сохранились в народной памяти исторически значительные воспоминания, и передавались они от одного поколения к другому; от

одного события к другому через десятилетия и века, не теряя связи времен и поколений. Исторические реалии Кавказской войны и махаджирства стали составной частью общекавказской ментальности. Тому свидетельствуют романы М. Мамакаева «Зелимхан», А. Шортанова «Горцы», Б. Тхайцухова «Горсть земли», Б. Шинкуба «Последний из ушедших», К. Джегутанова «Золотой крест», «Лаба», произведение Лохвицкого «Громовой гул», И. Машбаша «Два пленника» и многие другие исторические произведения. Эти произведения пояснили важнейшие моменты исторического бития народов, отделенных от сегодняшнего дня целыми веками.

Тематика вышеперечисленных авторов и их произведений общая, проблема одна – русско-кавказская война и ее последствия. В основу дилогии К. Джегутанова «Золотой крест» (1981 г.), «Лаба» (1983 г.) легли исторические события, показывающие жизненный путь абазинского народа с древнейших времен: в произведении отражена борьба народа против чужеземцев, насильственного насаждения религии: христианства и мусульманства.

Особенностью изображения конфликта с таким трагизмом является противоборство социальных миров и идеологических устремлений, ожесточение борьбы, конфликта, трагедии заблуждения и, народ становится на путь гибели.

Нравственные правила, представления о чести, порядочности привиты героям через генетическую связь, (связь времен и поколений не прерывается), это все переходит в традицию. Принципиальность и бескомпромиссность главного персонажа Дамхура и других героев поучительны для нас и сегодня: они вобрали в себя лучшие традиции этических установок абазин. Все в дилогии становится историчным: образ царя Джандры, Мсыра, Маматы, Шабата, Рауана и других.

Судя по масштабности и исторической последовательности

исторических событий, отраженных в диалогии, К. Дзегутанов непременно затронул бы и тему Кавказской войны и махаджирства, но этому помешала преждевременная смерть писателя.

Кавказская война была одним из самых несправедливых реакционных войн. Русским нужна была земля, а в аборигенах же не было никакой надобности. Они насильственно изгоняли их или истребляли.

Царские колонизаторы стремились любым путем избавиться от непокорных и свободолюбивых горцев. И главным орудием для этой экспансии послужило казачество. Что такое казачество? – казачество – расширение владычества России от Сибири до Кавказа. И не для кого не секрет, что они выполняли миссию карателей на Кавказе!

Кавказская война подвела народы Кавказа к исчезновению.

Многочисленные этносы были сведены почти на нет. Царская Россия, с «оружием казачество» в руках, безнравственно начала вести страшный процесс геноцида, (стр. 59, 69).

В монографии профессора Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия на стр. 195 читаем: «При наших погромах множество людей разбегалось по лесу, и в этой кровавой трагедии нередко матери разбивали головы своим детям» (32, 195). Когда читаешь такие строки из записных дневников очевидцев-завоевателей, русских генералов и их сподвижников того страшного ада, волосы на голове «становятся дыбом».

Никогда еще история человечества не помнит такого факта, когда мать убивает своего родного ребенка, чтобы понять это, нужно знать Кавказ и ментальность людей, населяющих его. Свидетельством тому служат слова очевидца Дроздова в записях «Последняя война на Кавказе»: «...Чувствуешь невольное уважение к неприятелю, который без единого звука жалобы умирает».

Для горцев эта война была национально-освободительной, для русских – колонизаторской.

Выселение оставшейся горстки горцев происходило грубой силой – уничтожались дома, сжигались поля – а затем сгонялись к берегу вилами – оставалось одно, уплыть в Турцию. Царские колонизаторы «увозили весь Кавказ на кораблях», и они это делали чужими руками – турецкими, да и самими обманутыми горцами и князьями. Таким образом, царская Россия расширяла свои границы, придерживаясь девиза: «Кавказ – без кавказцев!». Они истребляли аборигенов, подвергнув их геноциду махаджирства.

Судьба главной героини Б. Тхайцухова Асият («Горсть земли» (1966)) перекликается с судьбой Зауркана Золака Б. Шинкуба («Последний из ушедших» (1986) и на чужбине складывается также трагично. Через судьбу этих героев мы узнаем в обнаженном виде о «райской жизни» махаджирства. Махаджирство принесло много слез и горя.

Махаджирство – факт большого исторического масштаба для кавказских народов, и оно сыграло в этих произведениях не роль внешнего фона, а превратилось в основную художественную ткань этих произведений. Как известно, опыт насильственной прививки новых форм жизни кончается неизбежным трагическим крахом.

Уничтожая часть этнокультурного органа нации, солдаты царской армии уничтожали сам народ. Фраза фельдфебеля костромича Кожевникова «абреки – (имеются в виду горцы – А. Дз.) – вырастают несеянными, пропадают нескошенными», – имеет обобщенно-философский и универсальный смысл: потеря культурного наследия одного народа нарушает естественный баланс человеческой цивилизации.

Доного Х. М.
г. Махачкала

**«НАШ ЦАРЬ ШАМИЛЬ»
или русские в имамате**

Сказать, хорошо или плохо относился имам Шамиль к пленным русским солдатам, видимо, нельзя. Все зависело от того, в какой обстановке были захвачены пленники, представляли ли они ценность для имама (имеется в виду для обмена военнопленных, для выкупа или работы по хозяйству в имамате и т.д.) Особое внимание было у Шамиля к добровольным перебежчикам из царской армии. Крепостническая эксплуатация в царской России, произвол и гнет командования вынуждали русских солдат бежать к горцам. Побег солдат в горы особенно возросли в 40-х годах XIX в., когда в солдаты стали брать людей из западных губерний Российской империи, и когда Шамиль стал одерживать победы.

Интерес представляют сведения из рапорта начальника левого фланга кавказской линии генерал-лейтенанта Ольшевского генерал-лейтенанту Грабе о мерах предотвращения дезертирства нижних чинов:

«9 января 1842 г. Весьма секретно. Вашему превосходительству известно, что до сих пор наши военные дезертиры считались у чеченцев ясырами и принуждены исполнять самые трудные работы. Каждый военный дезертир составлял собственность того чеченца, которым был пойман.

Ныне Шамиль изменил этот народный обычай и постановил давать свободу всем военным дезертирам. Он собрал уже до 80 человек беглецов, из коих некоторых, если они находились у сильных людей, купил, а остальных отобрал. Шамиль оставил при себе из этих людей

стражу, дал им оружие и отвел им землю в Дарго для поселения, но пока они выстроят себе дома, Шамиль дозволил им жить у кунаков.

Дурное обращение чеченцев с нашими военными дезертирами удерживало многих неблагонадежных солдат и в особенности поляков от побегов, но если теперь они узнают, что Шамиль дает свободу дезертирам, то я боюсь, что побегии увеличатся. Я помню, что в экспедиции за Кубанью в 1834 г. чрезвычайно много бежало поляков, но побегии уменьшились, когда поляки узнали, что шапсуги дурно с ними обращаются и изнуряют тяжкими работами.

Если мои опасения окажутся справедливыми, то я полагал бы для удержания солдат от побегов первых пойманных военных дезертиров расстрелять. О чем имею честь представить на благоразумие Вашего превосходительства, доношу, что я с сим вместе предписал всем частным начальникам усугубить надзор за ненадежными солдатами и доложить мне тот час о тех, кои учинят побег» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала. 1959. С. 329).

Видимо, опасения генерал-майора Ольшевского были не напрасными, так как вскоре (в сентябре этого же года) из Петербурга следует царский приказ о том, чтобы «соглашать непокорных (горцев) к выдаче дезертиров за соль». Наивно полагая, что горцы, соблазненные дефицитным товаром, будут выдавать перебежавших к ним солдат, царское командование потерпело в этом вопросе неудачу.

Шамиль ценил тех перебежчиков или пленных, которые владели какой-нибудь специальностью. Так, например, из пленных, взятых после захвата горцами укреплений Балахани, Шамиль оставил при себе горнистов, барабанщиков и мастеровых и роздал некоторых нижних чинов своим приближенным, «всех остальных затем нижних чинов, а также и офицеров отправил в сел. Дарго».

Рядовой Максимов, освобожденный из плена, рассказывал, что в бытность его в Дарго он видел там до 15-ти русских офицеров, которые содержались на гауптвахте – под караулом, все в колодках, а бывший унцукульский комендант – в кандалах. Тот же Максимов видел в Дарго до 500 беглых солдат, которые использовались Шамилем для прислуги при орудиях, а некоторые – домашними рабочими у своих новых хозяев.

Другой очевидец, эрпелинский житель Шамсудин Амин-оглы, находясь по делам в Дарго, видел около 400 русских солдат – беглых и пленных, все они жили вместе в отдельном помещении. Солдаты эти, по его словам, через каждые 2-3 дня являлись на учение под командой бывшего солдата царской службы, поменявшего свое имя и веру Идриса.

Переманить обратно, вернуть беглых солдат и офицеров русскому начальству в целом не удастся, и вот уже в марте 1845 г. кавказское командование обращается с воззванием к русским солдатам, бежавшим в горы:

«Главнокомандующий на Кавказе генерал-адъютант граф Воронцов объясняет сим по высочайшему Государя Императора повелению всем русским солдатам, бежавшим из разных полков и команд в горы до нижеозначенного числа, что те из них, которые добровольно явятся из бегов, Всемилостивейше прощаются и поступят по прежнему без всякого наказания или какого-либо взыскания на службу.

Таковой Всемилостивейшей Государя императора милости лишаются:

1. те из беглых солдат, которые обвиняются в убийстве;
2. те, которые бежали с часов.

Главнокомандующий надеется, что беглые солдаты поспешат воспользоваться монаршим прощением и милостью и не захотят оставаться дольше в нищете и среди иноверцев» (*Там же.* – С.486).

Тем не менее, немало беглых солдат и офицеров решило все таки остаться «в нищете и среди иноверцев». Вот что пишет Абдурахман, зять Шамиля, в своих воспоминаниях:

«...Когда Шамиль переселился со своими товарищами мухаджирами в Новый Дарго (т.е. Ведено)... у него находилось около трехсот солдат, перебежавших к нам из разных мест, или же пленных. Среди них были часовщики, кузнецы, плотники, мастеровые. Шамиль велел верному своему мюриду Черному Алимаммаду Грубому, назначенному над солдатами (комендантом), построить для них специальный поселок около Дарго, собрать их там и отпустить провизию и обмундирование из казны через казначея Шамиля и дать им полный отдых. Шамиль говорил, что эти солдаты необходимы, в боях они будут при пушках и будут чинить разбитые части пушек.

Алимаммад построил для них поселок и разместил их там как велел Шамиль, и отпустил для них все необходимое. В их распоряжение предоставил землю для посадки капусты, кукурузы, лука и др. Солдаты обосновались там и жили мирно, довольные велением Аллаха и Шамиля. Они обрели покой, жили без притеснения. В комнатах были иконы, которым они поклонялись во время молитв, имели спиртные напитки, изготовленные из винограда, и самогон из проса и других злаков ... Из этих солдат один принял ислам и звался Хасаном... Если солдат проявлял отвагу, имам награждал его серебряной медалью «За отвагу», как и мусульман, и вешал ее на его плечо» (*Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. - С. 102*).

А вот показания жителя аула Катер-юрт Устархана, бывшего в Ведено по торговым делам: «Шамиль живет в ауле Ведено, окопанном по обеим сторонам речки Хул-Хул. В хорошо устроенном огромном сарае хранятся 8 больших орудий (вероятно крепостных)... и несколько малых пушек; все они на лафетах, выкрашенных зеленою краской.

Беглые солдаты смотрят за ними и деятельно занимаются постройкою лафетов, зарядных ящиков и колес, часть совершенно готова и окрашена зеленою краскою» (*Движение... - С.498*).

Устархан видел также много барабанов, сложенных вместе, и флигель горнов, на которых играли по вечерам. «Всех беглых солдат, – продолжал очевидец, – в Ведено до 300 человек, между ними назначены за старших, в звание офицеров. Так называемые офицеры ездят верхом, а солдаты все пешие. Вооружение их составляют разного калибра азиатские ружья, пистолеты и шашки, одеты в черкесках. Живут довольно хорошо и своевольны в своих поступках. Недавно удержали у себя маленького сына Шамиля, который, гуляя, забежал к ним. Отец должен был подарками выкупить малютку. Солдаты большей частью женаты на чеченках, но есть и русские женщины и много детей телохранителей шамилевых» (*Там же*).

Существуют сведения о драгуне Нижегородского полка Родинцеве, который осенью 1850 г. перешел на сторону Шамиля, поселился в Дылыме, женился на горянке и сделался преданным Шамилю, который наградил его храбрость серебряным орденом.

Что касается одежды, то казначей Шамиля Хаджияв выдавал солдатам из казны одежду на один год или мануфактурой, либо деньгами на ее приобретение.

«...Солдаты, – писал Абдурахман в своих «Воспоминаниях», в разговоре называли его (Шамиля) «Наш царь Шамиль». Они сильно любили его» (*Абдурахман...- С. 103*).

Когда после окончания Кавказской войны Шамиль жил в Калуге, к нему иногда приходили бывшие пленные и беглые русские солдаты. Пристав А.Руновский пишет, что один из этих бывших пленников, как только увидел Шамиля, бросился к нему, схватил его руку и поцеловал. Пристав потом стал допытываться у солдата:

Зачем ты поцеловал у Шамиля руку? Ведь он уже не хозяин твой. В горах, может быть, вас и принуждал к тому, ну а здесь для чего ты это сделал?

Нет, отвечал бывший пленник, нас не принуждали целовать у «Шмеля» руку, а я это сделал так, по душе.

Как же по душе?

Да так, что человек – то он стоящий: только тем пленным и бывало хорошо, где Шамиль жил или где проезжал он. Забижать нас не приказывал нашим хозяевам, а чуть бывало, дойдет до него жалоба, сейчас отнимет пленного и возьмет к себе, да еще как ни на есть и накажет обидчика. Я сам видел сколько раз.

Так он хорош был для вас, пленных?

Хорош, Ваше благородие, одно слово – душа! И дарма, что в Христа он не верует, однако стоящий человек» (*Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала» 1989. – С. 62*).

Необходимо отметить, что если «отсталый азиат, варвар», каким нередко представляли имама российские авторы, Шамиль проявлял к русским перебежчикам и военнопленным такое человеческое отношение, то иным было отношение «цивилизованных» европейцев к «азиатским» перебежчикам и военнопленным.

Дышекова М.

г. Нальчик

Шариат в практике Временного Кабардинского суда

Завоевание Кабарды в ходе Кавказской войны в основном завершилось в 1822 г., когда здесь вместо упраздненных мехкеме был учрежден т.н. Временный суд, полностью подчиненный военной администрации¹.

29 августа 1822 г. Главноуправляющий Кавказом генерал А.П. Ермолов издает «Наставление», в котором излагались правила работы суда, учрежденного «для разбора дел между кабардинцами, впредь до издания особенных правил»². Учреждение Ермолова обладало не только судебными, но и административно-политическими прерогативами, реализовывавшиеся под непосредственным руководством «местного в Кабарде начальника, артиллерии полковника Коцарева»³.

В п.9 «Наставления» говорилось: «все дела гражданския и спорныя между кабардинцами, равно и претензии на них от людей инородных, разбираются и решаются по их древним обычаям и обрядам, приспособляя оныя, поколику важность случаев дозволить, к правам российским». В п.15 оговаривалось: «Дела уголовныя разбирательству суда сего не принадлежат и подвергаются вообще законам и строгости военной»⁴.

Шариату в прерогативах Временного кабардинского суда отводилась ограниченная роль. П.4 устанавливал: «для дел духовных полагается при сем суде быть одному кадию»⁵. «От казны Его Императорского величества» кадию в числе прочих должностных лиц Суда полагалось «достойное содержание» 300 руб. в год⁶.

П.20 определял, что «никто из духовенства кабардинского не мешается в разборе дел гражданских». В п.21 перечислялись «предметы, разбирательству духовного суда принадлежащие:

- а) Дела, до веры и совести касающиеся.
- б) Дела по несогласию между мужем и женою.
- в) Дела между родителями и детьми.

г) Вообще дела, не имеющие улик, ясных доказательств и письменных свидетельств». П.22 уточнял: «Все дела разбираются на основании их закона; все прочия решаются судом»⁷.

По словам генерала Эмануеля, «к учреждению в 1822 году Временного кабардинского суда побудили Кавказское начальство сильные жалобы простаго Кабардинского народа на угнетения, претерпеваемые ними от несправедливаго разбирательства дел их шариатом, которыя, несмотря на несовершенное действие Кабардинского суда, прекращены уже, и доверенность, с котораю чернь предается ему, явно доказывает полезное влияние этого суда на общественную жизнь Кабардинцев»⁸.

Т.Х. Кумыков считает, что «постановление Ермолова об отмене трех шариатских судов и о создании единого для всей Кабарды суда, безусловно, имело положительное значение. Оно способствовало ликвидации феодальной раздробленности, межфеодальной борьбы и оказывало полезное влияние на общественную жизнь кабардинцев»⁹. Это мнение разделяет и С.Н. Бейтуганов¹⁰.

Нам не известны документы с просьбами кабардинских крестьян о ликвидации шариатского суда. Но достаточно определенно пишет об отношении крестьян к шариату Б.А. Гарданов. Он считает, что практика шариатского суда «возбудила против него недоверие и недовольство народа». Оно и нашло отражение в известной статье сборника кабардинских адатов 1844 г., по которой шариатом не должны были

решаться дела, касающиеся «черного народа, который не согласен на это»¹¹.

Очевидно, Б.А. Гарданов ошибочно принял норму «Народного условия» 1807 г. за нововведение второй четверти XIX в. Источники же не оставляют сомнений, что упразднение мехкеме и значительное ограничение юрисдикции шариата вызвало в Кабарде движение за его возвращение в судопроизводство. Вместе с этим продолжалось его использование в судебной практике, в большинстве случаев, вопреки ермоловским постановлениям.

Движение за возрождение шариата началось сразу же после учреждения Временного кабардинского суда. Движение поддержали широкие слои общества во главе с влиятельными князьями, дворянами и народным кадием Хаджи Умаром Шеретлоковым. Основной формой требований стали устные и письменные обращения кабардинцев к представителям военной администрации.

В приказе генерала Ермолова «почетным владельцам и узденям кабардинским» от 30-го октября 1823 г. читаем: осенью 1823 г. «Члены Суда кабардинские уздени Бей-Арслан Куденетов и Наджу Арсланкеров представили» Ермолову «описание прежних обычаев Кабардинского народа, а при том и прошение о введении по прежнему шариата, будто бы для облегчения народа доселе существовавшего»¹².

В этом приказе Ермолов раскрывает основные положения политики царской администрации в сфере судопроизводства в рамках всего покоренного Россией к тому времени мусульманского Северного Кавказа. «Всегда старанием моим было, и самим собою лучший еще подаю пример, уважать закон мусульманский и потому не сделал я нигде постановлений, оному противных. Так и Суд, учрежденный мною в Кабарде и во многих других мусульманских провинциях, из коих ни одна не менее Кабарды, а несравненно многолюднее. Там допускается

шариат в одних тех случаях, как и в Кабарде, и распространять действие его нет никакой необходимости. Дела, которые до сего им были рассматриваемы, могут столько же удобно быть разбираемы Судом [курсив наш. – М.Д.]»¹³.

В предписании Временному кабардинскому суду от 31 августа 1824 г. генерал Ермолов критикует положение, сложившееся в судопроизводстве. Новому Суду не удавалось наладить полноценную деятельность. Шариат, формально запрещенный в прежних объемах, перешел на нелегальное положение, но продолжал широко использоваться кабардинцами.

В другом предписании, составленном через 20 дней, объясняются причины обострения ситуации в Кабарде. Ермолов убежден, что «с намерением нисколько в Суде не оказывается правосудия, дабы возбудить в народе ропот и заставить его желать учреждения прежнего шариата, в котором начальство, не имея влияния, предоставило бы разбор дел священным лицам, а сии, завися в способах существования своего от сильнейших, предали бы народ в неограниченную от них зависимость»¹⁴.

Дальше в предписании Ермолов демонстрирует свое отношение к восстановлению шариатского суда. «Неоднократно подаваемы были мне просьбы о восстановлении шариата, *но решительно суд сей, состоящий из самого невежественного и подлейшего сброда эфендиев и мулл, не должен существовать* [курсив наш. – М.Д.]»¹⁵.

Свою позицию генерал объясняет следующим образом: «священные лица, утратившие прежнее значение, желают возратить оное и стараются делать вредные внушения правительству, устрашая народ нелепыми вымыслами, как-то: обращением в казаки, рекрутским набором, тягостными налогами и повинностями. *Черный народ думает в*

простоте своей, что одно учреждение шариата может восстановить их в прежнее состояние [курсив наш. – М.Д.]»¹⁶.

В секретном предписании генерал-майору Горчакову от 29-го июня 1826 г. генерал Ермолов сообщал, что получил прошение от большей части кабардинских князей и многих из «лучших узденей». Этот документ интересен еще и тем, что в нем впервые в правовой политике царской администрации к компетенции шариата были отнесены вопросы наследования имущества, которые не значились в «Наставлении». Отвечая на одну из просьб кабардинцев, Ермолов согласился «по смерти князей, узденей и простого народа раздел имения между наследниками предоставить шариату»¹⁷.

Мнение Ермолова указывает на серьезные противоречия, возникшие между кабардинцами и царской военной администрацией в вопросах судопроизводства. Генерал выражал недовольство деятельностью духовных лиц, пропагандировавших возрождение шариата в его прежнем объеме. Его беспокоило манипулирование ими общественным мнением кабардинцев, не сведущих в своей массе в тонкостях мусульманского права. В частности, в предписании говорилось: «князья, скрывая собственное невежество, показывают, что народ в рассуждении раздела имения, сколько бы ни справедлив был оный, но если только сделан в Суде, то есть гражданским порядком, допускает сомнение и питает всегда недоверчивость.

Я старался вразумить их, что можно тот же порядок наследия, священными особами утвержденный, взяв за правило, руководствоваться оным в разбирательствах Суда, где также присутствует одно из главнейших священных лиц; но они уверяли, что простой народ более доволен будет решением одного шариата непосредственно.

Посему поручаю в.с. объявить кабардинцам, что сие предоставляю я впредь до лучшего порядка. Вам же надлежит знать, что сего домогались священные лица для того, чтобы иметь на народ влияние, пользоваться большим уважением и всего более выгодами... Князья же желают сего порядка потому, что надеются подарками и обольщением заставлять священные лица действовать по своему произволу, который они приобвыкли уважать будучи прежде по большей части из рабов их, получив от них свободу. Для сего в.с. повторите им сказанное мною, что “раздел имения между наследниками, основанный на смысле закона, должен быть одинаковый для всех состояний без различия, а потому если дознано будет, что священные особы не одинаково производить будут раздел, то будут наказаны строжайшим образом”¹⁸.

Весной 1827 г. через Кабарду проезжал генерал-адъютант Дибич, посланный на Кавказ с особым поручением помирить генерала Паскевича с Ермоловым. “Примирение” завершилось выходом Ермолова в отставку. Воспользовавшись ситуацией, кабардинцы подали Дибичу прошение, в котором содержались и жалобы на Ермолова.

В.Н. Кудашев подробно пересказывает содержание прошения. В частности, он пишет: “Кабардинский народ просил Ермолова отменить распоряжение [об упразднении духовного суда. – *М.Д.*] и восстановить суд по шариату. Ермолов решительно отказал. Среди кабардинцев начались по этому поводу волнения. Часть кабардинцев убежала за Кубань. Соглашаясь, чтобы уголовные дела решались военным судом, кабардинцы просили Дибича разрешить “все гражданские и народные дела решать, по-прежнему, шариатом”¹⁹.

Интересны замечания генерала Эмануеля, которые были даны по поводу этого обращения. В них мы обнаружили интересные сведения, раскрывающие основы политики царских властей в отношении шариата в Кабарде.

В частности, в комментарии к просьбе о восстановлении духовного суда, отмечается: «Князья сами совершенно уверены в том, что разбирательства его всегда основываются на правилах, предписываемых Алкораном, и на правах их и что решения его всегда беспристрастны; но, привыкши, по шариату, быть во всех делах правыми, не желают подвергать себя такому суду, который судит их точно так, как и подвластных их. Духовенство же Кабардинское, происходящее обыкновенно из последнего класса людей, чтобы не лишиться прибыточной власти своей над народом и выгод, которые доставляют ему безотчетные действия шариата, настоятельно требует от князей возобновления его, угрожая проклятием повинующимся суду неверных»²⁰.

О результатах этого обращения В.Н. Кудашев пишет: «Прошение кабардинцев не имело успеха. Те основы политики по отношению к кабардинцам, начало которых положил А.П. Ермолов, продолжали существовать и после того, как он в 1827 г. оставил Кавказ»²¹. Это в полной мере относится и к шариату. Реакцией на запреты шариатского судопроизводства стало его еще большее нелегальное распространение вне судебной практики Кабардинского временного суда.

Несмотря на ограниченную компетенцию мусульманского права в 1822 г. кабардинцы не прекратили разбирательств по шариату. Причем, они производились и в самом Суде, и, даже более широко, вне него. В 1824 г. А.П. Ермолов с явным раздражением отмечал: «...Судьи, не думая о своих обязанностях, редко бывают в Суде, а дела отправляют в домах, и духовенство допускается в разбирательство дел гражданских, несмотря на мое запрещение...»²². В другом его документе мы читаем: «И теперь *втайне священныя лица делают разбор между простолюдинами* и за мошенниками сими необходим надзор бдительный [курсив наш. – М.Д.]»²³. Далее следует констатация важного для нашего

исследования факта: “Со времени происшедших в прошлом году в Кабарде беспоконств [восстания 1825 г. – М.Д.] действие Суда совершенно прекращено, а разбирательство дел производится словесное кн. Кучуком Джанхотовым и шариат восприял прежнюю свою силу, во всем вопреки намерениям правительства [курсив наш. – М.Д.]”²⁴.

Эту же ситуацию описывал Секретарь Временного кабардинского суда Я. Шарданов. В Проекте усовершенствования работы Суда (1838 г.) он сообщал, что его члены, не имея терпения продолжительное время находиться в Суде, «предоставляли просителям большею частью разбираться шариатом посредством эфендия, а сами уезжали в свои дома».²⁵

Но, даже учитывая и эти сведения середины 20-х гг. XIX в., мы не можем полностью согласиться с мнением Ф.И. Леонтовича, который писал, что «время господства Шамиля отразилось и в Кабарде преобладанием шариата над адатом»²⁶. Он ссылается на «официальный сборник кабардинских адатов 1844 года», куда в расширенном виде было включено «Народное условие» 1807 г. Но известно, что в 40-е гг. XIX в. власть Шамиля не распространялась на Кабарду. Б.А. Гарданов изучал практику Временного кабардинского суда и отметил, что «в целом на протяжении всей первой половины XIX в. обычное право оставалось в Кабарде господствующей формой права»²⁷.

Однако и Б.А. Гарданов неоднозначно характеризует правовую практику во Временном кабардинском суде. Он установил, что на самом деле «по шариату в Кабардинском временном суде разбирались по договоренности сторон самые различные тяжбы, в том числе и дела между владельцами и холопами, дела о смертоубийстве, воровстве, разделе имущества между родственниками и т.п.... В то же время дела, подлежащие по точному смыслу «Наставления» «духовному суду», т.е. разбирательству по шариату, как, например, бракоразводные или же

дела по взаимным ссорам отца с сыновьями, разбирались в кабардинском временном суде по «обряду», т.е. по обычному праву... Вообще, как показывает практика Кабардинского временного суда, четкого разграничения дел, подлежащих разбирательству по адату или шариату, не было, и хотя предпочтение оказывалось адату и подавляющее большинство дел решалось согласно нормам обычного права, однако нередко бывали случаи, когда суд одно и то же дело решал то по адату, то по шариату или же в своих решениях ссылался и на адат, и на шариат»²⁸. Это мнение разделяет и Т.Х. Кумыков²⁹.

Сохранению шариата в активной судебной практике способствовал и низкий уровень образования у большинства кабардинцев. В 1843 г. один из представителей высшего военного командования на Кавказе писал: «все письмена в руках духовенства, толкующего в свою пользу статьи Алкорана и применяющего текст его собственным произвольным пояснением, ко всем случаям встречающимся в общественной жизни; приговор, состоявшийся по шариату, как бы он ни пристрастен был, не терпит ни малейшего противоречия, затем, что мнение одного муллы поддерживается всеми прочими, а духовная власть в Кабарде, как и во всех народах, начинающих гражданское существование свое, перевешивает всякую другую, не от глубоких сведений или строгой справедливости, отличающих класс священнический, а от жалкого незнания и невероятной беспечности всех прочих...

Князья и узденья... с завистью смотрят на завладение муллами всею властью и на постоянное умножение их влияния в народе. Стихом из Алкорана полагается конец всякому спору и разрушаются мнения, состарившиеся с несколькими поколениями, через несколько времени одно и то же обстоятельство, тем же Алкораном судится совершенно иначе, и значительнейшие лица, хотя убеждены, что один из двух приговоров порочен, исполняют и тот и другой, относя к изречениям

своим его пророка смысл не настоящий, а тот, который дает им мулла, все чаще действующий из личных выгод»³⁰.

В судебной практике кабардинцев в 1822 – 1860-х гг. на основе шариата, действительно рассматривался более широкий круг вопросов, чем предписывалось «Наставлением» А.П. Ермолова. Но разбирательства происходили не только во Временном кабардинском суде. Шариатская практика оставалась широкой прежде всего в судопроизводстве, вне его, в деятельности мулл, наделенных судебными полномочиями еще «Народным условием» 1807 г. В подтверждение этого рассмотрим несколько характерных примеров из шариатской судебной практики тех лет.

Реформы «духовного правления» распространили на урегулирование кровной мести нормы шариата. После учреждения Временного кабардинского суда все дела, связанные с убийствами, были отнесены к юрисдикции военного судопроизводства и должны были разбираться по российским законам. Но на практике местная администрация иногда предоставляла сторонам конфликта возможность выбрать форму урегулирования вражды. Шариатское разбирательство предлагалось как один из способов, наряду с разбирательством по адату или русским законам. В годы «духовного правления» произошел синтез норм шариата с системой композиций, регулировавшейся обычным правом. Во второй четверти XIX в. эта тенденция получила дальнейшее развитие. Но уже смешанные нормы адата и шариата комбинировались с правилами военного судопроизводства царской России.

В 1840 г. князь прапорщик Д. убил князя подпоручика Н. В предписании Временному кабардинскому суду начальник Центра Кавказской линии г.- м. Хлюпин отметил, что за заслуги Д. в борьбе с абреками, он ходатайствовал перед командованием разрешить ему «разобраться по шариату» с родственниками убитого. Просьба была

удовлетворена, но после решения военного суда, которым Д. был признан виновным в убийстве. Представители потерпевшей стороны были вызваны во Временный Кабардинский суд и на вопрос: «согласны ли они будут разобратся с князем Д. по шариату или древним кабардинским обычаям», ответили отказом, попросив «сделать определение виновному по русским законам»³¹.

В.Х. Кажаров рассматривает дело о гибели осенью 1857 г. князя М. Его старший брат обратился к начальнику Кабардинского округа с просьбой прекратить зашедшее в тупик следствие, «приняв достаточным решение по шариату и приказать произвести мне удовлетворение за кровь родного брата моего по шариату и приказать произвести мне удовлетворение за кровь родного брата моего по примеру двух братьев князей Атажукиных, убитых карачаевцами, на основании существующих прав князей, известных Кабардинскому суду»³². В.Х. Кажаров поясняет: просьба М. «ограничиться решением «по шариату» не должна вводить в заблуждение. Контекст этого дела не оставляет сомнений в том, что он имел в виду суд по нормам обычного права, предоставлявшего князьям значительные преимущества»³³.

Применительно ко времени рассматриваемых событий в том же документе отмечалось: так как с 1822 г. все дела об убийствах «должны были решаться на основании военных русских законов, и хотя они до вступления в Управление округом по большей части решались по обычаям и наконец Кабарда уже усвоила взгляд на действие этих законов со времени подтверждения Вами прокламации генерала Ермолова, то Суд находит полезным решать все подобные вопросы по точной силе военных русских законов, – в случаях же, где полагается по-русски предание виновного эпитимии, там необходимо дело препровождать из Военного отделения в Народный суд уже для определения платы за кровь убитого по мере преступления»³⁴.

Применение «диот (дия)» – шариатского эквивалента платы за кровь, в сочетании с нормами обычного права, дифференцировавшими материальное возмещение ущерба, являлось тем самым решением «по шариату или древним кабардинским обычаям», о котором шла речь в деле. Поэтому мы не можем полностью согласиться с В.Х. Кажаровым о том, что М. имел в виду суд только по обычному праву. Из содержания дела ясно, что элементы мусульманского права не только сохранялись в правовой практике кабардинцев, но даже на одном из этапов уголовного судопроизводства могли использоваться царской судебной системой.

Об этом свидетельствует и рапорт пристава Тохтамышевских аулов начальнику Кабардинского округа от 17 ноября 1860 г. В нем, в частности, говорилось, что «лица, *приступившие к шариатскому разбирательству* между фамилиями Виновых и Шардановых, *по случаю кровавой вражды* их между собою, встретили затруднение в окончательном решении этого дела до выздоровления раненого Шарданова, присутствие которого при разбирательстве необходимо [курсив наш. – М.Д.]»³⁵.

Нововведением «духовного правления» 1806 – 1822 гг. было правило, согласно которому женщины, вышедшие замуж за холопов, а также их детей, считались свободными. Несколько дел, в которых Временный кабардинский суд, апеллируя к указанной норме, разбирал жалобы зависимых крестьян на вторичное закрепощение бывшими владельцами, рассмотрены С.Н. Бейтугановым³⁶. Мы, в свою очередь, можем привести еще один подобный случай. В январе 1845 г. ввиду попытки вторичного закрепощения Барак Куготов «разбирался шариатом у эфендия Чанкова на основании магометанского закона, получил вольность и снабжен Актом»³⁷.

Но все же мы должны признать, что шариатское судопроизводство и во второй четверти XIX в. стояло на страже крепостного права. По

существо дел ясно, что шариатское судопроизводство соблюдало принципы, отмеченные в свое время Хан-Гиреем: «способствовать сохранению порядка»³⁸. Б.К. Гарданов приводит целый ряд примеров, когда маслахатом с участием кадиев, в обход Временного Кабардинского суда, такому закреплению обеспечивалось юридическое обоснование. Он пишет, что в области наследования «муллы, ссылаясь на шариат, могли творить любые беззакония... многие крепостные и рабы, выкупившиеся на волю от своих владельцев или от прямых наследников, признавались затем, в результате «шариатского» разбирательства, «холопами» неожиданно объявившихся новых «наследников» их бывших господ³⁹.

Примером этому служит дело о притязаниях узденя А. на владение семейством Х, ранее отпущенного за выкуп на волю. Оно началось еще в годы «духовного правления» и первое разбирательство подтвердило свободу Х. В 1840 г. А. опять возобновил дело. «Было шариатское разбирательство народным эфендием Хажи Умар Шеретлоковым, при котором Х. выставил свидетелей в своей правоте и по решению суда получил возможность «пользоваться навсегда вольностию»⁴⁰. Как сказано в журнальном постановлении Временного кабардинского суда от 30 января 1847 г. А., «будучи тем недоволен, напросив мулов, составил на арабском диалекте бумаги». Они извратили результат самого первого шариатского разбирательства и поставили под сомнение компетентность Шеретлокова. В этом документе перечислены мнения по делу нескольких эфендиев, которые допускали в адрес Шеретлокова обидные замечания. Например, что он «забылся в законах, изданных пророками Абу Ханифой, Абу Исуфом и Магометом». А эфендий Макеров «сделал выговор Шеретлокову и просил его всмотреться в законы, изданные магометанам»⁴¹.

Только в 1847 г. по разбирательству при народном эфендии Временного кабардинского суда Шогенове, выставив новых свидетелей, Х. получил подтверждение своей свободы «до самого конца Света»⁴².

Б.А. Гарданов считает справедливым замечание в 1844 г. проверяющего чиновника Быкова, что тяжба А. и Х. не относилась к юрисдикции эфендиев. Мы думаем, что правомочность их разбирательства следует определять не предметом разбирательства, т.е. спора между сословиями, а характером доказательной базы. Выше мы отмечали, что «дела, не имеющие улики, ясных доказательств и письменных свидетельств» по «Наставлению» Ермолова Временному кабардинскому суду подлежали шариатскому разбирательству. Как следует из документов дела, исходных доказательств ни у одной из сторон не было, и поэтому они прибегли к свидетельским показаниям, данным под присягой на Коране. Видимо, на этих вполне законных основаниях, стороны и прибегли к суду эфендиев. Другое дело, что такой способ далеко не всегда гарантировал справедливость разбирательства. В этой связи можно согласиться с Б.А. Гардановым, что «ни один вольноотпущенник в Кабарде не был гарантирован от того, что не только он сам, но даже его дети и внуки не окажутся снова в неволе в результате очередного «шариатского разбирательства, ибо ни один вольноотпущенник в Кабарде не мог, конечно, рассчитывать, что его тяжба с князем или узденем будет муллой разобрана справедливо и кончится в его пользу»⁴³.

Не удивительно, что шариатский суд имел репутацию не объективного разбирательства претензий дворян и крепостных. В другом обширном деле о притязаниях узденя Х. на владение крепостным Ш. мы находим характерное мнение об этом. После того как в результате 6-тилетней тяжбы Ш. распоряжением начальника Центра Кавказской линии был освобожден от каких-либо обязательств перед Х.,

уздень возобновил иск и добился его разбирательства духовным судом. Такой поворот дела вынудил Х. прибегнуть к помощи нового начальника Центра. В прошении об этом он писал: «Это новое распоряжение, отрицая первое решение, сделанное в мою пользу, подвергает меня преследованиям и угнетениям. *Какой голос могу я иметь на шариате, я холоп, перед узденем, не имея никого, чтобы захотел принять мою сторону, как человека бедного...* я решился обратиться к справедливости и милостивому покровительству вашего превосходительства и просить, умолять вас о том только, *чтобы ваше превосходительство оградил меня заступничеством в деле этом и удостоили бы наблюдать за справедливостью разбирательства шариатом* [курсив наш. – М.Д.]»⁴⁴.

Превышение компетенции шариата допускалось не только в предмете судебного разбирательства, но и в отношении субъектов рассматриваемого дела. Кабардинцы – жители станицы Бабуковской по российским законам считались казаками. С 1825 по 1853 г. Х. и Т. тянулось разбирательство о принадлежности двух холопов. Так как холопы проживали в станице Бабуковской, Временный кабардинский суд отказался принять это дело к рассмотрению, как не соответствующее его территориальной юрисдикции. В 1851 г. Бабуковскому станичному управлению Войсковой старшина предписал «чтобы неразрешенный спор решили шариатским разбирательством»⁴⁵. Тем самым со стороны казачьей администрации в этом деле было допущено нарушение: фактически имущественный иск о принадлежности холопов – кабардинцев, но формально – уже казаков, был передан на шариатский суд, которому, разумеется, казаки не подлежали. Но возможно это было вполне оправдано с точки зрения эффективности судопроизводства, потому что в 1853 г. после разбирательства у станичного муллы Л.

многолетний спор был разрешен: стороны пришли к соглашению, чтобы «холопей они разделили между собой»⁴⁶.

Таким образом для нас очевидно, что более широкое применение шариата одобрялось не только кабардинцами, но и некоторыми представителями русских властей. Особенно в тех случаях, когда шариатский суд виделся лучшим средством прекращать застарелые споры и сутяжничество.

У этого случая может быть и другое объяснение. В 1837 г. от жителей селения Бабуково было подано прошение Николаю I, путешествовавшему по Кавказу. Один из пунктов содержал их просьбу, «чтобы мы были избавлены от всех противных нашему мусульманскому шариату действий и остались на магометанских правилах и держались законов и порядков Магометом установленных»⁴⁷. Нам не известно, принесло ли результаты это прошение в целом, но исходя из обстоятельств рассмотренного выше дела можно предполагать, что просьба, касавшаяся сохранения бабуковцев в юрисдикции шариатского судопроизводства была удовлетворена.

Притом, что по шариату в 1822 – 1860-х гг. рассматривались дела, не подлежащие его юрисдикции по «Прокламации» Ермолова, дела, подлежащие его разбору, не всегда рассматривались по мусульманскому праву. Об этом пишет Т.Х. Кумыков: «дела подлежащие разбирательству по шариату, как, например, бракоразводные, разбирались в Кабардинском временном суде по обычному праву. Все решения суда делались со ссылками на соответствующие нормы обычного права. Шариат был приспособлен к местному адату. На заседаниях Кабардинского временного суда для разбирательства дел по шариату присутствовал кадий, или так называемый «народный эфендий», который толковал статьи Корана применительно к обычному праву»⁴⁸.

Кроме уголовных и межсословных дел, рассматривавшихся по шариату в обход действовавшему порядку судопроизводства, шариатом рассматривались и некоторые споры по обязательствам. У С.Н. Бейтуганова приводится один интересный обычай, действовавший в рассматриваемое время и сложившийся под влиянием мусульманского права. В 1849 г. кабардинец Т. через Временный кабардинский суд попытался вернуть долг осетина А., умершего к тому времени. А. перед смертью завещал отпустить трех крепостных крестьян на волю «без всякого выкупа, лишь только для спасения души», и действительно они жили «ни от кого независимо». А согласно мусульманскому закону, подобное завещание приводилось «в исполнение по уплате всех справедливых долгов, лежащих на покойном, неуплаченных при его житии». Поэтому «по смыслу шариата», удовлетворение жалобы Т. суд возложил на трех вольноотпущенников покойного А.⁴⁹

Чаще всего такое совмещение происходило в делах с отсутствием ясных улик, решение которых зависело от присяги на Коране свидетелей. В 1844 г. таким шариатским разбирательством в присутствии Умара Шеретлокова были оправданы Ц. и Л., обвинявшиеся князем К. в краже лошадей⁵⁰. Но в 1846 г. по возобновленному иску «по одному лишь назначению» того же Народного кадия Ц. и Л. были приговорены к выплате крупных денежных штрафов. По словам Л., разбирательство произошло «без ведома начальства и *шариата по обряду нашему* [курсив наш. – М.Д.]»⁵¹. Комментируя это дело, Б.А. Гарданов обращает внимание, что Л. «не видит разницы между шариатом и адатом («обрядом»), соединяя их воедино. В действительности, как это показывает практика ведения дел в Кабардинском временном суде, кабардинцам трудно было видеть эту разницу, потому что нормы шариата приспособлялись муллами к местным адатам»⁵².

В конце 1858 г. бывший Народный кадий Умар Шеретлоков писал действующему Народному кадию Кайсыну Шогенову: «Уведомляю Вас, что разбирались при мне Мансур Кешуков и Хажи Али Кошев насчет пяти лошадей по которому определено мною, предоставить Мамсыру свидетелей, будь он не найдет, то дать присягу хажи Алию с посторонним присягателем и означенный Хажи Али с назначенным присягателем приняли присягу в том, что он не украл у Мамсыра лошадей и тем кончено дело»⁵³.

Мы не обращаемся к шариатским имущественным разбирательствам, потому что их подробно рассматривал Х.М. Думанов. На основе широкого корпуса материалов он отмечает примечательный факт: «в многочисленных архивных материалах по разделу наследства отсутствуют дела, отражающие раздел недвижимого имущества по шариату»⁵⁴.

Сферой правоприменения шариата оставались и конфликты, связанные с нарушениями брачных договоров и насильственным увозом девушек. В некоторых делах такого рода шариатским судопроизводством могли применяться даже телесные наказания по категории тазир. По данным Н.Ф. Грабовского, «низший класс кабардинцев за увоз девушек, кроме исполнения известных обязательств, установленных обычаем, подвергался еще и телесному наказанию, по шариату... Так, в журналах окружного суда за 1958-й и 1859-й год встречаются два определения о таком наказании виновных за увоз девушек: в одном случае – 39, а в другом – 99 ударов палками по пяткам»⁵⁵. Но по его же сведениям большинство таких претензий чаще всего решалось по обычному праву⁵⁶.

Таким образом, несмотря на ограничение юрисдикции прокламациями Ермолова, в 1822 – 1850-х гг. шариат сохранил довольно широкую судебную практику в Кабарде.

Примечания:

- ¹ Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992. С.109.
- ² Леонтович И.Ф. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Нальчик, 2002. С.237.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С.237-238.
- ⁵ Там же. С.237.
- ⁶ Там же. С.240.
- ⁷ Там же. С.239.
- ⁸ Из документальной истории кабардино-русских отношений: Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Составитель Х.М. Думанов. Нальчик, 2000. С.374.
- ⁹ Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабарде и Балкарии//Ученые записки КБНИИ. Т.ХІХ. Нальчик, 1963. С.97.
- ¹⁰ Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. Нальчик, 1993. С.211.
- ¹¹ Гарданов Б.А. Введение//Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов. Нальчик, 1956. С.19.
- ¹² Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией. Архив главного наместника Кавказского (далее – АКАК). Т.IV. [Под ред. Ад. Берже]. Тифлис, 1870. С.473.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С.475.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С.477.
- ¹⁸ Там же. С.478.
- ¹⁹ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С.88.
- ²⁰ Из документальной истории кабардино-русских отношений. С.374-375.
- ²¹ Кудашев В.Н. Указ. раб. С.90.
- ²² АКАК. Т.IV. С.473.
- ²³ Там же. С.475.
- ²⁴ Там же. С.478.
- ²⁵ Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века. Составитель Х.М. Думанов. Нальчик, 1986. С.278.
- ²⁶ Леонтович Ф.И. Указ. раб. С.38.
- ²⁷ Гарданов Б.А. Указ. раб. С.7.
- ²⁸ Гарданов Б.А. Указ. раб. С.15-16.
- ²⁹ Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабарде и Балкарии. С.96.
- ³⁰ Ногмов Ш.Б. Указ. раб. С.174.
- ³¹ Материалы по обычному праву кабардинцев. С.271-273.
- ³² Цит. по: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XIX – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С.423.
- ³³ Там же. С.427.
- ³⁴ Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР), ф.2, оп.1, д.1135, т.1, л.7.об.
- ³⁵ ЦГА КБР, ф.2, оп.2, д.4, л.4.
- ³⁶ Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С.468-469.
- ³⁷ ЦГА КБР, ф.23. оп.1, д.25, л.1.

- ³⁸ Хан-Гирей. Князь Пшъской Аходягоко//Черкесские предания. Нальчик, 1989. С.273.
- ³⁹ Гарданов Б.А. Указ. раб. С.19-20.
- ⁴⁰ Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. [Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов]/Нальчик, 1956. С.128.
- ⁴¹ Там же. С.125.
- ⁴² Там же. С.130.
- ⁴³ Гарданов Б.А. Указ. раб. С.20.
- ⁴⁴ Материалы по обычному праву кабардинцев. С.193.
- ⁴⁵ ЦГА КБР, ф.23, оп.1., д.152, л.27-27об.
- ⁴⁶ Там же, л.41-41об.
- ⁴⁷ Цит. по: Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. Нальчик, 1990. С.226.
- ⁴⁸ Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабарде и Балкарии. С.96.
- ⁴⁹ Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. С.456.
- ⁵⁰ Материалы по обычному праву кабардинцев. С.146.
- ⁵¹ Там же. С.144.
- ⁵² Там же. С.388.
- ⁵³ ЦГА КБР, ф.2, оп. 1, д.1135, т.1, л.27.
- ⁵⁴ Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. С.89.
- ⁵⁵ Грабовский Н.Ф. Очерки суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе//Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып.4. С.39.
- ⁵⁶ Там же. С.72.

Емтыль Р.Х.

г. Майкоп

**Исторические реалии Кавказской войны в романах И.Машбаша
«Жернова», «Хан-Гирей»**

О кавказской войне писали в основном публицисты, мемуаристы и сравнительно мало профессиональные историки, еще меньше литераторы-писатели. Тем не менее, усилиями русских дореволюционных авторов был накоплен огромный массив фактов, составлявший источниковую базу для разработки проблемы написания истории кавказской войны. Так, по истории Кавказской войны XIX века по разным направлениям проведено более 800 исследований. Эта тема для литераторов-писателей, поэтов являлась очень злободневной, но официальные идеологические установки в России, требования цензуры, а также чувства и эмоции мешали спокойному, глубокому, системному изучению и исследованию трагических событий на Кавказе.

Несмотря на эти сложности, проводились исследования и причем немалые.

Дореволюционные авторы оставили значительное количество документов, публикаций о Кавказе и его обитателях, о событиях, среди которых главное, конечно, Кавказская война.

Наиболее достоверными из них являются такие работы как «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адыге» Г.В.Новицкого, «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» С.Броневского, «Этнографический очерк черкесского народа» К. Сталя, «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» Т. Лапинского, «Воспоминания кавказского офицера» Ф. Торнау. «Князь Сафербий Зан-политический деятель,

поборник независимости черкесского народа» Е. Филицина, «Черкесия» Л. Люлье, «Мухаджирство» Г. Дзиндзария, «Историческое, топографическое статистическое и военное описание Кавказа», «Выселение горцев с Кавказа» – А.Берже, «Кавказская война: социальные истоки и сущность» М. Блиева и многие другие.

Для изучения истории Кавказской войны большую ценность представляют также работы адыгских историков-просветителей XIX века, как Ш. Ногмова, Хан-Гирея и историков-исследователей М.Покровского, А. Касумова, Б. Джимова, А. Бижева и др.

Но тема «Кавказская война» интересовала не только ученых-исследователей, историков, публицистов, но и литераторов-писателей, писателей-художников. Так, содержания выше названных работ, архивных данных России, Турции, Англии, Франции, Иордании, воспоминания русских офицеров и других официальных документов, хранящихся в военных ведомствах Санкт-Петербурга и конечно, глубокое понимание и знания проблем истории своего народа, литературные дарования писателя И. Машбаша помогли ему создать такие крупномасштабные исторические художественные произведения как «Жернова», «Хан-Гирей», где показаны исторические реалии кавказской войны.

Произведения И. Машбаша содержат множество подлинных исторических документов, ссылки сделаны на сотни архивных, музейных материалов, в них показаны реальные исторические лица.

Талантливый художник слова И. Машбаш воспринимает события в лицах, волею судьбы оказавшихся в трагических событиях жерновами истории, которых с поразительной силой вывел в своих художественных произведениях. О глубине художественного изображения исторических лиц, событий, характеристика образов от простого крестьянина до

генералов царской армии показанных в романе «Хан-Гирей» можно сравнить с произведениями Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» и «Набег».

Слова русского офицера царской армии, участника кавказской войны К.Сталя уместны: «... пройдут годы, изменятся обстоятельства и постепенно успокоится Черкесия. Страна, на которой так сказать, нет места, не окупленного подвигом, ознаменованного кровавым событием. Когда-нибудь досужий писатель соберет материалы, прислушается к преданиям, опишет просто без прикрас эту войну». Эти предсказания осуществил лауреат Государственных премии Адыгеи, СССР, России, народный писатель Республики Адыгея, Кабардино-Балкарии И. Машбаш.

Биография одного Хан-Гирея заключает в себе и мир, и время в которое он жил. Писатель И. Машбаш не излагает исторические факты, а через факты, документы он разоблачает экспансионистскую политику царизма, приведшую Черкесию к трагедии.

Вовлечение в сюжеты, в события весь Кавказ и страны Европы свидетельствуют и о том, что автор глубоко обобщил обширный фактический материал, показал эволюцию национального характера, формирования мировоззрения адыгов с XVIII века до наших дней.

В основу исторических романов положены действительные события на Северо-Западном Кавказе в XIX веке. И события показаны такими, какими они были.

В освещении эпохальных явлений и событий, художественных образов-представителей народа писатель использует богатейшие традиции русской литературы и новейшие достижения исторической науки. Исторические документы составляют основной сюжет и авторской характеристики героя. Писатель систематизирует воспоминания непосредственных участников событий, глубоко представлено отношение народа к войне. Народ страдает, что война

нарушила спокойную жизнь, прекрасную природу и культуру, созданную веками. Столетиями складывался духовный облик адыгов, национальные традиции. Адыги создавали великолепную – изящную, удобную в быту и в боях одежду, послужившую в дальнейшем основой для одяния народов всего Кавказа, в том числе, донских, кубанских, терских казаков. Адыги страдают, но они горды, гостеприимны, немногословны и тверды характером. Свою свободу адыги уподобляют птице, а мужество – чести нации. Они, оставшиеся один на один с царизмом, не стали перед нею на колени. «Адыгская честь и мужество сполна проявились в кавказской войне – пишет автор....здесь же проявляется и гордость адыга. Каждое племя, считая себя достойным быть во главе всех адыгов, не смогли выдвинуть лидера, в международных столкновениях, что не позволило создать сильное, единое и независимое государство, о чем с сожалением пишет автор. И. Машбаш поведал миру и рассказал историю давней и ближней жизни адыгов через художественное слово. По природе одаренный, талантливый человек, первый адыгейский писатель, давший своему народу такие замечательные произведения о Кавказской войне, призывающий через художественное слово к миру, дружбе между народами.

Уникальность произведений отмечается ещё тем, что писатель сумел показать, создать колоритные образы и пейзажи, вместил в сердце столько энциклопедических знаний и чувств, сумел слить воедино духовные ценности, национальные и общечеловеческие. В романах поставлены проблемы, волнующие человечество не только XVIII-XIX веков, но и в наше время: это человек и мир, судьба страны и всего человечества.

Яркая картина быта и нравов черкесских племён, даёт читателю понять глубину человеческой природы горцев и увидеть в героях самые драгоценные черты: любовь к земле, к Родине, народу.

Важно, что писатель не вводит в заблуждение читателя, а даёт понять, что он пишет не историю адыгов, не историю кавказской войны, а об истории народа, об истории войны, и показывает в романах историческую эволюцию жизни народа, автор помогает художественно осмыслить прошлое.

Такие исторические личности как Хан-Гирей, Сафербий Зан, сын Сафербия Зана Карабатыр, руководитель национального движения адыгов Магомет-Амин и др. являются главными героями романа «Жернова». Этот роман воскрешает трагические страницы истории адыгов 1-й половины XIX века в борьбе за свободу и независимость, за землю, за сохранение своей нации. Писатель также не может забыть чудовищную жестокость царских генералов, бесчеловечность самого царя, которые не гнушались никакими средствами борьбы в покорение адыгов.

Пред нами не вымышленные герои, а реальные лица, фигуры, живущих в XIX веке, постоянно находившихся в гуще событий.

Часто главным объектом изучения жизни адыгов для писателя являлись сложные и противоречивые явления, личности.

Долголетнее общение со многими архивными материалами мира, различными документами, исследования, проведенные по данной проблеме способствовали становлению и созданию исторических художественных произведений. Сложная, драматическая, трагическая судьба адыгов и их история стала объектом глубокого художественного внимания писателя. Трагизм судьбы адыгского народа, художественный взгляд делают работы близкими читателю. Писатель часто включает протокольно-административные документы, они приобретают при этом

художественное осмысление, например, Адрианопольский мирный договор, заключенный в 1829 году между Турцией и Россией. Автор устами Сафербий Зана – героя романа «Жернова» говорит: «Договор – этот боль всех адыгов. Турция уступала России то, что не принадлежала ей. Это – земли от левобережья, от устья Кубани до Терека, от восточного берега Черного моря до Кабарды – это самые лучшие земли адыгов...».

Главный герой романа «Жернова» Сафербий Зан с горечью продолжает: «Почему Турция и Россия распоряжаются владениями адыгов?» Герой романа Тим Некрас привозит генералу Вельяминову письмо, в котором говорится о недовольстве адыгов: «...Турция не имеет к нам никакого отношения, чтобы отдавать или уступать нас России. Вы без сопротивления мирно оставите наши земли и уйдете за Кубань и будете мирно сосуществовать с нами».

Из документа явствует, что Адрианопольский мирный договор 1829 года унижает достоинство и честь адыгов. Соглашение России с Турцией привело в смятение и потрясло всех, ... всему единению мешало отсутствие единой силы, единого кулака». Устами Сафербия Зана писатель обращается к историческим фактам, событиям, в частности о вековом желании стать единым государством, стать под одно знамя: «Говорил и не устаю говорить, всем нам надо объединиться в наше адыгское государство. Страна, у которой нет единого знамени, не может быть сильной».

Вместе с художественным осмыслением, вымыслом, особенно заметна опора на достоверные документы, наличие также реальных лиц участников событий.

«...Главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом граф Паскевич Эриванский сообщил управляющему главным штабом Его Императорского Величества графу Чернышеву: «Турки, прибывающие к

кавказским берегам Черного моря, не перестают по приказанию трапезундского паши, распространять слухи между жителями Абхазии о скором прибытии туда турецких войск и возвращении им снова Анапы, Сухум-Кале и Поты, о том, что из Трапезунда отправляются к черкесским берегам несколько мулл для проповедания Корана и с намерением устроить там мечети и школы для обучения молодых турецкому языку, и что в течение весны этого года к черкесским и абхазским берегам приставали уже 20 турецких судов, а вскоре должны прибыть еще 17 судов, на коих будут доставлены из Турции черкесам всякого рода красные товары, соль, железо, сталь, свинец, сера и порох».

Почитав донесение, Император Николай Павлович собственноручно изволил на документе начертать:

«1. Уведомить князя Ливена, чтобы было сейчас предписано г.Рибопьеру объявить турецкому правительству, что так как я имею уверение от него, что им послано приказание всем своим чиновникам не являться к абхазским берегам, то я не почитаю более турками тех, кои против воли султана, мне объявленной, продолжают туда прибывать, а как разбойников, против коих велел действовать оружием»

2. Графу Паскевичу повелеть, чтобы флот наш, курсирующий у Черноморских берегов, осматривал без изъятия все суда, пристающий между Анапой и Редут-Кале и поступал с оными на следующем основании:

а) те суда, на которых найдутся снаряды брать в плен, как военную добычу; б) подобно сему поступать и с теми судами, которые не дают осматривать; в) те суда, на коих при осмотре оных не окажется военных снарядов, беспрепятственно пропускать для торговли, учредив за ними строгий и бдительный надзор.

3. Не смотреть ни на какие представители турок, находящихся между черкесами, ибо они не только не должны мешаться, но даже само

турецкое правительство не имеет никакого права держать их там. Посему в случае их защищения вместе с горцами или нападения на наши войска, поступать с ними, как с бунтовщиками своего правительства, потому что сие было совершенно противно мирным трактатам, и неоднократным уверениям самого правительства, что сие никогда быть не может и не должно». (Жернова, С.69).

На основании документа автор романа включает диалог между Сафербием и Траммом (Они – это Россия) единым кулаком, своей мощью, а мы- шапсуг, бжедуг, абадзех, темирговец, расползаемая в разные стороны, да и не только расползаемая, так еще и ссоримся. А разве есть война страшнее войны междоусобной, разве есть кровопролитие страшнее кровопролития братского». Этот диалог между Сафербием Заном и Траммом закончился тем, что молодой Трамм напомнил Сафербию Зану крылатые слова Александра Невского: «Кто идет к нам с мечом, тот и от меча погибнет». Сафербий горестно думал: «Как одолеть разброд, как объединить адыгов, чтобы ум, талант как у Трама любовь к своей Родине каждого адыга служили всем, всему народу».

В 1836 году Император Николай I предпринял путешествие на Кавказ. Из этой поездки особенным было посещение Геленджика, где царь решил «начать большую войну». С этим днем были связаны и возвращение Черноморской укрепленной береговой линии. С этим связаны события, развернувшиеся по всему побережью реки Сочи до границы Абхазии.

Картина переселенческого движения, описанная писателем, напоминает переселение адыгов в Турцию в XIX веке и трагедии при переправе в Черноморский порт. «Страна представляла крайне плачевный вид, мужчины по пояс в воде переносили на себе жен и детей и когда все семейство их было в полном составе на судне, тогда и они помещались на нем. Мало по малу крики черкесов терялись в отдалении

и скоро я видел красноватый отблеск их огней. Сердце обливалось горечью, когда вспоминал пораженную нищету этих несчастных, гостеприимством которых я пользовался столько во времени, с которым теперь я расставался, может быть навсегда. Ведь они были моими друзьями, товарищами по оружию, и в то же время я узнал, что все они обречены на верную смерть». Автору удалось показать не только века – это жернова, переломившие адыгов, но это и в целом энциклопедия жизни, глубокое проникновение в историю народа, в его быт, традиции, духовную жизнь, которые сложились веками.

Стремление поведать миру о своей Родине, о трагических историях своего народа, необходимость согласия, мира и глубокое понимание психологии своих соотечественников помогает писателю И. Машбашу всесторонне характеризовать героев своих романов: это Сафербий Зан, Хан-Гирей, Магомет-Амин, Шевай, Тим Некрас, сын Сафербия Зана – Карабатыр, Трам, Хатырбай Цей, герои Кавказской войны- Тугуж Шерхуко Казбич, Мэрчан Хоретлук, княгиня Канитат и др.

Кроме них еще есть лица, занявшие в романах особое место. К ним относятся иностранные корреспонденты, путешественники, русские офицеры: Фелицин, Филипсон Дж.Белл, Т.Лапинский, А.Ермолов, А.Вельяминов, Власов, А.Х.Бенкендорф, И. Греч-редактор-издатель журнала «Сын Отечества» и газеты «Северная пчела».

Роман «Хан-Гирей» писатель посвятил одному из широко образованных людей своего времени, общественному деятелю, первому этнографу, историку адыгов XIX века Хан-Гирею. Просветитель, командир царского Конвоя, Флигель-адъютант императора Николая I. Главный герой романа Хан-Гирей, окончивший кадетский корпус уже офицером, участвовал в русско-персидской войне 1826-1828 гг., награжден медалью за свои военные заслуги. Он принимал участие в

войне с Турцией 1828-1829 гг. в качестве адъютанта главнокомандующего – сначала А.С. Меншикова, затем В.А. Перовского. По окончании русско-турецкой войны Хан-Гирей стал офицером лейб-гвардии Черноморского казачьего эскадрона. К этому периоду относится попытка Хан-Гирея склонить своих сородичей-хамышевских владельцев подать официальное прошение «о принятии в покровительство России».

В начале 1830-х годов Хан-Гирей был переведен «в лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон его величества конвоя». Эта часть была сформирована из особого взвода царского конвоя, состоявшего из представителей горской знати. Хотя Кавказско-горский полуэскадрон был создан в интересах проведения колониальной политики царизма на Северном Кавказе и в целях привлечения представителей горских феодалов, эта воинская часть сыграла положительную роль в истории сближения горцев с Россией.

Являясь, как и его отец, убежденным сторонником присоединения Кавказа к России, Хан – Гирей глубоко задумался над тем, как бы обеспечить это присоединение более мирными средствами. С этой целью Хан – Гирей занялся специальным изучением положения дел на Кавказе, и особенно, в родной ему Черкесии. Вместе с тем он много времени уделяет сбору различных сведений по истории, культуре и быту горцев, и прежде всего адыгов (черкесов).

Глубокий интерес, проявляемый Хан-Гиреем к изучению Черкесии, и значительные успехи, достигнутые в этом важном деле для правительства Николая I, не могли не обратить на себя внимания начальства.

После Адрианопольского мира царское правительство искало более выгодные позиции для окончательного присоединения черкесов и других кавказских горцев своей власти. При разработке методов

кавказской политики правительство старалось лучше ознакомиться с положением дел на Кавказе. С этой целью Николай I собирался лично посетить этот край. В этот период главный начальник Хан – Гирея граф А.Х.Бенкендорф в одной из своих встреч с Хан – Гиреем сказал ему: «Из разговоров твоих, Гирей, заметно, что ты таки порядочно знаком с историей горских кавказских племен. Государю-императору угодно ехать на Кавказ будущим летом. Может быть, он возьмет тебя в свите своей; но это еще не верно, а верно то, что угодно, чтобы ты написал собственно для него записку о горских племенах, о которых, как слышно, ты кое-что имеешь у себя написанное». Предложение Хан – Гирею написать и представить государю через 2 месяца или через шесть недель, хотя его смущало., но в то же время его это устраивало и охотно воспользовался этой возможностью. Хотя Хан-Гирей начинал по собственной инициативе эти «Записки...» и мог воспользоваться предложением царя, его беспокоило то, что он еще не включал задуманные главы, видимо это те, что не закончил Хан-Гирей, а ему необходимо было представить царю материал. В представленный первоначально Николаю первому текст «Записок о Черкесии» не были включены все задуманные главы. В частности последней главы первой части «записок», им не были закончены и он намеревался представить их позднее. Такая точная историческая достоверность даёт И.Машбашу показать реальность прошедших событий.

На предложение Бенкендорфа представить царю «Записки о Черкесии», как пишет в 1871 г. В.П.Бурнашев в статье «Воспоминания петербургского старожила» в журнале «Заря», что Хан-Гирей сообщил Бенкендорфу, что он «плохо пишет, не умеет думать по-русски. На это Бенкендорф ответил: «...Не беспокойся об этом, Гирей, я познакомлю тебя с человеком, который считается генерал-полицмейстером, знатоком русской словесности и русского словосочетания, он тебе поможет в

наилучшем виде и ты, благодаря ему и себе, изготовишь то, что тебе заказано».

Хан-Гирей понимал, что интересуется царя, и вместе с тем ему страстно хотелось использовать этот момент, случай и для продолжения своих задач. Хотя и соглашался для «Государя сделать все, что в его силах, но хотел свои соображения также изложить для проблемы черкесов¹¹.

«...Чтобы достойно решить проблему Черкесии, надо над всеми черкесскими племенами поставить одного, единовластного руководителя, авторитетного по всей Черкесии. Такому руководителю будет проще, легче договориться с предводителями всех племен, со всем черкесским народом о содружестве с Россией, о единстве интересов. ...Этот руководитель должен быть безусловно преданным России всем своим сердцем, всей своей честью. Думается, искать такого человека, руководителя нужно здесь, в Петербурге, среди хорошо известных и преданных вам черкесов». Граф Бенкендорф предлагал изложить эту мысль Хан-Гирею в своей записке царю. И, конечно, уложиться в срок. И в записках поточнее, поподробнее рассказывать о Черкесии, где будет путешествовать Его Величество. А еще желательно, чтобы рассказывал о свадебных, похоронных и других национальных обрядах, географических особенностях местности: горах, лесах, дорогах, речных переправах, сказаниях, песнях». Советуя Хан – Гирею собрать и представить фольклорный материал, Бенкендорф видимо хотел, чтобы политические вопросы не затрагивались.

В романе сначала до конца красной нитью проходит желание автора поведать миру о человеческих качествах народа, желающих сохранить свободу, независимость, честь, мужество, честность. Наличие этих качеств считает автор, зависит в большей степени от того, как

верен человек своему народу. Только обладающий этими чертами может только найти в своих героях тоже самое.

Писатель И. Машбаш наделяет каждого своего героя теми чертами, которыми они в жизни обладают. Например, он говорит о Хан-Гирее: «Верно говорят: все лучшее в человеке проявляется в суровых испытаниях. На войне у мужчины ярче всего, точнее и определеннее видны мужество, самоотверженность, верность, милосердие и любовь к ближнему, к своей родине. Все эти качества проявились у Хан-Гирея на русско-персидской и русско-турецкой войнах, откуда он вернулся в чине поручика с боевыми наградами, с благодарностями от военачальников, Меншикова и Перовского, у которых служил адъютантом», (Хан-Гирей с.507-508)

В романе использованы достоверные документы, представленные Хан-Гиреем для напечатания в 1836 г в Генеральный штаб. Это «Записки о Черкесии», «Предложения о средствах приведения черкесов в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития» и сочинение под заглавием «Адыги (черкесы) и все близкие к ним племена», которое было подарено Николаю I.

Эти документы явились также основой для изображения внутреннего переустройства адыгского общества и преобразования родного края, просвещения адыгов, создания письменности, т.е реальный мир черкесов. Как заметим, автор затрагивает немало жизненных проблем черкесов того времени, вся жизнь и вся история перед глазами читателя.

В произведениях автор обращается к далекому прошлому адыгов, рисует образы мужественных героев, самоотверженных людей. Хан – Гирей показан как историк, этнограф, и как военный, вообще человек, глубоко любящий свой народ, свою родину, стремящийся к переустройству общества. Мечта о возможности изменить

существующий строй, не меняя социально-этническое устройство, было утопией.

Общественно-политическое лицо Хан – Гирея в известной мере сложно и противоречиво. Он сын своего класса и выходец дворянского сословия. То, что он был гвардейским офицером, флигель-адъютантом и прочее, было все же мишурой, которая с него спадала лишь тогда когда он садился писать о своем народе, родине. Иное дело его классовая принадлежность, которая не могла не наложить свой отпечаток на него. Хан – Гирей при всем том, что он критически относится к социально-политическому строю, все же он оставался на стороне феодалов, дворян.

Интерес представляет исторический документ, включённый в роман. Так, например, в 1837 г. Хан – Гирей получает секретное задание, предписание военного министра флигель-адъютанту и гвардии полковнику Хан – Гирею от 25 мая 1837 г. В нем указывалось, «... что государь-император, предложив обозреть в течение наступившей осени Кавказскую и Закавказскую области, между прочими видами, решившими его императорское величество на предпринятое столь путешествия, изволит иметь целью, присутствие своим в тех местах, положить прочное основание к успокоению кавказских горских племен и к устройству будущего их благосостояния».

В связи с этой поездкой царя, на Кавказе Хан – Гирею предлагалось объявить горским обществам черкесского племени о предстоящем прибытии царя на Кавказ и склонить их к отправлению к царю депутации» с целью испрошения постоянного управления, которое, состоя под непосредственным ведением российского начальства, обеспечило бы их внутреннее благосостояние». И в романе И. Машбаша этот документ занимает значительное место. «Хан – Гирей относился к предстоящей миссии, как и полагается дисциплинированному офицеру. Более двух недель ехали они из

Петербурга на Кавказ. 14 июня прибыли в Екатеринодар. Хан – Гирей уезжая в Черкесию, на Кавказ миротворцем, знал, что не все черкесы с распростертыми руками, так сказать объятиями готовы принять их, хотя они могли произносить и прекрасные тосты, гостеприимно встретить. Но достоинство черкесов заключалось в том, чтобы на их земле не пролетала ни одна чужая птица. И решение всеадыгского Хасэ для них важнее всего было. Это – вывести русские войска из территории, убрать военные укрепления, а если этого не будет, тогда они против тебя поднимутся все адыги». (имели ввиду царские войска) 1(Хан – Гирей, С.690).И. Машбаш уникально описал приезда миссии на Кавказ. Эпизод, как Хан – Гирей размышлял встречу с адыгским Хасэ в Шапсугию: «Понятно, генералы и существуют для того, чтобы воевать, но если генерал не умеет мыслить категориями мира, высокой нравственности, тогда он просто солдафон. Генерал Вильяминов, может быть, и не солдафон, но ведь и Государь-император, и Чернышев, и Бенкендорф ближе к моей точке зрения. Они тем более будут меня поддерживать, когда я сумею договориться с предводителями Шапсуги, Абадзехии, Убыхии и других племен о мирном решении нашего вопроса. Я уверен, что адыги поймут меня, увидят свою выгоду союза с Россией. Только в составе этой великой державы мы сумеем организовать свою государственность, а вместе с нею и поднять уровень культуры...» На обширной поляне Пшадского плато, где стояла священная роща, ... собралось много народу. Выступление перед Хасэ Хан – Гирей и вообще все его действия говорили о том, что он горячо любящий свою страну, свою Черкесию, не мог иначе говорить перед соотечественниками. «Каждый из нас идет дорогой, – сказал он, – которую проложили отцы, деды и прадеды. Я тоже иду своей дорогой. Вы знаете цену мужскому слову, верности ему, верности своей совести. Именно поэтому я здесь, среди вас. Я видел, как горят аулы, как гибнут мои единокровные

брatья, мое сердце адыга кровоточит и стонет»... Хан – Гирей уезжая в Кабарду, рассуждал: «Ничего, придет Государь, все увидит своими глазами и решит без подсказок льстецов». Мечта и желания Хан-Гирея заключены в словах: « Я просто ищу путь к миру на северном Кавказе, хочу остановить жернова, между которыми оказалась Черкесия».

Как в жизни, так и в романе, показаны трагичность судьбы Хан-Гирея. Хан-Гирей считал трагичностью своей судьбы – это не понимание его миссии и его самого адыгами, негативное отношение к нему, видя в нем сторонника императора. Страдания, думы и чаяния о своем народе схожи у И. Машбаша со словами отца Хан-Гирея Махмет-Гирея: «Адыги не поняли, не поверили ему, беззаветно любящему свой народ, родину , родные горы, благодатные поля, дремучие леса, бурные реки. Как мне объяснить адыгам – горестно размышлял Хан-Гирей, что у нас иного выхода нет кроме как принять сторону наших соседей, сторону России. Но если адыги переболев страстью к самостоятельности, одолеют вековую гордыню и примут сторону России, я уверен, что многие наши беды уймутся, мы получим защиту от турок, от всех тех, кто зарится на наши богатства. Крымское ханство было мощнее Черкесии, а Турция подмяла его под себя, сколько бед претерпел Крым, пока не взяла его под свою власть Россия». Мы не должны повторять ошибок Крымского ханства, и следует не метаться, а принять твердое решение, лучше дружить с сильным, слабому, зачем слабый. Только слепой не видит, что Турецкая империя идет к закату, а Россия – к могуществу». (Хан-Гирей, с. 22)

Хан-Гирей повторял часто желания и мечты своего отца : «Ведь у нас нет другого выхода, кроме дружбы с Россией, ...чем больше будет таких как я предпочитающих союз с Россией, причем не только политический, и экономический, но и культурный союз двух древних народов, тем лучше для всех. Это должны понять не только адыги, но и

русские, понять глубокий смысл объединения культур». (Хан-Гирей, с.510)

Обращение Хан-Гирея к адыгам также говорит о его любви к своей многострадальной Черкесии, которую он хотел видеть свободной, процветающей. «Сейчас Черкесия стоит перед выбором между своим национальным существованием и гибелью. Вы тянете ее за море, но кроме горя и гибели турецкая сторона нам ни чего не сулит. Кроме того Россия не потеряет турецкого владычества на Кавказе, значит будут войны между этими сторонами. Черкесия станет кровавым полем боя.» Хан-Гирей смотрел далеко вперед понимал намерения царского правительства потому его миссия имела характер миротворца.

И. Машбаш таким и представляет нам своего героя. Но в условиях царской России и свободолюбивой Черкесии, Хан-Гирей не всегда мог устоять перед соотечественниками. Его народу и стране пришлось испытать трагические страницы и миллионам адыгам страдать по родине. Писатель с глубоким уважением и чувством понимания ведаёт трагические страницы истории предков, испытывавшие страдания по потерянной родине и омытой кровью земле.

О кавказкой войне написаны произведения, поэмы, стихи. Особенно много интересного у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, декабристов. Созданы прекрасные образы как горцев, так и русских солдат, но полной картины черкесов (адыгов), их быта, нравов, характеров психологии, и конечно, кровавых событий, страданий того времени в полной мере нет. Либо злодеяния царских чиновников по отношению к адыгам были не доступны человеческому разуму, либо писать об остатках кровавых битв было не интересно, либо влияла боязнь реального отражения действительности и конечно жестокость цензуры России. Примером является «Поделки на Кавказе» Е.Х Добанова. И Машбашу удалось в своих романах показать философию

кавказской войны, историю героев. Слово «покорение» не по духу горцев. Имперская политика, стремление покорить горцев, не оправданная жестокость, изуверство религиозных кланов – вот против чего выступили адыги, вот что было не по духу им. Были подвиги и страдания героев обеих сторон, целых народов, этносов. Их отношения к трагедиям кавказских народов в полной мере отражены в романах И.Машбаша. История в художественном осмыслении – это гениально!

В романе «Хан-Гирей» главный исторический герой Хан-Гирей показан всесторонне. Вся история его жизни, его творчество, мировоззрение перед читателем продвигалась по армейской лестнице. Писатель И. Машбаш внимателен к его творчеству. Особо выделяется посещение Хан-Гиреем литературных вечеров в Петербурге в доме редактора журнала «Сын Отечества» и газеты «Северная пчела» Н. Греча. В доме Н. Греча Хан-Гирей производит на всех выгодное впечатление, почему легко делается вечера, вовсе того не замечая.

Вечера где часто бывал А.Пушкин, встречи Н.И Греча с Хан-Гиреем, характеристика данная В.П Бурнашевым, другом Хан-Гирея по Санкт-Петербургу, легли в основу отдельных эпизодов исторического романа И. Машбаша «Хан-Гирей».

Судя по рассказу В.П Бурнашева, Хан-Гирей не чужд был светского образа жизни, бывал, пользуясь большим успехом в домах петербургской знати, одновременно вращался в литературных кругах столицы. Он был знаком с востоковедом О.И. Сенковским, говорил с ним на арабском языке.

Слушая Хан-Гирея, пристально глядя на него Н.Греч думал: «Да, крепкий орешек прислал мне в подарок А.Х. Бенкендорф. Умен, образован, тонок-просто так не возьмешь, да еще смотри, как бы самому не попасть в его силки. И вот ведь тут какая штука – этот черкес не

только сам, лично охраняет Императора, под его командой горский полуэскадрон. Охрана!»

В разговоре с Хан-Гиреем Н.И. Греч вспоминал любимое изречение А.Х. Бенкекндорфа: «...опасайся человека, у которого много идей в голове, и вдвойне опасайся, если эти идеи он хочет вбить в твою голову.» В беседе с Гречем Хан-Гирей с гордостью говорил: «Я черкес и мои интересы связаны с моим народом».

В работе значительное место занимает описание калаусской трагедии шапсугов, которая черной птицей облетела Черкесию, вызывая у одних скорбь, у других гнев, у третьих – ненависть. В раскрытии исторической правды писатель пользуется воспоминаниями В.А. Потто «Кавказская война». «Утро открыло страшную картину гибели черкесов: калаусски прогнойные болота были усеяны трупами, волны Лимана бороздились еще от предсмертных судорог тонувших. Слышались стоны и вопли погибавших, трупы людей и лошадей плавали в мутной воде грудями». Урон неприятеля в страшную ночь Калаусской битвы был чрезвычайный, ...сами черкесы считают утонувшими в лимане более 20 знатнейших князей и 1 200 всадников, не считая погибших в камышах и на поле. В добычу казакам досталось 516 лошадей и много превосходного оружия. С казачьей стороне потери были незначительные: 5 человек убито, 14 ранено». (Хан-Гирей стр. 240-241).

Победа, одержанная генералом Власовым, была оценена Ермоловым по достоинству. Донося о ней, он писал в Тифлис, в главный штаб Кавказской армии: «Прошу исходатайствовать генералу Власову награждение орденом святой Анны I-й степени. Он имеет все прочие награды и даже Святого Георгия III-го класса и теперь мною испрашиваемого ордена совершенно достоин. В заключении доношу, что со времени выдворения казачьего войска Черноморского в Тамани, не было подобного поражения черкесов» Император Александр I, минуя

Анненскую ленту, пожаловал генералу Власову прямо орден св. Владимира 2 класса.

Об этой трагедии в третьей главе романа «Хан-Гирей» сделан автором вывод: « В этой страшной битве человек остается человеком».

Т.К. Матвеев – атаман кубанского казачьего войска стремиться смирить казаков и черкесов.

Писатель И. Машбаш говорит устами атамана: «Как можно быть героем шашки и кинжала, если тебе мир надо на земле установить, чтобы не пушки говорили, а добрые спокойные люди вместе бы пели свои песни, вместе пахали землю». (Хан-Гирей, с. 24)

Слова Хан-Гирея как бы продолжает мысли атамана: «Не возможно спокойно смотреть на человека лишённого свободы. Он ведь человек, он должен быть свободен, а иначе ... он перестает быть человеком...!»

Романы И. Машбаша исторические драмы, трагедии, которые разыгрались в XIX веке на Кавказе. Разыгрались между державами Россия и Турция, а между жерновами кровавых событий попали адыги. Используя материалы о военных действиях, писатель призывает к жизни против войны, воскрешает в памяти современников исторические события столетней давности, которые многие десятилетия замалчивались или искаженно описывали действительность.

Все события, описанные в романах, подтверждаются историческими документами, в них отражены события, которые потрясли мир жестокостью царизма. При всём осмыслении истории Кавказкой войны писатель сохраняет стиль всех приводимых документов. Война завершилась изгнанием адыгов с их исконной земли, родины. На всем протяжении романа писатель не отходит от правды истории, от объективного раскрытия характера, жизни людей и описания конкретных событий.

Вся трагичная история жизни адыгов нашла в романах достаточно полное, широкое художественное воплощение.

Надо отметить так же, что писатель не остановился на показе трагических событий в Черкесии, но и смог показать так же реальную жизнь участников войны. На примере Сафербия Зана, писатель показал дружбу народов Кавказа, взаимоотношения в трагический период. Сафегбий Зан будучи еще мальчишкой отдают в аманаты предводителю русского войска в крепости Анапа Бухольцу. Жена Бухольца, Екатерина Михайловна, урожденная абадзехка, из рода Едыговых, воспитала мальчика. Чтобы не забывал традиции и обычаи горца, Сафегбий Зан после окончания лицея в Одессе служит юнкером в 22 егерском полку под командованием полковника Рудзеевича, но тогда он крупно поссорился с командиром полка и ушел из русской армии. Турки захватили Анапу, он поступает на службу к туркам, но когда отвоевали у турок адыгские земли Сафегбий Зан попал в плен к воинам, с которыми дружил, мечтал и рос. Выручил Сафегбия Зана и вызволил из плена его давний друг русский солдат Серебряков. Сафегбий, вернувшись из плена, долго сидел, размышлял, смотрел в сторону моря и тяжело вздыхал. «Он все думал о том, как оно все запутано, да перепутано! Как жить дальше. Где лежит покой народа» – говорил он. Все эти мысли преследовали Сафегбия Зана.

Дума об адыгах, их прошлом, о родине, о борьбе за свободу и независимость – главное содержание произведений И. Машбаша.

Писатель показывает в романах не только адыгов в борьбе за свободу, но и других национальностей, борющихся за свободу. Не мало внимания уделено историческому факту участия поляков в освободительной борьбе черкесов. Об этом свидетельствует включение рапорта генерала П.Х Граббе министру А. Чернышеву от 7 апреля 1840 года: Он писал: «Поляки ввели среди горцев и новое в этой местности

оружие – длинный шест к одному концу, которого прикрепляется коса, чтобы колоть и рубить, а ... к другому крючья, чтобы влезать на крепостные верки. Нынче это оружие находится у горцев в значительном количестве. Они производят съемки атакуемых мест, подают нужные советы для организации обороны, а при штурме идут всегда в голове колонны».

Генерал П. Граббе говорил: «Между ними (горцами) особенно отличался своей предприимчивостью унтер-офицер одного из Черноморских линейных батальонов, служивший капитаном артиллерии Польской армии во время мятежа 1831г. Неизвестно еще настоящее имя его, но в горах он принял другое имя черкесское (прозвище)». По всей видимости, П. Граббе имел в виду Т. Лапинского (Тофик-бей). План подготовленный фельдмаршалом Паскевичем, одобренный Николаем I и план Вильяминава по постройке военных укреплений на Кубани вызвал протест адыгов. «Строгость Вильяминава доходила до холодной жестокости, в которой была некоторая доля ценима, – рассказывал Г. Филипсон, – он Вильяминово приказывал при себе бить палками и нагайками провинившихся солдат. Даже не прочь был применять «английское» стогание – публичное наказание кнутом». В 1832 г. Паскевич составил в Варшаве целый план покорения черкесов в западной части Кавказа, основной смысл которого проложить путь от Кубани прямо на Геленджик, построить на этой дороге несколько укреплений и сделать основание для действий, когда это все будет готово, то направить около 10 отрядов из разных пунктов этой линии, названной Геленджикскою кордонною, одновременно на запад с тем, чтобы гнать перед собой горцев (адыгов) к Анапе и морю, и там угрожать истреблением, если не покоряются.

В 1839 году был разработан подробный план Вильяминава о покорении черкесов западной стороны Кавказа, – отмечал Г. Филипсон.

Вильяминов предлагал построить укрепление на Иле и других главных пунктах (притоков) Кубани, сделать их складочными пунктами, на которых отряды могли действовать вверх по долинам и таким образом очистить пространство по Северному Кавказу. На южном же склоне стесненное население не найдя возможности к существованию должно будет покориться. Император нашел все же это основательным, но не разрешил, потому, что это помешало бы окончательному покорению черкесов в сем году».

В 1839 году Вильяминову сообщена высочайшая собственноручная резолюция на одном его рапорте: «Дать черкесам хороший урок, чтобы они на первых порах обожглись». Воспоминания Г. Филипсона об отношении Вильяминова к покорению Кавказа, особенно черкесов были таковы: «На вершине горы черкесы дрались с особенным упорством в прекрасной дубовой роще. Оказалось, что это была священная роща, где с глубокой древности совершались языческие обряды богослужения...».

Вильяминов приказал спилить дерево и отпилить часть ствола в котором был камень, который со всех сторон обхватило дерево при постепенном росте и обвило корень. Он хотел послать этот чурбан в академию наук... Вдали видно было несколько аулов, началась перестрелка в одном месте перестрелка усилилась. Аулы горели, отряд расположился на позиции вокруг большого кургана Ошхадах (Красивый курган). Трофеями этого дня были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вильяминов платил по червонцу и черепа отправляли в академию наук... Вид завернутых в холст голов, привязанных к концу казачьих пик, вызвало у меня чувства гадливости и омерзения – писал Г. Филипсон. Все эти исторические документы явились основанием для

переосмысления своего отношения к службе, к вопросам переустройства родного края, к принятию подданства России. (Хан-Гирей, с 683).

Пользуясь фактами и используя богатую адыгскую философскую мудрость, писатель И. Машбаш показал в романе жизнь и быт адыгов, их характер в быту, в общественных местах, в критических ситуациях. Показаны так же мужество, ловкость, мудрость руководителей общественно-политического движения.

Таким образом, в произведениях, созданных писателем, наличествует огромный исторический, фактологический материал вобравший в себя множество действительных подлинных исторических событий, реальных лиц, документов, т.е. роман имеет солидную документальную основу. По использованным материалам, по глубине, значимости и художественному содержанию романа можно говорить о том, что писатель освоил одну из самых сложных и трудных проблем: трагическая судьба адыгов в период кавказской войны. В романах множество действующих лиц от простого адыгского крестьянина до руководителя племен (князей, феодалов), от русских солдат до министров и самого императора.

Стали явью слова русского офицера, участника кавказской войны К. Сталя о том, что годы пройдут и все изменится и успокоится Черкесия.... Досужий писатель соберет материал прислушается к преданиям и напишет без прикрас эту войну».

В работах писателя И. Машбаша переплетаются, интегрируются желания самого автора и желание главных героев. Это укрепление мира согласия, добрососедства, дружбы, доверия. С любовью и уважением пишет автор о народе, который восхищал всех, без исключения, путешественников, коммерсантов, разведчиков, собирателей фольклора, в целом, всю Европу и цивилизованную Россию.

Примечания:

- ¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (XIII – XIX в.) Нальчик. 1974.
- ² Бижев А.Х. Об участии польских радикально-демократических повстанцев в антиколониальной борьбе северокавказских горцев в 30-х годах XIX века. М., 1976.
- ³ Блиев М. Кавказская война: социальные истоки и сущность. // История СССР. №2.
- ⁴ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик. 1992.
- ⁵ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
- ⁶ Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа. Кавказский сборник. Тифлис. т. 21. 1900.
- ⁷ Кумыков Т.Х. Хан-Гирей. Нальчик. 1968.
- ⁸ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик. 1978.
- ⁹ Машбаш И.Ш. Жернова. Майкоп. 1993.
- ¹⁰ Машбаш И.Ш. Хан-Гирей. Майкоп. 1998.
- ¹¹ Трахо Р.Х. Черкесы. Мюнхен. (Переиздание в г. Нальчике). 1988.
- ¹² Кавказская война: уроки истории и современность (материалы научной конференции. Краснодар. 16-18 мая 1994). Краснодар. 1995.
- ¹³ Советская Адыгея, 1993, 1996. 25 мая.
- ¹⁴ Адыгэ макъ. 1993, 1996, 1998. Май.
- ¹⁵ Черкесия в XIX в. (Материалы первого Кошехабльского форума «История достояние народа»).

Емтыль Р.Х.

г. Майкоп

Отражение Кавказской войны в учебно-методической литературе

С момента своего становления человечество проявляло потребность в информации длительного пользования, сохраняющей свою актуальность в течение значительного временного отрезка.

С помощью информации человек узнавал свое прошлое и планировал будущее.

Историческое сознание каждой эпохи, знаменовавшей собой, как правило, новую более высокую ступень развития общества, строило свое представление об истории, свое отношение к прошлому. Сейчас провозглашается повсюду объективность в оценке исторического далекого прошлого.

Для этого требуется:

- глубокое знание истории народа, т.е. знание объекта изучения;
- строго научный подход к анализу и оценке событий;
- умение порвать с ошибочной методологией прошлого.

Трактовать историю с позиций концепции вчерашнего дня означает лишь повторение ошибок. Есть очень много научных разработок, оправдывающих политику царизма на Кавказе в XVIII-XIXв. Также известно, что никто не опровергал оценку экспансионистской колониальной политики царизма как военно-феодального империализма. Это положение утвердилось в науке. Осуждение царизма началось еще ссыльными на Кавказ декабристами.

Происходит переосмысление многих вопросов исторического образования. Наиболее серьезные преобразования в области исторического образования в практическом плане начались еще с 1993 г.

и в определенной степени и продолжают до настоящего момента. Как сказано выше, идет процесс осмысления и переосмысления необходимости преобразования перспективных подходов. Пик реформирования исторического образования пришелся на 1994-1996 гг.

К середине 1997 г. в основном сформировались новые подходы к содержанию и структуре исторического образования, учебников, учебно-методической литературы.

Был подготовлен новый, а в отдельных случаях обновленный комплект учебников по истории для общеобразовательных учреждений. Но этот комплект не имел целостного (и в методологическом и в практическом плане) характера.

В связи со всеми изменениями, происходившими в исторической науке, историческом образовании наметились позитивные шаги по модернизации исторического образования. Они были предприняты и на региональных уровнях.

Особенно было трудно в регионах, в том числе и в Республике Адыгея, где шел процесс перехода как и во всей стране на новое содержание образования. В связи с отсутствием не только российских, но и региональных учебников, учебно-методических, наглядных средств Министерством образования и науки был объявлен конкурс по подготовке и изданию учебников по истории Республики Адыгея с 5 по 9 класс. Вскоре были созданы авторские группы по созданию учебников. Эти группы исходили из необходимости осмысления важнейших вопросов, связанных с историей адыгейского народа.

К подготовке учебника, например, для 8 класса наш авторский коллектив (Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х.) подходил с особой ответственностью в освещении темы «Кавказская война», которая изучается в 8-м классе.

Нами учтены особенности учебно-познавательной деятельности и психологических особенностей детей возраста 8 класса, необходимости переосмысления подхода к изучению проблемы.

Сегодня в отечественной исторической науке по проблеме Кавказской войны накоплено огромное количество фундаментальных исследований, подготовлены множество монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации. Кроме того, событиям Кавказской войны, жизни и быту горцев, черкесов-адыгов посвятили свои лучшие произведения гениальные писатели, мыслители XIX века А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Л.Н.Толстой, Т.Г. Шевченко, поэты-декабристы.

Художественные произведения, богатые историческими реалиями созданы такими писателями и поэтами Северного Кавказа как Ц. Теучеж, А. Кешоков, К.Кулиев, Б. Пачев, Р. Гамзатов, И. Машбаш, А. Евтых, Х. Беретарь, Б.Шингуба и др.

В период после Кавказской войны появились музыкальные произведения, собран большой фольклорный материал, созданы художественные картины, ставшие важным дополнительным материалом по оформлению и обогащению методической части учебников, создаваемых для вузов и школ Республики Адыгея.

По событиям Кавказской войны в буржуазной и советской российской историографии сложились различные взгляды. Одни (буржуазные) историографы рассматривали Кавказскую войну как цивилизаторскую миссию России на Кавказе; другие (советские) кавказоведы Р.Магомедов, С.Бушуев, А.Фадеев, А.Бижев, А.Касумов, Х.Касумов, Г.Дзидзария и другие, внесшие большой вклад в изучении проблем национально- освободительной борьбы народов Северного Кавказа в XIX в считают, что «Кавказская война-это проявление завоевательной политики царизма». Эту точку зрения высказывали

давно в своих исследованиях И.Крачковский, М.Покровский, Л.Братгольд, А.Скитский. Но, к сожалению, некоторые молодые аспиранты А.Цыбульникова, К.Скиба в своих высказываниях больше склонны в поддержку теории буржуазных историков, не подозревая этого.

В программах исторического образования, в учебниках истории для вузов и средних школ, училищ, педколледжей, военных училищ России оценка «борьбы за независимость» как освободительной и антиколониальной существовала примерно до 50-х годов XX века.

Исследования продолжались, появились научные статьи монографии, сборники где объективно освещались причины, ход и последствия Кавказской войны, в том числе национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа.

В 80-90-е годы новое поколение советских ученых-исследователей (В.Виноградов, Дегоев, М.Блиев), считая ошибочными взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса, характеризовавшие войну горцев, черкесов (адыгов) как борьбу за независимость, в которой участвует «народ», начали отрицать колониальный характер политики царизма на Северном Кавказе в I-й половине XIX века.

Существование множества взглядов, различных подходов, концепций нам не помешало выбрать наиболее устоявшуюся объективную, и включить в программу и содержание учебников, изданных для школьников Республики Адыгея.

При подготовке учебников осмысление проходило в основном на 2-х уровнях:

- первый уровень – как освещается Кавказская война и другие региональные события, вошедшие в российские учебники, сопоставления различных точек зрения в решении данной проблемы.

Наша задача усложнялась отсутствием устоявшихся концепций по проблемам Кавказской войны.

- второй уровень- это отсутствие для учащихся общеобразовательных школ учебников по истории Республики Адыгея в соответствии с требованиями Госстандарта.

Так (авторы Чирг А.Ю. и Емтыль Р.Х.) при подготовке к изданию учебников исходили из того, что фрагментарное освещение истории региона в учебниках и программах общеобразовательных школ, а иногда и отсутствие вовсе, не удовлетворяют современную школу и другие средние и другие учебные заведения. Например, в вузовских учебниках под редакцией Анисимова и Е.Н. Захарова и др. вообще отсутствует региональный материал. Нами (Чиргом А.Ю. и Емтыль Р.Х.) был разработан свой вариант учебника. При подготовке учебника использовались апробированные в науке и практике материалы и при этом учитывались интересы, возможности и возрастные особенности. Особое внимание обращалось на научность содержания, достоверность фактов, соответствие с требованиями программы.

Материалы в региональных учебниках, рекомендованных учащимся, например, в 8-х классах позволяют более отчетливо представить историю региона (РА), особенностей социально-экономического, политического развития и культурного процесса.

Вместе с тем, авторы не подменяют традиционных взглядов и оценок разного периода в истории, а рекомендуют учителям и ученикам проводить дискуссии по наиболее актуальным проблемам истории, в том числе и по Кавказской войне.

Учебники, подготовлены по давно назревшим потребностям. Старые учебники, по истории Адыгеи изданные 1992-93 гг. не удовлетворяли школу, учителей, но и главное, уже в школах либо не хватало учебников, либо давно их не было.

Многолетний опыт и неоднократное участие в подготовке учебников и учебных пособий для 8-9 классов общеобразовательных школ помогло также авторам Чирг А.Ю. и Емтыль Р.Х приблизить содержание отдельных разделов в соответствии с рекомендациями научно-практических конференций 1990 г.(а.Кошехабль), 1994 г. (г.Краснодар), 2004 (г.Майкоп), 2005 г. (г. Майкоп) по проблемам Кавказской войны.

Из огромного количества источников по теме Кавказской войны, нами использованы выводы исследований самых крупных ученых, писателей, этнографов, художников, музыкантов, хранившиеся в архивах не только России, но и в зарубежных странах, воспоминания царских генералов-участников войны.

Научность содержания, структура материала, логичность построения текста, понятийный, терминологический, методический аппарат учебников в основном соответствуют возрастным особенностям школьников, требованиям программ, характеру и структуре излагаемого материала, психологическому восприятию. Литературный язык также соответствует уровню развития учащихся, противоречий в изложении материала не имеется.

Методический аппарат учебника для 8 класса выполнен на достаточно высоком научном уровне (мнение учителей, работающих в школа РА по данному учебнику – А.Кудаевой, Э.Киселевой, А.Шевоцуковой, А.Кузнецова, И.Нахушевой, А. Тимофеева, З. Кошковой и мн. других).

Учебник для 8 класса поможет учителю и учащимся разобраться в сложных явлениях в истории адыгов, глубже понять прошлое и предвидеть будущее.

Методический аппарат, дидактические материалы, рекомендованные в учебниках в том числе 8 класса помогут учителям

научить детей правильно излагать свои мысли, лучше организовать учителям учебный процесс.

Учебники по истории Адыгеи 5-9 кл. до издания были неоднократно, обсуждены на конференциях, на методологических семинарах АПУ с участием ученых, преподавателей вузов, учителей-практиков Республики Адыгея. Обсуждения состоялись также в АГУ в январе 2002 г. неоднократно Адыгейском госуниверситете (в июне 2003 г. и в апреле 2004 г.).

И после апробации и практического применения в школах Республики были также снова организованы обсуждения с привлечением ученых, учителей-практиков, авторов создаваемых учебников и всех тех, кто интересуется историей адыгов о соответствии содержания учебников современному уровню методического и научного обеспечения учебной литературой по истории.

Например, авторами всех учебников, в том числе 8 класса до издания учебников авторами устранены все указанные участниками конференций, методологических семинаров, замечания.

Многие замечания, сделанные в Армавирском педагогическом государственном университете «Школьные учебники «История Адыгеи»: «за» и «против» (под редакцией В.Б.Виноградова) не имеют под собой почву.

Следовало бы молодым ученым, занимающимся проблемой «Кавказской войны рекомендовать остерегаться «неудобных слов» вызывающих разлад, межнациональную рознь между народами, что удавалось раньше России и Турции... Борьба между этими странами приобрела жестокий характер, подписав Адрианопольский мирный договор 1829 г. для себя без учета желания народов Северного Кавказа, без участия черкесов, «зная, что ворота Кавказа были в руках Черкесии».

(См. «Из книги Ф.Ф. Торнау «Из воспоминания кавказского офицера». М., 1864 г.)

В создании учебников не должны использоваться сослагательные предложения, они в научном исследовании не используются, условности не учитываются, требуется точность выражения, достоверность фактов, что нами сделано.

Причины активизации политики царизма и устремления России на Северном Кавказе изложены на страницах учебника 8 класса в §19 на вполне доступном языке. Особенно подчеркивается выход к морю, военно-стратегическое значение, природные и сырьевые ресурсы. Если трактовать, как рекомендуют армавирские товарищи, то еще больше обострится взаимоотношение русских и черкесов, обучающихся вместе. По мнению армавирских исследователей адыги занимались только «набегами», что они носили ярлык «хищники», их основным занятием была только «домашняя война». Такие замечания не приемлемы, они будут непонятны учащимся. Необходимо учесть также, что объем учебника ограничен, программа не позволяет выйти за рамки и нагружать детей сложными понятиями, содержание должно соответствовать познавательным возможностям и психологическим особенностям школьников.

Целый ряд некорректных и некомпетентных высказываний может внести среди детей неприязнь между ними. Необходимо также возразить молодым ученым из Армавира на некоторые замечания, например, название «Адыгея – это название республики, имя коренного населения, самоназвание адыгов, который народ принял давно, во-вторых, изложенные события в учебнике происходили в XIX в. и это мы во введении раскрыли причины изменения названия территории.

В целом отражение данной проблемы в учебнике вполне соответствует задачам регионального компонента, формированию и

осмыслению ценностных ориентаций и убеждений школьников на основе личностного, социального, духовного, нравственного опыта людей в прошлом и настоящем, воспитания уважения к истории и культуре, традициям своего и других народов, взаимопонимания между народами.

При переиздании будут учтены отдельные замечания. Мы, авторы, осознаем, что «Кавказской войне» слишком много времени отвели, параграфов больше, сузили другие темы, например, культуру народов, проживающих в РА, но это объяснимо на наш взгляд. Проблема «Кавказская война» была и остается «белым пятном» в истории адыгов. В федеральных программах школьных и вузовских учебниках по истории сказано усилить региональный компонент, отвести ему 15% учебного времени. Но, тем не менее, в школьной программе проблеме «Кавказской войны» отведено всего 1 час, и это с сомнительной тематикой. «Польский вопрос. Шамиль. Кавказская война». Но думаем, при переиздании будут учтены отдельные замечания.

На наш взгляд такой подход к формированию программы с учетом регионального компонента ошибочен. Исходя из отсутствия этой проблемы в программе, из-за умалчивания этой острой, трагической для народа событий и необъективный подход к освещению вопроса, в программах авторский коллектив склонен был больше часов отвести этой проблеме и дать соответствующий материал в учебнике для 8 класса.

В учебнике не должны использоваться сослагательные предложения «было бы», «как бы», и т.д. Они не приемлемы в научном исследовании, не нужны условности, а нужна точность использования достоверных фактов. Слова «было бы», «не была бы Россия, адыги оказались бы на худшем положении» и др. замечания армавирских

аспирантов, ущемляющие достоинство исследователей и авторов учебника 8 класса и других пособий, не вызывают ничего кроме сожаления к их исследованию.

Примечания:

- ¹ Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги. Майкоп. 1957.
- ² Адамов Е. Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказских войн. // Вопросы истории. 1950. №11.
- ³ Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20 – начале 30-х гг. XIX в. – Майкоп, 1994.
- ⁴ Берже А.П. Выселив горцев с Кавказа // Русская старина. СПб, 1982, т.33. Кн.2. С.346.
- ⁵ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки сущность // История СССР. 1983. №2.
- ⁶ Буганов В.Н., Зырянов П.Н. История России. Конец XVII-XIX век. Учеб. для 10 кл. общеобразовательных учреждений. / Под ред. Сахарова А.Н. – 4-е изд. – М., 1998.
- ⁷ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX вв.). – М., 1967.
- ⁸ Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986.
- ⁹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, ТТ. 1-2, СПб., 1871.
- ¹⁰ Его же. Черкесы (Адыге). Краснодар, 1927.
- ¹¹ История России с древнейших времен до 1917 г. Программно-методические материалы – История, М., 2000, раздел III. С. 78.
- ¹² Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. (Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в.) Нальчик, 1992.
- ¹³ Керашев М.А., Чирг А.Ю. Гибель Черкесии. Краснодар, 1998.
- ¹⁴ Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. Ростов-Дон. 1929, №4 (б). С. 30.
- ¹⁵ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.-Л. 1955. Т.1.
- ¹⁶ Леванов Б.В. Чунаков А.В. История России (курс лекций). – М., 2002. С. 186-292.
- ¹⁷ Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. – Черкесск, 1956.
- ¹⁸ Павленко Н.И. и др. Россия в конце XVII-XIX веке: Учеб. для 10 кл. общеобразовательных учреждений М: Просвещение, 1997.
- ¹⁹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. Т.1, СПб, 1997.
- ²⁰ Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в I половине XIX в. // Исторические записки, №9. Академия наук СССР, Институт истории, М., 1940.
- ²¹ Пикман А.М. О борьбе Кавказских горцев с царскими колонизаторами. // Вопросы истории, №3, М. 1956.
- ²² Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. – Краснодар, 1989.

- ²³ Покровский М.В. Политика русского царизма по отношению к адыгской феодальной знати в конце XVIII – первой половине XIX в.
- ²⁴ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе XVI-XIX вв. – М., 1958.
- ²⁵ Трахо Р.Х. Черкесы. – Мюнхен, 1956.
- ²⁶ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник, М., 1864, Т.53, №9.
- ²⁷ Фадеев Р. Кавказская война (Политический бестселлер). М., 2005.
- ²⁸ Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг.: Из записок участника-иностранца. Краснодар. 1927.
- ²⁹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
- ³⁰ Цалыккаты А. Борьба за волю гор Кавказа // Эхо Кавказа, 1992, №2. С. 17.
- ³¹ Черкесия в XIX веке. (Материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»), Майкоп, 1991.
- ³² Чирг А.Ю. Емтыль Р.Х. История Адыгеи, (8 кл), Майкоп, 2002.
- ³³ Шарданов Б. Черкесы и их прошлое / Кубанский край. 1915, №191.
- ³⁴ Школьные учебники «История Адыгеи»: «за» и «против». (Под ред. профессора Виноградова В.Б.). – Армавир, 2003 г.
- ³⁵ Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, Т.I и II, 1912, 1913.
- ³⁶ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, Т.I и II, Тифлис, 1897.
- ³⁷ Он же. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Тифлис, 1914.

Емтыль З.Я.
г. Краснодар

Кавказская война и махаджирство в адыгской публицистике начала XX века

В адыговедении существует группа вопросов, традиционно занимающих особое место в историографии и сохраняющих в течение многих десятилетий дискуссионный характер. В их ряду находятся и вопросы, связанные с Кавказской войной. К ним обращались многие отечественные историки. Однако в систему их аргументов и обобщений крайне редко вводились положения и выводы, высказанные в произведениях адыгской интеллигенции начала XX в., в то время как данная проблема не только привлекала ее внимание, но и была предметом достаточно серьезного исследования.

Сложные социально-политические изменения в жизни горцев Северо-Западного Кавказа: включение в состав Российской империи, массовое переселение адыгов с исторической Родины неизбежно ставили передовую адыгскую общественность перед необходимостью осмысления истоков, характера и итогов таких сложных исторических проблем как Кавказская война и махаджирство. В начале XX века представителями адыгской интеллигенции были написаны обобщающие исследования по истории адыгов,¹ исследования по отдельным вопросам истории адыгов,² а также публицистические работы,³ в которых с разной степенью полноты нашел отражение целый комплекс вопросов, связанных с Кавказской войной и махаджирством, помогающих в реконструкции и осмыслении этих сложных исторических процессов.

Одним из основных вопросов, в течение длительного времени сохранившим острую дискуссионную постановку, стало определение

характера Кавказской войны. Он имел не только научное, но и большое политическое значение. Покорение Кавказа вызывало всеобщее неодобрение европейских государств, поэтому в российской официальной науке и публицистике отчетливо прослеживалось стремление к оправданию политики России в регионе.⁴ В официальной дворянско-буржуазной историографии разворачивание военных действий на Кавказе рассматривалось в плане цивилизаторской миссии России, как естественное следствие беспрестанных набегов горцев на русские поселения.⁵ «Возникла удобная для господствующих классов России концепция происхождения Кавказской войны, согласно которой «виновниками» этой войны были объявлены сами горцы».⁶ Эта позиция нашла отражение и в современном отечественном кавказоведении. Распространение получила оценка Кавказской войны как высшей формы организации набеговой системы, являвшейся следствием специфического развития региона.⁷

В связи с этим особенно важно отметить противоположность позиции в определении характера Кавказской войны, высказанной в адыгской публицистике начала XX века. Характер военных действий со стороны царской России в ней определялся как завоевание, покорение. Причем эти два определения употреблялись в качестве синонимов. В свою очередь, борьба горцев Северо-Западного Кавказа против царских войск рассматривалась как «борьба во имя свободы и независимости».⁸ При этом важно отметить, такое определение характера военных действий со стороны горцев дал и Т. Хаджимуков, принимавший непосредственное участие в военных экспедициях против горцев.⁹

В советской историографии долгое время базовой являлась теория добровольного вхождения Северо-Западного Кавказа в состав Российского государства, а движение горцев рассматривалось как

антифеодальное. При этом акцент делался на социальную мотивацию движения.

В исследованиях последних десятилетий преодолевается подобная тенденциозность в освещении характера освободительного движения горцев, подчеркивается, что основным его содержанием была борьба против завоевательных действий России. Вместе с тем признается и социальная направленность движения. По мнению значительной части специалистов, движение горцев правомерно определять как народно-освободительную войну.¹⁰ Данная позиция близка к суждениям, высказанным в трудах адыгской интеллигенции, неоднократно подчеркивавшей освободительный, народный, более того, национальный характер движения горцев в годы Кавказской войны.

Отдавая должное народно-освободительной борьбе горцев Северо-Западного Кавказа, адыгская публицистика признавала, что эта борьба не дала и не могла дать желаемых результатов: покорение Кавказа было исторической неизбежностью. Проблема исторической неизбежности покорения Северного Кавказа получила достаточно широкое освещение как в дореволюционной, так и в современной историографии.¹¹ Принципиальное отличие в видении данной проблемы в адыгской исторической публицистике состояло в том, что она рассматривала ее не с позиции международной политики в отношении Кавказа в XVIII – первой половине XIX вв. и стратегических интересов России, а с точки зрения непосредственного геополитического положения Северо-Западного Кавказа и его внутреннего развития.

Основополагающей причиной поражения адыгов в Кавказской войне адыгские общественные деятели начала XX века считали расселение народа на стратегических территориях, которые на протяжении веков являлись объектом экспансии других народов и государств. Именно геополитические условия жизни адыгов, по их

мнению, обусловили экономическую отсталость горцев, что, в конечном счете, предопределило историческую судьбу народа.¹²

Особое внимание в публицистике начала XX века было уделено политической разобщенности своего народа. Отмечено, что неспособность, а порой и нежелание объединиться перед лицом общей опасности стали роковыми для адыгов. Горцы продолжали сражаться каждое племя за себя, в то время как действия российских войск, в особенности с назначением А.П. Ермолова, были подчинены общему плану.¹³ Помимо указанных причин поражения горцев в Кавказской войне выделялись и другие, но они либо дополняли их, либо вытекали из них. В их числе отмечалась многочисленность русских войск,¹⁴ отсутствие у адыгов общего военного руководства.¹⁵

Поражение горцев в Кавказской войне было лишь началом трагедии. Ее завершением стала массовая депортация адыгов с исторической родины. Проблема махаджирства стала одной из главных тем в адыгской публицистике начала XX века. Представители адыгской интеллигенции сумели открыто выступить с освещением причин этого сложного демографического явления и дальнейшей судьбы переселенцев.

Главной составляющей проблемы является анализ причин этого явления в истории Северного Кавказа. Широкое распространение в дореволюционной историографии получила точка зрения, согласно которой переселение горцев в Турцию происходило по доброй воле, исключительно в результате мусульманской пропаганды и необузданного фанатизма.¹⁶ Более того, делалось заключение о том, что все невзгоды, сопровождавшие переселенцев, они навлекли на себя сами.¹⁷ Не смотря на попытку переложить вину на самих горцев, в данных работах содержались суждения, нарушавшие логику подобных

утверждений. В них, в частности, отмечалось, что удаление «туземцев» от моря диктовалось государственными интересами России.¹⁸

По иному были расставлены акценты при освещении причин махаджирства в работах Я.Абрамова и А.Фонвиля, рассматривавших его в первую очередь, как следствие политики России и Турции в регионе.¹⁹ В оценке проблемы адыгского махаджирства адыгская публицистика начала XX века примыкает именно к этой группе дореволюционных исследований.

Прежде чем перейти к рассмотрению причин, которые, по мнению адыгских публицистов, лежали в основе махаджирства, стоит обратить внимание на тот факт, что в их работах не были выделены конкретные этапы переселения. Его причины рассматривались в общей постановке, в то время как процесс переселения адыгов в пределы Турции занимал большой хронологический период, имел определенную динамику развития: усиления и ослабления.²⁰ В этой связи, в комплексе работ, отразивших проблемы махаджирства, особо следует отметить доклад С. Довлет-Гирея «Жизнь черкесов-переселенцев в Турции».²¹ В нем была предпринята попытка периодизации переселенческого движения. Автор выделил два периода в махаджирстве: до установления царской администрации на Северо-Западном Кавказе и после.²² Несмотря на отсутствие обоснования предложенной периодизации, возможно предположить, что в ее основу были положены изменения в характере и масштабах переселения.

В качестве причины переселения на первом этапе С. Довлет-Гирей выдвигал жестокую политику царизма в отношении горцев. Недаром начало массового переселения адыгов он связывал с именем наместника Кавказа и главнокомандующего Кавказскими войсками А.П. Ермолова, явившегося в регион с «выработанной» системой огня и меча».²³ Следует отметить, что данное положение получило развитие в

современной историографии. Многие отечественные исследователи связывают с назначением А.П. Ермолова в 1812 г. на Кавказ ужесточение российской политики, подчинение ее общей идее и определенному плану.²⁴

В целом, в адыгской публицистике начала XX века переселение горцев в Турцию расценивалось как вынужденное, являющееся следствием колониальной политики России на Кавказе. Наряду с этим, отмечался очень важный момент в махаджирстве – уход адыгов в Турцию имел четко выраженную психологическую окраску. Он являлся своеобразным актом демонстрации непримиримости, непреклонности, протеста против установленного колониального режима. Горцы отказались принять царское подданство,²⁵ «народ, побежденный, но непокоренный ушел в Турцию...».²⁶ По существу в адыгской публицистике впервые было обращено внимание на психологическую причину переселения. При всей значимости постановки этой проблемы она не получила дальнейшего осмысления ни в дворянско-буржуазной, ни в советской историографии.

Обращаясь к Кавказской войне и политике царизма в отношении горцев как первопричине махаджирства, адыгская историческая публицистика не игнорировала и другие факторы, способствовавшие расширению его масштабов. Среди них особо выделялся «турецкий фактор», проявившийся как в агитации самих турок, имевшей целью «насолить гяурам», заселив горцами Балканы и неосвоенные районы Малой Азии, так и привычке самих адыгов «смотреть на Турцию как на свое государство, где в минуту опасности они найдут поддержку...».²⁷ В противовес официальной дворянской историографии, говоря о «турецком факторе» она не рассматривала его как определяющий.

В адыгской публицистике начала XX века было обращено внимание и на то обстоятельство, что по мере введения гражданского

управления на Северо-Западном Кавказе происходило изменение характера переселения горцев. В эти годы оно стало следствием неприятия нового управления, новых законов и обычаев «чуждых кавказским племенам и вызывавшим в них недоверие и боязнь».²⁸

По мнению некоторых представителей адыгской интеллигенции, глубокое возмущение вызывала национальная политика царских властей в регионе, укладывавшаяся в формулу «Кавказ должен быть для русских, а все остальные народности – ничто».²⁹ В течение 50-60 лет, как отмечал Б. Шарданов, эта политика заставляла адыгов искать новое отечество.³⁰

В ряду других причин переселения адыгов в Турцию в адыгской публицистике указываются коренные изменения поземельных отношений в регионе. В частности, отмечалось, что определенная часть адыгской аристократии, боясь ослабления своего влияния, уезжая, сманивала и своих подданных.³¹ В свою очередь, значительная часть обезземеленных крестьян, чье положение заметно ухудшилось за последние годы, оказалась особенно податливой на уговоры протурецки настроенной знати и духовенства. Они верили, что в Турции всегда готовы оказать помощь своим единоверным братьям.³²

Наряду с ухудшением социального положения адыгов отмечалось, что не последнюю роль в процессе переселения играло духовенство, которое в своей «ненависти к гяурской администрации» стимулировало переселение мусульман в единоверную Турцию.³³

Суждения адыгских общественных деятелей о роли процессов, происходивших в адыгском обществе, и значении религиозной агитации органично вписываются в историографию махаджирства с той лишь разницей, что они относились непосредственно к махаджирству начала XX века, а не в целом к этому сложному явлению.

Важное значение для изучения адыгского махаджирства, как и любого масштабного демографического явления, имеют статистические данные, позволяющие наиболее полно судить о его масштабах и влиянии на дальнейшую эволюцию этноса. В результате адыгского махаджирства, ставшего «крупнейшей демографической катастрофой, которая... перекроила традиционный этнический облик Кавказа»,³⁴ численно преобладавший на Северном Кавказе этнос сократился до таких размеров, что число переселенцев в несколько раз превысило количество оставшихся на исторической родине.

Несмотря на остроту и значимость проблемы, приходится констатировать, что наука не располагает достаточными данными о числе переселенцев. Долгие годы за исходную цифру брались свидетельства председателя Кавказской археологической комиссии А.П. Берже. Анализируя официальные статистические сведения за период с 1858 по 1865 гг., он назвал цифру переселенцев 493 194 чел., считая эти данные заниженными.³⁵

В связи с этим особый интерес представляют статистические данные о переселенцах, полученные С. Довлет-Гиреем в результате изучения материалов Константинопольского переселенческого комитета. По этим данным с 1816 по 1910 гг. в Турцию выехало различных кавказских племен 690 659 дворов в количестве 3 102 749 человек, из них одна половина осела в азиатской части Турции, а другая – в европейской. Общее число проживавших в Турции черкесов к 1910 г. по его данным составило 2 750 000 человек.³⁶ В эту цифру вошла и часть горцев – переселенцев других национальностей, перемешавшаяся с адыгами и учтенная под их названием.³⁷

Рассматривая отображение Кавказской войны и махаджирства в адыгской публицистике начала XX века, следует отметить, что в своих произведениях адыгские общественные деятели отдавали приоритет не

чисто исследовательским задачам, а в большей степени политическим, выступая против национально-колониальных методов управления царизма на Кавказе, развинчивая «турецкий рай», защищая национальные интересы своего народа, его социокультурную целостность и право на изменение общественно-политического положения в структуре российского государства. Этими задачами была обусловлена жанровая особенность большинства работ, носивших острый публицистический характер.

Тем не менее, еще в начале XX века адыгскими общественными деятелями, несмотря на ограниченные возможности для исследований, обусловленные как политической ситуацией на Кавказе, так и общим уровнем дореволюционного кавказоведения был намечен достаточно широкий круг вопросов, связанных с Кавказской войной и махаджирством, не потерявших и в дальнейшем своего научного значения.

Примечания:

- ¹ Хаджимуков Т. Народы Западного Кавказа // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. XXX. – С. 1-50; Шарданов Б. Черкесы и их прошлое // Кубанский край. 1915. №№ 122, 189, 190, 191.
- ² Довлет-Гирей С. Жизнь черкесов переселенцев в Турции // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. 5. – С. 232-233; Сиюхов С. Этнографические наброски // Кубанский казачий листок. 1913. № 454.
- ³ Ечерух М. Роль кавказских горцев политической и общественной жизни Турции // Мусульманин. 1910. № 6. – С. 113-117; Сиюхов С. Перед национальной катастрофой: приезд царя Александра 2 к абадзехам // Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. Майкоп, 1991. – С. 88-92; Его же. Коронованные палачи. К 50-летию покорения Западного Кавказа // Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. Майкоп, 1991. – С. 93-95; Хатококор Д.-Г. Положение черкесов в Турции // Мусульманин. Париж, 1908. № 1. – С. 3-6; Его же. Мухаджиры // Мусульманин. 1910. № 2. – С. 44-45; Его же. К положению мухаджиров // Мусульманин. 1910. № 15. – С. 333-334; Его же. Современная Турция // Мусульманин. 1910. № 17-18. – С. 289-290; Его же. Мухаджирский вопрос // Мусульманин. 1911. № 2. – С. 61- 66.
- ⁴ В этой связи представляются небезынтересными суждения видного российского историка и философа Н.Я. Данилевского относительно характера территориального

расширения Российского государства лишь к «политическому убийству», то есть к разрушению уже сложившихся государственно-политических образований. В отношении же народов, которые не имели до этого самостоятельной государственно-политической структуры, он не применим, так как нельзя «прекратить жизни того, что не жило». По его мнению, они предназначены к тому, чтобы слиться постепенно с той исторической народностью, среди которой рассеяны, ассимилироваться ею и служить к увеличению разнообразия ее исторических проявлений. Н.Я. Данилевский, анализируя состав Российского государства, войны, которые оно вело, цели, которые преследовало, приходит к заключению, что Россия не являлась завоевательной державой. Подобные идеи определяли направление и характер российской историографии / Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. – С.24-28.

⁵ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871. Т.1. Кн. 1. – С.63-64; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. Екатеринодар, 1913. – С.30-34.

⁶ Гарданов В.К. Указ. соч. – С.51.

⁷ Блиев М.В. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР. 1983. № 2. – С.74-75; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ // История СССР. 1987. № 3. – С.2; Блиев М.В. К проблеме общественного строя горских «вольных» обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа / XVIII – первая половина XIX века // История СССР. 1987. № 3. – С.2.

⁸ Хаджимуков Т. Указ. соч. – С.25.

⁹ Там же.

¹⁰ Ортабаев Т.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4; Ибрагимбейли Х.М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа против царизма и местных феодалов // Вопросы истории. 1990. № 6; Касумов ХА. Освободительная борьба адыгских народов в XIX веке / Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. – С.41-65; Бижев А.Х. Борьба северо-западных адыгов против военно-колониционной политики царизма // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994. – С.86-109; Ибрагимбейли Х.М. Правда истории и плоды фальсификации / Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994. – С.54-67.

¹¹ Дореволуционная и современная кавказоведческая историография, рассматривая вопрос о неизбежности покорения Северного Кавказа, главным образом, отмечает геополитические интересы в регионе России, Турции, Великобритании и Франции / Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т.2; Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914; Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений 20-50-е гг. XIX в. М., 1956; Его же. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958; Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII-первая половина XIX в.) // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. – С.5-24; Аврааменко А.М., Матвеев О.В., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. – С.24-43.

¹² Сиюхов С. Этнографические наброски // Кубанский казачий листок. № 4. 1913. – С.2; Хаджимуков Т. Указ. соч. – С.2, 6; Шарданов Б. Черкесы и их прошлое // Кубанский край. Екатеринодар, 1915. № 189.

¹³ Довлет-Гирей С. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. 5. – С.232.

- ¹⁴ Сиюхов С. Перед национальной катастрофой. Приезд царя Александра II к абадзехам // Сефербий Сиюхов – адыгейский просветитель. Майкоп, 1991. – С.90.
- ¹⁵ Довлет-Гирей С. Указ. соч. – С.232.
- ¹⁶ Апрельев П. Два года в Абхазии. СПб, 1868. – С.140.
- ¹⁷ Лилов А. Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе // Кавказ. 1867. № 18.
- ¹⁸ Дроздов И. Последняя борьба с горцами Западного Кавказа // Кавказский сборник. 1877. Т.2. С. 457.
- ¹⁹ Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927; Фонвиль А. Последний год борьбы Черкесии за независимость. 1863-1864. Краснодар, 1927.
- ²⁰ В современном адыговедении не существует единой системы периодизации адыгского махаджирства. Более того, данная проблема на протяжении многих лет не представляла собой самостоятельной исследовательской темы, а рассматривалась в контексте других социально-политических проблем истории адыгов XIX в. Лишь с начала 90-х годов XX в. проблема адыгского махаджирства стала оформляться в отдельную исследовательскую тему. Появились работы, посвященные ей / Аутлев П.У. Об основной причине махаджирства адыгов в XIX веке // Черкессия в XIX веке. Майкоп, 1991. – С.216-254; Куадже Т.Х. Махаджирство в истории горских народов Северного Кавказа // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Начальник, 1994. – С.15-26; Бабахян Л.М. Махаджирство. Уроки истории // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Начальник, 1994. – С.207-209.
- ²¹ Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Начальник, 1994. – С.207-209; Пронштейн А.П., Патракова В.Ф. Современная историческая наука и вопросы изучения кавказского махаджирства XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – С.123-129; Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – С.181-191; Мамбетов Х. Из истории насильственного выселения адыгов в Турцию // Россия и Черкесия во второй половине XIX в. Майкоп, 1995. – С.184-192; Кудалева С.Г. Огнем и железом. Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20-70 гг. XIX в.). Майкоп, 1998.
- ²² Довлет-Гирей С. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. 5. – С.232-233.
- ²³ Довлет-Гирей С. Указ. соч. – С.232.
- ²⁴ Думано Х. К вопросу о периодизации Кавказской войны // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. – С.38; Шебзухов М. К вопросу о причинах и характере Кавказской войны (1817-1864 гг.) // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. – С.180 и др.
- ²⁵ Сиюхов С. Коронованные палачи // Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. Майкоп, 1991. – С.94.
- ²⁶ Хаджимуков Т. Указ. соч. – С.39.
- ²⁷ Хатакокор Д.-Г. Современная Турция // Мусульманин. 1915. № 15. – С. 333.
- ²⁸ Довлет-Гирей С. Указ. соч. – С.232.
- ²⁹ Шарданов Б. Черкесы (Забываемые народы) // Кубань, 1906. № 117.
- ³⁰ Шарданов Б. Забытый народ // Кубань, 1906. № 76.
- ³¹ Хатакокор Д.-Г. Махаджирский вопрос в Турции // В ответ различным клеветникам // Мусульманин. 1911. № 2. – С.64.
- ³² Ечерух М. Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции // Мусульманин. 1911. № 6. – С.113.

- ³³ Ахметуков Ю.К. Мысли вслух // Мусульманин. 1911. № 3. – С.2.
- ³⁴ Пронштейн А.П., Патракова В.Ф. Современная историческая наука и вопросы изучения кавказского махаджирства XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994. – С.123.
- ³⁵ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 882. XXXII. – С. 163.
- ³⁶ Довлет-Гирей С. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции // Известия ОЛИКО. 1912. Вып. 5. – С.232.
- ³⁷ Характерной особенностью известных сведений по численному составу адыгских переселенцев является то, что авторы не отделяют их от других кавказцев. Это вызывает затруднения в подсчете собственно адыгских переселенцев / Кудаева С.Г. К проблеме статистики адыгского махаджирства // Неделя науки МГТИ. Вып. 3. Майкоп, 1998. – С.35.

Жемухов Н. М.

г.Нальчик

К вопросу об уровне адыгской медицины XIX в.

В 1962 г. к 150-летию Бородинской битвы в одной из центральных газет была опубликована статья с заглавием «Можно ли было спасти Багратиона?». В статье автор приводил известный исторический случай ранения прославленного генерала Багратиона в Бородинском сражении и последовавшую смерть. При этом автор утверждал, что при правильной организации медицинской помощи Багратион мог быть спасен. По его мнению, тогдашний уровень медицинских знаний позволял спасение таких раненых. Таким образом, смерть Багратиона наступила из-за недостаточной и неправильно оказанной медицинской помощи. Главной ошибкой лечивших его врачей, писал он, явилось то, что не было произведено расширение раны.

Между тем, врачи того времени не придавали расширению раны то значение, которое придается теперь. Они даже не употребляли слово «расширение». Врачи того периода считали необходимым «освежение раны». Установка была – придать ране свежий вид, для чего делалось расширение раны, а вовсе не из-за понимания того, что при этом несколько улучшается отток отделяемого из раны.

История болезни Багратиона описана Я.И. Говоровым. Он был первым врачом, который в день ранения Багратиона 26 августа 1812 г. осмотрел и перевязал его рану. При этом Говоров нашел, что рана «сопряжена была с повреждением берцовой кости». Генерал П.И. Багратион был эвакуирован в карете. Его сопровождали до Москвы главный медик Второй Западной армии Гангард, а от Москвы еще и

профессор Гильдербрант, один из лучших хирургов того времени. По прибытии в село Симу Владимирской губернии 8 сентября Багратиону была сделана операция – расширение раны, на которую он раньше не соглашался. Также категорически он отказался от ампутации, предложенной ему 3 сентября. При операции выяснилось, что имеет место «перелом и раздробление берцовой кости... Гнойной и вонючей материи, с примесью некоторых инородных тел, волокон сукна и холстины, вышло из раны чрезвычайное количество, и рана представилась на взгляд весьма глубокою, с повреждением важных кровеносных сосудов и чувствительных нервов». Багратион умер.

Небезынтересно привести аналогичный случай из Бородинского сражения – ранение в бедро князя Андрея Болконского, персонажа романа «Война и мир». Известно, как Л.Н. Толстой подробно описывал врачебные действия, медицинскую помощь раненым в своих произведениях. Раненого Болконского, полкового командира, занесли в перевязочный пункт под шумный ропот лежавших вокруг и ждущих помощи солдат, «видно господам и на том свете одним жить». Первоочередность оказания помощи раненым в русской армии устанавливалась не по состоянию пострадавшего, а по чину. Далее писатель делает классическое описание хронически протекающего раневого сепсиса с ипохондрическим синдромом. Здесь недостает только лабораторных данных. В последующем Болконский умирает.

В обоих случаях поражает инертность врачей, отсутствие каких-либо активных действий. В первом случае, врач ограничивается робким, нерешительным расширением раны. Выделения из раны происходят самопроизвольно, без вмешательства врача. Во втором случае, движение врача в отношении раны состоит в том, что «...доктор и камердинер подняли шинель, которою он был накрыт, и, морщась от тяжкого запаха... стали рассматривать это страшное место...».

Такое поведение врачей неслучайно. В обоих случаях речь идет о тяжелом осложнении раны – раневой инфекции. Несмотря на большой опыт военных хирургов того времени, результаты лечения таких ранений оставляли желать лучшего. Главным бичом являлась гнойная и гнилостная инфекция ран, сводившая на нет все усилия хирургов. Боязнь смертельных гнойных осложнений заставляла прибегать к первичным ампутациям при ранениях конечностей. И Багратион, отказавшись от ампутации, поставил врачей в трудное положение.

В русской армии медицинская помощь была поставлена не хуже, чем во французской. Однако установками французских хирургов Ларрея и Перси для предупреждения смертельных исходов при осложненных переломах считалась показанной, так называемая, «превентивная ампутация». Ампутации производили английские и немецкие хирурги.

Ампутация по-Ларрею считалась абсолютно необходимой при осложненных огнестрельных переломах. Сам Ларрей, главный хирург французской армии, личный врач Наполеона, впоследствии писал, что произвел в день Бородинского сражения до 200 ампутаций. Пугающий вид раны, вместе с собственным бессилием, вселял ужас в сердца врачей. О полной деморализации европейских хирургов перед раневой инфекцией говорит и то, что Талмше и Соломон предприняли ампутации... едкими веществами.

Знаменитый русский хирург Н.И. Пирогов, прочно усвоив эти установки, прибыл на Кавказ.

«Я и сам также действовал во время Кавказской экспедиции (1847)... Я упрекал тамошних врачей, что они не делают ампутации на месте, под выстрелами. Я считал чуть не уголовным преступлением, что они мало или почти вовсе не делают первичных ампутаций...». Однако дело обстояло не так, как думал Пирогов. К удивлению Пирогова оказалось, что «гакимы» (врачи горцев) проводили лечение в таких

случаях консервативными методами и получали, по признанию русских раненых, лучшие результаты, чем получал Пирогов. «Я должен из любви к истине заметить, – писал он, – что ...некоторые горские врачи, воспитанные в этом искусстве их отцами, действительно имеют большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран... Особливо замечательно лечение огнестрельных ран, соединенных с раздроблением костей пулею и с присутствием посторонних тел». Н.И. Пирогов приводит случай, как один кавказский офицер был ранен пулей в плечевой сустав, «...и головка плеча и часть хирургической шейки были раздроблены». Недовольный выжидательной позицией русских врачей, он обратился к знакомому черкесскому хирургу, который «положил ему в два свищевых хода на плече толстые, свернутые из старой тряпки турунды, обмазав их каким-то белым веществом». «Через несколько времени эшары отстали, опухоль прошла, а отверстия сделались чрезвычайно широкими. Гаким при каждой перевязке вставлял в них бараний рог, высасывал ртом куски костей из глубины и потом вводил в раны куски курдюка...». «Раненый показывал мне целую коробку осколков, высосанных черкесским хирургом».

Черкесы имели самую передовую по тем временам методику лечения раневой инфекции. До нас дошел один из терминов, использовавшихся черкесами для обозначения турунды с антисептическим веществом – «лыс». «Лыс» в переводе с черкесского, означает «прижигающий, раздражающий ткань». Именно этот прием и перенял Пирогов у черкесов и использовал в своей научной и практической деятельности.

Активное, энергичное очищение раны от посторонних предметов и осколков, введение в раневой канал дренажа – турунды с антисептическим веществом явилось, без преувеличения, поворотным пунктом в хирургии раневой инфекции, открыло новую эру. Искусство

лекарей Кавказа подсказало Пирогову средство спасения раненых от смертельных гнойных осложнений.

Конечно, они пришли к этому методу чисто эмпирически, опытным путем, но это не умаляет их заслуг. В истории медицины вы не встретите их имен, они канули в Лету. Чаще всего упоминание о них носит пренебрежительный характер: «туземные лекари», «горские гакиды». Но факт неоспоримый, в то время, когда европейская медицина представляла собой жалкое зрелище, европейские врачи ощупью продвигались к цели, горские хирурги имели ясное представление о предмете, действовали решительно и благоразумно.

Так можно ли было действительно спасти Багратиона? На этот вопрос ответил великий русский хирург Н.И. Пирогов.

Жемухов С. Н.

г. Нальчик

Хан-Гирей об альтернативах русско-адыгских отношений

В вопросе о необходимости покорения Черкесии Россией Хан-Гирей придерживался официальной российской идеологии. Земли черкесов, в его представлении, это невозделанный государственною участком, своего рода "политическая целина", и Хан-Гирей называл их "пространством, занимаемым на Кавказе племенами, так называемыми "горцами". То есть он представлял Черкесию как Америку, Индию, Австралию до колонизации их европейскими государствами. Он сравнивал колонизацию Черкесии Россией с колонизацией Индии Англией (7,326).

Однако в методах покорения позиции Хан-Гирея существенно расходились с подходами российского правительства. Хан-Гирей писал о колонизации Черкесии и часто употреблял термины "колонизация" (7,328), "колонисты" (7,331). Термин "колонизация", часто употребляемый Хан-Гиреем, имел для него совсем другое значение, чем в наше время. Если в XX в. колония – это "страна, насильственно захваченная и эксплуатируемая империалистическим государством (метрополией), лишенная государственной самостоятельности" (4,245), то в XIX в. колонизация официально преподносилась как приобщение дикости и варварства к просвещению и цивилизации. Вплоть до начала развала колониальной системы в XX в., считалось, что "под К.[колонизацией] обыкновенно разумеется массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства" (1,736).

Такое "просвещенное" государство как Россия, в представлении Хан-Гирея, не довольствовалось обеспечением счастья только для своих граждан. Оно заботилось обо всем человечестве и, в частности, о горцах Кавказа: "...Человеколюбие монарха, мудро устроившего счастье подданных, изливает великодушные щедроты и на полудиких горцев, чтобы их соделать счастливыми гражданами".

Из приводимых Хан-Гиреем обоснований причин покорения можно выделить три. Первая причина в том, что адыги (и особенно кабардинцы) всегда притесняли соседние народы и Россия их как бы "освобождает" от "ига". Вторая причина – защита Россией своих границ от горцев. И в третьих, колонизация рассматривается как шаг к просвещению черкесского народа (2, 71).

Особо подчеркивая для российского императора Николая I, что Россия в силах покорить Кавказ и военными методами, Хан-Гирей считал, что мирные методы колонизации должны доминировать над военными. У Хан-Гирея имеется стройная система социально-политических представлений о Черкесии, из основных положений которых он выводит альтернативные варианты развития русско-адыгских отношений. Если его современник Ш.Б. Ногмов считал движущей силой общественной жизни только князей (3, 98), то Хан-Гирей выделял три движущие силы – аристократию, духовенство, народ.

Князья – исторические создатели и носители власти. Через образованное ими дифференцированное сословие дворянства, посредством института покровительства (иначе говоря, добровольного подчинения слабым сильным) князья Черкесии управляли многочисленными конфедеративными племенами. Власть князя-старшины (пшь-тххамаде) и власть князей на местах ограничена обычным правом, общенародным съездом и влиянием духовенства.

Черкесское дворянство находится в сословно-политической зависимости от князей. Однако дворянство экономически независимо и не платит регулярных налогов. В то же время считается неприличным, чтобы князья занимались хозяйственной деятельностью. Эта парадоксальная ситуация разрешается следующим образом. По древним обычаям князь имеет моральное право отнимать у дворянина то, что ему нужно. Следствием подобных насильственных займов, разумеется, бывает недовольство дворян. Таким образом, неустойчивость экономического статуса князей является причиной внутривнутриполитических конфликтов.

Органом, призванным решать внутри- и внешнеполитические проблемы в Черкесии являлся общенародный съезд. Его полномочия по внутривнутриполитическим вопросам скорее напоминают суд присяжных: он выносил решения по важным спорам, а князь-старшина их исполнял. Хан-Гирей считал, что главным механизмом действия власти в Черкесии являлось штрафование, эффективному функционированию которого способствовало то, что лица, взыскивающие штраф, обычно оставляли его у себя и это, наряду с насильственными займами, являлось источником дохода князей. Управление на местах, называемое Хан-Гиреем "частно-общественным", похоже на схему высшей власти: наиболее важные решения принимались сельским сходом, совещаясь с которым, владелец аула управлял подвластными.

Главный изъян в этой системе – отсутствие государственно-экономических рычагов власти (за исключением эффективного механизма штрафования). С одной стороны, черкесская аристократия не имела прямых источников дохода, достаточных для накопления богатства; с другой стороны, институт покровительства, создававший прецедент добровольности подчинения власти, делал социальную взаимозависимость различных слоев общества опосредованной.

Опосредованность социальных отношений и косвенный характер доходов аристократии являлись причиной внутривнутриполитической нестабильности в Черкесии.

Хан-Гирей считал, что Россия должна централизовать власть в черкесском обществе путем прямого подчинения российскому государственному аппарату всех политических партий и эшелонов власти в Черкесии и тем самым навести в них порядок. Для этого нужно почти невозможное – чтобы князья отказались от сословной власти над дворянами. Хан-Гирей советовал российскому правительству предложить князьям значительные земельные угодия в обмен на эту власть. Он был уверен, что они согласятся на этот обмен по той причине, что хотя не имея понятия о богатстве, черкесские князья не замечали своей бедности, но с наведением порядка обнажиться их экономическая несостоятельность и они увидят опасность остаться без средств к существованию. Уничтожение же вассальной зависимости, скорее всего, сразу же расположит дворянство в пользу российского правительства.

Черкесское духовенство – исторически более молодая политическая сила, уже отвоевавшая у аристократии судебную ветвь власти. Главная политическая задача духовенства – борьба за исполнительную власть – подпитывалась тем, что происходя из простого народа, оно использовало в конкуренции с аристократией антифеодальные настроения народа. Кроме того, будучи носителем ислама, оно видело в лице христианской России опасность для своих интересов и в борьбе против колониальной политики России использовало антиколониальные настроения черкесского народа.

У Хан-Гирея имеется довольно стройная теория управления общественным сознанием, краеугольным камнем которой он ставит аксиому о том, что человек по природе своей имеет "естественное

благоговение к величию Творца вселенной". Духовные особы являются проповедниками законов Творца вселенной, благодаря чему пользуются у черкесов "величайшим уважением". Используя это естественное, исходящее из существа человека уважение, духовенство имеет "владычество над умами народа". Таким образом, не обладая исполнительной властью, духовенство тем не менее представляет мощную силу, так как делает ставку на управление общественным сознанием, или, грубо говоря, на раздувание общественного недовольства черкесов властью и колонизацией. "Эфендий, кадий и мулла с книгою в руках... с исступлением красноречия буйного фанатизма и с душою властолюбивою может более преуспеть в несколько месяцев в этой стране, нежели несколько тысяч воинов с оружием в руках в несколько лет" (7, 120). Главная опасность духовенства для России в его непонимании того, что колонизация не имеет целью искоренение ислама. Хан-Гирей предлагал российскому правительству реально поддержать политические амбиции черкесского духовенства и, сняв его антиколониальную направленность, тем самым обратить на пользу России антифеодальную направленность общественного сознания черкесского общества, которым духовенство умело управляет. Управление общественным сознанием или, как он писал, "умение действовать на умы народа"- излюбленный проект Хан-Гирея, его политическая мечта.

Непосредственно наименее управляемая политическая сила, являвшаяся главным препятствием колонизации – это народ. Исторически молодой народный институт соприсяжничества (иначе говоря, добровольного объединения свободных крестьян) оказался сильнее аристократического института покровительства и, в результате общественной революции, три Закубанских черкесских племени демократизировали систему власти. "По странному стечению

обстоятельств, одновременно с французской революцией конца XVIII в. такая же революция вспыхнула в глухих и далеких Кавказских горах" (5, 50),- писал об этом другой адыгский просветитель. Суть изменения отношений между аристократией и крестьянством заключалась в сокращении степени различия в ценности их жизни и собственности. Впоследствии шариат, провозгласивший равенство всех людей перед богом, окончательно уравнил их в правах.

В отличие от своего современника Султана Адиль-Гирея, рассматривавшего социальные процессы в статике, Хан-Гирей исследовал их в динамике, выявляя категории конфликта и согласия в социальной структуре черкесского общества. Однако Хан-Гирей ограничивал динамизм социальных процессов историческими рамками, считая, что социальная активность характерна лишь для народов, не имеющих государственности, что это инстинкт, "преимущественно проявляющийся у независимых народов" (6, 200). Тем не менее Хан-Гирей не видит внешних изъянов демократической власти и не знает, что предложить России в борьбе против Закубанских племен. Он только констатирует, что эти племена не подчинились Турции, не подчиняются и России, что свидетельствует о их большей внутри- и внешнеполитической устойчивости по сравнению с княжескими племенами. Анализируя силу и динамизм социально-экономических процессов в черкесском обществе на современном ему этапе, он предлагает России использовать антифеодальные настроения народа в аристократических племенах и тем самым нейтрализовать черкесскую аристократию, использующую в борьбе против России антиколониальные настроения народа.

Позиция Хан-Гирея по отношению к колонизации двойственна. С одной стороны, как российский политик он вынужден был придерживаться официальной политики России по колонизации

Черкесии, но с другой стороны, как патриот, он старался смягчить методы покорения, в то же время понимая, что эти два побуждения, возможно, несовместимы.

Примечания:

- ¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1895.
- ² Жемухов С.Н. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик, 1997. С.71
- ³ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
- ⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.
- ⁵ Хаджимуков Т.(Н.Н.) Народы Северного Кавказа// Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Нальчик, 1991.
- ⁶ Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989.
- ⁷ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.

Кандор Р.С.

г. Майкоп

Становление системы административного управления черкесским населением по течению рек Лаба и Белая (Шхагуаше) с 1859 по 1864 г.

Система административного управления народами Северного Кавказа занимала заметное место в вовлечении новой территории в общегосударственную жизнь России во второй половине XIX века. Многие проблемы функционирования органов управления коренным населением Кубанской области исследованы недостаточно. В соответствии с поддержанной царем программой Кавказский край в 1858 г. был подразделен на 5 военно-административных отделов. В правое крыло Кавказской линии вошла территория между Кубанью, Черным морем и главным Кавказским хребтом, т.е. бывший правый фланг, центр и Черномория.¹ Разгром в 1859 г. имамата и сдача в плен Шамиля сильно повлияли на поведение горцев Северо-Западного Кавказа. 20 ноября 1859 г. Мухамед Амин во главе 2 тысяч депутатов от всех сословий абадзехов, присягнул на верность России, объявив перед этим, что закон Магомета не препятствует мусульманам быть подданными христианского государя.² Мухамед Амину удалось заключить мир с Россией на условиях неприкосновенности земли, занимаемой абадзехами. Племена черкесов, живущие между реками Лаба и Белая (темиргоевцы, хатукаевцы, махошевцы, егерухаевцы, бесленеевцы, шахгиреевцы, закубанские кабардинцы и др.) заявили о полной покорности России.

В условиях продолжающейся Кавказской войны в черкесских племенах, живущих по течению Лабы, устанавливается режим так называемой военной оккупации. Начальник Лабинского военного округа

и командиры военных укреплений по течению реки Лабы исполняли функции местного административного управления по отношению к проживающему в их пределах коренному населению. Командиры военных укреплений олицетворяли для черкесов российскую власть и население селений определенным образом реагировало на ее представителей. Барон К.Ф. Сталь указывал на то, что для управления мирными темиргоевцами и хатукаевцами начальник правого фланга с 1848 г. имеет в своем подчинении пристава залабинских народов, жившего в станице Темиргоевской. Он же отмечал, что доверие мирных народов к приставам зависит от личности самих приставов, и выбор людей для этих мест крайне затруднителен. Должность эта требует опыта, умеренности, твердости воли, знания обычаев народа и бескорыстия. Новый человек, поступающий на это место, долго бесполезен начальнику, пока не познакомится с обычаями народа и с мелочными, но весьма важными условиями управления.⁴ Важным принципом власти на Кавказе являлся принцип персонификации авторитета. Д. Лавров сделал справедливое (не только для осетин, но и для всего Кавказа) замечание, что насколько спокойствие этих регионов зависело от персонала ближайших представителей власти, можно судить по тому, насколько население волновалось при действиях одного лица, являлось вполне послушным при действиях другого.⁵ Опираясь на существовавшие у народа представления о власти, российская военная администрация, не касаясь дел черкесских общин непосредственно, апеллировала к традиционным авторитетам: поступившим на российскую военную службу представителям черкесской элиты и местным владетелям селений. Широко практиковавшаяся посредническая деятельность, к которой привлекались местными социальными верхи, надолго сохранила свое значение в качестве залога эффективности российского управления. Как пример, можно привести

посредническую деятельность полковника Ф. Абдрахманова при переселении с верховьев рек Фарса и Белой закубанских кабардинцев, возглавляемых Давлет-Гиреем Кудинетовым. Селение Кудинетова в начале построения Майкопского укрепления находилось на реке Курджиц, но после его разорения уже в 1858 г. это селение – в верховьях реки Фарс.⁶

При посредничестве полковника Ф. Абдрахманова, Д.-Г. Кудинетов встречался с генералом Козловским, прося его о дозволении переселиться на жительство по течению реки Ходз, и генерал Козловский с готовностью изъявил свое согласие в этой просьбе.⁷ Позднее, генерал-адъютант граф Н.И. Евдокимов тайно встречался с Д.-Г. Кудинетовым, как с одним из лучших горских представителей и пользующимся особым уважением среди соплеменников. Н.И. Евдокимов представил ему грустные последствия дальнейшей оккупации Россией Северо-Западного Кавказа и Давлет-Гирей Кудинетов, движимый лучшими пожеланиями для своего народа и верой в покровительство русской администрации, вывел часть кабардинцев с гор на равнину.⁸ В 1859 г. генерал-адъютантом Евдокимовым была определена земля в пользование закубанских кабардинцев и беслеевцев по рекам Ходзь и Беноко, позднее 10 мая 1862 г. утвержденная в «Положении об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области».⁹

Указ Александра II от 20 февраля 1860 г. повелевал Правое крыло Кавказской линии вместе с Черноморией ввести в состав Кубанской области, а Черноморское казачье войско и 6 бригад Кавказского линейного казачьего войска – реорганизовать в единое Кубанское казачье войско.¹⁰ Начальником Кубанской области и наказным атаманом был назначен генерал-адъютант граф Евдокимов. Генерал-адъютанту Евдокимову предоставлялось исключительное право наделения землей и

определения места расположения черкесских селений, а межевая комиссия Кубанского казачьего войска состояла в совершенном его подчинении во всех отношениях.¹¹ С октября 1861 г. генерал-адъютант Евдокимов лично производил подробную рекогносцировку земель в Лабинском округе, по правому берегу р.Фарс, и определял места новых станиц и промежуточных постов.¹² После утверждения «Положения об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области» от 10 мая 1862 г., решение земельного вопроса для черкесов ставилось в прямую зависимость от наделения областных казачьих войск и русских поселенцев землей.¹³

Управляющий Военным Министерством генерал-адъютант Милютин в отношении к командующему Кавказской армией от 14 июля 1861 г. № 3428 информирует о том, что император повелел для управления горскими племенами, как ныне живущими между реками Лабою и Белой, так и имеющими быть впредь поселены на этом пространстве, образовать особое Лабинское приставство. Когда военные действия были перенесены в верховья рек Белой и Курджипс на основании имевшегося разрешения командующего армией 16 октября 1862 г. были открыты два временных приставских управления: Верхне и Нижне-Лабинское.¹⁴ В состав управлений вошли туземцы, поселенные на левом берегу р.Лабы и при устье р.Белой. Начальником Верхне и Нижне-Лабинского приставств был назначен полковник Ф. Абдрахманов.¹⁵ К июню 1863 года число коренных жителей, поселившихся на пространстве между реками Белая и Лаба, достигло 170 000 душ обоего пола одних свободных сословий, не считая крестьян (численностью до 9000) и той части, которая была поселена на Кубани, в районе Верхне и Нижне Кубанских приставств.¹⁶ Для управления частью из них было учреждено приказом по Кубанской области от 8 ноября 1863 г. временное Абадзехское приставство. Наибо́м временного

Абадзехского приставства был назначен Эдик Педисов.¹⁷ Жители абадзехских селений, выселенных с гор и искавшие пристанище в районе вновь учрежденного временного Абадзехского приставства, лишились в течение многолетней войны всего хозяйства, не имели не только стад скота и табунов лошадей, но и всяких средств к существованию и жили только подаями единоверцев. Но в 1863 г. хозяйство соседних черкесов было в самом плохом состоянии, потому что ранее покорившиеся селения делали запашки для посева хлеба в самом ограниченном количестве, лишь столько, сколько нужно было для того, чтобы прокормиться. Абадзехам же предписывалось, начиная с 1 февраля 1864 г., переселиться туда, куда будет указано. Неопределенность положения и толки о необходимости переселения в Турцию, поддерживаемые и распускаемые в народе, ставили абадзехов в невозможность заняться чем-либо положительным. Трагические события колонизации Западного Кавказа и угроза голодной смерти вынудили большую часть черкесского населения временного Абадзехского приставства до весны 1864 г. оставить родину и переселиться в Турцию.¹⁸ С переселением значительной части абадзехов в Турцию временное Абадзехское приставство упраздняется. Наibu Абадзехского приставства не удалось в силу сложившихся объективных причин организовать действенную систему управления и помощи коренному населению, и заботливостью об улучшении их быта удержать его на родине.

В 1864 г. образуется Абадзехский округ, разделенный на Верхне и Нижне-Лабинский участки, в который вошли черкесские селения по течению рек Лаба и Белая. Начальником Абадзехского округа назначается полковник Ф. Абдрахманов.¹⁹ В его руках сосредотачивалась административная, полицейская, судебная власть над черкесским населением по рекам Лаба и Белая. В его подчинении были

заместитель начальника округа, начальники участков, переводчик, всадники Лабинской милиции.

К 1864 году в состав Абадзехского округа, как административно-территориальные единицы, вошли следующие черкесские селения:

- Адамий
- Айтека Болотокова   - Патукай (Мамхег)
- Асламбака Болотокова   - Натырбей
- Бгуаше-хабль   - Унарокова
- Беноко   - Хаджимукова
- Бжедухохабль   - Хакуринохабль
- Джанкятова   - Хатукай
- Джерокай   - Хачемзий
- Егерухай   - Ходзь.

К этому времени уже сложились общие правила, регламентирующие состав аульных обществ. Так малолюдные поселки не составляли отдельных обществ, они или соединялись в особое аульное общество или присоединялись к ближайшим самостоятельным обществам, смотря по местным удобствам. Главным при этом была возможность наблюдения за поведением жителей черкесского сообщества одному лицу. При соединении нескольких малолюдных селений в одно общество для местопребывания общего управления избирается самый многочисленный из них, находящийся в середине соединенных селений.²⁰ Примеров такого административного объединения нескольких небольших селений в Лабинском округе было достаточно.

Так селение Ходз и Беноко объединяли несколько кабардинских и бесленеевских селений по левому берегу р.Ходз и в устье рек Беноко и Федияко. Причем к Ходзскому сельскому обществу был причислен

кабардинский поселок Анзоровский по левому берегу р.Лабы.²¹ Абадзехское селение Бгуаше-хабль состояло из поселков Магометова, Азаматова, Мамсырова, Каирбека и самого Бгуаше-хабля по правому берегу р.Белой.²² Темиргоевское же селение Асламбека Болотокова соединяло в себе еще и селение Пшизова, Пшичо и Кабехабль.

Российская администрация номинально не вмешивалась в процесс самоуправления черкесских народов и позволяла им на первых порах по-прежнему руководствоваться собственными законами, регулирующими хозяйственно-экономические и гражданско-правовые отношения, и оставляла за собой право осуществления внешнего контроля над этим процессом. Часть из этих контролирующих функций администрация передавала российским приставам, а также представителям местной социальной элиты.

Формирование в Абадзехском округе системы административного управления было связано не с процессом саморазвития черкесского общества, а сознательной и целенаправленной деятельностью российского правительства, обращенной прежде всего к пользе для империи. Поспешность и нередкое использование военно-бюрократических методов становились факторами, в значительной степени предопределявшими конфликтное восприятие горцами, как самой российской власти, так и ее институтов, активно внедряемых в их среду. Военно-народное управление в том виде, в котором оно сложилось в ходе Кавказской войны, удовлетворяло только переходному периоду.

Примечания:

¹ Муханов В.М. Князь Александр Иванович Барятинский // Вопросы истории. №5. 2003. С.67.

- ² Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993. С.70.
- ³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф.38. Оп. 7.Д. 369. Л.27.
- ⁴ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т.21.С.89.
- ⁵ Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т.III. Тифлис, 1883. С.279.
- ⁶ Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф.799. Оп.1.Д.5.Л.31.
- ⁷ ГАКК. Ф.774. Оп.1.Д.315.Л.19.
- ⁸ ГАКК. Ф.774. Оп.1.Д.315.Л.84-85.
- ⁹ ГАКК Ф.574. Оп.1.Д.935.Л.46.
- ¹⁰ Акты Кавказской Археографической комиссии. Тифлис, 1868-1904. Т.12.С.58.
- ¹¹ ГАКК. Ф.574. Оп.1.Д.260.Л.304.
- ¹² ГАКК. Ф.347.Оп.1.Д.41.Л.2.
- ¹³ Кубанский календарь на 1900 г. Екатеринодар, 1899. Т.IV.С.38.
- ¹⁴ ГАКК. Ф.774.Оп.1.Д.172.Л.2.
- ¹⁵ ГАКК. Ф.774.Оп.1.Д.5.Л.256; Ф.774.Оп.2.Д.170.Л.13.
- ¹⁶ ГАКК. Ф.774.Оп.1.Д.172.Л.2.
- ¹⁷ Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп, 2002. С.82.
- ¹⁸ ГАКК. Ф.774.Оп.1.Д.172.Л.3-5.
- ¹⁹ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1783-1985). Краснодар, 1986. С.20.
- ²⁰ ГАКК. Ф.774.Оп.1.Д.649.Л.2-3.
- ²¹ ГАКК. Ф.454.Оп.7.Д.171.Л.10.
- ²² ГАКК. Ф.774.Оп.1.Д.253.Л.13.

Кармов А.Х.

г. Нальчик

Кавказская война и формирование идеи горской государственности

Кавказская война, 140-летие окончания которой мы отмечаем, не имеет аналога в мировой истории как по своему характеру и движущим силам, так и по продолжительности и последствиям.

Какую бы сторону современной жизни мы не рассматривали, везде ощущаются ее последствия: трансформация экономической основы и разрушение традиционной духовной культуры, резкое изменение этнической карты Черкесии, повлекшее за собой исчезновение убыхов со своей неповторимой самобытной культурой и проблемы этнического воспроизводства, демографическая стагнация и изменение социальной психологии и т.д.

Кавказская война оставила глубокий след в исторических судьбах не только черкесского, но и всех народов Кавказа. Она стала неиссякаемым источником антиколониальной борьбы за свободное и независимое существование. Именно в ходе Кавказской войны стало формироваться и развиваться политическая мысль в горской среде, осознание необходимости организации горской государственности. Это прежде всего относится ко второму этапу Кавказской войны, когда освободительную борьбу горцев восточного Кавказа возглавил третий имам Дагестана Шамиль. Религиозная доктрина Шамиля стала идеологическим основанием военно-теократического государства – имамата. На этом этапе борьбы за независимость доктрина Шамиля выступала как фактор консолидирующий и мобилизующий всех социальные слои населения Чечни и Дагестана, и части северо-западных адыгов в борьбе против колонизаторов.

Из предводителя, избранного народом, он постепенно превратился в шариатского монарха, в руках которого сконцентрировалась светская и духовная власть.

Начиная с 40-х годов XIX Шамиль стремился расширить пределы имамата за счет включения в его состав горских народов всего Северного Кавказа. С этой идеей был связан его поход в Кабарду в апреле 1846 г. Хотя Шамиль не получил широкой поддержки в Кабарде по причине необходимости сохранения физического существования народа, потерявшего 90% населения в ходе первого этапа Кавказской войны, тем не менее, появление отряда Шамиля в пределах Кабарды оказало большое влияние на развитие антифеодальной, антиколониаторской борьбы.

Вместе с Шамилем «ушло и некоторое число кабардинских крестьян и 37 князей и дворян, из которых феодал Магомет-Мирза Анзоров был назначен наибом Малой Чечни»¹.

С конца 50-х годов XIX в. национально-освободительное движение в Дагестане и Чечне вступило в завершающую фазу, приведшую к падению имамата и утверждению русского владычества на Северо-Восточном Кавказе.

Между тем на Северо-Западном Кавказе шла ожесточенная борьба горцев, которая сопровождалась поиском путей организации государственно-политической системы управления у западных адыгов. В этом отношении знаменательным историческим рубежом в общественно-политическом развитии шапсугов, нутухайцев, абадзехов, убыхов явилось Адагумское собрание, продолжавшееся с некоторыми перерывами целый год и сыгравшее выдающуюся роль в выработке у них единой системы управления². По времени это совпало с деятельностью Магомед-Амина, который проявил себя как выдающийся реформатор. Однако, попытки последнего объединить всех закубанских

адыгов и создать государственную систему наподобие имамата Шамиля были обречены на провал. Главную причину краха реформы Магомед-Амина в Западной Черкесии доктор исторических наук Кажаров В.Х. видит в консерватизме общественного сознания адыгов и неспособности «демократических структур власти к прочному синтезу с привнесенными из вне порядками» и «что они в самый критический период своей истории стали жертвой самого лучшего своего качества – духа личной независимости и свободы»³.

Симбиоз местных территориальных и родственных связей с привнесенным элементом – мехкеме не обеспечил нормального функционирования государственного аппарата управления и свидетельствовал о незавершенности процесса становления новой государственно-политической системы в Западной Черкессии⁴. В то же время преобразования Магомед-Амина, хотя они не принесли желаемых результатов, убеждали западных адыгов в том, что только объединение и государственное устройство позволят оградить их независимость и самобытную культуру от притязаний российской колониальной экспансии. Об этом свидетельствует тот факт, что 13 июня 1861 г. состоялся знаменитый черкесский съезд, который единогласно решил образовать «Чрезвычайный союз горцев» и наделить его верховной государственной властью»⁵. Был образован Меджлис в составе 15 членов (улемов) и наиболее авторитетных людей.

На съезде территории западных адыгов была разделена на 12 округов и назначены уполномоченные в различных областях администрирования, в которые были определены два законника – муфти и кади, обязанные исполнять решения Меджлиса и действовать заодно с Великим заседанием (Чрезвычайным союзом горцев – К.А.). Вводилась военная повинность (по пять вооруженных всадников от 100 дворов и налоговая система, прежде всего в целях создания фонда обороны»⁶. В

итоге была создана постоянно действующая государственная власть — Чрезвычайный союз горцев, наделенный верховной государственной властью и Меджлис, как высший исполнительный и распределительный орган.

Несмотря на эти преобразования, которые «следует признать правильными, но слишком запоздалыми мерами по консолидации страны и организации ее обороны», черкесы понимали их явную недостаточность и решили придать антиколониальной борьбе международный характер. С этой целью черкесы сформировали и отправили посольство в Константинополь, Париж и Лондон во главе которого был знаменитый Исмаил Баракай Око Джапши⁷ (В отечественной историографии: Измаил Баракай – Ина – Дзиаш). Однако дипломатические усилия западных адыгов не увенчались успехами.

Между тем продолжалось наступление русских войск, завершившееся 21 мая 1864 г. покорением Западной Черкессии, а вместе с этим – окончанием Кавказской войны. Однако, и после завершения последней, спорадически вспыхивали антиколониальные выступления горцев, как это имело место в 1877 г. в Дагестане и Абхазии, в 1898 г. – в Чечне, в 1902 и 1905 гг. – в Осетии, в 1906 г. – в Ингушетии, которые были жестоко подавлены царской администрацией.

Антиколониальные выступления горцев Кавказа и методы их подавления находили широкий отклик в кавказских эмигрантских кругах. Так, в 1915 г. Всекавказский комитет в Турции отправил делегацию в Берлин и Вену, где германскому и австрийскому правительствам изложили крайне тяжелое положение народов Кавказа и их желание выйти из-под ига России. В состав делегации вошли известные общественные и политические деятели Кавказской эмиграции князь Магобелли (грузин), Кямилъ Бей Бейбутов (азербайджанец), Азиз Мекер (черкес). Делегацию возглавил маршал и сенатор Фуад Паша

(черкес). Главная идея комитета была сформулирована в меморандуме, представленном ведущим западным державам в январе 1916 г. Она заключалась в необходимости выхода Кавказа из состава России и образования Кавказской конфедерации в составе четырех республик (Грузия, Армения, Азербайджан и Северный Кавказ. – К.А.).

Кроме того, кавказские эмигранты принимали активное участие в различных международных форумах, на которых обсуждались проблемы угнетенных народов.

Следует отметить, что кавказская эмигрантская интеллигенция первой волны таила в себе глубокую неприязнь к самодержавной России за унижение и оскорбление чувства национального достоинства народов Северного Кавказа и изгнание их из родины.

Вместе с тем, хотя и очень медленно, в условиях военно-народного, а по своей сути военно-полицейского управления, все же шел процесс вовлечения Северного Кавказа в социально-экономическую, политическую и культурную структуру Российской империи. В социальной структуре населения региона в пореформенный период произошли определенные сдвиги. Появилась «своя немногочисленная интеллигентная молодежь». В большинстве случаев это были воспитанники кадетских корпусов, которые, как правило, становились офицерами. С течением времени и по мере расширения сети светских образовательных учреждений на Северном Кавказе в конце XIX-начале XX в. появилась немногочисленная, но по-европейски образованная интеллигенция, у которой национальная идея стала принимать более реальные и современные очертания.

В российских и европейских вузах целая плеяда молодых людей из Северного Кавказа и Дагестана получила высшее образование, многие из которых стали известными врачами, учителями, юристами, инженерами. Именно вокруг этих образованных, уже опытных людей

сконцентрировалась та общественно-политическая сила, которая определяла направление общественно-политического развития в регионе после февраля 1917 г.

Кристаллизация идейно-политических взглядов северокавказской интеллигенции происходила в условиях бурного роста и развития революционно-демократической мысли в России, обусловленной первой русской революцией. Манифест 17 октября придал конституциональный характер политическим партиям и течениям, появившимся в ходе революции и после нее. Находясь в гуще революционных событий в столицах и других крупных городах, северокавказские студенты и другие молодые горцы испытали на себе сильнейшее влияние первых. Тем не менее, на этом этапе формирования идейно-политических позиций они не выказывали свои симпатии крайне радикальным силам как с левого, так и с правого флангов политического спектра. Более того, встав под лозунгами центристских партий, провозгласивших свержение самодержавной, монархической власти в России и установление истинной демократии в стране своей главной задачей, горская интеллигенция прониклась чувством солидарности с трудящимися многонациональной России вообще и русским народом в особенности.

В то же время выявилась и другая линия, представлявшая тюркско-исламские элементы, усвоенные молодыми горцами в университетских центрах России с одной стороны и проникшие через восточный культурный канал – с другой. Главное содержание этого направления демократического движения заключалось в пропаганде идеи единства горских мусульман. Однако, что очень важно, этот призыв четко вписывался в общероссийский контекст объединительной тенденции для упрочения революционно-демократических завоеваний и не был направлен против немусульманской части населения Северного

Кавказа. По существу, у значительной части горской интеллигенции произошел симбиоз светской и исламской духовных ценностей. В этой связи следует подчеркнуть, что в дни работы первого съезда горских народов Северного Кавказа и Дагестана (1-9 мая 1917 г.) в Москве проходил первый Всероссийский мусульманский съезд (1-11 мая 1917 г.), на котором выступил один из ярчайших представителей горской интеллигенции А.Т. Цаликов с докладом о национально-государственном устройстве России. Основные мысли двух съездов перекликались самым тесным образом.

Логика исторического развития национально-освободительной борьбы горских народов слилась воедино с революционно-демократическим движением в России, приведшим к свержению самодержавной власти в феврале 1917 г. Именно с последними событиями было связано образование Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, ставившего своей главнейшей целью объединение всех горских народов и создание революционно-демократической власти в Терской области с участием представителей всех горских народов в регионе. Здесь следует подчеркнуть, что Союз объединенных горцев не мыслил свое существование вне предела Российской Федеративной Демократической Республики. Он добивался вхождения горцев Северного Кавказа и Дагестана в постмонархическую Россию в качестве равноправного субъекта с широкими полномочиями в вопросах социально-экономического, политического и культурного развития. Эти основополагающие демократические принципы были заложены в Конституции и Политической платформе Союза, приняты на I и II съездах кавказских горцев. В условиях всеобщей эйфории казалась вполне очевидной победа демократии и возможность строительства новой жизни «на разумных широкодемократических началах» в составе Российской Федерации. Однако победа большевиков и триумфальное

шествие Советской власти, и начало гражданской войны опрокинули эти надежды, а горцев Северного Кавказа поставили по разные стороны баррикады. В конечном итоге эти события привели к трансформации Союза объединенных горцев в Горское Правительство в декабре 1917 г., и провозглашенную Горской (Северо-Кавказской) Республикой 11 мая 1918 г. на Батумской мирной конференции. Здесь можно долго рассуждать о роли и месте Горской республики на Северном Кавказе в годы гражданской войны, о практическом воплощении Конституции и Программных установок, о причине краха Горской республики. Но бесспорно то, что идея горской государственности вызрела в недрах Кавказской войны и прошла ряд этапов от шариатской монархии до вполне цивилизованной демократической Горской (Северо-Кавказской) Республики.

Примечания:

¹История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Москва «Наука», 1988. С.167.

²Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С.29-30.

³Там же. С.33.

⁴Там же. С.33.

⁵Исторический очерк о горских народах в период мировой войны. Константинополь, 1918 г. С.8. Перевод с французского языка Мидова К.Х.

⁶Там же. С.9.

⁷Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Указ. раб. С.34.

⁸Исторический очерк о горских народах в период мировой войны. С.8.

Керейтов Р.Х.
г.Черкесск

Кавказская война и некоторые вопросы перехода ногайцев к оседлости

Как известно, для ногайцев Кавказская война началась не в начале XIX века, как это принято говорить в науке. Ногайцы обитали на широких степных пространствах и были своего рода буфером между народами Северного Кавказа и народами, жившими чуть севернее этого региона, поэтому они одними из первых (если не первыми) испытали военную мощь расширяющейся на юг Российской империи.

Ногайцев только на Прикубанье (а они жили и в Крыму, на Причерноморье, Северо-Западе Прикаспия, Приазовье) к 1780-м годам насчитывалось 300-350 тыс., а уже на исходе 1870-х годов их здесь оставалось около 5 тыс. человек. Еще в 1770-ые годы жившим здесь ногайцам было рекомендовано переселиться в опустевшие после пугачевского бунта уральские деревни. Часть ногайских предводителей пошла на эти уловки, а другая часть воспротивилась. На этой почве среди самих ногайцев не раз происходили кровавые события, добавились и приказы Екатерины II, которые она отдала Потемкину на применение имеющихся под его началом войск против непокорных ногайцев, которые должен был выполнить А.В. Суворов, прикомандированный возглавить здешние войска.

Известный кавказовед Я.А. Федоров, изучая историческую этнографию Северного Кавказа, относительно судьбы ногайского народа пришел к заключению, что история ногайского народа «... в течение столетий была неотделима от истории коренного населения Северного Кавказа», а их «предки были полными хозяевами степных пространств

Юго-Восточной Европы, включая Северный Кавказ. И численность ногайцев за последние полтора столетия значительно сократилась» /Историческая этнография Северного Кавказа. М. 1983. С.117/.

В 1770-ые годы ногайцы занимали и часть Крымского полуострова и Северного Кавказа, поэтому царские власти должны были освободиться от них. Исследователь ногайско-русских отношений в XV-XVIII веках Б.Б. Кочекаев пишет следующее: «Ногайско-русские отношения в период русско-турецкой войны 1768-1774 г.г. как часть внешней политики России и Турции определялись во многом той ситуацией, которая сложилась между последними. Наибольшее значение имели три фактора: попытки Османской империи использовать ногайские орды в качестве форпоста и пушечного мяса в своих корыстных антирусских действиях; стремление России отторгнуть Крым и ногайские орды от турецкого подданства и создать из них независимые области; желание ногайцев получить защиту и покровительство Российской империи» /Ногайско-русские отношения. 1988. С.163/.

10 июля 1774 года в болгарском селе Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, состоявший из 28 статей и двух статей секретного приложения. Ногайцы Правобережья Кубани были признаны независимыми от Порты и от России. По Кючук-Кайнарджийскому договору российская государственная граница продвигалась на Северный Кавказ и обеспечивала безопасность южных рубежей страны /см.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1998. С.441-442/.

В эту пору ногайцы занимали значительные земли Северного Кавказа и Нижнего Дона. Политика Екатерины II стала очень затруднительной; ей хотелось договора и с Турцией и без особых усилий установить здесь спокойствие.

Для этого следовало утихомирить или найти общий язык с ногайцами. За это и взялась императрица Екатерина II. Последующие события выявили направленность ее политики на Северном Кавказе и Нижнем Дону. В сентябре 1774 года на имя генерал-поручика Е.А. Щербинина в крепость Ростов было отправлено письмо Н.И. Панина, в котором рекомендовано создать на Кубани особую Ногайскую область с собственным Верховным правительством во главе с Шагин-Гирей Султаном. Подробно исследовавший данный вопрос Б.Б. Кочекаев пишет: «Екатерина II вновь подчеркивала необходимость объединить Ногайскую Орду, используя для этого способы: и деньги, и войско, расположенное в окрестностях Азова и в крепости Св.Дм.Ростовского» / Кочекаев. 1988. С.194/. Шагин-Гирей Султан был удобен для царской России, поэтому она хотела провозгласить его ханом на Кубани. Но присутствие войск Турции в Тамани помешало этому. Ногайцы, как и некоторые их соседи разделились на две группы – одна придерживалась пророссийской, другая – протурецкой ориентации.

Екатерина II избрала хитрую позицию: она не была и против того, чтобы Шагин-Гирей Султан стал Крымским ханом; в ханство входило большое количество ногайцев /ЧОИДР. Кн.2, С.99/. Но и Турция заняла выжидательную позицию: она в борьбе за Крым придавала большое значение Кубани, особенно Тамани. Для выполнения своей политики в Крыму и особенно на Кубани, Екатерина II в январе 1778 года направила на Кубань А.В. Суворова. А.В. Суворов разработал план постройки сплошной линии укреплений по реке Кубани и дальше до Моздокской линии с тем, чтобы отрезать ногайцев от горцев и затруднить сношения с турками /Кочекаев. 1988. С.202/. Политика А.В. Суворова в отношении ногайцев начала давать свои плоды: многие ногайцы помогали царским властям в строительстве различных укреплений, другая их часть помогала строить г. Ставрополь, возводила свои оседлые аулы, а третья,

не найдя пастбищ для выпаса своих тысячных стад и табунов, начала уходить за пределы Российской империи, в чем помогли турецкие эмиссары и свои служители религии, призывавшие уходить в единоверную Турцию, а также поселиться в Румынии и Болгарии, где были вроде «свободные» земли.

Во второй половине 1770-х годов и в начале 1780-х годов царское правительство берет курс на полное присоединение Крыма и Кубани к своему государству. Военное присутствие усиливалось, А.В. Суворов расширял сферу своей деятельности, дошло до того, что он приказал уничтожать камыши вдоль реки Кубань, чтобы ногайцы не уходили к своим сородичам в Закубанье. Были и другие меры, которые должны были утихомирить ногайцев и прекратить волнения. Следует дать должное, А.В. Суворов многие вопросы старался решить мирным способом, привлекая на свою сторону некоторых ногайских мурз. Основываясь на подлинных документах, Б.Б. Кочекаев приводит слова самого А.В. Суворова, сказанных им в феврале 1779 года П.А. Румянцеву о своей встрече с предводителем касаевских ногайцев Арслан-Гиреем: «Я с ним виделся в Ставропольской губернии; сих султанов стараюсь я всемерно содержать в содружестве словом и посредственною мздою» / Кочекаев. 1988. С.206/.

В начале 1780-х годов Крымское ханство возглавил ставленник самодержавия России Шагин-Гирей. Это не нравилось Турции. Часть ногайцев не подчинилась Шагин-Гирею, а встала на сторону протурецки настроенных сородичей. Для прекращения всех выступлений против России в 1782 году российские войска окончательно вернулись в Крым и Прикубанье.

В 1783 году было официально объявлено о присоединении Крыма к России. И в этой связи, продолжая ранее предпринятую попытку, чтобы окончательно вывести ногайцев из-под влияния Турции,

российские власти решили переселить кубанских ногайцев в тамбовские, саратовские, уральские степи, обезлюдившие после восстания крестьян под руководством Емельяна Пугачева. В июне 1783 года подготовительные работы к переселению были завершены. Царское правительство даже субсидировало это мероприятие. Под Ейском было собрано свыше 3 тыс. ногайцев, которые затем были направлены в сторону Дона. А Шагин-Гирей подстрекал этих ногайцев возвратиться на Кубань. Некоторые ногайские мурзы поддались уговорам и решили вернуться на Кубань. А.В. Суворов и его военные единомышленники попытались убедить этих мурз быть верными недавно данным обязательствам, но получили отказ. Военные поставили заслоны. Возвращавшиеся ногайцы столкнулись с военными отрядами и понесли значительные людские потери. 3 сентября 1783 года А.В. Суворов получил приказ от Г.А. Потемкина о походе на Кубань и пресечении ухода ногайцев в горы. Исходя из повеления Г.А. Потемкина, 29 сентября 1783 года А.В. Суворов издал свой приказ войскам, где сказано следующее: «Войскам отдыха нет до решительного поражения, истребления или плена неприятеля. Если он не близко, то искать его везде; пули беречь, работать холодным оружием. Драгунам и казакам отнюдь не слезать с коней для добычи; на добычу идет четвертая часть войска, а остальное все наготове». Ночью с 30 сентября на 1 октября у урочища Керменчик (это рядом с современным городом Краснодар) царские войска настигли ногайцев, «... ударили на бунтовщиков с воинскою храбростью и в 10 часов по полуночи открылась полная победа». После этих событий А.В. Суворов с удовлетворением сказал: «Ногайский вопрос для России решен раз и навсегда». В итоге данных событий ногайцы рассыпались по всей Кубани, ушли в Крым, в горы Закубанья к своим сородичам, а многие вынуждены были вообще уйти

за пределы России. По данным А.И. Сикалиева, Россию в эти годы покинули свыше 700 тыс. ногайцев.

Но у ногайцев, как и у их северокавказских соседей, были еще страшные годы первой половины XIX века и особенно 1850-1860 годы. В Кавказской войне и движении Шамиля ногайцы принимали участие – одни – на стороне повстанцев, другие – на стороне царских войск, что было присуще представителям и некоторым другим народам. Подробно об участии ногайцев в Кавказской войне и движении Шамиля нами написано ранее. / см. К истории участия ногайцев в Кавказской войне // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар. 1995; Об участии кубанских ногайцев в движении Шамиля // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. Махачкала. 1998/. Все эти события для воюющих сторон обернулись огромной трагедией народов: в результате колонизаторской политики российского царизма погибли десятки тыс. людей разных национальностей и вероисповеданий, разорены сотни населенных пунктов, была деформирована психология поколений.

После завершения военных операций народы начали возрождать довоенный быт и культуру. Ногайцы усилили переход к оседлости, помогали строить крепости и города. Например, в строительстве г. Ставрополя ногайцы, как мы выше отметили, помогали подвозить материал, сами основывали новые аулы.

На Кубани возникли аулы Кала-гирей, Каплановский, Султановский, Ураковский, Мансуровский, Тохтамышевский и многие другие, которые получили свои названия в большинстве от имен хана, мурз, султанов, о чем написано в исследованиях В.Б. Виноградова, М.А. Булгаровой, С.И. Алиевой, Р.К. Аракелова и других. Например, по данным Р.К. Аракелова, в окрестностях Армавира возникли ногайские аулы Кала-гирей, Каплановский. Разумеется, названия аулов – это

только часть большой темы, а возникновение поселений – это большая работа, и она требует отдельного исследования.

Переход к оседлости сопряжен с выбором места, наличием строительных материалов, строительством различных помещений, форм помещений, да и путь становления оседлых поселений у ногайцев – бывших кочевников, имеет своеобразие – это от кочевых юрт, промежуточное жилье полуземлянка, затем обмазанные глиной кругообразные жилища. Все это усилилось после окончания Кавказской войны. Наши будущие исследования непременно уточнят такие факторы. Возможно, откроются и другие перспективы.

Примечания:

- ¹ Аракелов Р.К. Очерки топонимии Армавира и его окрестностей. Армавир. 2004.
- ² Булгарова М.А. Топонимия ногайцев. Черкесск. 1996.
- ³ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л. 1974.
- ⁴ Кочакаев Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата. 1988.
- ⁵ Сикалиев А.И. Ногайский героический эпос. Черкесск. 1994.
- ⁶ Керейтов Р.Х. К истории участия ногайцев в Кавказской войне//Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар. 1995; его же. Об участии кубанских ногайцев в движении Шамиля//Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы международной научной конференции. Махачкала. 1998.
- ⁷ Толстов В. История хоперского полка Кубанского казачьего войска. Т.І. Тифлис. 1900.
- ⁸ Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. Изд-во Моск. Универ. 1983.

Кринко Е. Ф.

г. Майкоп

События и герои Кавказской войны в учебной литературе

Первичные представления человека о картине мира и своем месте в нем во многом складываются в процессе его воспитания и обучения. По словам известного французского историка М. Ферро, «образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории».¹ Именно школьный курс истории способствует выработке как положительных, так и отрицательных образов «себя» и «других», в значительной степени предопределяющих взаимоотношения отдельных народов.² При этом на содержание учебных текстов оказывают влияние самые различные факторы, они отражают положения профессиональной историографии и представления, господствующие в массовом сознании, личные взгляды авторов и позиции тех или иных социально-политических сил.

Целью настоящей работы является анализ освещения в учебной литературе темы Кавказской войны. Необходимо отметить, что события войны по-разному воспринимаются и оцениваются не только сторонниками тех или иных научных подходов, но и представителями различных этнических общностей, проживающих на территории Северного Кавказа. В результате Кавказская война приобретает в историческом сознании символическое значение, память о ней может способствовать сплочению членов одних общностей и разделять их с носителями других культурных традиций. Отражение темы войны в учебной литературе тесно связано с выработкой общего отношения жителей Северного Кавказа к историческому прошлому региона. В данной работе рассматриваются тексты различных школьных

учебников: дореволюционных, советских и современных, российских и региональных (учебных пособий по истории Адыгеи и Кубани). При этом главное внимание уделяется, во-первых, месту, которое отводилось и отводится Кавказской войне в учебных курсах, ее общим оценкам, во-вторых, анализу причин и характера войны, в-третьих, описанию роли ее отдельных участников.

В дореволюционных учебниках истории Кавказской войне не уделялось значительного внимания, ее оценки лежали в русле представлений официальной (охранительной) историографии, авторы обычно указывали лишь на сам факт присоединения Северного Кавказа к России. Так, в выдержавшем 32 издания «Элементарном курсе всеобщей и русской истории» писателя и педагога-практика И. И. Беллярмина упоминается об окончательном покорении кавказских народов, «борьба с которыми продолжалась около 60 лет».³ В другом учебнике тот же автор дал данному вопросу более подробную характеристику, указав, что война «с кавказскими горцами, постоянно тревожившими соседние русские земли (грабежи, обращение русских пленных в рабство)», много лет была нерешительна, «наши войска терпели поражения». Наконец, Шамиля вынудили удалиться в горную часть Дагестана. Доступ к горным аулам, защищенным лесами и пропастями, был затруднен, «и много пролилось русской крови», прежде чем Шамиль оказался окружен и сдался.⁴

В «Кратких очерках русской истории» Д. И. Иловайского, издававшихся 36 раз с 1860 по 1912 гг., начало Кавказской войны связывается с присоединением Грузии к России, в результате чего территория Северного Кавказа «оказалась между русскими владениями, и открылась продолжительная борьба с кавказскими горцами». По словам автора, «сначала русские ограничивались оборонительными действиями от набегов разбойничьих племен» и перешли к активным

действиям лишь с назначением главнокомандующим генерала Ермолова в 1816 г. Однако «успехи русских были остановлены появлением новой мусульманской секты – мюридизма», который «мелкие разъединенные дотоле племена соединил общим религиозным фанатизмом». Это вызвало необходимость изменить саму систему ведения войны: «Тщетно время от времени войска совершали экспедиции в разные горные области, жгли и разоряли черкесские аулы; предприятия эти были отрывочны, и покорение племен началось только с проложением широких лесных просек и открытием более правильных и постоянных наступательных действий».⁵

Непосредственно на основе местного материала написано пособие А. П. Певнева о кубанских казаках, в котором немало места отводилось описанию их борьбы с горцами.⁶ Автор указывал, что первоначально «горцы весьма дружелюбно встретили» появившихся на Кубани казаков, но после перехода части черкесов в подданство России «враждебные племена горцев начали мстить... они переправлялись через Кубань, нападали на казачьи поселения и хутора; грабили их, угоняли скот и уводили людей в плен». Как и другие авторы его времени, А. П. Певнев связал причины войны с набегами горцев: «Для наказания горцев за учиняемые набеги Войсковое Правительство посылало черноморцев за Кубань, которые, в свою очередь, жгли горские аулы, угоняли скот и уводили в плен людей. Таким образом, началась война, тянувшаяся около семидесяти лет».⁷ В нескольких разделах пособия описываются нападения черкесов на казачьи станицы и посты, ответные действия войсковых и наказных атаманов, строительство укреплений, трудности воинской службы казаков, жизнь и собственность которых постоянно подвергались постоянной угрозе со стороны горцев.

Оценки Кавказской войны в советских учебниках в полной мере отражали эволюцию отношения к данному событию в

профессиональной историографии и идеологии. В последнем советском учебнике И. А. Федосова по истории СССР XIX в., издававшемся 6 раз в конце 1980-х – начале 1990-х гг., данной теме был посвящен специальный параграф «Народы Северного Кавказа». В нем отмечались давние связи России с народами региона, причины войны объяснялись продвижением царских войск вглубь Кавказа, строительством дорог и крепостей и ответным сопротивлением свободолюбивых горцев Дагестана, Чечни и Адыгеи. И. А. Федосов указал, что большую роль «в разжигании войны сыграли реакционные слои мусульманского духовенства, которые использовали в своих целях воинствующее течение ислама – мюридизм». Автор охарактеризовал войну как затяжную и изнурительную для царской армии и «горцев, которые мужественно сражались за каждый аул». Он отметил, что движение горцев «было направлено не только против эксплуататорских классов России, но и против гнета местных феодалов». Однако горская знать «использовала эту борьбу в своих корыстных целях, внося в движение реакционные черты», шла «на сговор с султанской Турцией». При этом само включение народов Северного Кавказа в состав России оценивалось положительно: «Сближение горских народов с русским народом способствовало развитию их культуры и экономики», в совместной борьбе «против царизма крепились дружеские отношения русского народа с народами Кавказа».⁸

В 1970-е гг. были изданы небольшие учебные пособия по истории родного края, призванные дополнить местными материалами курс истории СССР. В пособии, подготовленном краснодарскими авторами Н. В. Анфимовым, Н. Ф. Юркиным и В. А. Кусым, события Кавказской войны рассматривались в параграфе «Народы Северо-Западного Кавказа и царизм», она оценивалась как колониальная война, проводившаяся «в классовых интересах русских помещиков и буржуазии». В то же время

отмечалась и «классово-эгоистичная политика адыгейской знати, боявшейся потерять право «независимо» угнетать свой народ». Критике подвергалось и вмешательство Англии и Турции, осуществлявших колониальную политику и стремившихся не допустить выхода России к морю. Указывалось на негативные последствия войны: «бесправие, голод, рабство и часто смерть» адыгов, покинувших Родину и уехавших в Турцию, тяжелую участь тех из них, кто остался в «тюрьме народов». Однако авторы подчеркивали, что между самими «трудящимися Адыгеи и России не было вражды. Казаки и адыгейские крестьяне жили мирно, торговали, учились друг у друга земледелию, садоводству и ремеслу».⁹ По-видимому, стремление создать исключительно позитивную картину развития взаимоотношений различных народов региона объясняет отсутствие упоминаний о Кавказской войне в ряде других учебных пособий.

Характерной особенностью современного развития российского исторического образования стало появление различных учебников и учебных пособий, нередко предлагающих свои, альтернативные версии прошлого. В то же время многие из них издавались небольшим тиражом, что сужало возможности их распространения в массовой школе. Кроме того, выбор учебника в настоящее время ограничивает наличие соответствующего грифа Министерства образования России. Самое широкое распространение в 1990-е гг. из учебных пособий по истории России XIX в. получил неоднократно переиздававшийся учебник П. Н. Зырянова. Кавказская война рассматривается в нем в параграфе, посвященном царствованию Николая I. Автор подчеркивает, что военный конфликт на Кавказе «имел давнюю историю», в качестве его истоков указаны набеги горцев, в ответ на которые «местные военные власти снаряжали в горы карательные экспедиции». В наиболее полном варианте учебного текста происхождение набеговой системы горцев

объясняется определенным этапом в их общественном развитии (военной демократией). П. Н. Зырянов указывает, что планомерное наступление на горцев началось в 1817 г. (в одном издании упоминается деятельность генерала А. П. Ермолова), что вызвало «подъем народного движения», которое «развивалось под знаменем ислама». Завершение Кавказской войны связывается со сдачей Шамиля в ауле Гуниб в 1859 г., при этом автор подчеркивает, что затяжная и изнурительная война «принесла много горя и страданий всем участвовавшим в ней народам».¹⁰

В 1990-е гг. региональный компонент получил самостоятельный и достаточно устойчивый статус в российском школьном образовании, что привело к разработке соответствующих учебных программ и пособий. В учебниках и учебных пособиях по истории Кубани и Адыгеи значительно больше места уделяется изложению событий Кавказской войны. Так, в самом первом учебнике по истории Адыгеи с древнейших времен до конца XIX в. роль адыгов в международных отношениях в XVIII – XIX вв. и собственно Кавказская война рассматривалась в 8 параграфах из 38, занимая не менее пятой части всего учебного текста. В учебнике по истории Адыгеи для 8 класса данным вопросам посвящено две главы из пяти (8 параграфов из 33, более четверти учебного текста).¹¹

В указанных учебниках достаточно подробно рассматривается борьба России, Турции, Англии за господство в регионе, активизация действий царских войск, негативные последствия Адрианопольского договора для адыгов, по которому «турецкий султан «уступил» их русскому царю», ход военных действий на Северо-Западном Кавказе в 1830 – 1860-е гг., возникновение и развитие «народно-освободительного движения адыгов», его этапы. Авторы уделяют существенное внимание морской блокаде Черноморского побережья и созданию Сочинского

меджлиса в 1861 г., тяжелым последствием Кавказской войны для адыгов, их вынужденному переселению в Османскую империю и положению на чужбине.

Обращает на себя внимание, что многие события Кавказской войны описываются в учебниках по истории Адыгеи и Кубани порой с прямо противоположных сторон, соответственно, различаются и симпатии авторов. В учебниках по истории Адыгеи внимание акцентируется на стремлении адыгов к независимости, масштабе понесенных ими потерь, жестокости царских войск. Авторы подчеркивают мужество храбрых горцев, «смелые вылазки» которых «часто ставили в тупик прославленных генералов», указывают на то, что «прогрессивные деятели всего мира» сочувствовали освободительной борьбе адыгов и восхищались ею.¹² В учебниках по истории Кубани показывается сложность пограничной службы казаков – черноморцев и линейцев, постоянно повергавшихся набегам со стороны горцев, их бесстрашие и воинское мастерство: «Многие эпизоды Кавказской войны принесли линейцам славу бесстрашных воинов, доблестных защитников родной земли».¹³

В отдельных учебниках (М. Напсо) используется понятие «русско-кавказская война», подчеркивающее этнический характер конфликта, несмотря на то, что оно подвергнуто серьезной критике многими историками. Другие авторы указывают на то, что «адыги вели войну не против русского народа, а против царского самодержавия. И в те суровые годы не прерывалось дружеское общение между русскими и адыгами. Многие из простых русских солдат, которых царь гнал на Кавказ, сочувствовали горцам».¹⁴ В объяснении причины войны в большинстве региональных учебников господствует подход, сложившийся в советской историографии и возлагающий ответственность за то, что «изначально дружественные отношения

между казаками и западными адыгами» были нарушены, на «своекорыстную политику царизма».

В ряде учебников отмечается, что в ходе Кавказской войны «было проявлено немало мужества и героизма со стороны как горцев, так и русских воинов. Но время это изобиловало не только жестокими столкновениями, но и примерами взаимовыручки и дружбы между русскими и горцами, оно отмечено ростом торговли и взаимовыгодного обмена». В данной связи необходимо отметить появление в учебных пособиях специальных разделов, рассказывающих об адыгах – офицерах русской армии, а противостояние горцев и казаков получает дихотомическую характеристику «друзья – враги».¹⁵ Однако в целом сюжетам мирного сосуществования, торговле, дружбе, куначеству, вопросам боевого сотрудничества жителей региона различных национальностей уделяется меньше внимания, чем истории их вражды.

Из героев войны наиболее популярным в учебной литературе был и остается имам Шамиль, при этом его оценки заметно эволюционировали от «платного английского шпиона» до «руководителя национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа». Во многих дореволюционных, советских и современных российских учебниках содержится достаточно подробная характеристика Шамиля, авторы отмечают такие его личные качества, как мужество, ум, выносливость, отвагу, храбрость, красноречие и, в то же время, жестокость. Другим героям войны менее «повезло». В дореволюционных учебниках упоминались русские генералы, завершившие войну: князь Барятинский, генерал Евдокимов («все тело последнего было покрыто ранами, полученными в борьбе с горцами»¹⁶). В советских учебниках указывалось на то, что «волею обстоятельств в числе участников войны находились и известные в русском обществе своими прогрессивными взглядами люди»: начальник Черноморской береговой линии генерал Н.

Раевский, командир Черноморского флота адмирал М. Лазарев, адмиралы П. Нахимов и В. Корнилов.¹⁷

В новых учебниках по истории Адыгеи деятельность многих русских генералов получила негативную оценку. А. П. Ермолов охарактеризован как «сторонник беспощадных мер в порабощении народов Кавказа», Г. Х. Засс выделялся своими «жестокими набегами», Н. И. Евдокимов вошел «в историю как палач-истребитель адыгских народов». Напротив, положительно оцениваются действия Мухаммеда Амина – «вождя борьбы адыгов за независимость», «крупнейшего черкесского политика того времени» Сефер-бей Заноко и других «прославленных вождей адыгов и убыхов». Новые оценки закрепляет и соответствующим образом подобраный визуальный ряд, используемые в оформлении учебных пособий иллюстрации, карты, а также отрывки из исторических документов.

Необходимо отметить, что в отношении отдельных участников войны в современных учебниках по истории Адыгеи и Кубани порой складываются полярные оценки. В частности, авторы учебника «Родная Кубань» посвятили специальный параграф «Во славу русского оружия» описанию подвига солдата Архипа Осипова, названного героем России. В то же время в «Рассказах по истории Адыгеи» его характеристика завершается утверждением, что «в истории нередко бывают случаи, когда люди совершают подвиги и гибнут, отстаивая несправедливое дело».¹⁸

Таким образом, оценки в учебной литературе Кавказской войны заметно эволюционировали. Они существенно различаются и в современных федеральных и региональных учебных пособиях. В учебниках по истории России (СССР) данной теме уделялось и продолжает уделяться немного места, что объясняется общим количеством учебного времени, выделяемым на данные курсы (особенно в связи с переходом школьного исторического образования на

концентрическую систему). При этом главное внимание в данных учебниках уделялось событиям в Дагестане и Чечне, а борьба адыгов за независимость практически не рассматривалась, в лучшем случае лишь упоминался сам факт окончания войны в 1864 г.

Напротив, в большинстве современных региональных учебниках истории изучению темы Кавказской войны отводится значительное количество учебного времени. Поэтому именно оценки региональных учебников приобретают решающее значение в выработке отношения к данному событию школьников, проживающих в различных субъектах Северного Кавказа. Между тем, трактовки событий и героев Кавказской войны в разных учебниках существенно различаются, при этом расхождения связаны не только с теми или иными научными подходами, но и с прямым влиянием этноцентризма. В результате складывающиеся у современных школьников представления о Кавказской войне могут стать основой для формирования как националистических, сепаратистских, так и шовинистических, великодержавных устремлений, влиять на выработку веры в собственную национальную исключительность, воспитывать чувства унижения или гордости.

Разумеется, создать даже относительно толерантный учебный текст действительно непросто, особенно при описании такого исторического события как Кавказская война и ее участников. Память о былой вражде нашла свое отражение во многих текстах, используемых в настоящее время в качестве учебно-методического обеспечения региональных курсов (например, в фольклорных произведениях). Свою роль в создании учебников будет всегда играть определенный социальный и политический заказ, равно как и собственные позиции авторов. Однако степень воздействия учебника как особого жанра исторической литературы намного превосходит любые другие ее формы. Поэтому от авторов учебников и учебных пособий требуется особая осторожность в

оценках и суждениях, предназначенных непрофессиональному читателю.

Примечания:

- ¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С.8.
- ² См.: Кринко Е. Ф. Образование как фактор консолидации и дестабилизации общества // Неделя науки МГТИ. Материалы науч.-практ. конф. МГТИ. Майкоп, 1998. Вып.3. С.67 – 68; Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. Проблемы региональной истории в современном школьном образовании // Особенности развития образования в условиях полинационального города. Тезисы городских педагогических чтений. Майкоп, 2001. С.49 – 50; Кринко Е. Ф. Роль образования в формировании гражданского общества в России // Гражданское общество в России: проблемы формирования и развития. Материалы межвуз. науч.-практ. конф. Майкоп, 2003. С.76 – 83 и др.
- ³ Беллярминов И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С.171.
- ⁴ Беллярминов И. И. Курс русской истории (элементарный). М., 1994. С.96.
- ⁵ Иловайский Д. Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С.376.
- ⁶ Оно было издано небольшим тиражом накануне первой мировой войны «для учеников станичных школ Кубанской дирекции при изучении истории родного войска». В 1995 г. пособие переиздали с рекомендацией управления образования администрации Краснодарского края в качестве учебного пособия по истории родного края при изучении истории Отечества. См.: Певнев А. П. Кубанские казаки. Пособие по истории для учащихся школ, гимназий, лицеев Краснодарского края. Краснодар, 1995.
- ⁷ Там же. С.16.
- ⁸ Федосов И. А. История СССР. Учеб. для 9 кл. ср. шк. 6-е изд. М., 1992. С.78 – 80.
- ⁹ Анфимов Н. В., Юркин Н. Ф., Кусый В. А. История родного края. Учеб. пособие для 7–8 кл. Краснодар, 1976. С.29 – 31.
- ¹⁰ Зырянов П. Н. История России, XIX век: Учеб. кн. для 9 кл. сред. шк. М., 1994. С.59; Буганов В. И., Зырянов П. Н. История России, конец XVII – XIX в. Учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1997. С.159; Зырянов П. Н. История России, XIX век. С.60; Зырянов П. Н. История России, XIX – начало XX вв. С.71 – 73.
- ¹¹ Керашев А. Т., Чирг А. Ю. История Адыгеи. Учеб. пособие для учителей 8–9 кл. Майкоп, 1991; Чирг А. Ю., Емтыль Р. Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). Учебник для 8 кл. общеобразоват. учреждений. Майкоп, 2002.
- ¹² Чирг А. Ю., Емтыль Р. Х. Указ. соч. С.83, 88.
- ¹³ Родная Кубань. Страницы истории. Книга для чтения. Краснодар, 2003. С.89.
- ¹⁴ Чирг А. Ю., Емтыль Р. Х. Указ. соч. С.76.
- ¹⁵ Родная Кубань. С.85; Шеуджен Э. А. Рассказы по истории Адыгеи. Учебник для 5 кл. Майкоп, 2002. С.120 – 121, 131 – 132 и др.
- ¹⁶ Беллярминов И. И. Курс русской истории (элементарный). С.96.
- ¹⁷ Анфимов Н. В., Юркин Н. Ф., Кусый В. А. Указ. соч. С.30 – 31.

¹⁸ Родная Кубань. Страницы истории. Книга для чтения. Краснодар, 2003. С.94 – 97;
Шеуджен Э. А. Рассказы по истории Адыгеи. С.131.

Ктиторова О. В.
г. Армавир

Вместе с Россией
(Магомет-Гирей ЛООВ)

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена видным общественным деятелям XIX в. абазинского происхождения, которых, несмотря на очевидную разницу в воспитании и образовании, в избранном жизненном пути, объединяет общее стремление прочно связать судьбу своего народа с Россией.

Пожалуй, самым известным абазинцем, отличившимся на российской военной службе, был Магомет-Гирей Лоов. Карьера абазинского князя начиналась вполне обычно для лиц его круга. В 1828 г. в возрасте 16-ти лет он поступает в ряды российской армии. Послужной список Лоова зафиксировал участие в двух военных акциях этого года: в защите селения Незлобного от нападения враждебных закубанцев и в походе генерала Емануеля против абадзехов. Первую награду (золотую медаль на Георгиевской ленте) Лоов получил за храбрость, проявленную в военном походе 1830 г. в земли абадзехов и шапсугов¹.

Из среды сверстников юного князя отличало не столько раннее знакомство с военным ремеслом, сколько владение русским языком и основами арифметики. В воспоминаниях российского офицера Ф.Ф. Торнау отмечалось: «Свою первую молодость он (Магомет-Гирей Лоов, – О.К.) провел между русскими и выучился в георгиевской гимназии правильно говорить, читать и писать по-русски...»². Скорее всего, Ф.Ф. Торнау говорит о школе горских аманатов, действовавшей в г.

Георгиевске³.

В 1835 г. посетивший Закубанье с разведывательными целями барон Ф.Ф. Торнау, застаёт Магомет-Гирей Лоова в числе непокорных горцев. Бегство братьев Лоовых российский офицер объясняет следующим образом: «На верховьях Зеленчука, недалеко от Башилбая, скрывались абазинские князья Лоовы, жившие прежде на линии в своем собственном ауле, лежавшем на берегу Кумы. В припадке оскорбленной гордости они убили пристава, поставленного русским начальником над их аулом и принадлежавшего к числу их узденей; после того им нельзя было уже оставаться в пределах подвластных русской власти. Они бежали в горы с довольно большим числом преданных узденей и более четырех уже лет тревожили нашу границу своими частыми и весьма удачливыми набегами. Имя их получило некоторую известность на линии и между черкесскими абреками; дела их согласно горскому взгляду на вещи шли хорошо; но сами они скучали о родном месте и не увлекались своими удачами, думали только о том как бы снова сблизиться и помириться с русскими»⁴. Сведения Ф.Ф. Торнау находят подтверждение в работе советской исследовательницы Е.Н. Даниловой, отмечавшей, что в Лоовском ауле на Куме братья Магомет, Эдык и Ногай Лоовы убили агмиста-ду⁵ Генартуко Лафишева, назначенного приставом их аула⁶.

Этот эпизод жизни Магомет-Гирея, по-видимому, имел определенное отрицательное влияние на его карьеру. Впрочем, как отмечает В.В. Лапин, в национальных формированиях на Кавказе довольно часто встречались не только рядовые воины, но и офицеры с «непростым прошлым»⁷. В послужном списке Лоова факт его участия в военных действиях на стороне «немирных» горцев не был отмечен, хотя само наличие 5-летнего пропуска в боевой биографии (с 1830 по 1835 гг.) являлось немым свидетельством, пройденной молодым князем «школы абречества».

Любопытно, что генерал-лейтенант Г.И. Филипсон в своих воспоминаниях рисует весьма неблагоприятный портрет Магомет-Гирея. Для понимания столь критического взгляда на облик абазинского князя стоит отметить, что Г.И. Филипсон в целом не одобрял привлечение местного населения к службе в армии, называя горскую милицию «весьма ненадежным, дорогостоящим и совершенно беспорядочным войском». Отношение к данному вопросу проистекало из достаточно верного наблюдения российского офицера, подтверждаемого многочисленными свидетельствами из документальных источников о том, что «горец славился подвигами и если ожидал, что русское начальство подвергнет его наказанию, то бежал к немирным и там старался обратить на себя особенное внимание предприимчивостью и удалством... Чрез такую высшую академию прошли многие молодые люди, как например абазинский князь Мамат-Гирей Лоов, Адиль-Гирей Капланов-Нечев, впоследствии бывшие генерал-майорами⁸, носившие тонкое белье и курившие хорошие сигары. Из них первый – человек хитрый и энергический, красавец и отличный наездник, отправляясь к немирным абадзехам, предал порученного ему капитана генерального штаба барона Торнау...»⁹.

Следует признать, что обвинение Лоова в предательстве выглядит излишне категоричным. По крайней мере, сам Ф.Ф. Торнау характеризует Магомет-Гирея с положительной стороны. Познакомившись в 1835 г. у башилбаевского владельца Магомет-Гирея Сидова с братьями Лоовыми, он дает индивидуальную характеристику только одному: «...я не мог не обратить внимания на младшего брата, Мамат-Кирея. Двадцать лет, красавец в полном смысле слова, каких даже немного у черкесов, ловкий и смелый...»¹⁰. На достаточно дружеские отношения, сложившиеся между Торнау и Лоовым, указывает

участие последнего в качестве переводчика в военно-разведывательных экспедициях барона.

В момент похищения российского офицера Ф.Ф. Торнау враждебно настроенными горцами, тот действительно находился с одним Лоовым, что заставляет задуматься о возможном содействии абазинского князя пленению разведчика. Однако оправданию Магомет-Гирея может служить ряд доводов. Еще во время первого путешествия Торнау по Кавказу, когда произошло его знакомство с братьями Лоовыми, последние были помилованы начальником Кубанской линии Г.Х. Зассом и вновь приняты в число российских подданных. В подтверждение же своей преданности они должны были обеспечить безопасное возвращение барона Ф.Ф. Торнау из за Кубани на Линию¹¹. Такое проявление князьями лояльности по отношению к российской власти настроило воюющих с Россией закубанцев против них. Этим объясняется безынициативность Магомет-Гирея Лоова во время пленения в 1836 г. Торнау, так как он уже не был «своим» в среде «немирных» горцев и в случае оказания им сопротивления, как следует из воспоминаний барона, Лоову грозила гибель.

С 1835 г. в послужном списке Магомет-Гирея Лоова вновь значатся военные походы, что свидетельствует о восстановлении его на российской службе. В 1835 г. абазинский князь участвует в перестрелке с закубанцами, совершившими набег на линию; в январе 1836 г. – в разрушении абадзехских аулов и в том же году – в сражении с горцами, напавшими на Кисловодск¹².

В 1837 г. Лоов изъявил желание присутствовать на встрече императора Николая I. На приеме, состоявшемся 18 октября этого года, абазин представляли Магомет-Гирей Лоов и Каспот Дударуков¹³. В 1843 г. за участие в военной экспедиции в верховья Зеленчука Лоов получил офицерское звание. Проявленное в этом походе мужество абазинского

князя было отмечено в рапорте командующего Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта Гурко¹⁴. В формулярном списке о службе Магомет-Гирея значилось, что «в перестрелке против непокорных горцев где при неоднократных схватках с неприятелем бросавшимся с самоотвержением вместе с другими милиционерами при упорном бою, убиты под ним две верховые лошади. За весьма важные услуги и примерную преданность правительству... произведен прямо в поручики с производством по чину жалованья по 289 р. 75 коп. серебром в год»¹⁵.

Военная служба князя неоднократно поощрялась и в дальнейшем. Лоов участвовал в походах за р. Терек в 1847 г.; в земли баракаевцев (февраль 1852 г.); в кратковременных столкновениях с горцами; защищал от нападений мирные станицы и аулы; собирал разведывательные данные. В 1848 г. поручик Лоов был произведен в штабс-капитаны. Звание капитана он заслужил за участие в 1850 г. в переселении урупских кабардинцев и башилбаевцев на р. Б. Зеленчук. Военную службу князь Лоов завершил в 1863 г. в чине полковника, полученном за два года до этого.

Магомет-Гирей был награжден орденами св. Владимира 4 степени (1851 г.) за проявленное мужество в сражениях за р. Кубанью «и особенное усердие с коим он собирал и доставлял отрядному начальнику самые верные сведения о намерениях горцев»¹⁶; св. Анны 3 ст. в 1848 г. за участие в отражении нападения на ст. Сенгилеевскую и 2 ст. (1852 г.); св. Станислава 2 ст.; золотой медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость»; бронзовой на Андреевской ленте в память войны 1853-1856 гг.; серебряной за покорение Западного Кавказа и крестом за службу на Кавказе. Дважды в 1850 и 1852 гг. Лоов получал монаршее благоволение. Наряду с наградами, военные заслуги абазинского князя были также отмечены памятными подарками:

бриллиантовым перстнем с вензелем имени его Императорского Величества и золотой шашкой с надписью «За храбрость»¹⁷. Среди наград полковника Лоова числился довольно необычный немецкий орден Красного орла, пожалованный ему путешествовавшим в 1863 г. по Кавказу прусским принцем Альбертом¹⁸.

Военные заслуги полковника Магомет-Гирея были отмечены земельным наделом (5 тыс. дес.), отмежеванным ему в личную собственность и ежегодной пенсией в размере 312 р. 70 коп., за имевшиеся у него знаки отличия¹⁹.

Князь Лоов, являвшийся признанным лидером в среде абазин, неоднократно становился участником судьбоносных исторических событий. Среди депутатов от Кавказского и Закавказского края на церемонии коронации в 1856 г. в Москве Александра II абазин представлял капитан князь Магомет-Гирей Лоов²⁰. В июле 1861 г. Александр II подписал рескрипт «О заселении Северного Кавказа». В состоявшихся после этого в Хамкетах переговорах императора с представителями абадзехского народа, полковник Лоов участвовал в качестве переводчика²¹.

В 1853 г., еще будучи капитаном, Магомет-Гирей был рекомендован полковником Султаном Казы-Гиреем как кандидат на учреждаемую постоянную должность чиновника, который должен был заниматься «приглашением и выбором людей на службу Лейб Гвардии в Кавказско-Горский Полуэскадрон и Кавказско-Конно-Горский дивизион»²². По мнению Казы-Гирея, этот пост должен был занимать непременно «туземец», что способствовало бы выявлению наиболее достойных людей для службы в Кавказско-горском эскадроне. Свой выбор полковник Казы-Гирей мотивировал тем, что Лоов являлся «офицером вполне достойным во всех отношениях, обладавшим превосходными качествами и знающего в крае очень много людей, ему

хорошо знакомых и имеющих полное влияние на народ азиатских племен... в глазах горских племен... он пользуется большим уважением...»²³.

После завершения в 1863 г. военной карьеры полковник Лоов «продолжал служить правительству на поприще гражданской деятельности, помогая своим влиянием проведению среди горского населения реформ и разных правительственных мер»²⁴. Он участвовал во многих послевоенных преобразованиях. Например, в сентябре 1864 г. Магомет-Гирей Лоов работал в посреднической комиссии кабардинцев и абазин по определению прав на пограничные земли²⁵. Он также принимал живое участие в освобождении крестьян, способствовал обезоруживанию населения, созданию земской стражи. Отставной полковник прилагал усилия для прокладки дорог, открытия школ и других общественных учреждений. В 1866 г. Магомет-Гирей Лоов был избран старшиной Лоовско-Кубанского аула²⁶.

Активно занимаясь обустройством внутриаульного порядка, Лоов одновременно продолжал сохранять влияние в горской среде всего Зеленчукского округа. В 1867 г. по случаю спасения жизни императора Александра II в результате неудачного покушения во многих аулах округа были совершены благодарственные молебствия. Затем, как отмечается в прессе того времени, возникла идея общего торжественного молебна, организация которого была назначена на 7 июля. Официальным распорядителем торжества выступил полковник Лоов, объявивший, что «в память счастливого избавления Государя Императора от злодейского покушения он дает свободу 11 душам крестьян... восторг горцев, которым так свойственно чувство великодушия, достиг до величайшей степени»²⁷. Примеру князя Магомет-Гирея последовали еще 33 владельца. Причем безымянный

журналист отмечал, что не все из них были состоятельными. Всего в этот день было безвозмездно освобождено 66 крестьян.

В 1877 г. Баталпашинский уездный начальник высоко оценил деятельность полковника Лоова на посту старшины. Его усердию глава уезда приписывал практически полное прекращение воровства в среде зеленчукских горцев и их стремление стать полезными гражданами: «дворяне, которые до сих пор ничего не делали и от праздности занимались воровством проявляют желание служить и учиться для того, чтобы открыть путь к службе, перечисляются в казачье сословие, как сделали два из Лоовых и Ахлов; по первым слухам о войне (российско-османской, 1877-1878 гг. – О.К) выставили лучших людей, как дворяне, так и простое сословие усиленно занимаются хозяйством и ищут случая чтобы можно было чем либо проявить свою преданность правительству и благодарность»²⁸.

Выдающимся представителем горской интеллигенции, талантливым просветителем и общественным деятелем, сыгравшим важную роль в деле распространения среди коренных народов образования, являлся выходец из абазинского дворянства Умар Микеров (1847 – 1891гг.). Будущий народный кадий родился в Бибердовском ауле, в семье «весьма значительного и уважаемого между горскими народами эфенди Мекера»²⁹.

Не ограничиваясь формальным выполнением возложенных на него обязанностей, У. Микеров старался вникать в многочисленные проблемы абазин, равно обращая внимание и на частные случаи (например, делегирование прошений горцев к российским властям) и на жизненно важные (абазинский кадий всячески препятствовал процессу переселения горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию). У. Микеров пробовал себя и на поприще административной работы: в 1866 г. он был избран помощником старшины родного аула³⁰.

Без преувеличения Микерова можно считать духовным наставником своих соплеменников. 24 декабря 1885 г. в газете «Северный Кавказ» была помещена заметка об организации кадием празднования в Бибердовском ауле дня рождения Магомета: «Накануне 7-го декабря к дому кадия собралась масса горцев, человек в 300, которые немедленно наполнили собою все комнаты верхнего и нижнего этажа. От множества ламп и свечей дом был как бы иллюминирован. Всю ночь происходило моление и религиозное пение, после которых утомленные силы горцев были подкреплены щедрой закуской от хозяина»³¹. В этой статье также говорилось о строительстве по инициативе кадия Микерова «великолепной мечети».

Однако главной его заслугой стала деятельность, направленная на развитие образования. Благодаря усилиям Микерова, в 1879 г. в Бибердовском ауле было построено 2-х этажное здание одноклассного училища, в котором спустя два года обучалось 20 учеников³². Будучи высоко образованным человеком, У. Микеров создал на основе арабской графики алфавит абазинского (по другим сведениям – кабардино-черкесского) языка, который использовался для обучения детей в Бибердовском училище. Микеровым был также написан школьный учебник. Современники ставили в заслугу народному кадию то, что он возбуждал интерес у учеников не только к религии, но и светским предметам. «Все ученики школы, – сообщалось в газетной статье за 1889 г., – несмотря на свое недолгое пребывание в училище, говорят, читают и пишут по-русски, и вообще школа поставлена очень хорошо, чему она почти всецело обязана кадию Мекерову, который употребляет все усилия, чтобы приохотить соплеменников к отдаче детей в школу»³³.

Если большинство абазинских просветителей трудилось на благо народа в сфере образования, популяризируя в его среде научные знания, знакомя простых горцев с достижениями русской культуры, то Адиль-

Гирей Кешев (1840 – 1872 гг.), являвшийся талантливым писателем и публицистом, напротив, знакомил российскую общественность с основами культуры абазин и других коренных народов региона.

Адиль-Гирей Кешев вырос в закубанском ауле Кечева. Его воспитание почти целиком лежало на плечах матери Сатаней из-за преждевременной смерти отца, абазинского князя Кучука Кешева³⁴. В 1850 г. Адиль-Гирей поступил в подготовительное отделение Ставропольской гимназии. За годы обучения в ней (1850-1858 гг.) Кешев проявил блестящие знания гуманитарных предметов. В момент зачисления в гимназию Адиль-Гирей практически не владел русским языком, однако, уже в выпускных классах (в 1857 и 1858 гг.) он дважды занимал 1-е место на конкурсе гимназических сочинений. В 1858 г. Адиль-Гирей Кешев завершает обучение в Ставропольской гимназии, получив за проявленные успехи, золотую медаль³⁵. Далее два года при этом же учебном заведении он продолжает готовиться к поступлению в высшую школу и в 1860 г. зачисляется в Санкт-Петербургский университет. Однако закончить это учебное заведение молодому горцу не удалось. После антиправительственных выступлений студентов, связанных с польскими событиями, в университете были введены консервативные, направленные на ужесточение дисциплины и подавление вольнодумства, правила³⁶. Воспитанный в стенах гимназии в духе прогрессивного демократического мировоззрения, Кешев не мог поступиться своими принципами. 3 ноября 1861 г. он подает заявление на имя управляющего делами Кавказского комитета, в котором отмечает: «Несмотря на все мое желание окончить свое университетское образование, я никак не в силах остаться в университете, при тех правилах, которые там введены. О чем считаю своей обязанностью донести до сведения Вашего Превосходительства и просить Вас сделать распоряжение об увольнении меня»³⁷.

Уже в студенческие годы Адиль-Гиреем была написана серия рассказов под общим названием «Записки черкеса», раскрывающая черты горской жизни. Однако после увольнения Кешева из университета и возвращения на Кавказ, его литературная деятельность прекратилась. Биограф абазинского просветителя Л.Г. Голубева объясняет этот факт жизненного пути Адиль-Гирея давлением на него со стороны кавказских властей³⁸.

С 1861 г. Кешев поступает на работу в Ставропольскую губернскую канцелярию переводчиком. Позже – становится преподавателем татарского (тюркского – ?) языка в Ставропольской гимназии. В 1867 г. он переезжает в г. Владикавказ и устраивается редактором только что учрежденной газеты «Терские ведомости»³⁹. Адиль-Гирей Кешев стремился сделать газету рупором передовых и прогрессивных идей. После его скоропостижной смерти в 1872 г., отмечает Л.Г. Голубева, уровень «Терских ведомостей» резко понизился: газетные материалы стали зачастую бессодержательными, сократилось число познавательных статей, основное содержание неофициальной части периодического издания заняла судебная хроника и сообщения об уголовных происшествиях⁴⁰.

Несмотря на столь разные судьбы, характеры, идеалы, и Магомет-Гирей Лоов, и Умар Микеров, и Адиль-Гирей Кешев видели будущее своего народа только в единстве с Россией. В меру своих сил каждый из них старался сделать процесс интеграции абазин в общероссийское пространство как можно более естественным и безболезненным. Их пример побуждал и многих других абазин вступать на нелегкую, но благородную стезю службы родному народу, обретавшему свое достойное место в большой семье народов нового Отечества. Жизнь и деятельность таких людей, как Магомет-Гирей Лоов, Умар Микеров и Адиль-Гирей Кешев является наглядным доказательством того факта,

что абазины в лице лучших своих представителей сделали осознанный выбор в пользу единства с Россией, навеки связав свою судьбу с судьбой всего государства. Дальнейшая история подтвердила правоту и мудрость народа.

Примечания:

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф.13454. Оп.2. Д.604. Л.7об, 8.
- ² Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч.1. М., 1864. С.109.
- ³ Ильичева Н.В. Возникновение и развитие города Георгиевска (1777-1917 гг.). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Пятигорск, 2000. С.18.
- ⁴ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С.69, 70.
- ⁵ Представители высшего дворянства у абазин.
- ⁶ Данилова Е.Н. Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации в XIX в.). М., 1984. С.99.
- ⁷ Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб., 2001. С.112.
- ⁸ Магомет-Гирей Лоов вышел в отставку в чине полковника, и, хотя Баталпашинский уездный начальник в 1877 г. подавал прошение о поощрении князя чином генерал-майора за деятельность на посту старшины Лоовско-Кубанского аула, в награде было отказано.
- ⁹ Филипсон Г.И. Кавказская война. Воспоминания. М., 1885. С.97.
- ¹⁰ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С.108.
- ¹¹ Ложкин М.Н. Фотографии утраченных памятников старины // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып.2. Армавир – М., 1996. С.133.
- ¹² РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.604. Л.8.
- ¹³ РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.38. Л.54, 109.
- ¹⁴ РГВИА. Ф.ВУА. Д.6490. Л.44.
- ¹⁵ РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.604. Л.8, 9.
- ¹⁶ Там же. Л.10.
- ¹⁷ Там же. Л.9-10; Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК) Ф.454. Оп.7. Д.981. Л.1, 3об.; Кавказ. 1852. № 83.
- ¹⁸ ГАКК. Ф.454. Оп.7. Д.981. Л.3об.; Лавров Л.И. Абазины// Кавказский этнографический сборник. М., 1955. С.23.
- ¹⁹ ГАКК. Ф.774. Оп.2. Д.49. Л.146об.; Д.129. Л.22об.
- ²⁰ Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.11. Тифлис, 1888. С.706.
- ²¹ Кунижева Л.З. Къвбиналокт в документах и материалах зарубежных и российских авторов// Къвбиналокт – Къвбина – Кубина: Материалы, посвященные Дню аула Кубина. Черкесск, 1999. С.39.
- ²² РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.604. Л.5-5об.
- ²³ РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.604. Л.5об, 6; Керейтов Р.Х. Новое о Казы-Гирее// Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Чересии. Черкесск, 1987. С.82.
- ²⁴ ГАКК. Ф.454. Оп.7. Д.981. Л.1-1об.

- ²⁵ Лавров Л.И. Абазинцы // КЭС. Т.1. М., 1955. С.39.
- ²⁶ ГАКК. Ф.774. Оп.2. Д.306. Л.5.
- ²⁷ Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 28.
- ²⁸ ГАКК. Ф.454. Оп.7. Д.981. Л.1об.
- ²⁹ АКАК. Т.8. Тифлис, 1881. С.730.
- ³⁰ ГАКК. Ф.574. Оп.1. Д.2791. Л.1; Ф.774. Оп.2. Д.306. Л.5об.; Ктиторова О.В. Штрихи к портрету народного кадия Умара Микерова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: Сборник тезисов. Армавир, 2000. С.228.
- ³¹ Северный Кавказ. 1885. №109.
- ³² Там же; КОВ. 1891. №10; Тугов В.Б. Бибаркт (Эльбурган) – колыбель абазинской культуры // Бибаркт – Эльбурган: Материалы, посвященные празднованию 330-летия аула Бибаркт – Эльбурган. Черкесск, 1996. С.134-135.
- ³³ Ионов С.Х. Абазинская топонимия. Черкесск, 1993. С.169-170; Абазинцы (историко-этнографический очерк). Черкесск, 1989. С.210-211; Северный Кавказ. 1889. №1.
- ³⁴ ГАКК. Ф.454. Оп.7. Д.455. Л.85.
- ³⁵ Голубева Л.Г. Каламбий (Кешев А.-Г.) (биографический очерк) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып.4. (серия филологическая). Черкесск, 1965. С.166, 179-181.
- ³⁶ Абазинцы (историко-этнографический очерк). Черкесск, 1989. С.209.
- ³⁷ Голубева Л.Г. Указ. соч. С.188.
- ³⁸ Там же. С.191.
- ³⁹ Абазинцы (историко-этнографический очерк). Черкесск, 1989. С.210; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С.363.
- ⁴⁰ Голубева Л.Г. Указ. соч. С.212-213.

Клычников Ю.Ю.
г. Пятигорск

**«Кавказская война» в фольклорном отражении народов
Северного Кавказа**

«Кавказская война», которую вынуждена была вести Россия в XIX веке, оставила глубокий след в памяти ее участников и их потомков. Данное явление трактуется далеко не однозначно и включает в себя самые различные аспекты, среди которых можно выделить набеговую практику, вызванную формированием феодальной собственности и образованием государственности у ряда горских народов, геополитические интересы Российской империи, Великобритании, Персии, Османской порты и т.п. [1]. Проблема войны на Кавказе в XIX веке была и остается одной из наиболее дискуссионных в отечественной и зарубежной исторической науке. Даже сам термин «Кавказская война» вызывает справедливые нарекания со стороны исследователей своей абстрактностью и расплывчатостью. Данное понятие впервые появляется лишь в начале 60-х гг. XIX века, а до этого современники событий употребляли термины «завоевание», «покорение», или «установление владычества». Кавказская война является скорее географическим определением, нежели оценочным термином, и потому некоторые кавказоведы считают целесообразным применять его в кавычках или добавлять пояснение «так называемая Кавказская война». Но в любом случае предлагаемые иные терминологические понятия еще менее соответствуют данному явлению. Поэтому целесообразно употреблять это определение в силу устоявшихся научных традиций, пока не будет найден новый термин, более точно отражающий суть дела.

Чтобы составить объективную картину происходивших тогда на Кавказе событий, необходимо рассмотреть их не только с точки зрения официальных документов, но и привлечь различные фольклорные источники, оставленные противоборствующими сторонами.

В основе сюжета горских героических песен и преданий часто лежало описание набега. В этой связи особый интерес вызывают драматизированные песни-поэмы вайнахов (предков чеченцев и ингушей) – илли. В них удачливые «набежчики», делившиеся полученной добычей с соплеменниками, становились объектом восхваления и почитания. Это повышало их социальный статус, и из удачливых бячки (военных предводителей. – Ю.К.) формировалась феодальная знать [2]. Героем многих преданий был Бейбулат Таймиев (Тайми Бибулат), известный чеченский наездник [3]. О нем повествует «Илли об Альбике и Жамарзе», «Илли о Чеге Бесстрашное Сердце и Бибулате, сыне Таймы»[4]. Это был яркий представитель нарождающейся «новой знати», которой предстояло стать социальной опорой мюридизма и которая в сложившихся исторических условиях не раз становилась объектом восхваления со стороны народных сказителей, восторгавшихся их головокружительной карьерой. Впрочем, и феодалы «старой формации», стремясь удержать свою власть, прибегали к подобным занятиям. Сохранилось немало героических песен о другом персонаже «Кавказской войны», Хаджи Мурате, чья судьба так заинтересовала Л.Н. Толстого. В заслугу ему ставилось разорение «золотых башен» и «похищение красавиц в плен» [5].

Объектом набегов часто становились казачьи станицы на Тереке. Но их грабежи были трудной задачей для горских отрядов. Казаки зорко оберегали границу, и нередко отряды «хищников» платили жизнью за свои деяния. Это противоборство мы видим в «Илли о Гамзате», где повествуется, как отряд из селения Гехи, пробравшийся на русскую

сторону, вынужден был спасаться бегством за Терек, но и там был настигнут и попал в окружение. Предводитель Гамзат призвал своих товарищей не сдаваться врагу: «Сражайтесь неутомимо! / А вы, перелетные птицы, / В Гехи полетите проститься. / За нас полетите проститься, / Скажите, как стали мы биться, / Скажите красавицам ясным, / Что погибли мы не напрасно, / Что плечи свои не согнули, / Поставив, как стены, под пули. / Лежим на черкесском холме мы, / Недвижны, в крови мы и немые. / Мы голые шашки сжимаем, / К нам волки приходят хромяя. / И вороны к нам налетели, / Не сестры поют нам – метели. / Скажите народу вы птицы, / Что нами он может гордиться...» [6]. Все «набежчики» были уничтожены, но, по мнению народного сказителя, их славная смерть достойна того, чтобы ее воспели в качестве примера для подражания [7].

Схожие мотивы мы находим и в кабардинском фольклоре. Известный наездник Увжуко Кундетов вместе со своими товарищами грабит ногайцев, но настигнутый погоней предпочитает уничтожить всю добычу, лишь бы бесславно не потерять ее («Увжуко Кундетов, сын Магомета»). В конце концов, счастье изменяет ему, и горский предводитель гибнет во время очередного набега на Кавказскую Линию («Гыбза об Увжуко», гыбза – буквально «плачевная речь» – Ю.К.) [8].

С распространением мюридизма набеги на русских стали считаться богоугодным делом. В ряде песен неоднократно подчеркивалось, что враги являются христианами по вероисповеданию и смерть в борьбе с ними делает из «набежчика» мученика за веру [9]. На их могилах ставились особые значки, подчеркивающие святость павшего [10]. В одной из аварских песен, посвященной мюридам, говорилось: «Те, в чьем теле бодрость, на войну выходите. / Погибшего в бою и смерть святая – / Не изменяйте, братья, пророкам! / Оставшимся в живых и слава большая – / Не отступайте, братья, от халифов!» [11].

Царская администрация строго преследовала абреков за подобные действия. Нередко в качестве меры наказания практиковалась ссылка в другие регионы империи, подальше от Кавказа [12]. Судьба ссыльных, их тоска по Родине находили выражение в песнях-плачах, где воспевалась вольность и прежняя жизнь каторжанина [13].

Горские набеги вызывали ответные «репрессалии» царских войск. Такого рода действия стали неотъемлемой частью вооруженного противостояния на Кавказе. Естественно, что каждая из сторон по-разному оценивала эти шаги. Например, в казачьих песнях бои за Лабой, где российские отряды теснили воинственное горское население, прославляется мужество казачьих отрядов, их верность воинскому долгу: «Пусть гремит слава трубой, / Как дрались мы за Лабой, / По горам твоим, Кавказ, / Разнеслась слава о нас!.. / И нам нечего бояться, / Нипочем нам храбрый бой, / Мы привыкли все сражаться / С кровожадною ордой» [14]. Для казаков в этот период горцы прежде всего жестокий враг, чьи «хищнические» набеги можно остановить, лишь отогнав их подальше от российских пределов. Это была трудная задача, и немало казачьих голов полегло при ее выполнении: «За Кубанью за рекою, / В басурманской стороне, / Умирая после бою, / Казак слово молвил мне: / «Отнеси, брат, в край родимый / После дружных похорон / Челобитною родимой / И родимому поклон. / Весть жене скажи такую, / Что женился на другой / И что с нею век свекую / Я под крышкой гробовой, / Что за ней я на погосте / Взял лишь каменный накат, / Пуля сватала, а гости / Были ядра и булат» [15].

Нелегкой задачей для казаков была и охрана кордонной Линии. Она требовала повышенного внимания, и за безопасность приходилось платить дорогую цену. О гибели казачьего поста от рук горцев пелось в старинной казачьей песни «На Линии было, на Линеюшке», которая

звучала как предостережение другим командам, призванным оберегать родные пределы от «хищнических» партий [16].

В свою очередь для горцев наступление царских отрядов несло гибель и разорение. Эти кровавые реалии нашли отражение в целом цикле гыбза, созданных адыгами. Одна из них, так и называется «Разорение селения». Женщина, от чьего имени ведется повествование, рассказывает о внезапном нападении неприятельских войск: «Разбудили нас рано барабаны, / На горе – гяуры в свиных чевьяках, / Грудью коней плетни ломают. / Все, объявившие газават, / В один день попадали с седел» [17]. В безжалостной схватке гибнут один за другим защитники селения, а те, кто предпочел бегство смерти, подвергаются проклятью со стороны своих близких: «Лучше б мужу моему сгинуть / В тот день, как меня раздели! / Когда жили мы еще вместе. / Щеголял он тесьмой серебряной, / А когда нас брали гяуры, / В бою его не было видно. / Вернешься, трус рыжеусый, / Не вернешь ты красавицу Гуру! / Шелк моего бешмета / В ошметки порвали штыками. / Если б не упала я без памяти, / Живой бы меня ты не видел» [18]. Напротив, сумевшие отбить своих родных из плена прославлялись сказителем, желающим им рай в качестве награды.

Борьба шла с переменным успехом, что находило отражение и в героических песнях горцев. Одни описывают победы и изгнание неприятеля («Песня о Гирцижеве», «Санджалей»), другие повествуют о поражении и гибели их отрядов («В бой!», «Хажрет-война») [19].

Не осталось без внимания народных преданий черкесов и такое важное событие «Кавказской войны» как создание Черноморской береговой линии [20]. Многие ее укрепления были основаны высадившимися морскими десантами, что запечатлелось в горской песне «Царское завоевание»: «На этом свете мы храбро сражались, / Да войско за нами идет по пятам. / Большое войско в горы проходит. / Завалили мы

дорогу-тропу. / Думали мы, что в горах безопасно, / Отправили наших слабых туда. / Макушки деревьев под нами посохли, / Покошены саблями наши друзья. / Корабли большие плывут по морю, / На берегу войска собираются / И выступают против нас» [21]. О боях с гарнизонами крепостей сложено немало героических песен, например, абадзехская «Битва под Джубгой», в которой упоминается реальный исторический персонаж Магомет Бибердов (Магомет Коджебердуков), получивший во время сражения смертельную рану [22].

Знаковые фигуры этой войны, их поступки и действия становились поводом для создания историко-героических преданий, позволяющих понять, как воспринималась кавказская действительность XIX века ее непосредственными участниками.

Здесь, безусловно, особое место принадлежит «проконсулу Кавказа» А.П. Ермолову и его шагам по «умиротворению» этого беспокойного края. Одной из ярких побед генерала стало покорение Акуши в декабре 1819 г. [23]. Это горское общество, сыгравшее главную роль в разгроме персидского шаха Надира, считалось непобедимым, и потому успех русского оружия получил широкий резонанс среди горцев. В устах сказителей А.П. Ермолов наделялся чертами не только храброго и умелого воина и полководца, но и великодушного человека, который умел не только карать, но и миловать [24]. О противоборстве с А.П. Ермоловым пели и чеченские сказители: «В леса беги, моя семья! / Беги, жена! бегите дети! / А здесь один останусь я, – / Нам русский враг готовит сети: / Ермолов рать свою ведет... / К чему же ты их станешь ждать? / Беги скорей! беги ты с нами! / Опасней грома русских рать: / Они убьют тебя штыками, – / Тебя отвага не спасет, Когда Ермолов их ведет... / Бегите, – близок уж рассвет! / Спасенья нет родному краю... / Ермолову преграды нет, – Меня убьют, я это знаю... / Но я никак моим врагам / Без боя сакли не отдам!» [25].

Популярным героем аварских героико-исторических песен был Кази-мулла, активно проводивший среди горцев проповедование идей мюридизма и призывавший их стать на путь газавата – непримиримой борьбы с неверными. С этой целью он не останавливался перед террором, но подобная практика находила понимание и одобрение со стороны некоторых сказителей, считавших, что во имя Аллаха можно не считаться с человеческими жизнями: «Аулы разорил, Чечню устранил, / Многим властным головы отрубил. / Собрал ученых, проповедь прочел – / Так очистил тарикат всевышнего он» [26]. О нелегкой борьбе с этим имамом сложили песню казаки Гребенского полка. 19 августа 1832 г. они попали в окружение многократно превосходящих сил неприятеля, но сумели вырваться из смертельной ловушки: «Пыль клубится по дороге темной длинной полосой: / Из Червленной по тревоге скачет полк наш Гребенской. / Скачет – мчится, точно буря, к Гудермесу подскакал, / Где Кази-мулла с ордою в десять тысяч его ждал. / Полк не дрогнул, увидавши таку силу пред собой: / Шашки вынул и помчался на бой смертный с той ордой. / Храбрый Волженский полковник первым врезался в орду / И с полком по ней метался, точно будто бы в чаду. / Все рубились, на смерть бились удалые Гребенцы. / Храбрый Волженский полковник кричал: «Браво, молодцы!» / Орда дрогнула, бежала, мы помчались за ней, / Но нас там засада ждала из отважнейших людей. / Мы засаду ту разбили и шли дальше все вперед, / Но не знали, что в овраге нас другая беда ждет. / Там собралися чеченцы, все отважные бойцы, / Вот от них то пострадали тогда наши Гребенцы. / Залп раздался... Отвечали двумя пушками ему. / Бой отчаянный начался... Здесь забыли мы жену, / Здесь забыли матерей, сестер, братьев и отцов, – / Только помнили одну славу дедов Гребенцов! / Справа, слева обходили храбрый полк наш Гребенской... / Тут Волженского убили, тут лилася кровь рекой. / Враги думали, что можно

всех в могилу нас сложить, / И что больше беспокоить мы не будем уже их. / Но не так свершилось дело в ту минуту Гребенцам: / Полк не дрогнул, пошел смело искать путь себе начал. / Полк рубился, на смерть бился с тем бесчисленным врагом: / Враг со страху расступился, путь открыл перед полком» [27].

Среди героев казачьих песен был генерал Г.Х. Засс [28]. Благодаря его энергичным мерам удалось обезопасить Кубанскую Линию, которая до этого считалась одним из наиболее беспокойных мест. От имени своих противников-горцев, для которых Засс был непримиримым врагом, казаки пели: «Съезжались к нему, генералу Зассу, / Белореченские князья-узденя. / Как просили его князья горские / На веселый пир, на пир погулять. / – Ты пожалуй к нам, русский генералушка, / Приготовим для тебя выпить, закусить. / Приготовили князья для Засса генерала / Выпить из винтовочки пулю меткую. / на закусочку Зассу-генералу приготовили / Шашку острую, басурманскую» [29]. Да и сами черкесы воспевали генерала как опасного неприятеля, воинскому мастерству которого они вместе с тем отдавали должное [30]. Заставить генерала Засса отступить было проявлением высшей доблести. Такое было по плечу лишь выдающемуся герою, достойному прославления в песне. Но за подобную храбрость приходилось расплачиваться жизнью, о чем повествует «Плач о Пшуко-бее», записанный английским эмиссаром на Северо-Западном Кавказе Дж. А. Лонгвортом [31]. Ложное отступление, заманивание неприятеля в засаду было излюбленным военным приемом барона. Так, сохранилась темиргоевская песня о его нападении на аул Тлебгой, ворвавшись в который он увлек разгоряченных боем преследователей под пули спрятавшихся во рву казаков, чем нанес им существенный урон [32].

Оставил свой след в памяти казаков и такой незаурядный военачальник, как Н.П. Слепцов. О его гибели 10 декабря 1851 г. в

гехинском лесу в Чечне пелось в песне-плаче: «Ой, да генерал-ти ли Слепцов / Лежал да он крепко раненный, / Ой, да в головах его, то ли у него / Стоит знамя распущенное, / Знамя распущенное. / Ой, да в ногах-то ли его / Стоят храбрые казаченьки, Храбрые казаченьки. / Ой, да генерал-то ли Слепцов / на кого ты покидаешь нас, Ой, покидаешь нас?» [33]. Н.П. Слепцов был одним из наиболее удачливых российских командиров. О его боевых подвигах сунженцы не раз слагали песни: «В тихи ночи, осенью, Сунженцы гуляют / И про службу про свою песни распевают. / Скоро, братцы, нам в поход, – зима наступает; / Злой Шамиль нас в бой зовет и не унывает, / Пусть собирает свой отряд, что нам торопиться? – / Из нас каждый будет рад с ордою сразиться. / В поле лучше умирать, – дома не годиться! / Если ж в хате умирать, – лучше б не родиться! / Для нас вызов не беда, был бы Слепцов с нами, – / С ним готовы хоть куда на конях орлами!» [34]. Смерть генерала стала тяжелой утратой для воинов Кавказской армии, но она не привела к унынию. Казаки воспевали завет своего легендарного вождя: «Храбро, весело, отважно, чтоб Царю всегда служить! / И чтоб имени Слепцова вам во веки не забыть!» [35]. И в дальнейшем они не раз вспоминали легендарного предводителя: «Дружно грянем про Слепцова, память храброго почтим / И минуты наслажденья хоть на миг мы возвратим. / Как с ним жили и служили, веселились в добрый час, / Неприятелей как били, и как жаловал он нас!» [36].

Наряду со Слепцовым в песнях прославлялся и кавказский наместник М.С. Воронцов. Его деятельность на Кавказе началась с неудачного Даргинского похода, в котором войска понесли серьезные потери, но это не сломило их дух и готовность впредь выполнять приказы своего командующего: «Под началом Воронцова / Лестно даже умереть; / Как он скажет нам два слова: / «Шашки вон!» – летим на

смерть. / Мы давно рады сражаться / С кровожадной ордой / И нам нечего бояться – / Полетим на новый бой» [37].

Немало лестных слов было адресовано атаману Круковкому, князю Барятинскому [38].

Главным противником царской власти на Кавказе стал с 1834 г. третий имам Чечни и Дагестана Шамиль. Бои за его оплот, высокогорный аул Ахульго, которые вели русские войска в 1839 г., явились одними из наиболее кровавых эпизодов этой войны. Только после длительной осады и нескольких штурмов отрядам генерала П.Х. Граббе удалось овладеть этой неприступной твердыней [39]. «Солдат наученных, чтобы захватить Ахульго, / Московскою водкою напоили допьяна, / Заиграли в зурну золотую, забили в медный барабан / И погнали на Ахульго, чтоб сгорело оно! / В пятницу до полудня – не прошло и четырех часов, / Немного прошло времени после четырех часов – / Белые дома Шамиля, словно в Мекке дворцы, / Взорвали до основания в синие небеса», – говорилось в одной из аварских песен, повествующих об этом сражении [40].

Бои, изнурительные переходы, упорный труд по устройству коммуникаций в недрах горских земель стали повседневностью для русских воинов на Кавказе: «Было дело на Кавказе, / Дело славное, друзья! / Мы дрались там с Шамилем / И с мюридами его. / Долго бились мы с врагами, / Гнали их за шагом шаг: / Они в горы, – мы за ними, / Не боясь их метких пуль. / Наши чудо-командиры / Там примером были всем, / И на битву, и на приступ / Завсегда наперед. / Где просторней было место, / Подавались мы скорей; / А с лесами, да с горами / Ладить было потрудней. / То дрались, то рубили, / Нарубили леса тьму; / Ну, досталось тут работы / И ружью и топору. / Были стычки, эх, какие! / Соберутся их толпы, / Да и думают, что вот-де / Нас застанут всех врасплох. / Да и мы ведь не глупее / Были умных их голов:

/ Они шасть, а тут гостинец / Уж давно для них готов. / Как они уж там не метки, / Как их шашки не остры, / А картечью как прибрызнем – / Так и прячутся в норы». Последним пристанищем Шамиля стал аул Гуниб, где он рассчитывал укрыться от российских войск: «Наконец им стало тесно, / Они заперлись в Гуниб, / Что считался на Кавказе / Непреступней всех твердынь. / Но ни что не устояло / Против храбрых русских войск: / Пал Гуниб, и с ним Шамиля / Потерял на век Кавказ» [41].

Одним из трагических последствий «Кавказской войны» стало массовое переселение горцев в Турцию. Там они столкнулись с голодом, нищетой и произволом османских властей. Тяжелое положение переселенцев легло в основу «Хажретской песни о переселившихся в Турцию», в которой звучит предостережение тем, кто хочет покинуть Родину и искать счастье на чужбине [42].

В «Кавказской войне» правда была у каждой из противоборствующих сторон. И теперь, когда эти события уже давно принадлежат истории, следует отдать дань мужеству ее участников и использовать память о них не для разжигания новой вражды на Кавказе, а для укрепления сложившихся связей между его народами, помня, что два великих символа этой эпохи – А.П. Ермолов и Шамиль встретились в конце своей жизни и протянули друг другу руку дружбы.

Примечания:

- ¹ Перевернутый мир бесконечной войны («круглый стол») // Родина. – 1994. – №3-4. – С.18.
- ² Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. / Отв. Ред. Р.С. Ахматова. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1979. – С.10.
- ³ Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. Историко-биографический очерк. – Грозный: «Книга», 1991.
- ⁴ Илли. – С.31-39, 212-219.

- ⁵ Далгат У.Б. К проблеме историзма героико-исторических песен народов Северного Кавказа и Дагестана // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. – Грозный, 1988. – С.12-13.
- ⁶ Антология Чечено-Ингушской поэзии. / Сост. В.А. Дыхаев. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1981. – С.49.
- ⁷ Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. – Вып. I. – Репринтное издание. – М.: МНТПО «Адир», 1992. – С.30.
- ⁸ Кабардинский фольклор. / Общ. ред. Г.И. Бройдо. – Нальчик: «Эль-Фа», 2000. – С.379-381.
- ⁹ Клычников Ю.Ю. Набеговая система горцев и ее влияние на северокавказскую политику России в п.п. XIX века // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год. Дикаревские чтения (7). – Краснодар: Изд-во «Крайбиколлектор», 2001. – С.167.
- ¹⁰ Ипполитов А.П. Указ. соч. – С.35.
- ¹¹ Цит. по: Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. – Махачкала, 1968. – С.146.
- ¹² Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С.218-220.
- ¹³ Антология... С.54-55.
- ¹⁴ Цит. по: Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. – М.: АОЗТ «Эпоха», изд-во «Русская книга», 1995. – С.373.
- ¹⁵ Там же, с.394.
- ¹⁶ Вессель Н.Х. Сборник солдатских, казацких и матросских песен. – СПб., 1875. – С.38.
- ¹⁷ Кабардинский фольклор. – С.366.
- ¹⁸ Там же, с.368.
- ¹⁹ Там же, с.374-376, 386-387, 425-426; Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Книга вторая. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – С.87-93.
- ²⁰ Клычников Ю.Ю. Российская политика... – С.459-489.
- ²¹ Кабардинский фольклор. – С.372-373.
- ²² Фольклор адыгов... – С.71-72.
- ²³ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Эссентуки, 1999. – С.33-34.
- ²⁴ Материалы для истории Дагестана // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. – Вып. II. – Репринтное издание. – М.: МНТПО «Адир», 1992. – С.42-44.
- ²⁵ Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. – Владикавказ, 1912. – Репринтное издание. – Пятигорск, 2002. – С.161-162.
- ²⁶ Цит. по: Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. – Махачкала, 1968. – С.145.
- ²⁷ Караулов М.А. Указ. соч. – С.130.
- ²⁸ Виноградов В.Б. Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет!» – Армавир, 2000.
- ²⁹ Цит. по: Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. – Краснодар, Изд-во «Крайбиколлектор», 2002. – С.61-62.
- ³⁰ Клычников Ю.Ю. Российская политика... – С.445.
- ³¹ Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. – Нальчик: «Эль-Фа», 2002. – С.303-305.
- ³² Фольклор адыгов... – С.225.

- ³³ Цит. по: Виноградов В.Б. Н.П. Слепцов – «Храбрый и умный генерал». – Армавир, 2000. – С.9.
- ³⁴ Караулов М.А. Указ. соч. – С.336.
- ³⁵ Там же, с.168.
- ³⁶ Там же, с.151.
- ³⁷ Там же, с.146.
- ³⁸ Там же, с.364.
- ³⁹ Клычников Ю.Ю. Осада Ахульго 1839 г. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: Материалы 8-й всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2003. – Ч.1. – С.17-19.
- ⁴⁰ Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. – Нальчик: «Эльбрус», 1973. – С.124.
- ⁴¹ Вессель Н.Х. Указ. соч. – С.4.
- ⁴² Кабардинский фольклор. – С.429-430.

Кузьминов П.А.
г. Нальчик

**Эмансипация зависимых сословий у народов Северного Кавказа в
контексте Кавказской войны**

Проблема социального освобождения зависимых сословий одна из наиболее важных в отечественном кавказоведении. Уничтожение любых форм эксплуатации человека человеком всегда оценивалось как гуманная и благородная задача, работающая на все общество. Ликвидация эксплуатации открывала дорогу к модернизации и просвещению общества. Но российская администрация, освобождая зависимых и рабов горцев, в то же время подвергала их колониальному угнетению, захватывала миллионы десятин земли, уничтожала тысячи аулов, выселяла сотни тысяч людей в Турцию. Что важнее в этом процессе? Ответа нет, да и не может быть, но знать обе стороны противоречивого процесса мы обязаны.

Распространение власти Российского правительства на окраины государства поставило вопрос о правовом регулировании сословных отношений в этих регионах. После обсуждения вопроса последовал указ императрицы Елизаветы Петровны от 14 марта 1746 г., по которому «указом было решительно воспрещено иметь крепостных крестьян»¹. Несмотря на этот указ, крепостничество все же существовало и на Кубани, и на Тереке «в довольно значительных размерах и при этом в виде полного рабства, хотя и не проявлялось в таких крайних, нередко ужасных формах, как это сплошь и рядом бывало в других местностях России»².

По указу от 6 февраля 1754 г. владение крепостными людьми было предоставлено одному потомственному дворянству и военным,

дослужившимся до обер-офицерских чинов. Права эти были подтверждены и расширены Манифестами 18 февраля 1762 г. и 21 апреля 1785 г., причем последний разрешал «помещикам совершенно лишать крестьян земли и держать их как рабочую силу, или брать себе во двор для личных услуг, или же даже отдавать другим в найм, лишь бы крепостные люди по ревизским сказкам значились приписанными к тому или другому недвижимому имению»³.

Укрепление России в Предкавказье, строительство Кавказской военной линии, отсекающей степные просторы от горцев, остро поставило вопрос о «союзниках» внутри горских обществ, которые бы стали «защитниками» интересов метрополии в крае. Ими, как ни странно, для царского правительства стали зависимые крестьяне и рабы, которым за обещания принять христианство, давали свободу, землю, денежную помощь. Несмотря на низкое социальное происхождение этой категории, выбор оказался верным. Холопий вопрос, «страх кабардинских и других князей за спокойное обладание своими рабами, страх перед угрозой лишения рабской рабочей силы, той силы, без которой, как откровенно говорили князья, «мы пропадем»⁴, сделал горскую знать «мягче» по многим конфликтным вопросам.

Ведущей формой бегства крестьян в 50-60-е годы XVIII в. были индивидуальные побегы, которые постепенно сменяются групповыми и коллективными. Среди беглецов, по мнению Х. Ж. Берова, преобладали ясыри – рабы, которые составляли примерно две трети всех выходцев⁵. Моздок превратился в главный центр притяжения беглецов.

Во время русско-турецких войн (1768-1774 гг., 1787- 1791 гг., 1806-1812 гг. и др.) правительство из-за опасения перехода владельцев на сторону Турции отказывалось от открытой поддержки беглых крестьян, но выгоду социального «крючка» оно осознало. В общую присягу, взятую с кабардинцев в декабре 1779 г., «был внесен

специальный пункт, согласно которому «черный народ» имел право отходить от владельцев и поселяться в пограничных районах, если владельцы будут притеснять его непомерным повышением повинности и требованиями переселяться в другие места вместе с ними».

Этим постановлением, пишет В. К. Гарданов, «фактически было сведено на нет данное грамотой Екатерины II обещание кабардинским феодалам не принимать впредь убегающих от них «холопов», если даже они примут христианство»⁶.

В XIX в. правительство России пытается регулировать и контролировать отношения владельцев с их подданными. В 1804 г. был опубликован указ Александра I о запрещении торговли закубанским невольниками, а в 1808 г. приказано «всех ясырей считать свободными от рабства и предоставить им род жизни по собственному желанию каждого»⁷.

В 1810 г. представители кабардинского «черного» народа просили кавказскую администрацию, «что он, будучи чрезвычайно от владельцев и узденей своих притесняем и разоряем, желает, чтобы Российское Правительство приняло его под свое покровительство, и он согласен во всякое время оставить Кабарду и поселиться в границах наших, там, где благоугодно будет начальству назначить ему места к поселению на здешней линии»⁸. После долгого обсуждения администрация отклонила просьбу зависимых сословий, но сам факт обращения весьма симптоматичен.

В 1821 г. главнокомандующий Особым Кавказским корпусом генерал А. П. Ермолов издал распоряжение о том, чтобы «ногайцы не приобретали себе вновь ясырей, а ранее приобретенные не продавали бы без ведома начальства». Но в 1823 г., после «удачного военного похода в горы, было захвачено около 2 тыс. пленных, которых генерал Вельяминов предложил купить ногайцам по цене 150-200 руб. за

каждого. Понятно, что этот «совет фактически «отменял прежние ограничения работорговли и ногайцы неприменули этим воспользоваться и стали приобретать новых рабов»⁹.

В 1827 г. по указанию главнокомандующего Кавказским корпусом генерала Паскевича стали собирать сведения о ясырях Предкавказья. В г. Ставрополе были приглашены представители от всех кочующих магометанских народов Кавказской области для обсуждения вопроса о ясырях и об отношении к ним рабовладельцев. В принятом «Уставе для управления ногайцев и других магометан кочующих в Кавказской области» говорилось, чтобы «холопья оставались у тех именно хозяев, у которых они находились до приведения их в известность господином статским советником Ребровым (т. е. до 1823 г. – П. К.), без перехода из рук в руки (т. е. фактически запрещалось продавать, дарить, обменивать, закладывать своих рабов – П. К.), тем менее к армянам, грузинам, или российским чиновникам и дворянам, допуская однако ж из всего изъятие для тех только хозяев, кои пожелали бы принадлежащих им людей отпустить на волю»¹⁰.

На основании выработанных депутатами правил и заключения Паскевича, изложенного в его рапорте Правительствующему Сенату от 5 июня 1828 г., Государственным Советом 17 мая 1835 г. было принято специальное постановление «об отношениях кавказских ясырей или холопов к их владельцам», где в 23 пунктах регламентировались отношения ясырей и владельцев¹¹ и вели к постепенному уничтожению рабства в будущем. Этим же законом было уничтожено само название «ясырь», означавшее раб, невольник, как несвойственные для России. Как и ранее принятые законы, регламентирующие социальные отношения у народов Северного Кавказа, не «работал» и этот, поскольку в самой России «белое рабство» по-прежнему процветало.

Как известно, в 1822-1825 гг. в Кабарде было несколько антироссийских восстаний, во время которых часть князей и уорков бежало в горы и за Кубань. Кавказская администрация в лице генерала Ермолова в специальных прокламациях, данных кабардинскому народу в 1822 г., объявила о конфискации земель бежавших феодалов. Зависимые крестьяне этих феодалов получали свободу и становились вольноотпущенниками или азатами¹². По мнению В. Кажарова, за 20 лет, с 1825 до середины 40-х годов XIX в. численность азатов удвоилось и составила две трети населения Кабарды. Надо полагать, что к середине 60-х годов XIX в. их численность еще больше увеличилась. Между тем, по «Спискам» 1825 г. они составляли только 32,4% населения Кабарды¹³. Таким образом, благодаря влиянию царской администрации тысячи зависимых крестьян получили свободу. Процесс эмансипации в Кабарде стал мощным социальным явлением. Так ли это было на самом деле, предстоит еще детально проверить, поскольку за исключением рапорта начальника Центра Кавказской линии Голицына в 1845 г.¹⁴, на который ссылается В. Кажаров, аналогичных документов в ЦГА КБР обнаружить пока не удалось.

Распространение идей тариката и мюридизма в 20-30-е годы XIX в. привело к возникновению теократического государства – имамата Шамиля. Пытаясь расширить социальную опору среди горцев Шамиль не только пропагандировал идеи равенства людей, но, разгромив и подчинив Казикумухское ханство или Кайтагское уцмитство, освобождал рабов и отдельные категории зависимых крестьян. Численность освобожденных неизвестна, но рабы и зависимые, вступив в ряды мюридов, становились свободными. Да и крупные феодалы, имевшие десятки или сотни ясырей, вынуждены были учитывать возможные появления набов Шамиля в крае, что «смягчало» гнет и давление владельцев.

Видимо, под влиянием этих идей в условиях военного противостояния с народами Северного Кавказа, кавказская администрация приняла постановление о том, что «все зависимые крестьяне, холопы, рабы, изъявившие готовность принять православную веру, начиная с 1858 г. освобождаются от крепостной неволи»¹⁵. Мера эта, по-видимому, оказалась действенной, поскольку были отмечены случаи «множественного обращения к православному духовенству принять их в христианство с целью получить свободу из холопства»¹⁶. Штаб войск левого крыла Кавказской линии получал много прошений и жалоб от владельцев, утверждающих что «холопы не с убеждением крестятся, потому как не имеют к тому душевных призваний, а дабы избавиться от нашей власти», и просивших администрацию «отменить прежнее свое распоряжение и приказать духовным лицам, не допускать холопов тайно, без соглашения с владельцами к православию, т. к. они теряют всякую надежду на сохранение своей собственности, ибо одни холопы получают свободу бегством к непокорным горцам (ее дарует им Шамиль), а другие принятием христианства»¹⁷. Под давлением владельцев в конце 1859 г. были обнародованы новые условия «для горцев, изъявивших желание принять российскую веру», которыми распоряжение 1858 г. по существу отменялось.

19 февраля 1861 г. Александр II подписал «Манифест о все милостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта» и еще 16 законодательных актов, которые сформировали законодательное поле освобождения крепостных крестьян и наделения их землей¹⁷. В число 16 законодательных актов вошел «Высочайший указ Правительствующему Сенату о приведении к одним общим началам всего сельского населения в государстве, кои состоят в даровании всему этому населению личной свободы и права причисляться к городским и сельским обществам»¹⁹.

Этот указ Александра II оказался незаслуженно забыт исследователями, но именно он стал правовой основой для освобождения зависимых сословий в Предкавказье.

Проведение реформы в Ставропольской губернии соответствовало общероссийским принципам, разработанным Редакционной комиссией в 1859-1860 гг. и утвержденным Александром II 19 февраля 1861 г. Но освобождение зависимых крестьян у горцев проходило на принципиально иных основаниях. Крестьяне при освобождении должны были, в соответствии с нормами обычного права и решением кавказской администрации, заплатить выкуп за свою личную свободу и отдать часть движимого имущества (от половины до двух третей) владельцу.

Земля же на плоскости и в предгорных районах была объявлена собственностью казны, и правительство взяло на себя ответственность в ее распределении. Владельцы зависимых крестьян и офицеры Кавказской армии, в соответствии с феодальной иерархией и чином по службе, получали землю в частную собственность: от 100 до 1500 десятин на душу мужского пола (д.м.п.). Крестьяне также бесплатно наделялись общим аульным наделом, который периодически перераспределялся между дворами.

Исследуя крестьянскую реформу на Ставрополе М. Баркалов выделил четыре вида крепостного состояния:

1. Обыкновенные крепостные отношения помещиков к крестьянам.

2. Ясыри – то есть холопы, рабы, невольники (у представителей кочевых и горских народов – *П. К.*) сосредоточены были в Пятигорском и Кизлярском уездах.

3. В Туркменской, Ногайской и Карачаевской (так у автора – *П. К.*) степях находились в зависимости от кочевых народов особого рода

холопы, которых Главное Кавказское начальство считало также ясырями.

4. В Большедербетовском улусе существовали крепостные люди, находившиеся под властью местного нойона и зайсангов²⁰.

По сведениям Ставропольской Казенной палаты численность крепостных составляла 7694 д.м.п.²¹ Число женщин крепостных по X ревизии составляло 7759 душ²². Всего 15453, но эти данные касались только первой группы, остальные виды зависимого населения не вошли в этот список.

Под влиянием процесса эмансипации русских крепостных, главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии надворный советник Мевес предложил приставам кочующих народов склонить владельцев к освобождению ясырей. 13 декабря 1861 г. штабс-капитан Иванов обсудив вопрос «с трухменцами убедил их утвердить приговор, в котором владельцы отказались безвозмездно от права владения и предоставили 700 холопам полную свободу»²³. Характерно, что в представленном приговоре владельцы обосновывают свое решение волей Александра II: «...теперь же, чтобы не остаться равнодушными в предпринятом Государем уничтожении прежнего крепостного состояния, мы освободили своих крестьян и рабов, чтобы они пользовались отныне такою же независимостью, какою пользуемся и мы»²⁴.

Пристав Караногай-Едишкульского народа поручик Гриневич в марте 1862 г. «следуя примеру трухменского пристава, успел, при содействии почетных в народе сем, склонить вверенный ему народ к согласию на уничтожение у себя ясырей»²⁵. Так было освобождено еще 300 невольников, т. е. всего более 1000 чел.²⁶ На освобожденных было распространено действие «Положение 19 февраля 1861 г. об устройстве

дворовых людей как в отношении приписки их к обществам так и в отношении льгот им при сем случае даруемых»²⁷.

В 1861 г. мировым посредником Федоренко было освобождено 227 ясырей обоего пола, принадлежавших магометанам Пятигорского уезда, в том числе ногайцам²⁸.

В 1865 г. были освобождены последние 153 ясыря²⁹. Таким образом, общая численность освобожденных ясырей достигает 1400 д.об.п., а вместе с крепостными помещиков около 17 тысяч.

По мнению большинства историков, кубанское и терское казачество не испытало язвы крепостничества, а социальные отношения строились на основе вольнолюбивых казачьих традициях³⁰. Элементы сословного разложения и случаи закрепощения казаками сироты, беглых, бродяг, драбантов и др. отмечали немногие исследователи³¹.

Точно определить количество крепостных среди казаков на сегодняшний день невозможно. Это объясняется тем, что владельцы-казаки уклонялись от регистрации своих крепостных. Для подсчета крепостных Г. Я. Крыжановский использовал такой оригинальный документ как исповедальные росписи, которые велись священниками в своих приходах. По его данным, в 1800 г. в г. Екатеринодаре, г. Тамани и 24 куренях было 845 д.об.п. крепостных. Но это число не отражает реального количества зависимых, т. к. исповедная роспись сохранялась не вся³². По сведениям Шамрая в 1852 г. таковых было 1045 д.об.п.³³

Помимо собственно русских крепостных, принадлежащих казакам, была еще одна категория зависимых, записанных за офицерами-горцами, вступивших в Кубанское казачье войско. По выявленным нами документам в Гривенской Черкесской станице зависимых горцев было 135 д.об.п., в Переясловском поселке – 14 д.об.п., в Татарском поселке – 14 д.об.п.³⁴, в армянском поселке Армавир – 207 д.об.п.³⁵

В Терском казачьем войске на 29 января 1863 г. таких «неучтенных» числилось: 1. В 1-й Волгской бригаде – 247 д.об.п.; 2. В Горском казачьем полку – 74 д.об.п.; 3. В Моздокском казачьем полку – 3 д.об.п.; 4. Не приписаны нигде – 2 д.об.п. Всего – 326 д.об.п.³⁶

Решением Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича «крестьяне и холопы, находившиеся у казаков из туземцев, объявлены свободными 21 сентября 1864 г.»³⁷. Всего, таким образом было освобождено еще около 700 чел.

Известия об освобождении зависимых сословий у казаков-горцев быстро распространилось по всему Северному Кавказу. С этого момента вопрос об эмансипации зависимых крестьян у горских народов Северного Кавказа становится делом времени.

Подведем итоги. Кавказская война – это сложное многогранное явление. В процессе военного противостояния обе стороны вынуждены были «заигрывать» с крестьянством, искать его социальной поддержки, по этому проводят ряд мер ограничивающих рабство в крае.

Освобождение крепостных в Ставропольской губернии в Кубанском и Терском казачьем войсках активизирует антифеодальные выступления зависимых сословий горцев и, в свою очередь, толкает феодальную элиту к переселению в Турцию, чтобы сохранить свою собственность – своих подвластных крестьян.

Примечания:

¹ Крыжановский Г. Я. Крепостное право в земле Черноморского, ныне Кубанского казачьего войска // ИОЛИКО. Вып. 5. Екатеринодар, 1912. С. 123.

² Там же. С. 128.

³ Пиччета В. И. Крестьянский вопрос и отношение к нему Правительства и общества в первой четверти XIX в. // Крепостное право в России и реформа 19 февраля 1861 г. СПб., 1902. С. 74.

⁴ Скитский Б. В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды. 1739-1779 гг. Владикавказ. 1930. С. 5.

- ⁵ Беров Х. Ж. Изучение антифеодального движения адыгских народов в советской исторической литературе // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик. 1992. С. 79.
- ⁶ Гарданов В. К. Классовая борьба в Кабарде и Балкарии в XVIII в. // История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. М., 1967. С. 156.
- ⁷ Об освобождении от рабства всех невольников, известных под именем ясырь и о предоставлении им свободы избрать род жизни. Именной указ Александра I данный Херсонскому Военному Губернатору. // ПСЗРИ. 2-е изд. 1857. Т. XXX. 1808. Ст. 22925.
- ⁸ Рапорт ген.-м. Делькоццо ген. Торماسову от 12 февраля 1810 г. Прохладная // Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Нальчик, 2000. С. 274.
- ⁹ Рудановский А. О. О ясырях // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 235.
- ¹⁰ Шамрай В. С. Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы относящиеся к этому вопросу. // Кубанский сборник. Т. 12. Екатеринодар, 1907. С. 25.
- ¹¹ ПСЗРИ 2-е изд. 1857. Т. 10. Отд. 1-е. 1835. Ст. 8138.
- ¹² Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX. Нальчик, 1965. С. 141.
- ¹³ Кажаров В. Х. Кризис феодализма в Кабарде и вторичное закрепощение крестьян. // Сборник статей молодых ученых и аспирантов АРИГИ. Майкоп, 1993. С. 50.
- ¹⁴ Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Собрал и подготовил к печати Б. А. Гарданов. Нальчик, 1956. С. 120, 374, 375.
- ¹⁵ ЦГА РСО-Алания, Ф. 12. Оп. 6. Д. 1236. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Д. 1254. Л. 7.
- ¹⁸ Эти законы кодифицированы в ПСЗРИ. Собр. 2-е. Отд. 1-е. Т. 36.
- ¹⁹ ЦГИА, Ф. 545. Оп. 1. Д. 3301. Л. 65.
- ²⁰ Баркалов М. По значению реформы 19 февраля 1861 г. для Ставропольской губернии. Ставрополь, 1911. С. 5.
- ²¹ ГАСК. П. 1279. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.
- ²² Там же. Л. 117.
- ²³ Шамрай В. С. Указ. Соч. с. 68-69.
- ²⁴ ГАСК, Ф. 249. Оп. 2. Д. 50. Л. 9.
- ²⁵ Шамрай В. С. Указ. Соч.. С. 71.
- ²⁶ Там же. С. 84, 85. Эти сведения Шамрая В. С. подтверждаются архивными материалами. См., например: ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 23. Л. 82; Д. 33. Л. 4 и др.
- ²⁷ ГАСК, Ф. 249. Оп. 2. Д. 50. Л. 49.
- ²⁸ Шамрай В. С. Указ. соч. С. 83.
- ²⁹ Там же. С. 81.
- ³⁰ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1859; Он же. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. СПб., 1880; Короленко П. П. Черноморцы. СПб., 1877; Бентковский И. В. Гребенцы. М., 1889; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1, 1913. Т. 2; Потто В. А. Два века Терского казачьего войска. Владикавказ, 1912 и др.
- ³¹ Крыжановский Г. Я. Указ. соч.; Щербина Ф. А. Из истории освобождения крестьян. // Кубанский край 1911. 19 февраля; Голобуцкий В. А. Беглые и крепостные на Кубани в дореформенный период // Ученые записки Казанского гос. университета.

Т. 114. Кн. 8. Казань, 1954; Шевченко Н. Г. Черно-морское казачество в конце XVIII – первой половине XIX в. Краснодар, 1993 и др.

³² Крыжановский Г. Я. Указ. соч. С. 128.

³³ Историческая справка к вопросу об освобождении крепостных в Ставропольской губернии и Черномории и документы, относящиеся к этому вопросу. Составил В. С. Шамрай // Кубанский сборник. Т. 9. Екатеринодар, 1902. С. 59.

³⁴ ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 34. Л. 25-34.

³⁵ Там же. Д. 24. Л. 81.

³⁶ Там же. Д. 32. Л. 87-118.

³⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 719. Л. 4.

Курмангулова Ш.А.
г. Черкесск

Кавказская война в ногайском фольклоре

Ногайцы (самоназвание – ногайлар) образовали диаспору не только на исторических местах их проживания, но и в странах дальнего зарубежья. В настоящее время в России ногайцы преимущественно проживают в Ставропольском крае, Карачаево-Черкесской республике, республике Дагестан, Астраханской области, Чеченской республике. Большинство ногайцев оказались в силу исторических причин (Кавказская война) в Турции, Румынии, Болгарии, Афганистане, Голландии и в других странах мира. По данным интернет от 21 марта 1998 г., ногайцев в мире насчитывается около четырех миллионов. Только в Турции более 50 ногайских аулов (1). Ногайцы эти сохранили свой язык, свою самобытную культуру.

Тема участия ногайцев в Кавказской войне почти не изучена. Мы в данной статье коснемся отражения Кавказской войны в ногайском фольклоре.

Прежде немного истории. Предки ногайцев обитали на Северном Кавказе с IV века, «...а кочевья Ногайской Орды известны с XIV в., когда «у Пятма Орда пашню пахала» (2). Для ногайцев война началась на Кавказе в 1770-е гг. и закончилась истреблением и переселением народа в 1860-е гг. Это исторический факт. Во главе русской армии стоял Суворов. Под его командованием, в прямом смысле слова, истребляли, резали стариков, женщин и детей. «Больше десяти тысяч ногайских тел лежало на десятиверстном пространстве» (3). В сражении погибла и часть адыгов, помогавших ногайцам (4). Вот как пишет об этом Р. Керейтов «Царские войска взяли в плен тысячи людей, захватили

огромное количество скота, имущество. Цвет народа –мурзы-были уничтожены. После этой «победы» А. В. Суворов сказал: «Ногайский вопрос для России решен раз и навсегда!» (5). Спасаясь от суворовских войск, которые «ручьями проливали ногайскую кровь», ногайцы тысячами стали переселяться в Румынию, Турцию и в другие страны. От ногайцев любым путем решила избавиться царская Россия. Ногайцы, обитавшие на Юге России, особенно на Кубани, были буфером между горцами и Россией. Они мешали осуществлению плана царской армии. Поэтому было принято решение убрать с дороги «буфер» (т. е. ногайцев), чтобы легче было завоевать Кавказ. Поэтому было решено депортировать ногайцев. Депортация ногайцев преследовала двойную цель: Турция не сможет влиять на ногайцев, ногайцы не будут угрожать южным границам России.... Депортация столь большого количества населения открывала прямую дорогу царским войскам в горы Северного Кавказа, облегчала покорение здешних народов» (6). Огромное бедствие испытывали ногайцы: голод и холод, нищета на чужбине унесли многие жизни. Только в районе Пятигорска до переселения ногайцев было 40 ногайских аулов. После их переселения земли были отданы казакам, румынам, русским. Такая трагическая жизнь ногайского народа не могла не отразиться в фольклоре. Тема Кавказской войны нашла отражение и в произведениях поэтов-писменников 18 в.

Таким образом, махаджирство началось для ногайцев еще в 17 веке. Эта важнейшая тема нашла свое отражение в фольклоре. «Борьба за Кавказ» – так называется раздел в «Сокровищнице слов», собранной просветителем ногайского народа А. Ш. Джанибековым. Сюда вошли: «Песня о Досмамбете Азовском» («Азавлыдынъ эр Досмамбет йыры», «Песня об Умбет –батыре» («Умбет-Али баьтирдинъ йыры»), «Кубанская битва» («Кобан согысы»), «Песня об Асрланбеке» («Арсланбек мырза йыры»), « Песня об Джанбулате» («Ян-Болат»),

«Песня о Шамиле» («Шейх Шамиль»), «Песня о переселении в Турцию» (Стамбулга коьщуьв йырлары» и другие. А. И. -М Сикалиев, известный ногайский фольклорист, в своей книге « Если просите спою» («Айт десенъиз, айтайым»...) из многочисленных, собранных им материалов, дает несколько песен о Кавказской войне, среди них «Маажир йыры» («Песня о махаджирстве») и «Стамбулга коьщуьв» («Переселение в Стамбул»). В песнях о Кавказской войне указываются события реальные, называются места боев, имена исторических деятелей, каждая песня названа именем участника войны, т. е. содержание песен становится конкретнее, реалистичнее. Этому способствует и появление в песнях бытовых зарисовок. В «Сокровищнице слов» («Собъз казнасы») А. Ш. Джанибекова цикл песен о Кавказской войне назван «Борьба за Кавказ» («Кавказ уьшин куьрес йырлары»). Такая конкретизация названия раздела имеет глубокие корни. Мы не ставим цели анализировать все произведения, а остановимся только на двух песнях «Маажир йыры» и «Переселение в Стамбул». В песнях очень много топонимов: «Ак Кобаннынъ ягасында» («На берегу белой Кубани»), «Лаба агашы» («Лес Лабы») «Анапа» (Стамбул, Кара), «Тенъиз» (Черное море), Эдил, Яйык (Волга, Яик), Иртыш, Суджук-Кала (ныне Новороссийск), Канглы (Куми), Кериш (Керчь), Крым, Ак Мешит (Белая мечеть), и другие. В песнях также указываются конкретные имена людей, которые были виной бедственного положения ногайцев. Названы подлинные имена и героев, которые были удостоены всех почестей народа, высказывали высокие слова любви к ним, гордились их подвигом. Народ также клеймил позором тех, кто предал интересы народа ради своей выгоды заставил ногайцев переселиться в Турцию. О героях народ рассказывает с большой любовью, описывая их жизнь с самого рождения до самой смерти. Такой прием характерен и для ногайского героического эпоса.

В песне «Маажир йыры» воссоздается картина вынужденного переселения ногайцев, как и народов Северного Кавказа и Дагестана, в Османию. Эти песни полны драматизма, горести. Чтобы описать трагизм происходящего, народ находил самые нужные, самые чувствительные, самые горестные слова. В песне рассказывается, как заманили в Турцию ногайцев, те, кто раньше уехал. Они писали: «Эй, ногайцы, приезжайте в Османию. Только здесь найдете вы свое счастье». И потянулись ногайцы на чужбину, «за ними многочисленные черкесы пошли» – поется в песне. Ногайцы кумыкам продали скот, табунами лошадей. Но недалек был их путь. В Керчи корабль, на который они сели, стал тонуть. Их беды начались «со своего порога». Османлыга шеркеш пинен тенъ кеттик,

Стамбулдынь шабарине тез еттик.
 Еткен ушин бу гавирден не таптык?
 Аьр авылда ялшы крым татарлар,
 Шеркешлер тутып кызын сатарлар,
 Аьр калада неше мынь ногайлар,
 Вай, кырылып толган уллы тогайлар.
 Суьеклерин туьрклкр ювмай атканлар,
 Калганлары балаларын сатканлар.
 В Османию уехали наравне с черкесами
 До города Стамбула мы доехали быстро.
 Доехали, но что мы там нашли?
 В каждом ауле полно наемных татар,
 Черкесы возьмут и своих девушек продадут,
 В каждом городе тысячами ногайцы,
 Вай, трупами полно большое поле.
 Трупы турки, не обмывая, бросали в могилу.

Люди, оставшиеся в живых, продавали своих детей.

(Перевод подстрочный Ш. К.)

В конце песни народ посылает проклятие тем, кто так жестоко их обманул. «Пусть наши проклятия дойдут до турков, которые продали свою совесть за грош». В песне объективно описана жизнь ногайцев на чужбине. В ней не видна вера в будущую, светлую жизнь. Народ не надеется, что когда-то они вернуться на Родную землю и сделают глоток воды из Белой Кубани.

«Махаджирство – сложное историческое явление. В нем переплелись государственные, сословные, личные интересы втянутых в него стран и народов. Эти грани махаджирства, в общем-то, уловлены устной поэзией. В ней недвусмысленно сказано о неблагоприятной, можно сказать, предательской роли некоторых ногайских князей и служителей религиозного культа (муллы-обманщики, мурзы из собачьего рода обманули нас).

Историческая устная поэзия ногайцев достаточно полно воссоздала панораму Кавказской войны – разорение аулов, сожжение полей, уничтожение людей. На чужбине народ хорошо понял, чего он лишился. Тех, которые хотели вернуться обратно, не пускали, ибо был дан приказ как можно меньше возвращать их на родину. Вспоминая Кавказ, говорят хоть плохо нам и жилось, но на родине вода – шербет, земля – джендет».

Яйылып кырда яшаган,
 Кымызы ман кой йилигин ашаган,
 Эллерден эллер обтип макталган
 Айдынлы ногай юрты тас болды.
 На просторной степи жили мы,
 Кумыс пили, ели жирную барашку.
 О славе нашей знали во всех краях.

Великий ногойский юрт(страна) исчезла.

Кобанда тарам-тарам тогай бар,

Тогайы толы ногой бар!

Бу не деген Кобан толы Эл эдик,

На большой долине Кубани,

Долина полна ногойцами.

На Кубани были большой страной.

И далее, дружно жили черкесы и ногойцы на берегу Кубани.

И после их выселения опустела эта земля».

Используя в песне прием гиперболы, чтобы показать, насколько хороша родина, отчий дом, говорится: у нас ежевика – размером с сердце, облепиха – как лопата, лягушки блеют как барашки, а рыбы резвятся как жеребята и т. д. Положение переселенцев в Турции стало невыносимым. Многие захотели вернуться домой, на Родину. Ногойцы из сорока аулов (Кырк авыл) Пятигорья смогли вернуться столько, что составили еле один аул Канглы. Но их земли давно уже были заняты румынами, затем казаками. «О том, что аул был образован из множества мелких аулов, говорят наименования кварталов современного аула Канглы: Каншау-аул, Крымгерей – аул, Кез-аул, Бапий-аул, Янакпат, Эски аул, Шом –аул, Эрк-аул, Найман-аул и т. д. ».

Трагедией народа состояла и в том, что «Уход в Турцию в 80-х г. XVIII в. свыше 700 тыс. кубанских и северопричерноморских ногойцев привел к гибели большей части духовной, в т. ч. письменной (книжной) культуры, созданной ногойским народом», – пишет А. Сикалиев.

Но оставшимся трудно было восполнить утраченное. Даже в этих условиях ногойцы смогли сохранить свою самобытную культуру. В этой связи хотелось бы привести слова известного исследователя кавказских языков-кавказоведа, генерал-майора барона Услара: «Письменность нужна (кавказцам – Ш. К.) не для того, чтобы создать литературу на

родном языке, -они ее никогда иметь не будут, а для того, чтобы облегчить им усвоение русского языка.» (Революция и письменность. 1934. С.33). Не оправдались прогнозы Услара. Великие ногайские поэты-письменники 14-18 вв. Шал-Кийиз Тиленши улы, Досмамбет Азавлы, Асан Кайглы, Казтуган, Эльбурган Найман улы и другие в своих произведениях поднимали такие животрепещущие вопросы своей эпохи, как укрепление и развитие дружбы ногайского народа с горскими народами Северного Кавказа и с Россией. Знаменитый Шал-Кийиз (14 в.) в своем стихотворении «Красавец-кабардинец», воспевал дружбу между ногайцами и кабардинцами. Он долгое время жил на Куме, принимал гостей из Кабарды и сам ездил к ним в гости.

Красавец-кабардинец луноликий
 Сегодня у меня в гостях танцует,
 А в казане моем кипит для гостя
 Голова черного ногайского барана.
 Перед глазами белые вершины
 Кавказских гор, но к ним не устремлюсь я
 В поход за кабардинскими конями.
 Я сам сегодня ни скота, ни жизни
 Не пощажу за жизнь моего гостя –
 За светлого красавца-кабардинца.

Перевод Ф. Сидрахметовой.

На сегодня ногайцы имеют, как и все народы Кавказа, свою художественную литературу, сохранили самобытную культуру. Несмотря на то, что ногайцы живут на всей территории Юга России, представляют целостную историю и культуру, имена таких писателей как Х. Булатуков, Ф. Абдулжалилов. С. Капаев. К. Оразбаев, Б. Абдуллин, К. Кумратова, М. Киримов, А. Киреев, И. Капаев, К. Темирбулатова, Б. Кулунчакова, М. Аубекижев, М. Авезов, Е.

Булатукова, А. Найманов известны далеко за пределами России. Трагедия Кавказской войны нашла отражение в поэзии С. Капаева «Ставрополь-крепость дружбы», И. Капаева в повести – эссе «Уплывающие тени», в поэме К. Кумратовой «Хранитель огня», о переселение ногайцев в Румынию.

В настоящее время осмысливается ногайскими учеными деятельность просветителей ногайского народа. Так, в марте этого года был открыт бюст просветителю, народному учителю, поэту М. К. Курманалиеву в селе Терекли-Мектеб.

Тема Кавказской войны нашла отражение в монографических исследованиях ногайских ученых-историков А. Кочекаева, Р. Керейтова, Д. Кидирниязова, А. Курмансеитовой и других. В стенах Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований создается ногайскими учеными – лингвистами С. Х. Калмыковой и М. А. Булгаровой фундаментальный труд: «Ногайско-русский словарь» объемом 100 печатных листов. Это самое малое из того, что делается сегодня для возрождения культуры народа. Великий поэт XIV в. Шал-Кийиз Тиленши улы о продолжении жизни на земле, о славе Родины и народа сказал так: Но тот, кто будет славить жизнь

Народа своего,
 Хоть и умрет, и песнь о нем
 Останется в веках.
 Умрете вы, умру и я,
 Людей бессмертных нет.
 Но всем, живущим после нас, –
 Пусть мыслей наших след
 Останется, и вы тогда
 Споете все и скажите за нас!

Примечания:

- ¹Кидирниязов Д. С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XV-XIX в. в. Махачкала, 2003. С. 189.
- ²Керейтов Р. Х. К истории участия ногайцев в Кавказской войне. Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 98.
- ³Кидирниязов Д. С. Указ. соч. С. 168.
- ⁴Керейтов Р. Х. Указ. соч. С. 93.
- ⁵Сикалиев А. И. -М. Ногайская литература XVI-начала XXвв. //Вестник КЧИГИ. Карачаево-Черкесия :история и культура. Выпуск второй. Черкесск, 2002. С. 228.
- ⁶Булгарова М. А. Ногайская топонимия. Старополь, 1999. С. 172-173.
- ⁷С. 168.
- ⁸Айт десенъиз, айтайым: Сб. ногайских народных песен. (Сбор, подгот. текстов, сост. А. Сикалиева.) – Черкесск, 1971. С. 27, 31.
- ⁹Шал-Кийиз. Скажут наши слова. Махачкала, 2003. С. 86

Кумпан В.А.
г. Краснодар

Миграционная политика царской администрации в отношении адыгов Северо-Западного Кавказа (1864-1917 гг.)

Переселенческая политика на протяжении веков оставалась серьезным рычагом, в управлении полиэтническим населением. Правительство стремилось создать на своей территории такую структуру населения, которая позволяла бы достигать стоящих перед ним целей. Данная задача ставилась российской администрацией и после завершения войны на Северо-Западном Кавказе в отношении проживавших здесь адыгов.

История изучения данной проблемы в нашей стране, с одной стороны, обширна, а с другой стороны в ней существуют дискуссионные вопросы. Один из наиболее разработанных и спорных вопросов, в отечественной исторической науке в русле миграционной политики на Северо-Западном Кавказе – махаджирство.

Начало исследованию выселения горцев в середине XIX в. в Турцию было положено А.П. Берже, который, будучи российским чиновником, смог понять и прочувствовать всю горечь выселяющихся с родины на чужбину горцев¹. Здесь же возникает традиционный для нашей страны вопрос «кто виноват?».

В советское время ответ на данный вопрос отечественными историками, как говорится об этом в историографическом очерке П.У. Аутлева, давался такой: единственной причиной махаджирства является царская политика². Хотя, следует отметить, что советская историческая наука переживает в своем развитии определенную эволюцию. Существовало мнение, исходившее из тезиса: «Российская империя – тюрьма народов», что «переселенческой политикой на Кавказе царизм преследовал двоякие цели – с одной стороны, он выселял из центральных районов малоземельных

крестьян, боровшихся с помещиками, а с другой, он разжигал национальную вражду между русскими и кавказскими крестьянами»³.

Традиция подобного подхода сохраняется и развивается в постсоветский период. Т.В. Половинкина считает, что «процесс изгнания адыгов осуществлялся при полном взаимодействии трех империй: Российской, Османской и Британской»⁴.

Крайняя точка зрения предполагает, что миграционная политика царского самодержавия была геноцидом в отношении адыгов. Х. Мамбетов среди основных причин «неслыханного геноцида» выделяет следующие: «жестокая захватническая политика русского царизма, его стремление, во что бы то ни стало уничтожить свободолюбивый дух горцев Северного Кавказа и в первую очередь адыгов, подчинить их своей власти, превратить их в своих рабов».

Вывод, к которому приходит Мамбетов, звучит так: «Несомненно, основной причиной переселения адыгов в Турцию является жестокая колонизаторская политика царизма. Русский царизм – основной виновник трагедии адыгских народов и главный ответчик за гибель десятков, сотен тысяч безвинных адыгов»⁵.

В современной исторической литературе существует традиция считать, что « царское правительство проводило политику геноцида, завоевания чужих земель, что ярко проявилось, – по мнению Т.Х. Кумыкова, – в акте выселения полумиллионного горского народа». «В результате принятых экстраординарных мер край почти обезлюдел к маю 1864 г. ... Это был страшный геноцид, который не имеет аналогов в истории...». И в то же время «Выселение обошлось казне в сумму около 300 тыс. рублей»⁶.

Несколько по иному акценты расставляют А.Х. Касумов и Х.А. Касумов, определяющие «насильственное изгнание горцев... за пределы Родины» как «крупнейший акт геноцида адыгского и убыхского народов, учиненный царским самодержавием». Вину за данное явление авторы разделяют также между правительствами «Османской империи и западных

держав Англии и Франции»⁷. Этой же точки зрения с некоторыми вариациями придерживается Н. Бэрэддж: «Политика геноцида стала одной из главных причин изгнания черкесов»⁸.

В отношении причин махаджирства нельзя согласиться с позицией М.Х. Шебхузова, который редуцирует их все к одной, и считает ее самодостаточной. По его мнению, «это жестокая захватническая война царской России против адыгов». Данная точка зрения вполне приемлема для марксистской науки, сводящей всю сложность исторической жизни к экономике, но и в ней противоречит принципу всесторонности изучения объекта⁹.

Тем более что существует и иная историографическая традиция. В.А. Матвеев обращает внимание на бессмысленное, с точки зрения сторонников положения о геноциде кавказских горцев, оказание им материальной поддержки¹⁰.

Х.Ш. Муфти отдает приоритет среди причин махаджирства агитации Турцией за переселение¹¹.

А.Х. Касумов, отмечает «выселение адыгов... было официальной правительственной мерой царского самодержавия», но следует учитывать и другие факторы. Как далее отмечает исследователь, они были экономические, социальные, религиозные¹².

Наиболее адекватно происходившим событиям, на наш взгляд, махаджирство характеризовал, опираясь на документальные свидетельства, Б.М. Джимов: «Настоящей трагедией обернулось переселение части адыгов в Турцию». И среди основных причин этого явления назвал: 1) стремление горских феодалов сохранить за собой принадлежавших им рабов, которые были бы освобождены самодержавной властью, как и крепостные крестьяне в России в 1861 г.; 2) агитация мусульманского духовенства за махаджирство, переселение в единоверную Турцию; 3) агитацию османских эмиссаров; 4) поощрение, выделение из средств царской администрацией¹³.

Тезиса о наличии комплекса причин переселения адыгов в Турцию

придерживаются также А.Х. Касумов, Х.А. Касумов, Д.А. Напсо, С.А. Чекменев¹⁴, М.М. Блиев, В.В. Дегоев¹⁵, А.М. Авраменко, О.В. Матвеев, П.П. Матющенко, В.Н. Ратушняк¹⁶, А.В. Авксентьев, В.А. Шаповалов¹⁷, В.А. Матвеев¹⁸, Ф.П. Тройно¹⁹, А.Н. Дьячков-Тарасов²⁰.

Подводя итог историографическому обзору, мы присоединяемся к сложившейся в отечественной исторической науке традиции, в рамках которой указывается на следующие причины махаджирства:

1. Политика самодержавия, предполагавшая переселение горцев на равнину, либо выселение в Турцию.

2. Агитация адыгских феодалов, не желавших отмены крепостного строя.

3. Агитация Османских агентов, суливших блага в единой Турции. Очевидно, что любой из этих факторов мог инициировать махаджирство, но лишь их совокупность породила массовый исход адыгов в Турцию.

Для того чтобы установить, так ли это, проанализируем, на основе исторических свидетельств, задачи, методы и результаты проводившейся на Северо-Западном Кавказе переселенческой политики.

Первая задача, которая встала перед царской администрацией на Северо-Западном Кавказе после 1864 г. – покорение проживавших там горских народов. Кроме военных она решалась и мирными методами. Одним из методов, позволивших России одержать верх над горскими народами на последнем этапе, была переселенческая политика. Адыгским племенам предлагалось «или спуститься на плоскость или удалиться в Турцию»²¹, освободившиеся территории заселялись казаками, русскими крестьянами, иностранными колонистами и т.д.²². Стихийная колонизация сочеталась с целенаправленной правительственной политикой.

Как показала практика, наиболее эффективным стало переселение адыгейских этнических групп с гор на равнину между казачьими станицами, которые располагались кордоном между аулами и горами²³. Большинство

адыгов, поддавшись убеждению собственных феодалов и представителей османского правительства, эмигрировали в единоверную Турцию. Существует версия, что в обмен Россия предлагала переселиться в свои пределы христианам Ближневосточной Порты²⁴.

Выселение около 400 тыс. (по официальным данным²⁵) адыгов в Турцию (махаджирство) стало национальным бедствием для них²⁶.

В результате Северо-Западный Кавказ, по оценкам современников, в начале 60-х гг. был «слабо заселен и освоен»²⁷, и экономическая эксплуатация этого региона была в силу этого невозможна. В отечественной исторической науке существует традиция подчеркивать резкое снижение уровня экономического развития региона в результате махаджирства. К сожалению, достоверно оценить этот процесс невозможно. С одной стороны, отрицательную роль сыграло выселение экономически активного населения, с другой – прекращение военных действий – положительную²⁸.

Вопрос о переселении горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию, по мнению наместника на Кавказе, Великого князя Михаила Николаевича, состоял в тесной взаимосвязи с окончанием войны. Выселение – причина, окончание войны – следствие. Среди горского населения активно муссировались слухи о якобы существовавшем договоре Османской и Российской империй об обмене христианских подданных первой на мусульманских второй²⁹.

Говоря о национальной переселенческой политике, можно выделить несколько основных направлений: 1) переселение горцев в Турцию (махаджирство); 2) миграции горского населения по распоряжению правительства на равнину; 3) переселение в Кубанскую область различных этносов посредством целенаправленной политики и стихийное.

Следует учитывать, что сразу же после выселения основной массы адыгов в 1865 г. Попечитель горских народов Кубанской области отмечает: «В начале текущего года горцы Кубанской области» выступали за выселение в Турцию, «но вследствие энергичных мер, принятых начальниками, в

настоящее время они отказались это делать»³⁰.

В декабре 1865 г. наместник на Кавказе приказал «прекратить выселение горцев массами...», допускались лишь «одиночные выселения горцев таких, которых будет признано полезным, по каким-либо видам, не удерживать в крае...». Предполагалось даже наказание за обращение с просьбой о выселении в обход местного начальства³¹.

Уже с 1864 г. кавказская администрация ограничивает, а с 1867 г. запрещает «выселение горцев массами»³². С начала 1865 г. кавказское начальство затрудняло выезд горцев в Турцию, хотя определенных правил на этот счет не существовало. В 1867 г. наместник на Кавказе Великий князь Михаил Николаевич, объехав Кубанскую область, лично объявил офицерам, что переселение горцев в Турцию прекращается. Все прошения о выезде в пределы Османской империи с конца 1867 до 1873 гг. были оставлены без внимания. Лишь после ряда прошений, поступавших с 1871 г. осенью 1873 г., переселились 3400 чел.³³.

Отвечая на запрос имперского посла в Константинополе, наместник на Кавказе писал в 1867 г., что с окончанием войны он считает нужным препятствовать дальнейшему выселению «кавказских мусульман, мало-помалу начинающих приучаться к нашему управлению и обещающих со временем сделаться трудолюбивыми поселянами»³⁴.

Одиночное выселение поощрялось, т.к. предполагалось, что администрация, таким образом, освободит регион «от бесполезных и вредных личностей», упростив «труд администрации по дальнейшему устройству» Кавказа³⁵. Как пишет Я. Абрамов, «с половины 60-х гг. взгляды кавказских властей на значительное переселение черкесов радикально изменяется... местная власть стала всячески затруднять переселение черкесов в Турцию, а в 1867 г. безусловно запретила выезд горцев за границу»³⁶.

В 1874 г. Александр II, соглашаясь с предложенными мерами по поводу желаний горцев выселиться в Турцию, отметил: «Весьма желательно, чтобы оно не возобновлялось». Среди заинтересованных ведомств значились

Военное министерство, МВД, МИД³⁷.

После и в период завершения Кавказской войны кроме запрещенного массового с 1867 г. переселения в Турцию идет скрытое махаджирство³⁸.

«Всякими правдами и неправдами еще в 1873 г. выехали в Турцию несколько сот черкесских семей. Но когда в том же году оставшиеся на Кавказе бжедухи и абадзехи просили позволения выселиться поголовно, им это не только запрещали, когда они... настаивал, против них были двинуты войска... этот факт, – по мнению Я. Абрамова, – прекратил переселение горцев Западного Кавказа в Турцию»³⁹.

В 1874 г. наместник на Кавказе писал в докладной записке о том, что, зная о намерении значительного числа адыгов переселиться в Турцию и зная о пагубности их переезда по опыту прошлых лет, он, «дабы затруднить переселение, на первый раз подчинил выезд ... некоторым ограничениям и условностям». Но некоторое число семей выехало. В марте 1874 г. горцы отправили депутатов в Константинополь и с этого момента заявили, что «не признают над собой русской власти». Зачинщики были арестованы, в ряде аулов сменены старшины. Но в 4-х аулах горцы отказались подчиниться, туда были двинуты войска, «с прибытием которых бжедухи изъявили готовность покориться всем требованиям правительства, и выдали 10 человек главных виновников. Спокойствие водворено без употребления силы...». Выезд горцев в 1874 г. совершенно запрещен, арестованные сосланы в Сибирь⁴⁰.

В 1875 г. Военному министру была подана записка князя Зейн-Витгенштейна-Берглебурга «О пользе и возможности направить выселение кавказских горцев вместо Турции в Персию». Был сделан запрос наместнику на Кавказе. В ответе содержалось: «Это было бы полезно, но неисполнимо, так как: 1. горцы едут в единоверную (суннитскую Турцию) к родственникам; 2. персидский шах не захочет принять беспокойный элемент»⁴¹.

В 1883 г. горцы из Кубанской области выразили желание

эмигрировать в Турцию в связи с распространением слухов о призыве их к военной службе. С помощью разъяснительной работы движение это было приостановлено. Но в августе 1885 г. 800 чел. выселилось на собственный счет в Турцию и перед администрацией встала проблема заселения освобожденного пространства⁴².

Вопрос о переселении мусульман в Турцию касался не только Кавказа. «В 1894 г. в МВД были получены сведения, что среди мусульман... распространялись ложные слухи о предстоящем, по распоряжению правительства, обращению их в православие... что побудило их к распродаже имущества для переселения в Турцию... благодаря своевременно принятым мерам... выселение их в Турцию прекратилось...». На будущее в 1899 г. было решено «препятствовать выселению, разъясняя неверность слухов, в крайнем случае, допуская ограниченное выселение».

Мы можем говорить о том, что в случаях воссоединения семей правительство шло навстречу горцам. Если же горец хотел выехать в Турцию, аргументом за разрешение считалось наличие ценной недвижимости в России как гарантии возвращения⁴³. В 1897 г. горцам запрещено выезжать в Турцию, кроме как «для свидания с родственниками и не более 20 в год»⁴⁴.

Массовые выселения происходили из Карачая в XX в. В 1902 г. около 4,5 тыс. чел. обратилось к атаману Баталпашинского отдела с прошением, мотивируя свое желание недостаточным наделением их землей. В декабре 1905 г. в Турцию выехали 3,5 тыс. чел., 1000 чел. от переселения отказались⁴⁵.

В 1905 г. выехавшие в Турцию вскоре просили вернуться в российское подданство, т.к. «умерло в 4,5 года с 1905 г. 2/3 переселенцев». Выехали же они, поверив слухам, «что нашему брату в Турции жить хорошо»⁴⁶.

Достаточно сложен вопрос о реэмиграции. Можно согласиться с точкой зрения В.А. Матвеева о том, что возвращение ранее выселившихся

горцев было ограничено во избежание «стихийности и непредсказуемости массовых миграций». Реэмиграция же небольших партий запрещена не была и продолжалась на всем протяжении исследуемого периода⁴⁷.

Сохранилось мало сведений о возвращении горцев, ранее выселившихся в Турцию. Тем ценнее имеющиеся. «В течение 1866 г. неоднократно прибывали ... отдельные семейства, а иногда и большие партии... уроженцев... удалившихся в предшествовавших годах в Турцию... все они самовольно проследовали, ... не встречали препятствий со стороны наших властей,... такая легкость обратного перехода в наши пределы может возбудить в ... переселенцах, ... недовольных своим положением, общее стремление к возвращению. До настоящего времени пробиравшиеся семейства были водворяемы на прежних местах из человеколюбия и снисхождения к их бедственному положению...». Наместником было дано указание «управляющим отдельными частями принять зависящие от них меры, чтобы местные полицейские власти... не дозволяли следовать обратно подобным переселенцам»⁴⁸. Мы можем констатировать, что при разрешении на реэмиграцию проводился отбор, и горцы «неодобрительного поведения» такого права не получали⁴⁹.

Из Кубанской области выселилось в Турцию: в 1871-1884 гг. – 3598 чел. в 1888 г. – 3421 чел. в 1890 г. – 9153 чел. в 1895 г. – 3999 чел. и всего за эти годы – 20161 чел.²⁰. Массовые переселения в Турцию начинаются в 1890-е г.: 1890 г. – 9153 чел. об. пола. В 1895 г. Порта дала согласие на переселение 5000 чел.⁵¹. В августе 1895 г. предполагалось выселение около 4000 горцев из Кубанской области через Новороссийский порт. Для этого мероприятия не было соответствующей юридической основы, и оно не состоялось⁵². «На просьбу горцев о переселении в Турцию последовал категорический отказ, причем им внушено, что они, как русские подданные, должны забыть думать о переселении в Турцию»⁵³.

Таким образом, мы можем констатировать, что после массовых переселений горцев царское правительство разрешало переселяться в

Турцию лишь неблагонадежным и стремилось к сохранению статус-кво, ограничивая реэмиграцию, как и эмиграцию больших групп горцев.

Первым мероприятием внутригосударственной переселенческой политики в регионе можно считать перевод адыгов на плоскость.

На последнем этапе Кавказской войны и после ее окончания перед горским населением Северо-Западного Кавказа была поставлена альтернатива: либо переселиться в Турцию, либо с гор на плоскость в специально отведенные начальством места⁵⁴. Не подчинившиеся горцы еще некоторое время оставались в горах, скрываясь от правительственных войск, затем к ним были отправлены представители ранее покорившихся адыгов, и они вышли с гор, «поселены в Лабинском и Псекупском в округах, живут мирно»⁵⁵. Как писал по поводу сложившейся обстановки Я. Абрамов, в 1864 г. предполагалось «выселить остающихся горцев из гор на плоскость, а места, прежде занятые горским населением, заселить казачьим населением... всякий раз, когда какое-либо горское племя Западного Кавказа покорялось русским оружием, перед ним ставилась дилемма: или переселиться к Кубани и, безусловно, подчиниться русскому управлению, или выселиться в Турцию. Прикубанские болота, отводимые горцам, могли менее всего прельстить их⁵⁶. тезис о переселении адыгов на болота⁵⁷ не находит подтверждения, даже если мы обратимся к карте, то увидим, что их земли располагаются не только рядом с реками.

К началу 1865 г., согласно сведениям, предоставленным подполковником Дукмасовым, «горским населением в 6-ти главных группах, занято огромное пространство по всей длине р. Кубани и низовья р. Лабы. 1) Бжедухи, натухайцы в Прикубанье между реками Афипсом и Пшитлем, ... причисленные к ним шапсуги и натухайцы составляют 13643 души об. пола. 2) Остатки абадзехов, темиргоевцев, егурхаевцев и др. мелких черкесских народов на реках Лабе и Белой, их до 10 тыс... (переписи еще не было). Население очень разбросано. Следовало бы все аулы переселить ближе ... 3) Беглые кабардинцы и махошевцы выше и ниже Лабинской станицы по

р. Ходзю и Чахроку более 11 тыс... 4) Разноплеменные жители Армавирского участка Верхнекубанского округа, более 7,5 душ об. пола. Земли обширны, население сгруппировано между станицами Григориополисской и Прочноокопской и Николаевской и Бжедуховской... 5) Жители Абазинского участка, ногайцы, абазины, кабардинцы и бесленеевцы, шапсуги, живут на реках. Кубань и Зеленчук на юге до устья Малого Зеленчука... до 12722 д. об. пола... 6) Карачаевцы более 14,5 тыс. и кумские абазинцы 15 тыс. всего 16135 душ об. пола⁵⁸. Всего их было, таким образом, в Кубанской области более 70 тыс. к 1865 г. по официальным, чстью оценочным данным. Помощник начальника Кубанской области по управлению горцами Дукмасов. Предложил сселить их в более крупные аулы для удобства управления, что и было реализовано в дальнейшем.

Изменялась структура расселения горцев. Например, «беглые кабардинцы, жившие по р. Ходзь и ее притокам, были перемещены в крупные поселки по берегам Большого и Малого Зеленчука»⁵⁹. «Для лучшего контроля горцев селили большими аулами, стараясь окружить их казачьими станицами. При этом царизм разрушал родоплеменные связи. По статистическим данным за 1877 г. в Кубанской области не было ни одного аула населенного одним племенем». Любопытно было положение горцев в отдельных станицах, где они «были поселены на правах иногородних, с правом пользоваться землей наравне с казаками»⁶⁰, то есть получали общинный земельный надел, но не несли воинской повинности.

Активная колонизаторская политика правительством продолжалась в Закубанье. К 80-м годам там проживали 10,7 тыс. русских, 2,3 тыс. греков, по 1 тыс. армян, молдаван и чехов, 0,3 тыс. эстонцев, здесь же стали располагать аулы сходявших с гор хакучей⁶¹.

В результате целенаправленной политики самодержавия к 1895 г. «большая часть Северного Кавказа мало чем отличается от многих коренных частей империи»⁶².

Знаковым документом с точки зрения изменений этнических

стереотипов является отчет начальника Урупского округа за 1868 г. «В туземном населении, вследствие перевода аулов на сухие возвышенные места, правильной разбивки аулов, чистоты содержания улиц и дворов, и устройства во всех саклях русских печей население пользуется лучшими условиями и болезни, имевшие место в прежнее время, или вовсе прекратились, или приняли менее злокачественный характер. Вследствие чего смертность уменьшилась. Благодаря принятым мерам воровство почти исчезло. В настоящее время среди туземного населения, стало преобладать более хозяйственное и меркантильное направление. Население больше заботится о законно-приобретенной прибыли, а не о присвоении чужого имущества. Теряется традиция подарков и отдарков, каждый старается продать»⁶³. Тут же чиновник предостерегает от самоуспокоения: «если правительство перестанет уделять внимание окружным управлениям, то все вернется обратно»⁶⁴.

С выселением горцев в Турцию их земли передавались в руки их привилегированных сословий и заселялись проживающим в Кубанской области семействами отставных чинов бывшей Кавказской армии⁶⁵. Как писал Ф.А. Щербина, «война закончилась чисто мирным актом колонизации». Кто в большей мере страдал от миграционной политики царизма, так это переселенные в горы казаки ввиду неприспособленности к местным условиям и неудачному выбору администрацией мест для поселения терпели значительную нужду. Результатом стали «казачьи возмущения». Под их влиянием в первоначальный план были внесены определенные изменения⁶⁶.

В переселенческой политике можно считать «стратегической задачей», по мнению С.-Э. Бадаева, количественное «выравнивание казачьего и горского населения». Он также считал, что, учтя «морально-нравственный фактор горцев», их удобнее было переселить в Турцию, чем «в открытые места внутри России для более удобного жандармского надзора». При этом правительство «на место «неблагонадежных» горцев – мусульман Россия

пыталась организовать встречную волну переселенцев из числа балканских славян-христиан»⁶⁷, но недостаточно удачно.

Можно согласиться с тезисом С.В. Лурье: «Колонизация – это, в конечном счете, попытка приведения мира в соответствие с тем идеалом, который присущ тому или иному народу. Причем идеальные мотивы могут преобладать над всеми прочими – экономическими, военными и другими»⁶⁸. Таким образом, снимается традиционное для отечественной историографии противопоставление действий правительства и народных устремлений, когда первым приписывалось все отрицательное, что происходило в стране, а успехи в какой-либо области считались результатом активности народа, проявленной вопреки царской политике⁶⁹. Если в отдельных частных случаях действия чиновников в корне противоречили общей стратегии развития Российского государства и русского народа, то они компенсировались народным протестом или действиями других чиновников, либо просто не могли быть реализованы. Правительственные мероприятия могли лишь координировать народные устремления, вводя их в более рациональное русло.

Как мы видели абсолютно неприемлемо использование понятия геноцид в адрес политики царской администрации в отношении адыгов Северо-Западного Кавказа в пореформенный период. Более адекватно процессам, происходившим в регионе, использование определений отражающих суть явлений: административная, миграционная, культурная, социально-экономическая политика.

Примечания:

- ¹ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 1-2.
- ² Аутлев П.У. Об основной причине махаджирства адыгов в XIX веке // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. С. 216-250.
- ³ Кузнецов Н.Д. Государственная Дума и национальная политика царизма на Кавказе: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. С. 405.
- ⁴ Половинкина Т.В. Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). Майкоп, 1999. С. 168.
- ⁵ Мамбетов Х. Из истории насильственного выселения адыгов в Турцию // Россия и

- Черкесия... С. 185-190.
- 6 Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 17, 14, 15, 19.
  - 7 Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. Нальчик, 1992. С. 9.
  - 8 Бэрзэдж Н. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. С. 108.
  - 9 Шебзухов М.Х. К вопросу о причинах и характере Кавказской войны (1817-1864 гг.) // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. С. 185.
  - 10 Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 37.
  - 11 Муфти Х.Ш. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994. С. 233-234.
  - 12 Касумов А.Х. Окончание Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 64, 72.
  - 13 Он же. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986. С. 71, 72, 168.
  - 14 Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992. С. 188; Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993. С. 11, 112.
  - 15 Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 582.
  - 16 Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. Краснодар, 1995. С. 11-16.
  - 17 Авксентьев В.А., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. Ставрополь, 1994. С. 43.
  - 18 Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 35.
  - 19 Тройно Ф.П. Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война... С. 86.
  - 20 Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1903. Кн. 22. С. 14.
  - 21 Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис, 1913. С. 51.
  - 22 Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М., 1998. С. 21.
  - 23 ГАКК Ф. Р – 60. Оп.2. Д.206. Л.73.
  - 24 Касумов А., Касумов Х. Дипломатическая борьба во время выселения и расселения адыгов в Османской империи // Россия и Черкесия. Майкоп, 1995. С. 33.
  - 25 Ачмиз А. Введение // Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993. С. 9-10. Эсадзе С. Исторический очерк... С. 51.
  - 26 Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствия Кавказской войны. Нальчик, 1994; Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 10; Абрамов Я. Указ. соч. С. 9; Бэрзэдж Н. Указ. соч. С. 109.
  - 27 Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 года. Краснодар, 1996. С. 336.
  - 28 Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 10. С. 1-3; Абрамов Я. Указ. соч. С. 9; Бэрзэдж. Указ. соч. С. 109.
  - 29 Касумов А.Х., Касумов Х.А. Дипломатическая борьба во время выселения и расселения адыгов в Османской империи // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII-XIX вв.). Майкоп, 1995. С. 32-33.
  - 30 ГАКК Ф. 774. Оп. 1. Д. 225. Л. 8.
  - 31 Там же. Л. 1.
  - 32 ГАКК Ф. 774. Оп. 1. Д. 225. Л.1.
  - 33 Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 10. С. 1-3.
  - 34 ГАКК Ф. 774. Оп. 1. Д. 339. Л. 1.
  - 35 Цит. по: Касумов А.Х., Касумов Х.А. Указ. соч. С. 158.

- ³⁶ Абрамов Я. Указ. соч. С. 9-10.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1268. Оп. 19. Д. 88.
- ³⁸ Абрамов Я. Указ. соч. С. 6.
- ³⁹ Абрамов Я. Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 88. 1877 г. Л. 1-3.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 400 . Оп. 1. Д. 427. Л. 26-29.
- ⁴² Там же. Ф. 1284. Оп. 194. 1914 г. Д. 16. Л. 4-5.
- ⁴³ ГАКК Ф. 774. Оп. 11. Д. 434. ЛЛ. 1-4.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. С. 21.
- ⁴⁵ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Указ. соч. С. 191.
- ⁴⁶ ГАКК Ф. 318. Оп. 6. Д. 896. Л. 7; ГАКК Ф. 454. Оп. 7. Д. 192. Л. 1-2.
- ⁴⁷ Там же. С. 41.
- ⁴⁸ ГАКК Ф. 252. Оп. 2. Д. 1894. Л. 1.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 774. Оп. 1. Д. 281. Л. 50.
- ⁵⁰ ГАКК Ф. 454. Оп. 2. Д. 793. Л. 18; Афшагов А.Х. История аула Ходзь. Майкоп, 1998. С. 15.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2840. Л. 22-24.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 102. Д/п. 2. Оп. 1893. Д. 99. С. 25-28.
- ⁵³ ГАКК Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 68.
- ⁵⁴ ГАКК Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.
- ⁵⁶ Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 7-9.
- ⁵⁷ Половинкина Т.В. Указ. соч. С. 171; Абрамов Я. Указ. соч. С. 21.
- ⁵⁸ ГАКК Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 4-6.
- ⁵⁹ Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Народы Кавказа (этническая история Северного Кавказа). XVI-XIX вв. М., 1993. С. 180-181.
- ⁶⁰ Тройно Ф.П. Царизм и горские народы Северного Кавказа в 60-90-е гг. XIX в. // Изв. Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 109.
- ⁶¹ Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Народы Кавказа (этническая история Северного Кавказа). XVI-XIX вв. М., 1993. С. 143, 151.
- ⁶² ГАРФ. Ф.649. Оп.1. Д. 139. 1895 г. Л. 1.
- ⁶³ т.е. горскому населению.
- ⁶⁴ ГАКК Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Л. 37-43.
- ⁶⁵ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 19, 1899 г. Ст. 1778. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 14. 1894 г. Ст. 10361.
- ⁶⁶ Щербина Ф.А. Естественноисторические условия и смена народностей на Кубани. Екатеринодар, 1906. С. 153.
- ⁶⁷ Бадаев С.-Э. С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX в. как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 47, 52.
- ⁶⁸ Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. М., 1994. С. 58.
- ⁶⁹ См., например: Дзидзоев В.Д. К истории земельных и межнациональных отношений на Северном Кавказе // Национально-государственное и федеративное строительство на Северном Кавказе: Опыт, проблемы, специфика. Владикавказ, 1998. С. 19.

Кумпан Е.Н.
г. Краснодар

Ислам в правовой системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

В современной России количество последователей ислама достаточно велико: по западным оценкам в 2001 г. их насчитывалось более 11 млн. чел (7,6 % населения страны)¹. Согласно сведениям Российской Академии Госслужбы при президенте РФ к концу 1990-х гг. в России проживало от 15 до 20 млн. мусульман (10-13% населения)².

Одной из особенностей развития РФ является рост религиозного фактора в обществе и политических процессах. Государством ведется разработка положений конфессиональной политики³, в связи с чем представляется актуальным изучение опыта управления религиозными группами.

С XVIII в. конфессиональная политика Российской империи строилась на подчинении всех религиозных образований страны полному контролю светской власти. 25 января 1721 г. взамен патриаршества был учрежден Святейший Синод⁴ – государственное учреждение, контролировавшее деятельность православных епархиальных архиереев. В 1782 г. был образован Уфимский муфтият⁵. Указом Екатерины II в 1788 г. создавалось Оренбургское магометанское духовное собрание, действие которого распространялось на всю Россию, кроме Таврической области. В 1794 г. было объявлено о формировании Таврического духовного правления, фактическое создание которого произошло в 1831 г.⁶ В округах, подчиненных Таврическому духовному правлению и Оренбургскому духовному собранию высшее управление духовными делами мусульман являлось коллегиальным, на местах вопросы решались единолично –

муллами и кадиями. Должностные лица высшего магометанского духовенства назначались правительством, приходские муллы избирались приходскими обществами и утверждались соответственно Оренбургским собранием или Таврическим правлением⁷.

В 1810 г. на правах особого министерства было основано Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий, взявшее под контроль управление мусульманами империи. В 1832 г. оно было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий и вошло в структуру Министерства внутренних дел⁸. В качестве основной обязанности Департамента определялось поддержание «принципа полной терпимости» по отношению к последователям инославных (не православных, но христианских) учений и иноверных (нехристианских) исповеданий, «насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка»⁹. Таким образом, к середине XIX в. были созданы основные органы управления мусульманами Российской империи.

Православная церковь признавалась «первенствующей и господствующей верой в Российской империи», главой ее был российский император, которые не мог «исповедовать никакой веры, кроме православной». Все, не принадлежавшие к господствующей церкви подданные Российского государства, «природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие», пользовались «свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной»¹⁰. При этом право миссионерской деятельности принадлежало только православной церкви – лица прочих вероисповеданий не могли распространять свое учение среди непринадлежащих к их религии. Пропаганда инославных и иноверных учений среди православных являлась уголовным преступлением¹¹, запрещались браки между православными и

нехристианами¹². Таким образом, конфессиональная политика Российской империи строилась на основе относительной веротерпимости и принципа ограничения прав неправославных подданных.

После завершения Кавказской войны правительство столкнулось с необходимостью определить положение мусульман Кавказа, которые фактически находились вне юрисдикции Оренбургского магометанского собрания. Вследствие этого в 1864 г. в Кавказском наместничестве начала работу специальная комиссия¹³. Целью ее деятельности было: обеспечить контроль и надзор «над действиями лиц, которых их религиозные убеждения часто ставят во враждебные к [администрации] отношения»; противодействовать «укреплению корпоративного духа» мусульманского населения; воспрепятствовать въезду на территорию Российской империи из Персии и Турции духовных лиц «особенно фанатически враждебно против нас расположенных»; ограничить, «по возможности, круг действия духовенства в среде населения мусульманского, не посягая при этом на его религиозные убеждения»; «поставить влиятельную часть духовенства в непосредственную значимость от правительства, вернейшим способом к чему служит: связать его материальные интересы служением правительству»; обеспечить надзор за мусульманскими духовными училищами; произвести ревизию денежных средств мусульманской церкви, которые «ускользая от контроля, направляются не в малой мере для поддержания духовенства заграничного»¹⁴.

5 апреля 1872 г. Комиссия завершила работу изданием «Положения об управлении духовными делами мусульман», которое значительно отличалось от Положений, действовавших в округах Оренбургского магометанского духовного собрания и Таврического духовного правления. Согласно этому Положению все вопросы управления мусульманами решались коллегиально. На первой инстанции (на местах) муллами и кадиями; затем Губернскими медресами и Духовными правлениями. При

этом обязанности строго разграничивались. Муллы обязывались исполнять религиозные обязанности, заведовать школами и мечетями, вести метрические книги, предоставлять кадиям сведения о состоянии прихода. Кадии наблюдали за мечетским духовенством, разбирали споры о браках и наследстве. В ведении Губернских меджлисов, состоявших из 3 человек, находились богослужебные и финансовые дела, дела о проступках духовенства и мусульман, заведование школами, производство испытаний кандидатов на духовные звания, рассмотрение жалоб на кадиев и дел, предлагаемых губернатором. Духовные правления занимались разбором жалоб на постановления Губернских меджлисов; наблюдением за доставлением кадиями сведений о школах и мечетях; составлением годовых отчетов; производством испытания духовных лиц; рассмотрением дел, передаваемых начальством¹⁵.

Изменялся статус мусульманского духовенства. Положением 5 апреля 1872 г. расширялись права магометанских духовных лиц: они и их дети освобождались от уплаты «казенных повинностей»; дети лиц высшего духовенства, прослуживших 20 лет, пользовались правами детей личных дворян и личных почетных граждан. Представители мусульманского духовенства могли быть удостоены «высочайших наград».

Таким образом, новое Положение об управлении духовными делами придавало мусульманскому духовенству четкую организацию, регламентировало порядок ведения духовных дел, укрепляло положение духовенства, которому предоставлялись особые преимущества¹⁶. По мнению С.Г. Рыбакова – чиновника Департамента духовных дел иностранных исповеданий (в 1913-1917 гг.), эксперта по исламу, практика применения Положения дала результаты, обратные первоначально намеченной цели»¹⁷.

«Положение об управлении духовными делами мусульман» от 5

апреля 1872 г. Государственный Совет счел пригодным только для Закавказского края. Выработка подобного положения для Кубанской и Терской областей откладывалась на неопределенный срок.

В 1889 г. командующим войсками Кавказского военного округа А.М. Дондуковым-Корсаковым было возбуждено ходатайство военному министру об учреждении управления духовными делами магометан в Кубанской и Терской областях. Генерал-адъютант Дондуков-Корсаков полагал при этом «политически вредным» подчинять мусульман этих областей закавказскому суннитскому духовенству, «так как такая мера повела бы к объединению мусульман обеих частей Кавказа»¹⁸.

В составленном в результате проекте положения об управлении мусульманского духовенства право определения числа приходов и мулл предоставлялось начальникам областей. Духовенство разделялось на высшее – избираемое и назначаемое администрацией, и низшее – утверждаемое администрацией и подчиненное контролю высшего духовенства. В ведении высшего духовенства были решения бракоразводных дел, испытания на звание муллы, надзор за школами при мечетях. Намечалась организация правления, состоящего из муфтия, русского секретаря и двух магометан.

Для получения необходимых для учреждения и содержания духовенства материальных средств, планировалось ввести специальный сбор с мусульманского населения Кубанской и Терской областей.

Проект не был одобрен Департаментом духовных дел, поскольку в случае его осуществления затруднялось непосредственное воздействие администрации на мусульманское духовенство и школы при мечетях, что привело бы к укреплению ислама в указанных областях¹⁹.

Для дальнейшего рассмотрения вопроса 9 февраля 1891 г. была создана специальная комиссия под председательством военного министра и с участием директора Департамента духовных дел иностранных

исповеданий. Комиссия отвергла идею введения иерархии среди мусульманского духовенства Северного Кавказа и высказалась за учреждение должности чиновника особых поручений из мусульман при Главноначальствующем гражданской частью на Кавказе. В 1893 г. после согласования с Министерством внутренних дел и Военным министерством на утверждение Государственного совета выносились следующие предложения:

- учредить при «главном начальнике Кавказского военного округа чиновника военного ведомства для особых поручений по делам мусульманского духовенства»;

- установить для мусульманского населения Кубанской и Терской области правила, по которым «мусульманам дозволяется иметь своих мулл по одному на селение, имеющее не менее 300 человек мужского пола; муллы избираются населением, а утверждаются начальником области. Возведение мечетей разрешается командующим войсками Кавказского военного округа. Мечети и школы содержатся за счет обществ, но без права принуждения к участию в [денежных] сборах»²⁰.

Государственным Советом была отвергнута идея введения новой должности чиновника особых поручений как противоречащая законодательству Российской империи, по которому местный надзор за духовными делами лиц иностранных исповеданий осуществляли общие органы управления.

В течение 1903 г. был выработан новый вариант положения об управлении мусульманским духовенством Терской и Кубанской областей, в основание которого был положен принцип ограничения числа магометанских духовных лиц и полное подчинение их местной администрации. Обсуждения проекта не последовало ввиду изменений вероисповедного законодательства в начале XX в.

Этап либерализации конфессиональной политики Российской

империи начался с издания Николаем II манифеста от 26 февраля 1903 г. В документе указывалось на необходимость «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые благоговейно почитая Православную церковь первенствующей и господствующей, представляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной»²¹. Следует отметить, что наибольшее число «подданных иноверных исповеданий» составляли именно магометане, количество которых в России к концу XIX в. было практически равным числу мусульман в Османской империи – 18 млн.²²

12 декабря 1904 г. вышел указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»²³. В пункте 6 говорилось: «Для закрепления выраженного нами в манифесте 26-го февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освещенную основными законами империи терпимость в делах веры подвергнуть пересмотру указания о правах... лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям... принять... в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»²⁴.

Сразу после принятия данного указа последовало распоряжение Министерства внутренних дел об отмене всех стесняющих свободу исповедания и веры и не основанных непосредственно на государственных законах административных распоряжений. И февраля 1905 г. императором было утверждено помилование высланных без суда за религиозные проступки²⁵.

Для выработки положений закона о свободе вероисповедания с 25 января по 1 марта 1905 г. Комитетом министров было проведено 6 заседаний²⁶, в ходе которых, в частности, обсуждались следующие

положения: 1) о постройке мусульманских молитвенных домов; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства; 3) о порядке открытия магометанских духовных школ – мектебе и медресе; 4) об учреждении особых духовных управлений для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае, Закаспийской области.

Согласно сложившейся системе, в районах, подведомственных Таврическому магометанскому духовному правлению, возведение мусульманских молитвенных домов допускалось не иначе как с согласия православной епархиальной власти. В округах Оренбургского духовного собрания выдача разрешения для постройки мечети производилась при условии отсутствия «соблазна» для православных. Данные правила представлялись Комитету неполными, несогласованными. Была признана необходимость «поставить порядок разрешения постройки молитвенных домов иноверных исповеданий на почву твердого и определенного закона вне зависимости от какого-либо усмотрения и от не основанных на законе административных распоряжений»²⁷.

При обсуждении второго вопроса министр внутренних дел А.Г. Булыгин объяснил, что по «действующему закону для определения в звания мулл существуют два, несколько разнящихся между собою, порядка». В Таврической губернии муллы избирались из лиц, принадлежавших к духовенству этой губернии, при чем для получения звания требовалось согласие приходского общества, изъявленное в общественном приговоре, утверждение Таврического магометанского духовного правления, утверждение местного губернского правления. В округах подведомственных Оренбургскому духовному собранию муллы избирались из лиц всех сословий. Для избрания муллы требовались следующие условия: согласие не менее двух третей старейшин семейств прихода, утверждение в должности духовным собранием, утверждение

губернского правления²⁸.

Неоднократно поступали сообщения от мусульман империи что муллы и кадии, назначаются местными властями «из невежественных и часто безнравственных лиц»²⁹. Так, в докладе войскового старшины султана Аслан-Гирея, представленного начальнику Кубанской области 31 мая 1901 г., отмечалось, что «правом выбора своих мулл... общество пользуется только номинально, а не de facto. Вместо выбранного по баллотировке муллы утверждают другого. Такой порядок вещей унижает и оскорбляет общество... тем более... когда лица, лишённые доверия в своем обществе, признаются начальством заслуживающими полного доверия и уважения»³⁰. Начальник Кубанской области, напротив, отмечал, что «муллы утверждаются из числа лиц избираемых обществами за исключением очень редких случаев, когда избранное кандидаты оказываются неблагонадежными»³¹. Комитетом министров, по завершении обсуждения, было решено предоставить право утверждения в должности мулл Таврическому духовному правлению и Оренбургскому духовному собранию с согласия губернской власти. Неизменным остался порядок избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства на Северном Кавказе.

В ходе обсуждения третьего вопроса – о порядке открытия магометанских духовных школ – было указано, что открытие мектебе и медресе осуществляется на основании циркуляра МВД от 3 августа 1892 г., по которому учреждение мусульманских школ поставлено в зависимость от разрешения директоров народных училищ. Существующее положение было признано неправильным и не подходящим для местностей преимущественно заселенных мусульманами. Комитет счел необходимым поручить проектируемому им Особому совещанию «выработать правила об открытии магометанских конфессиональных школ, без излишних в сем отношении стеснений, и предположения свои по сему предмету внести на

утверждение Государственного Совета»³². Разработка соответствующего законодательства продолжалась вплоть до 1914 г.³³.

Рассмотрев вопрос об учреждении особых духовных управлений для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае, Закаспийской области, Комитет установил, что решение проблемы может быть осуществлено двумя способами: посредством присоединения указанных районов к «ведомству существующих духовных округов» или же образованием «новых местных центров управления их духовными делами». Комитет высказался за принятие последней, «так как самостоятельные учреждения были бы наиболее близки к населению, а следовательно и более для него доступны». Дальнейшую разработку вопроса решено было предоставить Особому совещанию³⁴.

Положения Комитета министров были утверждены и 17 апреля 1905 г. был обнародован указ «Об укреплении начал веротерпимости». Данный документ предоставлял свободу вероисповедания всем конфессиям на территории России; признавал, что лица, числившиеся православными, но, в действительности, исповедовавшие нехристианскую веру, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных³⁵. По статье 15 признавались требующими пересмотра законоположения, «касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания»³⁶.

Указ о веротерпимости повлек массовые возвращения из православия в мусульманство. В 14 епархиях Поволжья, Приуралья и Западной Сибири с 17 апреля 1905 до конца декабря 1907 г. приняло ислам 36 299 чел.³⁷

В Кубанской области переход из христианства в другие исповедания происходил постепенно. По данным ежегодных отчетов начальника Кубанской области, конфессиональный состав региона в

период с 1905 по 1913 гг. не претерпел существенных изменений. Соотношение численности последователей религиозных групп оставалось на уровне, существовавшем до принятия указа о веротерпимости³⁸. Такую ситуацию в области можно объяснить двумя различными причинами:

- на Кубани количество переходов из мусульманства в православие по соображениям какой-либо выгоды было незначительным и поэтому после принятия указа 17 апреля 1905 г. принявшие православие горцы не стремились вернуться в прежнее исповедание;

- статистические сведения, приведенные в отчетах начальника Кубанской области, не всегда точно отражали реальные процессы происходившие в обществе.

Провозглашенная в 1905 г. свобода вероисповедания не являлась свободой совести, устанавливая не свободу религиозных убеждений, а только право свободного отправления веры. При этом каждый человек был обязан принадлежать к какой-либо конфессии³⁹. В то же время, указ 17 апреля подразумевал дальнейшее реформирование конфессионального законодательства.

Весной 1906 г. поступило предложение 49 членов I Думы о введении свободы совести, которая предполагала: введение свободы исповедания и проповедования всех религий; отмену ограничений гражданских и политических прав в зависимости от принадлежности к какому-либо исповеданию⁴⁰; свободу внеконфессионального состояния и учреждение «институтов гражданской метрификации, гражданской присяги, гражданского брака»; аннулирование государственного запрета на браки лиц, принадлежащих к разным религиям⁴¹. Предложение обсуждалось Советом министров в течение года, введение его было признано возможным, но преждевременным.

В конце первого десятилетия XX века предпринимались попытки законодательного оформления статуса мусульман Северного Кавказа.

Весной 1906 г., руководствуясь статьей 15 указа о свободе вероисповедания, И.И. Воронцов-Дашков предложил магометанам Кавказа обсудить интересующие их вопросы. 24 июня того же года во Владикавказе состоялось совещание мусульманского духовенства Терской и Кубанской областей, выработавшее решение об учреждении в г. Владикавказе самостоятельного духовного правления для мусульман Северного Кавказа во главе с избираемым муфтием⁴². Данное положение не было реализовано.

В 1912 г., вследствие усиления мусульманского религиозно-национального движения, Министерством внутренних дел был проведен сбор информации, целью которого явилось выявление недостатков управления духовными делами магометан империи⁴³.

В результате исследования проведенного на Кубани было выяснено, что «для удовлетворения религиозных потребностей мусульманского населения... и осуществления вытекающих из них административно-судебных функций» существуют муллы, кадии и горские словесные суды⁴⁴.

Муллы избирались на аульных и квартальных сходах. После проверки в горском словесном суде знания ими Корана (по программе, учрежденной Наместником на Кавказе в 1876 г.) или по предоставлении ими удостоверения о сдаче подобного экзамена в Закавказском суннитском духовном правлении, они утверждались в должностях начальником области.

К избранию на духовные должности не допускались состоявшие на момент избрания под судом или следствием; осужденные ранее; отстраненные от службы по суду или исключенные из состава духовенства (сословий, обществ) за пороки; объявленные несостоятельными должниками; состоявшие под опекой за расточительность⁴⁵.

Число мулл определялось в соответствии с Уставом духовных дел

иностранных исповеданий, по которому для каждого приходского общества полагалось по одному мулле. При больших мечетях, в зависимости от числа приписанного к ним населения, могли состоять до пяти мулл – один из них считался старшим. Помимо удовлетворения духовных потребностей населения, старшие муллы были обязаны, под наблюдением кадиев, вести метрические книги.

Кадии обязывались наблюдать за духовенством, мечетями и школами при мечетях. В составе горского словесного суда кадий, единолично или при участии приглашенного им «ученого муллы» производил испытание претендентов на духовные должности и решал брачные дела.

Духовные учебные заведения открывались только с разрешения начальника области⁴⁶.

В целом «установленная практикой система заведования духовными делами мусульман» являлась «удовлетворительной и представлялось только желательным оформить в законодательном порядке ведомственную подчиненность этих горцев одному из существующих в государстве мусульманских духовных учреждений»⁴⁷.

В течение 1913 – 1914 гг. на рассмотрение Государственной Думы выносились предложения унифицировать систему управления мусульманами империи, без разделения на местности⁴⁸.

Принципиальное решение религиозного вопроса в России произошло с принятием 14 июля 1917 г. Временным правительством декрета «О полной свободе религиозной совести», предусматривавшего отмену правовых ограничений для представителей всех конфессий; свободу перехода из одного вероучения в другое и выхода из любой конфессиональной общины; признание гражданской регистрации браков⁴⁹.

Политику, проводимую в отношении последователей ислама во второй половине XIX – начале XX века, можно условно разделить на два

периода. В течение первого – 1860-е – 1903 гг. – преобладал традиционный ограничительный подход. Наиболее эффективным было управление последователями ислама в Поволжье, Казахстане, Средней Азии⁵⁰ – областях, подведомственных Оренбургскому магометанскому духовному собранию.

С 1864 г. предпринимались попытки сформировать систему управления мусульманами Кавказа, которая способствовала бы укреплению стабильности в регионе. Сложность реализации поставленной цели привела к тому, что Положение об управлении мусульманами, выработанное в 1872 г. не было распространено на территорию Северного Кавказа – там использовался комплекс выработанных на практике мер.

Второй период (26 февраля 1903 г. – 14 июля 1917 г.) характеризуется либерализацией конфессионально политики. Следует отметить, что принятый 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости» только признавал необходимость пересмотра законоположений, касающихся мусульман, поэтому обсуждение проектов законов, определяющих положение ислама в Российской империи, продолжалось до июля 1917 г. С принятием декрета о свободе совести религиозный фактор в управлении мусульманским населением отходит на второй план.

Примечания:

- ¹ World Christian Encyclopedia. 2nd edition. A comparative survey of churches and religions, in the modern world. Oxford University Press. 2001 // (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.religare.ru/material8496.htm>.
- ² История религий в России. М., 2002. С. 582.
- ³ Концепция государственной религиозной политики Российской Федерации // (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.religare.ru/material8227.htm>.
- ⁴ Первоначально назывался Духовной коллегией. 14 февраля 1721 г. получил наименование Святейший Правительствующий Синод, впоследствии слово «правительствующий» из наименования было изъято.
- ⁵ Кучер О.Н., Семотюк О.П. Ислам. Ростов н/Д., 2004. С. 239.
- ⁶ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в

- России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 267.
- ⁷ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 271-272.
- ⁸ Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 21.
- ⁹ Цит по: Арапов Д.Ю. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁰ Свод законов Российской империи СПб., 1892. Т.1. Ч.1. С. 40, 41, 44.
- ¹¹ Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 379.
- ¹² Законы гражданские. Кн. 1. Ст. 85. СПб., 1887 // Цит по: Законы о евреях. Сборник извлечений из Свода законов Российской империи, действующих о евреях постановлений. Харьков, 1889. С. 112.
- ¹³ Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002. С. 64.
- ¹⁴ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. П. Тифлис, 1907. С. 163.
- ¹⁵ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 274-275.
- ¹⁶ Там же. С. 275.
- ¹⁷ Там же. С. 276.
- ¹⁸ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 283.
- ¹⁹ Там же. С. 284.
- ²⁰ Там же. С. 285-286.
- ²¹ Цит. по: Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России и Белоруссии (1867 – 1917). СПб., 1999. С. 248.
- ²² Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 107.
- ²³ Митрофанов Г. История русской православной церкви 1900-1927. СПб., 2002. С. 9.
- ²⁴ ПСЗ. Собр. 3. Т. 24. СПб., 1907. Ст. 25495.
- ²⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 6. Д. 3. Л. 9.
- ²⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905 – 1907 гг. СПб., 1910. С. 14.
- ²⁷ Извлечения из особого журнала Комитета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. // Ислам в Российской империи... С. 175-176.
- ²⁸ Там же. С. 176.
- ²⁹ Петиция кавказских мусульман в Комитет министров // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 626-627.
- ³⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 14.
- ³¹ Там же. Л. 22 об.
- ³² Извлечения из особого журнала Комитета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. // Ислам в Российской империи... С. 179-180.
- ³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1022. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-187.
- ³⁴ Извлечения из особого журнала Комитета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. // Ислам в Российской империи... С. 182.
- ³⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 8. Л. 17.
- ³⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 гг. СПб., 1910. С. 28.
- ³⁷ Там же. С. 29.
- ³⁸ Отчет начальника Кубанской области... за 1903 г. Екатеринодар, 1904. С. 15-16; Там же. За 1905 г. Екатеринодар, 1906. С. 15-16; То же. За 1906 г. Екатеринодар, 1907. С. 17; Там же. За 1913 г. Екатеринодар, 1914. Приложение. Ведомость 4.
- ³⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XIX в.). СПб Т. 2. Л 999.

- С. 158.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 12. Л. 4.
- ⁴¹ Справка о свободе совести. СПб., 1906 // Дякин В.С. Указ.соч. С. 92-93.
- ⁴² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 633. Л. 23-25.
- ⁴³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 1.
- ⁴⁴ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 276.
- ⁴⁵ ГАКК. Оп. 1. Д. 5549. Л. 9.
- ⁴⁶ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 276-277.
- ⁴⁷ Там же. С. 277.
- ⁴⁸ Там же. С. 312-313.
- ⁴⁹ Смолич И.К. История русской церкви. 1700-1917. Ч. 2. М., 1997. С. 731.
- ⁵⁰ Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М., 2003. С. 49.

Мальбахов Б.К.

г. Нальчик

К истокам Кавказской войны

В исторической судьбе Кабарды, как и всего Кавказа, XVIII век сыграл огромную роль. Можно сказать, что это был важнейший, переломный период в многовековой кавказской истории.

К этому времени наметились прогрессирующий упадок Ирана и ослабление Османской Турции. Наряду с этим наблюдается активизация внешней политики России как на западе, так и на востоке.

Возрастание политической активности России на Кавказе к началу XVIII века было обусловлено усилением ее военной мощи, а также необходимостью обеспечения доступа к Черному и Каспийскому морям. Это выдвинуло вопрос о судьбе Кавказа в круг важнейших проблем не только российской, но и всей мировой политики того времени.

По этому поводу профессор В.В. Дегоев писал: «Перекрестком международных противоречий и театром войн Кавказ стал в XVIII веке в результате продвижения туда России, стремящейся обезопасить свои южные окраины от агрессии Ирана, Турции, Крымского ханства. С широким доступом к Черному морю были связаны жизненно важные интересы Российского государства...».

Кавказ, в то время как важный стратегический район привлекает к себе пристальное внимание и крупнейших европейских стран – Англии и Франции, которые не желали военного, экономического и стратегического усиления России. В целях ограничения продвижения и укрепления позиций России на Кавказе и выхода ее к южным морям эти державы подталкивали Турцию и Иран на более активную, агрессивную политику на Кавказе.

Отношения между Россией, Ираном и Турцией осложнялись вмешательством Англии и Франции, вступающими как между собой, так и против России, в борьбу за политическое и экономическое влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Стремясь вырваться из экономической изоляции, связанной с отсутствием выхода к северным и южным морям, Петр I предпринимает активные действия для выхода к Балтийскому, Черному и Каспийскому морям, что в свою очередь вызвало мощнейшее сопротивление Швеции, Турции и Ирана, которых активно поддерживали стоящие за ними вышеназванные крупнейшие европейские страны.

Свою политику на Кавказе Россия осуществляла в сложнейшей международной обстановке, когда ей пришлось решать целый комплекс различных вопросов – экономических, политических, национально-этнических, военно-стратегических и других.

Тем не менее политика России по отношению к Кавказу становится одной из важнейших в сфере ее внешнеполитической деятельности. И это было не случайно. Через Северный Кавказ проходили важные торговые пути Восточной Европы и Ближнего Востока, которые связывали север с югом, а также Каспийское море с Черным.

На Северном Кавказе проживали многочисленные народы, раздробленные на феодальные владения, общины и союзы, которые придерживались различной политической ориентации (часто меняющейся) и зачастую (в силу ряда причин) враждовавшие друг с другом Иран, Турция и ее вассал – Крымское ханство, используя их разногласия, активно вмешивались в дела этих народов с целью покорения. Россия, как и эти страны, используя существующие между ними противоречия, активно начинает с XVIII века вмешиваться в жизнь народов Северного Кавказа, ставя перед собой далеко идущие стратегические планы присоединения всего Кавказа, что вело бы к закреплению на Черном,

Азовском и Каспийском морях и переносу ее южных границ за Кавказский хребет.

В начавшейся борьбе за Северный Кавказ Петр I, в полной мере оценивший важность этого региона в противостоянии с Турцией и Ираном, несмотря на занятость подготовкой к Прусскому походу, нашел возможность направить девятитысячный корпус на Северный Кавказ, тем самым продемонстрировав нарастающую военную мощь России.

Предпринимаются и дипломатические шаги по отношению к народам Северного Кавказа. С этой целью в 1711 году в Кабарду направляется офицер лейб-гвардии Преображенского полка князь Александр Бекович-Черкасский, происходивший из знатного кабардинского княжеского рода Бекмурзиных (Бековичей).

Задача перед русской дипломатией и военными, поставленная Петром I, сводилась к тому, что «нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить нам невозможно».

Именно тогда в свете оценки стратегического значения Кавказа в борьбе с Османской империей и возрастанием роли восточного вопроса, ставшего одним из важных в доктрине России, встал вопрос о присоединении всего Кавказа к Российскому государству. С этого момента Северный Кавказ становится объектом военной экспансии не только со стороны Турции, Крыма и Ирана, но и царской России.

Именно тогда, в целях реализации своих военных планов по отношению к Северному Кавказу, царская Россия отходит от принципов, заложенных военно-политическим союзом с Кабардой еще с середины XVI века.

Несмотря на то, что Белградский мирный договор (1739) официально признал независимость Кабарды, она «в течение всей первой половины XVIII столетия постоянно вовлекалась в борьбу, которую вели

между собой Россия, с одной стороны, Турция и Крым – с другой», – отмечал известный историк Н.А.Смирнов.

Проводя различные мероприятия по подготовке и колонизации региона, Россия уделяет самое серьезное внимание Кабарде. Не подчинив себе Кабарду, в то время наиболее сильную в военном отношении и многочисленную по населению, царская Россия, конечно же, не смогла приступить к покорению других народов региона.

В 60-е годы XVIII века закладывается линия военных укреплений – от Кизляра до Моздока. Это стало началом возведения Кавказской линии. Действия, связанные с ее строительством, сопровождались изъятием у кабардинских и других горских народов земель и расширением сферы военно-казачьей колонизации. «Подобная политика влияла на некоторую часть социальных верхов Кабарды, – подчеркивает известный кавказовед, профессор М.М. Блиев, – которая требовала упразднения Моздока».

Не добившись в своих требованиях упразднения крепости Моздок, кабардинцы начали совершать нападения на русские укрепления. Правительственная же программа России сводилась к тому, как отмечает документ, что единственным «надежным средством для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением».

Весьма показателен пример, свидетельствующий о наличии конкретного плана присоединения Кабарды, предложенный капитаном Российской армии Михаелем Гастотти, проводившим топографическое исследование Кабарды в 60-е годы XVIII века. Он предлагал концепцию политики, которую, по его мнению, должна проводить Россия по отношению к Кабарде с целью окончательного утверждения здесь своей власти.

«Как небезызвестно, – писал Гастотти, – что под защитением России, да и в независимости живущие горские народы во всем следуют

Великой Кабарде». И нужно привести ныне Кабарду в такое состояние, чтоб впредь можно было, «некоторым образом ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно» и чтоб не надо было опасаться каких-либо с ее стороны «хлопот и беспокойств».

Анализ архивных материалов и других источников по Кавказу показывает, что поводом к началу активных военных действий между царскими войсками и кабардинцами послужило строительство российскими властями в 1763 году военной крепости Моздок на землях, принадлежащих кабардинцам, в результате чего были отторгнуты многие земли, что вызвало их резкое недовольство.

Мероприятия с отторжением земли у горских феодалов (в первую очередь у кабардинских), строительство на них военных укреплений и казачьих станиц, происходило на фоне борьбы за этот важный стратегический регион между соперничавшими странами – Турцией, Ираном и Россией. В силу этого невозможно рассматривать политическую ситуацию, сложившуюся в Северо-Кавказском регионе в этот период, без учета и анализа планов и действий названных держав и освободительной борьбы горцев с завоевателями.

Вместе с тем, несмотря на освободительный характер борьбы кабардинцев против царизма, в противостоянии России с Турцией и Ираном они, как правило, поддерживали Россию. И это не случайно. Многовековая история взаимоотношений России Кабарды, совпадение их интересов по многим вопросам весьма осознавались кабардинцами. В то же время кабардинцы хорошо знали и испытали на себе, что им несли единовенная Турция и Иран. Поддерживая Россию, участвуя в войнах на ее стороне, кабардинцы надеялись на положительное решение всех вопросов, возникших между ними и Россией.

Однако адыги, не по своей воле втянутые крупнейшими державами Азии и Востока в сложнейшие исторические события, обманулись в своих

ожиданиях. Каждая из соперничавших крупных держав стремилась использовать их в своих интересах, тем самым лишая какой-либо перспективы на самостоятельное развитие.

Россия, имея по сравнению с другими державами большее влияние на кабардинцев, умело использовала их в политических целях. Этому способствовали в первую очередь историческая база многовековых связей с Кабардой, географическая близость, установившиеся экономические, военные, политические и другие связи. Начав активную военную колонизацию, царизм умело всем этим пользовался.

Однако конфискация земель в Кабарде в ходе экспансии и раздача их казакам, солдатам, офицерам и чиновникам, вызвавшая упорное сопротивление кабардинцев, привели к вооруженному противостоянию, продолжавшемуся многие десятилетия с 1763 до 1825 гг. В войну были втянуты все слои кабардинского общества, так как в ходе решения Россией ее геополитических интересов в конфликте резко обозначились национальные, религиозные, социально-экономические и другие противоречия. Единственный же путь их разрешения царизм видел в применении силы, что вынудило кабардинцев, как, впрочем, и другие народы Северного Кавказа, стать на свою защиту с оружием в руках.

Таковы были основные причины Кавказской войны, растянувшейся на столетие (1763-1864 гг.)

Мурзаканова Е.А.
г. Нальчик

Кавказская война и махаджирство

В условиях революционной ситуации, которая сложилась в России в 1859-1861 гг., правительство Александра II было вынуждено отменить крепостное право. Однако, этот акт только усугубил внутренние противоречия. Ускорив решение «кавказской проблемы», царская администрация таким образом пыталась выйти из сложного положения

В 1860 г. была разработана «новая политика», согласно которой военное начальство намеревалось сократить численный состав кавказского населения, вытеснив основную его часть в пределы Турции, а «очищенные» районы заселить казачеством и переселенцами из внутренних районов России¹.

Для непосредственного проведения этой политики был назначен новый наместник на Кавказе князь Барятинский, который писал военному министру, что «эта мера (т.е. выселение черкесов в Турцию. – Е.М.) избавит нас от таких личностей, которые отличаются фанатизмом и вредным для нас влиянием на соплеменников, и ускорит окончание войны, а следовательно, уменьшит издержки с нею сопряженные»². Такого же мнения придерживались организаторы переселения генералы Лорис-Меликов, Кундухов, Евдокимов и другие.

Местная администрация поставила кавказские народы перед выбором: или переселиться на равнину и подчиниться царскому управлению, или выселиться в Турцию. Отказавшиеся «покориться» «отбрасывались в бесплодные горы, оттеснялись к морю, а затем им только и оставалось уходить в Турцию...»³.

Однако фактически представленной альтернативы не существовало. Первый вариант, (уйти в неплодородные болотистые места) вынуждал выбирать второй (практически единственный) – переселение в Турцию.

Еще с 1858 г. вопрос о выселении черкесов и других народов Кавказа стал предметом «весьма деятельной дипломатической переписки» и переговоров между русским и турецким правительствами. Чтобы ускорить решение этого вопроса в Константинополь был отправлен генерал-майор Лорис-Меликов, который «превосходно» справился со своим заданием, добившись согласия турецкого правительства принять в пределы империи 3 тысячи семейств кавказцев.⁴

Сообщая о тех событиях на Кавказе А.П. Берже писал, что турецкое правительство, полагая, что это переселение будет совершаться постоянно и не потребует особых усилий и средств, «смотрело весьма благоприятно на прилив черкесов в Турцию».⁵

Кавказ наводнили турецкие агенты, проводившие среди населения агитационную политику. Один из таких агентов Мухамед Насарет, обращаясь к черкесам, призывал: «Берите ваши семейства... и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов, и весь народ наш принимает в этом деле участие».⁶

Турецкое правительство строило свои планы в отношении вынужденных переселенцев. Оно намеревалось использовать кавказцев в будущем как боевую силу в войнах против России и на Балканах, а также в качестве рабочих для освоения залежных болотистых земель. Британский посол в Константинополе предлагал правительству Турции «образовать из них военную колонию для турецкой армии, так, чтобы

земледельческое население не было обречено в такой стеснительной мере рекрутскими наборами».⁷

Но, в то же время, официальные круги Турции заявляли о своей непричастности к событиям на Северном Кавказе, делая вид, что только обстоятельства вынуждают их открывать свои границы для оказавшихся в беде братьев-мусульман.

Официальное выселение кавказских народов началось в мае 1862, когда состоялось «утверждение «постановления Кавказского комитета» о переселении черкесов, которое последовало вслед за усилившимися военными действиями на Кавказе. Прежде всего был поставлен вопрос о переселении абадзехов и шапсугов, чтобы затем широко развернуть колонизацию в данном районе».⁸ Для того, чтобы «облегчить достижение полного успеха в этом деле, генералу Евдокимову было разрешено выселять черкесов в Турцию на казенный счет».⁹ Однако, этот вопрос остался открытым.

Переселение осуществлялось на контрабандных турецких кочермах, приплывавших к кавказскому берегу в больших количествах. Свидетель тех событий, французский журналист А. Фонвилль писал: «... Турки были до такой степени жадны и корыстолюбивы, что суда обыкновенно нагружались, что называется, до верху; триста или четыреста человек наполняли пространство, на котором в обыкновенное время помещалось от 50 до 60 человек...».¹⁰

Ко всем бедствиям, сопровождавшим переселенцев прибавилась и работорговля. Особенно тяжелой была доля молодых девушек и женщин. Они представляли живой товар для многочисленных турецких гаремов и невольничьих рынков. А. Берже отмечал, что женщин продают и отправляют в Константинополь целыми партиями. «В Трапезунде можно видеть партии в 40-50 женщин, предводимые одним хозяином».¹¹ Русский консул в Трапезунде А.Н.Мошнин 11 декабря 1863

г. писал: «На днях паша купил 8 красивых девушек по 60-80 рублей за каждую и посылает их в Константинополь. Ребенка 11-12 лет обоего пола можно купить за 30-40 рублей».¹²

Контрабандные суда, на которых переправляли кавказских переселенцев отличались легкой конструкцией и очень часто подвергались по пути опасности. Бывали случаи умышленного потопления судов. «Многие барки, – нагруженные черкесами, имели пробуравленное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги, назначенные на расходы, оставались в карманах заведывающих делом лиц... Предание это, если принять во внимание жестокость нравов тогдашнего кавказского чиновничества очень правдоподобно и отчасти подтверждается тем обстоятельством, что официально констатированы случаи затопления барок с черкесами от «бурь».¹³

Россия и Турция, удовлетворенные ходом переселения, лишь изредка тревожили друг друга напоминанием о существующих договоренностях.

Европейские державы не могли, конечно, смотреть на все эти события спокойно, прежде всего, потому, что речь шла о утверждении России на Кавказе. Но если поначалу английские агенты, совместно с турецкими, всячески провоцировали переселение и делали все возможное, чтобы не допустить, в частности, переселение приморских черкесов на Кубань, на отведенные им земли, то теперь европейские дипломаты буквально осаждали султанское правительство с требованиями отказать кавказцам в «убежище». Переселенцам, в свою очередь, европейские дипломаты усиленно внушали мысль о скором возвращении на родину для продолжения борьбы. Вместо оказания реальной помощи они ограничивались всякими «советами», которые им обходились потом дорого. Так, по настоянию европейцев, под видом

заботы об охране здоровья жителей Трапезунда, черкесов поселили недалеко от города, в местах, известных своим вредным климатом. «Не меньше горя причинял беженцам 15-дневный карантин для судов, приходивших с кавказского берега, учрежденный по требованию иностранных консулов под видом предохранения населения от тифа и оспы. Карантин этот был фикцией. Суда имели постоянное сообщение с берегом, и только не смели выгружать переселенцев, дальнейшее пребывание которых на корабле в условиях голода и крайнего изнурения, было пыткой».¹⁴ Русский поверенный в Константинополе эти «карантинные стеснения» называл именно, «англо-французской интригой».¹⁵

Английская же официальная пресса развернула широкую антирусскую кампанию, изображая царское правительство единственным виновником трагедии кавказских народов. Посол Англии в Петербурге писал, что «это выселение беспокойных народов есть обычная политика России».¹⁶

Количество беженцев в Турции быстро уменьшалось, они вымерли наполовину в течение нескольких недель. Русский консул 25 июня 1864 г. писал: «Черкесы в Турции вместо обещанных благ получили голод, нищету, болезни».¹⁷ «До черкесов мне нет никакого дела»¹⁸ – отвечал турецкий губернатор в Варне на вопрос русского консула о причинах массовой смертности переселенцев.

Тяжелое положение в котором оказались кавказские переселенцы постепенно убеждало их на практике, что они должны вернуться на Родину. В русское посольство и во все консульства на Востоке в 1864 г. циркулярно было сообщено о запрещении выдавать паспорта или какие-либо документы, предоставляющие право «уроженцам Кавказского края», принявшим турецкое подданство, возвращаться в отечество. Но, несмотря на все запреты, обратный поток переселенцев из Турции в

Россию увеличивался. Уже в ноябре 1861 г. командующим Кавказской армией были выработаны особые «Правила» о порядке возвращения горцев из Турции и поселении их за пределами Кавказа. Возвращающиеся должны были отправляться на постоянное место жительства за Урал и в Оренбургскую губернию, центральные губернии России и на Дон. Их часто насильно отсылали обратно в Турцию.

15 августа 1865 г. начальник штаба Кавказской армии генерал Карцев писал Мошнину в Трапезунд: «В ответ на мое донесение по поводу желанья эмигрантов-черкесов вернуться в Россию, императорский министр, известил меня, что не может быть даже вопроса о возвращении этих горцев».¹⁹ Начальник штаба Кавказской армии 28 февраля 1864 г. также писал начальнику порта Поти: «Прошу Вас принять меры, чтобы проживающие в Турции горцы не были пропускаемы в наши пределы не только без паспортов... но и с паспортами, не визированными нашими консулами».²⁰

Возвращение между тем продолжалось. Многие возвращались под видом нищих, шли пешком по году и больше, пока не приходили на прежние места жительства или гибли по пути следования. По некоторым данным, в течение 1861 г. из Терской и Кубанской областей было выселено 10045 человек, из которых в том же и следующем 1862 г. возвратилось 7149 человек.²¹ В последующие годы количество возвращавшихся из-за различных препятствий сократилось.

Кавказская война и как следствие ее, выселение кавказских народов, сыграли в их истории роковую роль. На долгие десятилетия на Кавказе прервался поступательный процесс социально-экономического, политического и культурного развития.

Примечания:

- ¹ Дзидзария Г.А. Массовое выселение горцев в Турцию в 1859-1864 годы.// Адыги. Нальчик, 1991. №2. С.100.
- ² Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа.// Русская старина. 1882. Т.33. С.348.
- ³ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. СПб., 1904 г. Кн.5. С.505.
- ⁴ Берже А.П. Указ. соч. С.342.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Цит. по: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии 19 столетия. Сухуми, 1982. С.202; ЦГИАГ, ф.545, оп.1, д.63, л.266.
- ⁷ Журнал «Кавказ», 1864. №47.
- ⁸ АКАК, Т.ХII, Ч.II. с.1006. №883.
- ⁹ Там же. с.1007. №885.
- ¹⁰ Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Краснодар, 1927. С.36-37.
- ¹¹ Берже А.П. Указ. соч. С.355.
- ¹² Там же. С.354.
- ¹³ Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С.8.
- ¹⁴ Берже А.П. Указ. соч. С.175-176.
- ¹⁵ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С.242.
- ¹⁶ Цит. по: Санкт-Петербургские ведомости. 1864. №124. С.73.
- ¹⁷ Цит. по: Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994. С.191.
- ¹⁸ Берже А.П. Указ. соч. С.354.
- ¹⁹ Там же. Указ. соч. С.351.
- ²⁰ Цит. по: Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994. С.190.
- ²¹ Там же. С.191.

Мусхаджиев С.-Х.Х.

г. Майкоп

**Черкесская община имамата:
формирование и правовое положение (1840-1850-е гг.)**

В последние годы заметно возрос интерес исследователей к проблеме общественно-политического развития народов Северного Кавказа в период освободительного движения (XVIII – XIX вв.) против колониальной политики Российской империи.¹ Среди разделов этой проблемы важное место занимает тема государственности горцев, внутренние и внешние факторы ее возникновения, идеологические и административно-политические институты существования и причины падения.

Имамат, такое название закрепилось в исторической литературе за государственным образованием горцев Чечни и Дагестана в период освободительного движения в 1830 – 1850-е годы. По своей сущности имамат принадлежал к мусульманским теократиям, в его религиозно-политической системе высшим институтом стала должность имама, в руках которого была сосредоточена вся верховная духовно-религиозная и военно-политическая власть. Если тема имамата достаточно хорошо освещена в литературе, то многие этнические аспекты ее остаются за чертой внимания исследователей. Однако не может быть никаких сомнений в том, что вопросы этнического состава имамата, национальная политика Шамиля, культурное и правовое положение отдельных этнических общин имеют серьезное значение для составления полноценной исторической картины эпохи Кавказской войны.

Настоящая статья посвящена уникальной странице освободительного движения – причинам формирования и административно-правовое положение небольшой черкесской общины на территории имамата в 1840-1850-е годы. Истоки появления адыгских переселенцев на Северо-Восточном Кавказе связаны с налаживанием тесных контактов между основными центрами сопротивления колониальной политике царской России на Северном Кавказе в начале 40-х годов XIX в. Поход имама Шамиля во главе крупного военного отряда в Кабарду в апреле 1846 г. стал серьезной попыткой в освободительной борьбе горцев на осуществление общекавказского плана, а также мощным импульсом в адыго-имаматских взаимоотношениях.

Несмотря на то, что Шамилю не удалось достичь стратегической цели, все-таки Западный поход положил начало организованного присоединения части кабардинцев и других адыгов к движению Шамиля, что выразилось в переселении 37 князей, дворян и немалого числа кабардинских крестьян с семьями в Чечню. Царское командование, опасаясь народных волнений, начало принимать в Кабарде серьезные меры административного и карательного характера.

За беспечное поведение, позволившее кабардинцам подготовиться к появлению Шамиля и содействовать ему, начальник центра Кавказской линии генерал Голицын был смещен с должности. Началась жестокая расправа с восставшими кабардинцами. Командующий военными силами на Кавказе князь М.С. Воронцов решил "строго наказать лиц, которые добровольно пристали к Шамилю, содействовали возмущению и приглашали его в Кабарду".² Повстанцев объявили вне закона и признали абреками, которых следует строго наказать. Были предприняты репрессивные меры против духовных лиц прошамилевской ориентации. По приказу Воронцова эфенди У.

Шеретлокова арестовали и отправили в Ставрополь. Собственность восставших владетелей была конфискована царскими властями. Император Николай I дал личное указание наказать князя Мухаммад–Мирзу Анзорова, присоединившегося к Шамилю, "строже других". "Все имения, принадлежащие членам рода Анзоровых", перешедших на сторону лидера имамата, были переданы во владение ротмистру Хату Анзорову, служившему в императорском конвое.³

Кабардинская кампания показала, что Шамиль от пламенных воззваний,

призывающих к объединению сил горских народов против колониальной политики Российской империи, способен перейти к осуществлению масштабной военно-политической акции. Его появление в центре Кавказской линии дало сильный импульс для новой волны освободительного движения многих народов Северного Кавказа. Несмотря на то, что главная цель похода не была достигнута, горцам удалось нанести противнику существенный экономический и политический урон. На определенный хронологический промежуток была парализована стратегическая магистраль того времени – Военно-Грузинская дорога, – тем самым существенно затруднена связь между Тифлисом и Северным Кавказом. Действиями отряда Шамиля были прерваны сообщения между Владикавказом и Екатеринодаром, не говоря уже о том, что опустело курортное хозяйство Пятигорска со всеми его заведениями минеральных вод. Эта кампания состоялась в период, известный как "блистательная эпоха" Шамиля, когда его власть достигла своего военно-политического апогея. Знаковый смысл кампании заключается в том, что имаму во главе крупных военных сил впервые удалось так далеко выйти за территориальные границы имамата Чечни и Дагестана.

После похода Шамиля недовольство все более ужесточающимися колониальными порядками среди жителей Кабарды продолжалось. Это выразилось в непрекращающихся побегах части кабардинских крестьян, князей и узденей в имамат. Так, даже генерал Нестеров уведомлял "о намерении Шамиля повторить нашествие на Кабарду". Начальник центра Кавказской линии от 10 августа 1847 г. сообщал, что "более чем 60 человек кабардинцев, в числе которых называют двух князей, намерены с семействами своими бежать в Чечню", упорно распространялись слухи и кабардинскими абреками, и русскими лазутчиками о желании Шамиля "попытаться возмутить горский (кабардинский – С.М.) народ ... вновь".⁴ Царские власти, серьезно обеспокоенные этой информацией, значительно расширили круг средств и мер наказания. В 1847 г. была создана специальная Военно-судная комиссия для "осуждения кабардинцев за связи с абреками и Шамилем". Таким образом, репрессиям подвергались не только лица, примкнувшие к Шамилю, но и подозреваемые в связях с абреками и "непокорными" горцами.

Наиболее активным вдохновителем и организатором побегов стал Мухаммад-Мирза, который после переселения в имамат продолжал поддерживать тайные связи со своими соплеменниками в Кабарде. В рапорте от 5 сентября 1847 г. полковник Беклемишев сообщал, что "многие из них (кабардинцев – С.М.) намерены бежать в Чечню и что побегу их будет способствовать известный абрек Магомет-Мирза Анзоров, выдвинув сильную партию к Тереку, слухи эти подтверждаются известиями из Владикавказского округа".⁵ Агитационную деятельность Анзоров проводил не только среди кабардинцев, но и ингушей, осетин (дигорцев и тагаурцев), владельцы последних клятвенно заверили его о своей решимости присоединиться к Шамилю. В сентябре 1847 г. Анзоров готовил операцию с целью тайно и

организованно переселить в имамат тех горцев, которые дали ему присягу. Об этом царским властям сообщал верноподданически настроенный кабардинский уздень Батырбек Тамбиев. В письме от 2 сентября 1847 г. он писал: "Магомет Мирза недели три тому назад приезжал в Большую Кабарду с товарищем своим, муллою Березговым, остановился в лесу и послал его к владельцам, которые были ему нужны, а сам между тем ночью навестил мать свою".⁶ В тайном совещании со своими сторонниками он объявил о планах переселения, которые получили полное одобрение присутствующих. Из Кабарды Анзоров вернулся с большим подарком – 16 лошадей получил он из табуна князя Пшемахо Джамботова.⁷

Организованного переселения не состоялось, царизм значительно укрепил свои позиции, усилив гарнизоны войск, расположенных в центре Кавказской линии. Кроме того, многие кабардинские феодалы, тесно связанные с кавказской администрацией, оказывали поддержку русским властям в борьбе с освободительным движением горцев.

Интерес представляет социально-экономическая и идейно-политическая мотивация единичных и массовых переселений горцев, представляющих совершенно различные социально-классовые образования (зависимые и вольные крестьяне, мелкие уздени и крупные феодалы). Зависимые кабардинские крестьяне, которые в русских официальных документах именуется "холопами", терпевшие прежде тяжелый феодальный гнет, получали в имамате социальное раскрепощение, их права были уравнены с правами других жителей имамата. Специальный низам Шамиля освобождал их от феодальной зависимости и четко гарантировал правовую защиту от бывших владельцев. Исламская идея о равенстве всех мусульман перед Аллахом, подкрепленная практическими мерами имама Шамиля, стала

одновременно и социальным лозунгом, привлекавшим в лагерь освободительного движения многих зависимых крестьян.

Если простые крестьяне в побегах искали возможность избавиться от поборов и угнетения со стороны феодалов, то те представители кабардинской кня-

жеско-узденьской знати, которые присоединились к Шамилю и ушли в имамат, были движимы в большей степени патриотическими чувствами и антиколониальным настроением. Только этим можно объяснить поступок, в частности, Мухаммад-Мирзы Анзорова, который бросил "богатые поместья, огромные табуны лошадей, считавшиеся лучшими во всей Кабарде".⁸ Он пользовался большим доверием и авторитетом у царских властей, состоял на службе при начальнике центра Кавказской линии, в составе кабардинской депутации был принят в 1845 г. в Петербурге императором Николаем I. Ему царь лично изволил вручить знамя для кабардинского народа. Всем этим он пожертвовал для того, чтобы рядом с имамом Шамилем участвовать в тяжелой освободительной борьбе. Вообще, побеги горцев, в том числе и кабардинцев, с той территории, где утвердился колониальный режим, в имамат следует рассматривать, по нашему мнению, как одну из форм освободительного движения.

Юридическая сторона побегов заключается в том, что большинство перебежчиков являлись подданными Российской империи и, соответственно, их права регламентировались российскими законами. Переселяясь в имамат, они прекрасно осознавали, что их положение будет определяться нормами шариата.

Царизм всех беглецов объявил "абреками", которые должны быть подвергнуты строгим мерам наказания: конфискации всего имущества, ссылке с семьями в Сибирь и др. В имамате же они получили почетное звание "мухаджиров" – "переселенцев за веру", то есть, мусульман,

бежавших от русских и осевших в имамате. На их содержание из государственной казны направлялись поступления от налога-закята. Имам от своих подчиненных требовал проявлять особую заботу о мухаджирах. Видимо, такой политикой Шамиля можно объяснить, тот факт, что и после его похода продолжались частичные переселения некоторых адыгов в имамат.

Анализ взаимоотношений имамата и адыгов дает также возможность изучить и национальную политику Шамиля. Несмотря на явное преобладание чеченцев и дагестанцев, имамат являлся многонациональным государством и его жизнеспособность во многом зависела от рациональной организации межэтнических отношений. В источниках не встречается ни одного факта, что на почве межэтнических противоречий в горском государстве случались конфликты. Внутрикавказские действия Шамиля, связанные с вовлечением в движение все более широкого круга участников, никогда не носили характера карательных действий по отношению к конкретному народу или этнической группе, занимавшим явно пассивную позицию. Все усилия Шамиля были направлены на объединение, на достижение политической консолидации всех народов имамата и Северного Кавказа в борьбе против военно-колониальной экспансии России, в которую свою весомую лепту внесли и адыги.

Адыгские переселенцы в значительной части состояли из кабардинцев, абадзехов и бесленеевцев. Все они организованно в имамате были размещены по их же просьбе в гехинском наибстве (западная Чечня), ближе к Кабарде. Документальных данных об их точном количестве не обнаружено. Несомненно, речь идет о нескольких тысячах людей, включая женщин и детей. На Северо-Восточном Кавказе для их обозначения, как и для обозначения всех адыгов, использовался

чеченский этноним – "чергазий" (черкесы) и мусульманский термин мухаджирь.

Обустройство мухаджиров стало одной из первостепенных государственных задач в имамате. Шамиль направлял письма наидам и другим должностным лицам, а также жителям Малой Чечни с указанием оказать посильную помощь новым поселенцам. В письме от 1848 г. шатоевскому наиду Дубе имам писал: "Чтобы ты смотрел на этих мухаджиров – черкесов взглядом радости и почтения и помогал им, чем только возможно, во всех делах ... Мы повелели это и другим наидам и правителям. Это вам наш приказ от всего сердца, а от вас нужно послушание и повиновение".¹

Руководитель мухаджиров Мухаммад-Мирза Анзоров своим активным участием в освободительном движении завоевал глубокое уважение имама и его окружения. 22 августа 1846 г. он был назначен гехинским наидом (Малая Чечня) вместо Атабая, получившего повышение. Это назначение было подтверждено 2 декабря 1846 г. специальным документом – "байаном" ("разъяснение", "установление"), где юридически закреплялся статус черкесской общины в имамате, регламентируя различные аспекты ее жизнедеятельности. Основные законы, которыми община должна руководствоваться, были объявлены "высокопочтимый шариат и низам имама", куда включался и данный байан. Утверждался глава общины и круг его компетенций: "Для них он (имам – С.М.) назначил главу над сотней, это – Мухаммад Мирза ибн Анзор, и передал в его руки все дела мухаджиров". Были определены источники дохода: "их хумс (пятая часть военной добычи – С.М.) и бейт ал-мал (мусульманская казна – С.М.) будут в их руках, как это указывается в Книге (Коране – С.М.), и с тем, чтобы их доля в добыче, в случае, если были с чеченцами, была бы соответственно числу их конных людей. А если они были во главе их (черкесов) без смешения с

ними (чеченцами), то весь хумс – в их руках". Если возникали споры между чеченцами и черкесами, проживающими в одном наибстве, то байан предусматривал следующее: "пусть они идут к судье, как об этом указывается в книге в отношении жалобщика и ответчика". Байан гарантировал социальную защиту крепостным и зависимым крестьянам от бывших владельцев: "И нет притеснения им, если придут перебежчики (крестьяне – С.М.) после них их хозяева". Последняя часть этого документа включала систему наказаний: "А что касается наказания, все равно, ушел ли кто в войско (враждебное), или предался делам, отличным от дел имама и наиба, оно осуществляется согласно установлению наибов".²

Документ был скреплен печатями и подписями лиц, представлявших с одной стороны, военно-административную власть – наибы Атабай и Мухаммад-Мирза; с другой стороны, представители богословско-судебной власти – известный улем Сулейман-эфенди, бывший наиб среди западных адыгов, и черкесский ученый-богослов, кадий мухаджиров Ибрахим-Хаджи, которого имамский секретарь в своей хронике называет Ибрахимом ал-Черкеси.

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что административно-правовое положение черкесской общины в имамате имело много общего с автономией³, если это понятие вообще применимо при характеристике мусульманского государства XIX в. В подтверждение данного тезиса говорит то, что назначенный руководитель общины и области, где она проживала совместно с чеченцами, был черкесским мухаджиром. Право наказания провинившихся мухаджиров в соответствии с законом имамата также стало прерогативой их руководителя. Судебную власть возглавлял тоже член общины. Мухаджирам было позволено иметь свою казну, и это в условиях, когда все поступления с разных уголков имамата были

централизованы в единую государственную казну, ставшую материально-финансовой базой освободительного движения. Такая политика предоставления широких прав небольшой этнической общине внутри государства успешно решала национальный вопрос и призвана была расширить освободительное движение путем вовлечения в него соседних народов и территорий.

Наиб Малой Чечни Мухаммад-Мирза, осуществляя, власть над вверенной ему областью, проявил незаурядные организаторские качества. О его достаточно высоком авторитете не только среди черкесских мухаджиров, но и в военно-административном руководстве имамата свидетельствуют документальные материалы канцелярского архива наиба, который в качестве трофея в январе 1852 г. был захвачен русскими войсками в чеченском ауле Автуры, в доме, где проживало семейство М. Анзорова. Среди документов находились письма, адресованные Мухаммад-Мирзе. В них нашли отражение проблемы, волновавшее горское общество, роль и функции наибов и мудира, отношение к переселенцам и т.д. В качестве корреспондентов М. Анзорова фигурируют крупные деятели освободительного движения горцев – имам Шамиль, чеченские наибы Атабай, Дуба, Талгик, командующий артиллерией наиб Хаджи-Яхья Казикумухский, посланник Шамиля в Черкесии наиб Мухаммад-Амин и др. Шамиль не раз в своих письмах называет Анзорова "любимым братом", показывая свою признательность за то, что он, оставив свои богатства, присоединился к воюющим горцам. Мухаммад-Амин обращается к нему как "к самому любимому из людей".⁴

За большие заслуги в освободительном движении 4 марта 1849г. Шамиль назначает М. Анзорова на более высокую военно-административную должность мудира (генерал-губернатора) Малой Чечни. Под его начальство переходят земли Шубута, лежащие за

Аргуном к западу от Варанды, Закан-Юрта, Вашингдора и Тумсоя. Об этом имам сообщает в своем письме к влиятельному чеченскому наибу Дубе: "Когда возросла необходимость в месте для мухаджира Мухаммада Мирзы, достойном его, мы передали ему селения Шубутского (района)... И да не будет в твоём сердце обиды на него. Мы сделали так из-за крайней необходимости".⁵ В дальнейшем (в начале 50-х гг. XIX в.) имам расширял территорию, подвластную Анзорову, включая в нее новые районы. Это было связано с тем, что из-за постоянных военных действий нарушалась территориальная целостность имамата. В письме к жителям района Галая и Аршты Шамиль отмечал: "...мы назначили над вами вашего просвещенного брата, черкеса Мухаммада Мирзу, потому что его вилайет тесно примыкает к вашему вилайету. И в том есть большая польза для вас. Так слушайте же его и повинуйтесь ему. Кто повинуется ему, тот повинуется мне, а кто ослушивается его, тот ослушается меня".⁶

Военно-административная деятельность Мухаммад-Мирзы приходится на то время, когда Малая Чечня становится одним из основных театров боевых действий. В планах русского командования она заняла центральное место с 1846 г., когда Воронцов объявил приоритет тактике систематических действий. Она заключалась в переселении горцев с подвластной Шамилю территории на уже завоеванную землю, лишение пашен и пастбищ на равнине непокорных, принуждая их покориться. Эти методы наиболее успешно осуществлял начальник Сунженской линии генерал-майор Н. Слепцов.

Тактика "выжженной земли" царизма натолкнулась на героическое сопротивление горцев. В своем рапорте от 20 июня 1850 г. Слепцов отмечал, что "жители нагорной Малой Чечни, известные под общим названием гехинцев ... вместе с абреками и беглыми разных племен, постоянно обнаруживали себя особенно враждебным к нам

расположением".⁷ Действиями горцев в Малой Чечне руководили, в первую очередь, наибы Атабай, Саадола и Мухаммад-Мирза, который во время зимней экспедиции 1847-1848 гг. царских сил противостоял особенно храбро, используя артиллерию.⁸ В одном из крупных сражений в районе Гехи в июне 1851 г., где ранение в ногу получил и генерал Слепцов, был смертельно ранен М. Анзоров, который скончался 19 июня. Сообщая эту важную новость, рапорт царского генерала дает наиболее емкую характеристику личности Мухаммада-Мирзы: "главный наиб Малой Чечни, известный беглец, влиятельный поборник Шамиля".⁹

В личности М. Анзорова наиболее рельефно отразились взаимоотношения имамата и адыгов в период освободительного движения. Несмотря на то, что в силу целого ряда причин Шамиль и его сторонники не решили задачу территориального расширения фронта сопротивления Российской империи путем вовлечения Кабарды, все же им удалось завоевать симпатии народов Центрального и Северо-Западного Кавказа, тысячи представителей которых вместе с семьями, оставляя имущество и родные очаги, направлялись на территорию горского государства, формулой существования которого стала борьба против колониального порабощения.

Примечания:

¹ Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.

² АКАК. Т. X. С. 585.

³ Там же. С. 584.

⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 711. Л. 2.

⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 711. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2 об.

⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 711. Л. 3-4.

⁸ АКАК. Т. 10. С. 584-585.

⁹ Шарафутдинова Р.Ш. Арабские письма Шамиля из архива Б.А. Дорна // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. М., 1974. С. 212.

² Шарафутдинова Р.Ш. Арабский документ из архива акад. Б.А. Дорна (Мат-лы к истории освоб. движ. горцев на Сев. Кавказе в 20-50х гг. XIX в.) // Письм. памятники Востока. Ежегодник 1971. М., 1974. С. 164-165

³ См. Приложение № 1.

⁴ Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX в. (Сборник документов и материалов). Махачкала. 1998. С. 267.

⁵ Шарафутдинова Р.Ш. Арабские письма Шамиля из архива Б.А. Дорна // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. М., 1974. С. 211.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ АКАК. Т.Х. С. 511.

⁸ Кавказский сборник. Тифлис, 1885. Т. IX. С. 409.

⁹ АКАК. Т.Х. С. 514.

Нагучева Н.К.

г. Майкоп

К вопросу о роли торговли в развитии русско-адыгских отношений в XIX веке

Кавказская война в истории адыгов стала трагическим цивилизационным переломом, приведшим к появлению и развитию необратимых социально-экономических, политических, ментальных процессов. Её последствия до сих пор являются не только достоянием науки, но и оказывают непосредственное влияние на современное развитие Кавказа. Объективное представление о цивилизационных особенностях развития кавказских народов в целом позволит наиболее оптимально решить геополитические и экономические проблемы современности. Вопрос о возможности избежать столь трагичных событий на Кавказе XIX века поднимался уже современниками Кавказской войны (Хан-Гирей, Раевский Н.Н. и т.д.) Мы хотим показать одну из сторон жизнедеятельности адыгского общества, которая по нашему мнению имела все шансы стать основой мирного вхождения адыгов в состав Российской империи. Цель статьи – рассмотреть торговлю как одно из важнейших средств мирного развития русско-адыгских отношений. Достижение данной цели предполагает решение следующей задачи: раскрыть значение торговли в жизнедеятельности и жизнеобеспечении адыгов.

Торговля издревле являлась важнейшей отраслью экономической системы адыгов, что было обусловлено в первую очередь спецификой геополитического положения Кавказа. Она была одной из основ не только материального благосостояния, но и существования всей адыгской цивилизации. На сегодняшний день существует достаточно

серьёзная историографическая и источниковая база по вопросу о развитии торговли адыгов в XVIII – XIX в.в. Генезис торговых отношений адыгов исследовался как в рамках общих трудов по истории адыгов, так и в специальных трудах¹.

Анализ русскоязычных источников и существующих на сегодняшний день исследований позволяет выделить следующие характерные черты адыгской торговли:

- Ориентированность, прежде всего, на внешний рынок;
- Основополагающая часть торговых отношений осуществлялась в форме ярмарок;
- Имела посреднический характер, прежде всего, в рамках внутренней торговли;
- Осуществлялась как меновым способом, так и денежным торгом.

Анализ торговых отношений адыгского общества не только позволяет в значительной степени понять уровень развития экономической системы адыгов, но и получить представление о специфике адыгской цивилизации. Здесь можно привести некоторые известные факты. По данным Пейсонеля, в XVIII веке из одной только Тамани ежегодно вывозились: 80 – 100 тыс. центнеров шерсти, чекмень – в количестве 100 тыс., готовая одежда – 266 тыс., мед – 506 центнеров, воск – 7-8 тыс. ок, сыромятные кожи – 5-6 тыс., куньи, лисьи, волчьи, медвежьи общей численностью свыше 250, овечьи шкуры – 500 тыс., 3000 центнеров икры, 2-3 тыс. центнеров рыбьего жира, 100 центнеров рыбьего клея, 2000 центнеров белуги и т.д.² В XIX веке происходит смещение центра торговли на черкесском берегу Чёрного моря в Анапу. Только отсюда ежегодно отправлялось 10 тысяч четвертей пшеницы, 30 тысяч четвертей ржи, 15 тысяч четвертей ячменя, 3 тысячи четвертей овса. Кроме того, вывозилось от 25 до 30 тысяч воловьих, коровьих и

буйволовых кож, от 10 до 15 тысяч овечьих кож, от 5 до 6 тысяч козьих шкур, от 100 до 150 тысяч заячьих шкур и до 4 тысяч кабаньих. Также вывозилось не малое количество волчьих, лисьих, куньих, беличьих мехов, от 3 до 5 тысяч пудов воску и другого различного сельскохозяйственного сырья.³ Однако в полной мере судит о размерах внешней торговли адыгов по этим данным можно лишь относительно. Вывозился так же строевой и хвойный лес⁴. Адыги торговали кроме Тамани в XVIII веке и Анапы XIX веке и в других пунктах Черноморского побережья: Пшада, Джубга, Шапсуго, Туапсе, Макопсе, Псезуапе, Субаши, Шахе, Вардане (Сюхпсе), Сочи и т.д.⁵ Также они торговали и с народами Закавказья и Северо-Восточного Кавказа. Таким образом, значительный пласт внешнеторговых отношений адыгов оставался вне сферы наблюдения таможенных чиновников Турции, Крыма и России. Существующие источники позволяют говорить о наличии внутренней торговли. Специфичность которой состояла в преобладании посреднической торговле осуществляемой в основном армянскими и адыгскими купцами. Почти полное отсутствие конкретных цифровых данных о внутренней торговле адыгов обеспечивает условность её характеристики.

Однако, даже те данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что все основные отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности адыгов – овцеводство, коневодство, пчеловодство, охота, ткацкое, войлочное, оружейное, шорное, ювелирное производства, а также земледельческая продукция – были ориентированны на торговлю. Они позволяют говорить о значительном уровне и размерах хозяйственной деятельности адыгов. Например, как уже выше указывалось, ежегодно из Тамани вывозилось: 80 –100 тыс. центнеров шерсти, 500 тыс. овечьих шкур, 200 тыс. бурок, 50-60 тыс. суконных шаровар и т.д. Для того чтобы представить какое количество

овец требовал такой экспорт продуктов овцеводства, укажем, что только для получения 80 тыс. центнеров шерсти нужно было ежегодно стричь около 6 млн. овец, считая, что каждая овца давала в год 1,5 кг. шерсти. К этому следует прибавить 500 тыс. овец, которых ежегодно закалывали, чтобы получить 500 тыс. овчин. В итоге, только одних овец ежегодно требовалось не менее 6500 тыс.⁶ только на удовлетворение внешнеторговых запросов.

Таким образом, можно утверждать, что торговля являлась одним из важнейших элементов экономического развития адыгов и одним из главных каналов их связи с внешним миром. Более того, исследование внешней торговли адыгов позволяет определить не только уровень социально-экономического развития адыгского общества, но и демонстрирует в полной мере специфичность адыгской цивилизации. В связи с этим на себя обращает внимание следующий факт. В течение длительного времени (более 2 тыс. лет) адыгский этнос активно использует почти всю гамму природно-климатических ресурсов Кавказа в значительных масштабах, но при этом не происходит нарушение экосистемы кормящего ландшафта, более того она на сознательном уровне поддерживалась адыгами⁷. Адыгам в процессе развития удалось создать уникальную систему жизнедеятельности, удовлетворяющую и учитывающую весь комплекс их жизнеобеспечения.

Торговля издавна использовалась разными государствами (древнегреческие полисы, Византия, итальянские города-государства, Османская империя) для утверждения политического господства на территории Черкесии.

Со времени поселения на Кубани донских, запорожских казаков и казенных крестьян (вторая половина XVIII века) между ними и адыгами разворачивается активная и постоянная торговля. Адыги в силу объективных причин тяготели к торговле с Россией. Расширение русско-

адыгских торговых отношений стало одной из причин их выхода за пределы меновых дворов. Даже в условиях военных действий наблюдается рост объема товарооборота. Например: с 1829 по 1833 год – 85 тыс. руб. (только на трех меновых дворах), в 1835 году – 193811 рублей⁸. Это небольшая часть всего объёма русско-адыгского товарооборота, т.е. начинался процесс втягивания адыгов в формирующийся российский экономический рынок. Полноценное развитие торговых связей, при очевидной взаимовыгоде⁹, способствовало более тесному и мирному сближению обоих народов. Одним из показателей данного процесса является следующее событие. 10 сентября 1827 года на Чернолесский меновый двор прибыла депутация от шапсугов «с прошением для заключения миролюбивого условия чтобы иметь связь с Россией и производить мену на всех российских меновых дворах против шапсугского владения, состоявших...»¹⁰.

Факт возможного мирного вхождения адыгов в состав Российской империи посредством широкого развития отношений отмечали и осознавали, прежде всего, современники. Свободная торговля «мирных и немирных» горцев с казаками «была вернейшим проводником сближения и знакомства с нами враждующих племен. Результатом этой благодетельной меры, сколько не представлялось затруднений и препятствий к осуществлению её, был ... огромный съезд закубанцев различных племен к Екатеринодару на Троицкую войсковую ярмарку. В продолжении более недели непрерывные обозы арб и караваны вьюков тянулись от Кубани к Екатеринодару, и закубанцы в значительных массах народа безоружного, смирного, промышленного, работающего ... рисовались на первом плане ярмарки. Очевидный факт, что сближение и знакомство посредством торговли легко возможно, даже при затруднениях и преградах полагаемых самою природою»¹¹. «Ежели

правым флангом будет командовать человек умный, ловкий и честный, то с этим племенем (адыги – Н.Н.) можно кончить без войны. Лет 9 командовал им Г. Засс – Пулло правого фланга, если ещё не хуже, – поэтому и дела шли плохо. Кратковременное командование флангом Безобразова, уже принесло большую пользу. Раевский, командовавший Черноморскою береговою линией, положил начало дружеским и торговым сношениям с ними русских»¹².

Таким образом, торговля в силу специфики цивилизационного развития адыгского общества выполнявшая интегрирующую функцию во внешнеполитическом взаимодействии, являлась одним из основополагающих факторов экономического и политического вхождения адыгов в состав Российской империи.

Однако, строгая регламентация и контроль торговли с горцами со стороны царского правительства, её откровенно политический характер и эскалация военных действий стали непреодолимыми препятствиями в процессе эффективного развития русско-адыгских торговых отношений.

Примечания:

¹Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. – М., 1967., Очерки истории Адыгеи. – Майкоп, 1957. Т. 1, Писарев В.И. Методы завоевания адыгского народа царизмом в первой половине XIX в.// Исторические записки. – М., 1940, История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988, Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа: становление, развитие и специфика (конец XVIII – первая половина XIX в.в.). Дисс. на соис. уч. ст. к.и.н. – Пятигорск, 2002, Пчегатлук С.К. Внешнеторговая политика России на Северо-западном Кавказе в 1800 – 1829г.г. Дисс. на соис. уч. ст. к.и.н. – М., 1996.

²Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750 – 1762 годах (в изложни Е.Д. Фелицина). – Б.М. 1990. – С. 22 – 30.

³Чирг А. Черкесия в первой трети XIXв (1800 – 1829гг.). // Гибель Черкесии. – Краснодар, 1994. – С. 38.

⁴Пейсонель М. Указ. соч. С. 30, Черкесские ярмарки в Екатеринодаре// Наша старина. – 1993. – № 3. – С.140.

⁵Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен населяющих северо-восточный берег Черного моря. – Русский вестник. – М., 1860. – Т. 28. – С. 519.

⁶ Гарданов В.К. Указ. соч. – С. 92-93.

⁷ Клинген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. – Спб., 1897, Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса//Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 1867. – № 4. – С. 7, Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. – Нальчик, 1974. – С. 111 – 122.

⁸ Государственный архив Краснодарского края. ф. 249. оп. 11. д.1478. л. 4.

⁹ Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864год // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. – Т. VIII. – С. 460, Гранкин Ю.Ю. Указ. соч.. – С. 98.

¹⁰ ГАКК. ф. 249. оп. 1. д. 1003. л. 110.

¹¹ Черкесские ярмарки в Екатеринодаре// Наша старина. – 1993. – № 3. – С.139.

¹² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 671, Оп.1, Д. 86, Л.26.

Панеш А.Д.
г. Майкоп

К проблеме российско-адыгских отношений в период Кавказской войны (теоретико-методологические аспекты)

В современной историографии участие адыгов в Кавказской войне характеризуется как борьба за независимость. События этой войны протекали на фоне сложной, неустойчивой и противоречивой обстановки на Северо–Западном Кавказе. Ситуацию в этом регионе определяло военно-политическое взаимодействие двух основных сил – России и Османской империи. В условиях столь сложной геополитической обстановки и в зависимости от внутренних причин отношения адыгов с сопредельными государствами складывались по-разному и имели неоднозначный характер. Одни из этнотерриториальных групп адыгов оказывались так или иначе в сфере влияния России, а другие – Турции. В этих условиях адыгам приходилось вести вооруженную борьбу за свою самостоятельность.

Взаимоотношения адыгов с Россией в период Кавказской войны не были равнозначными. Серьезное влияние на их характер оказывали внешнеполитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка. Важную роль играл и общий геополитический курс, проводившийся царизмом на Кавказе. При этом выявляется определенная закономерность: влияния смены и чередования жесткой и более сбалансированной политической и военной линии на характер российско-адыгских отношений. В этом смысле достоин внимания тот факт, что проводившаяся в первой четверти XIX в. генералом А.П. Ермоловым и вызывавшая осуждение прогрессивных кругов России жестокая военно-карательная политика привела к вооруженной

конфронтации с адыгами. Замена в дальнейшем такой политики более умеренным курсом способствовала некоторой стабилизации российско-адыгских отношений. Однако после заключения в 1829 г. Адрианопольского договора в политике царизма начинают доминировать планы военного захвата адыгских земель. Адыги оказали новому курсу царизма упорное противодействие.

Российско-адыгское отношение нельзя изображать как сплошное противостояние, так как они не имели однообразного характера в различные периоды исследуемой эпохи. Взаимоотношения между Россией и Черкесией определялись сложным переплетением конкретно-исторических факторов. Значительное влияние на их сущность оказывала геополитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка. Характер русско-адыгских отношений вытекал главным образом из особенностей взаимодействия России с Османской империей, Англией, Францией и другими странами Западной Европы. в равной степени это касается и адыготурецких отношений, которые не носили однозначного характера и отличались подчас неприязнью и даже враждебностью.

Немаловажную роль в Черкесии сыграла и политика имамата Шамиля на Северо-Западном Кавказе. Проникновение при этом мюридизма из Чечни и Дагестана имело неоднозначное значение для российско-черкесских отношений. Деятельность наибов Шамиля в Закубанье, поддерживавшаяся Османской империей, усиливала и сохраняла напряженность и конфронтацию между Россией и Черкесией. Мюридизм с другой стороны послужил объективно определенным фактором политической консолидации адыгов: Хотя идеология и практика мюридизма в силу уровня и особенностей развития адыгского общества не получили здесь достаточно широкого распространения, но он сыграл свою роль в их освободительном движении в XIX в.

Российско-адыгские отношения зависели в той или иной мере и от характера социально-экономического развития Черкесии. Сложные внутренние процессы, протекавшие в среде адыгов, влияли на них в прямой либо косвенной форме. Особое значение при этом имели социальные конфликты, происходившие между адыгской феодальной знатью и рядовыми массами крестьянства. Классовая борьба среди адыгов оказывала влияние на политическую ориентацию различных их групп и сословий.

Борьба адыгов Северо-Западного Кавказа против царской России в XIX в. носила в целом народно-освободительный характер. Она представляла собой широкое движение, в котором принимали участие все социальные слои адыгских общин. Боевые действия адыгов в большинстве случаев возглавлялись князьями, дворянами, старшинами, которые, нередко выражали общенациональные настроения. Активным участником освободительного движения являлось мусульманское духовенство. Сопrotивление горцев колониальной политике царизма вылилось в народно-освободительное движение. Но адыги, как и раньше оставались политически раздробленными и это сказывалось на их борьбе за независимость.

Борьба адыгов Северо-Западного Кавказа против царизма была связана и с движением горцев под руководством Шамиля. Движение горцев Чечни и Дагестана проходило под знаменем ислама, идеи которого нашли здесь благоприятную почву. Шамиль всячески стремившийся объединить северокавказских горцев, посылал к западным адыгам своих наибов. Однако их попытка объединить разрозненные силы закубанцев завершилась в конечном итоге неудачей. Наибы добивались переустройства общественной жизни адыгов с помощью учения мюридизма и внедрения шариата. Однако первые наибы Хаджи-Магомет и Сулейман-эфенди добились незначительных

успехов в деле общественного переустройства западных адыгов, а в распространении ислама они прибегли к насильственному внедрению шариата. Однако первые наибы Хаджи-Магомет и Сулейман-Эфенди добились незначительных успехов в деле общественного переустройства западных адыгов, а в распространении ислама они прибегли к насильственному внедрению шариата. Не проявили наибы гибкости и в вопросе о правах сословий, что послужило основной причиной их неудач. Деятельность Хаджи-Магомета и Сулеймана-эфендия укрепила позиции мусульманского духовенства и объективно подготовила почву для реформаторской деятельности Магомет-Амина.

Западные адыги давно проявляли стремление к политической консолидации. Народное собрание на Пшехе и дефтер 1831 г. и Адагумское собрание 1848 г. были первыми их попытками к объединению Магомет-Амин продолжил этот курс и в отличие от своих предшественников сумел добиться консолидации значительной части адыгских народов. Однако пропаганда мюридизма не имела особого успеха у адыгов, которые не были готовы жить по законам шариата. В условиях Черкесии, где ислам в XIX в. не пустил еще глубоких корней, религиозные идеи постепенно утрачивали свою первоначальную сущность и превращались в политическое средство объединения западных адыгов. Магомет-Амин появляется на Северо-Западном Кавказе в момент наибольшей политической активности западных адыгов. Проведенные им преобразования придали освободительному движению западных адыгов более организованный и сплоченный характер.

Народно-освободительное движение на Северо-Западном Кавказе имело свои особенности. Во-первых, в нем не было ярко выраженной исламской религиозной оболочки. Во-вторых, большинство представителей класса феодалов и многочисленное крестьянство

выступили как одна сила в стремлении отстаивать свою независимость. В ходе народно-освободительного движения пробуждалось национальное сознание западных адыгов, возрастало их стремление к сплочению в единое политическое целое. Этот процесс имел общедемократическое содержание.

История адыгов рассматриваемого периода представляет значительный интерес для изучения особенностей и закономерностей политического и социально-экономического развития народов Северо-Западного Кавказа в XIX в. Вместе с тем она заслуживает пристального внимания как одна из страниц исторического взаимодействия России и Кавказа.

Патракова В.Ф.
г. Ростов-на-Дону

**Завершающий этап Кавказской войны в общественном мнении России
(40-60-е годы XIX в.)**

В развитии общественной мысли, российского национального самосознания 40-60-е годы XIX в. сложный и противоречивый период. Нарастающий кризис социально-экономической системы и политического режима императора Николая I, нарастание противоречий в системе международных отношений, сложившейся после разгрома Наполеона, революционные события в Европе сегментировали общественное сознание образованной части российского общества. Неоднозначным оставалось отношение российского общества к событиям на Кавказе¹.

В 40-е годы XIX в. Кавказская война превращается в тяжелейшее испытание для Российской империи, подрывает ее силы континентальной сверхдержавы. 40-е годы XIX в. стали «блистательной эпохой» Шамиля, который одержал несколько крупных побед и максимально расширил территорию имамата. Николай I «не понимал, почему его войска терпят от Шамиля поражение за поражением»². Чтобы переломить ситуацию постоянно увеличивается численность регулярных и иррегулярных войск на Кавказе, ведется интенсивное естественно-научное и гуманитарное изучение региона, в 1840 г. создается секретный «Кавказский комитет» для решения Кавказского вопроса. По его предложению в 1844 г. было учреждено Кавказское наместничество с экстраординарными полномочиями.

Основная часть российского общества, не связанная непосредственно с Кавказом, могла формировать свои представления о Кавказской войне из исторических сочинений и подцензурной

публицистики, которые отражали в целом официальную точку зрения. В них развивались идеи о цивилизаторской роли России на Кавказе, и, хотя в целом отдавалось должное воинской доблести горцев, но преобладали негативные оценки их действий как разбойников и мятежников на фоне героизма русских офицеров и солдат.

В 40-е годы XIX в. начинает формироваться российская демократическая мысль, представители которой последовательно поддерживали освободительные движения в России, Европе и Латинской Америке. В статьях А.И. Герцена и Н.П. Огарева в «Полярной звезде» и «Колоколе» и других произведениях последовательно отмечалось, что «война на Кавказе была делом угнетателей народа»³, вела к огромным жертвам и экономическому разорению. А.И. Герцен признавал за народами «неотъемлемое право на государственное независимое существование», решительно выступал против насильственного поглощения народов другими странами. В то же время он подчеркивал, что «Все те, которые не умеют отделить русское правительство от русского народа – ничего не понимают»⁴. Постоянно выступая в защиту освободительной борьбы горских народов, ставя ее в один ряд с борьбой Польши за независимость, А.И. Герцен не исключал в перспективе добровольного присоединения и интеграции народов в России свободной от самодержавия. Издания А.И. Герцена и Н.П. Огарева, выходившие в свет за границей, были достаточно хорошо знакомы читающей публике.

Наиболее резкую, беспощадную оценку российской политике на Кавказе дал Т.Г. Шевченко в поэме «Кавказ»⁵ (1845), которая попала в Россию в 1859 г., когда в Лейпциге был издан сборник «Поэзия Тараса Шевченко». Т.Г. Шевченко не признает никаких мотивов, которые бы оправдывали лишение народов Кавказа и человека свободы. Т.Г. Шевченко создает романтический образ борьбы горских народов, сравнивая их с Прометеем, которого безуспешно терзает орел. Поэт

говорит о невозможности насильственно цивилизовать и просветить народы, о бессмысленности жертв.

Но в стране, безусловно, доминировали монархические настроения, патриотизм и постоянная критика А.И. Герценом и Т.Г. Шевченко политики Российской империи в Польском и Кавказском вопросах не находила широкой поддержки вне революционного лагеря.

К 50-м г. XIX в. интерес к Кавказу падает, в творчестве писателей сюжеты, связанные с освободительной борьбой горцев почти не встречаются⁶. Исключение составляли тепло встреченные публикой произведения Я.П. Полонского на кавказскую тему, которые значительно отличались от приевшихся в массовой литературе романтических шаблонов. В них реалистически описывались как противоречия в деятельности российской администрации, так и социальные проблемы у кавказских народов. В это же время начинается творческая деятельность Л.Н. Толстого. После поездки на Кавказ в 1851 г. писатель создает повести «Казачи», «Кавказский пленник», рассказ «Набег» и др., в которых развивает традиции кавказских произведений А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова. В кавказских произведениях Л.Н. Толстой воссоздает этнографические детали, батальные сцены, но в основе лежат гуманистические идеи, осуждение насилия, кровопролития, мародерства, от кого бы они не исходили.

Решительно отстаивал право народов на самоопределение Н.Г. Чернышевский: «Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны – это гнусно»⁷. Осуждая военный характер покорения Кавказа, Н.Г. Чернышевский понимал безнадежность этой борьбы и приветствовал победу российских войск над имамом Шамиля, прежде всего, как прекращение многолетней войны,

ежегодно уносившей многотысячные жертвы: «Слава Богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно 25 тысяч русских солдат; одна из этих язв, которая истощала Россию – закрывается»⁸. Современникам взгляды Н.Г. Чернышевского на Кавказскую войну были практически неизвестны, т.к. не были отражены в подцензурной печати. Не занимают доминирующего места события на Кавказе и в творчестве ближайшего соратника Н.Г. Чернышевского Н.А. Добролюбова. Тем не менее, Кавказская война, несомненно, привлекла внимание Н.А. Добролюбова. Об этом свидетельствует его статья на победу российских войск над имамом Шамиля «О значении наших последних подвигов на Кавказе», опубликованная в «Современнике» в 1859 г. На фоне всеобщих торжеств в связи с пленением Шамиля Н.А. Добролюбов предлагает серьезный анализ самой длительной в истории России войны: «Всеобщность модных толков не исключает возможность нескольких скромных замечаний о деле. Конечно, предпринимаемая работа не легка. Мы решаемся на это среди общего шума восклицания и восторгов»⁹. О том, что такой анализ назрел, свидетельствовал и Р.А. Фадеев, стоявший на официальных позициях: «Наше общество в массе не признавало даже цели, для которой государство так настойчиво, с такими пожертвованиями добивалось покорения гор»¹⁰. Но если генерал Р.А. Фадеев, исходя из геополитических и военно-стратегических интересов приходит к выводу, что «Кавказ потребовал больших жертв: но чего бы он ни стоил, ни один русский не имеет права на это жаловаться, потому что занятие Закавказских областей не было ни случайным, ни произвольным событием в русской истории. Оно подготовлялось веками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собой»¹¹, то Н.А. Добролюбов предлагает иную аналитическую парадигму. Не высказывая сомнений в целесообразности присоединения Кавказа к России, он обосновывает свою концепцию причин освободительной борьбы горцев, ее целей и причин

поражения. Статья Н.А. Добролюбова не является ни осуждением, ни апологетикой движения горцев – обе точки зрения на его позицию нашли отражение в советской литературе¹². В системе координат российского демократизма Н.А. Добролюбов показывает Кавказскую войну как сложное противоречивое социальное явление. Демонстрируя хорошее знание литературы о Кавказе и тонкую, глубокую наблюдательность, Н.А. Добролюбов связывает периоды усиления борьбы горцев с просчетами в политике царской администрации на Кавказе. Он показывает конфликт защищаемой горцами самобытности, своих порядков с российской государственностью, что насильственное цивилизаторство несло не только просвещение, но и пороки, разлагающие горские традиции. В то же время он отдает должное героизму российских войск в условиях горной войны – «Действительно, несмотря на все потери 1845 г., поход Даргинской покрыл славою русские войска, которые доказали, что для них нет невозможного»¹³, что, на наш взгляд, вызвано не цензурными соображениями, а стремлением к объективному анализу. Главную причину поражения Шамиля Н.А. Добролюбов видит в том, что горцам «представляется уже выбор не между свободой и покорностью, а только – между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждою на мир и удобства быта»¹⁴. Статья Н.А. Добролюбова является серьезной аналитической работой, а не политическим памфлетом, поэтому вряд ли продуктивно искать в ней стремление обличить одну сторону и безоговорочно поддержать другую. Н.А. Добролюбов приходит к выводу, что при всем несомненном значении успешного завершения войны и пленения Шамиля, причины длительной и жестокой войны не изжиты. По его мнению, новый подъем освободительной борьбы, появление ее новых вождей станет невозможным только «вследствие гуманного и справедливого управления» горскими народами, «когда русское управление сделает то, что для горцев

не будет привлекательным перемена его на какое-нибудь другое – тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены»¹⁵.

Правда, реальные пути такого управления были не ясны не только царской администрации, предложившей систему «военно-народного управления», но и различным течениям общественной мысли в России. Большая часть населения империи приветствовала завершение войны, «кавказские герои» были самыми популярными героями в российском обществе, в поэзии, литературе. Но это не было шовинистическим угаром, ликование было связано с надеждой на прекращение войны, уносившей ежегодно тысячи жизней. Этим же, а не пропагандистскими целями объясняется восторженный прием Шамиля на протяжении всей его поездки по России. Особенности национального самосознания таковы, что в национальной памяти остаются победы, одержанные на своей территории и подчас на грани поражения или же неудачи, в которых проявились высшие качества воина, самоотверженность, выполнение долга (битва на р. Калке, Куликовская битва, Полтава, Бородино, блокада Ленинграда, Сталинград и др.). Отсюда уважение к поверженному Шамилю, столько лет защищавшему независимость своей страны, отсутствие ненависти и неприязни, несмотря на огромные жертвы со стороны российских войск и мирных колонистов.

Таким образом, в 40-60 годы XIX в. российское общество не было однородным, по разному его идеологи понимали причины и цели кавказской политики царской администрации, которая также никогда не была четкой и сколько-нибудь последовательной на протяжении длительного времени. В целом российское общество по мотивам помощи христианским народам Кавказа, военно-стратегическим соображениям противостояния исламскому миру и противоречиям с западными державами, по монархической традиции и т.д. поддерживало политику на

присоединение Кавказа, но значительная его часть подвергала критике жестокость подавления освободительной борьбы горцев и неэффективность российской администрации, чиновничества на Кавказе. В XIX в. Кавказ входит в российскую культуру как символ свободы, романтизма. Кавказские мотивы становятся неотъемлемой частью русской поэзии, литературы, музыки и искусства.

Примечания:

- ¹ См. Патракова В.Ф. Кавказская война в общественном сознании России первой трети XIX в. / *Esse quam videri*. Памяти Юзефа Иосифовича Серого (1922-1986) Ростов н\Д, 2003.
- ² Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 204.
- ³ Герцен А.И. Полное собрание сочинений. М., 1948. Т. I. С. 692-693.
- ⁴ Там же. Т. XIV. С. 11.
- ⁵ Шевченко Т.Г. Собр. соч. в 8 тт. М., 1977. Т.1.
- ⁶ Гаджиев А. Кавказ в русской литературе первой половины XIX в. Баку, 1982.
- ⁷ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. X. С. 48.
- ⁸ Там же. Т. XIV. С.381.
- ⁹ Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. М., 1934. Т. IV. С. 140.
- ¹⁰ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С.2.
- ¹¹ Там же. С. 4.
- ¹² Подробнее см.: Таджиев В.Г., Пикман А.М. Указ. соч. С. 72-73.
- ¹³ Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. М., 1934. Т. IV. С. 152.
- ¹⁴ Там же. С. 155.
- ¹⁵ Там же. С. 196.

Прасолов Д.Н.

г. Нальчик

К вопросу о политическом статусе кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX в. определяющим фактором формирования политического статуса кабардинцев становится унификация, ориентированная на достижение «органического единения горских народов с Россией»¹. В российской имперской идеологии формируется установка на «сближение инородцев» с русскими и создание «единого и неделимого» государства². На Северном Кавказе основные преобразования в этом направлении начинаются после пленения Шамиля (1859 г.) и окончательного покорения в 1864 г. Западной Черкесии. Для Кабарды, раньше других субрегионов включенной в систему российского государственного управления, этот процесс происходил с 1822 г.

После учреждения А.П. Ермоловым Временного кабардинского суда Кабарда окончательно теряет политический суверенитет. Её политический статус характеризовался переходным состоянием, обусловленным постепенным включением в административно-политическую систему Российской империи. Этот процесс был обусловлен ликвидацией прежних политических институтов Кабарды, отстранением от осуществления традиционных властных полномочий кабардинских представителей, и сосредоточением основных политических функций в руках российской военной администрации.

Политическое участие кабардинцев все более ограничивалось участием в бутафорских церемониях, которыми сопровождалась поездки высокопоставленных государственных лиц на Кавказ. Своеобразными

политическими ритуалами становятся даже богослужения, отправлявшиеся в мечетях по поводу государственных праздников или торжеств, касавшихся царской семьи. Все это имело целью только изъявление верноподданнических чувств, являлось скорее обязанностью и не подразумевало никаких политических прав. Примечательно, что еще в первой половине XIX в. такие мероприятия использовались для подачи каких-либо прошений. Последнее прошение, содержащее политические требования, по всей видимости, было подано в 1827 г. и уже тогда оно не получило никакого удовлетворения. В рассматриваемый период политические требования практически не фиксируются источниками и исчезают даже из неформальных притязаний кабардинцев.

В 1888 г. доверенные сельских обществ Большой и Малой Кабарды, воспользовавшись пребыванием Александра III во Владикавказе, подали ему прошение «об окончательном закреплении за кабардинским народом, на праве собственности, запасных пастбищных земель и лесов»³. Таким образом, к концу XIX в. политический статус кабардинцев изменился настолько, что в их верноподданнических прошениях политические требования совершенно уступили место экономическим. Самыми «радикальными» можно считать проекты-обращения генерала Шипшева (конец XIX – начало XX в.) о расширении прав Съезда доверенных сельских обществ. Но они не получили никакого удовлетворения, оставшись эпизодическим событием, индивидуальной инициативой авторитетного кабардинца, которую местная администрация отвергла. Со всей очевидностью этот пример продемонстрировал бесперспективность ожиданий кабардинцев в отношении приобретения политических прав даже во внутреннем самоуправлении.

Говоря о положении кабардинцев в социальной структуре Российской империи, можно обнаружить некоторые параллели со статусом, определявшимся «Уставом об управлении инородцев» 1822 г.

1. наличие сословно-родовых представительных органов, подконтрольных царской администрации. В конце XVIII – начале XIX это были родовые суды и расправы, обладавшие некоторыми правами местного самоуправления, полицейских функций, судопроизводства на основе обычного права, взимания податей. После ликвидации в Кабарде в 1822 г. системы «духовного правления» Хаса – сословно представительное феодальное собрание превращается царской администрацией в «Народное собрание», имитировавшие внешние формы самоуправления, но действовавшие под жестким контролем царской администрации. С 1860-х гг. оно трансформируется в Съезд доверенных сельских обществ⁴. До начала XX в. его деятельностью ограничивалась максимальная сфера реализации политических прав кабардинцев. Съезды доверенных оказывали определенное влияние на экономическую и социальную политику в крае, однако для окружных властей оно имело только рекомендательное значение.

2. для местной элиты вводился титул «почетных инородцев» с сохранением многих привилегий, однако он не предполагал допущение их, за незначительным исключением, в ряды наследственного российского дворянства⁵. Все притязания кабардинских князей и знатных дворян на признание за ними этих прав во второй половине XIX в. правительством удовлетворены не были⁶.

После завершения Кавказской войны и реформ 60-х гг. XIX в. в общественном устройстве кабардинской деревни стали утверждаться принципы, в целом соответствовавшие административным положениям крестьянской реформы 1861 г. Положение кабардинцев стало приближаться к общероссийскому статусу «сельских обывателей», но

управлявшихся «по законам и обычаям, каждому племени свойственным»⁷. По некоторым данным, уже к концу XIX в. в российских правительственных кругах России народы Кавказа не считались «инородцами»⁸.

Однако изменение терминологии на высшем уровне не привело к изменениям реального политического статуса. Само понятие «инородец» из официального наименования превращается в обиходное слово и ко второй половине XIX в. постепенно утрачивает свой прежний нейтральный смысл⁹. Оно становится пренебрежительным обозначением всего нерусского населения Российской империи, имея более негативный смысл, чем нередко заменявшее его понятие «туземец», довольно широко употреблявшееся в тот же период во многих материалах периодической печати и в административном делопроизводстве¹⁰.

Унификационные процессы затронули прежде всего распорядки административного управления, но даже и здесь отличались фрагментарным характером. Следует признать, что при имевшихся, конечно, просчетах, политика правительства на Северном Кавказе в первую очередь руководствовалась соображениями прагматизма. «Россия скорее сама приспособливалась к «периферийным» реалиям, нежели приспособливала их к какому-то единому управленческому стандарту». До начала 1860-х гг. она ограничивалась контролем над политическими и административными структурами и минимально вмешивалась во внутреннюю жизнь. В дальнейшем система «военно-народного управления» формировалась с учетом обычаев, законов и ментальных особенностей горских народов и была задумана как переходная стадия к единообразному, стандартному для России административно-политическому устройству¹¹. Упразднение в 1881 г. Кавказского наместничества в рамках общеимперской политики

унификации и централизации нарушило сложившийся баланс административной системы империи на Северном Кавказе¹². Столкнувшись здесь с осложнением ситуации, правительство восстановило в 1905 г. наместничество и прежнюю «компромиссную» систему административно-политического устройства, которая сохранялась до 1917 г. Примечательно, что именно в этот период происходит административное воссоединение в рамках Нальчикского округа Большой и Малой Кабарды (1905 г.); кабардинцы получают хотя бы косвенное право участия в выборах депутатов Государственной думы (1906 г.)¹³, а в 1910 г. впервые главой округа назначается кабардинец – полковник С. Клишбиев.

Вместе с тем, внутри северокавказских субъектов Российской империи, в частности, в Терской области, сложилась определенная дифференциация статусов различных этнических общностей. Во второй половине XIX – начале XX закреплению этого, нередко дискриминационного состояния способствовали сохранявшиеся социокультурная изоляция и анклавный характер северокавказских этнических социумов. Они во многом ограничивали возможности органичного и позитивного усвоения кабардинцами социальных и культурных инноваций пореформенного периода¹⁴. К этому добавлялась постоянная латентная межэтническая напряженность в целом на Северном Кавказе¹⁵, осложнявшая социальную обстановку в период наиболее интенсивного процесса складывания полиэтничного населения в Центральном Предкавказье. Как писал в своем известном очерке Я. Абрамов, «туземцы, видя возле себя русское население, пользующееся большею самостоятельностью, в своих внутренних делах невольно начинают чувствовать себя в бесправном положении и завидовать своим соседям. Подобное неравенство особенно сильно отзывается на туземцах при том развитии чувства собственного достоинства, которое мы

замечаем у кавказских народов. Вместе с тем и русское население начинает свысока относиться к туземцам, как к людям, которым не доверяют власти...»¹⁶. Все это углубляло разрыв между официальным и обывательским взаимовосприятием горцев и пришлого населения¹⁷, осложнивший процессы межкультурного взаимодействия.

Во второй половине XIX – начале XX в. политический статус кабардинцев определялся неравноправным гражданским положением, форма которого была во многом обусловлена колониальными методами управления краем. Преобразования царской администрации второй половины XIX в. преподносились как средства приобщения кабардинцев к гражданскому состоянию. Но в рассматриваемый период сложились переходные формы «русской гражданственности». Со стороны кабардинцев взаимоотношения с русскими властями во многом воспринимались как договорные. Поэтому существенные «посягательства» на прежние условия (будь то освобождение зависимых сословий¹⁸, попытка распространения на кабардинцев и жителей горских обществ всеобщей воинской повинности¹⁹, введение ограничений в распоряжение пастбищными угодьями) воспринимались как нарушение устоявшихся статусных отношений. Типичной формой проявления недовольства стали угрозы (а в некоторых случаях, и их реализация) переселения в Турцию. Еще одной причиной незавершенности перехода к гражданскому состоянию была социальная нестабильность, особенно обострившаяся в начале XX в. Общероссийское революционное движение, а затем частичная либерализация общественной жизни в России после 17 октября 1905 г. для местного населения стало подходящим контекстом для заявления своих ожиданий в области политических и других прав. Однако царская администрация, сделав некоторые формальные уступки, в повседневной жизни пошла по пути ужесточения режима. Этим, например, объяснялось и военное

положение в период революции 1905-1907 гг., фактически сохранявшееся и в последующие годы, а также отрицание реформ, инициированных как самими кабардинцами, так и некоторыми прогрессивными российскими чиновниками.

Примечания:

- ¹ Отчет Главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863 – 1869 гг. СПб., 1870. С.2.
- ² Кэмпбелл Е.И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. 4 (122). М., 2001. С.132.
- ³ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. С.147-148.
- ⁴ Кушхов Х.С. Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ // RES PUBLICA. Вып.4. Нальчик, 2003. С.22-30.
- ⁵ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М, 1997.С.125.
- ⁶ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С.125-130.
- ⁷ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. С.32.
- ⁸ Там же. С.154.
- ⁹ Каппелер А. Указ. соч. С.125; Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. С.32.
- ¹⁰ Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни // <http://www.inci.ru/vestniki/vest26.html>
- ¹¹ Дегоев В.В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // <http://www.inci.ru/vestnikii/vest19.html>.
- ¹² Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны // <http://www.inci.ru/vestnikiii/vest04.html>
- ¹³ История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967. С.383.
- ¹⁴ Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Современный политический опыт в историческом контексте // Полис. 1998. № 3 // <http://www.politstudies.ru/arch/authors/72.htm>
- ¹⁵ Гатагова Л.С. Указ. соч.
- ¹⁶ Абрамов Я. Кавказские горцы // Из истории русско-кавказской войны (документы и материалы). Нальчик, 1991. С.234.
- ¹⁷ Цуциев А.А. Указ. соч.
- ¹⁸ Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Н.,1998. С.142-149.
- ¹⁹ Терек. Владикавказ. 1883. 31 августа. № 103 // Живая старина. 1992. № 2. С.157; Абрамов Я. Указ. соч. С.246-247.

Пчегатлук С.К.

г. Майкоп

**Попечительство керченской и бугазской торговли (1821 – 1829 гг.) и
причины прекращения его деятельности**

История международных отношений нового времени изобилует фактами, свидетельствующими о том, как особенности географического положения исторической родины того или иного народа оказывают решающее воздействие на его судьбу или даже ставят под сомнение перспективы существования и возможность самосохранения данного этноса.

Одним из ярчайших примеров подобного рода является Черкесия – историческая область на Северо-Западном Кавказе, где проживали адыги, известные в русской и иностранной литературе как “черкесы”, и ставшая объектом дипломатического, военного и экономического соперничества различных стран, в первую очередь России и Турции.

Политическая история адыгского общества неразрывным образом связана с кавказской политикой России, являвшейся составной частью Восточного вопроса. Интерес России к Кавказу был обусловлен политическими и экономическими причинами.

Одним из основных аспектов целого комплекса факторов, определявший состояние русско-адыгской торговли, являлись политические отношения России и Турции, Черкесии и России, Черкесии и Турции.

Особый след в развитии торговых отношений России с адыгами оставила деятельность Попечительства керченской и бугазской торговли, которое было учреждено после утверждения “Правил для торговых отношений с черкесами и абазинцами” 10 октября 1821 г.

“Правила”, регламентировавшие деятельность Попечительства керченской и бугазской торговли, содержали 16 параграфов. В основу торговли царской России с Черкесией и Абазией был положен политический мотив. “Польза учреждения торговых сношений с народами Закубанскими и особенно с Черкесами и Абазинцами, доказана уже на самом опыте. Дабы возбудить, сколько можно более отношения сии и посредством деятельности и выгод торговли внушить народам сим пользу ея и приучить к употреблению наших продуктов и изделий, определяются для сего особые пункты, на кои в известных правилах торговля сия может быть обращена”.¹ Предусматривалось в Керчи учредить таможенную с полным портовым карантинном, а в Бугазе – меновый двор с очистительными пакгаузами. В керченском порту следовало принимать товары, доставляемые морским путём из Черкесии и Абазии, а в Бугазе – товары, доставляемые сухопутно для мены. В 1821 г. сам министр иностранных дел граф Нессельроде писал Ермолову о необходимости открытия торгового порта и таможни в Керчи. В письме министр обосновывал с исторической точки зрения важность учреждения этого порта, известного ещё в глубокой древности. Особенно подробно Нессельроде останавливался на экономическом значении Керчи.² По “Правилам” 1821 г. разрешалась доставка только тех товаров, которые означены в “особой росписи”. С российской стороны можно было отпускать только те товары, которые по таможенному тарифу к “вызову дозволены”. Как и по “Правилам” 1811 г. запрещалось экспортировать российские и иностранные золотые, серебряные и медные монеты, российские банковские ассигнации, огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец, “как в деле, так и в кусках или слитках”. Запрещение вывоза монеты объяснялось стремлением российского правительства сохранить натуральный обмен с горцами, чтобы не допустить посредничества иных лиц и тем самым

усиливать непосредственное влияние царской администрации на последних. Было указано, что “учреждением сей торговли можно будет приучить горские народы к выгодам общежития и образованности, и тем самым преодолеть их дикость и дух хищничества, дозволить принимать в Керчи и Бугазе произведения их к привозу дозволенные, беспошлинно, равно как и отпускать им на вымен сих товаров все российские товары и произведения по Тарифу”³ за исключением некоторых товаров, которые вывозились беспошлинно. Беспшлинная торговля устанавливалась сроком на 10 лет, считая со времени открытия порта в Керчи и менового двора в Бугазе. Если суда, плывущие “от берегов Черкесских и Абазинских” в связи с погодными условиями пристанут к другим портам, то, оказав им необходимую помощь со всеми карантинными предосторожностями, следовало направлять их по назначению в Керчь. А если хозяин, капитан или шкипер судна не пожалеют отправиться в Керчь, то судно может быть принято в любом другом порту, но с импортируемых и экспортируемых товаров,⁴ пошлина будет взиматься по общему положению. Если судно, приставшее к берегу, из-за погодных условий окажется разбитым или повреждённым так, что не в состоянии отправиться в керченский порт, в таком случае, береговая охрана, оказав требуемую помощь, обязана была немедленно предупредить о том начальника ближайшего порта. По распоряжению последнего, товары и экипаж разбитого или повреждённого судна на основании карантинных правил должны были подвергаться “очищению”, после чего выдавалось хозяину, капитану или шкиперу судна свидетельство для избежания вторичного очищения. Товары и экипаж на том же судне или на другом береговая охрана должна была отправлять в Керчь, а пассажиры могли по желанию отправиться в другой любой порт. Для того, чтобы “дать лучшее покровительство торговле с Черкесами и Абазинцами, а с другой – оградить присвоенные

ей выгоды от злоупотребления и не допускать беспошлинного вывоза товаров в другие места, равно не принимать, под видом Черкесских и Абазинских произведений товаров, из других мест привозимых; то определить для наблюдения за сим особого чиновника в звании”⁵ попечителя торговли с Черкесами и абазинцами с необходимым штатом служащих. Попечитель должен был находиться в Керчи, один из его помощников – в Бугазе, а два других – в горах Черкесии и Абазии. Должность попечителя возлагалась на того чиновника, который от министерства иностранных дел будет послан в Черкесию. В случае отсутствия его по делам службы, его замещает один из чиновников, находящихся при попечителе. Штат попечительства назначается министерством иностранных дел. Министерство снабжает попечительство инструкциями по своей части. Попечитель торговли имел право присутствовать на заседаниях в карантинной конторе и в таможене, где после председательствующего занимал “первое место”. Он должен был отстаивать права купечества, ходатайствовать об удовлетворении их справедливых просьб и требований, подписывать журналы заседаний. В случае несогласия его с решением заседания карантинной конторы или таможни, подаёт “особое мнение своё”, которое вместе с делом представляется на рассмотрение градоначальника.

Помощник попечителя, находящийся в Бугазе, должен извещать своего начальника о ходе торговли и всех делах. Хозяин, капитан или шкипер судна, прибывающего из Черкесии или Абазии в керченский порт, должны иметь при себе ярлык, удостоверяющий, “что товары на оных привезённые, суть действительно произведения Черкесии и Абазии”.⁶ Ярлык должен быть подписан одним из помощников попечителя. Если в течении шести месяцев такой ярлык не будет представлен, то после карантинного очищения и взыскания пошлины на

общих основаниях с товаров, к привозу разрешенных по таможенному тарифу; производилась конфискация товаров, которые запрещены к привозу, а груз возвращался хозяину. Если на судне окажется большее количество разрешенных к привозу товаров, чем зафиксировано в ярлыке, утверждённым помощником попечителя торговли, то с лишнего груза взыскивается узаконенная пошлина. А если окажется, что товары к привозу по тарифу в черноморские порты вовсе запрещены, то их следовало конфисковать. На товары, отправляемые из Керчи в Черкесию и Абазию, следовало составлять также реестры или ярлыки с указанием их количества, меры и веса за подписью попечителя торговли. Хозяин груза в течение шести месяцев обязан был представить таможене “обратное свидетельство” от одного из помощников, что груз в полном количестве прибыл и выгружен в том месте или в порту, куда был отправлен по назначению. Если хозяин товаров, не представит в определённый срок “обратного свидетельства” или не докажет, что по какому-либо несчастному случаю в море лишился их на пути следования, то со всех товаров взыскивалась двойная пошлина.

Воплощение в жизнь правил возлагалось на министров иностранных дел, финансов и внутренних дел. Они должны были сделать “сообразные с сим предписания и наставления” местным начальникам, “употребить все попечение об усилении торговли сей через соблюдение строжайшей справедливости в делах с народами Закубанскими, снисхождения им в тех случаях и упущениях, кои не заключаая в себе важных преступлений, могут происходить единственно от грубости и необразованности их”.⁷

Учреждение попечительства керченской и бугазской торговли не влекло за собой ликвидации меновых дворов, расположенных по границе Черномории с Черкесией. Меновые дворы, как и раньше, оставались в ведении войсковой администрации Черноморского

казачьего войска. Все это было попыткой российского правительства расширить и упрочить торговлю с Черкесией.

Попечительство представляло собой административно-коммерческую организацию. Во главе его стоял попечитель торговли с черкесами и абазинцами Р.А.Скасси, в послужном списке которого было написано, что занимается “ на кубанской границе Черноморских казаков восстановлением спокойствия и торговых отношений с Черкесами с величайшею ревностью и успехом”.⁸

Официальная переписка по поводу временного прекращения торговых отношений с черкесами в 1822 г. в связи с эпидемией чумы за Кубанью является неоспоримым доказательством того, насколько торговые связи с Черкесией стали жизненной необходимостью для Черноморья к моменту учреждения Попечительства керченской и бугазской торговли.⁹

В торговле с Черкесией принимали участие не только местные купцы, постоянно жившие за Кубанью, но и купцы, приезжавшие из весьма удаленных мест. Последние постоянно проезжали через территорию Черкесии, пересекая официальные границы Турции и России. Это противоречит довольно распространенному мнению, что Северо-Западный Кавказ был чуть-ли не полностью изолирован от других частей России и Кавказа.¹⁰

С ведома попечителя торговли с черкесами и абазинцами на Черноморском побережье действовали его помощники – флотские офицеры братья Огненовичи, комиссары Тауш, Мальфино и Люлье. Комиссары неукоснительно должны были придерживаться инструкции, содержащей 8 пунктов, составленной Скасси 30 августа 1822 г. В обязанность вменялось следить за тем, чтобы все купцы, занимающиеся торговлю с горцами, соблюдали “кроткое и миролюбивое” обхождение с черкесами, поступали согласно их обычаям. Первоначально они

должны были стараться заводить “хорошие связи с князьями”, которые обладают большей властью и влиянием и “уважаемы более других”.¹¹ Но особенно им надлежало “стараться уразуметь черкесов, что по ходатайству моему (Скасси – прим. Авт.) его императорское величество единственно по желанию их благосостояния, чтобы доставить им все выгоды, учредил сею торговлю, при чем вы поставите им на вид пользы, какие они могут получить через сею торговлю, внушить им необходимость быть в согласии с Россиею, в руках коей находится все нужное для них, и которая столь много об них печется, заставить их почувствовать, сколь вреда могут им принести покушения и нападения”.¹² Иными словами, перед Попечительством ставились задачи не только внешнеэкономического, но и внешнеполитического характера. Иначе и быть не могло. Комиссары должны были следить за тем, чтобы черкесов, пришедших на судно для мены, принимали “со всевозможною учтивостью и усердием”, и не было с ними никаких споров. В обязанность Таушу и Мальфино вменялось сразу же после прибытия в какой-либо из черкесских портов предупреждать князей, “что до восхождения солнца и после захождения никого не принимают к себе” и просить, чтобы они объявили об этом своим подданным. Это означало, что все торговые операции велись в световой день. Контроль за качеством и количеством мены велся по установленной схеме: после выгрузки с судна соли и прочих товаров, доставленных в означенное место, “что товары взяты в обмен за соль и прочее, суть действительно произведения тех мест”;¹³ подробно отмечалось количество и качество нагружаемого товара. Со шкипером комиссар обязан был послать рапорт с подробным отчетом о всех торговых операциях на имя попечителя керченской и бугазской торговли, а контрольный – сухопутно через Бугаз.

Попечительство призвано было решить целый комплекс задач, в который входили и проблемы этнокультурного характера. Комиссары вели подробный и обстоятельный журнал своего нахождения в Черкесии, “не упуская из виду” особенностей жизни горцев.

На Тауша и Мальфино возлагались очень большие надежды. Практически они являлись проводниками новой торговой политики России в Черкесии помимо военной администрации. В связи с этим Скасси писал: “Я надеюсь, что вы, истощая все ваши усилия к достижению наших целей и распространению наших сношений с сими народами, оправдаете делаемое вам доверие”.¹⁴

Скасси тщательно подбирал людей на службу в штат Попечительства. Карл Тауш долгое время служил под его начальством, “распространяя отношения с черкесами”. Он владел черкесским, русским и французским языками, но в 1818 г. оставил службу. 22 июня 1822 г. Тауш написал прошение на имя попечителя керченской и бугазской торговли об определении его “к должности”. 29 августа 1822 г. Тауш получил ответ Скасси на свое прошение. Ответом было предписание отправиться к черкесским и абазинским берегам на российском судне “Надежда” под управлением шкипера Ивана Калиберди, которое отплывает из порта в Керчи. Обратные аттестаты и все другие бумаги Тауш должен был подписывать “как исправляющий должность комиссара”. При нем находился служащий канцелярии Попечительства губернский регистратор Мойтарينو, которому он был обязан “внушать обхождение с Черкесами, направлять его на узвание их обычаев”.¹⁵ Мальфино с Скасси дает такую характеристику: занимается торговыми делами с черкесами с 1820 г., что имеет весьма хорошее образование, основательно знает многие иностранные языки “и известен мне своею ревностию к службе”.¹⁶

По прибытии в Пшад, Тауш и Мальфино вместе с переводчиком Черноморского войска хорунжим Кассом, объявили князю Индар-оглу о причине своего приезда – российское правительство на твёрдом основании утверждает торговые отношения с черкесами.¹⁷ Они отмечали, что Индар-оглу был доволен этим фактом и уверил в готовности, как и прежде, оказывать помощь и гостеприимство всем судам российских торговцев, которые пристанут к берегам черкесским “и что употребит все старание склонить соотечественников своих к подобным действиям”.¹⁸

18 ноября 1822 г. Тауш с князем Индар-оглу отправился в селение Тду для возрождения торговых отношений. Но 20 числа того же месяца Тауш вынужден был вернуться обратно в Пшад. Причина столь скорого возвращения заключалась в том, что часть жителей Тду изъявила недовольство “и весьма великое удивление, что иностранцы” осмелились проникнуть на их территорию с целью ведения торговых операций. Жители селения сочли, что русские пришли не с миролюбивыми намерениями. Они помнили о сражении зимой 1821 г. на берегах р.Кубань.

Неудача в Тду не остановила комиссаров. Следуя данной им Инструкции, они продолжали налаживать мирные отношения с князьями различных субэтнотосов. 21 ноября в Пшад приехал геленджикский князь Атукай. В беседе Тауш и Мальфино акцентировали внимание князя на “восстанавливающей торговле” между Россией и Черкесией. Князь Атукай согласился принять суда в сезон будущей навигации.

1 октября Тауш снова отправился в селение Тду. После переговоров, жители селения согласились принять судно “Надежда”, принадлежавшее бахчисарайскому мещанину Моше Калфе и управляемое шкипером Калиберди. Они приняли его со всеми знаками гостеприимства и доверия. При этом обещали “не позволять никому

делать каких-либо затруднений судам российским, которые придут к ним”.¹⁹ Горцы обменяли на соль хлеб, мед, воск и другие товары. 4 октября Тауш возвратился в Пшад, а судно “Надежда” отправилось в Феодосию.

На торговом примере Моше Калфе можно проследить процесс отпуска соли купцам для торговли в Черкесии. 18 августа 1822 г. Калфе написал прошение на имя Скасси: “Желая пользоваться высочайше дарованными Правилами..., я всепокорнейше прошу Вашего Высокоблагородия отнести к кому следует, дабы отпущено мне было 10 тыс. пудов соли из казенных запасов при Чокракском соляном озере состоящих”. Далее он обязуется доставить груз именно в Черкесию, “где имею собственных моих кунаков”, указывает имена своих поручителей: титулярного советника Ивана Роянова и губернского секретаря Григория Евенколия, и, что соль намерен “грузить на судно, именуемое “Надежда” под управлением Ивана Калиберди под российским флагом”. К прошению прилагается обязательство, подписанное Рояновым и Евенколия, что груз действительно будет доставлен “в Тду для обмена на тамошние произведения” и Калфе непременно в течение шести месяцев доставит оборотный аттестат, подписанный одним из помощников попечителя торговли, удостоверяющий, что вывезенное количество соли, доставлено именно в указанное место. Далее поручители заверяют – “оная соль отнюдь не будет продаваема ни в турецких владениях, ни в России; в противном случае мы обязываемся за него, Калфе, заплатить казне акциз, положенный на счет внутри государства продаваемую, что все и обеспечивает нашими собственными движимыми и недвижимыми именами”. Обязательство было недействительно без удостоверения Керчь-Еникальского градоначальника, подписей, и, что указанные личности могут заплатить казне необходимую сумму. После получения всех документов Скасси

писал отношение на имя смотрителя керченских соляных озер об отпуске соли из казенных запасов и выдаче накладной. 27 августа керченская таможенная застава отвечала попечителю торговли на его предписание за № 40, что шкипер судна “снабжен от сей заставы паспортом под № 584. Погружено бахчисарайским мещанином Моше Калфе 10 тыс. пудов соли для отвоза в Тду”.²⁰ Попечительство неукоснительно придерживалось такого порядка отпуска соли купцам, изъявлявшим желание заняться торговлей с адыгами. Необходимо отметить, что штат Попечительства организовывал оперативно отправку груза.

В тех местах восточного берега Черного моря, где приставали русские торговые суда, были построены магазины и соляные склады. При них находились приказчики, которые назначались купцами. Л.Я.Люлье так описывает торговлю русских купцов с адыгами: “Если шкипер или хозяин товаров объявлял желание учредить мену в этом месте, то жители назначали из среды себя несколько человек для проверки качества и, примерно, количества привезенного товара, груза, и после того тотчас определялась ими по произволу, впрочем умеренно, плата натурою, за право якорной стоянки и мены. Пошлину эту жители делили между собою. После этого старшины устанавливали таксу как на соль, так и на произведения земли своей, по которой должна была производиться мена, и которую никто не был в праве изменять по собственному произволу”.²¹ На железо, чугун, мануфактурные изделия такса не устанавливалась. Купец сам определял их цену.²² То есть, организация торговли регламентировалась не только со стороны царского правительства, но и со стороны адыгов. Хотя это регламентация была разного порядка: со стороны России в форме “Правил”, карантинных порядков, таможенных тарифов, а со стороны Черкесии – устных соглашений.

Хотя в самой Черкесии экипажи пользовались гостеприимством и дружелюбием, о чем свидетельствуют “похвалы самих шкиперов помянутых судов, которые делают они приему, полученному у сих народов, уверяя, что пособия, каие они от них имели, совершенная безопасность, кою они там пользовались превзошли их ожидания”. Далее шкиперы, побывавшие в черкесии, констатируют факт: “И действительно, весьма замечательно видеть на берегах сих, коим прежде чуждо было гостеприимство, обитателей Дона, пользующихся свободою посреди сих дикарей и производящих обороты свои с такою беспечною, как бы они делали сие в портах самых образованных народов”.²³

Многочисленные документы, отложившиеся в архивах, опровергают представления об адыгских субэтносах, как “диких, хищных народах”. Эти “дикие, хищные народы”, как именовали адыгов в официальных российских документах, поддерживали торговые связи со странами Западной Европы, Турции, обитателями Дона, самой же Россией. Многие адыгские князья, дворяне и богатые старшины имели собственные морские суда, которые совершали регулярные торговые рейсы в Турцию и вдоль черноморского побережья Кавказа.²⁴ То есть царскому правительству было выгодно в таком свете представлять адыгов для обоснования своей теории, что Россия несет последним цивилизацию, культуру, просвещение, а с “диким, хищным народом” невозможно вести диалога иначе, как с позиции силы. Именно XIX в. явился самым трагичным в истории адыгов. Вначале века восточные адыги лишились своей независимости, а западным предстояло вступить в борьбу с Россией за свою независимость, которую они потеряли с завершением Кавказской войны. Среди факторов, которые сдерживали вооруженные конфликты за Кубанью, не последнюю роль сыграли русско-адыгские торговые связи, и в частности деятельность

Попечительства керченской и бугазской торговли. Оно явилось легитимным выражением деятельности сложившейся оппозиции военно-колониальным методам царизма. Скасси в 1822 г. писал: “Преобразование сих народов из теперешнего состояния в просвещенное, по естественному течению вещей неизбежно; рано или поздно оно должно последовать; потому гораздо лучше воспользоваться сим временем и приобрести себе славу. Так как Черкесы имеют весьма много самолюбия и не менее честолюбивы, надобно им дать предвидеть, какую они обязанность могут ожидать потом”.²⁵

Так он сформулировал политическую задачу, стоящую перед штатом Попечительства. Штат работников через мирные связи должен был способствовать формированию прорусской ориентации феодально-родовой верхушки адыгского общества. Достаточно было жалобы представителей адыгских субэтносов на “обида и разные притеснения чиновников”, чтобы последние подвергались наказанию вплоть до увольнения. Такие ситуации возникали нередко по отношению к чиновникам меновых дворов, которые находились в подчинении войсковой администрации. Чиновники меновых дворов, не всегда правильно понимая политическую подоплеку торговых связей, своими действиями отпугивали адыгов от участия в процессе торгово-меновых операций. Так, 26 марта 1822 г. атаман Черноморского войска полковник Матвеев сообщал, что комиссар бугазской карантинной заставы штабс-капитан Левицкий вместо того, чтобы “обласкать закубанцев, доставивших для обмена” орехи, муку, лук, чеснок, “обругал их и отогнал от пристани”. При этом он заявил, что не разрешит обмена, пока не получит от “высшего начальства” подробные расценки на товары. В ответ от генерал-лейтенанта Ермолова было получено распоряжение с разъяснением, что “к обмену допускаются все продукты сельского хозяйства горцев”, а комиссару Левицкому предлагалось “не

вмешиваться в дела, до него нисколько не принадлежавшие”.²⁶ Если в бугазской карантинной заставе такой инцидент был нередкостным явлением, вынуждавшим адыгов выражать своенедовольство и способствовавшим сохранению напряженных отношений между последними и чиновниками, то в бугазском меновом дворе, находившимся в ведении Попечительства поддерживались абсолютно другие отношения. Об этом свидетельствует записка губернского секретаря Хартулляри на имя Скасси от 9 июля 1823 г. в том, “что в бугазском меновом дворе господствует спокойствие и никаких боязней нет”.²⁷

Промышленникам было выгодно строить каботажные суда, так как Попечительство располагало суммой в 150 тыс. руб. для раздачи предпринимателям без процентов на 4 года по 2 тыс. руб. Однако, отправлять их в Черкесию было невыгодно из-за издержек, связанных с патентом и пошлиной, так как управление керченской таможенной заставы требовало, чтобы суда, отправляемые к черкесским берегам Черного моря, были снабжены патентами “на большое или малое плавание” и требовало пошлину “наравне с прочими судами, за границу отходящими”.²⁸ Хотя еще в 1811 г., суда, отправляющиеся в Черкесию были освобождены от этих стеснительных правил. Чтобы стимулировать развитие русско-адыгских торговых связей, Скасси в октябре 1823 г. писал новороссийскому генерал-губернатору: “Как торговля с черкесами, столь поощряемая правительством, не может быть сравнена вообще с заграничною..., я покорнейше прошу вас сделать своевременное распоряжение, чтобы каботажные суда не терпели в своем отправлении остановки..., и ... сии пользовались всеми правилами, предоставленными для внутренней торговли”.²⁹

Навигация 1824 г. для российских промышленников не была безопасной, хотя начало было очень удачным. “Купцы, отправлявшие в

сем году суда в Черкесию, не могли нахвалиться выгодами, кои... получали, о чем даже лично объявили господину новороссийскому генерал-губернатору... . Они намерены были удвоить число судов”, отправляемых туда.³⁰ Действия анапского трехбунчужного паши Сеит-Алли помешали торговле. Ссылаясь на нападение черноморских казаков на бжедугские аулы в 1823 г., он старался адыгам “внушить, что дружба к ним русских есть обман, которая со временем может лишить их всего, что ими убрано (имеется ввиду урожай – прим. авт.) и даже самой свободы”.³¹

24 июня 1824 г. шапсуги напали на селение Пшад, где были устроены соляные склады и магазины. Жители Пшада во главе с Индар-оглу отбили нападение и “оно не нанесло больших убытков торгующим”.³² Но и Индар-оглу посоветовал Таушу и Мальфино на некоторое время приостановить приход судов в указанное место, потому что волнения продолжались и необходимо было предпринять меры для спасения экипажей 5-ти российских судов, находившихся в плену в Черкесии. По этому поводу Скасси писал комиссару Таушу: “Единственный способ к сему нахожу тот, чтобы суда сии возвратить в Керчь, для сего рекомендую вам, если обстоятельства не переменятся, объявить купцам, чтобы они оставили кунакам своим их груз..., а сами хотя впорожне приняли бы обратный путь...”.³³ При этом в каждом оборотном аттестате, комиссары обязаны были объявить “сколь оставлено каждого судна стоять в Черкесии и сколько отправляется обратно в Керчь”.³⁴

19 сентября 1824 г. в полутора верстах от Пшада состоялась военная стычка между шапсугами и населением с прорусской ориентацией во главе с Индар-оглу и его сыном Касболетом. Волнения продолжались до ноября месяца. Лишь только 16 ноября 1824 г. состоялось примирение.

К началу описываемых событий Попечительство имело в Черкесии 6 торговых мест, “коих жители в течение 3 лет принимали купцов ... благосклонно”. Однако русская сторона не предложила одинаковых условий торговли для всех адыгских субэтносов, чем воспользовался анапский паша Сеит-Алли.

Действия анапского паши лишний раз свидетельствуют о том, что русско-адыгские торговые отношения серьезно препятствовали укреплению позиций Османской империи на Северо-Западном Кавказе и стали предметом конкурентной борьбы, – “дозволяется от горских народов вымен всех вообще изделий собственного их производства без взыскания пошлин с тем только, чтобы по введенному (порядку) с горскими народами беспошлинному торгу, отнюдь не были под видом их изделий пропускаемы персидские и турецкие товары, но препровождаемы были таковые для взыскания пошлин в Кизлярскую таможню”.³⁵

10 сентября 1824 г. Скасси, на которого были возложены политические и торговые отношения с горскими народами, была дана Инструкция, согласно которой он действовал. 4-й пункт Инструкции посвящался торговым отношениям с Анапской в связи с тем, что именно там находился представитель Османской империи – анапский паша. Скасси должен был принять все меры, чтобы склонить анапского пашу к благосклонности. Впрочем, “вывоз соли от нас не должен никогда производиться в значительном количестве, но только соответствовать нужде оной анапского гарнизона, и сие на тот конец, чтобы паша не употребил в свою очередь, средства сего для привлечения к себе черкес, и не отнял бы у нас главнейшего предмета наших с ними связей”.³⁶

На основании Инструкции от 10 сентября 1824 г. и с ведома новороссийского генерал-губернатора графа М.С.Воронцова, Скасси в августе 1825 г. дал разрешение на беспошлинный провоз грузов тем

купцам, которые изъявили желание отправиться в крепость Анапу. Такое решение попечитель считал “согласным с выгодами сей торговли и с политическими выгодами”.³⁷ Анапа действительно “турецка якрепость: но порт сие находится у берегов Черкесии: торговля там производящаяся, есть торговля черкесская..., то в таком разе ни мало не будет изменений правила сей торговли”.³⁸

До этого распоряжения российские предприниматели вели торговлю с Анапой, как с иностранной территорией, и платили пошлину 15 копеек с пуда соли. С адыгов, проживающих в окрестностях крепости, взималась пошлина. Данная мера не отвечала политическим интересам России, хотя “его императорское величество воля в учреждении меновых дворов была... для приласкания горских народов”.³⁹ Владельцы иностранных судов, прибывающих к черноморским берегам, зная о системе пошлин, пользовались этим обстоятельством во вред российским купцам.

19 мая 1824 г. Скасси назначил комиссаром бугазского менового двора губернского секретаря Хартулляри. Комиссар обязан был подробно доносить попечителю о всем происходящем в Бугазе и еженедельно доставлять ему точные ведомости о ходе торгово-меновых операций, и при этом конкретно указывать, какие именно адыгские субэтноты поддерживают торговые связи. По долгу службы комиссар должен был “убеждать их (адыгов) сколько возможно оною (торговлей – прим. авт.) заниматься... По известности турецкого языка секретно узнавать и разведывать между черкесами, не слышно ли что-либо на счет каких-либо военных приготовлений, и... поспешно и секретно доносить”.⁴⁰

Соседство бугазской таможенной заставы играло далеко не самую положительную роль для бугазского менового двора. В одном из своих рапортов на имя Скасси Хартулляри писал, что не наблюдается

поступательного процесса торгово-меновых операций и “главную сему причину приписывает притеснениям, делаемыми черноморцами приезжающим закубанцам”.⁴¹ Тем не менее с 23 сентября по 11 октября 1824 г. титулярным советником Дубосаровым было обменено 998 пудов соли и 5 пудов 23 фунта железа в натухайских владениях на продукты сельского хозяйства и садоводства, в частности: пшеницу, ячмень, рожь, яблоки и груши.⁴²

С 1825 г. звание попечителя керченской и бугазской торговли было переименовано в попечителя торговли с черкесами и абазинцами.

А.П.Ермолов постоянно пытался регламентировать деятельность попечителя торговли с черкесами и абазинцами. Особенно это выразилось по отношению к бугазскому меновому двору. Именно Скасси определял на основании Инструкции от 31 января 1821 г. “Высочайше данной ему” правила для бугазского менового двора. Скасси вынужден был обратиться к Воронцову с просьбой, чтобы он поставил на вид кому следует на основании данной Инструкции “не вмешиваться... в дела и обхождения с закубанскими жителями”.⁴³ Как и прежде, возникала проблема разграничения сферы деятельности военной администрации и административно-коммерческой организации. Представители и той, и другой стороны решали одну задачу – расширить и упрочить торговлю. Но в 1823 – 1826 гг. замерла деятельность меновых дворов, находившихся в ведении войсковой администрации черноморского казачьего войска. Генерал-майор Власов, командовавший в этот период войском, сконцентрировал всю свою деятельность на военных операциях за Кубанью. Помощник попечителя торговли с черкесами и абазинцами коллежский ассесор Кодинц в записке генералу Паскевичу писал: “Действия свои начал он (Власов – прим. авт.) внезапными переправами через Кубань на земли черкесские, где он вырубал леса, сжигал засеянные ими поля и, наконец, напал на аулы

их, предавая все истреблению”.⁴⁴ В марте 1823 г. Власов с тремя полками черноморских казаков устроил нападение на бжедугские аулы, “таковые явные несправедливости произвели величайшее смятение в горах: черкесы, безвинно лишенные собственности”⁴⁵ напали на деревню Крутолеску в мае того же года, “которое принесло гибель сей многолюдной и бывшей в хорошем устройстве деревне”.⁴⁶ Военные власти сами вынуждали адыгов совершать набеги, а в официальных документах, отправляемых в Петербург рапортовали, что в ответ на “хищные набеги горцев” предприняты военные операции. После каждого набега войсковая администрация Черномории отсылала письмо анапскому паше с полным перечнем причиненного ущерба и с требованием возмещения его согласно условиям Ясского мирного договора, заключенного 29 декабря 1791 г. Ущерб возмещался крайне редко и никогда в полной мере. Турецкая сторона ограничивалась выплатой некоторой суммы и передачей товаров.⁴⁷

Естественно “поступки войска... в распоряжении генерала Власова... поселили... ненависть к русским между горскими народами”.⁴⁸ Таким образом, деятельность Попечительства, направленная на стабилизацию отношений с жителями Северо-Западного Кавказа нейтрализовывалась силой оружия. Даже натухайцы, которые придерживались прорусской ориентации, не смогли избежать нападения в начале 1826 г. Многочисленный отряд черноморских казаков под командованием Власова, “ворвавшись неожиданно в жилища их, и именно в аул Салат-Гирей, разорил все и увлек с собою, что не подвергалось истреблению. – Сей князь и родственники его оставались всегда примером постоянной преданности к России; живший в течение многих лет в самом близком расстоянии от границы нашей, Салат-Гирей считал себя некоторым образом к нам принадлежащим”.⁴⁹ В то самое время, когда российский отряд “принес убийства и грабежи в

дом его”, он находился в походе с целью склонения других адыгских субэтносов на сторону России. Скасси не замедлил поставить в известность “высшее начальство” об этом факте. Прибывший в Черноморию генерал-адъютант Стрекалов, после тщательного и продолжительного расследования “открыл совершенную невинность натухайцев и всю несправедливость сей последней экспедиции генерала Власова”.⁵⁰ Салат-Гирею и его подданным был возмещен причиненный ущерб, после чего натухайцы не предприняли ответных нападений и “сие служит неоспоримым доказательством, что с народом сим можно легко жить в мире, подавая им пример правосудия и верности в сохранении установленных с ними договоров”.⁵¹ Характерен тот факт, что нападения в основном совершались на территории проживания тех субэтносов, которые придерживались прорусской ориентации. Натухайцы вообще оказались под двойным ударом: со стороны черноморского казачьего войска и тех адыгских субэтносов, которые не придерживались прорусской ориентации.

События 1823 – 1826 гг. вынудили адыгов послать в 1826 г. делегацию в Стамбул с жалобой на притеснения со стороны России и “просьбою о подании им защиты”. Посланники вернулись в Черкессию с новым анапским пашой Гассан-Чечен-Оглу. Он в короткое время существенными подарками и значительными обещаниями успел привести к присяге на подданство турецкому султану многие адыгские субэтносы.

Особенность периода 1823 – 1826 гг. заключалась в том, что очень ярко проявился весь комплекс колониционных методов, которыми пользовались российские власти на Северо-Западном Кавказе.⁵² Наряду с военными мероприятиями, правительство продолжало поощрять тех, кто изъявлял желание заниматься торгово-меновыми операциями с адыгами. В феврале 1825 г. было принято

решение “О дозволении привозить к черкесским берегам соль бессарабского произведения”, то есть, впредь разрешалась беспошлинная торговля не только “крымской солью”, но и солью “бессарабского произведения” на Северо-Западном Кавказе. От новороссийского генерал-губернатора Воронцова через попечителя торговли с черкесами и абазинцами были сделаны существенные подарки. В частности, в октябре 1824 г. в Керчь к Скасси было доставлено в качестве подарка для князя Атукая Аслан-Гирея “серебро в слитках весом в 20 фунтов для вручения по принадлежности”. Помимо серебра также были доставлены “золотая медаль с алмазными украшениями, золотые часы и ещё золотая медаль на Анненской ленте”, которые были вручены в 1825 г.⁵³

В 1826 г. была расширена социальная база имеющих право торговли с адыгами. С января 1826 г. дозволялось “заниматься торговлею с черкесами и абазинцами всех сословий без взятия свидетельства об устройстве гильдий”.⁵⁴

На сколько деятельность Попечительства керченской и бугазской торговли затрагивала и другие связи с адыгами можно судить по тем инструкциям, которые получали комиссары Тауш, Люлье, Мальфино от администрации. К 1825 г. комиссары перестали в своих отчетах сообщать о положении за Кубанью, а касались только торговых вопросов. На что Кодинц им указывал: “Я не имею от вас почти никакого сведения, о том, что в горах делается, кроме самых коротких рапортов, ничего не значащих”.⁵⁵

Несмотря на сложную политическую ситуацию, в навигацию 1825 и

1826 гг. к черкесским берегам Черного моря отправлялись суда с полным грузом, экипажи которых с успехом производили торгово-меновые операции.⁵⁶

Адыгская военно-феодалная верхушка стремилась использовать торговлю в своих интересах и превратить ее в дополнительную повинность для народных масс. Считалось, что каждый меновой двор “преимущественно принадлежит тому владельцу, который имеет против него свое поселение”.⁵⁷ Военной администрацией Черномории князьям, дворянам, старшинам было предоставлено право взимать “десятину” со всех проезжающих с торговыми целями через их владения. Таким правом пользовался на Редутском меновом дворе темиргоевский владелец Тау-Султан Бейзруко, Малолагерном – черчинейский князь Пшекуй, Екатеринодарском – хамышейские князья братья Магамет и Алкас, Великолагерном и Талызинском – шапсуги. Махошевские и темиргоевские князья и дворяне предъявляли свои права на “десятину” с абадзехов. Однако царские власти, предвидя “неблагоприятные последствия, могущие от сего произойти, согласились на условия владельцев в качестве компенсации десятины, ежегодно выдавать им по тысяче пудов соли по 1600 рублей деньгами”.⁵⁸ Козинц рекомендовал войсковой администрации Черноморья в 1827 г. открыть на правом берегу р.Афипс в Александровском куту временный меновой двор с учреждением кордона и с условием, что “он будет охраняем самими абадзехами”.

В 1827 г. в качестве официального представителя от Попечительства, с целью оказания помощи в организации торговли на меновых дворах, в Черноморское казачье войско был послан Хартулляри. Он имел право находиться при меновых дворах и непосредственно вмешиваться в процесс организации мены. Хартулляри доносил Козинцу, так как Скасси находился в Петербурге по делам Попечительства, что соль на меновых дворах отпускается по очень завышенным ценам. В силу чего Козинц счел необходимым отослать генералу Сысоеву, заменившему Власова, письмо с просьбой, “чтобы во

всех меновых дворах по Кубанской границе оказывались справедливость и снисхождение горцам, и чтобы соль отдавалась им по ценам сколько возможно низшим”.⁵⁹

Войсковая торговая монополия, осуществлявшаяся через сеть меновых дворов, способствовала злоупотреблению лиц, приставленных к ним в качестве администраторов. Эти люди будучи совершенно случайными в сфере торговли, преследовали единственную цель за время своего пребывания на посту смотрителей меновых дворов – извлечь как можно больше выгод для себя, при этом совершенно не заботясь, об улучшении общего хода торговых операций.⁶⁰

В особенности плохо дела обстояли в Усть-Лабинском меновом дворе, где не было медицинского чиновника, на месте находился один комиссар, совмещавший должность смотрителя. Последний осуществлял торговые обороты в свою пользу следующим образом: соль, которая у него имелась в наличности для отпуска горцам по рублю за пуд, продавал жителям по 1.50 – 2 рубля за пуд, вместо чего покупал в Черномории соль намного дешевле и более худшего качества.⁶¹ Сделки такого рода, запущенность зданий и оборудования, отсутствие инициативы, грубость в обращении с приезжавшими для торговли горцами сильно тормозили развитие русско-адыгских торговых связей.

Генерал-лейтенант Эмануэль, новый начальник Кавказской области, в начале 1827 г. направил Екатеринодарской карантинной конторе особое предписание, в котором указывалось на неудовлетворительное состояние меновых дворов Черномории и требовалось от их смотрителей и комиссаров, чтобы в обращении с местными жителями соблюдалась “справедливость в удовлетворении их интересов и старались бы привлечь их к торговле с Россией и миролюбивым связям”.⁶² Этим предписанием начальник Кавказской области попытался хотя бы несколько выправить положение дел,

сложившееся на меновых дворах. Не достигнув желаемых результатов, Эмануэль пришел к убеждению в необходимости принятия кардинальных мер, которые выразились во введении в 1827 г. свободного торга русскими товарами и тарифа с расценками горских товаров.⁶³ Генералу Сысоеву строго предписывалось следить за тем, чтобы во всех меновых дворах безукоризненно придерживались данного тарифа. Эти мероприятия, по предположению Эмануэля, вместе с увеличением общего объема торговых оборотов должны были ликвидировать контрабанду.

Введение свободной торговли русскими товарами на меновых дворах и тарифа с расценками горских товаров вызвало сильное недовольство купцов, находившихся под покровительством влиятельных адыгских князей, дворян и старшин. Их не устраивала перспектива потери тех прибылей, которые приносила им монопольная торговля в горах вывозимыми из России фабричными изделиями. С товарами, доставленными из-за Кубани, купцы не задерживались в Черномории, а отправлялись в Нахичевань для их реализации, где закупали новые партии российских товаров и снова отправлялись в горы, переправляя открыто через Кубань лишь незначительную часть своего груза, а остальную отправляя контрабандой. В связи с чем, атаман Черноморского казачьего войска Бескровный в 1827 г. сообщал Эмануэлю, что купцы “удовлетворив оным товаром нужды горцев, отклоняют сих последних приезжать к нашим меновым дворам, где бы они могли получать товары без сомнения, за выгоднейшую цену и через то знакомиться с нами, привыкать к миролюбивому обхождению и теперешнюю неприязненность их к нам заменить мирным житием”.⁶⁴ Более того, Бескровный серьезно был обеспокоен тем, что торговая деятельность закубанских купцов может лишить российское правительство мощного средства его колониального утверждения на

Северо-Западном Кавказе, в силу того, что “люди сии по известной алчности и корысти могут прибрать в последствии всю нашу торговлю с закубанцами в свои руки и черкесы, получая от них товары, не будут считать себя за оные обязательными России и через то не бывши в частном обхождении с нами останутся по-прежнему неприязненными”.⁶⁵ В 1828 г. Эмануэль пришел к выводу, что необходимо, несмотря на предпринятые меры “к усилению мены с горскими народами на меновых дворах и при карантинных заставах, что успеха в этом не иначе можно достигнуть как посредством строжайшего воспрещения ... всем вообще закубанским промышленникам ввозить в границы наши через карантинные заставы разные тамошние произведения и вывозить за Кубань от нас для торга товары”.⁶⁶ В силу этого он предписал всем карантинным заставам и меновым дворам “ни под каким видом не пропускать промышленников с товарами ни из-за Кубани, ни за Кубань, а предоставлять им сбывать оные посредством мены на меновых дворах, точно также как сие предоставлено закубанским народам”.⁶⁷ Лишь только в 1828 г. Эмануэль узаконил ту меру по отношению к закубанским купцам, которую предлагал Скасси еще в начале своей торговой деятельности на Северо-Западном Кавказе.

Войсковая администрация Черноморского казачьего войска в середине 1828 г. в Феодосии закупила крупные партии турецких товаров, пользовавшихся довольно широким спросом адыгов, и разослала их по всем меновым дворам с целью увеличения товарного ассортимента. Накануне войны этот шаг войсковой администрации нанес серьезные удары по турецкой торговле в Анапе и Суджук-Кале. Действуя таким образом, российские власти руководствовались исключительно соображениями военно-политического характера.

Царское правительство, осуществляя мероприятия для развития торговых связей с Северо-Западным Кавказом, одновременно вело

военные операции в Закубанье, “вот почему при больших затратах на ведение русско-адыгской торговли результат был незначительный. То, что делали гражданские власти, сводилось на нет военными властями”.⁶⁸

В ходе русско-турецкой войны, в 1828 г. произошло столкновение Р.А.Скасси с А.С.Меньшиковым, который руководил осадой Анапы. Во время столкновения Скасси едва избежал судебной ответственности. После заключения Адрианопольского мира в 1829 г. была ликвидирована административно-коммерческая организация Попечительство керченской и бугазской торговли, а Скасси был уволен с российской службы. Это означало, что оппозиция военно-колониальным методам царизма потерпела поражение. После заключения Адрианопольского мира 14 сентября 1829 г., согласно 4-й статье которого Османская империя уступала Черкесию России, хотя фактически она не могла уступить то, чем сама не владела, российское правительство посчитало ненужной деятельность Попечительства, то есть перешла к силовым методам. Несомненно, Попечительство сыграло положительную роль в развитии торговли с горцами и установлении дружественных связей. Это признал позже Командир Отдельного Кавказского корпуса барон Г.В.Розен, писавший министру финансов Е.Ф.Канкрину, что “Попечительство Кавказской торговли, несмотря на все злоупотребления, вкравшиеся в управление оным поддерживало связь России с горскими народами”.⁶⁹

На основании изучения архивных материалов, мы можем констатировать, что русско-адыгская торговля в рассматриваемое время получила определенное развитие. Факты о деятельности российских купцов на побережье, номинально входившем в сферу влияния Османской империи, подтверждают это. Вместе с тем, необходимо отметить, что результаты торговли не соответствовали произведенным на нее затратам. Некоторые исследователи (М.В.Покровский,

С.К.Бушуев и др.), указывая, что на развитие торговли отрицательно влияли такие факторы, как спекуляция российских купцов, неудовлетворительная организация торгового дела на меновых дворах, не затрагивают такого фактора как военные действия Черноморского казачьего войска за Кубанью. Именно эти военные действия в наибольшей степени способствовали формированию образа врага в лице России в менталитете адыгского общества. Анапский паша именно на этом основывал свою пропаганду против России в ходе экономической борьбы двух держав за приоритет на Северо-Западном Кавказе. Начиная с 1829 г. Россия объявила экономические связи адыгов с турками незаконными, в связи с тем, что ввела монополию внешней торговли в Черкесии.

Итак, с учреждением Попечительства керченской и бугазской торговли в 1821 г. во главе со Р.А.Скасси начался новый этап в развитии торговли между Россией и Черкесией. Флотские офицеры и комиссары Попечительства действовали в соответствии с инструкцией Скасси от 30 августа 1822 г. В ряде мест Черноморского побережья были построены магазины и соляные склады. Черкесы дружелюбно встречали прибывавшие суда, напротив в крымских портах чиновники своевольно задерживали корабли и даже конфисковывали их грузы. Новороссийский генерал-губернатор М.С.Воронцов был вынужден дать указание об отправке судов в Черкесию на основании “Правил о внутренней торговле”.

В 1824 г. Скасси получил новую инструкцию. На ее основании он разрешил купцам беспошлинный провоз грузов в Анапу, через которую шла торговля с Черкесией. В 1825 г. было разрешено привозить в Черкесию помимо крымской и бессарабскую соль. В 1826 г. расширена социальная база торгующих с адыгами.

Регламентация торговли была подчинена политическим интересам России. Весь период царствования Александра I имеет в отношении таможенной политики ту особенность, что политические отношения России к отдельным европейским державам оказывали тогда сильнейшее влияние на постановку таможенного дела.⁷⁰ Таможенная политика находилась под непосредственным влиянием политических соображений, обуславливавших то дружественное сближение, то резкий разрыв с тем или другим государством, в зависимости от того, признавала ли Россия нужным делать уступки своим союзникам по оружию, или, наоборот, стремилась нанести возможный ущерб торговле своих противников.

Примечания:

- ¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб. 1830. Т. 37. С. 878.
- ² Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. М. 1940. Т. 9. С.169.
- ³ ПСЗ. СПб 1830. Т. 37. С.878 – 880.
- ⁴ Исключения составляли товары, указанные в § 4: российские и иностранные золотые, серебряные и медные монеты, российские банковские ассигнации, огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец.
- ⁵ ПСЗ. СПб. 1830. Т. 37. С. 879.
- ⁶ Там же. С. 880.
- ⁷ Там же. С. 880 – 881.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ ИДД МИД РФ). Ф. 159. Оп. 464. Д. 3036. Л. 3.
- ⁹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 85. Л. 1 – 5.
- ¹⁰ См.: Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп. 1957. С. 25.
- ¹¹ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф.261. Оп. 181 / 7. Д. 3. Л.4.
- ¹² Там же. Л.23.
- ¹³ Там же. Л. 4, 4 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 23.
- ¹⁵ Там же. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Л. 16.
- ¹⁷ Там же. Л. 23.
- ¹⁸ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 261. Оп. 181/7. Д. 38. Л.12.
- ¹⁹ Там же. Л.12.
- ²⁰ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 261. Оп. 181/7. Д. 1. Лл.1 – 17.

- ²¹ Люлье П.Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря. // Закавказский вестник. Тифлис. 1848. № 14. 1 апреля.
- ²² Там же.
- ²³ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 38. Л. 18.
- ²⁴ См: Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 57.
- ²⁵ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 3. Л. 26.
- ²⁶ Цит. по: Писарев В.И. Указ. соч. С. 164 – 165.
- ²⁷ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 38. Л. 70.
- ²⁸ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 65. Л.2.
- ²⁹ Там же. Лл. 2 – 4.
- ³⁰ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7 Д. 109. Л. 3 об.
- ³¹ Там же. Л. 3 об.
- ³² Там же. Л. 3.
- ³³ Там же. Л. 8.
- ³⁴ Там же. Л. 8.
- ³⁵ ГАКК. Ф. 687. Оп.1. Д. 12. Л.7.
- ³⁶ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 127. Л.2.
- ³⁷ Там же. Л.2.
- ³⁸ Там же. Л.1.
- ³⁹ ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 4. Л.120.
- ⁴⁰ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161 Оп. 181/7. Д. 107. Л.8, 8об.
- ⁴¹ Там же. Л.10, 10 об.
- ⁴² АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 92. Лл. 9, 16.
- ⁴³ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп.181/7. Д. 142. Л. 3 об.
- ⁴⁴ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 222. Л. 9 об.
- ⁴⁵ Там же. Л.10.
- ⁴⁶ Там же. Л.10.
- ⁴⁷ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1823 год. СПб. 1869. Ч.3. С. 550.
- ⁴⁸ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 222. Л.10.
- ⁴⁹ Там же. Л. 10 об.
- ⁵⁰ Там же. Л.10.
- ⁵¹ Там же. Л.11.
- ⁵² АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161 Оп. 181/7. Д. 143. Лл.2 – 6.
- ⁵³ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф.161. Оп. 181/7. Д. 191. Лл. 6,7.
- ⁵⁴ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 149. Лл. 4,5.
- ⁵⁵ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 246. Л. 98.
- ⁵⁶ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 132. Лл. 4,4 об., 5.
- ⁵⁷ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 246. Л. 67 об.
- ⁵⁸ Там же. Лл. 67, 104.
- ⁵⁹ Там же. Л. 67 об.
- ⁶⁰ См.: Покровский М.В. Указ. соч. С.26.
- ⁶¹ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 246. Л. 111 об.
- ⁶² ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.
- ⁶³ АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 246. Лл. 6, 12.
- ⁶⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 987. Л. 19.
- ⁶⁵ Там же. Л. 19.
- ⁶⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.
- ⁶⁷ Там же. Л.2.

⁶⁸Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т.1. С. 300.

⁶⁹Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1881. Т. 8. С.641.

⁷⁰Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России. Со времен Петра Великого до наших дней. СПб.,1909. С. 52; Ладыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 149.

Рябиков А.Н.
г. Армавир

Восточная политика Великобритании в контексте соперничества великих держав на Кавказе в начале XIX века

Термин «Кавказская война» вырос в недрах российской дворянской историографии из более широкого понятия «Кавказские войны», которые по идее включали в себя все межгосударственные коллизии на Кавказе и вокруг него на протяжении длительного времени. Пример тому – ситуация начала XIX века.

В начале XIX века Кавказ продолжал оставаться объектом международных споров и вооруженных столкновений между Россией, Турцией и Персией. Это было время повышения активности великих европейских держав относительно выше обозначенной территории, которая стала занимать немаловажное место в их восточной политике. И если отношения между странами, имевшими свои границы на Кавказе, достаточно подробно изучены, то деятельность государств Западной Европы в регионе еще нуждается в изучении. Таким образом, проблема английского военно-дипломатического присутствия в Закавказье и Ближнем Востоке в начале века является актуальной.

Значительная часть исследователей сходится во мнении, в том, что усилия английской дипломатии в начале XIX века были направлены на выполнение одной из важнейших задач внешнеполитического курса Великобритании: обеспечение захвата колоний и их эксплуатации, а так же создание опорных пунктов на пути из метрополии на Восток [1]. Европейские рынки, по словам, английского историка Д. Тревельяна, «то открывались, то закрывались в зависимости от капризов дипломатии и войны» [2]. В то время быстрое развитие британской промышленности

со всей остротой поставило перед буржуазией вопрос о сбыте: максимальное использование существовавших рынков и открытие новых стало жизненно важной проблемой. Тем самым колониальная политика все больше отождествлялась с политикой торговой [3]. Дипломатическая служба играла роль «главных форпостов Британской империи, помогая создавать и поддерживать условия для ее расцвета...»[4]. Распространение французского и русского влияния в районах, близких к Индии сильно ударяло по интересам Британии. В последней, в связи с этим, на вооружение была взята концепция об «Угрозе Индии» со стороны России. Кавказ был не только болевой точкой для Англии, одновременно, он же являлся для России, по мнению английского исследователя Д.Хоскинга, местом «уязвимым для мятежей и внешнего вмешательства» [5] . А Х.Г.Политидис считает, что «в период с первой декады XIX века вплоть до 1917 года – общеевропейская антитурецкая солидарность сходит на нет...» и далее автор замечает, что Турция используется противниками России «в качестве бастиона» против русского продвижения в Закавказье [6]. И если Турция уже была «объявлена несостоятельно политически» [7], то Иран, хоть и был отсталым и феодальным, однако являлся независимым и суверенным государством. Европейские державы еще не сделали решающих шагов к политическому и экономическому закабалению Персии [8]. Сначала конкурирующие державы в своей политике ограничивались проблемой раздела «османского наследства», но в дальнейшем их устремления стали связываться с вопросом о судьбе империи Каджаров. В 1800 году в Персию был направлен из английских владений в Индии капитаном Малькольм. В его задачи входило обеспечение английских интересов в Иране, и в частности недопущение превращения французами Ирана в плацдарм для нападения на Индию. Итогом переговоров стал англо-иранский договор, подписанный 25 декабря 1800 года от имени

иранского правительства министром хаджи Ибрахим-ханом и от имени английского правительства капитаном Джоном Малькольмом на основании полномочий полученных от генерал-губернатора Индии маркиза Уэлсли. Статья IV гарантировала в случае нападения: «любого афганского правителя или французов на Иран английское правительство обязуется прислать шаху столько пушек, военных материалов и специалистов, сколько будет возможно» [9]. Хотя «вечный» договор официально направлен был против Франции и Афганистана, некоторые исследователи добавляют к последним странам Россию и народы Кавказа. Так как именно с этого времени правящие круги шахского Ирана, подстрекаемые Англией, находившейся в дружественных отношениях с Российской империей, стали готовиться к агрессии против Кавказа [10].

Последующие события, а именно размещение войск на границах Закавказья, требования шаха немедленно очистить Грузию и собственно начало Ирано-российской войны 1804-1813 годов показывают противоречивость политики Великобритании в Кавказском регионе и вокруг него, ввиду определяющего влияния английской дипломатии на внешнюю политику шахского правительства.

По стечению обстоятельств год начала войны был годом создания очередной антинаполеоновской коалиции, в которую помимо России входили также Турция и Англия. Сложную внешнеполитическую ситуацию вокруг Порты того периода обрисовал в 1860 году генерал-майор Р.А.Фадеев: «...она (Османская империя – Р.А.) уже находилась под опекою Европы, которая ревниво блюла ее целость, потому что не могла принять равного участия в дележе. Несмотря на искусственное равновесие, опертое на острие иглы, между великими державами начиналась борьба за преобладающее влияние на Турцию и все принадлежащее ей...» и далее военный историк делает геополитический

прогноз: «...в пределах Турции, если не действительных, то предполагаемых дипломатически, заключалось Черное море и Закавказье; это государство простирало свои притязания до берега Каспийского моря и легко могло осуществить их первым успехом, одержанным над персиянами» [11].

Англия и Россия, проявляя формально союзнические обязательства перед Портой, начинают в 1805 году консультации по поводу раздела последней. Особую заинтересованность в этом вопросе проявляла дипломатическая служба Александра I [12]. Великобритания в данный момент не могла быть заинтересована в разделе Османской империи, полагая, что территориальные приобретения государства, имеющего свои границы на Кавказе, были бы несоизмеримо большими, чем того желал бы Форин оффис.

Но отвернуло султанскую Турцию от партнеров коалиции не закулисные интриги дипломатов, а неудачи военных. Решающим в этом смысле стало поражение под Аустерлицем, после которого курс Османской Порты резко меняется и все больше попадает под влияние Франции. Успехи российских войск в присоединении почти всех крупных ханств Северного Азербайджана в 1805-1806 годах создали тем самым зону безопасности, оградившую Кавказ от посягательств со стороны шаха. В довершении снижение военных поставок английского вооружения в Иран привело к заключению франко-иранского договора от 4 мая 1807 года.

Поражение коалиции в Европе, неудачные действия английской дипломатии в Порте, враждебный нейтралитет Британии в ирано-русской войне приводят к Тильзиту, который, был невыгодным для Российской империи и создавал огромные проблемы для Великобритании. Угроза жемчужине английской короны – Индии, как некогда была осязаема в феврале 1808 года, когда Наполеон обратился к

Александр I с предложением совместной экспедиции в Азию через Константинополь «...слух об этом», по словам французского императора, «разнесется по Индии и Англия будет сломлена» [13]. Правда, одновременно, французские дипломаты в Стамбуле делали все возможное, чтобы затянуть османо-российскую войну. При их активном участии были сорваны мирные переговоры в 1807 и 1809 годах [14].

В этих сложных обстоятельствах Лондон продолжал методично направлять ноты в Персию и Порту с требованием выслать французских послов и военных специалистов [15]. В то же время, после тильзитской встречи Франция не могла, как в свое время Англия, оказывать военные поставки шаху и султану в необходимых размерах, чтобы не спровоцировать разрыв со своим восточным соседом.

Ситуацией решила воспользоваться Великобритания, она направляет в Иран дипломатическую миссию, результатом которой явилось подписание прелиминарного англо-иранского договора 1809 года, статья IV которого, хотя определяла поводом оказания финансовой и военной помощи вторжение «вооруженных сил какой-либо европейской державы» [16], была направлена, прежде всего, против российского присутствия на Кавказе. Косвенным образом это подтверждается сообщением от 31 сентября 1809 года главнокомандующего на Кавказе А.П.Тормасова правительству, о том, что Англия предлагает Ирану послать специального представителя в Петербург с предложением, чтобы: «Россия оставила Грузию и возвратила завоеванные места, или правительство Персии будет искать их возвращения силой оружия» [17]. Таковы были первые шаги английской дипломатии в Иране в 1809 году. Французы еще некоторое время оставались в Иране, однако, с этого времени острая борьба двух дипломатий за преобладание в этой стране закончилась победой английской.

Одновременно британские дипломаты в Тегеране и Константинополе добивались заключения экстраординарного ирано-турецкого союза против России [18].

Лондон был заинтересован в проведении активных боевых действий на кавказских фронтах, для указания российским властям полного отсутствия выгоды в блокировке с империей Наполеона и участия в Континентальной блокаде. Просматривается система мер, направленных на воспрепятствование утверждения Российской империи на Кавказе – это не только оказание помощи Персии, но и активная подрывная эмиссарская деятельность в Дагестане [19]. В довершении ярким доказательством антироссийской направленности мероприятий британских дипломатов и подтверждением политики, проводимой Англией на Кавказе и сопредельных с ним территориях является заключение англо-турецкого договора в январе 1809 года. Именно после этого события Оттоманская империя возобновила войну с Россией.

Начало XIX века на Кавказе и вокруг него было временем частой смены военно-дипломатических ориентиров. До Тильзитского мира политические усилия Британии и России на указанных территориях, только внешне проявлялись как союзнические, но даже формально их трудно определить как сонаправленные. После 1807 года Кавказ продолжал служить одновременно разыгрываемой картой и орудием давления на страны, имевшие здесь свои геополитические интересы. Присутствие Британской империи серьезным образом повлияло на степень активности Персии и Порты. Экономическое развитие Англии все настойчивее толкало ее к овладению восточными рынками, вследствие чего деятельность последней в регионе носила колониальный характер, подчиненный экспансионистским целям. Одним из важных результатов английской политики явилось возникновение запутанного Кавказского узла противоречий, в котором противоположные интересы

европейских держав и России переплетались с интересами стран Ближнего и Среднего Востока.

Примечания:

- ¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958.- С.173;
- ² Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке XIX– начало XX века. М., 1990.- С.7; Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.- С.56-57.
- ³ Тревельян Д. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001.- С.493.
- ⁴ Жигалина О.И. Указ. соч.- С.7
- ⁵ Матвеева В.М. Британская дипломатическая служба. М., 1990.- С.5.
- ⁶ Хоскинг Д. Россия: народ и империя. (1552-1917гг.). Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001.- С.55.
- ⁷ Политидис Х.Г. Русско-турецкое противоборство как определяющий фактор геополитических реалий Кавказа и малой Азии.//Материалы научно-практической конференции «Общность исторических судеб народов Кавказа и России». М., 2002.- С.37.
- ⁸ Еремеев Д.Е., Мейер М.С. Турция в Средние века и Новое время. М., 1992.- С.198.
- ⁹ Арабаджян З.А. Иран: власть, реформы, революция XIV–XX века. М., 1991.- С.8
- ¹⁰ Новая история Ирана. Хрестоматия. Сост. Н.К. Белова, В.Н. Зайцев, Л.Н. Кулагина. М., 1988.- С.68.
- ¹¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII–начале XIX века. Сборник документов. Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988.-С.17.
- ¹² Цит. по: Гордин Я. «Страшно и грустно выразить мысль об утрате Кавказа...»// Звезда.- 2002.- №4.- С.179.
- ¹³ Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.- С.98.
- ¹⁴ Смирнов Н.А. Указ. соч.- С.171.
- ¹⁵ Еремеев Д.Е., Мейер М.С. Указ. соч.- С.201.
- ¹⁶ Кессельбренер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры. М., 1987.- С.231.
- ¹⁷ Новая история Ирана...- С.71.
- ¹⁸ АКАК. Т.3.- С.513; С.703-704.
- ¹⁹ АКАК. Т.4.- С.689.
- ²⁰ Русско-дагестанские отношения...- С.18.

Скиба К. В.
г. Армавир

О реакции «аристократических» и «демократических» адыгских племен на Адрианопольский мирный договор 1829 г.

Российские и зарубежные историки уже давно сформировали утверждение о том, что рубеж 20-х-30-х годов XIX в. для «Кавказской войны» на Северо-Западном Кавказе – время начала ее совершенно нового этапа.

Отправная точка этого утверждения – Адрианопольский мирный договор между Российской и Османской империями от 2 сентября 1829 г. По нему Порты отказалась в пользу России от восточного побережья Чёрного моря от устья Кубани до пристани Св.Николая. Кроме побережья Турция заодно уступила России земли между Кубанью и морским берегом, вплоть до границы Абхазии, отделившейся от нее ещё раньше. Река Кубань перестала быть границей между двумя государствами (4. Л.7об; 6. С.74; 8. С.152; 11. С.284; 13. С.18; 14. С.52; 17. С.127; 20. С.12; 19. С.198; 22. С.83; 26. С.139; 28. С.56-57; 29. С.270; 33. С.32).

После заключения договора закубанцы (под этим термином эпохой XIX века подразумеваются не только западные адыги, но и ногайцы, абазины, карачаевцы), лишённые военной и политической поддержки Турции, попали в своеобразный «военно-политический мешок». Теперь они, как бы автоматически, должны были признать власть России. Но османы уступили ей земли, которыми полностью не владели и племена, которые им полностью никогда не повиновались.

Закубанцы признавали султана своим духовным, но не светским главой. Они не совершали т.н. «пятничный намаз», не платили податей и

не давали в турецкую армию солдат. Султана и всех турок черкесы считали родственниками через жён и наложниц, купленных у них, а также своими внешнеполитическими союзниками. Османам принадлежали крепости на побережье, адыги воспринимали их на своих землях как единоверцев и торговых партнеров. Практически единственный успех турецкой дипломатии – присяги на подданство, взятые с «аристократических» племен и карачаевцев в 1826-1827 гг. (10. С.118; 17. С. 127; 20. С.12; 21. С.238-239; 26. С.139-140; 29. С.209,269; 31. С.339-340).

В конце 1829 г. для объявления Адрианопольского мира всему «черкесскому народу» командующий Кавказской Линией генерал Г.А. Еммануэль разослал по Закубанью прокламацию на русском и турецком языках (4. Д.1040. Л.7об-8).

Дальнейшие события 1830 г. в регионе Кубанской Линии следует рассматривать в свете появления нового фактора в военно-политических событиях 1830-х гг. на Северо-Западном Кавказе – стремления большинства «аристократических» равнинных черкесских племен жить в мире с Россией. Здесь и далее по тексту употребляется термин XIX века «племена», как уже устоявшийся в историографии, хотя есть и более современное определение «субэтнос».

В 1829-1830 гг. в их отношении утверждается официальное название «мирные закубанские черкесы», управлять ими стал их собственный пристав. Принесение покорности и получение статуса «мирных» черкесы называли «познакомиться с русскими». За последующие годы состав «мирных черкесов» несколько раз менялся. Так в 1834 г. к ним относились темиргоевцы, хатукаевцы, некоторые аулы бесленеевцев, махошевцев. В 1840 г. – темиргоевцы, егерухаевцы, хатукаевцы, адемиевцы и мамхеговцы. Кроме черкесов статус «мирных» получали закубанские ногайцы и абазины-тапанта. Пример – 14 января

1831 г. командир Хопёрского казачьего полка Канивальский доносил, что князя Мамат Гирей Сидов и Джембулат Клычев просят прощения и позволения принять на верноподданство Государю Императору присягу, «как и другие абазинские князья». «Причем по чистой совести признались, что в российских пределах хищничеств (производное от слова «похищение» – К.С.) не делали» (2. Оп.2. Д.102. Л.2об-8, Д.103. Л.2-2об, Д.125. Л.2; 4. Д.1040. Л.7об-8; 9. С.128; 16. С.39; 18. С.26,167; 25. С.36; 33. С.26; 34. С.53; 36. С.559-560,563).

В ноябре 1830 г. к главнокомандующему на Кавказе генералу И.Ф.Паскевичу, который находился в Усть-Лабинской крепости, прибыли князья и старшины от темиргоевцев, черченеевцев, хатукаевцев и других равнинных племён с предложением о вступлении в «вечное подданство» России с подписью присяжных листов. Среди них был и самый знаменитый среди благородных аристократических наездников – князь Джембулат Айтеко Болотоков, «владелец» т.н. «предгорных» темиргоевцев (32. С.227).

И.Ф. Паскевич, для «снятия присяги», отправил вместе с ними чиновника особых поручений, статского советника князя Н.И. Палавандова. На племенном собрании темиргоевцев Джембулат просил о присяге без письменного акта, Палавандов отказался. Тогда знаменитый наездник, справедливо считавший, что после заключения письменного акта у него пропадет возможность «дипломатического маневра», собрал толпу, «уверял, что их хотят обратить в казаки, отберут имущество...вскочил на коня, кричал, что он вольный черкес» и т.д. В этой критической ситуации Палавандов не растерялся и убедил людей, что правительство «оставляет им религию, права, обычаи, их собственность без изменений» (подчеркнуто нами – К.С.). «Простой народ» внял ему и «обратил всё неудовольствие на Джембулата». На другой день, узнав, что его двоюродные братья Шумаф, Татлостан

(«владельцы» т.н. «равнинных» темиргоевцев, наследники умершего в 1828 г. союзника России и его старшего брата Мисоста Айтеко Болотокова), все уздени, старейшины и народ готовы присягнуть, Джембулат вместе с ними совершил обряд присяги при «ликовании простого народа». Темиргоевцы назначили штрафы за скрывание «хищников» и набеги на кого-либо – лишение имущества и выдача российским властям. «В исполнении сего они поклялись друг другу» и Джембулат проводил Палавандова до границы хатукаевцев (5. С.896-898).

В конце 1830 г. в горах состоялось собрание представителей всех черкесских племен, где боролись пророссийская и проосманская партии. Темиргоевские и махошевские «владельцы» высказали решение о российском подданстве. Их мнению во многом способствовало упомянутый поступок Джембулата Айтеко Болотокова, по словам К.Ф.Сталя, «последнего представителя рыцарского поколения прежних черкесских князей, имевшего огромное влияние на Закубанский край» (13. С.26; 17. С.132-133; 29. С.257).

Сам Джембулат свое решение объяснял тем, что был враг России пока находился под покровительством Турции, но когда она от них отказалась, он предаётся России. Абадзехи, которые считали все своё племя коллективным аталыком князя, принимали всё, чтобы удержать его в стане врагов России. Это им не удалось. Хотя, по мнению К.Ф. Сталя, была ещё одна причина – его жена, урождённая Канокова, враждовала с женой егерухаевского узденя Бзагумова. Бзагумов с частью егерухаевцев перешёл от Джембулата к его младшему брату Шеретлуку Болотокову, переселился на Лабу и «покорился» России. Джембулат, оставленный большей частью своих людей, тоже «покорился» и тем самым восстановил единство владения.

Забегая вперед, скажем, что князь не изменил своей присяге. Так, в частности, он сообщал российским властям о подготовке набегов враждебных партий на левобережные ногайские аулы, правобережные казачьи станицы и крестьянские села. Верность России он хранил до своей смерти с 5 на 6 июня 1838 г. у Прочного Окопа. Несмотря на то, что Ф.А. Щербина склонялся к тому, что виновником его смерти был стрелок-ногаец из свиты Г.Х. Засса мы считаем, что князь был убит на правом берегу Кубани напротив впадения в нее р. Урупа представителями антироссийской партии в адыгском обществе. Кстати сами местные российские власти обвиняли в этом одного из родственников князя, но от смог доказать свою невиновность. Память об этом событии оказалась запечатлённой в адыгском топониме – названии этого места – «Болэтокъом иаджал чЫпІэ» («место смертного часа Болотокова») (1. Л.1-6; 5. С.896; 9. С.170; 12. с.30; 21. С.195; 29. С.257; 32. С.227; 36. С.11).

«Мирные черкесы» из числа «аристократических» племен оказались между двух враждующих сил – России и сильных, гораздо крупнее их по численности «демократических» племен. Если они не помогали «немирным» черкесам, то сами становились жертвами их набегов. Поэтому в критических ситуациях они принимали сторону «немирных» (впервые это произошло уже в 1831 г. и сопровождалось угрозами разорения со стороны «демократических» племен). Жившие между Линией и «непокорными» соплеменниками в горах, они старались находиться в добрососедстве с обеими сторонами. Такой автор как Дж.Лонгворт в 1837 г. записал слова одного адыга о том, что с 1830 г. бжедуги, темиргоевцы, хатукаевцы, махошевцы «находятся в мире с русскими», в то время как против шапсугов, натухайцев и абадзехов Россия ведёт «тотальную войну» (7. С.363).

Зимой 1830-1831 гг. на народном собрании на р. Адагуме князь Сефер-бей убеждал горцев, что турки отказались от черкесов, им надо покориться русскому правительству, а для тех кто хочет переселиться в Турцию последний срок переселения – 1 марта 1831 г. Несмотря на упомянутые выше действия российских властей и присяги «аристократических» племен, большая часть населения «демократических» адыгских племен не признала Адрианопольского договора и стала стремиться к независимости от России (4. Л.7об-8; 5. С.895; 9. С.33; 13. С.19; 22. С.91; 23. С.269) .

Свое материальное воплощение решение «демократических» племен нашло в военно-политических событиях весны 1831 г. на Кубанской Линии. 7 мая 1831 г. в абадзехских землях на р. Белой собрались два «больших сборища». Их цель – нападение на левобережные ногайские аулы или большой набег на саму Линию. На другой день одна из партий двинулась к Кубани, но прибывшие к ней шапсугский князь Заков и абадзехские старшины Хотоко-Док, Адоли-Хляш и Хотоко-Пшемаф отговорили горцев, призывая к спокойствию и союзу с Россией. Но уже 10 мая абадзехи «пожелали открыть неприязненные действия». Перед этим они хотели присоединить к себе темиргоевцев, бесленеевцев и других «покорных России», вовлечь их в восстание «даже силой оружия». Затем, встав на Урупе, абадзехи планировали начать переговоры с российскими властями. Если их условия мира будут отвергнуты, они объявят России «вечную вражду» и станут совершать постоянные набеги (17. С.141-142).

Войска на Кубанской Линии пришли в движение – несколько сотен мирных ногайцев были посланы к Каладжинскому укреплению и к Урупу. В укреплении Св. Георгия был составлен большой отряд, ногайцы образовали резервы для прикрытия своих аулов. Обстановка на время стабилизировалась. 14 мая на р. Пшише состоялось новое

многочисленное собрание; в нём заметили даже «мирных» из округа Минеральных Вод. Г.А.Еммануэль приказал принять меры предосторожности. 18 мая в верховьях Кубани появились 15 горцев посланных абадзехами для поиска удобной переправы, ещё 60 закубанцев были должны их заменить в случае неудачи (17. С.142).

22 мая с р. Белой, от «сборища неприязненных народов», пришло письмо. Закубанцы требовали, чтобы крепости «в их владениях» были скрыты, а Кубань, как и прежде, служила границей между ними и русскими. Тогда они обещали принять присягу на верноподданство и «быть мирными жителями на своей стороне». Для дальнейших переговоров они просили прислать чиновника. Еммануэль ответил, что не будет исполнять эти требования. Силы закубанцев пришли в движение – 25 мая 800 горцев переправились через Лабу. В свою очередь к Невинному Мысу, укр. Св. Георгия, другим пунктам Кубанской Линии направились отряды войск для «недопущения прорыва». До конца мая большая партия в 4000 всадников перешла с Белой на р. Губс и Псефир, здесь они провели окончательное совещание для открытия военных действий и неудачно попробовали присоединить к себе бесленеевцев. 1 июня горцы опять обратились к Еммануэлю с просьбой прислать чиновника, но, одновременно с этим, партия перешла на Лабу и со второй попытки принудила бесленеевцев перейти на свою сторону, переселив их за Лабу. Узнав об этом, левобережные мирные ногайцы вооружились и приготовились к обороне (17. С. 143-144).

2 июня «сборище» из абадзехов, части темиргоевцев, махошевцев и бесленеевцев уже с р. Тегеней опять потребовало чиновника. Он не был выслан, но закубанцам предложили прислать своих уполномоченных. 5 июня в Невинный Мыс прибыл их депутат. Он объявил, что абадзехи не считают себя зависимыми от России, хотя они признают, что «земля их по договору 1829 г. России с Турцией и

принадлежит ей». Но без личного фирмана турецкого султана они не признают его, а сейчас желают послать к нему депутатов «для узнания справедливости сего». В ближайшее время абадзехи требовали уничтожения крепостей, обещая «быть мирными жителями на своей стороне и принять присягу». Горскому депутату в этих требованиях было отказано. 6 июня «сборище» перешло на Уруп, где избрало своим предводителем беглого кабардинского князя Асланбека Баланова. Здесь к ним присоединились «беглые кабардинцы» и были посланы депутаты к карачаевцам для приглашения «к возмущению». 10 июня на Линии стало известно, что «сборище закубанских народов» расстроилось и разошлось в свои жилища. Главная причина того, что огромная партия не решилась на активные действия – за всё описанное время регулярные войска и казаки находились в постоянном движении, прикрывали переправы, охраняли поселения. Командиру 39-го Егерского полка подполковнику Пулло Г.А. Еммануэль приказал «сделать диверсию (от латинского слова «отвлечение» – К.С.) в абадзехские владения» из Длиннолесского укр., чтобы остановить ополчение «сего народа». Вскоре после роспуска партии в ст. Беломечетскую к Еммануэлю прибыли шапсугские старшины, среди них был и князь Сефер-бей Зан. Он передал от абадзехов уверение в преданности России вместе с новым предложением скрыть закубанские урпления. Еммануэль ответил тем, что потребовал у абадзехов присяги, аманатов и возврата всех пленных. В конечном итоге переговоры весны 1831 г. окончились ничем, ни одна из сторон не пошла на уступки (2. Оп.5. Д.1189. Л.7-9; 3. Л.1-6; 24. С.118; 30. Т.1. С.219-220, Т.3. С.153; 35. С.395; 18. С.139-140, 146-153).

Учитывая то, что впоследствии, в конце 1831 г. закубанцы совершили ряд удачных набегов на правобережные казачьи станицы и впервые совершили нападения на военные укрепления можно сделать вывод о том, что с 1831 г. «малая Кавказская война» на Кубанской

Линии перерастает в «большую Кавказскую войну». Для России это было началом полномасштабной войны против «непокорных подданных России», для закубанцев – переход от «промысловой» войны наездников, абреков и джигитов к «газавату» – священной войне «хаджиретов» против «неверных».

В заключении мы можем сделать следующие выводы:

1. Одна из задач современной кавказоведческой историографии – показ того, что реакция на Адрианопольский мирный договор 1829 г. и принесение присяги на подданство России у «аристократических» и «демократических» адыгских племен была разной.

2. В начале 1830-х годов большинство «аристократических» племен прекратило массовую, активную и последовательную войну против России. «Демократические» племена, в свою очередь, наоборот начали с Россией активные боевые действия «большой Кавказской войны».

3. Данная ситуация по основным позициям сохранялась до принятия «Дефтера 1841 года», прибытия в Закубанье наибов Шамиля и начала нового этапа в «большой Кавказской войне» на Северо-Западном Кавказе.

Примечания:

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф.482 (Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе (Кавказские войны)). Оп.1. Д.62.

² Российский государственный военно-исторический архив Ф.13454 (Штаб войск Кавказской Линии и в Черномории расположенных). Оп.2. Д.102, 103, 125; Оп.5. Д.1189.

³ Государственный архив Ставропольского края. Ф.71 (Общее управление Ставропольского округа). Оп.1. Д.373.

⁴ Государственный архив Краснодарского края. Ф.249 (Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска). Оп.1. Д.1040.

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878. Т.7.

⁶ Договоры России с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869.

- ⁷ Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Перевод В.М.Аталикова. Нальчик,2002.
- ⁸ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. Майкоп,1994.
- ⁹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера.1835-1838. М.,2000
- ¹⁰ Филиппсон Г.И. Воспоминания. Кавказская война. М.,1885.
- ¹¹ Анучин Д.Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской Линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 2.
- ¹² Аракелов Р.К. Очерки топонимии Армавира и его окрестностей. Армавир,2004.
- ¹³ Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик,1992.
- ¹⁴ Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь,1992.
- ¹⁵ Броневский С.Б. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семёном Броневским. М.,1823;
- ¹⁶ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII- первая половина XIX в.). М.,1967.
- ¹⁷ Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Еммануэля // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик,2001. Т.1.
- ¹⁸ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.,2000
- ¹⁹ Дебу И.Л. О Кавказской Линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или общее замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую Линию и соседственных ей горских народах, собранные И. Дебу с 1816 по 1827 год. СПб.,1829.
- ²⁰ Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар,1995.
- ²¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб,1871. Т.1, Кн.1.
- ²² Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск,2002.
- ²³ Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. Материалы для истории Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар,1911. Т.16.
- ²⁴ Колесников В.А. Олгодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. СПб.,2000.
- ²⁵ Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918). Армавир,2002.
- ²⁶ Матвеев О.В. К проблеме терминологии и периодизации Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар,1995. С.132-152.
- ²⁷ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII-первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар,1989.
- ²⁸ Приймак Ю.В. Османогорские отношения в период крушения турецкого владычества на Северо-Западном Кавказе (конец XVIII- начало XIX в.) // Сборник Русского исторического общества. М.,2000. Т.2 (150).
- ²⁹ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик,2001. Т.1. С.187-277.
- ³⁰ Толстов В.Г. История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896 / Под ред. В.А. Потто. Тифлис,1900-1901. Т. 1,3.

- ³¹Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.,1960.
- ³²Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик,1989.
- ³³Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П. Государственность Адыгеи: Этапы становления и развития. Майкоп,2002.
- ³⁴Чирг А.Ю. Политическое развитие западноадыгских княжеств в первой трети XIX в. // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. Майкоп,2003. Выпуск 6,7. С.51-59.
- ³⁵Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар,1913. Т.2.
- ³⁶Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар,1916.

Терекбаева А.К.
г. Махачкала

**Переселение ногайцев в Османскую империю
во II половине 19 – начале 20 века: причины и последствия**

Переселение народов Северного Кавказа в пределы Османской империи является одной из самых сложных проблем в истории Кавказа.

Сотни тысяч людей вынуждены были оставить свои земли, покинуть свою страну. Мухаджирство продолжалось в течение почти всего 19 века и вплоть до начала Первой мировой войны. Это движение имело несколько основных этапов, которые были связаны с крупнейшими внутренними и внешними событиями. В 19 веке в пределах Османской империи оказалась значительная часть северокавказских народов. Местами расселения мухаджиров стали такие страны, как Турция, Болгария, Румыния, Сирия, Иордания, Ирак, Египет. Основной причиной переселения северокавказцев, в частности дагестанцев, явилась колонизаторская политика царской России, продолжавшая проводить бесконечные захватнические войны на Кавказе.

Острое малоземелье, нерешенный земельный вопрос, классовые противоречия между формирующимся классом мелких собственников и освобожденными от крепостной зависимости безземельными крестьянами был отягощен колониальным гнетом. Это вызывало народные волнения, которые духовенство и высшее сословие в своих интересах использовали для агитации за переселение в Турцию.

Увеличение потока переселенцев в 1890 – 1906 годах объясняется тем, что экономический гнет завоевателей стал сопровождаться политикой охристианивания северокавказских народов. Необходимо учитывать и направленную на выселение массивную религиозную обработку

османами населения Кавказа. Одной из задач переселения правительство Порты видело в использовании мухаджиров в освоении болотистых и неплодородных земель. Также оно надеялось в укреплении с помощью переселенцев военной мощи османской армии и увеличении численности крестьян, т.к. последние из-за частых войн вынуждены были надевать солдатскую форму, что серьезно сказалось на экономике страны.

Что касается европейских держав, то их позиция во многом совпала с турецкой; они ограничились обещаниями, лишь бы затянуть войну против России.

Историк-кавказовед С.А. Чекменев пишет о вынужденном переселении: «Поскольку эта настоящая трагедия не обошла стороной ни один народ северокавказского региона, целесообразнее всего изучать эту проблему истории выселения каждого, отдельно взятого народа. Только такое фронтальное обследование позволит, как нам, представляется, решить этот, все еще вызывающий споры вопрос»¹. Эти слова можно отнести и к истории переселения во II половине 19 – начале 20 века ногайского народа.

Касаясь обстановки, сложившейся среди ногайцев в конце 1850-х годов, историк Щеглов отмечает, что окруженные со всех сторон русским населением, казаками и регулярными войсками, не освоившиеся с оседлым бытом и стесненные в свободе кочевания ногайцы невольно должны были задуматься над своей дальнейшей судьбой. Слухи о предстоящем якобы привлечении их к отбыванию воинской повинности и принудительном обращении в христианство, а также несправедливости, причиняемые отдельными чиновниками на местах, разобщенность со своими родственниками и земляками даже в пределах одной губернии и прочие обстоятельства вызвали в конце 50-х годов массовое выселение ногайцев в Турцию².

Уходили в Турцию отдельными семьями и небольшими группами.

По мере усиления военных действий на Северо-Западном Кавказе волны эмиграции стали нарастать. Например, по официальным русским данным, за 1858-1866 годы в Турцию переселилось с Северного Кавказа около 70000 ногайцев. Из района Кавказских минеральных вод в Турцию эмигрировало 86 ногайских аулов³. Земли их, в количестве 20 тысяч десятин, были переданы Терскому казачьему войску⁴.

С территории нынешней Карачаево – Черкесии ушли 41 тысяч ногайцев. Переселенческая волна 60-х годов 19 века охватила и ногайцев на Молочных водах между Мелитополем и Бердянском⁵.

Столь многочисленное переселение ногайцев вызвало серьезное беспокойство среди торгового элемента Северного Кавказа, особенно среди кизлярских и моздокских армян. Это объясняется тем, что основными поставщиками мяса, масла, шерсти, кожи и других животных продуктов для населения юга России, являлись кочевые ногайские скотоводы⁶.

Переселение разрешалось только морем, т.к. при сухопутном движении переселенцы могли забрать с собой часть скота. Тем не менее, большинство переселенцев двигалось в Османскую империю по суше, минуя Карс и Баязет⁷.

Положение ногайских эмигрантов в Турции было крайне тяжелым. Ни земель, ни денег они там не получили, тысячи погибли в резервациях, куда их посылали для прохождения карантина. Обманувшись в своих надеждах на лучшую жизнь под покровительством Порты, ногайцы настойчиво стали искать возможности возвратиться обратно.

Уже в первые годы пребывания в Турции ногайцы стали подавать прошения русскому послу, чтобы им разрешили вернуться в Россию. Посольство оказалось буквально заваленным такими прошениями. Так, консул России в Трабзоне А.Н.Мошнин информировал о безвыходном положении 340 ногайцев в Батуме, желающих возвратиться на родину.

Недовольство этих мухаджиров турецким правительством усиливалось с каждым днем, из-за чего Мошнин опасался, что «рано или поздно это запрещение возбудит крайне неприятные столкновения их с консульством»⁸. Возвращались обратно ногайские семьи морским путем через Одессу, Сухуми, Керчь, Анапу, шли сухопутным путем через Тифлис, изнуренные голодом и болезнями. Но, тем не менее, в 1861 году переселение в Турцию вновь активизировалось, вызванное теми же глубокими религиозными, экономическими и социально-политическими причинами.

На основе изложенного можно утверждать, что царское правительство ставило своей целью или полное повиновение народов Кавказа, или выселение их в Османскую империю. Большинство источников это подтверждает. Со стороны России во все этапы эмиграции принимались строгие меры по предотвращению возвращения мухаджиров на родину. Таким образом, сотни тысяч людей оказывались на чужбине в бедственном положении, не имея нормальных средств к существованию, не получая никакой помощи от правительства, принявшей их, тем более от страны, которую им пришлось покинуть. Но, несмотря на голод, болезни, притеснения со стороны местного населения народы Кавказа, в частности Дагестана, не утратили любовь и уважение к земле предков. Многие, даже не зная родного языка, сохранили любовь к исторической родине. В этнической сохранности эмигрантов имеет значение и то обстоятельство, что большинство их в течение длительного пребывания в Турции все еще продолжают считать своей родиной не страну их проживания, а Дагестан. Подъему национального самосознания способствуют упрочивающиеся связи с исторической родиной, обмен информацией и литературой, возможность посещать республику.

Но с постепенной потерей родственных связей с этнической общиной, межнациональными браками, переездом из мононациональных

селений в большие города численность ногайской диаспоры уменьшается, и все чаще подвергается ассимиляции.

Примечания:

- ¹ Чекменев С.А. Махаджирство, переселение, выселение горцев Северного Кавказа в Турцию // Тарих.№1. Махачкала, 1991. С.14.
- ² Цит. по: Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С.45.
- ³ Культурная диаспора народов Кавказа. Генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993. С. 165.
- ⁴ Цит. по: Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60-70 гг. 19 века) Москва, 2000. С.9.
- ⁵ Сикалиев А.И.-М. Ногайское этническое и литературное наследие 14-19 вв. и современная культура ногайцев // Черкесск, 1993. С. 166.
- ⁶ Кочакаев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в 19 - начале 20 вв. Алма-Ата, 1973. С.130.
- ⁷ Нихад Берзедж. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. С. 134.
- ⁸ Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии 19 столетия. Сухуми, 1975. С.232.

Трапш Н.А.
г. Ростов-на-Дону

Махаджирство в контексте первичной модернизации абхазского общества (1810 – 1917 гг.)

Вторая половина XIX столетия является одним из наиболее сложных и противоречивых периодов в предшествующей истории горских сообществ Западного Кавказа, определившим характер и динамику их последующего развития. Окончательное завершение Кавказской войны стало мощным импульсом для процесса инкорпорации местных социумов в состав Российской империи, начало которому было положено за несколько десятилетий до указанного момента. Как представляется, практическая реализация инкорпорационной политики была непосредственно связана с первичной модернизацией горских сообществ, предполагавшей кардинальное преобразование их традиционной институциональной структуры. Следует также признать, что последовательное развитие модернизационных процессов стало одним из определяющих факторов исторического развития избранного региона, детальное исследование которого может привести к формированию новых представлений об объективном содержании известных событий и явлений.

В контексте указанного обстоятельства значительный интерес представляет комплексная характеристика реального соотношения таких феноменов, как махаджирство и первичная модернизация, конкретный анализ которых может быть осуществлен на основе имеющейся информации о социально-экономическом, политическом и культурном развитии абхазского общества во второй половине XIX столетия. В предшествующей отечественной историографии в качестве главных причин вынужденной эмиграции горских сообществ рассматривались

колонизаторская политика российского самодержавия и активные действия турецкой агентуры, направленные на последовательное оформление русофобских настроений и поддержание постоянной напряженности в присоединенных районах Северного и Западного Кавказа. Безусловно, указанные факторы сыграли важнейшую роль в рассматриваемом процессе, но подобный подход не в полной мере учитывает специфические особенности внутреннего развития местных социумов. Как представляется, публичная власть в горских сообществах основывалась не только на имущественной дифференциации, но и на устойчивом функционировании традиционных социально-политических институтов, появление которых было вызвано, прежде всего, реальным наличием постоянной внешней угрозы, а не объективными экономическими процессами. Появление российской военной и гражданской администрации разрушало сложившиеся представления о властных структурах, как принципиальном инструменте повседневной реализации нормативного содержания обычного права, а, следовательно, препятствовало естественному развитию общественных отношений. Применительно к Абхазии имеющиеся источники свидетельствуют о том, что трансформация традиционной социально-политической системы стала важнейшим фактором, определившим ожесточенное сопротивление инкорпорационным процессам и последующее махаджирство. Более того, предложенная в отечественной историографии принципиальная идея о том, что вынужденное переселение осуществлялось в результате непосредственного влияния общественной элиты на широкие слои местного населения, приобретает в контексте предшествующих рассуждений новое объективное звучание. Действительно, устойчивый авторитет князей и клановых старейшин, подкрепленный специфической системой родственных отношений, являлся весомым фактором в реальной жизнедеятельности абхазского общества. Вследствие указанного

обстоятельства насильственное устранение национальной аристократии от властных полномочий стало одной из важнейших причин массового махаджирства, так как турецкие эмиссары обещали сохранить сложившуюся систему общественных отношений в случае добровольной миграции на территорию Османской империи. Первичная же модернизация предполагает качественную трансформацию устойчивых институтов традиционного общества (в частности, изменение роли обычного права и обновление правящей элиты), а потому следует признать, что соответствующие процессы стали одним из важнейших факторов, определивших неизбежное начало вынужденной миграции коренного населения Абхазии.

Необходимо выделить также и то существенное обстоятельство, что естественная связь модернизационных явлений и массового махаджирства имела двойственный характер. Состоявшееся переселение значительной части абхазских горских сообществ способствовало дальнейшему развитию первичной модернизации, проявившейся в последовательном формировании новой модели региональной экономики и общественных отношений. Объективным результатом массового махаджирства стала «этническая революция», в ходе которой национальный облик местного населения претерпел существенные изменения. Целенаправленная переселенческая политика российской администрации привела к постепенному освоению пустующих территорий армянскими, греческим, немецкими и украинскими колонистами, большинство которых ориентировалось на последовательное развитие товарного сельского хозяйства, а также внутренней и внешней торговли. Подобное коренное изменение экономического развития стало важным шагом в процессе первоначального формирования индустриального общества, поэтапное складывание которого является естественной целью модернизационных процессов. Изменившаяся национальная структура местного населения

снижала реальное значение традиционных социальных институтов, которые продолжали функционировать только в рамках автохтонного этноса. Более того, она объективно способствовала качественному изменению сложившихся отношений внутри абхазских горских сообществ, которые были вынуждены адаптироваться к новым условиям повседневной жизнедеятельности.

Таким образом, следует признать, что между первичной модернизацией в рассматриваемом регионе и массовой вынужденной миграцией коренных жителей существует реальная связь, которая проявляется как на уровне причин выделенного явления, так и в контексте его последствий.

Тугуз Х. И.
г. Майкоп

Русско-Кавказская война: правда и мифы

В полемологической литературе Русско-Кавказская война достаточно изучена по батальным событиям, однако, её аксиологический (гр. *axios* – ценный + гр. *logos*; учение об оценке событий, явлений и т. д.) аспект, до сих пор, остается противоречивым: одним и тем же фактам и явлениям даются совершенно противоположные оценки. Существуют два концептуальных подхода к объяснению этнополитического смысла войны. **Российская версия – как оборонительная, защита своих военных кордонных линий от «бандитизма хищников»(т. е. горцев – Х. Т.) , которые путем «набеговой системы», мешали русским в приобретении Кавказа: бассейнов Черного и Каспийского морей, нужных в геостратегических интересах и для следующего продвижения на Восток.**

Со стороны горцев – национально-освободительная война за свободу и независимость своей Родины, борьба за человеческое и этническое выживание от полного геноцида русского царизма.

Это обстоятельство вызывает необходимость провести сравнительный анализ некоторых противоположных толкований и, как историк и этнополитолог, высказаться принципиально: где правда, а где фальшь (миф), особенно, в связи со 140-й годовщиной окончания войны и трагического изгнания русским царизмом абсолютного большинства адыгов и некоторой части других горских народов из Кавказа. Источниковедческая база обширна: от военных сводок до мемуарной литературы.

Обычно, стремление к новым жизненным пространствам провоцирует этнических политиков к развязыванию войн, которые поглощают миллионы человеческих жизней и приводят к огромным материальным убыткам. Так, например, в многовековой борьбе царской России за Крым и Причерноморье только в XVIII веке русская армия потеряла убитыми и умершими от ран и болезней 220 – 265 тыс. человек. Суммарные потери в XIX веке составили от 465 до 480 тыс. человек. При обороне и освобождении Крыма в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. Советский Союз потерял около 600 тыс. человек. Общие потери за овладение и удержание Крыма и Причерноморья составили 1.500.000 человек. (См. Аргументы и факты. № 24, 17-23 июня 1993 г.). Можно сослаться еще на один факт, для большей прозрачности «цены» Крыма, присоединенного к России, волевым указом Екатерины II в 1783 году и защищенного от Турции, Англии, Франции и Сардинии в Крымской войне 1853-1856 гг. (Севастополь оборонялся 349 дней), где русская армия потеряла 300 тыс. солдат и офицеров (убитых и умерших). В то время Маркс и Энгельс назвали эту войну одной «из самых смертельных схваток, когда – либо обогривших кровью нашу землю...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 10, 596). В кавказских войнах только в 1800-1864 гг. число убитых и умерших в царской армии составило 145 тыс. чел. (См. Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII – XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960, с.473). Это все без учета куда больше многократных жертв у покоренных народов. Таким образом, войны справедливые или несправедливые, захватнические или освободительные имеют большие людские потери, но ее участники за ценой не стоят – им нужна только победа. Но она дорого достается: и агрессорам, и их жертвам.

Приступая к рассмотрению нами обозначенной темы, необходимо выяснить ее предмет и следуя железной логике древнего Аристотеля: «Прежде чем говорить о каком либо предмете, вначале надо выяснить, а существует ли он в природе?». **Наш предмет – «Русско-Кавказская война»** – в мировой истории она была самой длительной и самой сложной по целям и задачам, решаемым ее социально и этнически разнородными участниками при преобладании имперской геополитики русского царизма, обычно под фальшивым облачением – **«Защиты горских народов от внешних захватчиков»**. И этот фактор требует от любого исследователя, кто обращается к этой теме, специальных знаний **по полемологии** (гр. polemos война + гр. logos учение) – наука о войне как явлении социального порядка, о ее причинах и следствиях (экономическом, демографическом, моральном и т.д.), **по этнополитологии** (гр. ethnos народ + гр. politike – искусство управления государством. Особая отрасль политической науки, изучающая этнические отношения в человеческом обществе) и **по конфликтологии** как наука о противостоянии социальных групп, слоев, индивидов, этносов и государств. Поэтому, нужно глубоко знать и применять при исследовании, анализе и оценке этой темы, такие инструментальные категории и понятия, как: **«Национальный вопрос», «Война», «Агрессия», «Расизм», «Шовинизм», «Национализм», «Геноцид», «Репрессия», «Депортация»(Изгнание), «Ксенофобия», «Лица кавказской национальности», «Русофобия», «Национальная идея», «Россия единая и неделимая», «Сепаратизм», «Суверенитет национальный», «Территория этническая», «Право наций на самоопределение», «Национально-освободительное движение», «Национальное самосознание», «Национальная гордость», «Дружба и взаимопомощь», «Патриотизм», «Тщеславие национальное», «Чванство национальное», «Этнократия», «Этнонационализм»,**

«*Этноцентризм*», «*Коренные народы*», «*Изгнанные народы*», «*Депортация*» (*Изгнание*), «*Реабилитация*», «*Репатрианты*», «*Колониализм*», «*Колониальная политика*», «*Геополитика*», «*Геостратегия*», «*Коренные народы*» и т. д. Следовательно, чтобы раскрыть подлинный характер и историческое, а для некоторых народов, судьбоносное и трагическое значение Русско-Кавказской, и в ее рамках Русско-черкесской войны, нужно пользоваться этими специальными научными терминами, понятиями и категориями, для объективной оценки войны, отделив правду о ней от фальши (мифов), принципиально указывая на шарлатанство в некоторых публикациях.

1. Причины войны. Кто и зачем ее начал ?

Существуют различные мнения. Можно выделить такой взгляд: «Русская история есть история необычайного богатырского роста русского народа. Такова была его историческая судьба. **Великому народу нужен был великий простор. Ему нужны были моря и океаны.** ...Киевские князья это поняли и повели борьбу с соседними народами, раздвигая все дальше и дальше пределы своего государства...И вот, наконец, передовые волны русского моря уже разбиваются о подножия недоступных Кавказских громад.» (Потто В. А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912, сс. 10, 12). В этом суждении четко обозначены причины и мотивы прихода русских войск не только на Кавказ, но и в Среднюю Азию и Казахстан, в Сибирь и на Дальний Восток. Огнем и мечом расширяя свои владения, иногда применяя хозяйственное освоение, царская Россия осуществляла крупные географические приобретения. И, к началу широко масштабной войны за Кавказ, на ее уже приобретенных территориях, включая американскую Аляску, «никогда солнце не заходило». Геостратегический опыт был тоже своего рода детонатором, вдохновлявшим к новым приобретениям. Знакомство же России с Кавказскими народами, как

считает В. А. Потто, начинается на самой заре ее государственной жизни, в те стародавние времена, когда, по выражению поэта, */Мы Византию громили/ И с косоков брали дань/*. Он еще ссылается на поход Игоря, который «в 913 году спустился на пятистах быстрокрылых стругах по Волге в Каспийское море, ограбил все города западного берега и с богатой добычей возвратился назад». (Там же, с.13). *Так зарождалась российская «набеговая система».*

Следовательно, тысячелетнее знакомство России с Кавказом имеет специфическое начало: форма так называемой **«набеговой системы»**, отражает механизм и природу колониальных приобретений России. Стремление царизма в продвижении вглубь Кавказа продолжалось и в последующие века, и в Русско-Кавказской войне стало основным методом ведения военных операций **в форме внезапных, карательных, истребительных репрессалий против населения, с целью жестокого подавления антиколониальной борьбы горских народов.** Таким образом, *«набеговую систему»* придумали не горцы Кавказа, а, ею пользовались против кавказских народов, дружины Киевской Руси и войска царской России, особенно, при Иване Грозном, Петре 1 и Екатерине 11. Набеги все более ужесточались.

Теперь военные силы России сплошным фронтом надвигались на Крым и на Черкесию. Генерал Текелли, разоритель Запорожской Сечи, 13 – 25 октября 1787 года организовал большую карательную экспедицию против племен, живших между Кубанью и Лабой. Потемкину он докладывал: **«Сожжено деревень более трехсот, арб, изысканных с остатком имения разбросанного войсками, нашли четырех тысяч, а так же весь хлеб, даже сокрытый в ямах не остался без истребления; а сено по полям до самой Лабы и где найдено приготовленным, даже по горам и повсеместно, где войска не обращались, преисполнено дымом и огнем».** Далее говорит о взятых в плен из числа

населения и заключал: **«Не только закубанцам, но и прочим горским народам, до которых сведения о сей экспедиции достигнет, останутся навсегда в свежей памяти действия нашего в том краю оружия, и будут им примером от тех, на кого меч наш пал и которые до основания разорены».** (См. Щербина Ф. А.Т. 1. 403). Много было истреблено горского населения. Ф. А. Щербина замечает: *«Так закончилась беспримерная даже в истории Кавказа экспедиция... Черкесы были не просто наказаны, а разорены и приведены в состояние нищества. Грубая сила и непомерная жестокость были применены с неуклонною последовательностью... Громадные военные преимущества обращены были исключительно на разрушение, на обращение имущества «в пепел», в жертву «огню и мечу». Однако, карательная экспедиция Текелли далеко не имела тех устрашающих последствий, на которые рассчитывал самонадеянный генерал»* (Там же, 406). Вот результаты «набеговой тактики» регулярной российской армии, по иронии трагической судьбы, пришедшей на Северо-Западный Кавказ, по мнению некоторых исследователей, чтобы якобы «защитить» горские народы от нашествия иноземцев.

На этом примере мы воочию видим, как колонизаторы сами «воспитывали», внедряли в сознание поколений «ксенофобию» (греч. *xenos* – чужой, гр. *phobos* – страх) и как заявлял Текелли: **«Останутся навсегда в свежей памяти действия в том краю нашего оружия...»** и «руссофобию» – боязнь русских. Кто не учитывает эти обстоятельства, тот не может реально разобраться в исторических реалиях, **в которых возникла «набеговая система».** Есть исследователи, которые не владеют историческим материалом и не умеют пользоваться основными научными понятиями и категориями, создают концептуальные мифы, исторические реалии подменяются

виртуальными картинками. Так, Г. Зюганов утверждает: «Кавказская война 1817 – 1864 годов, закончившееся присоединением к России Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа, вовсе не была (как и остальные российские войны) завоевательной или агрессивной акцией» (Геннадий Зюганов. География победы. Основы российской геополитики. М., 1998, с.97). Это его первый миф. Но почему-то тут же жалуется, что *«горские племена Северного Кавказа отказались признавать власть России»* (Там же), т.е. сам себя опровергает. Далее: «С 1864 года началось продвижение России в Среднюю Азию. Как и в случае с Кавказом, оно диктовалось **стремлением к миротворчеству...**». Это миф – второй. Тут же опять добавляет, что это объяснялось **«интересами безопасности российского государства»** (Там же, с.98). Но могут ли интересы агрессора и его жертвы совпадать? Могли ли совпадать интересы русского народа в 1812 году с намерениями наполеоновской армии вторжения? Безусловно, нет! Другой исследователь В. Г. Казанцев пишет: «Если Россия пришла на Кавказ не для войны с местным населением, а, прежде всего для защиты своих геополитических интересов прежде всего в борьбе с Турцией и Персией, то последние неоднократно в данном регионе проводили ПОЛИТИКУ (выделено Казанцевым – Х. Т.). геноцида по национальному и религиозному признакам» (Казанцев В. Г. Межнациональные конфликты на Северном Кавказе в контексте геополитических реалий. Автореферат канд. дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 1999, с. 8). **Миф:** утверждение **«не для войны с местным населением пришли русские на Кавказ»**, провозглашаемый этими авторами, не просто вызывает удивление, но и порождает сомнение в их осведомленности о борьбе русского народа с иноземными захватчиками. Причинно-следственные связи в историческом процессе, во времени и пространстве, везде имеют одинаковую закономерность.

Различные взгляды в науке явление обычное, но не обычно то положение, когда пытаются исторические факты переиначить, выдать конкретное событие противоположно тому, каким оно было.

2. Цели войны и обоснование ее необходимости.

Поздравляя фельдмаршала Паскевича с завершением очередной русско-турецкой войны, Николай 1 писал ему: «Кончив таким образом одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – **усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных**» (Цит. по кн.: М. М. Щербатов. Фельдмаршал князь Паскевич-Эриванский, т. 11, СПб, 1892, с.229). И эта цель была достигнута в ходе долгой и тяжелой войны. 21 мая 1864 года в урочище Кбаада (Ныне – Красная поляна в черте г. Сочи) состоялся парад победы. Император Александр 11 в рескрипте Великому князю Михаилу Николаевичу с пафосом указывал: «На долю Вашего Императорского Высочества выпал завидный жребий **завершить начатое полтора века тому назад дело покорения Западного Кавказа и впервые возвестить русскому народу, что «отныне на осталось более на Кавказе ни одного непокоренного племени»** (Цит. по кн.: Эса-дзе Семен. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, «Меоты», 1993, с. 114). Таким образом, царь коротко и четко выразил смысл северокавказской геополитики Российской империи и примерно обозначил хронологию ее реализации и завершения.

3. Методы ведения войны: геноцид.

Еще в 1718 году, когда Петр 1 во главе русских войск отправился на Кавказ, в Дагестан, он оттуда в шутильной форме писал Сенату: «**Когда мы вошли во владение Султана Махмуда Утемишского... сделали из владения его фейрверк, а именно сожжено в одном**

местечке, где он жил, до **500** дворов, кроме других деревень, которых сожгли по сторонам. Сказывают, что их было десять тысяч, но такое число не его одного, а многих владельцев под его именем, и чуть не половина пехоты, из которой около **600** человек от наших побиты, да взято в плен **30** человек; с нашей стороны убито **5** драгун и **7** казаков, а пехоте ничего не досталось – ни урону, ни находки, понеже конница ее не дожидалась» (Цит. по кн.: Потто В. А. Ук. соч., с. 167). Таким образом, русский царь наглядно показал методы завоевания Кавказа, которые усердно использовались последующими поколениями агрессоров.

И ровно через сто лет борьбы русского царизма за Кавказ ничего не изменилось в методах ведения войны. Один из самых ярких завоевателей Кавказа – Алексей Ермолов продолжал геноцид против горцев, но при этом, обвиняя чеченцев во всех грехах за их сопротивление царской агрессии и замалчивая, почему и как сам оказался с войском в Ичкерии. Об одной варварской операции он самодовольно писал: «Приказал я окружить селение Дадан-Юрт, лежащее на Тереке. Жители защищались отчаянно, до последнего. Двор каждый приходилось брать штыками. Женщины, и те бросались с кинжалами в толпы солдат. Большую часть дня продолжалось сражение. Со стороны неприятеля истреблены почти все мужчины числом не менее **400** человек. Женщин и детей взято в плен до **140**. Но гораздо большее число вырезано. Солдатам досталась добыча довольно богатая... Селение состояло из **200** домов. **14** сентября **1818** года разорено до основания» (Цит.: по кн. Соболев Б. И. Штурм будет стоить дорого... Кавказская война в лицах. М.: Виноградова, 2001. сс.12-13). Полный геноцид. Ермолов впоследствии совершит еще много таких и более жестоких рейдов в горные аулы и будет удален из Кавказа по велению царя, но его методы

зачисток и выжженной земли все годы войны будут продолжаться. Показателен и другой пример, еще раньше имевший место на Западном фронте царских войск в Черкесии. Так, 17 февраля 1810 года отряд Черноморского войска во главе с наказным атаманом Бурсаком был направлен на левый берег Кубани в земли черченеевцев и абадзехов на реку Суп: « Черкесы были застигнуты врасплох, и не успели даже вооружиться. На этот раз и казаки выказали чрезвычайную жестокость. **Они жгли все и убивали всех без различия пола и возраста – мужчин, женщин и детей.** Сам бурсак должен был вмешаться в дело и успел спасти в нескольких аулах от смерти 14 мужчин и 24 женщины. Казаки произвели полное опустошение, сожги аулы, хлеб, сено и имущество. Часть имущества – медную посуду, ткани, разные поделки, оружие, они захватили с собою и угнали до 100 лошадей, до 3000 голов рогатого скота и столько же овец. Казалось, на этот раз сами стихии стали на защиту без меры пострадавших горцев. Разлились реки, помешавшие преследовать черкесов, и Бурсак с войсками двинулся обратно в Черноморию». (Щербина Ф. А. Ук. соч., сс.173-174). **Однако, подобные карательные походы царских войск еще больше стимулировали горцев к необходимости усилить борьбу за национальную свободу и независимость, наконец, за человеческое и этническое выживание.** Ермолов и его армия сражалась с населением, с женщинами, детьми наряду с ополченцами. Хотя царские чиновники и армейское *начальство все сводило к простой формуле: «Хищники не сдаются, сопротивляются, вместо того, чтобы присягнуть России».* На самом деле, вооруженные до зубов современной техникой (пушками, ракетными станками, новым стрелковым оружием), выученные многолетней службой в регулярной армии, солдаты и казаки вероломно и хищнический нападали на мирные аулы и превращая их в пепелища, истребляя поголовно население,

собирая трофеи, тысячами угоняли скот за кордон. Метод – геноцид, цель – очистить от черкесов новые земли для новых кордонов и казачьих поселений. Прав был А.Ф. Щербина, утверждая: **«И чем чаще и строже карали русские черкесов, тем ожесточеннее черкесы производили набеги. Война то тлела чуть заметно, то разгоралась в крупное зарево. Пылали черкесские аулы, хлеб и сено, угонялся скот и приносились в жертву военному Молоху человеческие жизни»** (Щербина Ф. А. Ук. соч., с. 185). И, совсем, не прав, далее, рассуждая: **«И несмотря на это, черкес не складывал оружия, не переставал производить грабежи и набеги, не стремился заменить прелести войны довольством мирных отношений»** (Там же). Здесь над его правильным понятием о сути борьбы, к сожалению, берет вверх имперское отношение к жертвам агрессии. На самом деле, почему же царская армия не хотела прекратить свои истребительные рейды, вместо того, чтобы, хотя и незаконно построенную кордонную линию на **Правобережье Кубани, путем переговоров с Черкесией, определить границей и «заменить прелести войны довольствием мирных отношений»?** Ответ был ясен: историк Ф.А. Щербина выполнял заказ военного ведомства, которое должно было, по заданию царей, по цепочке передававших династический заказ, очистить от черкесов Черкесию.

Апологетика захватнической войны, к сожалению, была присуща даже сосланным и униженным царем декабристам, но погибавшим за покорение Кавказа. Имперская идеология приобретения новых территорий охватила почти все слои российского общества. В «Русской правде» Пестеля утверждалось, что рабство должно быть «решительно уничтожено», а «дворянство непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». Он в то же время выступал с бесчеловечной программой полного разделения народов «на два разряда:

мирные и буйные», а, последних, «семейно переселить во внутренность России, раздробить их меньшими количествами по всем русским волостям» и завести в «Кавказской земле русские селения и всем русским переселенцам раздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы всем способом изгладить на Кавказе даже признаки его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую» (Цит. по кн.: Нечкина Мэ В. Движение декабристов. М., 1955, т. 2, с.83) Однако, не все декабристы были такого зловещего мнения. Более того, например, декабрист **В. С. Норов** от души сознавался: « *Признаюсь, что я шел в бой за дело, которое мне было чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов врагами... Я всегда восторгался их героическим сопротивлением*» (См. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сб. документов и материалов. Нальчик. «Эль-Фа». 2000, с. 424) Уместно будет напомнить слова раскаяния Бестужева-Марлинского: «Правду сказать, и мы к ним не с добром пожаловали: мы жгли их села, истребляли хлеба, сено и прометали золу за собой... С каким самосознанием нравственной и политической силы попирали мы Кавказ!» (Цит. по кн.: Соболев Б. И...Штурм будет стоить дорого... Кавказская война XIX века в лицах. М.: Виноградова, 2001, С. 41). Таким образом, декабристы продукт своего сложного исторического времени, в котором перемалывались не только судьбы людей, но и целых народов.

Увлечение царских генералов репрессалиями против черкесов иногда доходило до курьезов. Ермолов послал в Черкесию донского генерала Власова, которому подчинил всю Черноморию в военном отношении. Власов стал совершать частые карательные походы в черкесские аулы, которые безжалостно уничтожались, имущество и скот забиралось. Гибло население, которое даже находилось в мирных

отношениях с русскими. Жалоба горцев на зверства армии Власова была поддержана попечителем горских народов де-Скасси. Было проведено расследование. Власов был признан в нарушении мирных отношений с натухайцами, освобожден от должности и обязали возместить убытки в двух аулах, разоренных казаками. Это был, безусловно, оригинальный прецедент, пожалуй, за всю русско-черкесскую войну. Николай I по этому поводу в рескрипте на имя Ермолова писал: **«Ясно видно, что не только лишь одно презрительное желание приобрести для себя и подчиненных знаки военных отличий легкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но не простительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием».** (Цит по кн.: А. Ф. Щербина. Ук. соч., Т. 11. с.244) Щербина тут же пояснял: **«Справедливость требует прибавить, что Власов действовал таким образом из угождения Ермолову, который был рьяным приверженцем опустошительной войны с горцами и щедро награждал исполнителей его карательных планов».** (Там же).

Примером упрощенного, искаженного и модифицированного (лат. *modificare* размерять – вносить изменения, сообщаящие чему-либо новые признаки, свойства, видоизменять) подхода к оценке сложного этнополитического и исторического процесса, является учебное пособие **«Родная Кубань. Страницы истории. Книга для чтения /** Под редакцией проф. В. Н. Ратушняка. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2004. – 216 с., ил. Тираж 3000 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета в ГУРИПП «Адыгея», Майкоп. Книга издана по инициативе главы администрации Краснодарского края А. Н. Ткачева и адресована школьникам и всем, кто интересуется историей Кубани.

Развернутую, научно и документально обоснованную рецензию этой книге дал Самир Хотко, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник АРИГИ Республики Адыгея. Обращаясь к авторам,

кубанским историкам, он заключает: «Несомненно, ваш учебник способен очень сильно навредить атмосфере толерантности в двух субъектах РФ – Краснодарском крае и Республике Адыгея. **Учебник полностью фальсифицирует историю Северо-Западного Кавказа и представляет собой образец того, каким не должен быть учебник или любая книга, адресованная детям. Очевидно, что ребенок, воспитанный на такой книге, не станет считаться с проблемами аборигенов края – адыгов – и не будет воспринимать их таковыми»** («Адыгэ Макъ» («Голос адыга»), 15 мая 2004 г. История адыгов в изложении краснодарских авторов. (Текст на русском языке). Краснодарские авторы с пользой для себя могли бы это мнение более внимательно осмыслить, и, работая, над вторым изданием «Родной Кубани», с другими отзывами, учесть.

Автор же этих строк не ставит задачу рецензирования данного учебного пособия **«Родная Кубань»** в его полном объеме по предметному назначению. Учитывая специфику основных читателей – школьников, нужно преподнести очень сложный этнополитический исторический материал в более корректной форме. **Заметим, что авторы, пытаются это сделать по структуре изложения материала, который сопровождается различными пейзажными, бытовыми и портретными рисунками.** Такой подход правильный, хотя качество воспроизводства отдельных эпизодов не всегда удачное. Тут и детали имеют определенное значение. Тем более, что *ныне на одной и той же земле , под одним и тем же тихим и ясным кубанским небом, как настоящие побратимы, живут бок обок потомки, огнем и мечом очистивших край и «осколки» аборигенов некогда многочисленного адыгского народа.* Книга также адресована и тем, *« кто интересуется историей Кубани».* Это, безусловно, ответственное приглашение. Но, к сожалению, составители книги каждый раз, чтобы объяснить то или

иное историческое событие, показывают его в нужном для империи духе, а не по логике их действительного развития.

Так, в книге имеется такая геополитическая «логика»: « В начале XIX века в состав Российской империи вошли Грузия и Армения, что спасло их народы от дальнейшего истребления Ираном и Турцией. **Однако, чтобы иметь неразрывную(?) территориальную связь с Закавказьем, было решено(?) присоединить и Северный Кавказ»** (С. 85). Когда и кем «было решено», у кого спрашивали на присоединении Северного Кавказа к России? Каким путем намеревались осуществить эту аннексию? Возникает и другой вопрос, когда и как вошла, например, Грузия в состав России? В действительности события разворачивались так. 24 июля 1783 года по Георгиевскому трактату были введены царские войска в Грузию. Был установлен протекторат над Восточной Грузией. Однако, «этот договор не избавил Грузию от вторжения персов. Персидский шах Ага-Магомед с огромным войском вторгся в Грузию, захватил и разрушил Тбилиси. Большая часть Грузии была опустошена. Преемник Ираклия 11 царь Георгий XI11 принужден был обратиться к императору Павлу с просьбой о помощи. В Грузию были введены войска. Опираясь на них, русский царизм лишил Грузию самостоятельности и превратил ее в свою провинцию. Но Грузия не имела тогда другого выхода. Присоединение к России при сложившейся обстановке было наименьшим злом». (См. проф. С. В. Юшков. История государства и права СССР. Юрид. Изд-во, М., 1940, с. 383). В ноябре 1800 года русская армия вновь вошла в Грузию, а 12 сентября 1801 года Александр 1 обнародовал Манифест о присоединении Грузии к России. Только в 1803-1804 годах Западная Грузия была включена в состав России. По условиям Адрианопольского мира 1829 года Турция признала присоединение к России Грузии, Мингрелии и Имеретии.

Таким образом, вместо того, чтобы правдиво рассказать о том, что было, какой выбор мог сделать грузинский народ из двух зол: быть поглощенным Персией или Турцией, или с потерей национальной свободы и государственности, но с надеждой на сохранение своей этничности, занять наиболее выгодную позицию – ориентация на Россию, которая была наименьшим злом. Такая оценка давно существует в исторической литературе. Она объяснима.

Рассмотрим войну по некоторым отдельным узловым, событийным, фактам и их освещению в исторической литературе. Попытаемся предметно и наглядно показать игнорирование, при анализе исторического материала, важнейших принципов историзма, объективности и научного подхода авторами при написании данного учебного пособия. Мы будем строго опираться на документальные научно-исследовательские материалы формирования Кубанского края. Используем, прежде всего, работы историков, участников и свидетелей войны, или по горячим следам, писавшим историю края. Это были: **первый местный историк И. Д. Попко (1819-1893)**, генерал, **Е.Д. Фелицын (1848-1903)**, войсковой старшина, **написал 90 работ**, **П. П. Короленко (1834-1913)**, ему было доверено написать книгу **«Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896 (Исторический очерк). Екатеринодар. 1896. И др.** Как отмечает наиболее известный современный историк кубанского казачества И. Я. Куценко: «Самым крупным и авторитетным историком кубанского казачества был **Ф.Д. Щербина (1849-1936)**, сын казака из станицы **Новодеревянковской. С 1904 года – член-корреспондент императорской академии наук, известный ученый по статистике»** (См. И. Я. Куценко. Кубанское казачество. Изд., второе, доп. Краснодар, с. 32). Словом, литературы военно-исторической по казачеству для сравнительного анализа много. Они помогут восстановить правду о

путях и методах формирования казачьего края. Проф. И. Я. Куценко обосновано утверждает, что **«казачья история одна из острейших и наиболее значимых социальных и научных проблем современности. Полемика вокруг нее не утихает»** (Там же, с.22).

Как пишет **Ф. А. Щербина**, когда он принял предложение по составлению истории края, «нужно было выработать условия, на которых могли бы вестись работы по истории. Письмом от 10 января 1903 года начальник штаба Кубанского казачьего войска Г.О. Богданович установил два следующих положения для предложенного мне труда.

Первое, **«чтобы история войска была составлена согласно указаниям военного министра по этому вопросу. И второе, «чтобы историческому исследованию о возникновении Кубанского казачьего войска было предпослано исследования о народностях, населявших территорию нынешнего Кубанского войска»** (См. Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. История края. Екатеринодар. 1910. От автора, с.1). Ф.А. Щербина в основном старательно выполнил эти условия, придерживаясь военно-политической доктрины Российской империи. Природные и исторические особенности края он дает в первом томе (396 страниц из 692). На 104 странице он ставит вопрос: «Когда же и как явился впервые в нынешней Кубанской области человек, с которого и начинается собственно история?». Рассматривая эту проблему, Ф. А. Щербина, показывает этническую мозаику Северо-Западного Кавказа во времени и в географическом пространстве и отмечает: «Во время заселения казаками Прикубанского Края, в Закубанье, по левую сторону р. Кубани, черкесские и горские племена занимали приблизительно те же места, на которых они остались потом **в продолжении всей русско-черкесской распри»** (Щербина А.Ф.Ук. соч., т.11, с. 7). Далее, он рассматривает ле-

генду происхождения этнонима – «Адыге», и заключает: **«Здесь начинается уже настоящая история черкесов, знакомство с которой необходимо для уяснения отличительных особенностей русско-черкесской войны, длившейся 65 лет под ряд»** (Там же, с. 17). Таким образом, он четко обозначает название войны, как **русско-черкесскую**, по ее содержанию и указывает на время ее апогея и завершения. И это, на наш взгляд, правильный подход.

1. «Родная Кубань»: о А. В. Суворове и его миссии на Кубани.

«В 1778 г. на правом берегу Кубани строит укрепления русский военный гений А. В. Суворов. Он налаживает дружеские отношения с влиятельными горскими князьями и старшинами. Прикубанье, во многом благодаря А. В. Суворову, входит в состав России» (с. 51).

Ф. А. Щербина: «Осуществление суворовского плана пришлось не по сердцу горцам. Как только началось возведение укреплений, черкесы стали усиленно нападать на пикеты и тревожить русские войска.(Щербина Ф. А. Ук. соч. Т. 1.С. 375) Далее: « Особенно враждебно относились они (черкесы – Х. Т.) к построенным, по распоряжению Суворова, крепостям, редутам и укреплениям по правому берегу Кубани» (Там же, С.380). Суворов требовал от казачьих начальников **«находиться в нужных местах»** и зорко следить как за неприятелем, так за сторожевыми частями русских войск. В этом заключалась гарантия **«от воровских шаек закубанских разбойников»** (Там же, с. 387). Следовательно, авторы учебного пособия идеализируют поведение Суворова, без учета тяжелейших последствий его военной деятельности на Кубани для аборигенов края.

2. «Родная Кубань»: о роли Суворова в очистке от ногайцев правобережья Кубани. Когда по совету Г. А Потемкина Суворов предложил ногайцам переселиться за Волгу, турецкие агенты стали

распускать слухи, что «русское правительство собирается уничтожить ногайцев после переселения за Волгу. **Многие ногайцы поверили в эту нелепость.** Изменив присяге, они напали на русские команды и преданных России соплеменников. Получив отпор, ногайцы переправились за Кубань и стали уходить в горы. **В начале октября 1783 г. недалеко от устья Лабы они были атакованы и разбиты.** (с. 57). А как же было?

Ф. А. Щербина: «Когда Суворову было поручено переселить на Урал ногайцев, то он разбил для удобства передвижения каждую орду на отряды или колонны, поручивши сопровождать каждую колонну русским войскам... **Сам Суворов следовал с казаками позади татар.** Донцы, с своей стороны выставили поголовное ополчение к границам передвижения татар в видах предосторожности. **Но когда весть о выселении татар при такой обстановке разнеслась по степям, то татары естественно были смущены.** В массе раздался глухой ропот и опасение, что татар ведут в уральские степи на верную гибель... Суворов напрасно уговаривал татар подчиниться переселению и успокоиться. **По выражению Суворова, «началась полная рубка татарам».** Произошло нечто ужасное, не поддающееся никакому описанию. **Опрокинутые драгунами и казаками ногайцы, бросились в болотистую речку, взяли в ней и поражаемые пулей и картечью, столпившиеся у реки татар рубили и кололи казаки и драгуны; арбы и имущество с яростью истребляли сами татары, чтобы не досталось оно русским; собственных женщин резали, а грудных детей вырывали у матерей и бросали в реку.** Отчаяние было полное, и татары точно обезумели в этом ужасном бою. Убиты были предводитель татар Канакай-мурза, знатные татары и до 3000 человек черни. Со стороны русских убито и ранено около 100 человек. Сражение, начавшееся на рассвете окончилось в час пополудни. Русские войска преследовали побеж-

денных на расстояние 30 верст, и отняли до 20. 000 лошадей и рогатого скота, татары понесли невероятный урон людьми, скотом и имуществом» (Щербина Ф. А. Ук. соч., т. 1, с. 392). Оставшиеся в живых татары подались за Кубань в устье Лабы, к черкесам. Как отмечает далее А. Ф. Щербина: «Ночами с предосторожностями Суворов, распустивши слух о своем отъезде в Полтаву, пробрался к устью Лабы. Ночью 1 октября (1783 г. – Х. Т.), с не меньшими предосторожностями, он переправил отряд через Кубань, и на рассвете придвинулся к татарским аулам. Здесь вблизи урочища Кирминчик, в 12 верстах от Кубани произошло последнее сражение с татарами, самое ужасное по своим последствиям. Первыми бросились с пиками донцы, за ними драгуны и гренадерский батальон. Через три часа битвы 2000 трупов усеяли окружающее войско пространство, аулы были сожжены, а к концу битвы на поле осталось более 5000 убитых. И казаки, и солдаты одинаково не давали никому пощады – убивали, резали и кололи мужчин, женщин, стариков и детей. И здесь татары в отчаянии убивали своих жен и детей, чтобы избавить их от плена, а имущество уничтожали. Пожаром, кровью и трупами были обагрены последние потомки великой монгольской орды. Немного осталось татар на Кубани. Их место скоро заняли черноморские казаки». (Там же, с.393-394). Сохранилась масштабная карта под названием «Битва с закубанцами на Лабе 1-го октября 1783 г., где указаны охваченные боем черкесские аулы: Темрукский, Хатукай, Адамий и др. В эпицентре побоища находилось ногайское селение Наурсово. По сведениям П. Г. Буткова, в этом бою было убито татар-ногайцев: 21 мурза и 3.500 простых татар, взято в плен более 1.000, в том числе ногайцев наврузовских, древних обитателей Кубани. Захвачено лошадей – до 1.000, рогатого скота от 6 до 7 тыс. голов, овец – до 15.000. У суворовских войск убито 4, ранено 7, без вести пропало

15. (См. Бутков П. Г.. Материалы для новой истории Кавказа. С 1722 г. по 1803 год. СПб, 1868, с. 101). Возникает резонный вопрос, с кем же и каким оружием воевали суворовские войска, если соотношение погибших: татар: по Щербине – 5.000, по Буткову – более 3.500 , а потери русских всего 4 человека? Возможно уже тогда, еще до альпийских походов, проявился «военный гений» Суворова? А может быть, действительно татары друг друга сами себя поубивали? Нет, ни то и не другое. Дело в том, что перед началом боя, в манере своей известной краткости в военных донесениях, Суворов отдал приказ: **«Войскам отдыха нет до решительного поражения, истребления или плена неприятелей. Пули беречь, работать холодным оружием! Драгунам и казакам с коней не слезать для добычи; на добычу идет четвертая, другая четверть прикрывает, остальная половина наготове. Добыча делится пополам: одна половина на государя, другая войскам; из этой половины – казакам две трети»** (Цит. по кн.: Из истории Русско-Кавказской войны. Документы и материалы. Нальчик. 1991, с. 34). Следовательно, **«пули беречь, работать холодным оружием»** – так настойчиво Суворов предупреждал своих солдат и казаков, уверенно зная, с кем они будут драться – в основном со стариками, женщинами и детьми в кибитках, ранеными и остатками от предыдущей битвы. П. П.Короленко, по этому поводу писал: «Командовавший тогда кубанским корпусом генерал Суворов совершил блестящий поход за Кубань, куда бежали ногайцы, разорил вместе с ногайскими становищами много и черкесских аулов. Так как с этого времени северная часть Кубанского края, за выходом из него ногайцев, опустела, то для удержания черкесов от перехода на нашу сторону для разных злодеяний русское правительство занялось постройкой крепостей и редутов на Кубани» (См. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.2. Нальчик «Эль-

ФА». 2001. С. 200). Следовательно, не депортация была главной задачей, а полное истребление ногайцев, уведенных из Куго-Ейской степи, чтобы очистить от них Правобережье Кубани для занятия его казаками. Что и было выполнено Суворовым.

3. «Родная Кубань»: об окончании и последствиях войны.
«Соппротивление горцев было упорным, но, слишком неравными были силы воюющих сторон. **Большинство кубанских горцев покинули родные земли и переселились в Турцию, поддавшись на призывы своих князей, старшин и мусульманского духовенства, посулы Турции и не желая переходить на земли, которые определили (?) им царские власти»** (с.85)

В этих оценочных суждениях фальшивое облачение. Авторы книги не хотели и намека выдать читателям об этом позорном побоище? А может быть стыдно за геноцид и не находятся слова и выражения о варварстве колонизаторов? Здесь уместно напомнить случай с Лермонтовым, активным участником войны, чье творчество изучают в школе и в вузах, осуждавшего жесткость войны в своих кавказских фронтовых произведениях, но, не сумевшего, освободиться от оков имперского мышления в оценке итогов Русско-Кавказской войны для черкесов:

*Смирись, черкес! И Запад и Восток,
Быть может, скоро твой разделят рок.
Настанет час – и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной!
Настанет час – и новый грозный Рим
Украсит Север Августом другим!*

(М. Ю. Лермонтов. Измаил-Бей. Поэма. Часть третья). И тут же продолжает:

Горят аулы; нет у них защиты,

*Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор,
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей...*

Лермонтов, как гениальный поэт, по следам боя при Валерике, в котором он участвовал, поэтически и кистью передает трагизм и жестокость войны, как в выше приведенных строках из «Измаил-Бея». Но, к сожалению, он не может отрешиться от имперского подхода, призывая: «Смирись, черкес!». **«Двойной стандарт»**. **А вот этого нельзя допускать в пропаганде исторических знаний, иначе не выработается историческое сознание (самосознание), которое должно помочь в формировании у всех россиян правильной гражданской позиции в рамках многонациональной страны.**

Нами уже было отмечено, что целью Русско-Кавказской войны было **«усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»** (Николай 1). Механизм реализации этой идеи все годы войны совершенствовался: **«Нам чечены не нужны, нам нужна Чечня! Нам черкесы не нужны, нам нужна Черкесия!»** (Ермолов). По его же указанию в 1823 г. было сделано распоряжение о «переселении мирных черноморских черкесов и татар в Ейский округ, подальше от Кубанской границы» (Щербина А.Ф. Ук. соч. Т. 11, с.612). Еще 4 августа 1815 года в письме к войсковому атаману Бурсаку Дюк-де-Ришелье писал о необходимости переселения черкесов, живших в Черноморье, в Крым. «Такого же взгляда на мирных черкесов, живших на казачьих землях, держалась и войсковая администрация, желавшая переселения их подальше от Кубани в степи и хлопотавшая об этом» (Щербина А. Ф.

Там же, с. 611). В 1843 г. при переселении «мирных черкесов» в Черноморье (на правый берег Кубани) Николай 1 требовал придерживаться следующих правил: **1. Селить горцев только в Донской области. 2. Допускать всякое переселение в крае с осмотрительностью и непременно по докладу Государю.** (Щербина А. Ф. Там же, с. 619). К депортации (изгнанию) колонизаторы все чаще стали прибегать: **«Чтобы обезвредить окончательно мирных горцев и заставить их покориться России, Кухаренко (Начальник Черноморской кордонной линии, генерал-майор – Х.Т.) предлагал переселить их внутрь страны. Так же следовало поступить, с живущими в Черномории в близи Кубани черкесами, а левый берег Кубани объявить на военном положении и поступать со всеми обитающими там горцами как с неприятелем»** (Щербина А. Ф. Там же, с.577).

Таким образом, политика царизма была коварной и никакой надежды на сохранение черкесов на автохтонной земле, **если даже будет прекращено сопротивление, не ожидалось.** Царизм вынес приговор, окончательный, еще с началом войны, которая затянулась, как полагали организаторы агрессии, только по «вине сопротивляющихся горцев». *Но, черкесы, поколение за поколением, героически сражались за свободу и независимость любимой Родины.* Об этом проникновенно и страстно сказал поэт в начале прошлого века:

*Когда царь белый, царь лукавый,
Решил Кавказ завоевать,
Черкесам огненной лавой пришлось
В защиту края встать!
В защиту гор своих прекрасных,
В защиту жен и матерей,
В защиту Родины несчастной,*

В защиту вольности своей!

Без учета этой подлинной природы сопротивления царизму, **главной движущей идеи – «защита Родины и свободы»**, невозможно правдиво определить характер войны. Когда было объявлено 2 сентября 1829 года по Адрианопольскому трактату, что «султан уступил русскому государю северо-восточное побережье Черного моря, а с ним вместе и весь Закубанский край с живущими в нем племенами черкесов», то **«эти свободолюбивые горцы, не признавая над собой турецкого владычества, не желали подчиниться и России»** (См. П. П. Короленко. Ук. соч., с. 220). Несмотря на это, Николай 1 продолжал от всех закубанских горцев требовать **полного повиновения России, но был получен отказ. Имперское мышление колонизаторов не давало возможности понять природу и истоки борьбы черкесов за свою свободу и национальную независимость.** Барон К. Ф. Сталь, участник войны с 1844 по 1859 год, выражал свое недоумение о том, что горцы, будучи в «непрерывном столкновении с нами, не понимают, что такое Россия, ее силы, пространство и военные средства. Они видят русского солдата, казака, русские орудия, русские деньги, а внутреннего быта нашего, **нашей цивилизации они не понимают...** Когда расскажешь им о могуществе России, о пространстве ее земель, они качают недоверчиво головой и говорят: **«Странно! Зачем же русским нуждаться в наших горах и маленькой земле? Нет, верно, у них негде жить»**, – и тем **разговор кончается»** (См. К. Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. В кн.: Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик. «Эль-фа», 2001, с. 221). Хотя возвышено говорит К. Сталь о своей цивилизации, но легко проигрывает рядовым черкесам в геополитическом споре о мотивах захватнической войны русского царизма. А ведь он участник войны на ее завершающем и самом трагическом этапе. Он продолжает

сетовать: «Горцы боятся покорности, потому что **они не понимают, что такое в политическом смысле есть покорность одного народа другому**» и «сосланный в дальнюю Россию, горец старается выучить русский язык, с тем, чтобы облегчить себе побег». И тут же признает, что **«насильственно отделенный от родины, он тоскует», и, что «горец гордится своею родиною»**(Там же, с. 224-225). Но ведь это как раз и есть другая политическая и нравственная вершина, вытекающая из эпоса «Нартхэр», отражающего трех тысячелетнюю цивилизацию, основанную на высокой народной духовности и порядочности – «Адыгэ- Хабзэ». Об этом неплохо знал и сам К. Сталь, утверждая: *«Современный черкес хочет подражать громким подвигам своих нартов... и тлехупов (рыцарей)»* (К. Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. Тифлис. 1910. – С. 12). Далее: *«Сдасться военнопленным есть сверх бесславия, и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин сдался в плен. Потеряв лошадь, он будет до последней возможности и с таким же ожесточением, что заставит наконец убить себя»* (Там же, с.254).

Действительно, народный эпос «Нартхэр» был своеобразным **Кодексом норм поведения человека в обществе**: «Идеал нарта – борьба со злом, проявление стойкости и бесстрашия в этой борьбе, утверждение правды и справедливости, помогать слабому и защищать бессильного во имя свободы человека. Эти качества опосредствуются моральным Кодексом выработанным народом на протяжении многих тысячелетий» (См. Нартхэр. Адыгэ эпос. – Мыекъуапэ. 1971, V11 т. – Н. 410). Русско-черкесская война показала выносливость, героизм и бесстрашие черкесов и других горских народов в многовековой борьбе за свободу и независимость своей Родины. Александр Бестужев (Марлинский), сосланный декабрист, писал с фронта: *« А закубанцы (черкесы -Х. Т.), черт меня возьми, такие удальцы, что я готов бы*

расцеловать иного! Вообразите, что они стоят под картечью и кидаются в шашки на пешую цель, – прелесть, что за народ! Надо самому презирать опасность во всех видах, чтобы оценить это мужество...Они достойные враги. Быстрота их движений и их коней невообразима».(Письма К.А Полевому. Лагерь на реке Абени, в земле шапсугов, 2 октября 1834 г.)

Важно особо подчеркнуть, что у бойцов народного сопротивления против царской агрессии **преданность делу борьбы за национальную свободу и независимость считалась священным долгом каждого.** Проявление слабодушия в бою, тем более бегство с поля брани, решительно презиралось. Как приводит Ю. М. Лермонтов в поэме «Беглец» (Горская легенда), Гарун бежал с поля боя, *«где черкесская кровь текла»:*

*Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли...
(Мать укоряет Гаруна-беглеца):
«Молчи, молчи! Гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы.
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!».*

П. П. Короленко в работе *«Записки о черкесах»*, как участник русско-черкесской войны, по своим наблюдениям, пишет: *« Измены своих соотечественников черкесы не прощали. Мне самому во время похода против закубанских горцев случалось видеть, с каким азартом и жестокостью непокорные черкесы сражались с мирными*

соотечественниками, находившимся в русских войсках. С шашками в руках и кинжалами в зубах немирные и мирные, как бешенные, бросаются одни на других и рубятся на смерть, пока последних выручали казаки» (Цит. по кн.: Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 2. Нальчик. «Эльфа». 2001, с. 193). До конца войны черкесы царским войскам сопротивлялись стойко и упорно: «Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа потому только, что горцы не хотели покориться. Надо было истребить горцев на половину, чтоб заставит другую половину положить оружие». (Фадеев Р. Военный историк. Из «Писем с Кавказа». В кн.: Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX- начало XX века. Сб. документов и материалов. Нальчик. «Эль-Фа». 2000, с.160). Такова была правда войны.

Следовательно, К. Сталь, сетуя о том, что черкесы **«нашей цивилизации не понимают»**, был абсолютно прав. И, действительно, такую «цивилизацию», т. е. варварскую колонизацию, которую проводила царская армия, основная масса горцев не могла понять, а тем более признать. Видный историк М. Н. Покровский давал четкую и научно обоснованную характеристику жестокой ермоловской «цивилизованной» политике, которая «загоняла горцев в тупик», из которого не было никакого выхода: русские надеялись, что результатом будет полное и беспрекословное подчинение горских племен русскому правительству... *С точки зрения Ермолова и его генералов, только невежество горцев было причиной того, что они не видели превосходства(?) русских порядков над их, туземными: «понятия многих чеченцев не превышает скотов», писал один из этих просвещенных покорителей Кавказа своему начальству» (См. М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М.,1924.*

Цит. по кн.: К. Мартиросян. История Ингушетии. Орджоникидзе. 1933, с. 55). Цинизм некоторых «просвещенных покорителей Кавказа» был бесчеловечным.

Необходимо для большего прояснения сути полемологического и концептуального спора между сторонами (субъектами) Русско-Кавказской войны, сослаться еще на очень важный исторический документ. Когда Александр 11 встречался 17 сентября 1861 года в укрепление Хамкеты (Ныне станица Новосвободная Майкопского района Адыгеи) с представителями абадзехов, ему было вручено письменное обращение адыгов об их взглядах на Русско-черкесскую войну, где говорилось: *«Мы решили обратиться с нашим делом ко всем великим державам: вы одна из них и мы излагаем вам наше дело в правдивом освещении. Будьте к нам справедливы и не разорайте наше имущество и наши мечети; не проливайте нашу кровь, если вас на это не вызывают. Для могущественной державы позорно отнимать без необходимости у человека жизнь. В продолжении этой противозаконной войны, захвата в плен беспомощных женщин и детей является противоположностью всего справедливого. Вы вводите в заблуждение весь мир, распространяя слухи, что мы дикий народ и под этим предлогом вы ведете войну с нами; между тем мы такие же человеческие существа, как и вы сами. Не стремитесь проливать нашу кровь, так как мы решили защищать нашу страну до последней крайности»* (Цит. по.: Наврузов Ибрагим. Коллекция. АНИИ. Тетрадь № 28ю – Майкоп. – С. 31). Ответ императора был краток и категоричен: **«Перейти на места, указанные по реке Кубани (в основном плавни. – Х. Т.) или же переселяйтесь в Турцию»**. В этих словах суть «цивилизованности» ненасытного к захватам и бесчувственного к народным страданиям русского царя.

Русские императоры и большинство их военных чиновников и советников, не в полной мере представляли, с каким народом они ведут долгую войну и почему одни племена быстрее покоряются, чем другие. Уже близко к исходу войны, четыре года оставалось, на это внимание военного ведомства обратил главнокомандующий Кавказской армией фельдмаршал А. И. Барятинский и писал военному министру России Н. О. Сухозанету: **«Между народами восточной и западной половины Кавказа есть огромная разница: в Дагестане мы нашли глубоко вкорененные начала гражданственности и привычку к повиновению, даже к самовластному и тяжкому игу; на западе, напротив того, народы раздроблены на мелкие общины ... Племена эти издревле привыкли к необузданной свободе. Только силой оружия можно победить этот народ»** (РГВИА, ф.38, оп. 30/286, св. 869, д. 8, л. 12, 19. Цит. по кн.: Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сб. документов и материалов. Нальчик. «Эль-Фа». 2000, с. 17).

Здесь уместно напомнить, что многовековая героическая борьба черкесского народа за свою свободу и национальную независимость имела всемирно-историческое значение в русле борьбы народов мира против колониализма. Она давала угнетенным народам пример и надежду: **«Храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений. Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие оставаться свободными»** (Маркс К. и Энгельс Ф. Коммунистический манифест. М., Л., 1930, приложения. С. 237). Маркс и Энгельс были современниками Русско-Кавказской войны и более пятидесяти работ посвятили ее анализу. Известно, что Энгельс был знатоком военного искусства. Он обратил внимание на тактику действия горцев в условиях горной войны: «...В борьбе на Кавказе, которая из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу, горцы

своими относительными успехами были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно, придерживались при обороне своей территории... **Сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские гарнизоны и аванпосты, в быстрых набегах на глубокий тыл русских передовых линий, в засадах, которые они устраивали на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и использовали это преимущество»** (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 119). Таким образом, будет полезным, если любому, кто пожелает исследовать Русско-Кавказскую войну, внимательно и осмысленно использовать эти методологические подходы к анализу боевых эпизодов войны, которые обычно в имперском духе обозначались в донесениях, как: «налет хищников с целью разбоя и грабежа». Военно-политическая сторона выхолащивалась.

Для подведения итогов спора о сравнении типов цивилизаций того времени: «российской» и «горской» (на примере, «черкесской»), сошлемся на Адольфа Петровича Берже, крупного кавказоведа, назначенного в 1854 г. председателем Кавказской археологической комиссии, издавшего на русском и немецком языках основной труд Шоры Бекмурзовича Ногмова– «История адыгейского народа». Он был свидетелем трагического окончания войны и изгнания черкесов. А. П. Берже писал: **«Официальное выселение черкесских племен как военная и политическая мера началось в 1862 году, когда 10 мая состоялось высочайшее утверждение постановления Кавказского комитета о переселении горцев»** (См. Ад. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа. Тифлис, 1881 г. В кн.: Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик. «Эль-Фа». 2001. – С. 298). В июне 1864 года он отправляется из Закавказья через

Константинополь в Грецию и Италию и, возвращаясь тем же путем, он вновь увидел еще более тяжелое положение горцев. **«Но – пишет он – никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17.000 человек. Позднее ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между ними эпидемия тифа и оспы делали положение их отчаянным. И, действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся с жизнью в то время, как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери»** (Там же, с. 315). Вот такие плоды военно-стратегической «цивилизации» царской империи он увидел своими глазами. Видимо и его сердце содрогнулось, но, к сожалению, оно не протестовало, наоборот, он считал, что **«свалить вину в постигших горцев несчастьях на нас, как это, между прочим, делали европейские газеты и дипломаты, было нетрудно, но все эти обвинения, оказывались по меньшей мере ни на чем не основанными. Александр II, гуманнейший(?) из венценосцев XIX века был слишком далек от политики Филиппа III, знаменитого своим королевским повелением 22 сентября 1609 года, которым он нанес смертельный удар маврам, так безжалостно выброшенным из Испании на пустынные берега Африки»** (Там же, с. 316). *Странно, но факт, несколькими строчками выше говорится о страшном геноциде, увиденном им самим, и тут же защищает «самого гуманнейшего из венценосцев XIX века» Александра II, основного виновника в трагедии и изгнании горских народов.*

Эту бесчеловечную картину дополняет другой участник последних операции царских войск, русский офицер И. Дроздов: «В конце февраля (1864 год. – Х. Т.) пшехский отряд двинулся к речке Мартэ, чтобы наблюдать за выселением горцев. **А если понадобится, так и силой выгонять их.** Постепенно продвигаясь то вправо, то влево, то вверх, и истребляя по пути брошенные аулы, отряд достиг верховьев Псекупса, откуда перевалился через кавказский хребет на южный склон его и остановился при впадении речки Чилипсе в реку Туапсе. Отсюда оставалось только тринадцать верст до Черного моря.

Поразительное зрелище представилось глазам нашим на пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полубъеданные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги и от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо делавшиеся добычами голодных собак. Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; им и самим перспектива была не утешительнее; турецкие шкиперы, из жадности, наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочеры до берегов Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы несчастных на берега Анатолии... Едва ли половина, отправившихся в Турцию, прибыла к месту. Такое бедствие в таких размерах редко постигало человечество; но только ужасом можно было подействовать на воинствующих дикарей и выгнать их из непреступных горных тущоб.

28 мая 1864 года окончилась кавказская война, Кубанская область была не только завоевана, но и очищена. От прежнего, довольно большего населения осталась горсть людей, которых поселили на Кубани. Конец 1864 года и весь 1865 год отряды прошли вновь по всем завоеванным участкам, выгнали оставшихся случайно там

горцев... *Теперь в горах Кубанской области можно встретить медведя, волка, но не горца»* (Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. Кавказский сб. Т. 2. С. 456 – 457).

Свидетельствует еще раз и П. П. Короленко: «Черкесы от набегов и походов русских войск в их территории терпели большие разорения: жилища их уничтожались огнем, скот и имущество забирались, посеvy хлеба на корню вытаптывались, запасы продовольствия для уцелевших животных горели, а сами черкесы забирались в плен: уцелевшие семейства их, скрывались в горах и лесах, буквально оставались босы, голы и голодны.

Несмотря на такую жизнь, полную тревог и лишений, черкесы все-таки не хотели расстаться со своей волей и долго-долго боролись с русскими за свою родину и независимость, пока их окончательно не вытеснили казачье поселения, посланные правительством на их земли». (П. П. Короленко. Ук. соч., с. 196). **Вот она горькая, трагическая и изуверская картина « о добровольном уходе горцев» в Турцию.**

Русский царизм делал все, чтобы в процессе депортации горских народов больше погибало в пути, а оставшимся в живых возвращение категорически воспрещалось. Так, 2 марта 1865 года посланник России в Константинополе Н. П. Игнатьев в донесении Александру 11, спрашивал: «Должны ли они безусловно отклонять ходатайство горцев об обратном переселении в Россию?». Император пометил: **«Об обратном переселении горцев и речи быть не может»** (Цит. по кн.: Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сб. документов и материалов. Нальчик, «Эльфа», 2000, с.201). Александр 11 иначе и не мог ответить. Именно по его распоряжению, еще за четыре года до окончания войны, был командирован в Стамбул генерал Лорис-Меликов, чтобы заключить

соглашение с Турцией о порядке депортации горцев в ее пределы, и чтобы они были расселены подальше от Кавказской границы. ***У русского царизма ненависть к борцам за национальную свободу и независимость была патологическая.*** Переговоры продолжались до апреля 1864 г., а через месяц закончилась война. **И когда 21 мая 1864 г. в урочище Кбааде (ныне – Красная поляна в черте Сочи) был устроен парад победы, в это же время из Анапского порта, со слезами на глазах, отплыли от берега 20 тыс. натухайцев, половина из которых погибла в море. Этот день считается днем завершения массового выселения адыгов.** (См. Кумыков Т. Х. Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик. Эльбрус. 1994, с. 15).

Символично и трагично совпали эти дни великой скорби и торжества, ибо их вершитель один и тот же душитель свободы и организатор геноцида горских народов – русский царизм. В тот же день, принимая парад войск, Великий князь и Главнокомандующий Михаил Николаевич, горделиво объявил: **« С чувством искренней радости и уважения к доблести вашей поздравляю вас, войска Кавказской армии, с покорением Западного Кавказа и с окончанием Кавказской войны... Ни ужасы диких, недоступных убежищ, ни отчаянное сопротивление обитателей их, ни суровая стужа, ни палящий зной – ничто не остановило вас – все преодолели вы в течение многих лет, не слабые духом, запечатлевая потом и кровью каждый шаг, – достигли цели»** (Цит. по кн.: Семен Эса-дзе. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Стереотипное переиздание. Майкоп. Изд. «Меоты», 1993, с.112-113). Так велеречиво было сказано о тяжелой человеческой драме – «радость» колонизаторов и «отчаянное сопротивление», подвергнувшегося геноциду черкесского народа силами огромной царской армии, которая чтобы достичь цели, как выделено в

обращении представителя царской династии, **мерила «кровью каждый шаг»**. Такова была *цена жестокой войны!*

Таким образом, русский царизм торжествовал победу. Солдаты маршировали по очищенной от адыгов, обильно орошенной своей и чужой кровью земле, завоеванной для своих крепостников и душителей свободы самого русского народа. О «цене» той победы генерал – полковник Юрий Балуевский, начальник Главного оперативного управления Генштаба Вооруженных Сил РФ, пишет: **«В истории Российского государства и русской армии эта война занимает особое место, прежде всего, потому, что эта была самая продолжительная и самая напряженная война России. Более 77 тыс. русская армия потеряла в ходе боевых столкновений с горцами Северного Кавказа. Такого числа потерь русская армия не знала со времен Отечественной войны 1812 года.** На протяжении всего конфликта Россия вынуждена была содержать на Кавказе крупную войсковую группировку, которая на заключительном этапе войны достигала более 200 тыс. человек. Фактически весь XIX в. российского общества прошел под знаком войны на Кавказе, поглощавшей значительную часть материальных, экономических и, самое главное, людских ресурсов страны». (Газета «Красная Звезда». Центральный орган МО РФ. 16 мая 2000 года.). **Однако, вопреки исторической реальности того времени, генерал Ю. Балуевский утверждает, что якобы «не вела Россия на Кавказе колониальные войны и не подавляла национально-освободительное движение в регионе».** А в связи с чем «более 77 тыс. чел. Русская армия потеряла в ходе боевых столкновений с горцами Северного Кавказа»? Жаль, что полемологические знания недостаточно востребованы для тех, для которых они должны быть основой их военной деятельности. Северный Кавказ для России своего рода «черная дыра» и в наши дни. Вот уже почти 10 лет продолжается Российско-

чеченская война и боевые столкновения федеральных войск в тех же населенных пунктах, как и в Русско- Кавказскую войну, хотя цели и задачи ставятся теперь иные.

Ф. А. Щербина об итогах войны писал: «Кзаки с честью **выполнили свою историческую роль**. Они не просто колонизовали, но завоевали и колонизовали Кавказский край. **Эта была уже дань казака русскому государству**» (с. 836). Отметим, что Щербина Ф. А. тоже выполнял задание министерства обороны России. Он, не скупясь, как статистик, сплошь и рядом указывает численный состав солдат и казаков, до каждой единицы, отправлявшихся на карательные походы в горы, а черкесов, встречавших их для отпора, называет как «скопище горцев», количеством в сотнях и тысячах и всегда округленно. Обычно дает данные о превосходстве военной силы царских войск в артиллерии и в стрелковом оружии. Но, с другой стороны, Щербина Ф. А., как настоящий историк, события не фальсифицировал, а показывал их полную картину. Он единственный историк, который составил роковую многовековую историю русско-черкесской войны год за годом, день за днем, а иногда и час за часом. Если исследователи и свидетели Русско-Кавказской войны в своих работах горцев называли оскорбительными кличками: «Хищники» (Н. Дубровин. Черкесы(адыге). «варвары», «азиаты», «злодеи», «басурманы», «разбойники», «туземцы» и другими словами обзывали, то Ф. А. Щербина употреблял в основном – «черкесы», реже «скопище горцев».

Нужно быть злонамеренно неразборчивым в фальсификации этнической трагедии горских народов, совершенной по исключительной вине русского царизма, чтобы с такой легкостью утверждать, что **«большинство кубанских горцев покинули родные земли и переселились в Турцию, подавшись на призывы.., не желая**

переходить на земли, которые определили им царские власти (?). А разве был другой выход от физического истребления?

Нами уже было отмечено, что целью Русско-Кавказской войны было **«усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»** (Николай 1). Механизм реализации этой идеи все годы войны совершенствовался по ермоловской тактике обезлюживания и очищения фауны и флоры гор. По его же указанию в 1823 г. было сделано распоряжение о «переселении мирных черноморских черкесов и татар в Ейский округ, подальше от Кубанской границы»(Щербина А.Ф. Т. 11, с.612). Еще 4 августа 1815 года в письме к войсковому атаману Бурсаку Дюк-де-Ришелье писал о необходимости переселения черкесов, живших в Черноморье, в Крым. «Такого же взгляда на мирных черкесов, живших на казачьих землях, держалась и войсковая администрация, желавшая переселения их подальше от Кубани в степи и хлопотавшая об этом» (Щербина А. Ф. Ук. соч., т. 11, с. 611). В 1843 г. При переселении «мирных черкесов» в Черноморию (на правый берег Кубани) Николай 1 требовал придерживаться следующих правил: **1. Селить горцев только в Донской области. 2. Допускать всякое переселение в крае с осмотрительностью и непременно по докладу Государю.** (Щербина А. Ф. 11, с. 619). Депортационный бум все более обострялся: «Чтобы обезвредить окончательно мирных горцев и заставить их покориться России, Кухаренко (Начальник Черноморской кордонной линии, генерал-майор – Х.Т.) предлагал переселить их внутрь страны. Так же следовало поступить с живущими в Черномории вблизи Кубани черкесами, а левый берег Кубани объявить на военном положении и поступать со всеми обитающими там горцами как с неприятелем» (Щербина А. Ф. 11, с.577). **Вот это и была вся правда, хотя она и зловещая.** Злодейские цели, достигаются только методами злодеяний: другого решения этнополитическая практика не дала.

4. «Родная Кубань» о героизме казаков и их восхваление сегодня. «Многие эпизоды Кавказской войны принесли линейцам славу бесстрашных воинов, доблестных защитников родной земли» (с.89).

Исторически давно сложилась практика, когда одни народы с завистью и жадно смотрят на природные богатства других народов и это толкает их на межэтнические конфликты, доходящие до грабительских войн, которые обычно объясняются «геополитическими интересами» на определенном географическом пространстве. Конечно, было бы идеально, если природа создала бы на всех континентах райские уголки, как Кавказ, и были бы одинаковые социально-экономические условия жизни народов. Но подобное, как в религиозной мифологии, невозможно. Ф. Энгельс в письме к А. Бебелю в марте 1875 года разумно заметил: «Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 34, с. 104).

Итак, из каких параметров нами документально составляется аксиологический (оценочный) подход к Русско-Кавказской войне?

Бывает специфика проявления реального исторического действия, когда сплетение противоположных геостратегических интересов на определенном пространстве военных действий, какие то его участники временно могут объединиться, чтобы выбрать наименьшее зло. Классический пример, судьба Армении и Грузии в противоборстве за Кавказ России, Турции и Персии. Армяне и грузины, персы и турки находились с древних времен в межэтнических конфликтах, когда часто наступала критическая фаза тотального истребления друг друга. В этой ситуации геостратегические интересы России, направленные против

агрессивной антиармянской и антигрузинской политики безусловно облегчали этим народам борьбу за этническое выживание. Это было на том этапе положительно.

Считается, что непрерывные военные действия в Русско-Кавказской войне начались в связи с присоединением Грузии к России и вытекающей отсюда «необходимостью обеспечить сообщение с новоприобретенным краем, эти набеги превратились в правильную и упорную войну, которая велась и на южном, и на северном склоне Кавказского хребта. (См. Большая энциклопедия. Десятый том. Четв. Изд., С.- Петербург, 1896), С. 331). Безусловно, это было продолжение агрессии против горских народов Кавказа, что вызвало еще большее обострение межэтнических противоречий. Это есть наглядный пример необузданности имперского мышления, втянувшего русский и горские народы в пучину кровавой долголетней войны.

Веками шла истребительная война и одержана победа. Но какой ценой? Здесь уместно напомнить об одном эпизоде хроники войны. В 1837 г. с парохода, застигнутого сильнейшим штормом в море, высадился в Геленджик Император Николай I. Предание гласит, что этот с железным характером государь не мог удержаться от слез, при виде выстроенных перед фронтом оборванных, изможденных и больных солдат. (См. Ф. А. Щербина. История Кубанского Казачьего войска. Т. II. История края. Екатеринодарь. Типография Кубанского Областного Правления. 1911, с. 309). Слезы царя тоже слезы, но слишком было много слез и горя в этой войне и с этой и, особенно, с другой стороны, где применялся геноцид – тотальное истребление непокорных имперской власти людей и народов.

Таким образом, на этих, и множества других примерах, можно судить о цене приобретения русским царизмом «имперского пространства» и о нравственном облике, исполнителей воли монархов.

Как же кубанские историки и политики оценивают последствия Русско-Кавказской и русско-черкесской войн – геноцид и изгнание адыгов и других горских народов из автохтонной земли? Какие принципы историзма в освещении прошлого края они избрали? И, наконец, какая у них тематическая концепция возникновения и развития нового казачьего края – «Родной Кубани»? Приведем примеры их современной пропаганды, которую широко развернули в крае, как открыто анти адыгскую, в имперской манере времен русско-черкесской войны. Им придан обще казачий, религиозно-православный статус и активно поддерживается всеми органами власти.

Сегодня наследники казачества времен русско-черкесской войны представляют организованную силу, как и в прошлом, особый слой (отряд) российского полиэтнического общества. Кубанское казачье войско структурно состоит из 7 отделов и 1 округа, объединяющих 65 районных казачьих обществ, в состав которых входят 331 казачье общество, в том числе 231 – хуторское, 53 – станичных и 17 городских, расположенных на территории Краснодарского края, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики. Численность ККВ составляет боле 137 тыс. казаков, в том числе взявших обязанности по несению государственной и иной службы – 32.999 человек, на воинском учете в районных и городских комиссариатах состоит 15.700 казаков, из них офицеров запаса – 1201 казак. В штабе Войска заведен списочный учет всех казаков независимо от возраста, в основе которого данные военкоматов районов и округов. Все казачьи отделы и общества прошли рабочую аттестацию на аттестационной комиссии Войска и им утверждены Уставы. (См. Краткая историческая справка Кубанского казачьего войска – ЮГА. Ру. 13 марта 2004 года.). К этому следует добавить новые данные. 22 мая 2004 года представители ККВ организовали массовый выезд в Абхазию, где устроили торжественное

построение Кубанского казачьего войска. Атаман ККВ казачий генерал В. П. Громов вручил Грамоту и Знамя Сухумскому особому казачьему отделу Черноморского округа, где подтверждается, что «отныне Сухумский особый казачий отдел является подразделением Черноморского округа Кубанского казачьего войска». Обоснование: «Знамя – залог боевого братства. На протяжении столетий наши славные предки под боевыми знаменами приумножали славу России и казачества ради утверждения державности и православия в пределах пребывания Кубанского казачества» (См. Грамота – ЮГА. Ру. 25 мая 2004 г.). Считается, что важнейшей составной частью «возрождения казачества» являются мероприятия в сфере образования, культуры и спорта. В крае созданы и работают: 3 казачьих кадетских корпуса, 4 казачьих гимназии, 20 общеобразовательных школ, имеющих в своих программах изучение казачьей истории, традиции и устоев. Действуют 50 казачьих молодежных клубов и спортивных секций. (См. На пути возрождения Кубанского казачества – ЮГА. Ру. 26 ноября 2003 г.).

В связи с этой огромной массовой работой, которую проводит казачество, необходимо напомнить о трагических издержках «казачьего предназначения». Так, в ноябре 1992 года казаки в Краснодаре организовали настоящий набег на студенческие общежития, где жили северокавказцы, сообщалось: «Выбитые окна, избиты студенты, одного из которых выбросили с шестого этажа (он чудом остался жив) – это все результаты «рейда» по проверке паспортного режима в общежитиях №№ 3,4,5 Краснодарского политехнического института совершенного казаками «по многочисленным просьбам студенчества», обращавшихся якобы на лиц странной национальности – северокавказской. Так объяснил мотивы действий подопечных атаман Кубанской рады В. Громов. **Но на следующий день студенты вышли на митинг, выходку казаков Елизаветиского, Прикубанского, Пашковского и**

Екатеринодарского куреней они называли фашистской. Приказом атамана Громова главный зачинщик – Мужиков освобожден от должности куренного атамана» (Т. Василевская. «Северный Кавказ», № 48, ноябрь 1992 г.). В другом сообщении говорилось: «В инциденте, происшедшем в общежитии политехнического института пострадало 200 студентов из Республики Адыгея. Они потребовали официальной встречи с вице-премьером Е. Гайдаром (он в то время находился в Краснодаре, но вместо него руководитель группы помощников и глава администрации города обещали доложить ему об их просьбе о привлечении казаков к ответственности, но все осталось на словах – Х. Т.)» («Северный Кавказ», № 47, ноябрь 1992 г.) Известно, что в набеге принимало участие до 400 казаков. Когда они стали глумиться над студентами северокавказцами, в основном были девушки, студенты русской национальности объединились с ними в их защиту, стали их заслонять. Впоследствии адыгейская молодежь намеревалась пойти на разборки с казаками, но они послушались старейшин и призыва Комитета по национальной политике при правительстве Адыгеи о недопустимости насилия. Со временем напряженность ослабла. Но этот провокационный инцидент симптоматичен и урок для органов государственной власти, которые наделяют неконституционными функциями казачье сословное братство, тем самым, потворствуя им совершать подобные «кавалерийские атаки», набеговыми методами давно ушедших времен.

Таким образом, Кубанское казачье войско, распространяя сферу своего влияния и указывая на свое историческое «предназначение», еще раз подтверждает основной идеологический и политико-нравственный рудимент (лат. *rudimentum* зачаток, пережиток исчезнувшего явления) времен Русско -Кавказской войны, заявляя, что на протяжении столетий «ради утверждения державности и православия в пределах пребывания

Кубанского казачества», существует и сегодня эта военизированная организация на особом положении. Еще раз считаю необходимым повторить: «Специфическая политико-идеологическая взаимосвязь православия и казачества – один из источников этноконфронтации в регионе.. Более того, образование Майкопской и Армавирской епархии с центром в г. Майкопе (Позже разъединили – Х. Т.), наряду с давно существующим Майкопским казачьим отделом Кубанского казачьего войска, чьи административно-территориальные границы выходят за пределы суверенной республики Адыгея, способствует поощрению части казаков и русскоязычного населения в их давних требованиях о передаче районов с преобладающим русским населением под юрисдикцию Краснодарского края. Религиозный и казачий факторы смыкаются» (См. Х. И. Тугуз. Региональная этнополитика: Парадигмы потенциальных конфронтаций. Политические процессы в условиях современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 6-7 июня 1998 г. Краснодар, 1999, с. 36).

Следует остановиться на примерах, которые сегодня казачество использует по проблемам военно-патриотического воспитания, на материалах русско-черкесской войны.

1. Гречишкинские поминовения. 14 сентября 1829 г. получив приказ командира полка на разведку, Гречишкин, утром следующего дня с сорока двумя казаками выступил в поход. Переправились через Кубань, направились на юг, в степь. Встреча с горским отрядом. Тяжелый бой. Казаки все погибли. Похоронили их в братских могилах: 37 человек в станице Казанской и 18 человек в Тифлисской. С 1990 г. проводятся ежегодные Гречишкинские поминовения. (с.94). Этот военный эпизод в наши дни используется как материал в воспитании патриотизма у казаков, особенно, у молодежи и школьников, под знаком защиты родной Кубани «от врагов горцев- черкесов».

2. «Тиховские поминовения». Источники: ИТАР-ТАСС/Православие.Ru. «192 года назад около 4000 горцев с территории Турции совершили разбойное нападение на казачью землю, сказал, открывая молебен, атаман Кубанского казачьего войска, генерал Владимир Громов. На их пути встали полторы сотни кубанских казаков из Ольгинского кордона при одной пушке, во главе с полковником Львом Тиховским. Казаки все погибли, не отступив ни на шаг, сорвав разбойничье планы непрошенных гостей». Краснодар, 19 мая 2002 г. ЮГА.ру. 22 мая 2003 г. « С началом возрождения казачества были возрождены и эти Тиховские поминовения. В этот раз на них присутствовало более полутора тысяч казаков и других жителей Кубани. Настоятель храма Славянска-на-Кубани отец Никита совершил молебен. Казаки возложили на могилу венки. На широком поле перед захоронением были построены казачьи сотни. Советник Президента Российской Федерации по делам казачества генерал-полковник Г. Трошев в своем выступлении высоко оценил традицию поминовения, *назвав ее основой патриотического воспитания.* Атаман В. Громов призвал изучать историю, почитать подвиги предков».

Еще один самый свежий документ. Шустенков А. И., заместитель Председателя Законодательного Собрания Краснодарского края на митинге 18 мая 2004 года г., заявил: «Только в России могло появиться такое яркое, духовно мощное явление, как казачество. В решающей степени ему Россия обязана своими необъятными просторами. **Казачество не завоевывало, не опустошало новые земли, а заселяло и осваивало их. Казачество не грабило, не жило за счет местного населения, а трудилось вместе с ним. Там, куда приходил казак, он вращал в землю, и эта земля навек становилась российской. Не было в истории Российской империи сословия, более преданного своему Отечеству, своему народу и данной раз навсегда**

присяге. Ярким примером духовной чистоты казачества, стойкости и верности долгу явились события почти двухсотлетней давности. 148 сынов Кубани, казаков-пограничников, под командованием полковника Тиховского **преградили путь почти четырем тысячам горцев, совершившим разбойное нападение с территории Турции (?) на станицу Ивановскую. Неувядаемой славой покрыли себя наши деды, доблестные сыны Кубани. В неравном бою с жестоким и коварным врагом и сам полковник и полторы сотни его казаков погибли. В бессильной злобе, страхе и ужасе черкесы спалили все, все Ольгинское укрепление, но защитники кубанских земель и царского престола не сдались».** Такова позиция представителя Законодательного собрания края. Но, прямо скажем, ода казачеству слишком натянута, а точнее – фальсифицирована. А что же было на самом деле?

Щербина А. Ф. Документальное описание события: «В 9 часов утра 18 января (1810 г. – Х. Т.) возле Ольгинского кордона разъездом казаков была обнаружена переправа черкесов по льду через Кубань. Партия была многочисленная и имела два красных и два белых знамени. Начальник разъезда хорунжий Жировой немедленно дал знать об этом полковнику Тиховскому в Ольгинский кордон. В это время переправилось через Кубань до 3.000 чел., а черкесская пехота продолжала еще переправляться. Часть черкесской конницы бросилась на грабеж к курениям Стеблиевскому и Ивановскому, а часть заняла дорогу на Славянский кордон и отрезала все сообщения с кордоном Ольгинским. Общее количество неприятеля было до 4000 чел. Тиховский с 200 казаков и с трехфунтовой пушкой вышел из кордона, спешил казаков, отослал лошадей обратно в кордон, а сам с отрядом пошел к Кубани и завязал бой с многочисленным неприятелем... И казаки смело вступали в борьбу. Пушка давала им несомненное преимущество. Первыми картечными выстрелами из нее были поражены

целые ряды неприятеля. Черкесы пришли в замешательство, но, по принятому обыкновению, старались подобрать трупы убитых. В это время к месту сражения подоспела черкесская пехота. Начавшие отступать горцы снова плотными массами надвинулись на казаков. Но пушка и казачьи ружья не позволяли им вступить в рукопашную борьбу. Казаки не уступали своей позиции и не упустили ни одного момента, чтобы держать в почтительном отдалении многочисленного неприятеля. Черкесы заметались в бессильной злобе, не имея возможности вредить казакам одним ружейным огнем. Так сражение продолжалось целых четыре часа. Это был выдающийся пример борьбы немногих самоотверженных храбрецов с огромной толпой отчаянных горцев. Казалось, малочисленный казачий отряд так и останется до конца господином положения. Но в это время в тылу казачьего отряда показалась огромная толпа черкесской конницы... На беду казаков, именно в это время у них не хватило ни пушечных, ни ружейных зарядов. Когда перестала действовать пушка, черкесы своей массой задавили малочисленный казачий отряд. **Конец этой печальной драмы был короток: весь израненный Тиховский бросился с казаками в ратища, чтобы пробиться через густые ряды неприятеля в кордон, но сам он и большинство его сподвижников полегли под ударами врагов. Убиты были, кроме Тиховского, хорунжий Кривошея, хорунжий Жировой, 4 урядника и 140 казаков. Есаул Гаджанов, 1 урядник и 16 казаков, из которых большинство было раненых, успели уйти с места боя, благодаря наступившей темноте, но многие из них тут же умерли от ран, а 40 человек, также большей частью израненных, были взяты в плен. Пушка была захвачена черкесами. Черкесы праздновали победу, но эта победа дорого стоила им – на месте боя они оставили 500 трупов. И в то время, когда в казачьих селениях раздавался плач в одиночных семьях, сплошные вопли**

слышались по аулам, отдавшим в жертву кровавой борьбы лучшую часть мужского населения»(с.171-172). Как же отнеслось войсковое начальство к этому событию? Щербина тут же продолжает: «Впоследствии казачество несколько раз пыталось увековечить историческим памятником геройский подвиг Тиховского и его сподвижников..., но главнокомандующий войсками не признал возможным чествование казачьих героев памятником «на том основании, что все они были или убиты, или изранены». Разрешено было только поставить на месте битвы каменный столб с надписями». (Там же, с. 172-173). Здесь картина боя показана подробно, и как бы не осознавали участники этого жестокого сражения, кто и во имя чего их свел на поле брани – «на войне как на войне»- погибают и те и другие: и кто с пушками пришел на чужую землю и кто родную страну стрелами и ружьями защищает. **Человеческое достоинство и право поминать погибших. Но вот беда: тех 500 безымянных черкесов, погибших в том жестоком бою, ни казаки, ни адыги, не поминуют – видимо по той же логике тогдашнего командующего царскими войсками, о чем выше написано.**

Известно, что кубанское казачество в основном возникло из пепелища Запорожской Сечи. И как бы, оправдываясь, за это злодеяние, Екатерина II «подарила» черкесское Правобережье Кубани будущим черноморским казакам. И тогда, и в наши дни, казаки так и не разобрались «кто, откуда и зачем пришел». Записав, что Кубань оставалась «местом обитания многих племен и народов», авторы «Родной Кубани», замечают: **«Лишь в конце XVIII века, после вхождения(?) Правобережной Кубани в состав России и переселения сюда казаков, началось формирование современного населения края...».** Хронологически это верно, но, по сути методов формирования края – путем геноцида и очищения от черкесского этнического массива степей,

гор и лесов для колонизаторов, здесь полное умолчание. А вот казачий генерал В. Громов (канд. исторических наук) на Тиховских поминовениях 22 мая 2003 года призывал изучать историю края. Это действительно важно, но в начале нужно ее глубоко исследовать, изучить и научно, т. е. верно, написать. А пока следовало бы, прежде всего, самому атаману хоть чуточку знать историческую карту края, чтобы не путать Турцию с Черкесией. Разница ведь существенная.

Это напоминает один эпизод из современной казачьей жизни. 30-31 марта 1994 год казаки Майкопского отдела, куда входят казаки из соседних районов края, два дня пикетировали и маршировали перед правительственным зданием Республики Адыгея. Представители казачьего отдела были в полной боевой форме, со знаменем, знаменосец, ассистент с саблей, с ногайками. Казаки, выкрикивали лозунги: **«Черкесы! Убирайтесь в свою Турцию, откуда вы пришли к нам на Кубань!»**; «Считаем преждевременным принятие адыгейского языка государственным» (В это время обсуждал этот вопрос ВС РА); **«Требуем роспуска Верховного Совета Адыгеи!»**; «Передать под юрисдикцию края, казачье районы: Майкопский, Гиагинский и Красногвардейский»; **«Столицу Адыгеи в Адыгейск! Майкоп – наш!»** и др. Строй под такт шагов восклицал: «Лю – бо! Лю – бо! Лю – бо!». Особую активность проявляли казаки из края. Они рассуждали по своей логике: «Дед моего деда здесь родился и умер. Мы всегда жили тут. Это черкесы понаехали к нам». Только на второй день казаки немного поостыли после долгих объяснений: «Кто, когда, откуда и зачем пришел?». Благо, 13 лет работы директором средней школы и преподавателем истории в ст. Ново – Дмитриевской Северского района края, не пропали даром, объясняться на казачьем диалекте было не сложно. Казаки ушли, и больше таких демонстраций не устраивали. Но **«Родная Кубань»** вещает сегодня, к сожалению, в том же духе. Следовательно,

актуально ставит задачу казачий атаман Громов, призывая свое казачье войско к необходимости изучения истории края. Только вот жаль тех, кто будет смотреть ее кривое зеркало через **«Родную Кубань»**, развращая этнопсихологию населения пятимиллионного края. Ставка на местный патриотизм в полиэтнической и много конфессиональной Российской Федерации ущербна для дела укрепления общероссийского единства. Теперь же по версии авторов **«Родной Кубани»**, вопреки официальным заявлениям российских императоров, не царские войска и казаки завоевывали Черкесию, а черкесы нападали на их **«родную Кубань»**, да еще **«приходили из Турции»**. По такой логике учащиеся и читатели могут и не различить, кто и за что воевал в 1943 году на **«Голубой линии»**? В то время мы защищали и освобождали от фашистов нашу общую советскую землю – подлинно Родную Кубань. Как же так поверхностно подошли авторы к трагическому историческому материалу, посвященному теперь уже нашей общей родной Кубани?

В многонациональной стране, регионе, республике и крае важно придерживаться этнополитической аксиомы – только объективная информация по истории народов может быть основой их политической консолидации. Автор этих строк, адыгеец, выражает особую обеспокоенность в связи с безмерной фальсификацией истории казачества и края, как историк и как инвалид ВОВ, как участник обороны Кубани в 1942 г. и освобождения в 1943 г., когда был тяжело ранен 27 мая при выполнении важного задания командования группой разведчиков-добровольцев на «Голубой линии». Как раз в Русско-черкесскую войну на этой территории происходили памятные стычки между черкесами и казаками: у Ольгинского кордона в 9 часов утра 18 января 1810 г. – Тиховские поминовения и в ночь на 4 сентября 1862 года пост у речки Неберджай – Липкинские

поминовения. Объективная оценка итогов Русско-кавказской войны, как государственного этногеноцида русского царизма остается актуальной.

Напомним, что. **Ф. А. Щербина** об итогах войны писал: «Казачи с честью выполнили свою историческую роль. Они не просто колонизовали, но завоевали и колонизовали Кавказский край. Эта была уже дань казака русскому государству» (Т. 11. с. 836). *Таков итог русско-кавказской войны.*

Таким образом, попытки модифицировать его кроме вреда нам, всем кубанцам, не принесет. Да и само название учебного пособия «**Родная Кубань**» по содержанию охватывает только территориальную юрисдикцию Краснодарского края, оставляя за бортом свой анклав – Республику Адыгея. По Конституции РФ нет субъекта «Кубань», а есть «Краснодарский край», который размещается на географическом пространстве под названием «Кубань», где автохтонно находится историческая Черкессия (Адыгея) со своей главной рекой Пшыз («Князь рек» – Кубань). И об этом не подумали. На обложке книги дается текст гимна Кубанского казачьего войска, где с 1916 года звучит клятва: «**На врага на басурманина/ Мы пойдём на смертный бой**!». Вряд ли можно найти в мире, любого уровня гимн, где бы религиозный мотив так звучал. Характерно, что ключевое слово: «Ты, Кубань, ты наша Родина!», но, что она составная часть России в прошлом и в настоящем даже намека нет. «Казачий вопрос» – не простой вопрос.

Таким образом, ключ к этнической стабильности в сопредельных субъектах кубанского региона Юга России в основном находится в Краснодарском крае, и это налагает особую ответственность на руководство края, на тех, кто печатным или устным словом, при помощи СМИ, настраивают пятимиллионный многонациональный народ на общероссийскую волну. Слова главы

администрации края А. Н. Ткачева, обращенные к школьникам: «эта книга откроет перед вами мир исторического прошлого Кубани – вашей малой родины, которой нельзя не гордиться», к сожалению, не подкреплены правдивым материалом становления края и школьникам дается в основном субъективный «сценарий» авторов учебного пособия. ***И, абсолютно необходимо, чтобы любая книга, написанная на историческом материале, была подлинно исторической книгой.*** Здесь уместно мнение участника Русско-Кавказской войны Льва Толстого, соблюдавшего правило: ***«Когда я пишу историческое, я люблю быть до мельчайших подробностей верным действительности»*** (Л. Н. Толстой. ПСС, т. 73, с.353). И при написании повести «Хаджи-Мурат» только для одного первого наброска он познакомился с сочинениями, в которых насчитывается около пять тысяч страниц. В повести нашли отражение исторические документы, архивные и печатные источники. Необходимо еще добавить, что Толстой многое знал о Хаджи-Мурате, когда в то время он служил в Чечне и сам видел последствия несправедливой войны во всех ее диких проявлениях. Он всем своим существом протестовал: ***«Война? Какое непонятное явление в роде человеческого. Когда рассудок задает себе вопрос: справедливо ли, необходима ли она? Внутренний голос всегда отвечает: «Нет!»*** (Л. Н. Толстой. Кавказские повести. Краснодар. 1983, с. 299).

Авторы пособия пишут: ***«В знании родного края – наша сила и величие родины».*** Эти слова ***Ф. А. Щербины звучат добрым напутствием всем жителям Кубани»*** («Родная Кубань». Ук. соч., с. 126). Верные слова великого историка-летописца русско-черкесской войны и нужно было излагать исторический материал честно, как он это делает, тогда нам не пришлось бы столько извлечений из его работ приводить, чтобы показать резкий отход от принципа историзма и

научности, допущенного при составлении истории края. Автор этих строк работал над архивными материалами по Русско-Кавказской войне, которые использовали Ф. А. Щербина и его помощники в местных и центральных хранилищах, начиная с конца сороковых годов прошлого века, и знает о чем они и не писали, но считает более корректным сослаться на уже ими опубликованные источники, высказывая свое мнение о них.

Необходимость официальной оценки итогов Русско-Кавказской войны ставится давно. Так, 7 февраля 1992 года Верховный Совет Кабардино-Балкарской ССР принял постановление «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны», в которой говорилось: «Давая историческую и политико-правовую оценку Русско-Кавказской войне, Верховный Совет КБ ССР постановляет:

1. Считать массовое истребление адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны и их насильственное выселение с исторической Родины в Османскую империю актом геноцида, тягчайшим преступлением против человечества.

2. Войти с предложением в Верховный Совет Российской Федерации рассмотреть вопрос о признании геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско -Кавказской войны и о предоставлении их зарубежным соотечественникам двойного гражданства.

3. Поручить Президиуму ВС КБ ССР и Совмину КБ ССР разработать программу мероприятий по реабилитации и репатриации зарубежных адыгов(черкесов).

4. Добиваться для зарубежных адыгов(черкесов) через ВС РФ и соответствующие международные организации статуса – «Народа – изгнанника».

К, сожалению, это и другие обращения, до сих пор, не получили своего окончательного разрешения. А ведь еще до появления этого

документа, в Киеве 19 ноября 1990 года, осуждая весьма недвусмысленно российско-имперское наследие, президент РФ Б. Ельцин четко и обоснованно заявлял: **«Россия не стремится стать центром чего-то вроде новой империи... Россия лучше других понимает пагубность такой роли, поскольку именно Россия долгое время играла эту роль. Что это дало ей? Стали русские свободнее? Богаче? Счастливее?.. История научила нас, что народ, который правит другими народами, не может быть счастливым»** (Цит. по кн.: Збигнев Бжезинский. Великая шахматная доска. М. «Международные отношения», 1998, с. 122). Пожалуй, эти суждения наиболее правдивые и верные, сказанные за все его президентство по проблемам геополитики царской России и ее последствий.

Концептуально четко, научно выверено, этнополитический обосновано дал современную оценку последствиям Русско-Кавказской войны почетный профессор АГУ, президент Республики Адыгея, Хазрет Совмен: **«Борьба за свое существование на родной земле явилась самой трагической страницей в многовековой истории адыгского(черкесского) народа, жившего на протяжении столетия в состоянии войны, Братоубийственная война стала трагедией и для сотен тысяч солдат царской армии и казаков. Масштабы национальной катастрофы сопоставимы с судьбой других народов, переживших геноцид, но массовый исход адыгов, абсолютное большинство которого оказалось за пределами своей исторической Родины, практически не имеет аналогов в мировой истории. Сегодня адыги проживают более чем в 50 странах мира, представляя собой вторую по численности, после русской, диаспору этнических россиян. Для них Адыгея и Россия в целом были и остаются маяком надежды на сохранение национальной самобытности, культуры, языка, этноса вообще. Это налагает на всех нас, органы государственной власти**

Республики Адыгея особую ответственность» (Обращение президента Адыгеи Хазрета Совмена в день 140-летия окончания Русско-Кавказской войны 21 мая 2004 года). Верная концепция, обоснованная позиция, толерантно (лат. *tolerantia* терпение = терпимость, снисходительность кому или чему-либо) выражен современный подход, И это правильно. Но, при тех шумных, массовых, патриотических шоу, организуемых Кубанским казачьим войском, в содружестве с православной церковью, межэтнические и межконфессиональные отношения оказываются в ущербном положении для дальнейшего укрепления дружбы и братства между народами в регионе. Необходимо очистить от имперских наслоений прошлого современные межэтнические отношения и установить подлинно братское сотрудничество народов в регионе и в рамках Российской Федерации. **Никогда нельзя забывать об ответственности историка за точное воспроизведение исторического события и объективное его истолкование. Как был прав великий Мигель Сервантес, утверждая, что лживые историки и фальшивомонетчики должны нести одинаковую ответственность перед обществом.**

В целях улучшения этнополитической ситуации в кубанском регионе и преодоления нравственно-политических последствий Русско-Кавказской и русско-черкесской войн, необходимо: 1. Президенту и Правительству Российской Федерации, Кубанскому, Донскому и Терскому казачьим войскам *признать геноцид царизма против горских народов в Русско-Кавказской войне и факт изгнания абсолютного большинства адыгского этноса в Турцию, Малую Азию и на Балканы и его право на международный статус: « Народ-изгнанник»*, с вытекающими из этого понятия правами на добровольное возвращение на историческую родину. Это всего моральный шаг, но он может поставить точку главному источнику спорадических межэтнических

конфронтации между казачеством и горскими народами Северного Кавказа.

2. Образовать, на общественных началах, объединенный научно-методический Совет из числа ведущих адыговедов и краеведов по проблемам издания учебной литературы по истории «Кубани» (Адыгеи и Краснодарского края). Разработать концепцию об основных принципах и исторических реальностях заселения русскими и казачеством Кубани и о методах удаления из этой территории автохтонных аборигенов-адыгов в ходе и после Русско-кавказской войны.

Учитывая ущербность современному делу дальнейшего укрепления традиционной дружбы многонационального края и республики в обще российском ключе, необходимо уточнить в программах военно-патриотического воспитания казачьих классов и кадетских заведений, в которых проводится военно-патриотическое воспитание на анти черкесских мотивах времен русско-черкесской войны. **Ключевым словом патриотического воспитания молодежи и всего населения Кубани, на наш взгляд, должны стать материалы героики Великой Отечественной войны советского народа 1941-1945 гг., в которой проявлялся массовый героизм представителей всех советских народов, объединенных великой идеей совместной защиты многонациональной Родины..**

В заключение статьи считаю необходимым обратиться к честной, правдивой и научно обоснованной оценке Русско-Кавказской войны наиболее известным современным историком Кубанского казачества проф. И. Я. Куценко: *«Соккрытие правды о свирепой расправе царских поработителей над кавказскими народами, несомненно, стало одним из источников межнациональной конфронтации сегодня»* (См. И. Я. Куценко. Ук. соч., с.221). Даже через 140 лет после окончания Русско-Кавказской войны ее трагические последствия постоянно продолжают

напоминать о себе. И давно пора их преодолеть, чтобы новые поколения знали о прошлом, как информацию к размышлению, и строили межэтнические отношения на основе выстраданного веками, соединенных общей судьбой народов Российской Федерации, единственно верного постулата: «Все народы: близнецы и братья!».

Антропогенные ландшафты Северо-Западного Кавказа после окончания Кавказской войны

В настоящее время, время активного развития многих направлений классических географических исследований, новый импульс получает этнокультурное ландшафтоведение, основанное на междисциплинарных исследованиях все обостряющихся проблем взаимодействия природы и общества и гуманизации географического знания. В результате таких исследований антропогенный ландшафт рассматривается не столько как сложная система базовых компонентов ландшафта, измененных в какой-то степени человеком или его деятельностью, сколько как единое целостное, которое образуют духовная культура, местное сообщество, местное хозяйство, селенческая подсистема, местная языковая подсистема и природный ландшафт. Такой предмет исследования следует называть скорее не антропогенным, а культурным ландшафтом.¹

Проблема устойчивости культурного традиционного ландшафта в свете его исторического развития очень актуальна, и напрямую связана с наиболее главным его компонентом – этносом, как носителем культуры. Зачастую кризисы природопользования следует искать в предшествовавших ему изменениях культуры, несущей на себе основные информационные функции территории.

Война и милитаризация являются одним из наиболее распространенных и значительных факторов изменения ландшафтов. Так, Кавказская война стала фактором, в корне изменившим характер природопользования, ресурсоемкость, соотношение элементов в биоценозе и облик Северо-Западного Кавказа. К её началу на

рассматриваемой территории сложился определенный антропогенный ландшафт, имевший 3-х тысячелетний опыт взаимодействия общества и природы, и отличавшийся устойчивостью и налаженностью связей между всеми компонентами ландшафта.

Аборигенное население Северо-западного Кавказа – адыги. В их культуре были заложены такие модели поведения, следование которым давало возможность ведения хозяйства способом, наиболее рациональным для имеющихся географических и климатических условий, так как целью довоенного природопользования было оптимальное удовлетворение естественных потребностей человека на основе доступных, возобновимых ресурсов. Хозяйственная культура адыгов, основываясь на ярко выраженной зональности в Западно-Кавказском регионе и высотной поясности, с достаточно выраженными вертикальными географическими поясами, учитывала характер рельефа, крутизну склонов и многие другие атрибуты горного ландшафта, такие как развитие скелетных почв, опасность их смыва, отсюда и необходимость террасирования и другие. Опасность оскудения ресурсов подавлялась биоценотическим регулированием плотности населения, а также накапливающейся с веками мудрости племен. Поведенческие модели природопользования передавались из поколения в поколение в процессе социализации. Наблюдения, практический опыт помогли накопить определенные знания о природных особенностях края, которые обычно освещались религиозными верованиями.

Военная угроза породила новую потребность в наступательной и оборонной мощи. В отличие от естественных эта потребность не имеет границ. Поэтому военное природопользование в течении всей Кавказской войны, которая по утверждению некоторых авторов длилась более полувека, не могло не стать ресурсоопустошающим.

Большие потери понес растительный мир, как базовый компонент ландшафта. Продвижение русских войск сопровождалось нещадной рубкой леса, прокладыванием дорог, строительством укреплений. Широкие масштабы колонизации требовали значительного количества леса, как для строительства, так и для торговли. Ко второму этапу колонизации строевого леса на правом берегу Кубани практически не было, и уже в 1914 г. исследователь Кубани С.А.Яковлев считал, что современная граница лесов отброшена к югу на 50-60 км, о чем свидетельствуют находки многих лесных форм в условиях «степной равнины».

Если лес уже сведен, то проблема заключается в разработке методов устойчивого сельского хозяйства на расчищенных от леса участках. После вырубки лесов почвы теряют значительное количество биогенных питательных веществ, становятся менее плодородными, подвержены неблагоприятному воздействию солнечных лучей и дождей. Детально изучив хозяйственную деятельность адыгов, известный агроном И.Клиген пришел к выводу, что за всю свою историю «народ этот имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор культур»². У черкесов были свои агрокультурные мероприятия, позволявшие соблюдать равновесные отношения с биопродуктивностью ландшафта: лесонасаждения, берегоукрепительные живые изгороди, водосточные каналы, искусственное террасирование, особая система севооборота, при которой 5 лет участок использовался под зерновые культуры, а затем 15 лет под пастбище.

Еще одним последствием бесконтрольной рубки леса стало похолодание климата. Причиной этого, по мнению Н.Киртоки было то, что «... леса очевидно сдерживали напор северных холодных ветров, с истреблением же их для этих ветров открылась широкая дорога, и

климат изменился к худшему. Эта перемена климата вредно отозвалась не только на садоводстве, но и на других отраслях сельского хозяйства: огородничестве, пчеловодстве и, даже, хлебопашестве»³.

Нужно также отметить, что произошел подрыв генофонда не только лесной, но и культурной сельскохозяйственной флоры. Русские поселенцы не сразу оценили необходимость и важность иметь местный семенной фонд. Семена, используемые горцами, отличались от семян степных районов России необыкновенной мелкостью и скороспелостью, устойчивостью к местным неблагоприятным условиям. После исхода адыгов семенной фонд был утрачен.

Кавказская война не могла не распространиться и на природу. Если не свою, то ничью, а особенно чужую природу можно было покорять или даже убивать. Реализация этих принципов привела к тому, что Россия после окончания Кавказской войны получила опустевший, безлюдный край. Особенностью колонизации было вытеснение коренного населения, массовый исход адыгов в Турцию, утрата трудового ресурса, имеющего богатый опыт природопользования, глубоко адаптированного к среде обитания, с жизненными ценностями и миропониманием, исключая экспансионизм и потребительство по отношению к природе. Оставшиеся на родине адыги были поселены в местах заболоченных долин крупных рек, которые издревле населены не были. Это вызвало резкое снижение численности оставшегося населения и скорую депопуляцию этноса. Материалы исследований, которые проводились после Кавказской войны учеными Русского Географического общества позволили сделать вывод, что у проживавших на этой территории черкесов была высокая культура земледелия, и физическая и хозяйственная адаптация степного населения, переселенного на горные территории, будет очень сложна. «Горные хозяйства не могут быть обработаны ни степным плугом, ни

степною скотиною. Для хозяйственной акклиматизации степняков в горной местности нужно, по крайней мере два поколения»⁴. Даже добронамеренное отношение колонистов к природным ресурсам Кавказа не исключило их порчи, так как у пришельцев не было нужного этнокультурного опыта природопользования. Несоответствие и несбалансированность направлений колониальной политики России, полиэтническое заселение, с доминированием «степных» народов, сделало хозяйственное освоение новых земель на первом этапе практически невозможным. Несмотря на богатый опыт русских в области земледелия он оказался невостребованным в этой географической зоне. Для них, жителей равнинных ландшафтов, освоение горных территорий приняло тяжелую как в физическом, так и в хозяйственном плане форму. Повально распространялась лихорадка, которая истощала не только физические, но и моральные силы.

В свою очередь, экологическая обстановка в регионе приняла катастрофический характер. Состояние тяжелого стресса природной среды выразилось в одичании природных ландшафтов, патологических реакциях флоры и фауны. После вытеснения горцев все окультуренные места: дорожки, поляны, луга, пашни стали затягиваться непроходимым кустарником. На месте лесов образовывались заросли и чащи из разных кустов и вьющихся растений. Их образование нарушало вентиляцию и усиливало влажность, способствуя увеличению малярийных мест.

Таким образом, выведение из формировавшегося культурного ландшафта Северо-Западного Кавказа его системно-образующее составляющее – этнос – привело к его разрушению и деградации. Кавказская война явилась социально-экологической катастрофой региона.

Многие концепции оправдывают последствия войн или смягчают их отрицательные оценки. Однако ни одно военное вмешательство не

пройдет бесследно для территории. Помимо прямых существует еще множество косвенных проявлений войн, отражающиеся на всей дальнейшей эволюции системы природопользования. Реальная оценка последствий военных конфликтов позволяет в наименьшие сроки и с наименьшими потерями восстановить оптимальную для данной территории схему природопользования, и единственным верным направлением в такой работе является способствование созданию и укреплению на территории сложной системы единого культурного ландшафта, включая все его структурные компоненты: духовную культуру, местное сообщество, местное хозяйство, селенческую подсистему, местную языковую подсистему и природный ландшафт.

Примечания:

- ¹ Исаченко А.Г. О двух трактовках понятия «культурный ландшафт». Изв. Русского Географического Общества. 2003, Вып.1.
- ² Тхагапсова Г.Г. Экологические проблемы и последствия миграции российских войск на Северо-Западном Кавказе 1817-1864. // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. Вып. №2. 1999.
- ³ Кавказский вестник практического садоводства. – Тифлис. – 20/ХІІ. – 1999. №3.
- ⁴ Отчет комиссии по исследованию земель на Северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыпью.// Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. №5-6.

Тюльпарова Е.В.

г. Майкоп

Разрушение системы жизнеобеспечения адыгов в последние годы Кавказской войны

После завершения Крымской войны в 1856 г. наступила заключительная стадия Кавказской войны. Российская империя получила после Парижского мирного конгресса прекрасную возможность сконцентрировать свой военный потенциал на Северном Кавказе, где основными театрами военных действий, как и до Крымской войны являлись Чечня и Дагестан, объединенные под руководством Шамиля, и Западная Черкесия, на территории которой были две крупные военно-политические группировки – одна с центром в Шапсугии во главе с Сефербеем Заноко и вторая в Абадзехии во главе с Мухаммедом Амином. В 1859 г. левый фланг северокавказского сопротивления рухнул в связи с поражением войск имама Шамиля и его капитуляцией в Гунибе. После этого наступило непродолжительное затишье: военное руководство империи, во главе с царем Александром II решало, как поступить с Черкесией. С одной стороны, оно преисполнено решимости сломить сопротивление адыгов и аннексировать их страну, а с другой стороны, было не совсем ясно как добиться этой цели. Коренное отличие Черкесии от Дагестана сводилось к следующим обстоятельствам:

1) здесь не было единой государственной структуры, организующей сопротивление, сокрушив которую можно было бы надеяться на быстрый успех;

2) Черкесия была морской страной, 300-километровое побережье которой впитывало военные грузы, закупавшиеся адыгами в Турции, либо направляемые им турками, поляками, англичанами;

3) Черкесия была не просто горной страной – ее горы были почти сплошь покрыты густыми лесами так же, как и вся закубанская равнина, что позволяло вести более успешную партизанскую войну. Позиции, завоеванные Россией на побережье в ходе многолетней войны с 1830-го по 1853 гг. были полностью утеряны в начале Крымской кампании, когда царские войска были вынуждены оставить форты, повредив орудия, и эвакуироваться в Крым и Грузию. Но самое главное – по условиям Парижского договора Черное море объявлялось нейтральным и Россия не имела права заново отстраивать Черноморский военный флот, загубленный в Севастополе. Именно флот в 30-е годы позволил возвести форты на черкесском берегу и держать Черкесию в жесткой блокаде. Теперь же, после 1856 г., Россия была лишена этого мощнейшего инструмента ведения войны против Западной Черкесии и могла компенсировать его отсутствие за счет наращивания сухопутной группировки, что априори означало много большие потери в войсках. Еще один серьезный фактор, отличавший войну в Черкесии от войны в Дагестане – это самодостаточность продовольственной базы адыгской страны. Кроме соли, ландшафт Западной Черкесии давал абсолютно все необходимое для поддержания продовольственной независимости, а значит, адыги могли вести войну в тех масштабах, в каких она велась в 30–50-е годы, еще сколь угодно долго. Но Россия не могла себе позволить этого, т.к. ее международное положение в любой момент могло привести к новой большой войне с Турцией, а то и с коалицией Запада. Вот почему тревога звучит в аналитической записке на имя военного министра империи Д.А. Милютин (январь 1863 г.): «...волнения в Польше поставили Россию одну против всей Европы, и предвидится опять возможность появления союзных флотов в Черном море. В таком положении благоразумие советует закрыть внутренние раны... завершить наискорейшее покорение Кавказа... Начиная с 1856 г.

система войны совершенно изменилась на Кавказе. Прежние порывистые экспедиции в горы заменены медленными, но верными действиями... эта система яснее обозначилась на новом театре войны бывшего правого фланга. Но здесь проявились в полной их силе и все ее невыгоды. По мере того как войска наши удаляются от первоначальных точек исхода, приходится создавать в горах новые прочные базисы, на которые можно было бы им опираться для продолжения поступательных действий; и так как пространство, занимаемое непокоренными племенами, значительно и оно перерезано очень неудачным для нас расположением линий гор и вод относительно Кубани и морского берега, придется разрезать его по разным направлениям густыми казачьими линиями, на что потребуется большое количество людей, много времени и денег; мы находимся в самой критической эпохе деятельности нашей на Кавказе. К несчастью же, эти критические обстоятельства усложняются положением в внешней нашей политики, т.е. всеобщим раздражением, возбужденным против нас в Европе польскими делами, которого следствия отразятся неминуемо на Кавказе. Покровительство, оказываемое черкесам англичанами и польскими эмигрантами в Константинополе, делается все деятельнее и смелее, сношения их с восточным берегом Черного моря все чаще и опаснее; так что нынешние действия наши против племен Западного Кавказа можно сравнить с осадой открытой крепости, которая подкрепляется англичанами, турками и разноплеменным войском эмиграции и революционной партии...

В продолжение трех последних лет, т.е. с тех пор, как покорение Дагестана дало возможность стянуть войска на Кубанскую линию, мы заняли всю плоскость от Кубани до подошвы гор и передние уступы их. Остается занять теперь все горное пространство от верховьев Белой до моря, что и составляет самую трудную долю работы. Абадзехи потеряли

около $\frac{1}{5}$ части своей земли, шапсуги – около $\frac{1}{3}$; земля же убыхов еще цела; но здесь дело не в пространстве, а в качествах местности, в трудностях горной войны, к коей мы только что приступаем в незнакомой нам стране, в которой столпилось все население, вытесненное с плоскости в горы,... По словам Лапинского, численность племени адыге простирается до 800000 человек и может выставить до 80000 свободных воинов, из которых 30000 всадников. По уверениям Мухамед Амина, который отлично знаком с Западным Кавказом и который если ошибается, то ошибается умышленно, численность абадзехов (160000), шапсугов (140000) и убыхов (60000) простирается вместе до 360000 мужчин, считая в том числе и невольников, которые у абадзехов и у убыхов составляют $\frac{2}{3}$ численности племен, а у шапсугов несколько меньше; что и дает более 120 000 свободных воинов, не считая невольников.

Между этими двумя цифрами средняя 100000, или даже наименьшая 80000, представляет еще весьма значительное войско, которое может легко собраться против нас, если распространится убеждение, что настала для каждого горца критическая минута, когда нужно победить или умереть. Этому войску дайте отважного начальника, который завел бы в нем некоторый порядок, некоторую совокупность в действиях; если этот начальник поймет, что, опираясь на горы, самая лучшая система обороны для черкесов состоит в наступлении, если перейдет смело в атаку одновременно на несколько пунктов наших новых линий, то все результаты трехлетнего успеха и трудов наших подвергнутся большой опасности. Станицы наши, способные отразить напор хищнической партии не могут устоять против стремительной атаки значительного скопища, чему было уже в прошлом году несколько несчастных примеров; и если черкесы успеют уничтожить часть некрепко связанных еще между собою наших

передовых линий, если успеют сбросить нас с гор на плоскость, то уничтожится моральное действие нашей системы – и пройдет много времени, пока нам можно будет новыми пожертвованиями и усилиями возвратить себе перевес»¹. Этот крайне важный документ, насколько мы знаем, еще не использовался в российском кавказоведении. Адресат аналитической записки, военный министр Милютин, внимательно ознакомился с текстом – это видно из его замечаний на полях рукописи. В ряде случаев он дополняет Франкини, соглашаясь с ним, а иногда полемизирует... Но весь важнейший процитированный нами отрывок идет без единого замечания! Известный своей осторожностью и аналитическим умом министр, по всей видимости, разделял опасения Франкини. Сам факт появления этого доклада-предостережения за 17 месяцев до окончания Кавказской войны говорит о многом. Он отражает реальный ход войны в Черкесии: силу сопротивления горцев и те ресурсы, которыми они располагали, а также те огромные трудности и жертвы, на которые пошла Россия ради захвата этой стратегически важной страны. И, самое главное, документ отражает тревожные настроения и даже сомнения по поводу успешного завершения войны в Черкесии в среде высшего российского руководства: «...образ действий становится не только затруднительным, но даже и опасным...; нам, может быть, придется отказаться надолго от надежды достигнуть своей цели»².

Устойчивость адыгской системы жизнеобеспечения, с одной стороны, и бескомпромиссный характер адыгского сопротивления, с другой, породили в умах царских генералов и сановников весьма схожие способы того, как можно решить черкесский вопрос. В журналах военных действий, предписаниях, предположениях, приказах, отчетах, аналитических записках красной нитью проводится мысль об неотложной необходимости полного изгнания аборигенов из горной

полосы – это по меньшей мере, либо полнейшего изгнания со всей территории Северо-Западного Кавказа. А в качестве одного из основных средств предлагается тотальное уничтожение посевов, запасов продовольствия, жилищ, домашнего скота, садов, запасов фуража и всего прочего. В феврале 1857 года генерал-майор Вольф рекомендовал перенести кордонную линию с р. Лабы на р. Белую, дабы стеснить абадзехов, а на западе подвинуться к р. Адагум: «С довершением этих предприятий Закубанский край примет совершенно иной вид; стоит только взглянуть на карту, чтобы убедиться, какого огромного количества лучших и плодородных земель лишатся непокорные племена... они могут найти убежище только в лесах Прикубанской равнины, которая не может прокормить столь значительное население; поэтому можно надеяться, что большая часть вынуждена будет покориться, а восстание остальных будет так ослаблено и ограничено в таких размерах, что дальнейшие действия против этих обществ не потребуют чрезвычайных и усиленных средств...»³.

Барон Г.И. Филипсон, в чине генерал-лейтенанта командовавший группировкой войск, действовавшей против Черкесии, известен как единственный российский генерал, открыто возражавший против плана А.И. Барятинского-Н.И. Евдокимова, поддержанного Александром II, о поголовном выселении западных адыгов в Турцию⁴. Но и у Филипсона в его «Предположениях...» звучит идея создания продовольственного кризиса в среде непокорных адыгов: «Главное средство для изгнания непокорных племен из вышеобозначенной нагорной полосы (между р. Белая и р. Лаба), без сомнения, заключается в лишении горцев насущных потребностей жизни, отнятием от них пространств, удобных для хлебопашества и скотоводства, ибо одних крепких мест для жизни недостаточно. Просеки, сделанные в прошлом году Майкопским и Лабинским отрядами с северной стороны полосы лесов, тянущиеся от

Майкопа по направлению к Лабинской станице, без сомнения, сделали нам доступными многие поляны, на которых горцы имели свое хозяйство, но ближайшее знакомство с краем показало, что многочисленные поляны находятся в самой полосе лесов и, наконец, за лесами к югу, по направлению к Черным горам, откуда многочисленное туземное население получает источники для своего существования. Завладеть этими полянами, не давать горцам ни сеять, ни жать, ни косить, значит решить ту задачу, которая указана г-м Главнокомандующим (т.е. фельдмаршалом, князем А.И. Барятинским)»⁵.

Далее в «Предположениях...» Филипсона: «..., опираясь на этот пункт (предполагаемый форт в урочище Хамкеты), начать наступательные действия против горцев, прорубая просеки, истребляя их аулы и запасы,...»⁶. При этом значительную часть военных операций Филипсон рекомендует осуществить в осенне-зимний период, чтобы население буквально осталось на снегу без всяких средств к существованию. В начале своей докладной записки генерал констатирует эффект от «опустошительной осенней экспедиции прошлого (1858) года», которая «поставила натухайцев в бедственное положение»; и здесь же предполагает провести в Натухае усиленную зимнюю экспедицию.

Филипсона на его посту сменил Н.И. Евдокимов, известный своим свирепым отношением к адыгам и тем, что их массовая депортация в Турцию была осуществлена под его руководством. В письме от 14 октября 1861 г. он рекомендует начальнику Натухайского округа П.Д. Бабичу «истребить аулы неповинующихся и поселить в болота аулы покоренных»⁷. При подобных методах ведения войны командование большое внимание уделяло наличию и исправности таких орудий «труда» (в условиях Черкесии – разрушения), как лопаты, кирки, топоры: в одном только Крымском полку в составе Адагумского отряда

имелось 1500 топоров⁸. Остается только предполагать, сколько садов, лесо-садов и лесо-хлебных участков полегло под ударами этих топоров. Все военные отчеты, приказы и мемуары участников этих походов пестрят сообщениями о рубке просек в 300–500 м. шириной под дороги, значительно большие пространства уничтожали для устройства военных поселений и тут же водворявшихся станиц. Так, в течении зимы 1861–1862 гг. только в Натухайском округе были разработаны дороги и приготовлены к заселению 11 станиц⁹.

В экспедициях 1860–1862 гг., нацеленных на занятие кубанской равнины и на то, чтобы закрепиться в нижнем поясе гор северного склона, царские войска даже не стремились к каким-то военным триумфам. Сообщения этого периода представляют собой более или менее подробное перечисление, местами переходящее в повествование, того, что удалось уничтожить – селения, хозяйственные постройки, покосы, склады товаров, запасы хлеба и фуража. И перед нами предстает действительно богатая, в сельскохозяйственном отношении процветающая страна. И это не только наше представление: русские офицеры и генералы считали адыгов богатым народом (видимо сравнивая их со своими крепостными крестьянами).

Стремление разорить адыгов, нанести их хозяйству максимальный урон превосходно демонстрирует рапорт начальника Шебского отряда полковника Левашова от 30 декабря 1862 г.: «более чем на версту *богатый* аул Недюко-Хабль, имевший более 500 домов и огромные запасы сена и хлеба, даже лавки с турецкими товарами... Горцы, видя уничтожение десятками лет нажитого ими достояния, защищали аул с отчаянием... левая цепь, следуя по лесу, захватила аул Шетоутако и так же зажгла его... Таким образом, со стороны Григорьевского укрепления сделан к абадзехам первый шаг и, судя по местности и многочисленному населению весьма удачный, истреблены

два богатых аула, более 600 домов со всем имуществом и запасами хлеба и сена, смело можно сказать, огромными, захвачено 120 штук разного скота,...»¹⁰. Таковы победные репортажи этой войны и этого периода.

В целом ряде документов отражено уже совершенно иррациональное стремление к уничтожению хозяйств и жилищ горцев, которые уже покинули их. 25-м мая 1862 г. датировано предписание начальника штаба войск Кубанской области об уничтожении аулов, оставленных баракаевцами и баговцами: «...собрать из резерва... несколько сотен и, пройдя с ними по землям названных племен, сжечь все оставленные аулы баговцев, баракаевцев и шахгиреевцев и аул Салимана Бзегеусова; аул же Мазакова его сиятельство приказал *не трогать до времени(!)*, так как он находится недалеко от места расположения наших отрядов близ укрепления Хамкеты»¹¹. И, напротив, иногда звучат нотки рачительности. «Покорнейше прошу принять самые действенные меры, – писал Евдокимов начальнику Майкопского укрепления 3 мая 1862 г., – чтобы способствовать скорейшей распродаже имущества темиргоевцев, чтобы они *даром не истребляли наших трав,...*»¹². Вот так – темиргоевцы еще не успели покинуть свои вековые земли, а трава на них уже им не принадлежала!

Поставленные в невыносимые условия, так как царское командование требовало немедленного оставления аулов и выдвижения к портам для отправки в Турцию, различные группы адыгского населения обращались с просьбами о временной отсрочке, чтобы успеть убрать урожай, распродать хоть по самой низкой цене имущество и скот, и уже с деньгами двинуться в изгнание. Но крайне немногим это удалось. Обращает на себя внимание издевательский стиль переписки военных начальников по этим прошениям. В ответе Евдокимова (31 мая 1862 г.): «...на будущее время от баракаевцев подобных неосновательных просьб не принимать и объявить им, что они должны

продать имущество и отправиться к назначенному сроку в Турцию и что с теми, которые не исполнят сего до истечения срока, будет поступлено как с неприятелем»¹³. Подобные сроки обычно не превышали одного месяца и сделать что-либо, кроме как переправить коней и скот на правобережье Кубани и за абсолютные гроши отдать казакам, войсковым интендантам или черкесо-гаям, было невозможно. Все и так знали, что адыги не смогут увезти свое добро. А рынок Кубани был еще столь не развит, что даже в мирное время не смог бы освоить по нормальной цене и малую толику богатств адыгской страны. В рапорте начальника Нижне-Абадзехского отряда полковника Горшкова командующему генерал-адъютанту Евдокимову так и говорится о готовности темиргоевцев дать заложников своего обещания двинуться в Турцию: «...сколько можно было узнать, они рассчитывают оттянуть только время до осени, обеспечив себя как-нибудь на зиму продовольствием»¹⁴. 20 апреля 1863 г. последовало распоряжение начальника Натухайского округа генерал-майора Бабича о запрещении натухайцам до их ухода в Турцию заниматься хлебопашеством на землях округа¹⁵.

Очевидец этого этапа войны в Черкесии М.И. Венюков дал точную объективную картину «добровольного выселения адыгов в Турцию» (расхожий тезис официальной царской и советской историографии): «Война шла с неумолимою, беспощадною суровостью. Мы продвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и, очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы сотнями, едва лишь сходил снег, но прежде чем деревья одевались зеленью (в феврале и марте); посевы вытравливались конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда

отправляли к берегу Черного моря и далее в Турцию. Сколько раз приходилось в опустевших при нашем приближении хижинах заставить на столе теплую пищу с воткнутой в нее ложкою, починявшуюся одежду с невыдернутой иголкою, какие-нибудь детские игрушки в том виде, как они были разложены на полу около ребенка. Иногда, к чести, впрочем, наших солдат, очень редко совершались жестокости, доходившие до зверства. Жестокости эти были тем возмутительнее, что были совершенно не в духе доблестных русских солдат, обыкновенно столь добродушных... Таков был характер войны. Целые племена, как бесленеевцы, были выселены облавою в течение одного-двух дней. Аулы баракаевцев, абадзехов на Фюнтфе и Фарсе горели три дня, наполняя воздух гарью верст на тридцать, когда в феврале 1862 г. начались движения наши для изгнания этих горцев...»¹⁶.

М.И. Венюков при этом является далеко не единственным автором, написавшем правду об изгнании адыгов в Турцию и о тех методах, которыми это было осуществлено. В последние годы издано большое число архивных документов, содержание которых совершенно недвусмысленно говорит нам о том, что адыги Северо-Западного Кавказа не имели выбора – оставаться или выселяться – выбор был сделан за них высшим руководством Российской империи. «Его императорское величество – сообщается в «Отношении..» начальника главного штаба Кавказской армии Карцова командующему войсками Кубанской области Евдокимову от 26 ноября 1863 г. – признает совершенно необходимым довести границу русских поселений по берегу до реки Бзыбь, ибо в противном случае и небольшая часть горцев, оставшихся на берегу на каких бы то ни было условиях, будет в случае внешних войн составлять приманку для наших неприятелей. Для того чтобы облегчить и ускорить достижение этой конечной цели войны его высочество полагает провести будущей весною, если внешняя война не

помешает, десантную экспедицию в ту часть Убыхской земли, которая еще не будет очищена войсками, вверенными Вашему сиятельству»¹⁷. По сути, перед нами документ, означающий, что идея депортации адыгов в Турцию, если и не исходила, то полностью разделялась Александром II. Брат царя великий князь Михаил Николаевич в этот период занимал пост командующего Кавказской армией, что само по себе говорит о том значении, которое придавалось скорейшему и окончательному решению черкесского вопроса. 10 декабря 1863 г. великий князь отписывал военному министру Милютину: «Окончательное умиротворение Западного Кавказа должно совершиться водворением русского населения на восточный берег Черного моря. Исполнение этой важной государственной меры предвидится в близком будущем. Казачьи станицы наши заняли пространство от устья Кубани до Цемесской бухты; береговая полоса уже очищена до устья реки Джубги, к предстоящей весне и на остальном пространстве определенным для казачьего населения высочайше утвержденным положением о заселении Западного Кавказа *не должно остаться горского населения*; если внешние события не помешают моим предположениям, то в течение будущего лета *я надеюсь очистить берег и далее той черты, которая назначена в положении*, может быть даже до реки Бзыби»¹⁸. После жестоких военных операций зимы 1863–64 гг. 4 марта 1864 г. великий князь рапортует военному министру: «Прошу Ваше превосходительство доложить его императорскому величеству, что задача, возложенная на Кавказскую армию высочайше утвержденным положением о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта, исполнена. *Все пространство северного склона к западу от р. Лабы и южный склон от устьев Кубани до бывшего укр. Вельяминовского очищены от неприязненного нам населения*». Почта шла 10 дней: 14 марта Александр II начертал на докладе своего брата:

«Слава богу»¹⁹. А очевидец последних лет войны в Черкесии И. Дроздов написал: «Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество»²⁰. М.И. Венюков отметил основной метод ведения войны в Черкесии, применявшийся в 1861–1864 гг. – это этнические чистки. Население только что занятых территорий под конвоем выдворялось на южный склон, где находясь в специально устроенных лагерях дожидалось под открытым небом возможности погрузиться на какое-нибудь судно. В 1861–63 гг., когда южный склон еще контролировался адыгами, их соплеменники с Северного Кавказа просто изгонялись, выдавливались с занятых русской армией участков территории, и им было некуда деваться, кроме как скапливаться в приморских долинах. Огромное число военных донесений говорит о том, что адыги старались любыми способами остаться на своих пепелищах, прятались годами от поисковых команд, но их все равно отлавливали и препровождали в черноморские гавани. Таким образом, этнические чистки предпринимались еще и еще раз на занятых землях, чтобы всех до единого отправить в Турцию. О повторных чистках много пишет в своем сводном отчете главный исполнитель царского плана аннексии адыгских земель Северо-Западного Кавказа командующий войсками Кубанской области граф Евдокимов²¹. «С 15-го по 19-е сентября (1863 г.), – пишет граф, – отдельные колонны исходили все местности по обе стороны главного хребта, от Адагумской линии до Абина и Геленджика, куда в течение весны *возвратилось значительное число туземцев*, уничтожили все найденные запасы и постройку, и в видах *окончательного изгнания последних горцев* произвели движение по разным направлениям». В другом месте читаем: «...последние рекогносцировки показали также, что *остатки туземцев укрывались еще в лесных ущельях*, между Пшехою и Пшишем, почему с половины сентября как Пшехский, так и Даховский отряды открыли совокупные действия для изгнания этих

туземцев». Верхним абадзехам на оставление своих поселений и уход на побережье, где их уже ждали пароходы еврейских судовладельцев из Керчи и Одессы, нанятые царским командованием, было дано 7 дней. По истечении срока Пшихский, Джубгский и Даховский отряды выступили в горы, «чтобы осмотреть каждому отряду свои районы, действительно ли все выселились, а если бы нашлись некоторые аулы еще занятые Абадзехами, то такие аулы немедленно выселить»²². Специальные поиски тех, кто прятался в горах, проводились и после парада на Красной поляне 21 мая 1864 г., знаменовавшего окончание Кавказской войны. 8 августа 1864 г. начальник штаба войск Кубанской области отдал следующий приказ начальнику Шапсугского округа: «Командующий войсками усмотрев из рапорта Вашего Высокоблагородия Начальника Шапсугского округа, от 24 июля №499, что шапсуги, жившие в верховьях р. Туапсе, удалились с своих мест жительства и в настоящее время в большом количестве скитаются в ущельях, между Ту и Папаем, поручил мне просить Ваше Высокоблагородие совместно с командиром Абинского Конного полка Кубанского казачьего войска, с которым вместе с сим сделано сношение *произвести поиск в окрестностях названной местности для открытия скрывающихся там горцев* и передачи их в распоряжение начальника Натухайского округа для переселения в Турцию»²³.

Участник последних экспедиций полковник Шарапа писал в своих письмах, как на исповеди: «Кавказское войско, очищая заселяемый край от враждебных горцев, снаряжало отдельные команды, чтобы разыскивать скрывавшихся в малодоступных дебрях и трещинах туземцев, нежелавших расставаться со своей землей. *Привязанность их к родине до того была сильна в этом народе*, что они нередко забравшись в какое-нибудь заросшее темное ущелье, там и умирали от холода и голода с винтовкой в руке, чтобы пустить в русского

последнюю пулю за свое изгнание. Живых, истощенных и ободренных, преимущественно женского пола и детей команды забирали и доставляли в ближайшие пункты русских поселений... Для изгнания тех черкесов, которые не желая покидать родину, скрывались в горных тущобах и там спокойно ожидали своей смерти, снаряжали особые команды. Однажды колонна майора Федосеева при очистке тущоб в верховьях Псекупса нашла до 30 душ горцев, которые сидели по одиночке в таких местах, что их трудно было заметить, а еще труднее изловить...»²⁴.

Так, многотысячелетняя связь этноса и ландшафта на Северо-Западном Кавказе была искусственно прервана. Страна, вызывавшая безудержное восхищение путешественников, философов и поэтов, прекратила свое существование после полуторовековой борьбы. «В настоящем 1864 году, – писал граф Евдокимов, которого и сделали графом за старание в уничтожении Черкесии, – совершился факт, почти не имевший примера в истории; огромное горское население, обладавшее некогда большим богатством, вооруженное и способное к военному ремеслу, занимавшее обширный Закубанский край от верховьев Кубани до Анапы и южный склон Кавказского хребта от Суджукской бухты до р. Бзыба, владея самыми неприступными местностями в крае, вдруг исчезает с этой земли;...»²⁵. Когда же геостратегическая цель была достигнута, на очередь дня встал вопрос о колонизации опустевшей территории Северо-Западного Кавказа. Богатства края прельщали петербургских сановников и с самого начала на способы и характер эксплуатации его существовали две принципиально разных точки зрения. Первая выражалась людьми типа генерала Раевского и Филипсона, видевшими свою миссию в том, чтобы адаптировать горцев к жизни в составе империи, рационально использовать их хозяйственный опыт. То есть, завоевание не мыслилось

как простой захват территории, но как приращение к России самобытнейшей страны, способной увеличить общее национальное богатство. А в самих горцах видели будущих первоклассных солдат для очередных завоевательных проектов в Азии. У Франкини, военного советника русского посла в Турции, этот подход выражен особенно отчетливо: «...полное и совершенное покорение Кавказа не должно иметь в виду один голый край, но край вместе с первобытным (т.е. аборигенным) населением. Кавказская война представляет борьбу просвещения с дикостью, разумной материальной силы с хищничеством. Но эти хищники – люди, неразрывно связанные с краем, и в них таятся сокровища умственной и физической деятельности... Россия не может довольствоваться овладением одними голыми горами и долинами Кавказа. Русская кровь пролилась даром, если она не искупила самое население от морального унижения, в котором оно коснеет и окончательное их образование обязательно для России в оправдание перед просвещенным миром той твердости, с которою она шестьдесят лет упорствовала в столь жестокой войне». Более того, Франкини усматривал тесную органичную взаимосвязь кавказского ландшафта и аборигенного населения, и в его глазах эта взаимосвязь или высочайшая степень адаптированности людей к земле и климату являлась ценным капиталом, который мог бы стать достоянием России. «Преимущества Кавказа, – отмечает Франкини, – состоят в его положении, в его природе и в его населении. *Население это усвоило себе природу края; природа только перед туземцами и сдается. Горец и Кавказ составляют одно нераздельное целое.* Оторвите горца от Кавказа, и он умирает; переведите туда иностранца, и он умрет, а кто переживет, тому необходимо будет много времени, пока принаровится к климату и к местности. Известно, сколько жертв стоит необходимость содержать на Кавказе регулярное войско, чего стоит превращение русского мужика в

проворного и бодрого кавказского солдата. Но независимо от трудности преодоления частных условий климата, почвы и местности другое обстоятельство, строго обдуманное, должно неминуемо привести к осуждению мысли о заселении Кавказского края иностранцами. Русский, славянин разных стран, грек, армянин – все способны по прошествии большего или меньшего времени сделаться на Кавказе хорошими хлебопашцами; но они никогда не приобретут той воинственности, которая с самого младенчества прививается в нынешнем туземце. Кавказский уроженец ко всему годен, но более всего к войне. Одаренный проницательным умом (здесь Франкини корреспондируется с И.Д. Попко) и редкими физическими качествами, он одинаково способен к земледелию, к торговле, к промышленности, но всему предпочитает оружие»²⁶.

В этой записке В.А. Франкини показал себя как проницательный аналитик, рассматривая ситуацию вне обычного российского штампа в отношении горцев, провозглашающего их дикарями, хищниками, не способными к мирному труду и т.п. Еще важный момент у Франкини: Россия не должна проводить завоевание ради завоевания, но она должна своим отношением к горцам доказать всему цивилизованному миру свое моральное право присутствия на Кавказе. И с чем абсолютно не согласен автор записки, так это изгнание горцев с их родных мест, это переселенческая политика в любых ее проявлениях. Будущее российского Кавказа Франкини видит как экономически процветающую провинцию, населенную горцами, земельные права которых признаны российским правительством.

К сожалению, в политике России на Кавказе, восторжествовал диаметрально противоположный взгляд на будущее этого завоеванного края в составе империи. Этот взгляд был основан на крайне шовинистическом неприятии горской культуры и даже на том

представлении, что у горцев нет вообще никакой культуры. Апологеты идеи изгнания горцев в Турцию, в принципе, изначально не стремились понять горцев, их социальные отношения, материальную и духовную культуру, систему обычного права, систему хозяйствования на земле. Соответственно такие авторы, а их абсолютное большинство в этот период (т.е., в период войны, до 1864 г. включительно), глядели на перспективы русской крестьянской и казачьей колонизации Западной Черкесии весьма радужно, не усматривая никаких возможных проблем. Очень показателен в этом плане ведущий историограф русского завоевания Кавказа генерал Р.А. Фадеев: «Береговая полоса ожидает теперь, как неразработанный рудник, только людей, которые воспользовались бы ее природными богатствами. Нечего жалеть, что пуста покуда. Вырваны плевела, взойдет пшеница». И у него же: «Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности. В отношении производства, народного богатства десять русских крестьян производят больше чем сто горцев...»²⁷. В другом месте Фадеев еще раз называет горцев «малопродуктивными», что, в его глазах, было достаточной причиной к их массовому уничтожению. Еще один официальный историк Кавказской войны Н.Ф. Дубровин в первом томе своего широко известного сочинения «История войны и владычества русских на Кавказе» (СПб., 1888) раздел о черкесах начинается с рубрики «Одежда черкеса, его жизнь и хищничество»: в его глазах все народы Северного Кавказа являлись «мошенниками», «коварными хищниками». Н. Башенев, автор юбилейного издания, «серьезное значение» заключительного этапа Кавказской войны определял уже тем, что «военные действия на Западном Кавказе сняли с исторической карты некоторые кавказские народности и уничтожили даже память о них»; эти народности он характеризует, как «дикие

кавказские племена, настроенные враждебно против развития в их среде образования и народного благоустройства»²⁸.

Мнение Фадеева, когда он приравнивает 10 крестьян к 100 горцам в плане производительности, для этого автора весьма закономерно. Он, как историк, видел свою задачу в оправдании аннексии черкесских земель и не пытался проанализировать культуру жизнеобеспечения черкесов. Или хотя бы обратить свое внимание на те факты, которые лежали на поверхности. Он не мог не знать, что черноморское казачье войско, занимая плодороднейшие земли правобережья Кубани, регулярно, начиная с 90-х гг. XVIII в., закупало хлеб у черкесов, выменивая его на соль. Осмысление одного этого факта не должно было позволить Фадееву сравнивать черкесский народ с плевами, которые необходимо вырвать из почвы.

Примечания:

- ¹ Записка военного советника при Российском посольстве в Константинополе В.А. Франкини военному министру Д.А. Милютину о необходимости и об условиях скорейшего водворения спокойствия на Кавказе // Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в. Сборник документов и материалов. – Нальчик. 2000. – С.95–96, 113–115.
- ² Там же – С.116–118.
- ³ Выписка из записок ген.-м. Вольфа по предмету воен. действий на Кавказе // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-е – 70-е гг. XIX в.): Сборник архив. док. Сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик., 2001. – С.80–81.
- ⁴ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. – Нальчик, 1992. – С.146.
- ⁵ Предположения о военных действиях и занятиях войск на Правом крыле Кавказской линии с осени 1859 г. по 1 декабря 1860 г., составленные генерал-лейтенантом Филипсоном // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (далее – ПКВ). – С.110–111.
- ⁶ Там же. – С.111.
- ⁷ ПКВ – С.140.
- ⁸ ПКВ – С.143.
- ⁹ ПКВ – С.148–149.
- ¹⁰ ПКВ. – С.170–171.
- ¹¹ ПКВ – С.160.
- ¹² Цит. по: Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – С.364.
- ¹³ Цит. по: Хотко С.Х. Указ. соч. – С.364.
- ¹⁴ ПКВ – С.161.

- ¹⁵ ПКВ. – С.180–181.
- ¹⁶ Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа (1861–1863) // Русская старина. – СПб., 1878. – №5. – С.249–250.
- ¹⁷ ПКВ – С.233.
- ¹⁸ ПКВ. – С.239–240.
- ¹⁹ Там же. – С.260.
- ²⁰ Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западного Кавказа // Кавказский сборник. – Т.2. – Тифлис, 1877. – С.457.
- ²¹ Отчет гр. Евдокимова о военных действиях, исполненных в Кубанской области в период времени с 1-го июля 1863 г. по 1-е июля 1864 г. // Т.Х. Кумыков. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны – Нальчик, 1994. – С.47–113.
- ²² Там же. – С.55–67.
- ²³ Цит. по: Хотко С.Х. Указ. соч. – С.364.
- ²⁴ Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. – С.152–153.
- ²⁵ Отчет гр. Евдокимова. – С.88.
- ²⁶ Франкини В.А. Записка военного советника при Российском посольстве в Константинополе... // Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. – С.100–101, 116–117.
- ²⁷ Фадеев Р.А. Собрание сочинений. – Т.1. – Ч.1. – СПб., 1890. – С.206–202.
- ²⁸ Башенев Н. Пятидесятилетие покорения Западный Кавказ и окончания Кавказкой войны. – Тифлис. 1994. – С.4–5.

**Тютюнина Е.С.
г. Нальчик**

Военные поселения на Военно-Грузинской дороге (1837-1843 гг.)

Следуя традициям дореволюционных историков казачества, современные исследователи нередко рассматривают кавказские военные поселения лишь как ранний эпизод в становлении ряда казачьих станиц [4; 5; 16]. Между тем появление и развитие военных поселений представляет самостоятельный интерес и с точки зрения общероссийской истории, как один из способов реализации политических решений, и региональной специфики складывания разнородного по социальному и национальному облику населения края.

В последние годы наблюдалось определенное оживление внимания к истории военных поселений в России, [10; 11; 41] затрагивалась и кавказская их разновидность [2; 3; 10; 40].

Богатой источниковой базой по этой теме обладают федеральные архивы, особенно РГВИА [8], определенные сведения можно найти и в региональных [22]. Часть документов уже вошла в литературу, в том числе историко-краеведческого характера [2; 3; 12; 13; 21 и др.].

Задачей настоящего сообщения является изложить факты об истории нескольких военных поселений, почерпнутые из доступной литературы и фондов Центрального госархива КБР, а также высказать суждения об их роли и причинах кратковременного существования.

Как известно, военные поселения в России учреждены в 1810 г. как особая армейская структура. Они должны были обеспечивать воинские части преимущественно продовольствием, а в перспективе заложить основу особого военно-земледельческого сословия, что могло бы снизить бюджетные расходы. Есть данные, что к концу 1825 г. насчитывалось

374480 военных поселян [10, 64], главным образом, в северо-западных и западных губерниях. По разным оценкам военные поселения составили от 1/3 до 1/4 части армии. Кроме снабжения, поселения должны были поставлять в армию молодых солдат, которыми становились сыновья поселян. В поселениях была принята строгая военная дисциплина и жесткая регламентация всей повседневной жизни.

Иногда создание военных поселений на Кавказе расценивают как следствие знаменательной поездки царя Николая I в 1837 г. [18]. Действительно, «Положение о военном поселении на Кавказе» высочайше утверждено 10 октября 1837 г.¹ Однако его объем (18 печатных страниц большого формата) и тщательная детализация норм указывают на длительную и скрупулезную подготовку [6]. Фактически идеи распространить военные поселения на Кавказский регион восходят к 1827 г. Практическая разработка проекта была поручена командиру Отдельного Кавказского корпуса Г.В. Розену. Видимо, часть работы выполнена в окружении командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории А.А. Вельяминова [40, 18-21; 10, 66; 14, 189-190].

Готовый проект представлен в 1836 г., а в марте того же года предложено в качестве эксперимента основать небольшое поселение на Военно-Грузинской дороге – в Ларсе (в 25 верстах выше Владикавказа) на земле, добровольно уступленной осетинским алдаром Кучуком Дударовым [40; 23].

Поселение в 20 дворов было образовано [14, 189-190] и, возможно, посещение его царем осенью 1837 г. и ускорило утверждение общего Положения – 10 октября августейший ревизор как раз проезжал по этой дороге из Тифлиса в Ставрополь.

Забегая вперед, скажем, что Ларское военное поселение оставалось небольшим по величине и к моменту упразднения в 1850 г. насчитывало 10

---

¹ Далее – Положение 1837 г. с указанием соответствующего параграфа.

семей [17].

Военно-Грузинская дорога в Положении 1837 г. была названа в числе первоочередных мест дислокации военных поселений: «в первый год по издании настоящего положения получают оседлость: на Военно-Грузинской дороге 250 семейств» (§16, 21). Их предполагалось разместить отдельными селениями, которые, по смыслу Положения причислялись «к линейным батальонам, как войску более оседлому» (§ 5).

Жителями военных поселений становились женатые нижние чины, прослужившие от 15 до 20 лет, с их семействами», причем «нижние чины с выслугою... соединять должны беспорочное поведение и способности к хозяйственным и земледельческим работам» (§ 32, 34).

Реализация этих условий вылилась в образование двух поселений на левом берегу Терека, на дистанции в 105 верст от Владикавказа до Екатеринограда, названных Николаевским и Александровским [40, 23; 3, 195] (очевидно, по именам особ царствующего дома).

В этой части магистрали располагались несколько укреплений и постов, хозяйственные нужды которых обеспечивались, в основном, централизованно. Военным поселениям для выполнения их функций требовались гораздо более значительные земельные площади. В специальных параграфах Положения 1837 г. это предусматривалось: «§ 66. На Военно-Грузинской дороге, от Екатеринограда до Владикавказа необходимы особые пастбища для проходящих войск, казенных транспортов и пр. § 67. В сем уважении независимо от наделения на сей дороге военных поселян 20-ти десятиною пропорциею земли, назначаются при их селениях, сверх того, выгоны на пространстве двух верст по обеим сторонам дороги».

Местным властям предстояло просчитать размеры земли из нормы по 20 десятин на 1 мужскую душу с дополнительными наделами и определить ее фонд.

Спустя более полугодя, 31 июля 1838 г. был утвержден проект поселения на том же участке Военно-Грузинской дороги четырех станиц Малороссийского казачьего полка № 2 с переименованием его во Владикавказский [7].

В отличие от станиц, которые «привязывались» к существовавшим укреплениям и получали их названия (Пришибское, Урухское, Архонское, Ардонское), военным поселениям предстояло занять совершенно незаселенные места. Таковые избраны при впадении в Терек р. Белой (Николаевское) и в низовьях р. Лескен (Александровское).

Таким образом, поиск удобных земель для двух поселений и четырех станиц по левобережью Терека становился главной заботой местной администрации. «Высочайшая воля» в общих чертах предлагала устроить те и другие поселения «на пустопорожних казенных землях» либо приобрести их у частных владельцев (§ 60, 18).

Именно с этой задачей связано появление ряда документов о традиционном землепользовании кабардинцев и осетин.

Сведения о принадлежности земель по Тереку, собранные в 1838 г. [26, 59-61] и 1839 г. [9] сходились в том, что основные площади считались в пользовании рода кабардинских узденей Анзоровых, хотя их права оспаривались и другими.

Некоторыми участками пользовались люди, бежавшие за Кубань, и по смыслу действовавших правил их земля могла быть конфискована государством.

Владельцами основной части земли для Николаевского военного поселения были признаны полковник Туганов и род Кубатиевых.

Еще до решения всех тонкостей традиционного землепользования было начато фактическое отчуждение земель и их межевание в натуре. Оно проводилось в 1839 и 1840 гг. под руководством офицера корпуса топографов прапорщика Горшкова [34, 17, 17об, 3, 188]. При этом

выяснилось, что Александровское поселение должно было занять пространство вдоль Терека протяженностью целых 16 верст – и потому решено разделить участок на два, основав еще одно поселение, [21, 30]. В документе 1843 г. говорится: «...вновь было поручено поручику Горшкову сделать вторично распределение границ сих земель...с тем, чтобы он при сем случае разделил также землю, определенную для Александровского поселения между сим поселением и вновь учреждавшимся в то время у поста Погорелодубского... Размежевание это и произведено упомянутым офицером окончательно в ноябре того же 1840 г. как видно из копии подписки командира Владикавказского казачьего полка, представленной Горшковым при рапорте от 20 ноября 1840 г. № 192» [34, 17об.].

О том, что новое поселение располагалось у поста Погорелодубского, пишет М.М. Клевцов, ссылаясь на воспоминания старожилов [12, 10; 13, 9]. В литературе высказано мнение, что первоначально поселение носило название то же, что и пост [16, 104] и лишь позднее (дата неизвестна) получило имя – Котляревское (как полагает М.М. Клевцов, в честь генерала П.С. Котляревского) [12, 11-12, 13, 8].

Отвод земли сопровождался недовольством и протестами бывших собственников, особенно узденей Анзоровых. Однако говорить о насильственном отобрании их земель правительством было бы неправомерно. Тем не менее в литературе такая точка зрения бытует. Например, Т.Х. Кумыков пишет: «В целях усиления колониального режима администрация на Кавказе за «измену» решила переселить аулы Анзоровых в другие места и на этих землях устроить казачье поселение... Часть анзоровских земель отводилась Владикавказскому казачьему полку, который должен был «оградить» Кабарду от влияния Шамиля» [15].

В этом изложении нарушена хронология событий и потому картина предстает искаженной. «Измена» некоторых Анзоровых, в том числе

Магомет-Мирзы, ставшего наибом у Шамиля, произошла в 1846 г., а отвод земель по Военно-Грузинской дороге поселениям и станицам проводился в 1839-1840 гг. и все аулы Анзоровых в это время оставались на своих местах, а их жители мирно соседствовали и даже сотрудничали с поселянами, о чем подробнее будет сказано ниже.

Суть претензий, с которыми обращались к властям Анзоровы, видны из следующих документов.

9 июня 1842 г. на имя начальника Центра Кавказской линии офицеры российской службы Пшемахо, Хату, Магомет-Мирза и Атажуко Анзоровы подали прошение, в котором рассказывали, что «при учреждении же в 1837 году военного Александровского поселения на принадлежащей нам земле при речке Лескене... начальство предварило нас... что вместо оной будет нам отведена таковая соседственна с нашей еще с вознаграждением – и самая удобнейшая или по стоимости нам учинена будет от казны плата... в 1839 г. на нашей же земле при укр. Урухском еще учреждается подобное поселение... и отводом нашей земли под это поселение не только совершенно стеснены, но и лишены мы всех средств в хлебопашестве, сенокосе, в пастьбе конного табуна, баранов и рогатого скота, даже терпим притеснения в своих аулах до того, что не имеем способов поддержать как себя, так и подвластных нам жителей ... не имея достаточной пропорции земли, не можем просить о вознаграждении нас за поясненные земли, а осмеливаемся всенижайше просить... ограничить землю, отведенную под Александровское военное поселение...» [31, 46-47об.].

На это прошение из штаба войск Кавказской линии и Черномории получен ответ от 30 ноября 1842 г., в котором говорилось: «Что касается до просьб Анзоровых... то так как взамен всей земли, взятой у них для военных поселений наших отведено равное количество земли в другом месте брату их Адиль-Гирею Анзорову, переселившемуся на Акпаш... и,

наконец, что земли поселениям отмежеваны в присутствии Хату и Магомет Анзоровых, в чем и выдана от них квитанция, возвращены им быть не могут, то посему и просьбу их в сем отношении его высокопревосходительство* признает незаслуживающею уважения, тем более, что Магомет Анзоров два раза был по сему делу в Тифлисе и вследствие просьб его отрезано от Урухской казачьей станицы во владение Анзоровых по первой просьбе 800 десятин, а по второй 1145, каковым наделением он вполне остался довольным» [31, 56-56об.].

Разумеется, затягивание выдачи реального вознаграждения и фактическое ограничение размеров землепользования могли усилить недовольство бывших владельцев и подтолкнуть часть их к актам открытого сопротивления и даже вооруженной борьбы с российской администрацией, что и случилось с Магомет-Мирзой Анзоровым. Но это явление связано больше с личными качествами – степенью «пассионарности» и способности к адаптации – пример тому – судьба Хату Анзорова, сохранившего свои владения, достигшего генеральского чина и многих наград и получившего одобрительную оценку у потомков [20] (в момент подачи прошения, кстати, офицера Владикавказского казачьего полка) [29].

О размерах фактически отведенной земли военным поселениям пока имеются только косвенные данные. Так, в примечании к проекту поселения казачьих станиц написано: «близ этого укрепления (Дурдурского - Е.Т.) водворяется селение военных поселян, для коих необходимо до 8 тысяч дес. земли» [7, 34]. Другим источником служит документ под заглавием «Ведомость о землях, отошедших от кабардинских владельцев под военные поселения на Военно-Грузинской дороге» [36, 54-55]. Вопреки заглавию, речь в «Ведомости» идет не о военных поселениях, а о станицах, т.е. она составлена не ранее 1843 г. К

---

* Командир Отдельного Кавказского корпуса.

тому же «Ведомость» являлась приложением к карте (скорее, чертежу), на которой соответствующие участки обозначались латинскими буквами¹. В нашем архиве этого чертежа нет.

«Ведомость» обнаружена в управленческих архивах комиссией, образованной в октябре 1846 г.» для окончательного разбора дела: о переселении аулов Анзоровых, равно для определения, какие земли у абрека Магомет-Мирзы Анзорова следует отобрать и о прочем» [36, 3-4].

В ту же комиссию было направлено еще несколько дел с перепиской прежних лет, в том числе заведенное в 1838 г. «О принадлежности земель в Кабарде, просимых майором Шардановым и вообще о землях, составлявших собственность удалившихся за Кубань» – на 32 листах и в 1840 г. «О разборе, кому принадлежит земля, занятая кабардинским князем Алхасом Мисостовым на Военно-Грузинской дороге около поста Погорелодубского и между Пришибем и Екатериноградом и спрашивается: какое вознаграждение получают уздени Анзоровы за землю, отошедшую под Александровское военное поселение» – на 82 листах [36, 31-31об.].

Комиссия должна была определить, кому же полагается вознаграждение за отрезанные земли, исключив из списка «изменников», помогавших отрядам Шамиля прорваться через Военно-Грузинскую дорогу в апреле 1846 г.

Из позднейших документов известно, что, хотя принципиальное решение о выплате собственникам земли 45613 руб. принято на самом высоком уровне в 1845 г., деньги были присланы только в 1849 г. [39, 232], после окончания работы вышеназванной комиссии.

Итак, «Ведомость о землях...» не содержит точных размеров земельных наделов военных поселений.

---

¹ По более поздней и неполной копии «Ведомость» опубликована (с неточностями): [19]

Более или менее подсчитана земельная площадь Николаевской станицы (бывшего поселения): 8866 дес. («или сколько действительно окажется по вновь произведенному измерению») из владений полковника Туганова и 789 дес. из владений «фамилии Кубатиевой».

Ссылаясь на документ 1842 г., М.М. Клевцов утверждает, что к 1840 г. Котляревскому отмежевано 3500 дес. в границах: с восточной стороны р. Терек, с запада – р. Черек, по берегам рек Деменюк (Домануко) и Аргудан [12, 9-10]. Об Александровском аналогичных сведений в литературе не приводится.

Заселение Николаевского и Александровского начато весной 1838 г., т.е. еще до фактического размежевания. Этот факт подтверждается синхронным документом: в январе 1839 г. Владикавказский комендант полковник Широков просил разъяснить дигорским крестьянам, начавшим рубку леса в местах, намеченных для Николаевского поселения, что отныне установлена пограничная черта, за которой не следует им ни косить сено, ни пасти скот, ни устраивать кутаны, т.к. земля эта поступает в пользование военным поселянам [23].

Первоначально в Николаевском поселении размещено 111 семейств, а в Александровском – 113 [3, 195]. И.Х. Тхамокова утверждает, что в Александровское предполагалось заселить 200 семейств [21, 30]. Из каких воинских частей переводились первопоселенцы, пока неясно – в наших документах однажды упоминается Апшеронский пехотный полк в связи с Александровским поселением [37], а в одной публикации говорится, что они перевезены из Грузии [3, 195].

В Положении 1837 г. предусматривалось, что прибывшие на поселение солдаты сначала размещаются «для жительства... или в соседственных селениях, если сие возможно, или во временных балаганах» (§ 57). Параллельно с отправкой из полков будущих поселян должны были составляться списки оставшихся на родине их семей, под которыми

понимались жены и дети (§ 120) (а на деле и внуки), причем казенные крестьяне зачислялись в военное ведомство» без всякого вознаграждения и числящиеся на них казенные недоимки слагаются» (§ 125), а крепостные забирались при выдаче помещикам рекрутских квитанций за солдатских сыновей и денег (200 руб. ассигнациями) за дочерей (§ 126).

Семьи отправлялись к местам нового поселения своих глав на казенный счет.

В 1841 г. в поселениях на Военно-Грузинской дороге проживало [40, 24]:

Поселения	Хозяев	Их жен	Детей		Итого
			муж. пола	жен. пола	
Ларское	13	14	5	5	37
Николаевское	137	130	168	164	599
Александровское	99	118	115	154	486
Котляревское	79	72	75	74	300

На 1 июля 1842 г. в Котляревском насчитывалось 355 жителей (86 семей, 176 мужчин, 179 женщин) [12, 10], к концу 1842г. в станицах (бывших поселениях) числилось [16, 105]:

	семей	мужчин	женщин
Николаевская	193	418	381
Александровская	121	228	284
Котляревская	95	197	166
Владикавказская	93	155	183

В феврале 1843 г. в Котляревском 356, Александровском – 529 жителей [21, 30], т.е. шел прирост населения, хотя неизвестно, каково было соотношение естественной и миграционной его составляющих.

Документы фиксируют высокую смертность, обусловленную неблагоприятными природными факторами и тяжелыми социальными обстоятельствами. Так, за первые три года в Николаевском поселении умерло 212 чел., причем больше всего – в 1839 г. [3, 196]. В Котляревском

за первые два года умер 41 человек [12, 10], заметный ущерб Котляревскому и Александровскому нанесли вооруженные вторжения 1841 г. (об этом ниже).

Понятно, что демографическая ситуация непосредственным образом влияла на жизнеспособность военных поселений. Не имея точных данных о численном и половозрастном составе семей, трудно судить о возможностях естественного воспроизводства, а также трудовых потенциалах. Например, в 1842 г. в Котляревском находилось взрослых поселян, способных носить оружие, т.е. вполне трудоспособных – 103. Рождаемость нельзя признать высокой, т.к. на 86 семей зафиксировано всего 22 ребенка в возрасте до 7 лет [13, 13], т.е., надо полагать, родившихся уже в военном поселении.

Фамилии первопоселенцев Николаевского (почти сплошь русские) приводит Б. Берозов [3, 197], вероятно, в архивах можно найти полные посемейные списки и по другим поселениям.

Любопытно было бы проследить поселенские династии. Наблюдения М.М. и Л.К. Клевцовых дают весьма скромные результаты: по их словам, среди 96 старожильческих родов нынешней станицы Котляревской только 3 считаются потомками «солдатских детей» [13, 14]. Здесь, конечно, уместны поправки на состояние источников и издержки памяти: период существования военных поселений был довольно краток. Между тем в документах встречаются фамилии и имена ряда поселенцев, например – из Котляревского – в 1842 г. упоминается Семен Рогачев [31, 14]. У Клевцовых – Семен Стефанович Рогачев – по записи 1849 г. – казак, основатель рода, ныне проживающего в станице [13, 230]. Есть несколько других кот-ляревских поселенцев, позднее записанных как казаки, потомки которых, конечно, утратили память о «солдатских» корнях своих фамилий.

Примеры такой «забывчивости» дают и архивные документы. Так, в 1847 г. возникло следствие о «выбежавшем из плена от горцев» русском,

назвавшем себя Михаилом Андреевым, который «показал, что за 11 лет перед сим, когда ему было 10 лет, он с отцом и матерью переселены из России на место, где должна была устраиваться станица Александровская и как там не было домов, они жили по хуторам; вскоре после того он с отцом и матерью взяты в плен и отданы старшине Мирзе-Магомету, который впоследствии бежал в Чечню к Шамилю и сделан чеченским наибом [37, 2-2об.].

На запрос об этом происшествии правление Владикавказского линейного казачьего полка ответило, что Михаил Андреев в списках полка не значится, «жители же Александровской станицы показывают, что рядовой Андреев был переведен на водворение в Александровскую или Котляревскую станицу из Апшеронского пехотного полка и по прибытии из оного вскоре умер. Семейство же означенного Андреева прибыло в 1841 году и при нападении чеченцев на Александровскую станицу было взято в плен на другой или на третий день по прибытии с России, причем... станицы Александровская и Котляревская начаты строиться в 1839 году. А потому таковое правление не полагает, чтобы показание Михайлы Андреева было справедливо, что он принадлежит Владикавказскому казачьему полку, тем более, что при станицах Александровской и Котляревской хуторов никогда не было и жители поступили прямо в станицы» [37, 5об.-8об.].

Удивительно, что никто из вышестоящих начальников не счел нужным скорректировать эту версию, в которой полностью стерта память о «доказачьем» статусе станиц как военных поселений, основанных не в 1839, а 1838 (Александровское) и 1840г. (Котляревское), хотя с того времени прошло не более 10 лет.

Что касается системы управления поселениями, Положение 1837 г. предписывало довольно сложную, четырехуровневую пирамиду. Главное возлагалось на командира Отдельного Кавказского корпуса, для чего

учреждалось особое отделение (§ 159-161). Местное осуществляли военные начальники. «На Военно-Грузинской дороге – комендант Владикавказской крепости» (§ 163). Помогать начальникам должны были офицеры – смотрители селений (§ 165). В самих селениях создавались «сельские приказы», состоящие из старосты и двух помощников, кроме того, на каждые 10 домов полагался десятник, на 4-6 десятков – 1 сотник, которыми могли быть преимущественно фельдфебели и унтер-офицеры (§ 169-173).

Отметим, что в наших документах представлены, в основном, средние ступени, т.е. смотрители и военные начальники, причем на практике эти обязанности выполнялись людьми, занимавшими не те должности, которые предписывались Положением.

Так, Владикавказский комендант, по существу, ведал лишь Николаевским военным поселением, Александровское же оказалось в ведении командующего Кабардинской укрепленной линии. Об этом свидетельствует характерное предписание в его адрес из штаба войск Кавказской линии и Черномории от 12 октября 1839 г.: «... смотритель Александровского поселения штабс-капитан Николаев получает предписания в одно время от Вас и от подполковника Короткова¹, совершенно противуречащие... По воле командующего войсками на Кавказской линии предписав вторично подполковнику Короткову о немедленной передаче Вам всех дел по Александровскому поселению и поставляя об этом в известность Ваше высокоблагородие, для надлежащего исполнения о принятии оных, прошу когда именно таковые будут приняты, мне донести» [25, 137-137об.].

Над смотрителями стоял также начальник линии Военно-Грузинской дороги, подполковник, затем полковник, Михаил Сергеевич Ильинский, одновременно являвшийся командиром Владикавказского

---

¹ Начальник Центра Кавказской линии.

казачьего полка.

Смотрителями поселений названы: Николаевского – капитан Черепанов (1839 и 1841 гг.) [23], Александровского – штабс-капитан Николаев (1839 г.), поручик (затем штабс-капитан) Бабичев (1841, 1842 гг.), видимо, он же был смотрителем Котляревского. В документах 1841 г. фигурирует также заведующий военными поселениями (видимо, всеми северокавказскими, хотя такая должность в Положении 1837 г. отсутствует), подполковник Курило (в разном написании Курилло, Курыла) [30; 38].

Одной из важнейших функций военных поселений объявлялось «поспешествовать в том краю земледелию, торговле и промышленности», (§ 1) а на местных начальников возлагалась обязанность наблюдать за ходом сельскохозяйственных работ и «своими распоряжениями отклонять все причины, могущие препятствовать успехам» [§ 201].

Положение 1837 г. предписывало заняться сельскохозяйственными работами (заготовкой сена) с первых же дней прибытия поселян на новые места параллельно с постройкой домов. Дома должны были строиться отдельно для каждого семейства вместе с сараями «для помещения скота и разных хозяйственных принадлежностей» (§ 68). В Положении описывался и тип жилища: «Внутреннее расположение домов составляет комната с сеньми и перегородкою для жительствова, и клеть или чулан для хранения пожитков. Дома строятся по примеру жилищ туземцев, как более свойственных климату, приспособляя к ним удобство русских изб и малороссийских мазанок» (§ 70, 71).

Для строительства домов военных поселений на Военно-Грузинской дороге использовались местные лесные материалы, а их заготовка велась с помощью кабардинских и дигорских крестьян в 1838 и 1839 гг. В одном из своих прошений Хату Анзоров позднее вспоминал: «...командированный в 1839 году от начальства в Кабарду генерал-майор

Пирятинский во время пребывания своего в доме коменданта кр. Нальчик майора Ростованова при собрании всех членов Кабардинского временного суда и в присутствии адъютанта своего штабс-капитана Наттера, подполковника Шарданова, майора Ростованова, подпоручика князя Мисостова и многих других кабардинцев, именем правительства обещал выдачу вознаграждения за вырубленные леса и составлял для того какой-то письменный акт» [36, 20об.].

В качестве вознаграждения за вырубку и вывоз строевого леса было выделено из казны 2561 руб. серебром [36, 74-74об.], часть которых действительно выплачивалась непосредственным исполнителям, т.е. крестьянам. Видимо, об этом говорится в известном прошении группы кабардинских крестьян, поданном 27 января 1839 г. командованию: «... А вчерашнего числа некоторые из черного народа прибыли на Нальчик для получения денег за вывезенный лес на военное поселение, но майор Шарданов прислал сказать, чтобы денег не получали... но народ, не слушая его, получить деньги за лес согласен» [24].

Строительство шло умеренными темпами силами самих поселян – так, в Котляревском к 1 июля 1842 г. имелся 41 дом на 86 семей [12, 10], т.е. своим жильем обеспечено меньше половины жителей. Конечно, такое положение было связано с многочисленными обязанностями помимо строительства.

О собственно сельскохозяйственных занятиях в наших документах информации немного. По ним не приходится судить о размерах посевных площадей, возделываемых культурах, собранных урожаях и т.п. Нет также сведений о количестве и видах скота, кроме упоминания его потерь при угонах.

Положение 1837 г. предусматривало, что каждое семейство должно было получить от казны земледельческие орудия: 1 плуг, 1 борону, 2 косы, 2 серпа, 2 топора, а также ход колес для повозки. Кроме того, поселяне

должны были быть обеспечены семенами зерновых, огородных и садовых растений.

Из скота на каждое хозяйство полагалось 2 вола, 1 корова и 6 овец, причем весь скот должен приобретаться на месте (§ 83).

О выполнении этих условий в наших документах сведений не встречается.

Результаты сельскохозяйственного производства, видимо, оказались гораздо скромнее, чем ожидалось. Казачий историк Ф.П. Пономарев писал, что отвыкшим от земледельческого крестьянского труда солдатам ежегодно помогали казаки [См.: 3, 197].

Гораздо продуктивнее оказался лесной промысел. По этому поводу между командирами разных уровней завязалась довольно оживленная полемическая переписка. Дело в том, что леса считались собственностью всего местного населения и масштабные вырубki пришлыми людьми вызывали недовольство и протесты.

Так, начальник линии Военно-Грузинской дороги Ильинский в январе 1841 г. сообщал, что «повстречал военных поселян сел. Александровского, вывозивших лес в Заречное укрепление. На запрос его Урухский воинский начальник представил отношение к нему Екатериноградской карантинной конторы за № 49, из которого видно, что подрядчик, Калужской губернии... крестьянин Еким Лукин, купил у кабардинцев 50 бревен и сверх того, открывается, что прапорщик Пшемахо Анзоров сделал условие с жителями сел. Воронцовки и других деревень на вывоз леса будто бы из его дач, где эти люди и занимаются вырубкой оного» [30, 6, 7].

В январе 1842 г. в Александровское военное поселение прибыли крестьяне деревни Воронцовки для заготовки ободьев, причем лес доставляли им жители аулов Пшемахо, Атажуко и Магомет-Мирзы Анзоровых с разрешения владельцев [38, 449-450об.].

Таким образом, отдельные представители кабардинской элиты – те же самые Анзоровы – находили выгоду в торговле якобы общественным лесом, нанимая для этой цели военных поселян. Высший орган управления Большой Кабардой – Кабардинский Временный суд – рапортом от 9 февраля 1842 г. извещал начальника Центра Кавказской линии, что поскольку жители аулов вблизи укрепленной линии получают преимущества от вырубki и вывоза деловой древесины перед живущими в отдалении», с общего согласия всех кабардинцев с 1841 г. постановили: с каждой арбы, вывозимой на Линию кабардинцами, платить по 1 руб. ассигнациями, а впоследствии прибавили за деловой еще по 50 коп. в общественную кабардинскую сумму», которая успешно пополняется [31, 64-64об.].

Однако доходы, получаемые от лесного промысла, видимо, с лихвой покрывали затраты на пошлину. В том же рапорте сообщалось, что «Воронцовские жители нашли источник в Александровском военном поселении покупать лес у кабардинцев и поселян, производить разные изделия и возить на Линию». В текущем году ими куплено у жителей аула Хатажуко Анзорова 53 арбы леса, с отчислением в пользу владельца гораздо более значительных «процентов», чем установленная пошлина [31, 66об.-67].

Тогда же смотритель военных поселений Бабичев объяснил, что некий подрядчик «по постройке казенного транспорта» пытался купить лес у александровских и котляревских поселян, а встретив запрещение, купил его у малокабардинцев, наняв поселян для перевозки. Сделка была довольно крупной – на 1000 руб. ассигнациями [31, 23-24].

14 февраля 1842 г. воинский начальник укрепления Пришибского задержал 9 котляревцев, вывозивших деревянные изделия (38 колесных осей, 4 пары полозьев, 6 сох, 3 «ярандачины»), а также карагачевые, липовые и кленовые плахи, бревна, доски и др. [31, 14-14об.].

Характерно, что смотритель Бабичев и Владикавказский комендант полковник Петр Петрович Нестеров, по долгу службы обязанные заботиться о благосостоянии поселян, защищали их право на лесной промысел, т.к. «по ежегодному неурожаю хлеба и падежу скота претерпевают крайность в пропитании своих семейств, так что если запретить им совершенно продажу леса посторонним лицам, то они останутся даже без всяких средств к прокормлению себя» [31, 32об.].

Противоположную позицию занял новый начальник Центра Кавказской линии полковник князь Владимир Сергеевич Голицын.

Аргументируя свое решение о запрете поселянам лесного промысла, он писал командующему войсками Кавказской линии и Черномории О.В.Гурко (в декабре 1842 г.): «Порубка поселянами производится без всякой меры и без соблюдения порядка, огромные строевые деревья наполняют почти все дворы Николаевского поселения, где я их видел сам неоднократно – бревна эти не служат почти никогда к возведению новых строений или к починке старых, а по большей части пилятся на доски и продаются на Кинию, равно и мелкий лес хотя добывается под предлогом домашних поделок, но в самом незначительном количестве употребляется на этот предмет; остальное же продается на Кинию и служит не к улучшению хозяйственного быта поселян, а к приобретению ими лишних средств к пьянству и разврату, от этого уменьшается в них охота к порядочному возделыванию земли, потому что никакой урожай не в силах доставить им денег в таком количестве, какое они достают беспрестанными поездками в леса.

Отведение постоянных участков лесных дач поселянам, без сомнения, имело бы впоследствии времени выгоды необъятные, но мера эта не покажется ли крутою туземцам, совершенно незнакомым еще с правами собственности и в состоянии ли будут они постигнуть, что продолжение порядка вещей, существующего теперь на счет рубки,

гораздо для них невыгоднее, чем было бы отмежевать в пользу поселян один раз навсегда часть лесных участков?

По истреблении уже значительной части лесов на плоскости теперешние своевольные порубки производятся при выезде в ущелья и далее... и даже не в пользу одних поселян... я относился к начальнику поселений и обратил внимание его на то, что в Александровском живут крестьяне из Воронцовки, которые скупают весь лес и производят им торг, приобретая его за бесценок на Военно-Грузинской дороге и продавая дорого на Линии; вместе с тем я просил о прекращении такого злоупотребления, ведущего к разорению и туземцев, и поселян, потому, что первые скоро лишатся лесов... а другие из корысти к приобретению наличных денег беспрестанными поездками в трудные места изнуряют скотину и делают ее негодною к настоящему обработыванию земли» [31, 60об.-61].

Пренебрежение к нуждам подневольного народа (солдат, крестьян, поселян), свойственное крупным крепостникам из высшего света, каковым и являлся титулованный князь Голицын, его амбиции полновластного правителя в известном смысле вступали в противоречие с целями, заявленными разработчиками Положения 1837 г. о том, что поселяне призваны «посредством взаимных нужд и взаимных польз положить наконец прочное основание к сближению с племенами, до сего нам чуждыми» (§ 1).

Тем не менее, деятельность поселенцев в какой-то степени стимулировала оживление экономической жизни, способствовала осознанию товарной ценности природных ресурсов и упорядочению пользования ими, общению и знакомству с иным образом мышления и общественного устройства.

Продуктивность хозяйственных занятий сдерживалась также не всегда благоприятной обстановкой, чреватой конфликтами и тревогами,

которые, конечно, не миновали и новых обитателей беспокойного края.

Документы зафиксировали среди происшествий нападения на небольшие группы поселян на дорогах вне поселений: В сентябре 1840 г. у Николаевского поселянина Никифора Алаторцева отобраны волю, ружье и топор; в марте 1841 г. во время ночлега у поста Погорелодубского у котляревцев Круглова, Сахнова и Кравцова угнаны две пары быков; в апреле у поселянина из Александровского Петра Жигулина похищены лошади с хомутом, шубы и 20 копеек медью; в мае угнаны лошади александровцев Виноградова и Марышова; в январе 1843 г. три жителя Александровского – Страхов, Рожков и Виноградов – при возвращении из Котляревского, куда возили сено, подверглись нападению семи неизвестных, захвативших в плен Виноградова и смертельно ранивших Страхова, угнаны три пары быков; в феврале 1843 г. шесть николаевских поселян, возвращаясь из леса, наткнулись на вооруженный отряд неподалеку от аула Туганова, в результате убит Матвей Софронов, другой спутник ранен, а мальчик Яков Софронов, вероятно, взят в плен, угнаны пять пар быков и лошадь, и т.д. [31, 199, 157об., 89, 14об., 194, 64об., 35, 18, 26об].

Более серьезные акции отмечены в 1840 и 1841 гг. Так, в мае 1840 г. начальник линии Военно-Грузинской дороги подполковник Ильинский докладывал: 15 мая «команда в числе 11 человек, высланная из Александровского военного поселения для вырубki леса между Минаретом и аулом кабардинского узденя Куголкина, по окончании работы часу в восьмом вечера расположилась на поляне близ лесу варить кашу и в это время вдруг атакована была хищниками в значительном числе, часть которых бросилась на лошадей, а остальные на команду. Наряженный за ефрейтора поселянин Михаиле Нестеров тотчас собрал команду, которая не видевши возможности удержаться и лишась при перестрелке одного поселянина убитым на месте, ретировалась к аулу

Магомет-Мирзы Анзорова... ефрейтор, оставив повозки и убитого поселянина на месте, с остальными людьми прибыл в аул Магомет-Мирзы Анзорова, уведомил о происшествии и просил прикрытия для следования его с поселянином в укрепление Урухское. Из аула Магомета Анзорова, по его приказанию, даны были два узденя, которые проводили людей до Уруха».

Заведующий Змейским постом поручик Хату Анзоров с 10 казаками и 8 узденями своего аула организовал поиск нападавших, в чем ему помогал Магомет Анзоров со своими узденями, а потом присоединился владелец аула Коголкина [27, 10-11 об.].

Таким образом, по тревоге в защиту поселян выступили жители соседних аулов, вместе с казаками.

Между тем набирало силу горское сопротивление, которое возглавил имам Шамиль, что прямым образом сказалось и на судьбе военных поселений.

В обзоре военных действий на левом фланге Кавказской линии в 1841 г., составленном командующим войсками на линии генералом Павлом Христофоровичем Граббе, отмечалось: «... значительная конная партия, до 2 тысяч человек, под начальством Ахверды-Магома и абрека Большой Кабарды кн. Атажукина, переправясь через Терек, атаковала 28 того же апреля Александровское военное поселение. Толпы неприятельские с ожесточением три раза бросались на штурм деревни, но всякий раз были опрокидываемы хотя малочисленными, но храбрыми жителями под командою смотрителя поселения поручика Бабича¹. Видя тщетные усилия и значительную потерю своих, Ахверды-Магома переправился обратно за Терек, истребивши и забравши в плен всех жителей, случившихся в поле на работе, и угнавши скот, бывший на пастьбе» [1, 270].

---

¹ Бабичева

Эта картина дополняется в «Очерке положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 г.,» составленном командиром Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головиным: «огромное скопище чеченцев в конце апреля переправясь на левый берег Сунжи в окрестностях аула Самашки чрез Малую Кабарду, произвело набег на Военно-Грузинскую дорогу. 28 апреля хищники частью своей шайки напали на Александровское военное поселение, а другую часть на поселян, производивших полевые свои работы. Толпы, атакующие селение, невзирая на их многочисленность, были отражены; но толпы, бросившиеся на поселян в поле, имели полный успех: частью изрубили, частью же захватили в плен до 100 душ мужчин, женщин и детей и отогнали весь скот, принадлежавший тому селению» [1, 293].

В документах приводится разное число жертв набега: в рапорте начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса П.Е. Коцебу от 12 мая 1841 г. (т.е. «по свежим следам») сказано, что убито 70 поселян и их сыновей [40, 25].

И.Х. Тхамокова уточняет, что в Александровском убит 61 поселянин, 10 ранено, 26 пропали без вести, в Котляревском 7 убито, 4 пропали. Угнано более 2000 голов скота [21, 30].

В примечании к обзору П.Х. Граббе еще говорится: «По произведенному о набеге на Александровское военное поселение исследованию открылось, что причиною нечаянности оного было упущение со стороны малокабардинцев, которые не содержали кордоны и посты, как им приказано было, почему вознаграждение убытков поселян возложено на них. Они безропотно согласились на все распоряжения по этому предмету и сами сделали между собою раскладку, сколько с какого селения следовало взыскать по мере большей или меньшей, по их понятиям, вины жителей в пропуске партии. Штраф этот ими уже внесен» [1, 270].

Действительно, 10 октября 1841 г. в управлении Центра Кавказской линии получено предписание П.Х. Граббе от 27 сентября «с препровождением копии предписания его же к майору Анастасьеву¹ о взыскании с малокабардинцев 650 штук рогатого скота и столько же овец за проход чрез их земли хищнической партии, предводительствованной Ахверды-Магома и Джанбеком, ограбившей 28 апреля с.г. Александровское поселение, просит наблюсти, чтобы доставляемый от майора Анастасьева к подполковнику Курилле скот и овцы были выдаваемы им поселянам, потерпевшим ограбление, соразмерно с количеством потери каждого» [31, 207об, 209об.].

А 14 ноября там же получен рапорт майора Анастасьева, «что на удовлетворение поселян Александровского селения им штрафной рогатый скот шестьсот штук собран и сдан под квитанцию подполковнику Курилле, 650 же баранов еще из гор не собраны» [31, 265об.].

Что касается людских потерь, они отразились в демографических данных 1841 г., где в Александровском численно женщины преобладают, причем что особенно существенно – жены поселян – хозяев [40, 24].

Положение 1837г. учитывало подобные ситуации и потому в обязанности и повинности военных поселян вменяло: «охранять свои жилища от враждебных набегов и на сей конец содержать во всегдашней исправности свое оружие и приобретать на собственный счет огнестрельные снаряды после первоначального снабжения оными от казны» (§111). Однако их сил было недостаточно: основную нагрузку продолжали нести регулярные войска, а также Донские казачьи полки, периодически сменявшиеся. Размещались они частью, возможно, в домах поселян, реализуя право на пользование квартирной повинностью.

Так, имеется ведомость дислокации подразделений Донского казачьего полка № 35 под командованием подполковника Сербинова от 12

---

¹ Пристав Малой Кабарды.

октября 1841 г., в которой указаны Александровское военное поселение (6 офицеров, 5 урядников, 72 конных и 11 пеших казаков), Николаевское военное поселение (5 казаков), пост Котляревский (7 казаков) [28, 64об.].

В январе 1843 г. в поселениях несли службу: в Николаевском – кроме 145 поселян, 189 солдат и офицеров Навагинского пехотного полка, в Александровском – 104 поселянина, 221 солдат и офицеров Навагинского пехотного полка, 69 донских казаков, в Котляревском – 88 поселян, 119 солдат и офицеров того же полка и 31 донской казак (Донского № 35 полка) [32, 39об.].

В числе военных поселян, очевидно, указаны только взрослые мужчины, способные владеть оружием.

Кроме того, внутри или вблизи поселений размещались временные военные посты, о которых говорится (апрель 1843г.) [33, 70-70об.]:

Звание постов	Число людей	Число пикетов	В каком положении находятся посты
пост Николаевской	16	3	Состоит внутри станицы, для помещения нижних чинов имеется дом
...пост Александровский	60	3	Состоит внутри станицы для помещения нижних чинов занимаются на квартирах
...пост Погорелодубский	19	1	Обнесен рвом, окружен плетнем и опушен терновником, для помещения нижних чинов землянка годная»

К этому времени Погорелодубский пост, вероятно, уже был перенесен на другое место, во исполнение предписания В.С. Голицина полковнику Ильинскому от 17 марта 1843 г.: «Покорнейше прошу Ваше высокоблагородие приступить с получения сего без малейшей потери времени к переселению Погорелодубского поста на Военно-Грузинскую дорогу и устроить его между Котляревским и Александровским поселениями в том месте, где дорога, идущая из Тау-Султанова аула в

Большую Кабарду пересекает Военно-Грузинскую дорогу...» [39, 91].

К марту 1843 г. в Александровском намечено устроить этапный пункт, где мог бы останавливаться на отдых транспорт, следующий по Военно-Грузинской дороге, «потому что здесь сходятся дороги с Нальчика, Екатеринограда и Владикавказа». В предписании полковнику Ильинскому (начальнику дороги) В.С. Голицын указывал: «По прибытии в распоряжение Вашего высокоблагородия рот Минского пехотного полка я считаю удобным, чтобы Вы ее расположили в четырех пунктах, а именно: Архонке, в Ардоне, в Николаевском поселении и на Минарете, рота Навагинско-го полка займет Урух, поселение Котляревское и Александровское, – в этом последнем останутся лазарет и тягости 2-го батальона Навагинского полка... и вместо прежних этапных пунктов на Урухе и Минарете назначить таковые на Александровке и на Змейке».

Таким образом возрастала роль поселений в обеспечении главных кавказских коммуникаций.

Впрочем, в 1843 г. военные поселения назывались в переписке таковыми скорее по инерции – формально они уже были переведены в разряд казачьих станиц. В качестве основания этого события наши авторы ссылаются на «решение правительства от 15 августа 1842 г.» [3, 200] либо «приказ военного министра от 23 ноября 1842г.» [3, 51; 16, 104], не приводя их текстов.

По сведениям К.М. Ячменихина, в Кавказское линейное казачье войско таким образом поступило 500 семей и 2134 чел. четырех военных поселений: Владикавказского, Николаевского, Александровского, Котляревского [40,25].

Не располагая формулировками названных нормативных актов данными о ходе их подготовки, об истинных причинах такой реорганизации можно только догадываться. Но вряд ли определяющим аргументом здесь была опасность набегов и вторжений [40, 25].

Возможно, одним из побудительных мотивов такого решения как раз стало расположение военных поселений на стратегически важном тракте в единой цепи со станицами Владикавказского казачьего полка, управление которыми удобно было сосредоточить в едином центре.

Другими причинами перевода поселений в станицы, вероятно, могла быть малая эффективность трудовой деятельности бывших солдат, слишком долго оторванных от сельского хозяйства и других мирных занятий.

Основной производящей единицей в военных поселениях была малая семья, соседская община в полной мере, вероятно, сложиться не успела.

Молодое поколение в поселениях было малочисленным, между детьми, родившимися на Кавказе, и прибывшими из мест призыва их отцов неизбежно сказывался возрастной разрыв, что не способствовало преемственности семейных традиций и передаче трудовых навыков, а также негативно влияло на распределение рабочей силы.

Да и с самого начала, еще в Положении 1837 г., были заложены особенности, фактически сближавшие статус поселян и казаков – ведь в кавказских условиях крепостнические порядки не получили развития – и более лично свободные от армейской муштры казаки становились основной опорой государства в освоении здешних земель.

В любом случае история военных поселений заслуживает дальнейшего изучения.

Примечания:

¹ Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею. Тифлис, т. IX.

² Бальжатова Н.А. Нальчикское военное поселение (1839-1850 гг.) // *Respublica: Альманах социально-политических и правовых исследований*, вып. 3 (Материалы шестой научно-практической конференции «Славянские чтения» 30 октября 2001г.). Нальчик, 2002. С. 26-30.

- ³ Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии: Сборник научных трудов. Орджоникидзе: СОГУ, 1989.
- ⁴ Бурда Э.В. Очерки о терском казачестве. Нальчик. Полиграфсервис и Т., 2003. С. 51.
- ⁵ Варивода Н.В. Механизмы «искусственного» роста терского казачества в первой половине XIX в. // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность: Сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции (Россия, г. Краснодар, 25-26 февраля 2004г.). Краснодар, 2004. С. 277.
- ⁶ Высочайше утвержденное Положение о военном поселении на Кавказе – 10 октября 1837г. // Полное собрание законов Российской империи, Собрание 2-е, (ПСЗ-2), т. XII, отд. 1, № 10576.
- ⁷ Высочайше утвержденный проект о перенесении укреплений, состоящих на Военно-Грузинской дороге между Владикавказом и Екатериноградскую станицю, на правую сторону реки Терека и о поселении на этой дороге казачьих станиц – 31 июля 1838г. // ПСЗ-2, т. XIII, отд. 2, № 11446.
- ⁸ Давыдов Б.Б., Кандаурова Т.Н. Материалы Военно-Ученого архива по истории военных поселений. // Документальные реликвии российской истории. 200-летие Военно-ученого архива / Сост. М.Р. Рыженков. Труды РГВИА, вып. П. М.: УРСС, 1998, с. 155-193.
- ⁹ Докладная записка [майора Шарданова командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Граббе 20 мая 1839 г.] // Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века / Составление, введение и примечания Х.М. Думанова. Нальчик: Эльбрус, 1986, с. 265-266.
- ¹⁰ Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России 1810-1857гг. (проекты и их реализация) // Вестник Московского государственного университета, (ВМГУ), серия 8, история 1990г., № 1, с. 61-71.
- ¹¹ Кандаурова Т.Н., Давыдов Б.Б. Военные поселения в оценке современников // ВМГУ, сер. 8, история. 1992 № 2, с. 44-55.
- ¹² Клевцов М.М. Новь станицы Котляревской. Нальчик: Эльбрус, 1983.
- ¹³ Клевцов М.М., Клевцова Л.К. Родословные коренных котляревцев за 200 лет. Нальчик, 2001.
- ¹⁴ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе. (1827-1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002.
- ¹⁵ Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002 г., с. 81.
- ¹⁶ Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, Ир, 1991.
- ¹⁷ О причислении военных поселений на Кавказской линии... к Кавказскому линейному казачьему войску – 7 сентября 1850 г., // ПСЗ-2, т. XXV, отд.1, № 24473.
- ¹⁸ Плеханов А.М. «Противопоставить сильнейший оплот... покушениям иноземцев...» // Военно-исторический журнал, 1997, № 2, с. 70.
- ¹⁹ Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков: Сб. док. // Предисловие и составление Х.М. Думанова. Нальчик: Нарт, 1992, с. 82-83.
- ²⁰ Туганов Р.У. Командир лейб-гвардии Кавказского-горского полуэскадрона (генерал-майор Хату Анзоров) // Туганов Р.У. Страницы прошлого (заметки краеведа). Нальчик: Эльбрус, 1989, с. 85-88.
- ²¹ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000.
- ²² Тютюнина Е.С. Документы о военных поселениях первой половины XIXв. в фондах Центрального госархива Кабардино-Балкарской Республики // Историческое регионоведение – вузу и школе: Материалы Четвертой региональной научно-практической конференции. Армавир, 1995. с. 19-20.

- ²³ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), ф. 1, оп.1, д. 53.
- ²⁴ ЦГА КБР, ф.1, оп.1, д. 55, л. 36об.
- ²⁵ ЦГА КБР, ф.1, оп.1, д. 57.
- ²⁶ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 45.
- ²⁷ ЦГА КБР, ф. 16, оп.1, д. 66.
- ²⁸ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 80.
- ²⁹ ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 83.
- ³⁰ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 90.
- ³¹ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 115.
- ³² ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 211.
- ³³ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 268.
- ³⁴ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 297.
- ³⁵ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 340.
- ³⁶ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 562.
- ³⁷ ЦГА КБР, ф.16, оп.1, д. 747.
- ³⁸ ЦГА КБР, ф.23, оп.1, д. 2, т. 4.
- ³⁹ ЦГА КБР, ф.40, оп. 1, д. 4, т. 2.
- ⁴⁰ Ячменихин К.М. Военные поселения на Кавказе в 30-50-е годы XIXв. // ВМГУ, серия 8, история, 1991, № 4.
- ⁴¹ Ячменихин К.М. Военные поселения в русской дореволюционной и советской историографии // ВМГУ, серия 8, история, 1985, № 3, с. 63-71.

Федосеева Л.Д.
г. Майкоп

А.П. Ермолов и Кавказ

Яркая, самобытная и противоречивая фигура Ермолова, вероятно, еще долгие годы будет вызывать споры исследователей. И неудивительно: ореол героя Отечественной войны, талант полководца, дипломата, администратора уживались в нем с репутацией грозного «проконсула Кавказа», чьим именем горские матери пугали своих детей.

После завершения Заграничного похода Русской армии ожидалось, что Ермолов возглавит Военное министерство. Но, в апреле 1816 г. последовал рескрипт Александра I о назначении Ермолова командиром отдельного Кавказского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Одновременно состоялось и назначение его главой чрезвычайного посольства в Иран для выполнения важной миссии – проведения скорейшего разграничения земель между Ираном и Россией согласно Гюлистанскому мирному договору 1813 г.

Данное назначение Ермоловым было принято без особого желания. Тем не менее, переговоры с шахом в его летней резиденции в 1817 г. завершились успешно: были решены спорные пограничные и территориальные вопросы, установлены дипломатические отношения России с Ираном.

Назначение боевого и популярного генерала Ермолова на Кавказ многими было воспринято как опала. Однако, назначая его заместителем Кавказа, Александр I преследовал далеко идущие военно-политические цели. Во-первых, он рассчитывал на то, что Ермолов, талантливый и

энергичный государственный и военный деятель, наиболее подходящая кандидатура, способная выполнить задачи укрепления позиций России на Кавказе и приведения в подданство российскому императору непокорных горских народов. Во-вторых, Александр I считал необходимым удалить на Кавказ очень популярного в армии и передовых кругах России генерала. Тем более, что после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии известность Ермолова возросла. Зато кавказские войска с восторгом узнали о назначении главою их Ермолова, любимца народной молвы, стяжавшего себе громкую славу и качествами опытного и талантливового вождя, популярнейшего в войсках, и своей неподкупной честностью, и своей истинно русской душой, и меткими злыми остротами над господствовавшими тогда всюду в России «немцами».

Российское правительство прекрасно понимало огромное значение Кавказа как одного из важнейшего военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. Тем более, что сложившаяся к началу XIX в. международная обстановка этому также способствовала. С одной стороны, происходит укрепление позиций ряда европейских государств, в первую очередь Англии и Франции на Ближнем и Среднем Востоке, что вызывает озабоченность России. С другой стороны, растет прорусская ориентация ряда кавказских народов, страдавших как от междоусобиц, так и от разорительных нападений со стороны Османской Турции и шахского Ирана.

При вступлении в должность командующего отдельным Грузинским корпусом и генерал-губернатора Кавказа и Астраханской губернии Ермолов представил Александру I план своей военной и административной деятельности на Кавказе, которого затем неуклонно придерживался.

Ознакомившись с планом Ермолова, царь его одобрил, так как, он включал в себя приведение в подданство горских народов Северного Кавказа и завершение образования российского административного устройства на Кавказе.

Император Александр отдал повеление, в котором как бы резюмировал сущность ермоловского плана: “Покорять горские народы постепенно, но настоятельно; занимать лишь то, что удержать за собою можно, не распространяясь иначе, как став твёрдую ногу и обеспечив занятое пространство от покушений неприязненных”¹.

Начало своей деятельности Ермолов ознаменовал инспекционной поездкой, где занимался осмотром крепостей, знакомился с мирным и военным бытом казачества и войска. Для усиления границ по приказу Ермолова, хоперскими казаками основываются новые станицы.

Осенью 1817 г. кавказские войска были усилены прибывшим из Франции оккупационным корпусом графа Воронцова. С прибытием этих сил у Ермолова оказалось в общей сложности около 4 дивизий, и он мог перейти к решительным действиям.

Войска стали планомерно продвигаться к сердцу “Кавказской крепости”. Ермолов начал весной 1818 г. окорения Чечни и горного Дагестана. Оно проводилось суровыми военно-колониальными методами.

В непроходимых лесах прорубались просеки, прокладывались дороги, основывались крепости. В 1818 г. была заложена крепость Грозная, в 1819 г. – Внезапная, в 1821 г. – Бурная, затем цепь других крепостей по рекам Сунже, Тереку, Кубани, где были поселены враждебные чеченцам племена, казаки и расквартированы регулярные войска, следуя принципу “разделять и властвовать”. Строительство крепостей и дорог проводилось не только силами русских солдат: для

этих работ массами сгонялось и местное население, для которого возведение укрепленной линии явилось тяжкой повинностью.

Ермолов заново создал укрепленную Кавказскую линию как опору для планомерного наступления на территории горских народов Кавказа.

Однако не только огнём и мечом проходил генерал Ермолов по землям горцев, но и претворял в жизнь целую систему мер по благоустройству покорённого края, развитию в нём самоуправления, обеспечения нормальной мирной жизни. Вся его политика сводилась в общем-то к вполне понятному правилу: «будь честен, уважай законную власть – и ты будешь жить хорошо, потому как великая Россия будет заботиться о тебе».

Гражданское управление обнаружило в Ермолове выдающиеся способности администратора и государственного человека. Алексей Петрович уделял внимание торговле с горцами. При нём открылись новые меновые дворы, причем товарами собственного производства горцы могли торговать на них беспошлинно.

Для исследования и выбора места торговли с туркменами, Хивой и Бухарой, Ермолов в 1818 г. направил на восточное побережье Каспия экспедицию во главе с капитаном Н.Н. Муравьёвым. Чтобы существенно оживить торговлю края, по ходатайству Ермолова через Закавказье был введён транзит для европейских товаров. Для развития земледелия в Прикубанье были поселены немецкие колонисты, которые доставили Ермолову не мало хлопот и проблем.

Ермолов принял энергичные меры к увеличению населения края. Его стараниями в 1822 г. с Украины (Полтавская и Черниговская губернии) на Кубань было переселено 25 тыс. семейств малороссийских казаков. Был учреждён особый комитет, “дабы обеспечить участь поселенцев и предупредить их нужды”². Чтобы поддержать казачество и помешать расхищению войсковых земель, он приказал обратить в

казачье сословие крестьян, выведенных из России, которых помещики в определённый срок не пожелали возвратить.

Тем временем жизнь в самой России шла своим чередом, императора Александра I сменил его брат Николай I, о чём возвестили карточные залпы на Сенатской площади Петербурга 14 декабря 1825 г. В ходе следствия выяснилось, что Ермолов был близок со многими декабристами, прекрасно осведомлён об их взглядах и настроениях, сочувствовал этим взглядам, хотя и не принимал их революционных методов борьбы. Многие декабристы очень рассчитывали на поддержку Кавказского корпуса и лично генерала Ермолова. В то время ходили упорные слухи о том, что корпус Ермолова откажется от присяги Николаю I и двинется на Петербург. Николай I с тревогой ожидал известий о том, как пройдёт присяга на верность ему в корпусе Ермолова. А сам Алексей Петрович не поспешил привести свои войска к присяге новому государю. К тому же Кавказский корпус резко отличался от всей прочей Русской армии, в которой тогда главенствовали муштра и шагистика. А здесь сформировался особенный тип русского воина – самостоятельного, инициативного, отважного, предприимчивого. Именно здесь закалялись характеры, создавались легендарные боевые традиции, вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчинённых. Эти боевые традиции, эту «Суворовскую науку побеждать» кавказские полки передавали из поколения в поколение, показывали её во всех своих дальнейших встречах с врагом.

И вообще, в России мирного времени правители не жаловали популярных военачальников, всегда подозревая в них какую-то потенциальную угрозу. Так что дни Ермолова на Кавказе были уже сочтены. Против него давно велись интриги в Петербурге. Он был опальным генералом. Император счел опасным вести следствие о Ермолове в связи с делом декабристов в обычном порядке и повел

дознание особым, секретным путём. У него в руках было достаточно данных для ареста и допроса генерала. Но Ермолов был слишком крупной военной и политической фигурой. Николай I разработал план дискредитации Ермолова по военной линии, снятия его с постов и отставки.

В июне 1826 г. иранский шах, подстрекаемый Англией, начал военные действия против России. Первые военные неудачи русских войск послужили императору Николаю Павловичу благоприятным предложением отправить на Кавказ своего фаворита генерала И.Ф. Паскевича официально в помощь Ермолову, на самом же деле для его замены. Судьба Алексея Петровича была решена. 27 марта 1827 г. он был освобождён от всех должностей. Вместе с Ермоловым были уволены в отставку и его сподвижники («ермоловцы»), признанные «вредными».

Генерал оставил Кавказ, но там ещё долго жила память о нём и славной «Ермоловской эпохе».

Примечания:

¹ Керсновский А.А. История русской армии в 4 томах. Т.2. М., 1993 С.95.

² Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. М., 1991. С.13.

Хайбулаев М.Р.
г. Махачкала

Женщина на Кавказской войне

Пророк перед смертью завещал: «Не обижайте женщин». На собственном примере он призывал последователей хорошо относиться к женам. Анас ибн Малик рассказывал: «Посланник Аллаха больше всех сочувствовал детям и женщинам».

В Коране сказано: «Обходитесь со своими женами достойно» (сура 4, аят 19).

Прежде чем высказать свое мнение о положении женщины лет двести тому назад, нам необходимо уметь представить жизненный уровень, духовное мировоззрение, социально-экономическое и военное положение наших предков в XIX веке.

Как нам известно, освободительная война велась с целью установления и утверждения шариата, во-первых, во-вторых, война велась против интервентов в лице русского царизма. Велась народно-освободительная война.

Война горцев с царизмом – это более чем 30-летняя цепь убийств и разрушений, насилия одного народа над другим. Но нельзя забывать, что этот период знаменуется и активной созидательной деятельностью. Для того, чтобы одерживать победы, необходимо без усталости создавать экономические, политические, правовые и прочие ценности. Их созидание в горах Северного Кавказа связано с именем третьего имама Шамиля. «Шамиль в первые же годы своего имамства заслужил общее доверие» – писал Романовский. «Шамиль, одаренный большим умом, не только великий воин, но и крупный законодатель» – признавал француз Эдуард Мерелзе».

Какое же место занимала женщина – горянка в этой трудной войне? Какие низами были введены Шамилем в свою юриспруденцию в пользу женщины, отстаивая ее права?

Прежде, чем раскрыть суть этого вопроса необходимо рассказать об обязанностях мужа перед женой и жены перед мужем. Как эти вопросы рассматривает шариат и что такой шариат?

Шариат – это общее учение об исламском образе жизни, комплекс предписаний, обязательных для каждого мусульманина. В нем нет однако конкретизации правовых действий, выраженных в четких нормах права. Эту роль выполняет эль-фикх – исламская юриспруденция. Последняя, являясь составной частью шариата, занимается выработкой конкретных норм права, отвечающих, прежде всего, местным, социальным, экономическим и другим реалиям.

В Коране же разграничиваются условия, которые муж и жена должны соблюдать по отношению друг к другу.

Каких же правил должен придерживаться муж?

1. Мужчине необходимо проявлять в семье положительные черты характера. К супруге следует относиться, учитывая женские особенности ее мышления. В Священном Коране сказано: «Если они будут покорны Вам, то не обижайте их». (Сура 4 аят 34).

2. Как говорится в Хадисе Пророка: «Лучшее среди вас те, кто являются лучшими для близких».

3. Муж не должен исполнять все прихоти жены и чрезмерно баловать ее. Однако, следует выбирать золотую середину. Нельзя жестко подходить ко всем желаниям и просьбам супруги, повергая этим ее в уныние. При помощи шуток и добрых слов можно достичь взаимопонимания во всех вопросах.

4. Нельзя ущемлять жену в расходах. В Коране сказано: «Не скупись, словно прикована рука твоя к шее, и не будь расточителем» (Сура 17, аят 29).

5. Запрещено содержать жену на средства, вырученные от продажи греховного (спиртного, от процентов).

6. Супруг обязан объяснить жене, что означает вера, (иман), что значит быть мусульманкой.

Какие же правила должна соблюдать жена:

1. Жена должна быть богобоязненной, ибо в Судный день мужу придется отвечать за свою жену и детей поэтому, прежде чем совершить что-то, жене лучше спросить разрешение мужа. К примеру, прежде чем отправиться куда-то в дорогу.

2. Жена должна с пониманием относиться даже к малой толике того хорошего, что делает для нее муж и выражать ему свою признательность.

3. Нельзя говорить мужу что-либо ранящее его.

4. Если какой-то неправильный поступок вызовет недовольство мужа, жена должна поторопиться сделать все, чтобы он простил ее.

5. Самое лучшее деяние женщины – беречь себя от посторонних мужских глаз.

6. Жена не должна требовать от мужа больше, чем нужно, ни в одежде, ни в еде, ни в домашней утвари: посуде, мебели.

7. Если то, что муж принес домой является запретным, к примеру, украденное, отобранное, полученное от продажи спиртного, процентов с денег, взяткой и т.д., то от такого необходимо отказаться.

8. Жене всегда необходимо стараться понравиться мужу.

Если супруги будут неукоснительно соблюдать приведенные выше правила, их отношения всегда будут гармоничными. В семье будут царить радость, спокойствие и любовь.

«До образования в Дагестане имамата, – пишет Руновский, – горцы руководствовались в своей домашней жизни адатом», судились между собой и решали все свои дела тоже по адату «Нелепость таких правил с одной стороны, а с другой противодействие, которое предоставляют они собой намерениями народных предводителей обыкновенно зараженных честолюбием или фанатизмом, побуждали этих людей смотреть на адат неприязненно и употреблять все меры, если не совершенному искоренению, то к значительному ослаблению его силы. С этим последним успехом действовали первые два имама: Гази Мухаммад и Гамзат-бек: проповедуя шариат, то есть заповеди, написанные в спартанском духе и приуроченные к возбуждению войны, но никак не к водворению мира. Действие шариата проявлялось только в местностях, ближайших к резиденциям имамов; все остальное население придерживалось по-прежнему адату, оставляя его только на время пребывания в стране имама или его клевретов».

Опыт первых пяти лет войны открыл всю несостоятельность этой системы и вместе с тем, указал необходимость употребить самые энергичные меры к водворению шариата.

Такого рода деятельность досталась на долю Шамиля. Шамиль старался распространить шариат и утвердить существование его в немирном крае на самых прочных основаниях. Одним словом, Шамиль видел настоятельную необходимость избрать дорогу по собственному усмотрению и направить на нее горцев так, чтобы отнять у них всякую возможность сбиться.

С этой целью он дополнил и изменил некоторые постановления шариата сообразно действительных как ему казалось, потребностей страны, они назывались низами.

Руновский пишет, что: «Шамиль утверждает, что он не сделал в шариате ни малейшего изменения он даже серьезно сердился, когда мы

попробовали однажды доказать ему противное, основываясь на фактах, им же самим заявленных. Возражая против этого, он подкреплял свои слова таким доводом, который не для всякого может показаться убедительным, именно – невозможностью изменений то, что постановлено Богом и в заключении сказал, что низам его ничто иное, как собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности края, благосостояния народонаселения и усиления средств к сопротивлению внешним врагам, но что все эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому он и служит одним лишь дополнением».

Низамов Шамиля было нам известных всего 13. Но мы будем рассматривать лишь те, которые имеют отношение к женщине. Денежный штраф установлен Шамилем для трех видов преступлений:

1. За воровство;

2. За уклонение от воинской повинности;

3. За умышленное прикосновение к женщине. Четвертый случай нанесены в драке побойных знаков – предоставляя штрафные деньги в пользу потерпевшего.

Денежному штрафу подвергались одни мужчины, женщины от этого были свободны.

Некоторые упрямые и трусливые мужья предпочитали сидеть в тюремной яме, чем идти в поход. У них была пословица: «Лучше просидеть год в яме, чем пробыть месяц в походе». Поняв смысл этой пословицы, Шамиль ввел новшество: 3 месяца сажал труса в яму и за каждые сутки, проведенные в яме, взымал штраф – 20 коп. К концу срока набегала солидная сумма. И хозяйство дезертира разорялось. Но жены горцев в ограждении своего хозяйства от неминуемого разорения, а уже по меньшей мере от расстройств старались всеми силами убедить

своих трусливых или упрямых мужей идти в поход, а иногда указывали тайком места, где они укрывались.

Горцы женщину иногда сравнивали с розой, со стеклянным, красивым изделием, – разобьешь, разорвешь – женщина теряет честь; поэтому прикосновение мужчины к телу женщины и даже к платью женщины, по понятиям горцев, составляет для нее полное бесчестие. Этим пользовались в прежнее время многие негодяи на желания отомстить женщине или девушке неудачу своего волокитства, а иногда делали это из каких-либо иных побуждений. Во всяком случае прямым последствием прикосновения было канлы (кровомщение), и это встречалось прежде, так часто, что Шамиль, говоря о канлы за «бесчестие женщины» назвал его нескончаемым канлы». Но трехмесячный арест, сопровождаемый денежным штрафом, достаточно оградил горских женщин от наглости их соотечественников.

В низаме 4 особое место занимает брачные дела. Будучи в Чечне Шамиль увидел, как впоследствии он сам говорил: «множество девок с седыми волосами и совсем дряхлых стариков, весь свой век проживших холостыми». Причина этого явления заключалась в непомерно больших размерах калыма (от 80-200р.)сер.) которого большинство населения не в состоянии было внести.

Прямым последствием такого порядка вещей были беспрестанные побеги молодых, безнравственностью и убийствами.

С целью избавить семейства от позора и гибели, а вместе с тем прекратить в стране беспорядок Шамиль собрал старшин из всех чеченских обществ и объяснив им всю несообразность существующего у них обычаев и плачевные его результаты, предложил избрать меры к устранению их на будущее время. Старшины согласились на калым, 20 р. и просили прибавить к назначенной сумме 6-8 рублей на свадебные издержки.

Сделав то, что было нужно для доставления молодым людям возможности налагать на себя брачные узы мирным путем, Шамиль в то же время принял меры, чтобы воспрепятствовать соединению их прежним способом.

Шамиль запретил муллам совершать над беглецами брачный обряд под угрозой зашивания рта. При поимке беглецов, он приказал немедленно разлучать их, как совершивших блуд, подвергали 100 палочным ударам (по спине) и затем изгоняли из села на один год.

Постановление это оказалось вполне действенным.

Дагестанские размеры калыма были меньше. Сущность другого узаконения по брачным делам заключалась в понуждении родителей или родственников совершеннолетних девиц к скорейшей выдаче их замуж.

Процедура понуждения происходила следующим образом: наиб или другой местный начальник, получив сведения о девушке, одаренной веселым характером, обыкновенно приступал к главе семейства с дружеским советом – похлопотать для своей родственницы о женихе. Если родственник был понятлив, то его отпускали с миром домой в полной уверенности, что предложение будет исполнено в непродолжительном времени.

Шамиль был заинтересован в устройстве возможно большого числа браков и увеличения потомства, а также избавления легкомысленных девушек от действия неумолимого закона, а семейства их бесславия.

Выше мы говорили о бракосочетании, а теперь рассмотрим низам по бракоразводным делам.

В семейном быту горцев наиболее частым явлением было расторжение брачных союзов. Особенно до распространения шариата разводы совершали можно сказать, без особых причин: пьяный горец скажет своей жене иногда совсем бессознательно известный термин: «Я

тебя (имя жены) отпускаю тройным разводом», и разводный акт совершен.

Таким образом, шариат оказал дагестанской женщине ту услугу, что избавил ее, по крайней мере, от пьяного мужа. Тут есть одно но: если шариат уменьшил размер калыма, это не значит, что любой ловелас может выгнать жену и взять новую. Но он горько ошибался, думая, что если калым невелик, то и развод обойдется дешево. Отпуская жену, он был обязан выдать ей кроме калыма еще и то, что принесла она с собой из дома родительского, а сверху того, если вместе с ней отпускались и дети, или если развод состоялся во время беременности, то согласно правилам шариата, он должен был давать содержание детям – до совершеннолетия, а ей – до выхода замуж или до окончания беременности, которое, согласно тем же правилам, может продолжаться даже до трех лет.

Однажды, прожив с женой 8 лет и не имев детей от нее, горец при разводе объявил претензию на половину калыма. Выведенная из терпения бесстыдством мужа, жена обратилась с жалобой к самому Шамилю, который соображая со здравым рассудком, решил это дело в пользу женщины и даже определил личное взыскание с ее мужа за ложное показание. И этот случай натолкнул на мысль издать низам в следующем тексте: муж, пробывший с женой наедине несколько минут, обязан выдать ей при разводе весь калым сполна».

В то самое время, когда предводитель горцев издавал этот закон (в 1840-41гг.) чеченские старшины от имени своего народа настойчиво требовали скрепления союза его с Чечнею более прочными узами, а именно посредством брака с какой-либо из чеченских фамилий. Требование это Шамиль признавал основательным, но призвания к браку с чеченкой не имел; а поэтому, чтобы успокоить население и не причинять беспокойства себе, он женился на красавице Зейнаб, дочери

натурализованного Казикумуха Абдуллы, и тотчас же по совершении обряда развелся с нею, выдав весь калым сполна и не допустив молодую жену остаться с собой без свидетелей ни на одну минуту.

Отказываясь от права, которым охотно воспользовался бы сам Хункар, Шамиль показал своим подвластным пример, как следует исполнять, только что изданный закон.

Шамиль понимал, что разводы и в дальнейшем будут, что это большое зло, но против него почти нет средств, не может быть и не должно быть хотя бы потому, что для женщины по свойственным ее природе хитрости и коварству, всегда необходима, некоторого рода, острастка. Но он в то же время видел необходимость отнять у недобросовестных мужей возможность произвола и с этой именно целью установил свой низам, руководствуясь сочувствием к безвыходному положению в их обществе женщины.

1. Война уносила людей, особенно мужчин в расцвете сил и энергии.

Маджлис имамата постановил провести перепись населения Чечни и Дагестана. Вскоре были проведены итоги. За последнее пять лет стало в три раза меньше мужчин и дети рождаются все реже и реже. Сплошь вдовы от 18 до 30 лет. Шамиль решил собрать всех старшин сначала Чечни, а затем Дагестана. На заседании маджлиса имам выступил и сказал: «Мы не должны вкладывать клинки в ножны до тех пор, пока неверные не оставят мысль о нашем покорении. Но для борьбы нужны силы. Они будут нужны и тем, кто после нас продолжит дело угодное Аллаху. Если мы не будем пополнять ряды, не устоять нам против несметных полчищ гяуров. А у нас не то, что вдовам – подрастающим девицам вскоре не за кого будет выходить замуж»... (Мариам Ибрагимова. С.387 Имам Шамиль).

Джамалудин устад предложил в принудительном порядке заставить каждого мужчину иметь не менее двух жен. Против принудительности

выступил Даниял-бек. А Шамиль сказал: «Предоставим право выбора женщинам» – это было что-то новое. Веками право выбора сохранялось за мужчинами, а теперь наоборот. Некоторые запротестовали против выбора женщинами. Говорили о слабости женщины, о ее рождении от ребра мужчины и т.д.).

- Каждое живое существо, как и человек, рождается из ничего. Но согласиться с тем, что женщина слабая, я не могу, ибо встречал мужчин гораздо слабее телом и духом, нежели иные женщины, – сказал Шамиль. – Женщина рождает и растит детей, обрабатывает поля и огороды, обшивает и готовит пищу нам. Ухаживает за больными и стариками. – Женщины обеспечивают наших воинов продуктами питания. В жаркие дни боев и в критические минуты надевают папахи, опоясываются и с обнаженным оружием становятся рядом со сражающимися мужчинами».- (М.Ибрагимова «Имам Шамиль» с.387). Появился новый закон и наибы и старшины приступили к его осуществлению. И он был поддержан почти всеми джамаатами Дагестана и Чечни.

-Теперь покажем, как женщина-горянка вела себя в самые трудные минуты. Рядом с мужчинами в осажденной крепости Ахульго находились женщины, старики и дети. Женщина показала, что она ничем не уступает мужчине, она может в любую минуту рисковать жизнью, готова совершить подвиг. Когда с шипением снаряд падал рядом с ней, она опустив рукава платья, чтобы не сжечь руки, бросала их подальше, не боясь, что он может разорваться в руке.

Под обстрелом собирала ядра для орудия мюридов. Когда мюриды и другие защитники голодали и каждому давали по 10 зернышек жареной кукурузы или конских бобов, три зернышка из них поедала сама, а остальные относила на позицию к своему мужу или брату. У погибших девочек, женщин в зажатой руке находили эти 7 зернышек, предназначенных для защитника. Одевшись в одежду брата или мужа, с

оружием в руках она сражалась с врагом, об этом в своей книге пишет Милютин. Она, женщина обеспечивала водой сражающихся мужчин, под обстрелом опускалась к бурной реке и по недоступной тропинке по вбитым в скалы колышкам карабкалась вверх. Наконец, чтобы не попасть в руки гяуров с горной кручи бросалась в бушующую реку. Видя все это, конечно Шамиль и другие наибы и войны с глубоким уважением относились к женщине.

Еще один пример:

Чиркатинка Укумуху Меседу в Ахульго попала с 4 летней дочерью по имени Рузмай и грудным мальчиком. Муж погиб на Ахульго, а она попала в плен. Из-за того, что в груди не было молока, сын плакал по дороге. Когда пленники дошли до источника на территории Унцукуля, конвоирам надоел плач маленького ребенка, они отняли его у матери и забросили в крапиву, а мать с другими арестованными под побоями погоняли дальше. От горя Меседу всю дорогу плакала и проклинала врагов. Солдаты, когда они дошли до Гимринских высот Азалихчи, забили рот Меседу камушками и выбросили ее со скалы.

К счастью она осталась жива, ее нашел козий пастух, он вынул из ее рта камешки, повел в аул Ахатль. Долго выхаживали они ее. А потом сказал ей, что, если она захочет остаться в Ахатле, ее могли бы выдать замуж за ахатлинца. Меседу вернулась в Чирката, но ни дома, ни припрятанной утвари она не нашла, дом был разрушен, припрятанное имущество разграблено. В своем селении она вышла замуж не за богатого труса, а за смелого уздена-патриота. Родила детей. А мальчика, выброшенного тогда в крапиву, нашел унцукульский пастух. Вырастила его жена пастуха. Он вырос очень крепким, сильным мужчиной. За недюженную силу его называли Циали (Медведьали). Сын вернулся к матери. Была братская крепкая дружба между семьями Ахатлинского, Унцукульского пастухов и семьей Меседу.

Вот другой пример:

Когда защитники Ахульго спускали к реке кувшины, царские солдаты обстреливали и дырявили их. Тогда горцы ставили кувшины в плетеные корзины, а вокруг засыпали землей. С кувшинами за водой спускались по лестнице, из колышек вбитых в скалы, женщины. Патимат набирала воду в реке в бурдюк. На нее напали несколько солдат, она сопротивлялась, им один чиркеец кричал, что она женщина в мужской одежде, оставьте мол ее. Заколотая штыками она упала и шапка скатилась, тогда только солдаты поняли, что она женщина и сильно удивились. В это время на умирающую мать бросилась бывшая недалеко ее дочь Щуладал Алил Хажи. Они оторвали дочь от матери и отправили в Кизляр. Солдат два-три месяца не выпускал ее из дому, чтобы она привыкла к нему. Потом ее послали за водой на берег Терека. А Хажи на берегу нашла своих землячек, которых на 2 года раньше угнали в Кизляр. Хажи попросила их, чтобы и они сбежали с ней. Одна из них сказала: «От этого гяура у меня сын, никак я сына не могу оставить». А другая сказала: «На свете у меня никого и ничего не осталось, к кому я вернусь». Тогда Хажи попросила у них, чтобы они подольше задержались у воды, чтобы муж подумал, что она там. Днем она шла по лесу, чуть подальше от дороги, чтобы дорога была видна, ночью, привязанная к дереву, спала на дереве.

В одном месте ее поймали 3 человека. Это было вблизи чеченского села. Мужчины ее привели к сельскому дибирю. Поняв скорбную судьбу горянки, он оставил ее у себя дома и не пустил в путь. Какими судьбами в эти края попал Артлухинец Дайтбегил Муртазали, мы не знаем. Сельский дибир обвенчал (сделал магары) ее с Муртазали и отправил домой в Артлух. Сельский дибир Артлуха узнав о мужестве Хажи, назвал ее газий, А Муртазали, который спас ее, газаватчи (человек газавата) и навещал его, чтобы он достойно отнесся к ней. Впоследствии

они переселились в Чирката, потомки их живут в этом старинном аварском селе.

Точно такая же судьба была и у Гаджил Патимат из этого же аула.

Ее погнали в Кази Кумух. По дороге, она сбежала. По пути встретила с охотником из Хунзаха. Он привел ее в Чирката. Родственники Пати объявили, охотника их братом. Эти братские отношения сохраняются потомками по сей день.

Было и такое: плененная Рузмай, через некоторое время вернулась домой к родителям. Она рассказывала, как ее угнали, плакала. Однако, видя, что в ее семье кушают из одной тарелки, она сказала и трапеза у нас, оказывается, была как у собак. А среди русских, видимо, она достигла такого уровня культуры, что каждый ел из своей тарелки. Родственники простили ее, и после этого она исчезла, люди и подумали, что она все эти дни прятала где-то своего мужа, а потом сбежала с ним.

Хайбулаева Н. М.
г. Махачкала

Образ Шамиля в русской публицистической литературе XIX в.

Представление о Кавказе в России на протяжении XIX в. менялось неоднократно. Изучение же особенностей восприятия Кавказа приобретает особое значение в условиях возрастающего междивизиационного взаимодействия и расширения диалога культур Востока и Запада.

Особая роль в создании национальной картины, образов и стереотипов принадлежит, помимо художественной литературы, публицистике. Возникнув однажды, они продолжают еще длительное время оказывать влияние на массовое сознание. Большинство национальных представлений обусловлены теми образами и интерпретациями, которые появлялись в прессе.

Объектом нашего внимания стали труды Е. Маркова, И. Березина, Н. Данилевского, А. Руновского, которые печатались на страницах отечественных журналов и газет в XIX в. Их произведения представляют собой анализ объективной реальности и ее субъективное отражение. В данном ракурсе речь идет об образе имама Шамиля, предводителя горцев, личность которого не оставила равнодушным «ни перо, ни гражданское сознание России». Авторы пытались отразить сложную и подчас противоречивую фигуру Шамиля. Каждый из них преподносит свое видение, интерпретацию фактов из жизни Шамиля, образа имама.

Ведя речь о формировании личности имама, авторы заметно расходятся во взглядах и оценках, что, несомненно, отражает отношение к герою. Так, Березин замечает, что «счастливый приемник Гамзат Бека в юности был плясуном и доставал себе и родителям пропитание

лезгинкой... подстрекаемый жаждою чести, поступил в ученики к одному из мулл» /С.95/. Е. Марков же пишет, что с детства Шамиль, хилый по природе, выковал себе несокрушимое здоровье. «До зрелых лет он продолжал учиться, везде ревностно отыскивая наставников, известных обширною ученостью своей» /С.625/.

Однако много общего в изображении портрета имама. Даже Березин, при всей тенденциозности его взглядов, замечает, что «наружность Шамяля довольно приятна» /С.99/. Е. Марков видит в маститой фигуре Шамяля «что-то царственное и первосвященническое» /С.619/. Н. Данилевский замечает, что у Шамяля «широкая, длинная подкрашенная коричневою краскою борода...лицо гладкое и еще довольно свежее. У глаза несколько морщин. Морщина, и довольно резкая, между бровей. Голос его тихий, несколько глухой...ласковые глаза» /С.212/. («И нет величия там, где нет простоты, добра и правды». Л. Толстой). Портрет дополняется описанием наряда: «в белой как снег чалме,...длинная черная одежда» /С.619/ (Е. Марков); «огромная, белая, свернутая не то из кисеи, не то из тонкой шерстяной ткани, чалма на голове» /С.212/ (Н. Данилевский). Березин отмечает, что «на Востоке любимый цвет духовенства – белый, или это собственный его вкус, только лжеимаам предпочитает белый цвет всем другим, и, подобно Абдель-Кадеру, разъезжает на белом коне и любит наряжаться в белую чалму» /С.99/.

Как видим, облик Шамяля ассоциируется с образом духовного лица. Проявлением веры, религиозного рвення Шамяля, как отмечают авторы, является фанатизм, невозможность выйти за пределы индивидуального мировидения, отсутствие мировоззренческой гибкости, наличие одной единственной религиозной установки и нежелание принять многообразие других взглядов. Цель, которую он видит, должна быть достигнута несмотря ни на что. «Шамяль одушевил

кавказских горцев еще неведомым им фанатизмом...» /С.620/ (Е. Марков); имам «прозорливый фанатик»/С.98/ (И. Березин). Вместе с тем необходимо сказать, что в мусульманском мире к эпическим чертам Шамиля добавлялись божественные черты, приравниваемые к чертам пророка Мухаммеда. Для кавказца имам, прежде всего, духовное лицо, наделенное божественным озарением, святостью. Слово Шамиля воспринималось как божье слово. В действительности внешность Шамиля, его наряд, поведение, как замечает Н. Данилевский, «производят, скорее, впечатление духовного лица, нежели воинственного человека. Это, скорее, герой романов... и лицо из мистических и тихих сказок «Тысячи и одной ночи», чем виновник кровавых реляций «Инвалида», от наместничества графа Воронцова до князя Барятинского» /С.212/. Однако Руновский, довольно хорошо знавший имама, говорит, что «в душе Шамиль не был таким красным фанатиком, как это можно думать, судя по действиям его в распространении мюридизма и возбуждении газавата», что «религиозный его фанатизм, скорее, был делом политического расчета, нежели глубокого душевного убеждения» /С.21/. Таким образом, наглядна позиция авторов, от которой зависит и интерпретация изображаемого. Штрихи, незначительные детали и эпитеты в синтезе дают представление о самом герое. К примеру, контрасты передают противоречивость натуры. На этих полюсах располагается едва ли не все ее многообразие, которое никак не свести только к одному или к другому, не выкрасить в черный или белый цвет. Прослеживается попытка исследовать «диалектику души» – противоречивое движение чувств, мыслей, настроений человека, их сложную связь с действиями. Психологический портрет Шамиля раскрывает определяющую идею образа. Для Е. Маркова эта мысль о величии человека, выполняющего народную волю, и потому речь Шамиля страстна, ярка и неудержима, а

жесты и движения исполнены достоинства. И. Березин же считает, что Шамиль руководствовался личными мотивами в своей деятельности (хотя личное, индивидуальное присуще ему как и всякому человеку): «...вкрадчивое обращение и кошачья натура» /С.99/.

Довольно ярко раскрывается характер Шамиля в описаниях Руновского, который передает состояние имама, поведение в различных жизненных ситуациях: «засмеялся ироническим, злым смехом», «одушевленное иронией лицо», «снисходительно улыбался», «задумывался и покачивал головой, как бы в раздумьи». Руновский обратил внимание даже на такую деталь в привычках Шамиля, как «цоканье языком», которым Шамиль выражал свое отрицание или удовлетворение.

Руновский замечает, что свои чувства и действия Шамиль соотносит с некой жизненной нормой, требованием реальности. В своем самоанализе и сопутствующей ему самооценке имам ведет отсчет от общепризнанных и им самим признаваемых ценностей – этических, душевно-эмоциональных. В этом плане примечательно обращение Шамиля к Руновскому: «Я прошу придерживаться со мною только одного нашего обычая: когда дадите в чем-нибудь слово, то сдержите его, хоть бы надо было для этого умереть... Мы неграмотны, у нас никаких судебных мест и потому мы обеспечиваем наши обязательства только одним словом: кто исполнил свое обещание, тот у нас хороший человек; кто не исполнил, тот дурной: его убить надо. Такой у нас обычай» /С.44/.

Как бы субъективны ни были в своих описаниях авторы публицистических произведений, авторская рефлексия работала против изображаемого. Они не могли не заметить величие и благородство имама. Марков выражает свое восхищение, отмечая, что «Шамиль был идеальный герой кавказского горца.... Природа и образование

соединили в нем все то, что представляется наивному воображению дикаря пределом человеческого совершенства...»; «врожденная грация дагестанского рыцаря, джигита и гордые приемы вождя, привыкшего повелевать, сказывались в исполненных достоинства движениях, жестах и речах имама» /С.619/; Данилевский, который любовался кротостью и безропотностью «последнего кавказского льва», все же замечает «твердую царственную поступь» Шамиля /С.214/. Руновский видит в Шамиле джентльмена, «у которого сдержанность в манерах и во всем обращении отнюдь не изучена перед зеркалом на случай представившейся надобности, а проявляется как привычка, обратившаяся в природу и основанная на ежедневной потребности и на всех условиях домашней и общественной жизни» /С.13/.

Значительное место в произведениях отводится осмыслению роли Шамиля, а также причин поражения горцев. Авторы стремятся понять трагизм ситуации. «Великая неудача Шамиля, – пишет Марков, – была в том, что на высоте власти он почти вовсе перестал быть горцем и слишком много был имамом» /С.632/. Авторы публицистических произведений не обошли вниманием трагический момент кавказской истории – пленение Шамиля. Именно в ситуации экзистенции проявляются те качества личности, которые или возвеличивают или принижают ее роль в истории. Сами понятия «плен», «пленный» должны вызывать чувства жалости, однако даже побежденный Шамиль ассоциируется у Маркова с «грозной дагестанской саблей». Он замечает: «Я видел Шамиля в лицо, говорил с ним, пожимал руку. Он был тогда пленник, но и пленник глядел владыкою, горделивым и грозным повелителем гор...». «Этот исполин пожимал мою руку такую страшную и тяжелою ладонью, которая, мне казалось, в состоянии была без труда раздавить меня самого и всех со мною присутствовавших, а не только тонкие пальцы мои...» /С. 619/.

В чем же проявляется величие Шамиля? По мнению Маркова, «Шамиль едва не создал одного кавказского царства из Дагестана, Чечни, черкесов, кабардинцев, осетин, едва не обратил в одну неприступную и недоступную твердыню... только с Шамиля начинается государственное значение мюридизма» /С. 620/.

Даже в пленении Шамиля видится не слабость имама, а его величие и высокое гражданское мужество. Шамиль сдался добровольно и тем положил конец кровопролитной войне. Мерилом оценок для Шамиля всегда оставались интересы и будущее Дагестана и его народа. Он берет на свои плечи величайшую ответственность и навлекает на себя немилость сторонников продолжения борьбы. Символично данное Н. Данилевским описание Шамиля, направляющегося на встречу к императору: «Шамиль сидел под портретом... и поверял свои карманные часы с большими часами, висевшими на стене» /С.212/. Он понимает, что настала пора «сверки часов», то есть сближения с Россией, что только с Россией отныне жить горцам.

Примечания:

¹ Марков Е. Очерки Кавказа. СПб. , 1887.

² Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849.

³ Данилевский Н. Шамиль в Малороссии. СПб. ,1901.

⁴ Руновский А. Записки о Шамиле. СПб. ,1860.

**Хайбулаева М.М.-Р.
г. Махачкала**

О роли Накшбандийского тариката в Кавказской войне

В Дагестане получили распространение 3 суфийских тариката – накшбандийа, кадирийа и шазалийа.

Мусульманские историки суфийских тарикатов и орденов не связывают возникновения накшбандийского тариката с Баха ад-дином Накшбанди ал-Бухари. Первым учителем этого тариката, по всеобщему признанию, был Хаджа Йусуф ал-Хамадани (ум. 1140).

Что же касается Накшбанди, то он внес в учение братства много нового: отказ от показной набожности и обрядности, от длительных постов, в первую очередь от сорокадневного поста, бродяжничества и нищенствования, публичных радений с музыкой, пением и танцами, громкого (джахр) зикра, считал недозволённым передачу святости, мистику руководителями братства от основателя. Барака (святость) даруется, по его мнению, богом, а не передается потомкам. Вместе с тем, суфии должны выполнять все обязанности мусульманина: предписания шариата и хадисов пророка. Начало тарикатского пути предполагает очищение сердца и сознания от всех нерелигиозных знаний, страстное влечение – любовь к богу и тихий (хафи) коллективный и индивидуальный зикр.

Баха ад-дин после смерти был объявлен святым, чудотворцем, покровителем братства.

Важным положением мировоззрения братства остаются контакты с властями, чтобы через их душу влиять на политику. У накшбандийского братства нет единого центра, не все члены считаются братьями и равными. Накшбандийское братство разрешает принять

женщин в свое братство, но запрещает совершать зикр без определенного покрывала.

Инициация осуществляется после трехмесячной проверки. В этот день совершается омовение и дается клятва шейху и пророку. После этого получает разъяснение тихого зикра братства, формулу своего личного тихого зикра, набор молитв в определенном порядке их чтения и устраивает угощение для присутствующих.

В начале XIX в. тарикат Накшбандийа проникает в Дагестан. Общеизвестно, что первыми на Кавказе приняли этот тарикат Гаджи-Исмаил Кордамирский и Хас-Мухаммед Ширванский.

На вопрос в чем основные принципы накшбандийского тариката и в чем его «легкость», Саид-эфенди Чиркейский – шейх накшбандийского тариката (1937 г.р.) ответил: «Преимущество накшбандийского тариката в том, что другие тарикаты – это уход от мирского. Их члены уединяются и делают только ибадат, богослужение. В накшбандийском же тарикате можно в одно и то же время, занимаясь мирскими делами, делать тот же ибадат, что делают в других, удаляясь в пустыню, в ямы, в кельи... Он называется халват фий джалват, что можно перевести как «уединение вместе с Богом, будучи с людьми». Поэтому это самый короткий, самый быстрый путь к Богу. Люди должны делать богослужение так, как будто они отделились от людей, но одновременно не отъединяясь от людей и не теряя связи с Аллахом [8].

К исходу XIV столетия, когда ислам уже значительно усилился и охватывал весь Дагестан и большую часть Кавказа, край этот превратился в театр непрерывных войн. Кроме того, Кавказ был предметом споров и состязаний между персами, турками, монголами и другими соседями – еще внутренние восстания князей и духовных властолюбцев довольно долго обременяли эту страну волнениями. В

эту-то пору получил там свое начало мюридизм, но он не имел еще политического значения [3:18].

Происхождение мюридизма как регионального учения исламоведы ставят в связь с деятельностью ордена накшбанди, как уже упоминалось, основанного шейхом Баха ад-Дином в Бухаре в XIV в.

В ряде записок и обзоров по истории мюридизма указывается прямо, что Бухара и Ширван являются колыбелью мюридизма.

Мюрид – это мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию во имя сближения с Богом. Посвятив себя служению Богу и участию в газавате (священной войне) во имя распространения ислама, мюрид должен был слепо повиноваться своему религиозному наставнику – «мюриду» и быть постоянно готовым жертвовать по его приказанию собственным имуществом, семьей и даже жизнью.

Важнейшей особенностью Кавказского тариката, придавшей ему ярко выраженный политический оттенок, было совмещение под его религиозным флагом высшего с точки зрения ислама, познания пути человека к Богу с проповедью газавата или джихада, т.е. религиозной войны против неверных за торжество Ислама.

Если все ранее бывшие направления тариката обычно выставляли на первый план идеи, касающиеся внутреннего мира человека, то кавказский тарикат главным своим требованием сделал газават.

Проповедники мюридизма стремились к превращению всех горцев в людей, строго выполняющих требования шариата и газавата ради спасения души и торжества религии. Они стремились приобщить к тарикату широкие массы горцев, не останавливаясь перед внедрением норм шариата при помощи вооруженной силы [6:114].

«Враждебность горцев к царскому владычеству» в период завоевания заключалась в политике экономического ограбления и

морального унижения, проводимой царизмом по отношению к ним; и то, что борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость проходила под флагом мюридизма объясняется не их религиозным фанатизмом, а историческими особенностями Дагестана и Чечни, своеобразно сложившимся там социально-экономическими и классовыми отношениями в первой половине XIX в.

В Дагестане и Чечне были десятки проповедников мюридизма. Они переходили из аула в аул, проповедуя основные положения Корана, которые только в борьбе горцев за независимость против русского царизма, приобрели политическую значимость, благодаря удобной формуле деления людей на правоверных и неверных.

Первым проповедником реформированного мюридизма в Дагестане был Мулла Магомед, родом из с. Яраг, из группы сподвижников которого вышли почти все крупнейшие предводители горцев в борьбе за независимость.

В многочисленных речах Мухаммеда Ярагского указывалось на то, что «мусульманская религия потрясена во всех направлениях и идет по неправильному пути».[2:37]

Сущность этих проповедей заслонялась крайне сложной паутиной суфизма – учения, по которому человек, стремящийся к совершенству, истине, божеству, только тогда сливается с последним, когда он лишается чувственных ощущений внешнего мира.

Ученый Магомед Ярагский не только усвоил от Исмаила идеи тариката, но и получил своего рода инвестуру – духовные полномочия на руководство мюридами-приверженцами. Таковых уже в следующем году у Магомеда Ярагского было немало, причем среди них оказались и будущие духовные и общественно-политические лидеры дагестанского общества. Уже в 1824 г. среди мюридов было немало таких, кто считал «борьбу за веру» неотъемлемой частью духовного поиска. Речь шла об

идее национальной независимости. Эта идея была великой идеей, способной поднять и сплотить весь народ, подвигнуть его на подвиги, на борьбу, лишения, жертвы.

Гази-Магомедом это религиозное направление (учение о тарикате) было адаптировано и реформировано для решения реальных сложных общеполитических задач, вставших как исторический вызов перед дагестанским обществом [4:55].

В 1828 г. шейх Мухаммед Ярагский провозгласил одного из учеников, которого также звали Мухаммедом, имамом Дагестана и Чечни с титулом «гази», что значит «борец за веру».

К концу 1829 г. Гази-Мухаммед успел привлечь на свою сторону Койсубу, Гумбет, Андию, шамхальство, всю Аварию, за исключением Хунзаха. В своих речах и выступлениях он развивал перед народом картины будущей войны и обосновал необходимость изгнания с Кавказа царских колонизаторов.

В крупном сражении под Гимрами Гази-Мухаммед погиб. Во главе восставших стал один из близких Гази – Мухаммеду людей – Гамзат-бек.

В Оксфордской энциклопедии современного исламского мира содержится следующая информация о данном периоде: «Первый накшбандийский лидер Дагестана Гази Мухаммад был убит русскими в 1832». Его приемника также убили через 2 года. Шейх Шамиль – следующий лидер движения держал русских в страхе до 1859 г. – это был самый длительный и известный период мусульманского сопротивления европейскому империализму. Влияние накшбандийского тариката в Дагестане оказалось неискоренимым. Сторонники накшбандийского тариката приняли активное участие в восстании 1877 года ...» [7:228].

Друг и ученик Гази-Мухаммеда – Шамиль возглавил 25-летнюю борьбу горцев Кавказа против царизма. В течении этого периода он обращал на себя внимание не только России, Турции, Персии, но и всей Западной Европы.

Следует отметить, что с конца 30-х гг. XIX в. мюридизм оформился, укрепился, утвердился как массовое движение за независимость против русского царизма. Открылся второй блистательный период в развитии мюридизма, продолжавшийся примерно до конца 40-х гг.

Созданная суфийскими шейхами с момента объявления джихада военно-административная система со временем превратилась в военно-теократическое государство – имапат [1:16].

Первой и самой главной целью накшбандийского движения с самого начала своего распространения в Дагестане было восстановление шариата. Для того, чтобы понять шариатскую политику Шамиля, нельзя забывать несколько фактов: 1) что этот шариат восстанавливался в противоположность и для искоренения как адатов (местных традиций), так и некоторых нововведений, появившихся в Дагестане в результате контакта с русскими; 2) что иногда под словом шариат понимался мусульманский образ жизни в целом [5:19].

Будучи алимом и последователем вышеуказанного тариката, Шамиль должен был следовать шариату и выполнял его предписания, как в своей частной жизни, так и в общественной.

Однако шариат, как признавал и сам имам, имел свои проблемы и неясные или спорные выдержки, которые требуют интерполяции, выбора между конфликтующими точками зрения соответственно. Сам будучи алимом и суфийским шейхом, Шамиль не отступал от такой деятельности. Его инструкции и постановления по тем или иным

вопросам, известные под именем низам, были равносильны законодательству.

Однако 25 августа 1859 г. с взятием Гуниба и пленением Шамиля Дагестан был окончательно покорен царизмом.

Существовая с 14 в., накшбандийский тарикат был индивидуальным путем человека к Аллаху, программой внутренней работы над собой вдали от мира – он прежде никогда не был идеологией массовых движений, вооруженной борьбы и т.п. – эти черты он почему-то приобрел в Дагестане в 19 в. Первые историки движения горцев довольно рано (в 1869 г.) отметили эту разницу, предлагая не смешивать «тарикатских мюридов» с «шамилевскими мюридами». В чем тут дело? 1818 – 1821 гг. показали, что традиционные формы организации горцев, которые были еще пригодны во времена Надир-шаха, больше не оправдывают себя, а иных у народа нет – отсюда трехлетняя «пауза» в движении [4:11]. Заслуга наших шейхов, начиная с Магомеда Ярагского и Джамалудина Казикумухского, видимо, в том, что в одном из течений суфизма они сумели разглядеть и «общую» идею, стоящую выше местных отличий и особенностей, и веками отшлифованную форму организационного единения с присущими ей отработанными механизмами контроля, ответственности, дисциплины. Новое применение, которое придали старой суфийской форме, позволяет говорить о «новом тарикате» дагестанских имамов, давшем народному движению новые формы организации – с 1828 г. это особенно заметно: образно говоря, подобно тому как душа, проникая собою тело, делает его живым, тарикат, проникая тогда в народ, воскресил движение горцев [4:12].

Итак, борьба горцев за независимость в Дагестане проходила под знаменем мюридизма и была связана с одним из крупных орденов суфизма, а именно Накшбандийским. Суфизм играл важную роль в

истории Дагестана в XIX – нач. XX вв. Такие личности как Мухаммед Ярагский, Джамалутдин Казикумухский, имам Гази-Мухаммед и Шамиль, имам Мухаммед Согратлинский, Узун-Хаджи ас-Салти и многие другие, которые находились во главе борьбы за чистоту шариата, были мюридами или суфиями, прошедшими путь от начала до конца.

Сильные позиции ислама в современном Дагестане также во многом обусловлены строгим соблюдением суфийских традиций и духовной активностью местных суфийских шейхов.

Примечания:

¹ Амирханов М.А. Мир ислама. Махачкала. 1996.

² Ислам на территории Российской империи. М., 1998.

³ Казем-Бек М. Мюридизм и Шамиль. Махачкала, 1990.

⁴ Магомедов Р.-М. Два столетия с Шамилем. Библиотека фонда Шамиля. Махачкала, 1997.

⁵ Моше Гемер. Шамиль – правитель государства и его дипломатия. Махачкала, 1997.

⁶ Смирнов И.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

⁷ The Oxford encyclopedia of the Modern Islamic World. New York. Oxford. Oxford university press. 1995. Editor in chief – John L. Esposito. Volume 1.

⁸ www.confession.ru/arch/06Jun2001/mediamirrow/170.html.

Хлынина Т.П.
г. Майкоп

Роль подвижной границы во взаимоотношениях народов России и Северного Кавказа во второй половине XIX в.: заметки по поводу

Проблемы взаимоотношений противоборствующих сторон в годы Кавказской войны, причины их эскалации и неиспользованные возможности мирного урегулирования затянувшегося конфликта отмечены устойчивой историографической традицией. При этом в ее пространстве соседствуют не только противоположные, но зачастую и взаимоисключающие точки зрения. В данной связи в последние годы появилось и активно используется такое понятие как «Кавказская война историографий». Его автор, специалист по военно-политической истории XIX в., **Д.И. Олейников** связывает возникновение подобного рода «историографического противостояния» с тем «моментом, когда три заинтересованные стороны Кавказской войны (участники и «европейское сообщество») дали три направления, три устойчивые трактовки этой войны в исторической науке. Все они продолжают сосуществовать, соперничать и, вместе с тем, оказывать друг на друга влияние на протяжении полутора веков. Однако само сосуществование трех этих течений образует к рубежу XXI века настолько замкнутое пространство, что дальнейшее нормальное развитие исследований в этой перспективе сильно затруднено, поскольку зациклено в постоянно повторяющихся дискуссиях».¹

Основной причиной сложившегося положения дел, помимо явной идеологической ангажированности каждого из указанных направлений, исследователь называет и стремление историков решить проблему морально-правового свойства, связанную с ответом на вопрос «Кто

виноват?». Анализируя воздействие историографических традиций на развитие современного исторического знания и политической обстановки, историк небезосновательно заключает, что, к сожалению, самым устойчивым направлением познания прошлого становится «стремление заменить суд присяжных судом любопытного потомка».²

Несмотря на усиленные попытки части профессионального сообщества реанимировать позитивистский подход к истории, приравнивавший «голос источника» к реалиям прошлого, современная исследовательская практика все более тяготеет к отказу от столь упрощенного восприятия собственного ремесла. Одним из его последствий становится и возрастающий интерес исследователя к познавательным возможностям различных теорий и гипотетических предположений. Не все они способствуют разрешению стоящих перед историками проблем, нередко провоцируя бесплодные и длительные дискуссии. Тем не менее, именно с их вторжением в пространство исторического познания связаны наиболее значительные прорывы в его развитии последних десятилетий.

В этом отношении не стало исключением и изучение Кавказской войны, своеобразным внутренним двигателем которого явилась теория «подвижной границы». Ее зримое присутствие в отечественной историографии пришлось на 90-е гг. минувшего столетия и было отмечено стремлением отдельных исследователей придать сугубо географическому понятию «граница» культурно-исторический смысл. Он сводится к тому, что привычные для нас границы, отделяющие одни территории от других, представляют собою в большей степени не барьеры, а «контактные зоны», где рождаются совершенно новые культурные смыслы.³ Изучение контактных зон, сформировавшихся на внешних рубежах страны, уже в те годы виделось одной из актуальных задач отечественной исторической науки. Она связывалась с

разрешением целого комплекса проблем и, прежде всего, с «осмыслением сложных и противоречивых межцивилизационных процессов и их роли в истории и современности».⁴

На сегодняшний день освоение потенциала теории «подвижной границы» отечественным исследователем дало ряд любопытных результатов, правда, в основном связанных с изучением сибирской контактной зоны или так называемого *frontier* (*фронтира*).⁵ Данный термин, все более активно вовлекаемый в научный оборот, обнаруживает, по крайней мере, две смысловые коннотации. Одна из них, в представлении **Д.И. Олейникова**, следующего, по его собственному признанию, за оксфордской академической традицией, понимается как «линия, точнее даже полоса, которая соединяет страны».⁶ Другая версия, принадлежащая современному исследователю и знатоку ногайской истории **В.В. Трепавлову**, трактует его в качестве своеобразного приграничья, «региона, не включенного полностью и окончательно в юрисдикцию российского правительства». В этом своем понимании *frontier* противостоит *borders* (*пограничью*), ясно обозначенной границе между суверенными государствами: на западе у России находились *borders*, а на востоке и юге – *frontier*.⁷

В данной связи весьма продуктивным представляется анализ того процесса, посредством которого происходило освоение Российским государством этого многоликого и разноязыкого пограничья/приграничья. Тем более, что в современной историографии детально описаны разнообразные страницы территориального становления и формирования единой имперской общности. Процесс этот не всегда осуществлялся дипломатическими усилиями и сопровождался затяжными ожесточенными войнами. Однако, на мой взгляд, серьезных оснований усматривать в нем лишь «злонамеренную» волю российской стороны нет.

История той же Кавказской войны наглядно свидетельствует о том, что и в пространстве кровопролитного противоборства всегда находилось место взаимопониманию, как на личностном, так и государственном уровне. Его динамика наглядно прослеживается в подвижности границ российской государственности в регионе, во взаимопрятии различных достижений народов, волею судеб оказавшихся противопоставленных друг другу. Опыт их исторического взаимодействия в рамках единого государственного образования уже по окончании той же войны, не всегда, впрочем, мирный, характеризовался все же обоюдным стремлением не к самоутверждению одной стороны за счет другой, а к взаимопониманию. Особенно эта тенденция характерна для второй половины XIX в., когда в самой России велся напряженный поиск новых путей развития страны, охвативший все без исключения национальные окраины. Процесс их интегрирования в общеимперский организм содержит немало поучительных примеров бережного отношения так ныне нелюбимого «царского самодержавия» к культурному наследию своих подданных.⁸

Некоторая доля скепсиса, высказываемая рядом узко ориентированных исследователей отдельных эпизодов северокавказской истории по поводу целесообразности применения подобной теории, вряд ли обоснована. Во-первых, речь ни в коей мере не ведется о схематичном восприятии драматических событий нашей общей истории. Напротив, предлагаемый подход основывается на предельно широком и разностороннем учете различного рода факторов, оказавшихся вовлеченными в процесс взаимодействия народов.

Во-вторых, обладая высокой степенью фальсифицируемости, которая, согласно К. Попперу, является основным показателем жизнеспособности любой теоретической конструкции, теория «подвижной границы» позволяет перевести рассмотрение самой

проблемы в плоскость «пространственной коммуникации» и порождаемого ею диалога культур. Столь незначительное, на первый взгляд, изменение ракурса видения проблемы позволит во многом снизить ее излишнюю «теоретичность» и придать пониманию неоднозначного по своей природе фактического материала более взвешенную оценку.

В-третьих, выведение обозначенной проблемы из плоскости военного противостояния в область межкультурного взаимопроникновения позволит историкам отказаться и от чрезмерно ангажированного восприятия таких понятий как «империя» и «колонизация». В предлагаемом контексте, одно из них будет пониматься в качестве формы организации жизни сложноорганизованного общества, а другое – тяготеть к внутренней логике развития российской государственности.

В-четвертых, применение отдельных положений рассматриваемой теории позволит прояснить и присутствие «следов» Кавказской войны в исторической памяти последующих поколений, и их преломление в национальной политике советского государства. В частности, обретет большую ясность и вопрос о форсированном предоставлении народам Северного Кавказа административно-территориальных автономий в 1920-е гг. Именно воспоминания о кавказском сопротивлении в прошлом и возможном объединенном выступлении горцев против советской власти оказались одним из аргументов при образовании Северо-Кавказской республики в 1918 г. и Горской автономии в 1921 г.

И, наконец, в пространстве «территориальной подвижности» наиболее отчетливо вырисовывается и неоднозначность восприятия того сложного времени, которое, вместе с тем, было отмечено взаимным узнаванием культур и диалогом несхожих цивилизаций. Возможно, новое теоретическое прочтение данной проблемы и станет тем

методологическим инструментарием, посредством которого исследователям удастся «снять» историографическую напряженность в понимании всегда непростого соприкосновения разных миров.

Примечания:

¹ Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810 – 1860-е гг. // *Actio nova* 2000. Сборник научных статей. М., 2000. С.315.

² Там же. С.317.

³ Агаджанов С.Г. Основные проблемы и задачи изучения контактных зон Восточной Европы // *Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний*. М., 1995. С.10.

⁴ Там же. С.20.

⁵ См., например: Резун Д.Я. Заселение Сибири и Северной Америки в XVII в. (историко-сравнительные параллели) // *Преподавание истории в школе*. 2002. № 4; Трепавлов В.В. [Рец.] Три столетия территориального расширения России // *Отечественная история*. 2003. № 2.

⁶ Олейников Д.И. Указ. соч. С.320.

⁷ Трепавлов В.В. Указ. соч. С.181.

⁸ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998; Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). М., 2004.

Цыбульникова А.А.

г. Армавир

**К вопросу о многогранности взаимодействия российской и кавказской
сторон в период т.н. Кавказской войны
(на примере повседневной жизни казачек Кубани)**

Взаимоотношения российского населения с горцами после выхода России на Кубань складывались далеко не так однозначно «кроваво», как пытаются показать сейчас отдельные современные историки, и термины типа «геноцид», «депортация», «истребление» и т.д. носят явно политический, но уж никак не исторический контекст. Весь период с 1792 по 1864 г. – это время многогранной интеграции кавказских народов в состав Российского государства. Этот процесс действительно включал военные столкновения, но далеко не ограничивался ими. Ведь, с одной стороны, в нем имели место боевые действия российских и горских отрядов; разорение и кубанских станиц, и черкесских аулов; пленопродавство (продажа и использование русских пленных в горах наравне с наличием таких же пленников-адыгов).¹ Но с другой стороны, все эти явления сменялись периодами затишья и мирного сосуществования, обменом культурными достижениями; селились под охрану российских пушек т.н. мирные горцы, существовала горская милиция и российские офицеры-горцы; широко были распространены торговые, куначеские связи между казаками и горцами, взаимные браки, аталычество. Подобная многогранность т.н. Кавказской войны вполне закономерно объясняется не только государственной политикой России (наравне с ведением боевых действий происходило налаживание торговли, оказывалась экономическая и военная поддержка лояльным горским общностям,

развитие образования в горской среде),² но и долговременностью пограничного соседства гражданского населения обеих сторон. Только при выполнении конкретных боевых операций специальными военными отрядами возможно сугубо «кровавое» взаимодействие, но уж никак не при совместном проживании в одном регионе.

Всю эту многогранность российско-кавказских взаимоотношений можно проследить в повседневной жизни казачек Кубани – и черноморских, и линейных. Одной из основных проблем, с которой приходилось сталкиваться в период т.н. Кавказской войны не только служащим-мужчинам, но и гражданскому российскому населению, и в первую очередь женщинам, были горские набеги. И сколько бы не отрицался в отдельных современных публикациях факт наездничества в горской среде, научная объективность требует признать, что хотя данная «культурная особенность» и не стала причиной включения Кавказа в состав Российской империи, но являлась одним из факторов обострения отношений между российским пограничным населением и горцами.

О том, что еще до выхода России в Закубанье наездничество преследовало большей частью не военные, а грабительские цели,³ свидетельствует хотя бы тот факт, что уже с начала 90-х гг. XVIII в. и всю первую четверть XIX в. женщины-казачки подвергались насилию со стороны горцев.⁴ Так, 26 октября 1795 г. была ранена черкесом казачка ст. Джерлиевской Мария Крутофал, собиравшая в прикубанском лесу дрова (через пять дней умерла от гангрены).⁵ 2 октября 1796 г. на обратном пути с ярмарки была захвачена в плен жительница Платнировского куреня Варвара Жолоб со своим малолетним сыном (муж был убит во время нападения).⁶ В январе 1803 г. «при разбитии Александровского кордона» попали в плен казачки ст. Величковской Анастасия и Мария Коротняк⁷, а в августе того же года по дороге из лесу

похищена дочь черноморского казака Татьяна Седельник.⁸ Осенью 1804 г. во время нападения горцев на «подгородние хутора» г.Екатеринодара вместе с мужем и малолетней дочерью Натальей попала в плен Мария Белоус,⁹ а около селения Видного девица Агафья Баранина.¹⁰ В марте 1807 г. при нападении на Курчанские хутора была убита вместе с мужем казачка х. Петровского Варвара Шанька,¹¹ захвачена горцами дочь казака х. Дядьковского Мария Рыжак.¹² Летом того же года при попытке похищения была ранена казачка ст.Пластуновской Анна Блакитная.¹³ Зимой и осенью 1810 г. в числе других жителей были убиты казачки черноморских хуторов Мария Головки¹⁴, и Дарья Белая,¹⁵ екатеринодарская казачка Ольга Винник¹⁶; взяты в плен хуторяне Анна Титаренко с мужем и четырьмя детьми¹⁷ и Аксинья Гусар.¹⁸ В марте 1811 г. убита горцами в степи вдова казачка Батурина куреня Евдокия Косогор.¹⁹ В феврале 1812 г. при нападении на хутор казака Житного похищена Наталья Житная, в апреле – убита горцами в степи казачка Васюринского куреня Марфа Кобец, в мае похищена пятилетняя дочь казака того же куреня Ульяна Трухляк, в августе – при нападении горцев на хутор около Полтавского куреня похищена Дарья Завальная с малолетним сыном (муж с пасынком были убиты).²⁰ В мае 1813 г. захвачена в плен 15-летняя казачка Динского куреня Мария Гладченко (при этом двое находившихся с нею взрослых казаков были убиты),²¹ а в январе 1818 г. около Екатеринодара похищена жена казака Ульяна Хандусь.²² В январе 1820 г. взяты в плен в дистанции Ново-Екатериновского кордона «при разграблении и сожжении черкесами 25-ти хуторов» в числе других хуторян жена казака Елизавета Чухрай и ее 13-летняя дочь Анна, Татьяна Ворона и ее дочери – трехлетняя Матрена и годовалая Ульяна, жена отставного Марина Галушка и ее пятилетняя дочь Елена, Анна Твардовская и ее четырехлетняя дочь Галина, семилетняя девочка Марья Рожай.²³ В 1825 г. похищена Василиса

Попова – девица из ст.Темижбекской.²⁴ И это лишь малая толика известных нам фактов. Понятно, что после 1829 г. похищения имущества и людей стали составной частью не только наезднических нападений, но и конкретных боевых операций со стороны закубанцев.

При этом нельзя сказать, что именно женщины являлись основной ценностью для нападавших. Как показывают материалы Государственного архива Краснодарского края главной целью набегов горцев на пограничные станицы (по крайней мере, до начала 30-х гг. XIX в.) являлось в первую очередь похищение имущества и скота, а только потом – казачек. При этом наибольший процент похищаемых горцами людей – это служащие казаки, так как именно они чаще всего участвовали в столкновениях с горцами. Немалую роль играл тот факт, что до подписания Адрианопольского мира (1829 г.) казакам запрещалось преследовать черкесские отряды за Кубанью. На походы в горы требовались специальные разрешения высокого начальства.²⁵ Конечно, пострадавшие казаки устраивали самовольные вылазки в Закубанье, отбивали пленников, возвращались с добычей²⁶, но подобные походы совершались малыми группами и их участники рисковали получить наказание от воинского начальства, если подобная инициатива получала огласку.²⁷ При этом нельзя отрицать и тот факт, что и черноморцы, и линейцы (ведь до прямого подчинения казаков государственной власти для них был характерен военно-промысловый тип хозяйства) тоже совершали набеги на черкесские аулы в целях грабежа. И это с одной стороны провоцировало набеговую практику горцев, а с другой – еще больше способствовало развитию куначества между станичниками и закубанцами на почве схожести отдельных черт менталитета.

В условиях постоянной военной угрозы со стороны горцев и при нехватке мужчин для обороны станиц кубанские казачки были вынуждены обеспечивать себя необходимыми навыками и средствами самообороны. Во многом особенности этих умений диктовались спецификой тактики черкесских набегов. Немногочисленность горских отрядов в первые десятилетия жизни кубанских казачек на данном рубеже диктовала соответствующие формы обороны – чаще индивидуальной, рассчитанной на затягивание времени в ожидании помощи. Хотя отдельные женщины могли в одиночку расправиться с 3-4 врагами²⁸. Постепенно складывается и тактика массовой обороны станиц женским населением. В результате за годы войны формируется новый тип женщины, способной заменить мужа не только в хозяйственной, но и в военной сфере.

Индивидуальные похищения происходили большей частью при минимальном скоплении станичного населения: вдали от станицы (в поле, на дороге) или даже в самой станице во время выхода жителей на полевые работы. Так, в ст. Константиновской произошел такой случай. «Лопатина была очень красивая, род их был богатый, то есть выкуп можно было хороший получить. Она уже девкой была, лет наверное шестнадцати... Увидела, значит, что они (горцы – А.Ц.) пробираются. А казаки в поле уехали... И она закрыла дверь на засов, а сама на потолок влезла, разгребла солому – крыша-то соломенная – платок белый высунула и начала махать. Казаки увидели, что что-то не то, раз машет... платком. Налетели и отбили – не удалось ее похитить.»²⁹ Этот случай интересен еще и тем, что показывает, как вырабатывалась тактика самозащиты казачек. Ведь первый порыв нормальной женщины в случае опасности – это крик, как призыв на помощь. Возможно, в первые годы после переселения женщины пытались так поступать, но так как в большинстве случаев такая тактика приводила к смертельному

исходу³⁰, от нее отказались. Если бы Лопатина подняла крик, то ее обнаружили бы задолго до того, как подоспела помощь. А так, смекалка девушки спасла ей жизнь.

В большинстве случаев казачки принимали самое непосредственное участие в обороне станиц: переносили пушки и ядра, стреляли из винтовок, изредка даже участвовали в рукопашной. А.И. Дукин, 1911 г.р., уроженец ст. Гастагаевской, рассказывал: «Вот они када нападали, дело в том, што ни токо казаки, а даже женщины, все там бабы снаряды подают, круглые ядра. Носят. Так вот, мою бабу (бабушку), ее сам царь... Александр... прислал похвальную грамоту и двадцать пять рублей денег прислал с государственной казны. А што такое тагда было двадцать пять рублей? Это имение!...»³¹

Наличие пленопродавства³² в горской среде было одной из основных причин похищения женщин горцами. Уже в 1818 г. генерал А.П. Ермолов делает вывод, что без искоренения нападений с целью увлечения «в плен людей...» невозможно достичь «...спокойствия и безопасности».³³

Дележ пленных у горцев подчинялся обычному праву. По свидетельству С.Т. Званбы, у убыхов первым «выбирал для себя одного пленного или пленницу и из всех награбленных предметов по одной вещи» предводитель. Для раздела остальных пленных отряд разделяли на соответствующее число частей.³⁴ По адату шапсугов и натухайцев «кто во время боя первый овладеет пленником или чужестранцем, не имеющим в этой земле кунаков, тот и считается полноправным его владельцем». Если же это беглый раб, то он остается собственностью господина, а поимщику причитается плата в размере одного быка.³⁵ В таких условиях похищенные казачки в случае попытки побега

становились объектом ловли не только хозяина, но и всех желающих получить вознаграждение.

Главным покупателем живого товара являлась Османская империя³⁶, которая, по сообщению дореволюционного историка П.А. Чихачева, «...открыто покровительствует гнусной торговле рабами».³⁷ О массовой распродаже невольников, в числе которых было немало и русских подданных, уведомлял неоднократно в 1860 г. консул А.Н. Мошнин.³⁸ Но лишь часть похищаемых казачек доставлялась на невольничьи рынки Турции. Несмотря на всю выгодность пленопродавства слишком велико было расстояние (и труден переход) от Кубани до черноморского побережья.

Кроме того, как уже упоминалось выше, казачки ценились меньше черкешенок или грузинок, т.к. не соответствовали вкусу турецкой знати на тонких брюнеток с кротким нравом.

Проблема освобождения пленных (особенно мужчин-служащих) встала перед войсковым начальством уже в первые годы существования Черноморской и Кубанской кордонных линий. Правительством выделялись определенные суммы на выкуп пленников, но их было недостаточно. Произвести выкуп в частном порядке для рядовых казаков было финансово практически невозможно. Например, в одном из рапортов, поступивших на имя Наказного атамана Кубанского казачьего войска сообщается, что за казачку Орину Королду, взятую в плен, закубанцы просят в уплату сто пятьдесят пудов соли (что составляло в середине XIX в. при цене соли 20 копеек за пуд 30 рублей).³⁹ Не меняло общей картины и наличие в станицах пожертвовательных касс. Поэтому большое число казачек на долгие годы, а то и на всю жизнь оставались пленницами в горах.

Для таких женщин характерны процессы деэтнизации, связанные не только с продолжительным влиянием инородной среды, но и со

сменой конфессиональной принадлежности. Появление детей (от горцев) большей частью заставляло казачек смиряться с положением пленниц (или жен, что бывало редко)⁴⁰. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык. «Кубанские войсковые ведомости» сообщают о казачке Аксинье, вышедшей из плена «с грудным детем», лет 40-ка, которая «разговор по-русски мало знает».⁴¹ Видимо она была похищена маленькой девочкой и за 30-35 лет, прожитых в горской среде, практически забыла родной язык. Такие пленницы даже при имеющейся возможности не возвращались в родные станицы. По свидетельству А.В. Верховых, похищенная горцами казачка из ст. Воздвиженской вышла замуж за черкеса и на предложение вернуться в станицу по прошествию 20 лет ответила следующее: «Я поехать не поеду. У меня уже тут семья. И дети.»⁴²

Рассказывает о подобном случае и войсковой старшина А.Д. Ламонов. «В исходе лета 1864 года в ст. Кавказскую приехала рослая старуха черкешенка с двумя сыновьями лет от 25 до 30, рослыми, рыжеватыми молодцами. В штабе бригады, в ст. Прочноокопской, черкешенка заявила, что она давно-давно была взята в плен, назвала станицу «Капкасская» и брата своего «Огоп», что она желает вернуться в станицу со своим семейством. Она удивлена была переменой станицы, полагая, что ее привезли не в «Капкасскую», а в другую какую-то станицу. Как потом оказалось, она взята в плен до 1830 года. Ее повели в старую, так сказать, станицу; она долго ходила по станице, отыскивая родной дом; как только вышла на бывшую главную улицу, так прямо пришла к дому Агапа Калгатина, указывая на дом, сказала; «Кардаш Огоп» (брат Агап). Радоваться ее возвращению было некому; Агап и его жена умерли. Сын Агапа, Иосиф, не знал свою тетку»⁴³. Не найдя в живых брата старуха уехала из станицы и, по версии рассказчика, переселилась с детьми в Турцию.

Многогранность взаимоотношений казаков и горцев проявилась, прежде всего, в процессах аккультурации обеих сторон, что отразилось на самых разных сторонах жизни казачек Кубани. Так, в традиционные сборы мужа на войну постепенно вливаются горские элементы. Например, уже к 20-м гг. XIX в. кубанским казачкам приходится перешивать обмундирование мужей на черкесский лад, т.к. к этому времени казачество перенимает горскую форму⁴⁴ и тактику ведения боевых действий, как более подходящие к условиям Кубани.⁴⁵ Новые элементы одежды требовали особого ухода (особенно папахи и бурки), и женщины не могли обойтись без советов мирных горцев.

Причем, многие исследователи отмечают, что наибольшее горское влияние испытали казаки Кубанской Линии, и соответственно линейные казачки. Линейцы быстрее и раньше черноморцев переняли внешний вид горцев, их костюм и экипировку, а так же способы ведения войны. Ф.А. Щербина в свое время отмечал, что это произошло потому, что «как воин, по роду оружия и приемам борьбы линейец стоял к черкесу ближе, чем черноморец».⁴⁶ Кроме того, из-за характерных особенностей ландшафта Средней Кубани линейные казаки раньше всех столкнулись с неэффективностью донского вооружения – например, традиционные донские пики оказались в кубанских условиях неприемлемыми.⁴⁷ Как отмечает О.В. Матвеев, еще одной значительной причиной быстроты заимствования кубанцами элементов вооружения и одежды горских народов являются давние контакты казаков с Кавказом.⁴⁸

Под влиянием сельскохозяйственных и животноводческих традиций черкесов происходит изменение хозяйственных обязанностей женщин казачек. Например, в этот период идет взаимообмен посевными культурами: именно под влиянием горцев кубанцы начинают широко использовать кукурузу, выращивать фасоль и горох. Это в свою очередь

меняет традиционную кухню казачества. Женщины начинают готовить кабачковую икру, мамалыгу, острые томатные соусы и т.д.⁴⁹ В кубанских станицах появляется домашнее производство сыров, закваску для которых казачки покупали или выменивали у адыгейцев.⁵⁰ Перенимаются традиции садоводства (адыги выращивали прекрасные сорта яблок, груш, винограда, которые были приспособлены к местным природным и климатическим условиям), в станицах появляются горские породы животных (коней, неприхотливых грубошерстных овец и т.д.). В свою очередь отдельные черкесские племена, по неволе переходящие к оседлому образу жизни, начинают выращивать завезенные переселенцами пшеницу, ячмень, овес и т.д.; многие адыги плуги и косы покупали у казаков⁵¹. Под влиянием кубанской культуры в горской традиционной кухне появляется подсолнечное масло, квашенная капуста, свекла и даже борщ.⁵²

Вместе с появлением российско-горских меновых дворов (первый меновой двор учрежден в г. Екатеринодаре уже в 1794 г.⁵³) в женский обиход входят различные черкесские товары, ремесленные изделия. С другой стороны, одним из важных продуктов обмена являлись вытканые казачками холсты.⁵⁴ Торговые отношения периодически прекращались под воздействием военных событий на Линиях, но в целом был характерен рост заинтересованности в них с обеих сторон. Кроме того, именно торговля способствовала сохранению мирных отношений с частью горцев.⁵⁵

Так, складывается в женском сознании многогранность образа горца: с одной стороны черкес – это враг, а с другой – поставщик необходимых продуктов и изделий, часть которых превосходит казачьи по качеству и изяществу выделки. Более близкое знакомство с горской культурой раздвигает рамки представлений о соседнем этносе,

способствует налаживанию мирных и взаимовыгодных взаимоотношений, снимает целый ряд этнических предубеждений.

Женское отношение к закубанцам меняется и благодаря появлению в станицах черкесских детей, которые попадали к казакам после взятия аулов. Эти дети не просто росли в казачьей среде и в процессе этого «оказачивались». Вырастая, они обзаводились семьями здесь же, в станицах, внося тем самым горскую кровь в общий казачий генофонд. Причем царская администрация строго следила за тем, чтобы девочки-черкешенки отдавались на воспитание исключительно женщинам, в приличные семьи до исполнения 18 лет, а потом, получив приданое, выходили замуж.⁵⁶ По словам одной из жительниц хутора Карского Ульяны Талановской, казачка ст. Ильской Секлетей Моисеевна Кийко вышла замуж за выросшего в этой станице черкеса Ивана Кучму (по воспитателю Никифору Кучме). У них родилось семеро детей. В этой же станице у казака Дубовина воспитывалась девочка-черкешенка, которая впоследствии вышла замуж за Василия Семиниенко. По-русски ее называли Марией.⁵⁷ О мальчике Егоре «из военнопленных туземцев», взятом на воспитание казачкою станицы Чамлыкской Дарьей Поляковой, сообщают «Кубанские войсковые ведомости».⁵⁸ Подобное невольное родство меняло отношение женщин и ко взрослому черкесскому населению.

Новые особенности в жизнь кубанских казачек вносят и черкешенки, добровольно или по воле обстоятельств, вступавшие в браки с казаками (практика, распространенная не только у кубанцев, но, например, и у гребенских казаков, где у таких женщин даже было особое название – «манучки»⁵⁹). Как и у терских казаков⁶⁰, причиной брака могло стать как пленение горянки, так и договор с ее родителями (с выплатой достойного калыма). Многие исследователи отмечают, что главной причиной подобных браков являлся недостаток женщин

брачного возраста в кубанских станицах. После выравнивания демографической ситуации (что совпало с окончанием военных действий на Кавказе) «подобные браки не встречались, поскольку казаки и горцы исповедовали разную религию».⁶¹

По данным фактам информатор из ст. Удобной Андрей Гамиев рассказал следующее. «Во время Кавказской войны его прадед (казак ст. Удобной по фамилии Прокопенко) женился на черкешенке, оставшейся в одиночестве с двумя детьми после ухода горцев. Одного ребенка взяли, по неизвестной причине, некие Романовы, а второй, Михаил, по видимому и продолжил род Прокопенко. Как рассказывают старики, ходила «энта турка» по улицам в штанах и с черным покрывалом на глазах и похоже была из богатой семьи, возможно какого-то горского князька. Тем более, что после войны Прокопенко ездил куда-то на бричке со своей нерусской женой и вернулся со спрятанными черкесами сундуками.»⁶²

Появление черкешенок в станицах нередко вызывало ревность со стороны казачек по поводу выбора казаками красивых (черкешенки традиционно считались одними из самых прекрасных женщин Кавказа и на невольничьих рынках ценились намного выше крупных и в большинстве своем бойких казачек⁶³) и воспитанных в крайней покорности горянок. Впрочем, и у самих линейных казачек в предках были черкешенки, т. к. по сообщениям В.Д. Сухорукова, Н.М. Карамзина, П.А. Кулиша в XVII в. донцы «доставали себе жен, как вероятно, из земли черкесской и могли сими браками сообщить детям нечто азиатское в наружности».⁶⁴

Межэтнические браки способствовали складыванию традиций куначества, которые в мирное время твердо поддерживались⁶⁵, а в момент обострения военной ситуации привлекались для освобождения из плена родственников.⁶⁶ У линейцев-пластунов существовала целая

система укрывательства в семьях кунаков при разведке за Кубанью.⁶⁷ Одна из современниц Кавказской войны вспоминает: «А чтобы ненависти, так у нас ее к горцам никакой не было... У всякого казака из них кунаки были... Что правда, то правда, воровали, обижали они нас частенько, да ведь и наши не давали им спуска... Сойдутся на сотовку, бывало, ровно друзья какие; твоя кунак, моя кунак – говорят право...»⁶⁸ По свидетельству информатора Е.И. Зыбина, «были случаи, когда дети кунаков-горцев воспитывались в казачьих семьях».⁶⁹ Известно, что некоторые горцы при переселении в Турцию оставляли своих детей в семьях кунаков-казаков.

Таким образом, отношения горцев с российской стороной далеко не ограничивались военными столкновениями, а включали в себя торговые, дружеские, родственные связи, культурный взаимообмен. Все эти элементы хорошо прослеживаются как в государственной политике России по отношению к кавказским народам, так и в повседневной жизни пограничного российского населения, в том числе и женщин-казачек.

Примечания:

- ¹ При этом, известны случаи, когда российские подданные на местах так же перенимали подобный опыт и использовали пленных черкесов вместо крепостных крестьян, а черкешенок в качестве наложниц. (См., например, Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. – Краснодар, 1992. Т.2. С.532.) Хотя в отличие от горских адатов, законодательство России запрещало такие вещи.
- ² Именно поэтому политика Российской империи на Кавказе не являлась по своей сути колониальной. В данном случае куда более подходит разрабатываемый научной школой профессора В.Б.Виноградова (г. Армавир) термин «российскость». (См., например: «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002.)
- ³ Нельзя оценивать данные цели нападавших на станицы горцев по современной шкале ценностей. Для российского населения того времени, впрочем, так же как и для адыгов, живущих сейчас, наездничество является «порочающим» национальную историю фактом, а потому всячески отрицается в современной национальной историографии. Но ведь для черкесских племен XIX в. лихой джигит – это в первую очередь, человек, отличившийся в боях и захвативший богатую добычу. Для закубанцев того периода характерна отличная от нынешней шкала ценностей и надо воспринимать это не как «позорное явление», а как вполне закономерную

историческую особенность данного этноса. При этом нельзя отрицать, что у различных групп закубанского населения было высоко развито земледелие, скотоводство и садоводство.

- ⁴ Шаповалов А.Н. Северо-Западный Кавказ в политике Российской империи (70-е гг XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). / Автореферат дисс... к.и.н. Майкоп, 1998. С.22-23.; История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года. Учебное пособие для вузов. Ростов н/Д, 2001. С.169.; Скиба К.В. Горские набеги на Кубанской Линии. //Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир-Краснодар, 2002. С.38.
- ⁵ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.319. Л.52-53.; Кияшко И.И. Именной список генералам, штаб и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сраженьях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 г. Екатеринодар, 1911. С.2.
- ⁶ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.365. Л.24.; Кияшко И.И. Указ. соч. С. 43.
- ⁷ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.448. Л. 76-76об.; Кияшко И.И. Указ. соч. С.3.
- ⁸ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.448. Л. 166об.-169.
- ⁹ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.484. Л. 82-82об.; Кияшко И.И. Указ. соч. С.46.
- ¹⁰ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.505. Л. 15-30об.
- ¹¹ Кияшко И.И. Указ. соч. С.49.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С.53.
- ¹⁵ Там же. С.58.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С.53.
- ¹⁹ Там же. С.60.
- ²⁰ Там же. С.61.
- ²¹ Там же. С.64.
- ²² Там же. С.69.
- ²³ Там же. С.72.
- ²⁴ Там же. С.88.
- ²⁵ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – С.432.
- ²⁶ Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской. – Краснодар, 1993. – С.263.
- ²⁷ Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796-1801 гг.). – Армавир-Славянск н/К, 1999. – С.20-21.
- ²⁸ Мануйлов А.Н. Статус женщины в общеправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX – 20-е годы XX века). Армавир-Краснодар, 1998. С.52.; Кубанский М., Басханов А. Казачка Сердюкова // Ленинское знамя. 1990. 8 марта. № 39-41. – С.3.
- ²⁹ Зыбин Е.И., 1935 г.р., г.Армавир.
- ³⁰ Возможно, именно попытка поднять крик, послужила причиной смерти казачки Федосьи Лагуновой, убитой горцами в августе 1862 г. в лесу около ст. Прочноокопской. (Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах. – Армавир, 1994. – С.18.)
- ³¹ Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях Кубанских казаков. – Краснодар, 2002. – С.59.
- ³² Данный термин более точно, чем термин «работоторговля», определяет суть происходивших на Кавказе явлений (Виноградов Б.В., Клычников Ю.Ю. К проблеме

- контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып.6. Ч.1. С.45-50). В современной историографии одной из тенденций стало замалчивание и отрицание подобного явления в горской среде, опять же как «позорящего» национальную историю. Но, к сожалению, события в современной Чечне показали, что подобное замалчивание приводит к реанимации этого неприглядного явления. Поэтому надо лучше разобраться в объективно-исторических причинах данного явления (ведь в отличие от работорговли понятие пленопродавство включает в себя и возврат пленников за выкуп).
- ³³ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П.Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). / Под ред. проф. В.Б.Виноградова. Ессентуки, 1999. С.14-15.
- ³⁴ Цит. по: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С.140-141.
- ³⁵ Люлье Л.Я. Черкесия: историко-этнографические статьи. 1990. С.45.
- ³⁶ Хотя, как отмечает В.А.Матвеев, «наряду с турками участие принимали англичане, французы и другие представители европейских держав. (Матвеев В.А. Исторические особенности... С.24).
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск, 1999. С.115.
- ⁴⁰ Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год: Пятые дикаревские чтения. Краснодар, 1999. С.33.
- ⁴¹ Кубанские войсковые ведомости. 1865. №16. 24 апреля. С.3
- ⁴² Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. С.63.
- ⁴³ Захарченко В.Г. Песни ст.Кавказской. Краснодар, 1993. С.306.
- ⁴⁴ Так, в 1824 г. кубанское казачество переходит на обмундирование черкесского образца (Захарченко В.Г. Песни ст.Кавказской. Краснодар, 1993. С.266).
- ⁴⁵ «...Горский костюм и вооружение действительно прекрасно были приспособлены к местным климатическим и боевым условиям» Кроме того, они служили и своеобразной маскировкой (Матвеев О.В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. Краснодар-Армавир, 1995. С.5, 8.)
- ⁴⁶ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.2. Краснодар, 1992. С.825.
- ⁴⁷ Поэтому в 1827 г. пики отменяются и вводятся кинжалы с поясами и пистолеты (Захарченко В.Г. Песни ст. Кавказской. Краснодар, 1993. С.266).
- ⁴⁸ Матвеев О.В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. Краснодар-Армавир, 1995. С.5.
- ⁴⁹ Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани (Отв.ред. К.В.Чистов). М., 1967. С.174-175.
- ⁵⁰ Там же. С.177.
- ⁵¹ Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е гг. XIX в.): Учебник. Майкоп, 2002. С.8.
- ⁵² Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. С.174-175.
- ⁵³ Макаровская Н.Р. Город Екатеринодар как центр торговой жизни Кубани и роль в ней казаков. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Ч.2. Славянск-на-Кубани, 2001. С.34-35.
- ⁵⁴ Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С.20.
- ⁵⁵ Там же. С.589.

- ⁵⁶ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 1992. С.532.
- ⁵⁷ Харченко А., Харченко В., Кистерев А. Между Илем и Шебшем: Очерки истории Северского района Краснодарского края. Краснодар, 1993. С.20-21.
- ⁵⁸ Кубанские войсковые ведомости. 1865. № 47. 27 ноября. С.3.
- ⁵⁹ Кирюхин В.С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. Саратов, 2000. С.194.
- ⁶⁰ Великая Н.Н. Казаки восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С.58-59.
- ⁶¹ Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. – С.194.
- ⁶² Гамиев Андрей Иванович, 1971 г.р., ст. Удобная.
- ⁶³ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. (Репр. воспр. Москва, 1823.) Нальчик, 1999. С.54.
- ⁶⁴ Королев В.Н. Черкесский элемент в донском казачестве (16-17 вв.) //Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С.26-27.
- ⁶⁵ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С.188.
- ⁶⁶ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С.496.
- ⁶⁷ Там же. С.190.
- ⁶⁸ Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях Кубанских казаков. С.60.
- ⁶⁹ Зыбин Евгений Иванович, 1935 г.р., г.Армавир.

Чурей Т. А.
г. Нальчик

**Художественное мировоззрение адыгов диаспоры в творчестве
Ахмета Мидхата Хагура**

В процессе эволюции национальных литератур выделяются периоды, которые являются поворотными вехами в их развитии, знаменующими рождение новых форм, жанров, направлений под влиянием идеи, по-новому определяющих взаимоотношения литературы и общества. В истории турецкой литературы одним из таких периодов является вторая половина XIX века – эпоха становления и развития просветительской идеологии, получившая название «танзимат».

Среди деятелей означенной эпохи в первую очередь мы должны назвать Ахмета Мидхата Эфенди, ценой невероятных усилий которого за короткое время турецкая литература качественно изменилась, разнообразнее стало ее содержание, демократизировалась роль, приблизилась к жизни ее сущность.

Но следует подчеркнуть основную причину нашего интереса к личности основоположника турецкой прозы: Ахмет Мидхат Эфенди – черкес по рождению, адыг из рода шапсугов, его настоящая фамилия Хагур (Хьэгьур). Мидхат – его второе имя, полученное от воспитателя. Он – один из основоположников литературы черкесского зарубежья.

Представители движения Танзимат одну из главных задач своей просветительской программы видели в создании турецкого национального литературного языка. Они отвергали так называемый «османский» язык – смесь турецкого, арабского и персидского, который был понятен только знати. Обращаясь к языку простых людей, Ахмет Мидхат Эфенди совершенствовал его, обогащал, развивал

стилистически. Это привело к тому, что в национальную литературу были привнесены новые для нее жанры: рассказы, новеллы, пьесы, повести, романы. Писатель был одним из тех, кто активно поднимал такие злободневные для турецкого общества тех лет вопросы, как рабство, эмансипация, нравственность, национальная замкнутость. При всем многообразии мнений и немалом количестве работ о творчестве Ахмета Мидхата Эфенди нет специального исследования о творческом пути, об особенностях жанров его произведений, об их поэтике и проблематике. При определенной изученности вопроса в адыгском литературоведении на сегодня нет монографического исследования, посвященного проблемам творчества выдающегося турецкого и адыгского писателя.

Условия жизнедеятельности адыгов в Турции были весьма непохожи на жизнь на Кавказе, но особенности этнической психологии – и этим особенно гордится Мидхат – у большинства мухаджиров не сформировали негативных чувств ни к туркам, ни к своим соплеменникам. Насильственная ассимиляция выявила скрытые ресурсы и богатство культуры адыгов – переселенцев, что позволило им не только выжить, но и выдвинуть из своей среды выдающихся людей, которые, в свою очередь, поспособствовали сохранению и росту интереса к культурному облику, духовному содержанию своего народа. Мидхат, таким образом, пекся не только о том, чтобы адыги (черкесы) помнили имя свое, чтобы вращались в тело турецкого социального организма, сохраняя при этом свои этнокультурные различия, но и о том, чтобы лучшее из мировой культуры стало и их достоянием тоже. Его просветительская миссия, таким образом, не может быть преуменьшена во времени. Наоборот, сегодня кажется еще более значимой и исполненной высокого смысла, воплощением мудрого смирения жизненными обстоятельствами, душевного равновесия человека,

исполняющего свой долг правдивого описания исторических событий и тонкого психолога, постигающего глубину народных характеров, красоту окружающего мира.

Велики заслуги Ахмета Мидхата в зарождении в турецкой литературе такого жанра, как роман, являющегося в какой-то степени художественным протоколом истории общества. Турецкий роман рассматриваемого времени предстает перед нами не в той форме, как это принято в западном понимании. Эта проза, с одной стороны, неразрывно связана с восточной культурой, которая считается традиционной в Османстве, а с другой – в целях модернизации в ней используются взятые из французской литературы внутренний монолог и диалог. Написанные Ахметом Мидхатом романы многообразны. Среди них «Только 17 лет» (романтический), «Хасан Меллах», «Хусейн Феллах», «Фелятун Бей и Рахим Эфенди» (социальные), «Младотурок» (политический), «Янычары» (исторический), «Албанцы» (обрядовый), «Приход в мир во второй раз» (научно-фантастический), «Наблюдения» (натуралистический). С помощью такой мозаики жанров писателю удалось затронуть самые разнообразные темы.

Анализируя такие произведения, как «Хасан Меллах», «Фелятун Бей и Рахим Эфенди», мы видим новаторство писателя, строившего свои произведения на основе внутреннего монолога – художественного приема, призванного укрепить сюжет и коллизии повествования. Техника эта в какой-то мере была апробирована в ранних рассказах Хагура, в частности в рассказе «Неволя», где через монолог главного героя Фатина автор говорит об ударах судьбы, заставившей адыгов расстаться с родиной. Удачны не только внутренние монологи писателя, но и построенные им диалоги. Такие произведения, как «Неволя» (1879), «Фелятун Бей и Рахим Эфенди» (1875), «Ангел на земле» (1878-1879), «Палач» (1884), «Тайное убийство» (1883-1884), «Карнавал» (1880-

1881), «Жаль» (1881-1882), «Хасан Меллах), и целый ряд других держатся в основном на диалогах главных действующих лиц. И чтобы дать характеристику героям, писателю приходится раз за разом прибегать к авторским ремаркам.

В своих произведениях Хагур уделяет большое внимание молодому поколению. Но и здесь главнейшая для него тема – образование. В 1899 г. в серии своих публикаций он затрагивает проблему детской психологии и юридической ответственности родителей за своих детей. Его взгляд на многоженство, одобряемое исламской религией, был такой: женатому человеку, будь то мужчина или женщина, делить ложе с другим означает измену. Также он отмечал, что в выборе будущего спутника или спутницы западные традиции более приемлемы, но в тех обществах, где доминирует восточная культура, на такой выбор оказывают большое влияние национальность и религия, в частности ислам. Интересно в данном контексте обращение писателя к своим соотечественникам, их обычаям и традициям. Писатель обращает внимание на то, что адыги жили и развивались совсем по другим, более жестким, правилам, отличным от этих двух культур. Например, похищение девушки у адыгов было распространено в прошлом, действует и сейчас. При этом за похищенной погоню не посылали. Достаточно было сообщить об этом семье девушки и затем сделать все, что требуют традиции. Даже в период Османской империи в тех странах, где жили черкешенки, похищенные с Кавказа, старались соблюдать подобный подход. Например чему мы видим в романе «Разлука» (1870).

Еще одна тема, поднятая Ахметом Мидхатом, – положение женщины в турецком обществе. В романах «Наблюдения», «Философия женщин», «Младотурок», «Девушка с дипломом», «Изумление», «Интересный мир» писатель, осуждая традиционные формы замужества,

пытается найти ответ на вопрос, где место женщин в обществе, будучи твердо убежден, что женщина, свободная в экономическом плане, может выбрать тот образ жизни, который ей нравится. Он мечтал о времени, когда среди женщин появятся хирурги, философы, поэты.

В каком-то смысле Ахмет Мидхат и сам не мог найти ответ на вопрос, чего ожидать в результате свободы, данной женщины, в итоге ее равноправного с мужчинами положения в обществе. Он лишь считал, что свобода женщины должна соответствовать как ее верности, так и воспитанию.

Выбирая героинь для своих произведений, он старался знакомить читателей с представительницами обеих культур, но неизменно рассматривает добропорядочность женщины как меру ее ценности и значимости.

Как известно, основы и формы уважения к женщине, установленные в обществе, во многом зависят от обычаев и традиций этого народа. Эта тема для Ахмета Мидхата очень важна, потому что он рассматривает ее в адыгском контексте. Писатель рисует жизнь черкешенок в изгнании. Но отличие его подхода в том, что он сам непосредственно знает о трагедии людей, переживших изгнание. Можно долго перечислять имена его героинь, насильно вырванных из родных мест и выросших в чужих краях: Фытнат в «Неволе», Гушаджук и Хадисы Хан в «Разлуке», Синесат в «Смерти в руках Всевышнего», Нерис во «Втором рождении», чеченская красавица Эсма из «Хасана Меллаха», Шириншах и Гушэ в «Кавказе». При этом надо помнить, что, когда он описывал черкешенок, перед его глазами всегда стояла мать. В романе «Кавказ» через героиню Шириншах переданы мысли и взгляды его матери, Нафицэ Ханым.

Гордость быстрая ориентация в принятии решений, ум, внешняя красота – все это характеризовало адыгскую женщину. Но писатель

пошел дальше: он сравнивает черкешенку и турецкую девушку. Отмечая прекрасное воспитание черкесской женщины, затрагивая понятие нравственности, писатель, находясь под воздействием ислама, старался придать черкешенке черты типичной исламской женщины. Черкесскую женщину писатель выделял и в сравнении с европейской. Способности, навыки, умения черкешенки его всегда поражала и изумляли. Самым важным он считал то, что девушкам еще в детском возрасте прививали чувство ответственности, готовя их в будущем на роль достойных матерей и жен. А красоту адыгской женщины, считал писатель, даже нет надобности восхвалять. Так, в рассказе «Неволя» он, описывая свою героиню Фитнат, не может сдержать умиления: «Девочка восьми-девяти лет, как золотой мячик. Шелковистые волосы, голубые глаза, розовые щечки. До сих пор она перед глазами. Я был в восторге. Никогда в мире я еще не видел настолько красивую и приятную, располагающую к себе девочку¹».

Писатель рассказывает и о других увлечениях девочек, в частности о музыке. Он утверждает, что, хотя они в юном возрасте были привезены с Кавказа, им присуще удивительное знание музыки. Игра черкесской девушки на национальных инструментах завораживает даже тех, кто в этом ничего не смыслит.

Любовь к потерянной родине движет пером писателя, и этому посвящена цель нашей работы – «Художественное мировоззрение адыгов диаспоры в творчестве».

Адыгская диаспора в Турции как этнокультурная целостность возникла в результате изгнания большей части адыгов в пределы Османской империи после столетней Русско-Кавказской войны. Черкесский писатель Эрол Таймаз, сравнивая черкесскую диаспору в Турции и другие диаспоры, говорит, что «культура и история черкесов-

изгнанников, хотя они живут в Турции уже почти 140 лет, до сих пор по достоинству не оценены, мало изучены и обделены вниманием²».

Литература адыгской диаспоры в Турции характеризуется рядом специфических черт, позволяющих рассматривать ее как самостоятельную ветвь единой общеадыгской литературы. В связи с этим, на наш взгляд, одной из важнейших задач современного адыгского литературоведения является изучение путей развития братских литератур и введение в научный оборот новых имен, которые по известным причинам выпали из национальной литературы, ее истории.

Последние годы характеризуются заметным оживлением интереса к духовному наследию адыгского зарубежья, в частности к словесному искусству, что позволяет по-новому взглянуть на многие явления литературного процесса.

Переселенцы (изгнанники) не имели своей национальной письменности. Но где бы они ни находились, они не прекращали свою издательскую и литературную деятельность. С помощью своих трудов они пытались сохранить и развить свой язык и обычаи.

Необходимость изучения литературы адыгской диаспоры Турции вызвана тем, что она обещает раскрыть особенности национальной литературы на исторической родине. Отсюда и наш интерес к Ахмету Хагuru. Его произведения, в которых прослеживаются национальный дух и этническое мировоззрение адыгов, оказали большое влияние на других турецких авторов. Оно чувствуется в произведениях таких писателей, как Реджаизаде Махмут Экрем (пьеса «Встреча влюбленных», 1874), Абдул Хан Хамид (пьеса «Непоколебимое терпение», 1874), Сами Пашазаде Сезай (роман «Приключение», 1889), Мюнтеха Ханым (стихи), Фатха Алие Ханым (журнал «История жизни турков»). Ахмет Хагур в свое время заинтересовал множество людей проблемами черкесского народа.

В то же время творчество Ахмета Хагура, как, впрочем, и творчество других представителей адыгской диаспоры, невозможно понять в отрыве от литературного процесса на исторической родине. Наша работа видится своего рода попыткой обосновать место писателя в общеадыгском литературном пространстве. Культура адыгского народа, представители которого разбросаны по всему миру волею судьбы, должна быть воссоединена. Иначе полную картину жизни нации невозможно представить.

Появление Ахмета Хагура, одного из первых просветителей в среде адыгской (черкесской) диаспоры, – закономерное явление, обусловленное развитием адыгского народа, политическими и историческими обстоятельствами, которые сложились во второй половине XIX века.

Писатель побуждал адыгов в тому, чтобы выйти из оцепенения, почувствовать себя необходимыми. Именно слово Ахмета Хагура будило национальное самосознание адыгов, живущих на чужбине, возвращая им волю к жизни. Он принимал самое непосредственное и активное участие в пропаганде уникальной культуры родного народа, способствуя при этом ее адаптации к турецкой действительности. Свои чувства и переживания писатель доносил до соотечественников через произведения, в которых показывал трагическую, полную невзгод историю адыгов. Эту историю он считал «зеркалом жизни», где каждый, взглядевшись, мог увидеть себя. Народный быт и нравы, обычаи и традиции, описываемые Хагуром, были одним из элементов того великого замысла, согласно которому адыги не должны были забыть себя. И это ему удалось, пожалуй, как никому другому. Своей разносторонней общественной, научной и просветительской деятельностью Хагур во имя народа совершил подвиг, за что и должен быть народу возвращен. Этот Гомер черкесской истории заслужил право

находиться в ряду таких адыгских национальных деятелей, как Ш. Ногмов, С. Хан-Гирей, С. Казы-Гирей, О. Берсей, К. Атажукин.

Несмотря на то, что он жил и творил на чужбине, писал на чужом языке, ему присущи те же черты, что и вышеназванным просветителям. В его творчестве четко и ясно прослеживается фольклорный и художественный менталитет, свойственный адыгам.

Количество произведений писателя, написанных о Кавказе и черкесском народе, свидетельствует, настолько глубоко задумывался над этими вопросами Ахмет Мидхат. Даже в наши дни сохраненная им правда оставляет глубокий след в душе черкеса.

С болью с сердце писатель описывает страдания народа, его лишения и невзгоды в таких произведениях, как «Неволя» (1870), «Разлука» (1870), «Смерть в руках Всевышнего» (1873), «Фаик Бей и Нуридил Ханым» (1873), «Второе рождение» (1874), «Хасан Меллах» (1874), «Хусейн Феллах» (1874), «Кавказ» (1877), «Гордость Кавказа» (1880), «Черкесские дворяне» (1884), «Грузинская девушка» (1889).

Авторская позиция находит наиболее полное выражение в черкесских персонажах, соотечественниках писателя. Через них, наделенных лучшими чертами своего народа, носящих имена, близкие слуху писателя, Ахмет Мидхат повествует об истории своей далекой теперь Родины, мужественной борьбе против захватчиков, высоком патриотизме лучших ее сыновей. На их судьбах держится динамичный сюжет, композиция произведений, многоплановость происходящих событий. Отсутствие односторонних оценок, прямой мотивации действий, богатая внутренняя жизнь героев способствуют созданию произведений, которые пережили свое время, которые интересны нам не только как воссоздающие определенные исторические коллизии, а как запечатлевшие зримые образы – образы волнующие, трогающие,

вызывающие сочувствие и сопереживание, гордость за землю, вспоившую и вскормившую их.

Ахмет Хагур с помощью своих произведений, прежде всего таких, как «Неволя», «Черкесские дворяне», «Кавказ», стремился воссоздать адыгский этикет. Писатель использует много тем, сюжетов и мотивов, почерпнутых из фольклора. Адыгский фольклор дал ему возможность выразить в прозе дух, голос адыгов и своеобразную концепцию общественного, эстетического социально-исторического опыта народа.

Писатель очень часто описывает Кавказ с его горами, реками, лесами, лугами и людьми. Кавказ – отдельный мир. В его представлении это символ родины для людей, которые разбросаны по всему свету. Кавказ для него в то же время и символ силы и единства.

В произведениях Ахмета Хагура весьма часто используется слово «черкес». Например, девушка-черкешенка, юноша-черкес, черкесский всадник, черкесский конь, черкесская папаха, черкесская одежда, черкесские чарыки (обувь), черкесский музыкальный инструмент, черкесская мелодия, музыка, старик-черкес, черкесская кровь, курица по-черкесски, черкесский сыр, черкесская комната, сушеное мясо по-черкесски («лыгьур»), и многие другие словосочетания со словом «черкес». О чем это говорит? Думается, Ахмет Хагур хотел поведать всему миру об изгнании черкесов, об их жизни в чужих краях и проблемах, возникших в изгнании. Целью писателя было донести до современников и потомков голос адыгского народа.

Говоря об адыгах, писатель всегда описывает их как красивых людей, владеющих определенными качествами и навыками. Он не устает повторять, что у адыгов были традиции на все случаи жизни. Он восторгается традицией передачи ребенка в другую семью на воспитание сразу после его рождения, гордится адыгскими девушками,

которых с раннего детства готовили к будущей жизни, учили хорошим манерам, отмечает необычность адыгской одежды, непохожесть адыгской кухни. Система философской этики адыгов вызывает его искреннее восхищение. В этом плане показательна пьеса «Черкесские дворяне». В образе главного героя Самуркаш Бея писатель воплотил лучшие качества и поступки настоящего адыга. Такие черты его характера, как верность, порядочность, благородство проявляются во взаимоотношениях с Джанболатом, искренность в чувствах к Аслангезу, мужественность перед уходом в мир иной. Все это говорит о том, что Ахмет Хагур воспринимал адыгский этикет как идеальную основу для построения нового общества.

Но, как это ни парадоксально, писатель в то же время протестует против излишней строгости в национальном этикете. Трагический конец драмы возвращает нас к ее началу, когда Самуркаш Бей внезапно упал в обморок перед боем. По адыгскому обычаю, такое для мужчины считалось величайшим позором и бесчестьем. В действительности Ахмет Хагур этим поступком хотел показать человека, не воспринимающего войну и насилие.

Роман «Кавказ» видится нам одним из лучших в творческом наследии писателя. Многоплановое, объемное произведение, написанное доступным языком, впитало в себя практически все, что увидел и прочувствовал автор, попав на чужбину. «Кавказ» – своего рода квинтэссенция мыслей и чаяний Хагура, его боль и гордость, воссоздавшая нравственные и культурные ценности адыгов. Этот роман бесценен для нас, ибо глазами современника рассказывает об изгнании адыгов, о борьбе за сохранение исторических и культурных ценностей народа после переселения. «Кавказ» вначале задумывался как социально-психологический роман, но в процессе работы был переработан в исторический. Автор пытался привлечь внимание к очень

важным событиям, этим и объясняется его пристальное внимание к кавказской политике. Важнее всего, что Хагур считал себя адыгом, и в романе он об этом прямо говорит. Он пишет о том, как после захвата русскими войсками родного селения его мать и четырехлетний брат покинули Анапу. Сам он родился в Турции. Несмотря на это, его мать Нафицэ (с адыгск. – Черноокая) дала ему черкесское воспитание. С ее помощью он в совершенстве овладел родным языком и полюбил незнакомую историческую родину.

В романе «Кавказ» можно выделить несколько основных мотивов. Первый – детальное описание Кавказа и черкесского народа. Действие происходит в Абхазии, главные герои названы абхазскими именами, но нужно иметь в виду, что описанные события имеют общекавказскую и адыгскую сущность. Самое большое количество изгнанных в Турцию эмигрантов было из Абхазии. Сложившаяся военно-политическая и морально-нравственная обстановка в этом краю дала писателю повод создать собирательный образ общекавказской трагедии. Для раскрытия волновавших его проблем он выбрал охваченный огнем и страданиями прекрасный уголок Кавказа.

Приводимая в книге информация о местности, которая находится между рекой Кубанью и Черным морем, позволяет утверждать, что книга представляет собой своего рода учебник географии. Ахмет Хагур не устает использовать на протяжении всего романа такие слова, как «адыги» и «Кавказ», он рассказывает о землях, где проживали адыгейцы, абхазы и кабардинцы. Ахмед Хагур, давая оценку героическому характеру адыга, определяет национальный характер. Ярким носителем его является Каплан Бей. Он абхаз, получил военное образование в России. Каплан – настоящий черкес, символ щедрости, честности, храбрости, красоты и чистоты.

Катерина, любимая Каплан Бея, – полурусская, полугрузинка, переселившаяся с отцом в Абхазию. Воспитана в русских традициях. Несмотря на это, ради своего любимого Катерина стремится постичь обычаи и традиции адыгов.

Здесь важно отметить, что Каплан Бей действительно любит Катерину. Тогда как Катерина из-за событий в Абхазии и вследствие плохого отношения ее семьи и Каплан Бей лишь в конце произведения, с помощью абхазских старейшин, вырывается из ловушки.

Большая часть романа посвящена описанию простых людей. Еще один герой романа – Шириншах, мать Каплана. Она категорически против отношений Каплан Бея и Екатерины. Образ Шириншах, настоящей черкешенки, дает возможность писателю обратиться к адыгскому этикету (адыгэ хабзэ). Он пытается передать великую, глубокую и высоконравственную культуру своего народа. Среди его первоочередных ценностей – почитание старших, уважение к гостям и уважение родственников. Главная цель романа состоит в том, чтобы обратить внимание черкесского народа на сохранение тех ценностей, которые со временем стали исчезать.

Ахмет Хагур показывает, что у черкесов система управления государством и нравственная политика были на самом высоком уровне. Чтобы напомнить о политических играх, осуществляемых различными политическими силами в отношении черкесов, писатель затрагивает и эти моменты. Цель Екатерины – направить Каплан Бея против соплеменников, готовящихся к восстанию. Любовь же Каплан Бея чиста и искренна. Катерина считает, что ради любимого человека, другой должен жертвовать всем, чем может, и не отступаться.

Писатель убедительно утверждает, что черкесы были независимым народом. Несмотря на все пережитые трудности, они сохранили социальный и политический строй.

В романе «Кавказ» ярко отражена одна из ключевых особенностей адыгского кодекса чести: уважение к женщине. Раскрывая тему воинственности адыгов, Хагур старается показать, что этот народ не любил войн. Только в случае необходимости наивысшие образцы героизма можно увидеть именно у адыгов. В случае победы или поражения в поведении адыга не было места даже самому проявлению бахвальства или покаяния. Потому что приобретать и терять – это естественные вещи в жизни каждого человека. Любовь, мир, братство – это его природа. Поэтому в адыгской пословице говорится: «Быть адыгом – значит быть человеком».

Ахмет Мидхат сумел передать в произведении непреодолимую тоску по родине битву внутри себя и нескончаемые надежды. Вот как в романе он выражает свои чувства: «Представьте себе прекрасную страну, где нет рабов, подчиненности и зависимости, нет подобных друг другу, нет тиранства, нет нищих или очень богатых, нет подчинения какому-либо государству, но, несмотря на это, каждый знает, что он в безопасности. Чтобы помирить кровных врагов, достаточно было слова старика или просьба женщины³». Писатель с настойчивостью подчеркивает, что на его родине не было ни жандармов, ни полиции, ни тюрьмы, ни палачей, чем определяет степень свободы личности у адыгов. Возможно, в период, когда жил Ахмет Мидхат, это понятие действительно соответствовало истинной свободе.

Хагур тщательно исследует адыгские обычаи и традиции, восхищаясь лучшими из них. Неотъемлемая часть адыгского гостеприимства – танцы и музыка – составные адыгского фольклора. Ахмет Хагур убежден в значимости роли танцоров, музыкантов в деле сохранения фольклорных традиций черкесов. Если нашу музыку слушает не кавказец, говорит он устами Катерины, возможно, он не получает такого удовольствия. Музыка и танец для адыгов – часть

жизни. Поэтому автор переживает о том, что было утрачено в этой области. Он критикует молодежь за то, что она не интересуется прошлым, теряя духовное богатство. Хагур рассказывает о том, что нередко на празднествах, свадьбах танцы – столь изящное искусство – сопровождаются демонстрацией мастерства всадников и ловкости стрелков.

Рассказывая обо всем этом, писатель преследует определенную цель: не ассимилироваться в сложившейся ситуации, не утратить народные корни. Чтобы добиться этого, по его мнению, молодежи надо чаще собираться вместе, потому что юное поколение, один раз увидевшее это, никогда не забудет. И это поколение также будет рассказывать своим детям, как рассказывала мать Ахмета Хагура своему сыну.

Если посмотреть на общий портрет героев писателя, можно сделать следующий вывод: в каком бы положении и в каких условиях они ни находились, даже вдалеке от Родины, они, черкесы по происхождению, постоянно живут надеждой. Надеждой на то, что когда-нибудь вернуться на свою историческую родину. Как бы тяжело ни складывалась жизнь, эти люди не теряли высоких моральных качеств. При любых обстоятельствах они уверены в себе, умиротворены с окружающими, стойко преодолевают трудности, стараются помогать другим. Обладающий такими качествами народ никогда не исчезнет. Поэтому среди героев Ахмета Хагура немало оптимистов. Прекрасный тому пример – персонаж романа «Кавказ» Юнус. Во имя своей родины этот сильный и выносливый человек готов на все. Даже умирая, он хладнокровно объясняет своей нареченной, что надо сделать после того, как его не будет.

Суммируя вышеотмеченное, можно сделать следующие выводы. Через роман «Кавказ» Ахмет попытался не только заинтересовать

турецкого читателя борьбой адыгов за свою независимость, но и сделать его сочувствующим соратником в этой борьбе, привить интерес к обычаям и традициям горцев, помочь познать их нравы, менталитет, кодекс чести и поведения. В лице главного героя Каплан Бея писатель, без сомнения, создал образ идеального адыга – смелого и гордого, неподкупного и надежного, верного слову и родине, ставшего интересы народа выше личных, жертвующего своим счастьем ради других. Образ Каплан Бея – своего рода гимн лучшим представителям адыгского народа. Родившийся адыгом, Ахмет Мидхат оставался им до конца своих дней.

Описывая трагедию своего народа, Ахмет Хагур постоянно затрагивает тему свободы. Говоря об индивидуальной свободе, он на самом деле хотел подчеркнуть то, что его народ может жить свободно и счастливо. Эту особенность можно увидеть почти во всех его рассказах, романах и пьесах. Для него этот постулат незыблем: человек рождается свободным и умереть должен свободным. В каждом своем произведении он поднимает эту тему. Герои его произведений, насильно увезенные с Кавказа адыги, либо умирают, либо их судьба складывается счастливо. Автор уверен, что, несмотря на все трудности, человек должен переносить невзгоды терпеливо. Особенно подчеркивает, что такое возможно лишь тогда, когда люди следуют своим обычаям и традициям. Его осуждение рабства столь гневно и впечатляюще, что многие турецкие писатели делают героями своих произведений невольников-черкесов. Сами Пашазаде Сезай пишет роман «Приключения черкешенки», Реджаизаде Махмут Экрем делает героиней своей пьесы «Встреча влюбленных» черкешенку Вуслат, а Абдул-Хак Хамида героиней пьесы «Непоколебимое терпение» черкешенку Раксевер. Стихотворение Абдул-Хак Хамида «Моя мама» – взволнованный поэтический рассказ о черкешенке, покинувшей Кавказ в годы войны,

проданной в рабство, о ее нелегкой жизни на чужбине, потере близких людей.

Сам же Ахмет Хагур тему рабства глубоко рассматривает в семи произведениях, используя самые различные сюжеты. Наиболее часто встречаемые среди них – сюжет похищения детей, их жизнь в неволе, пути приобретения невольников в Османском государстве, вхождение в семье рабов и служанок, воспитание служанок по новым обычаям и традициям, обращение с ними, побег невольников. Первый рассказ Хагура о черкесах так и назван – «Неволя». Он рассказывает о невольнической жизни в Османской империи, о месте рабов в ней, об их любви, но истинная цель автора – подготовить среду для идей свободы. Говоря об этой проблеме, он никогда не отделяет историю от литературы, с настойчивостью подчеркивает источник возникших проблем – изгнание черкесов.

Интересен тот факт, что большинство главных персонажей, в чьих судьбах, как в зеркале, отразилась тема рабства, – женщины. В рассказе «Неволя» – Фитнат. В рассказе «Разлука» – Фериде и Хаджи Хан. В «Смерти Всевышнего» – Синесат, Фаик Бей и Нуридил Ханым, бывшая служанка. В рассказе «Второе рождение» – Нергис и Инширах. В романе «Хусейн Феллах» – Шехлевенд. В ряде произведений мы видим черкесских мужчин-невольников. Это Фатин из рассказа «Неволя», Фаик, Фиркат из романа «Фаин Бей и Нуридил Ханым». Фаик Бей в маленьком возрасте был украден и привезен с Кавказа, после этого он начинает понимать, что такое жизнь в неволе. В похожем положении находится и слуга Аслан из рассказа «Хасан Меллах». Мустафа, герой того же произведения, – черкес.

Рассказывая о невольниках и служанках, об их положении, писатель часто прерывает течение событий, дабы еще раз повторить, что человеческая свобода не может продаваться и покупаться как вещь.

Общим для большинства из этих произведений является наличие двух героев. Чаще всего юноши и девушки, они или оба по национальности черкесы, или один из них выходец с Кавказа. Таковы Финтат и Фатин, гушаджук и Мемдух, Синесат, Сыдкы, Фаик Бей и Нуридил, Негис и Осман, Эсма и Тимур, Шириншох и Зульфикар Бей, Хусейн Феллах и Шехлевенд, Джанан и Ракым Эфенди, Каплан Бей и Катерина, Самуркаш и Аслангез.

В этих историях, преимущественно любовных черкешенки, даже будучи служанками, обращают на себя внимание тем, что они на редкость воспитаны, образованны и также очень красивы. Во многих случаях хозяин дома, покупая служанку для домашних работ, влюблялись в нее. Иногда даже шел на лишения и жертвы.

Путем обмана и насилия черкешенок увозили из родных мест в чужие страны. В произведении «Хусейн Феллах» Ахмет Хагур использует данный мотив. Важное место тема рабства занимает в романе «Разлука». В нем речь идет о любви слуги, которая зародилась в результате путешествия на Кавказ. Отличие этого романа от других состоит в том, что здесь события начинаются развиваться сначала на Кавказе, а затем перемешаются в Стамбул. Рассказывая о самоубийстве молодых черкесов – Фатин и Фитнат, писатель проклинает рабство устами Зейнель Бея. Этот случай становится причиной того, что главный герой клянется никогда в жизни больше не покупать слуг. Смерть в эпилоге рассказа – символ конца для системы невольничества и рабства.

Следует отметить, что писатель, поднимая проблемы «свободы» и «неволи», учитывал уровень читателя того периода, писал в очень эмоциональной форме, но на простом и понятном языке. Ахмет Мидхат считал, что интеллигент, не умеющий свободно выражать свои мысли, подобен рабу, не принадлежащему самому себе.

«Честь Кавказа» – так называется книга, автор которой, западно-европейский путешественник и писатель Adolf Mutschlburd, рассказывал о борьбе за независимость, которую вели против царского правительства гордые черкесы. Первым ее переводом на иностранный язык, а именно на османский, стал перевод Ахмета Мидхата, осуществленный им в 1880 году и опубликованный на страницах редактируемого им журнала. И это вполне объяснимо – тема гордого Кавказа (название можно перевести и так – «Гордость Кавказа»), отстаивающего в неравной борьбе свою честь, свое право на свободную жизнь, красной нитью проходит через все многообразное творчество классика турецкой литературы, черкеса по происхождению Ахмета Мидхата Хагура. И вот что интересно: анализируя иностранный оригинал и соответствие ему турецкого перевода, нами были выявлены определенные расхождения. Касались они в первую очередь более детального описания черкесских обычаев и традиций, знания менталитета народов, населяющих Кавказ, понятий о чести и достоинстве. Стало ясно, что в процессе перевода Ахмет Мидхат не просто дополнил текст неизвестного ему автора, а углубил его, расширил, оживил своими чувствами.

Проводя итоги мы хотим сказать, что человеческое и национальное достоинство воспринималось Мидхатом не как некая абстрактная ценность, а как индивидуальная и самобытная конкретность, оплодотворяющая восприятие мира. Поэтому он и сделал главным объектом своего творчества родной народ, его историю и его духовный мир. Как и полагается настоящему писателю, он не растекся по времени и пространству, удовлетворяя лишь свой интерес к познанию, а позаботился о духовной пище современников, работая в конкретном пространстве, живописуя конкретные образы и моделируя узнаваемые ситуации. Образование, знакомство с мирами, столь непохожими на адыгский, как европейский, помогает Мидхату выразить

уже давно живущее в его сознании и требующее выхода понимание перемены взгляда на жизнь, изменения сознания соплеменников, где единственным огнем, согревающим душу, жила мечта о покинутой родине. Это изменение состояло в том, чтобы использовать передовые идеи внешнего мира, сродниться с ними, с ними же подняться к высотам чужой цивилизации. Иного плодотворного пути для сохранения собственного философского идейного строя, умноженного на любовь к земле предков, не было. Самоизоляция была и невозможна, и была бы губительна для одухотворенного восприятия мира, чем отличалось адыгское сознание.

Мидхат оказался настоящим просветителем не только адыгского народа, но и турецкого. Он оказался и благодарным сыном взрастившей его Турции, что немаловажно для восприятия его как цельной нравственной личности. Переноса идеи европейского просвещения на ниву турецкой действительности, Мидхат облагораживал ее, ускоряя процесс гуманизации ее имперских устоев, за что был ценим и гоним одновременно. Он работал в разных жанрах, и эта всеядность позволяла ему стучаться в души самых разных людей, различных сословий вплоть до самых обездоленных – язык и форма его произведений были демократичны и понятны всем, что не так уж часто встречается в истории литературы. Разумеется, были вещи, где он торопился, обгоняя современников, не готовых не только следовать его идеям практически, но даже обсуждать их серьезно, так было, в частности, с его воззрениями на положение женщин, стремление эмансипировать их, поставить выше существующих тогда в обществе стереотипов – здесь он революционер и реформатор уровня Н.Г. Чернышевского. Страсть к свободе лежит в основе творческого «я» Мидхата. Это роднит его с лермонтовским «Мцыри», томящимся за монастырскими стенами и мечтающим о родных горах и свободе. Но у Мидхата был выбор, и он выбрал жизнь с

ее взлетами и падениями, любовью и ненавистью, верностью и предательством, горением и тлением – всем тем, что составляет лицо житейского мира. Он выбрал нетленные духовные ценности и призывал к чистой, достойной человека жизни. Этим, а не только тем, что Мидхат официально признан основоположником турецкой литературы, он нам дорог. Ведь лицо адыгской Родины, прочитываемое в его произведениях, является настолько же личным, настолько общим, откристаллизованным у его соплеменников и современников и нас, живущих через полтора столетия после него.

Помимо таланта и страстной любви к Родине необходимы и широкая натура и разнообразные избирательно накапливаемые знания. Мидхат обладал такими достоинствами, он гордо нес по жизни свое происхождение и по праву занял свое место среди талантливейших представителей народа. Турция считает его своим просветителем – это историческая правда. Но правдой является также адыгское происхождение Мидхата, его непереоценимая роль в сохранении духовного и творческого развития потенциала своего этноса.

Примечания:

¹ Algcatli. H – Esaret Ank. 1999 s. b.

² Gerkeslerin sürgünü 21 mayis 1864. Ank. 2001. s: 33

³ Roman “Kafkas” Ank 2000. s. 169

Черноус В.В.

Историография Кавказской войны: новейшие тенденции

Историография Кавказской войны привлекает с начала XIX в. многие поколения ученых и читателей, но системное осмысление этого сложнейшего феномена отечественной и мировой истории остается нерешенной задачей. Отечественная (дореволюционная, советская и постсоветская) и зарубежная историография в значительной степени определялась идеологическими парадигмами и взаимным резонансом на их смену [1].

С конца 80-х гг. XX в. в отечественной историографии начинается поляризация концептуальных подходов к истории Кавказской войны. Импульсом для этого послужила дискуссия по статье М.М. Блиева «Кавказская война: социальные истоки, сущность» (1983)[2]. До 1988 г. советско-партийные органы не допускали критики ее в центральных научных изданиях. В отличие от утвердившейся в советской историографии оценки характера борьбы горцев как антиколониальной и антифеодальной, М.М. Блиев основные причины борьбы Российской империи и горцев выводил из внутренних социальных процессов в горском обществе, которое он определял как стадию «военной демократии», переходящую к раннефеодальным отношениям, с характерной для этого периода «набеговой системой».

На рубеже 80-90-х гг. XX в. проходят многочисленные конференции различного уровня во всех республиках и краях Северного Кавказа, посвященные народно-освободительным движениям народов региона (Махачкала, Нальчик, Краснодар и др.).

В 90-е годы появляются содержательные монографии по Кавказскому вопросу в системе международных отношений, внешнему

фактору Кавказской войны – Г.А. Джахиева, В.В. Дегоева, А.Х. Бижева, А.Х. Касумова, Н.А. Сотавова и др. [3]. Монографии А.М. Халилова и М.Г. Аутлева [4] стали своего рода заключительным аккордом марксистской историографии. В 1994 и 2001 г. двумя изданиями выходит фундаментальная монография М.М. Блиева и В.В. Дегоева, в которой в развернутом виде обосновывается позиция авторов по экономическому и общественному строю горцев, методам политики России на Кавказе и, соответственно, характеризуется военно-административная структура имамата и Черкесии в период Кавказской войны [5].

Необходимо отметить большую археографическую работу, публикации источников и переиздание монографий дореволюционных и советских авторов 20-40 гг. XX в. [6]. Среди них выделяются публикации в Дагестане арабоязычных источников, представляющих взгляды участников событий со стороны горцев [7].

На новый уровень вышло изучение идеологии освободительной борьбы народов Северного Кавказа в работах А.Г. Агаева, В.Х. Акаева, Х.Х. Рамазанова и А.Х. Рамазанова, А.С. Яндарова и др. [8]. В еще большей степени это относится к изучению общественно-политического строя народов Северного Кавказа в XVIII – XIX вв. в трудах В.Х. Кажарова, А.Ю. Чирга, А.Х. Рамазанова, М.Б. Магомедова и др. [9], а также становлению на Северном Кавказе российской администрации [10].

Возродилось изучение роли казачества в Кавказской войне, истории линейного казачества, особенно в работах В.Б. Виноградова и его учеников, С.А. Козлова, О.В. Матвеева, А.В. Захаревича и др. [11].

Новым для отечественной историографии стало расширение источниковой базы исследований за счет фольклора времен Кавказской войны, а также результатов полученных методами вспомогательных исторических дисциплин: изучение оружия, наградных систем, знамен и другой символики первой половины XIX в. [12].

В то же время на рубеже XX – XXI в. тема Кавказской войны политизируется, а концептуальные подходы поляризуются. Влияние на этот процесс оказали трагические события Чеченского кризиса. Полемика, часто бескомпромиссная, переходит на страницы центральных и местных СМИ, позиции и риторика которых оказывает в свою очередь влияние на научные издания. Их чертой, с одной стороны, становится «кавказофобия», а с другой – «русофобия», взаимные обвинения в сепаратизме или в великодержавном шовинизме. Если в одних публикациях демонизируется политика России на Кавказе, которая сводится, якобы, только к насилию и целенаправленному геноциду при почти мифологической героизации борьбы горцев. В других акцент сделан на подвигах русских войск и казачества в подавлении борьбы горцев, подчеркивается социально-экономическая отсталость и фанатизм последних. Научный диалог между двумя (внутри дифференцированными) направлениями в изучении Кавказской войны практически прекратился, если за таковой не принимать взаимные обвинения в антинаучности.

В последние два-три года появились крупные научные труды, которые предложили обобщающие инверсии истории Кавказской войны. Это, прежде всего, издание фундаментальной монографии Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля» (М., 2000), которая более 60 лет по идеологическим причинам не могла увидеть свет. Она является до сих пор наиболее полной реконструкцией событий на Северо-Восточном Кавказе, построенной на сбалансированной и объективной концепции.

Ю.Ю. Клычников в двух монографиях [13] показал военные события в более широком контексте российской политики на Северном Кавказе в I половине XIX в. Он рассмотрел российскую политику через призму геополитических факторов и противоречий интеграции народов Северного Кавказа и формирования «русскости» (В.Б. Виноградов), что

позволило ему уйти от поиска «виновных» и раскрыть общую судьбу наших народов, их сложное, но неуклонное притирание друг к другу. В работах убедительно показано, что только к российской политике или экспансии горцев сводить причины Кавказской войны нельзя, что власти стремились учитывать местную специфику и не ограничивались только силовыми мерами по «умиротворению» края, активно используя мирные средства для оказания влияния на автохтонное население [14].

В своих последних работах концептуально разошлись, оставаясь в целом в рамках одного направления В.В. Дегоев и М.М. Блиев. В.В. Дегоев в цикле статей и монографии «Имам Шамиль: пророк, властитель, воин» (М., 2001) отходит от традиции жесткой социально-экономической детерминированности исторического процесса (впрочем, настаивая на патриархальности общественного строя у горцев) и попытался осмыслить Кавказскую войну через личность Шамиля, точнее через проблему личности и власти в условиях глубокой трансформации общества и обострения альтернатив развития.

В своем последнем масштабном труде (878 с.) «Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации» (М., 2004) М.М. Блиев задался целью максимально полно реконструировать в целостности ход событий на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе в годы Кавказской войны. Автор продолжает настаивать на том, что непримиримое противоборство России и горцев Кавказа «основывалось главным образом на принадлежности воюющих сторон к слишком отдаленным друг от друга, исторически мало совместимым эпохам». Он обосновывает на материалах социальной жизни горцев универсальность явления «когда военно-демократический социум («чифдом») при переходе к социально стратифицированному обществу фатально противостоит всем другим обществам стадияльно от него отличавшимся» (с. 10). Он сравнивает значение преобразований Шамиля с тем переворотом, который на

Аравийском полуострове произвел Мухаммед и приходит к выводу, что там, где этот переворот был глубже (Дагестан) были созданы наиболее благоприятные условия для пророссийской интегрированности горцев, у которых сформировался новый тип личности (Г.Г. Гамзатов). Показательно, что в книге, содержащей более пяти тысяч сносок на источники и литературу, новейшие работы оппонентов вообще не упоминаются, хотя в них предложено новое видение основных сюжетов, исследуемых автором.

Столь масштабного труда у оппонировавших данным авторам исследователей нет. Подготовленная коллективом авторов крупная монография на базе ИИЯЛ ДНЦ РАН пока еще не издана.

Краткий обзор основных новейших изданий по истории Кавказской войны свидетельствует о том, что между учеными отстаивающими различные подходы к истории Кавказской войны назрела и перезрела потребность в возобновлении академического научного диалога. Речь не идет об унификации взгляда на такой сложный и противоречивый феномен истории, каким была Кавказская война. Разноплановые исследования через «оптику» своих теоретических подходов расширили проблемное поле, вскрыли новые грани темы. Но в рамках различных исследовательских парадигм накоплены как интересные наблюдения, реконструкция фактов и событий, не замеченных другими авторами, так и заблуждения, неточности. Необходимо восстановить комплексное источниковедение истории Кавказской войны, чтобы ограничить возможности субъективных манипуляций, тенденциозного отбора источников и фактов. Проведение региональных дискуссий по социальным отношениям у народов Северного Кавказа, типологии набегов и наездничества и т.д., представляется, могли бы сделать шаг в сторону преодоления политизированности профессионального исторического мышления и взаимных подозрений в фальсификациях, фобиях и т.п.

Примечания:

- ¹ См. обобщающие историографические обзоры: Дегоев В.В. «Большая игра» на Кавказе: история и современность. М., 2002, Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. №1 и др.
- ² История СССР, 1983. №2.
- ³ Джахияев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813-1829). Махачкала, 1991, Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60 годов XIX в. Владикавказ, 1992, Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – 30-х годов XIX в. Майкоп 1994 и др.
- ⁴ Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала 1991, Аутлев М.Г. Адыги и русские: дорогами второго тысячелетия. Краснодар, 2000.
- ⁵ Блиев М.М. Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994 (2001).
- ⁶ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999, Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995, Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала 1991, Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003, Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е годы XIX в.). Сб. док. Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001, Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874) ч. 2. Нальчик, 2003 и др.
- ⁷ Абдурахман ал-Газикумуха. Книга воспоминаний. Мах. 1997., Абдурахман ал-Газикумуха. Краткое изложение подробного описания дел имамата Шамиля. М., 2002 и др.
- ⁸ Агаев А.Г. Магомед Ярагский. Мах., 1996; Рамазанов Х.Х. Рамазанов А.Х. Мухаммед Ярагский идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. Мах. 1999, Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994 и др.
- ⁹ Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992, Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Мах., 1996, Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50 г. XIX в. М., 2000, Бижев А.Х. Хаширов М.Ю. Адыгское христианство в годы Кавказской войны. Нальчик 2000, Чирг А.Ю. Развитие общественно- политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е г. XIX в.). Майкоп, 2002.
- ¹⁰ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX в. Р н/Д, 2001 и др. И.
- ¹¹ Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996. Великая Н.Н. Казаки Предкавказья в XVIII – XIX в. Р н/Д, 2001, сборники «Из истории культуры линейного казачества Северного Кавказа». Вып. 1-3. Армавир, 1999-2002 гг. и др.
- ¹² Сказание народов Дагестана о Кавказской войне. Сост. М.Р. Хамедова. Мах., 1997, Донного Х.-М. Знамена Кавказской войны. Мах., 1997 и др.
- ¹³ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). Эссендуки, 1999, Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840). Пятигорск, 2002.
- ¹⁴ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840). Пятигорск, 2002. С. 494.

Чуякова Б.З.
г. Майкоп

**Тема Кавказской войны в творчестве русских писателей:
 А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого**

Литература всегда во все времена была верным зеркалом современности, эстетическим выразителем идей своей эпохи. И, конечно же, Кавказская война не могла не отразиться в литературе.

Кавказ, тема Кавказской войны заняли определенное место в творчестве таких больших русских писателей как Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой. Каждый из них по-своему видел Кавказ, кавказцев и развязанную русским царизмом войну. Все они побывали на Кавказе, были знакомы с нравами, обычаями, традициями народов Кавказа.

Для Пушкина и Лермонтова Кавказ стал поэтической Родиной, но к этой Родине, к тому что происходило с ней они относились двояко.

Пушкин восхищается обычаями, нравами, традициями черкесов. Вот как он описывает черкесское гостеприимство:

«К нему войдет пришелец усталый
 И робко сядет у огня, -
 Тогда хозяин благосклонный
 С приветом, ласкою, встает
 И гостю в чаше благовонной
 Чихирь отрадней подает».¹

Восхищается черкесом-воином:

«Все тот же он, все тот же вид
 непобедимый, непреклонный.
 Гроза беспечных казаков,

Его богатство – конь ретивый».²

Но при всем при этом, в другом случае называет черкеса хищником:

«И вдруг перед ними на коне
Черкес. Он быстро на аркане
Младого пленника влачил.

«Вот русский. – Хищник возопил»³

Пушкин называет Кавказ «гнездом разбойных племен», забывая при этом, что в так называемое гнездо разбойничьих племен войска пришли не с миром, а с войной. Он не дает ясной картины боевых действий, но отдельными строчками показывает, что русские пришли не как гости, а как враги:

«Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный пленник шел;
И перед ним уже в туманах
Сверкали русские штыки,
И окликались на курганах
Сторожевые казаки».⁴

Война оставляла за собой кровавый след: опустошала селенья, оставляла сиротами дев и детей.

Вокруг аулов опустелых
Одна бродила (имеется ввиду муза – Б.Ч.) по
скалам

И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там;⁵

В поэме «Кавказский пленник» Пушкин показывает генералов царской армии, которые отличались особой жестокостью к народам, против которых выступали:

«О Котляровский, бич Кавказа!

Куда ни мчался ты грозой –
 Твой ход, как черная зараза,
 Губил, ничтожил племена ...»

В этой же поэме поэт призывает:

«Поникни снежною главой
 Смирись, Кавказ: идет Ермолов!...»⁶

В отличие от Пушкина, Лермонтов в детстве бывал на Кавказе. Он был хорошо знаком с бытом, нравами, обычаями, традициями народов Кавказа. А легенды, песни, предания далекой старины занимают определенное место в произведениях поэта. В поэме «Измаил-бей» Лермонтов признается, что Кавказ ему не чужой:

«Приветствую тебя, Кавказ седой,
 Твоим горам я путник не чужой:
 Они меня в младенчестве носили
 И к небесам пустым приучили».⁷

Только тот, кто хорошо знает народ, может дать такую оценку, какую дает Лермонтов народам Кавказа:

«Как я любил, Кавказ мой величавый,
 Твоих сынов воинственные нравы:
 Им бог свобода – их закон – война»...⁸

Лермонтов показывает картину мирной жизни черкесов.

«Давным-давно, у чистых вод,
 Аулы мирные цвели,
 гордились дружбою взаимной;
 Там каждый путник находил
 Ночлег и пир гостеприимный».⁹

Проходит время, картина мирной жизни сменяется другой картиной: на Кавказ пришла война. Люди готовятся защищать себя и

свои аулы: арбы скрипят, жены трепеща стоят возле мужей, отцы одетые бурками садятся на коней. Лермонтов вопрошает: «Что могло заставить их покинуть прах отцов. Почему выбрали добровольное изгнание? Гнев Магомета, Прорицанье» – и сам отвечает: «О нет! Примчалась как-то весть, что к ним подходит враг опасный и неумолимый». И снова Лермонтов показывает хорошее знание нравов черкесов:

«Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой»¹⁰

И у жены черкеса есть спаситель – двойной кинжал.

Но что же несет им война? Позор цепей несли им вражеские силы.

Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для черкеса
Милей отчизны и покоя.¹¹

Люди всеми силами будут защищать себя и свою свободу. И это хорошо показано Лермонтовым в поэме «Измаил-бей». Героем этой поэмы стал Хьатыхъущэкъо Исмахьил, реально существовавшее историческое лицо, кабардинский князь, подполковник царской армии. Он был награжден орденом Георгия четвертой степени за усердную службу и отличную храбрость, проявленную им при взятии Измаила. Царизм присылает его на Кавказ призвать горцев к смирению. Хьатыхъущэкъо Исмахьиля ужасает то, что он видит: «Кругом злодеяния, войсками сожженные дотла аулы, уничтоженные посева, вырубленные леса». Подполковника не приняли на Кавказе. Цицианов отказал ему в службе на Кавказе, написал донос в Петербург. Булгаков, отличавшийся особой жестокостью, также возненавидел Измаила. Даже брат не нашел с ним общего языка.

Лермонтов против злодеяний царизма на Кавказе. Он на стороне Измаила, который изначально приехал на Родину с благими намерениями, но увиденное вынудило его изменить свое решение и выступить против войск царя.

«Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел –
все уничтожил русский воин
Нет, нет, не будет он спокоен», – восклицает

поэт.

Пока из белых костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолеей»¹²

«И так отмстит за уничтоженье
Любимой Родины своей».¹³

Поэт дает высокую оценку природному уму, храбрости, силе и желанию Измаила освободить свой народ.

«И, зная собственную силу,
Пока не сбросит прах в могилу,
Он не оставит гордых дум ...
Такой непобедимый ум
Природой дан был Измаилу».¹⁴

Измаил изо всех сил пытался противостоять врагу.

«Взглянул, и ринулся, и смял,
Врагов, и путь за ним кровавый
Меж их рядами виден стал!»

«Как сильный лев, разгорячась
В середину их врубился князь».¹⁵

Лермонтов видит все те злодеяния, которые учиняют русские войска и его симпатии находятся на стороне горцев.

«Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор
Играя в облаках, пугает взор».¹⁶

Поэт сравнивает русских солдат с хищниками.

«Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель,
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей».¹⁷

Лермонтов восхваляет храбрость горских женщин.

«Но жены гор не с женской думой
За поцелуем вслед звучит кинжал
Отпрянул русский – захрипел и пал!»¹⁸

Лермонтов сам участвовал в военных действиях и сам все видел своими глазами. Он приходит к мнению, что гордый народ должен примириться со своим положением. И призывает:

«Смирись черкес!»¹⁹

Но, зная гордый нрав черкесов, что они не приемлют рабства и что для них свобода важнее всего, утешает:

«И Запад и Восток
Быть может, скоро твой разделяя рок,
Настанет час – и скажешь сам надменно:
Пускай я раб – но раб царя Вселенной!»²⁰

Л.Н. Толстой был совсем молодым, когда прибыл на Кавказ и пробыл 4 года. Это был самый разгар Кавказской войны (1850-1854 г.г.). За этот период писатель побывал в Грузии, Северной Осетии, лечился на минводах в Железноводске, Кисловодске, Пятигорске. Побывал в

Дагестане, но большую часть своего пребывания провел в станице Старогладковской. Постоянное его место жительства было частью Кавказской укрепленной линии.

Лев Николаевич обладал живым вниманием, острой наблюдательностью, богатой памятью. Его положение воина-армейца и графа-аристократа давало ему возможность вращаться как в обществе простых солдат, так и в обществе офицеров. Это давало возможность познать мир армейцев: мечты, сомнения, надежды и времяпровождение, а также отношение к воинской службе, к войне на Кавказе.

Кавказ пробудил интерес Толстого к окружающей действительности, в частности к войне. Писатель считал, что Кавказ надо присоединить к России, но это присоединение должно пройти мирным путем «и будучи гуманистом осуждал захватническую войну».²¹

Не прошло и полугода со дня прибытия Толстого на Кавказ, как он окончательно разочаровывается в войне. Он считал безнравственным уничтожение целых народов. Конечно же, Толстой не сразу пришел к пониманию «Кавказской войны, как захватнической со стороны царизма». Он пытался серьезно разобраться в вопросе «на чьей стороне чувство справедливости». И в этом ему помогло отношение простого народа к войне, развязанной царизмом. Эта война не была нужна ни горцам, ни казакам, ни солдатам. Молодой писатель понял: «Эта война братоубийственная, уничтожающая, разоряющая горские народы и, конечно же, – это гибель русских воинов». Свое неприязненное отношение к войне Толстой показал в повестях, в частности в «Хаджи-Мурате». Он пришел к выводу, что многолетняя борьба народов Кавказа против царизма была справедливой и носила освободительный характер. Виновником всех бед Толстой считал Николая I. Царь писал своему наместнику на Кавказе Михаилу Семеновичу Воронцову: «Твердо держаться моей системы разорения жилищ, уничтожения

продовольствия в Чечне и тревожить их набегам». ²² План медленного движения в область неприятеля посредством вырубki леса и истребления продовольствия был планом Ермолова и Вильяминаова, но впоследствии царь приписал этот план себе.

Толстой осуждает царя Николая I. Довольно нелестную портретную характеристику дает писатель императору: «С безжизненным взглядом, с выпученной грудью, перетянутым и выступающим из-за перетяжки животом, он вышел к ожидавшим...». ²³ В глазах писателя царь выглядит самолюбивым, жестоким, самонадеянным и не очень умным: «Да что бы было бы теперь с Россией, если бы не я». Дальше царь берет еще выше: «Да что была без меня не Россия, а Европа». В другой раз он говорит: «В России только один честный человек – я». ²⁴

Война несла людям горе, смерть, разорение. Вот как Толстой показывает налет на аул: «Бутлер с своей ротой бегом, вслед за казаками вошел в аул. Жителей никого не было. Солдатам было велено жечь хлеб, сено и самые сакли. По всему аулу стелился дым, и в дыму этом шныряли солдаты, вытаскивая из саклей, что находили, главное же – ловили и стреляли кур, которых не могли забрать горцы». ²⁵ Картина возвращения жителей в свой родной аул еще более страшна: «Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы сожжены, и внутренность огажена. Сын же его был привязан мертвым к мечети. Он был проткнут штыком в спину... Были поломаны и сожжены посаженные стариком абрикосовые деревья, главное сожжены все ульи с пчелами». ²⁶

Далее Толстой описывает душераздирающую картину, как мать с распущенными волосами стоит над сыном убитым солдатами и воеет, уже не плачет, а воеет.

Наряду со смертью чеченца, почти еще мальчика, сына Садо, автор показывает смерть русского солдата, сына русской крестьянки.

Таким образом, Толстой показывает, что в любой войне участвуют две стороны. Война приносит горе и смерть обеим сторонам.

Толстой резко и гневно осуждает войну навязанную горцам царизмом. И вкладывает в уста русской женщины Марьи Дмитриевны осуждающие слова. Когда Каменев достает из сумки голову Хаджи-Мурата и с гордостью показывает ее всем, Марья Дмитриевна говорит: «Все вы живодеры. Терпеть не могу. Живодеры, право». А когда Бутлер возражает ей, что война со всеми может быть, она кричит: «Война? Какая война, живодеры вот и все. Мертвое тело надо земле предать, а они зубоскалят».²⁷

Толстой гуманист и демократ, он был против войны, мечтал о дружбе и взаимопонимании народов. Ратовал за мирное решение любых вопросов и даже международных. Совершенно справедливо полагал, что нет у русского и кавказских народов причин для вражды и ненависти друг к другу. Он видел мир и дружбу между Россией и Кавказом.

Царизм понимал, что Толстой гуманист и он не приемлет войну для решения каких бы то ни было споров, вопросов. Писателя всячески травили и либералы и черносотенцы. Его отлучили от церкви, его имя предали анафеме, но он не отказался от своего мнения, от своих взглядов, наоборот, чувствовал себя борцом за справедливость.

Примечания:

¹ Пушкин А. Кавказский пленник // Сочинения в двух томах. – Т. 2. – Москва, 1954. – С. 96.

² Там же. – С. 94.

³ Там же. – С. 88.

⁴ Там же. – С. 105.

⁵ Там же. – С. 106.

- ⁶ Там же. – С. 106.
- ⁷ Лермонтов Ю. Измаил-бей // Сочинения в двух томах. – Том 1. – Москва, 1988. – С. 322.
- ⁸ Там же. – С. 323.
- ⁹ Там же. – С. 325.
- ¹⁰ Там же. – С. 326.
- ¹¹ Там же. – С.326.
- ¹² Там же. – С.331.
- ¹³ Там же. – С.331.
- ¹⁴ Там же. – С.376.
- ¹⁵ Там же. – С.373.
- ¹⁶ Там же. – С.362.
- ¹⁷ Там же. – С.362.
- ¹⁸ Там же. – С.362.
- ¹⁹ Там же. – С.362.
- ²⁰ Там же. – С.362.
- ²¹ Виноградов Б. Кавказ в творчестве Толстого. Грозный, 1959. – С. 34.
- ²² Толстой Л. Хаджи-Мурат // Собрание сочинений в двенадцати томах. – Т. 12. Москва, 1984. – С. 335.
- ²³ Виноградов Б. Кавказ в творчестве Толстого. Грозный, 1959. – С. 213.
- ²⁴ Толстой Л. Хаджи-Мурат // Собрание сочинений в двенадцати томах. – Т. 12. Москва, 1984. – С. 331.
- ²⁵ Там же. – С. 340.
- ²⁶ Там же. – С. 342.
- ²⁷ Там же. – С. 373.

Шеуджен Э.А.

г. Майкоп

Историческая память и проблемы Кавказской войны

То, что мы собрались на научную конференцию и имеем возможность, размышлять о событиях более чем двухсотлетней давности уже само по себе, свидетельствует о значении исторической памяти в жизни народов. Своему сообщению я хотела бы предпослать одно из наиболее емких замечаний В.О.Ключевского. Думая об истории, ее месте и роли в обществе он утверждал: *«История – это власть, когда людям хорошо, они забывают о ней, и свое благоденствие приписывают себе самим, когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благодеяние»*¹.

В наши дни мы получили, очередную в истории России, возможность на собственном опыте убедиться в правоте этого замечания. Ситуация в стране настолько сложна, что очень многие начиная от профессиональных историков и кончая, казалось бы далекими от этой деятельности людьми, вновь и вновь обращаются к историческому опыту народов, пытаясь в нем найти ответы на вопросы стоящие перед нашим обществом.

И это неудивительно: устойчивость любой общественной системы связана с исторической памятью, с массовым историческим сознанием, прямо или опосредованно влияющим на социально-политическую практику. Данные процессы имеют сложный механизм взаимодействия, отражая как реальный исторический опыт, так и «мифотворческий», порождая явление «культивируемой памяти». Поэтому неудивительно, что в работе XIX Международного конгресса

исторических наук (Осло, 2000 г.) в качестве специализированной активно обсуждалась тема: «Память и идентичность: как общества воссоздают свое прошлое и управляют им?»². Именно благодаря «воспоминаниям» о прошлом поддерживается идентичность того или иного сообщества.

Что, значит, найти ответы в прошлом или, иначе говоря, «вступить в диалоговые отношения» с прошлым? *Это, прежде всего, обратиться к исторической памяти, памяти особой, имеющей свои черты и параметры.* Хотелось бы выделить наиболее важные характеристики. *Во - первых,* историческая память фиксированная, т.е. закрепленная в исторических и историографических источниках. Если каждый, отдельный человек может, при желании, «стереть» из памяти неприятные воспоминания, травмирующие его психику, то народам это не дано: как тяжелая наследственная болезнь трагические события прошлого передаются из поколения в поколение, серьезно осложняя отношения в обществе. *В этом и благо и трагедия народов!*

Учитывая, что большинство народов северокавказского региона не имели своей письменной истории, особую значимость приобретает проблема опосредованной реконструкции исторического прошлого, т.е. восстановления истории по разрозненным свидетельствам, концентрируя внимание на «разрывах» исследовательских линий, «выпадающих» периодах «теневого» развития.

Трудности подобной реконструкции связаны с тем, что исследования по истории народов Северного Кавказа написаны на различных языках, людьми разных культур. Современные историки располагают античными, арабскими, европейскими, с определенного времени, русскими свидетельствами, т.е. при реконструкции северокавказской истории доминирует взгляд «извне». Хорошо

известно, что подобные источники требуют особого отношения, высокого уровня критического анализа, четких, отработанных методик.

Нельзя исключить и устную фиксацию исторического прошлого, но историки хорошо знают, как условен, вариативен этот материал, как легко попасть под его обаяние. При этом правомерно возникает вопрос — являются ли эпические произведения изложением реальных событий или поэтическим вымыслом? В мировой исследовательской практике уже накоплен опыт аналитической работы с источниками подобного типа.

В наши дни эта проблема вышла за рамки академических размышлений. Опираясь на фольклорные источники, стала модифицироваться история многих народов. Северокавказская историография, учитывая ограниченность письменных источников, также вынуждена, при реконструкции отдаленных периодов, основывать историческое повествование на отдельных фактах, «местах памяти».

Для народов Северного Кавказа, учитывая состояние письменности, проблема источников особенно важна. Многие события войны оказались зафиксированными только на уровне, так называемой, «устной истории» (в сказаниях, в песнях, в плачах и т.п.). В результате, реконструкция событий войны ведется преимущественно на основе официальных российских источников, как гражданских, так и военных. Понятно, что при таком положении резко сужается видение проблемы, превалирует, так называемый, «взгляд с одной стороны».

Бесспорно, что интерпретация и анализ подобных источников требует от историков не только высокого уровня профессионализма, но и последовательного, твердого стремления к объективности, что далеко не всегда, в наше время кипящих страстей, «имеет место быть». В историографии существует представление, что историк способен «разговорить» источник, вступить с ним в диалоговые отношения. В

нашем случае источники, как «храмы на крови», не просто говорят, а чаще горестно плачут. При таком положении очень трудно «без гнева и пристрастия» относиться к историческому прошлому.

Во-вторых, историческая память весьма объемна. Более чем за пять тысячелетий письменной истории накопилось огромное количество разнообразных исторических источников, запечатлевших выстраданный опыт народов. Начиная с античных времен, в этот «мировой архив» человеческой памяти, вносят свой вклад и народы Северного Кавказа. Казалось бы, большинство народов этого региона не имея письменности, фиксированных документальных свидетельств своей истории, должны были бесследно затеряться в безграничных пространствах прошлого.

Но судьба распорядилась иначе. *На протяжении многих веков всегда находились люди (историки, географы, путешественники и т.п.), стремившиеся понять жизненную силу этой земли и населявших ее народов. Благодаря им, сохранились бесценные свидетельства исторического прошлого, позволяющие нам рассуждать о том как «выглядит Кавказ в людской памяти и историческом сознании»³.*

На протяжении предыдущего столетия историками сделано очень многое для формирования коллективной памяти и идентичности народов Северного Кавказа. В тоже время нельзя не отметить, что историческое знание, под влиянием изменений в обществе и идеологических установок, претерпело значительную деформацию. Причем, этот процесс, несмотря на декларируемую гласность и фактическое отсутствие цензуры, продолжает углубляться, а «открытия» в историческом прошлом народов приобретают все более выраженную конъюнктурную окрашенность.

Сегодня историки стремятся взять реванш, но «историографический бум» приобретает специфический характер. К

определяющим чертам можно отнести: попытки любыми способами «удревнить» *свою* историю, что в принципе понятно, но требует не голословных, «мифологически» аргументированных обоснований, а серьезного освоения методов и методик работы с фольклорным, археологическим и этнографическим материалом. Чрезмерная любовь к *своей* истории, оправданная в моральном плане, в исследовательском, как правило, приводит к крайнему субъективизму, представлению *своего* народа как избранного, мессианского. Более того, его противопоставлению другим народам, что влечет за собой негативные как исторические, так и историографические последствия, порождая буквально магию любого письменного сообщения.

В такой историографической ситуации историки зачастую обращаются к источникам, в том числе и архивным, не для того, чтобы понять происходившие в прошлом события, а с тем чтобы, найти в них поддержку выдвигаемым положениям. Подобный «патриотизм» историков нередко приобретает форму национализма, характерного для народов, ведущих борьбу за независимость, утверждающих свое право на самоопределение, но явно не отвечает исторической традиции и современному состоянию России.

В- третьих, историческая память имеет сложную структуру. Для нее характерна протяженность во времени, при этом, парадоксальность ситуации в том, что нередко события отдаленного прошлого воспринимаются народами более болезненно и значимо, по сравнению с сегодняшними событиями и бедами. Историческая память пространственна. Люди с большим трудом, поэтапно «раздвигали» границы истории, расширяя пространство памяти.

Начало XVI в. стало в этом смысле переломным: великие географические открытия не только проложили пути к новым континентам, они открыли дорогу так называемым «неисторическим»

народам в историю, сделали их опыт, их судьбу достоянием исторической памяти. Европейские мореплаватели, - писал И.-Ф. Шиллер, - «познакомили нас с народами, которые находятся на самых различных ступенях культуры и сходны с детьми разных возрастов, которые стоят вокруг взрослого и на живом примере напоминают ему, чем он сам был и из чего вырос»⁴

Известно, что *периоды кардинальных социальных перемен активно влияют на рост национального самосознания, заметно обостряя интерес к историческому прошлому народов, актуализируя претензии на создание «своей», «подлинной» истории* По мнению Ф. Ницше существует три подхода к истории: «монументальный», «антикварный» и «критический». «Монументальная» история ориентирована на выдающиеся примеры прошлого, придавая им, по сути вневременную ценность. «Антикварная» история, благовеет перед всеми проявлениями минувшей жизни, даже мелкими, ограниченными, подгнившими. В свою очередь, «критическая» история привлекает прошлое на «суд истории», стремится создать такое прошлое, *«от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно приходим»*⁵.

Эти положения приобретают особое значение в современной историографической ситуации. *В методологии истории все чаще используется понятие — «управление прошлым», то есть ставится вопрос о том, что мы пытаемся найти в прошлом для обоснования настоящего.* В результате, закрепляется более широкий взгляд: историческая память — это не только то, что относится к прошлому, но и то, что оказывает влияние, (позитивное или негативное) на современное состояние общества.

Обращаясь к этой проблеме, современный английский историк Д. Тош выделяет три черты социальной памяти, обладающие «особенно

серьезным искажающим эффектом»: традиционализм, ностальгия и вера в прогресс⁶. Важно учитывать, что обращение к историческому прошлому мотивируется сложным комплексом социо-культурных, психологических, а зачастую, и идеологических причин, обуславливая выделение в массовом историческом сознании двух составляющих — социальной и индивидуально-психологической.

Сложность структуры исторической памяти обуславливается и проблемными составляющими. Принято считать, что в исторической памяти фиксируются наиболее значимые события. Однако в каждое историческое время складывается свой взгляд на проблему значимого, важного, существенного в истории. *В то же время в памяти каждого народа есть события, как бы вневременные, память о которых сохраняется в веках и передается от одного поколения к другому. К таким событиям, вне всякого сомнения, относится Кавказская война, оставшаяся в памяти народов Северного Кавказа, как одно из наиболее сложных, переломных событий региональной истории. При этом, если память о выселении народов и даже война в Чечне, входят составной частью в историю отдельных этносов, то проблема сопротивления, боевого духа горцев характерна для коллективной памяти всех народов Северного Кавказа.*

Объясняется это рядом причин. Как хорошо известно, войны занимают особое место в истории народов. Путем жестоких и продолжительных войн решались проблемы территорий, ресурсов, политической престижности, экономической и духовной экспансии. Фактически все эти обстоятельства определяли причины Кавказской войны, ее масштабность, продолжительность и ожесточенность. Более того, колониальный захватнический характер войны осознавался значительной частью образованной России, как в прошлом, так и в настоящем.

В течение многих десятилетий события Кавказской войны для отечественного кавказоведения представляли, в основном, академический интерес. В русской историографии XIX — начала XX века была сформулирована официальная точка зрения: война виделась как реализация цивилизаторской, прогрессивной миссии России, направленной на введение в лоно просвещенных туземцев, необузданных», «диких», «хищнических», погрязших в первобытных нравах и обычаях, междоусобицах и разбое.

Формирующиеся в российском обществе представления не могли изменить ни публицистические статьи Н.Г.Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, ни публикации в зарубежной печати, рассматривающие события на Кавказе, как «антиколониальную», «национально-освободительную борьбу». Один из первых исследователей Кавказской войны, её непосредственный участник, генерал Р.А. Фадеев обратил внимание на весьма важное обстоятельство. По его мнению, начало Кавказской войны определило новое отношение России к *«полудиким племенам Кавказа; из заграничных и чуждых нам они сделались внутренними... Кавказ потребовал больших жертв; но чего бы он ни стоил, не один русский не имеет права на это жаловаться»*⁷.

В советской историографии Кавказская война оказалась в ряду наиболее идеологизированных проблем. В трактовке её причин и сущности историкам приходилось балансировать между обвинениями в «буржуазном национализме» и «великодержавном шовинизме». От оценок войны, как «антифеодальной», историки переходили к признанию её «освободительного», «справедливого» характера, а затем к почти полному забвению и сосредоточению внимания на менее острых вопросах кавказской истории.

С середины 80-х гг. прошлого века тема как бы открывается заново: в условиях гласности стали широко издаваться книги, брошюры, статьи, наполненные эмоционально окрашенным, зачастую тенденциозно подобранным, фактическим материалом. В результате широкое распространение получила «препарированная» информация о событиях Кавказской войны. Без серьезного обоснования пересмотру стало подвергаться даже традиционное название войны: предлагалось заменить термин «Кавказская война» на «Русско-Кавказскую войну». В исследовательской практике подтверждалось, что новые идеи проникают в исторические исследования именно через терминологию. Замена одного термина другим не представляется невинной интеллектуальной игрой. В конечном итоге именно это, казалось бы, формальное обстоятельство, нередко приводит к пересмотру, отнюдь, не научному, сложившихся концепций.

Не менее значимо и документальное обеспечение проблемы. Известно, что в источниковой базе любой войны преобладают источники созданные, скажем так, в стане победителей. В то время как побежденная сторона теряет не только территорию, независимость, но и в значительной степени право на объективную историю, т.е. события разворачиваются не по известному утверждению – «рукописи не горят». К сожалению, рукописи тоже горят и бесследно исчезают в дыму и пепле войны.

На систематически проводимых специальных конференциях звучали горячие призывы к дальнейшему научному освещению истории Кавказской войны. Под влиянием резко меняющейся политической ориентации и личных пристрастий исследователей в массовом сознании формировались негативные образы, с одной стороны, «русских» и «казаков», а, с другой — «горцев». Характерным стало сосредоточение внимания на регрессивных, разрушительных процессах в истории,

особенно войнах. В результате история народов Северного Кавказа приобрела «образ» тотальной, перманентной войны.

Важное значение имеют и последствия войн. В историографии сложилось интересное несоответствие - *причины войн исследуются всегда более обстоятельно, чем ее результаты и особенно последствия.* При таком положении последствия войн сводятся, как правило, к материальным потерям и подсчету павших на полях сражений, что само по себе весьма трагично, но не дает представления о более отдаленных, но не менее значимых, последствиях военных конфликтов. В частности, *о глубинных психологических, ментальных «сдвигах» в общественном сознании не только побежденных народов, но и победителей, а именно они, в наибольшей степени, определяют состояние исторической памяти народов.*

Для народов Северного Кавказа последствия оказались не менее трагичными, чем сама война: массовая депортация, насильственное переселение, вхождение в новое политическое, экономическое и социокультурное пространство России. Естественно, что понадобились десятилетия, смена нескольких поколений для преодоления пораженческих фобий. Но отголоски войны, как раскаты уходящей грозы еще сохраняются в исторической памяти. И с этим обстоятельством необходимо считаться. Тем более, что они, к сожалению, подпитываются современными антикавказскими настроениями.

В ходе Кавказской войны многие народы этого региона вынуждены были переселиться в пределы Османской империи. Историками называется целый комплекс причин, повлекших это трагическое явление: колонизаторская политика российского правительства, превратившая Северный Кавказ в арену широких военных действий, делавших невозможным дальнейшее проживание на

этой территории коренных этнических групп; провокационная политика правящих кругов Турции, рассчитывавших с помощью кавказских переселенцев освоить малозаселенные земли страны; происки западных держав (Англия, Франция), имевших свои политические планы на Западном Кавказе; желание местной феодальной знати избавиться от «вредных» элементов. Даже само перечисление существующих взглядов на эту проблему свидетельствует о недостаточной её разработанности, что, вне всякого сомнения, открывает безграничный простор для различного рода «околонаучных» измышлений.

Известно, что одним из первых исследователей этой проблемы был академик Российской академии наук А.П. Берже (1828—1886). Будучи председателем Кавказской археологической комиссии, он смог собрать и опубликовать двенадцатитомное собрание документальных материалов по истории народов Кавказа. По его мнению, массовое переселение стало настоящей катастрофой, которая с течением времени неизбежно должна была привести к утрате «исторических и характеристических особенностей» народов. «Полумиллионное население из многих племен, с разного корня, своеобразными этнографическими особенностями, с самобытным строем внутренней и общественной жизни, покинуло родные горы, в которых пережило длинный ряд веков»⁸. Это весьма емкое обобщение открывает новые, не реализованные возможности, в осмыслении данной проблемы: массовое переселение как «ломка» этнической идентификации; возможности адаптации народов в чуждом исторически, климатически-ландшафтном регионе.

На состояние исторической памяти заметно влияют дошедшие до нас свидетельства безразличия и жестокости царских властей по отношению к переселенцам. Несмотря на проявленную горцами «покорность», войска продолжали вести активные военные действия.

Царские генералы не скрывали истинных целей поспешного переселения горцев. «Такая мера, — писал Н.И.Евдокимов, сделавший карьеру на Кавказе, — при настоящем положении туземцев, принесет нам великую пользу и даст возможность как горцам выйти из настоящего их напряженного положения, так и нам более свободно развивать русскую колонизацию в предгорьях западной части Кавказского хребта»⁹.

Положение еще более осложнялось отсутствием на государственном уровне договоренности с Турцией относительно условий приема, численности и расселения переселенцев. Процесс приобрел стихийный характер, люди покидали родину без всяких средств к существованию, что неизбежно приводило к тяжёлым бедствиям, голоду, эпидемиям, высокой смертности. В связи с этим, мягко говоря, странно звучат утверждения о «легкости», «малозатратности» юго-восточной «отечественной колонизации». «В России, — утверждает В.В.Ильин, — никогда не практиковались охоты за скальпами, массовое уничтожение коренных народов»¹⁰.

В тоже время крайне необходимо, сохраняя исторический взгляд на события прошлого, формировать массовое историческое сознание. На мой взгляд, некоторые современные историки в должной мере не осознают профессиональной и гражданской ответственности, «конструируя» «свое» видение исторического прошлого с увлеченностью и романтизмом авторов исторических романов, забывая, что, при всем своеобразии, история является отраслью научного знания и, уже поэтому, требует апробированной в науке системы аргументации.

Сохранение и модификация исторической памяти не только кавказская проблема. Думаю, что многие «тупиковые» ситуации в России связаны с нежеланием или неспособностью понять исторические истоки многих современных явлений. Так, с исторической памятью напрямую связана проблема идентификации личности и в целом

народов. Человеку свойственно стремление к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности: «я – русский», «я – адыг», «мы – славяне», «мы – кавказцы», т.е. осознание себя «вписанным» в национальную историю, а, в конечном итоге, и во всемирную. Историческая память позволяет осуществлять и маркировку территории проживания народов: «мой Кавказ», «Страна Черкесия», в конце концов, почти забытое понятие «Родина».

Интерпретация прошлого всегда несет определенный риск, особенно проявляющийся в условиях политически и социально разделенного общества, т.к. это равным образом и интерпретация настоящего. В связи с этим, обостряется проблема ответственности историка перед обществом. Тем более, что для многих свобода слова, фактическое отсутствие цензуры стало своего рода «карт-бланшем» на создание «своей истории». В разрушении односторонних подходов, в преодолении стереотипов и догматических представлений, влияющих на умы людей и, в конечном счете, формирующих массовое историческое сознание, состоит первостепенная задача историков.

Примечания:

¹Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.265 – 266.

² XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сборник обзоров и рефератов. М.,2001. С.277.

³ Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Лекции по регионоведению. Майкоп. 1999. С.4.

⁴ Шиллер И.-Ф. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения / Собр.соч.В 8т. Исторические работы. Т.У11. М.; Л., 1937. С.600.

⁵ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Соч. в 2 т. Т.1. М.,1990. С.158-230.

⁶ Тош Д. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М.,2000. С.22-29.

⁷ Фадеев Р.А. Кавказская война. М.,2003. С34.

⁸ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. С.282.

⁹ Письмо графа Евдокимова к генералу Карцеву от 25 июля 1862 г. // Там же. С.292-293.

¹⁰ Ильин В.В. Философия истории. М.,2003. С.334.

Шебзухова Ф.Х.

г. Майкоп

**Земельный вопрос и земельные отношения у северо-западных адыгов
после окончания Кавказской войны**

Война всегда трагедия. Для одних она – средство обогащения, расширения своей территории и порабощения других народов. Для других – это страшные потери, разорение, разрушение, потеря святая святых – своей исторической родины.

Кавказская война стала страшной страницей для некогда многочисленного, мужественного и свободолюбивого народа – адыгов. А «вина» – то народа была всего-навсего в том, что он родился на благодатной земле и жил на ней счастливо своим трудом. Беда адыгов состояла в том, что соседние государства, в т.ч. и Россия давно зарились на эти земли, ставя своей целью ее захват и установление над ней безраздельного господства.

«Земля закубанцев, - отмечал Р.А. Фадеев, - нужна была государству, в них самих (т.е. горцах) не было никакой надобности»¹. И Россия получила эти земли, изгнав с исторической родины коренные народы региона. Процесс изгнания горцев с Кавказа и военная его колонизация Россией проходили параллельно и сопровождалась заселением казачьими станицами и другими переселенцами оставленных горцами мест. Причем казачьи поселения располагались так, чтобы они окружали горские аулы. В середине 1864 г. Россия поселила на места бывших черкесских аулов 90 казачьих станиц с населением 103 тыс. чел. А за период с 1861 по 1865 гг. за Кубанью были основаны 73 новых станицы, 48 поселков общей численностью 16 тыс. семейств. К концу 80-х гг. XIX в. в Кубанской области уже насчитывалось 176 станиц².

Завершение Кавказской войны и военная колонизация Северо-Западного Кавказа совпали с периодом проведения великой реформы 1861 г. в России, расчистившей дорогу для становления буржуазных отношений в стране.

Новая ситуация, сложившаяся после отмены крепостного права в России, настоятельно требовала осуществления аграрных преобразований в национальных регионах и в том числе на Северо-Западном Кавказе.

Проведение земельной реформы в национальных окраинах имело свои особенности. Они базировались на основных принципах «Положения» 19 февраля 1861 г. о предоставлении личной свободы крестьянам и наделной земли за повинности с правом выкупа наделов. Но реформа в каждом национальном регионе проводилась по разному, как по форме и содержанию, так и по продолжительности времени.

Отмена крепостного права на Кавказе имела некоторую особенность как по сравнению с центральными районами России, так и Закавказья. Земля на Кавказе юридически считалась общественной, но фактически находилась в пользовании и под контролем феодалов. Степень зависимости непосредственных производителей от феодалов была различной.

Еще в ходе войны генерал-адъютантом гр. Евдокимовым в 1861 г. было подготовлено «Положение об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области», согласно которому крупными земельными латифундиями наделялись крупные горские феодалы, активно сотрудничавшие с военной администрацией. Земельными участками в размере 300 дес. наделялись и представители дворянских фамилий. При этом в случае знатности или «особых» заслуг эти участки значительно увеличивались, а размер земельных наделов крестьян-общинников ограничивался 7 дес.

Подготовительные мероприятия осуществлялись и в Терской области. Так главнокомандующим на Кавказе кн. Орбелиани был разработан проект земельной реформы для Кабарды. Хотя проект получил одобрение в Петербурге, царизм не спешил с его проведением.

К концу Кавказской войны царское правительство активизировало свою деятельность в этом вопросе. В 1862 г. появился новый проект генерала Евдокимова «Положение о заселении предгорной Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», который предполагал узаконить земельную собственность казаков. Согласно новому проекту, казакам отводилось по 20 дес. земли на мужскую душу, в то время, когда наделы горцев сокращались до 4-5 дес³. В 1862-1863 г. продолжалось размежевание земель, в ходе которых, десятки тысяч десятин земли было отдано крупным царским чинам и горской верхушке⁴.

Аналогичная работа проводилась и в Кабарде. Ей предшествовало укрепление мелких сел, в результате которой в 1865 г. вместо 116 селений образовалось 39 крупных. Норма подворного надела составляла: удобной земли – 36 дес., неудобной – до 31 дес. На душу приходилось от 1,25 до 2,5 дес. пахотной земли⁵, что было явно недостаточно даже для минимального уровня жизнедеятельности, зато у отдельных кабардинских феодалов они составляли от 1500 до 1800 дес.⁶ Кроме этого эти землевладельцы имели право пользоваться общинной землей в размере 36 дес. Крестьяне же в среднем получали от 6,3 до 7 дес.⁷ Правительство выдавало феодалам компенсацию за освобождение крестьян. В Кабарде она составила 30 тыс. руб.⁸

Землераспределительные работы продолжались и после окончания Кавказской войны. В 1869-1870 г. 30 крупным царским военным чиновникам было отмежевано еще 80 тыс. дес., представителям горской

феодалной знати – 6 тыс. дес., 9 русским станицам и селам более 60300 дес. земли⁹.

В Майкопском отделе более 150 русским военным чинам было отмежевано более 100 тыс. дес. земли; 62 русским станицам – более 1 млн. дес., 208 участкам войсковых чиновников – почти 34 тыс. дес., Белореченской, Махошевской и Даховской лесным дачам – около 143 тыс. дес., г. Майкопу – выгон в количестве 6150 дес., Семеновской колонии – 31 тыс. дес., 21 аулу – 137,5 тыс. дес.¹⁰

В эти же годы землеустроительные работы проводились и в Баталпашинском отделе, в ходе которых 6 крупных сановников получили 23.732 дес. земли,¹¹ причем величина надела земли зависела от социального происхождения и занимаемой должности. Не обойдена была и горская феодальная знать, ей было выделено около 70 тыс. дес. земли.¹²

Документы свидетельствуют, что земельная реформа в Кубанской области, за исключением Екатеринодарского отдела была завершена в 70-е г. XIX в., а в Екатеринодарском отделе земельные преобразования затянулись вплоть до 1901 г. Окончательно эти работы завершились к 1910 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что при проведении земельной реформы на Северо-Западном Кавказе правительство исходило прежде всего из интересов царской администрации, чиновников и горской феодальной знати. Оно щедро вознаградило тех, кто с ним сотрудничал, попирая интересы своего народа.

Однако, как известно, земельная реформа не коснулась крепостных крестьян, поэтому одновременно велись подготовительные работы по отмене крепостного права. Эти работы начались в 1862 г. и протянулись вплоть до 1869 г. В течение всего этого периода в Кубанской области было освобождено от крепостной зависимости 16500 чел. горских

крестьян, в т.ч. 11403 крестьянина были освобождены на основе добровольных сделок с помещиками (по предложению Кавказского комитета) еще до официального объявления об освобождении горских крестьян Кубанской области. Это были крестьяне, жившие в Лабинском, Псекупском, Урупском, Зеленчукском и Эльбрусском округах¹³.

Небезинтересно отметить, что вопрос о разделе имущества крестьян и о размере выкупных сумм вызвал большую дискуссию. Она завершилась определением точных размеров выкупной суммы. Размер выкупа зависел от возраста и пола освобождаемого человека. Самая высокая плата полагалась для лиц работоспособного возраста от 20 до 40-45 лет.

Освобождение крепостных в Кабарде по официальным документам завершилось в ноябре 1866 г. Всего в Кабарде было освобождено 21 тыс. человек. И еще около 12 тыс. крестьян, ранее считавшиеся зависимыми от феодалов. Эта категория крестьян получила свободу без всякого выкупа¹⁴.

Таким образом, земельная реформа и освобождение крестьян внесли серьезные изменения в жизнь горцев Северо-Западного Кавказа. В ходе земельных преобразований царизм не только сохранил, но и наделил горскую феодальную верхушку. 135 представителей адыгской феодальной знати владели более 320 тыс. дес. земли, т.е. 40 % частновладельческого фонда Адыгеи. 94 привилегированные лица, занятые на службе в царской армии, в административно-полицейских органах власти и в горских словесных судах получили земли площадью более сотни тысяч дес.¹⁵ Земельные же владения горских крестьян сокращались все время и составляли к концу XIX в. 1,2-1,6 дес. вместо 4-4,5 дес. в период проведения реформы.

Проблема выживания заставляла их прибегать к аренде земли. Арендовали землю как русское иногороднее население, так и адыгские

крестьяне, но последние арендовали земли меньше, чем иногородние. Это была аренда «из нужды» - для поддержания своего хозяйства. Но существовала здесь и предпринимательская аренда, которую практиковали в основном зажиточные крестьяне. Но таковых, как правило, было мало. Сдавались в аренду главным образом земли горской феодальной верхушки и царских чиновников, владевших большими земельными участками.

Арендные отношения усилившиеся с началом XX в. оказывали растущее влияние на дифференциацию сельского населения. В Майкопском отделе 1840 хозяйств (в т.ч. общинников – более 1,7 тыс., а землевладельцев – 53) в 1917 г. сдавали в аренду более 13,2 тыс. дес. земли (в т.ч. общинники – 10,8 тыс. дес.¹⁶, а аульчанами Екатеринодарского отдела было сдано в аренду более 49,5 тыс. дес.)¹⁷ Некоторые источники свидетельствуют, что в Адыгее около половины всех земель сдавалось в аренду.

Процесс углубления дифференции сельского населения Адыгеи хорошо виден по сведениям о наличии сельскохозяйственного инвентаря. В 1917 г. из 16 тыс. хозяйств Адыгеи собственным инвентарем владели 9,3 тыс. хозяйств, т. е. 58 %. Количество адыгских хозяйств, не владеющих собственным инвентарем, составляло 3,9 тыс. (33% всех хозяйств, в т.ч. в аулах Майкопского отдела – 2,1 тыс. хозяйств). Процент безинвентарных хозяйств в аулах был довольно высок¹⁸.

Значительные перемены происходили и в социальных отношениях. Эксплуататорской горской верхушке, составлявшей всего 15,8 %, накануне 1917 г. принадлежало 35 % всех посевов, 40 % скота, 70 % овец, 90 % табачных плантаций. В то же время 13,5 % всех крестьян не имели ни земли, ни скота, а жили в основном за счет батрачества; 21 % крестьянских хозяйств не владели ни тягловой силой, ни инвентарем;

24 % не имели коров; 46 % имели по одной лошади и крохотные участки посевов, но не располагали собственным сельскохозяйственным инвентарем¹⁹.

И, тем не менее, проведенные на Северо-Западном Кавказе после окончания Кавказской войны земельная и другие реформы явились важной вехой в ломке старых феодальных и проникновении новых капиталистических отношений, подрыве традиционной замкнутости адыгского хозяйства. Развивающийся «вглубь» и «вширь» капитализм вовлекал этот регион с коренным населением в орбиту общероссийского рынка. С завершением включения Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи и экономическим развитием региона, усилившимся после преобразований 60-70-х годов, в хозяйствах горского населения стали происходить серьезные позитивные изменения.

Проникая в сельское хозяйство, капиталистические отношения стимулировали не только рост урожайности, но и меняли структуру посевных культур. В общем валовом сборе зерновых увеличивался удельный вес пшеницы. В 1872 г. он составил 30 %, производство же кукурузы, ржи и ячменя, составлявшее тоже 30 %, стимулировалось потреблением их на винокуренных и пивоваренных заводах Майкопского и Екатеринодарского отделов. В этих отделах производство зерновых с 1872 по 1874 г. – как у горского, так и русского населения возросло в 2 раза.

Аналогичная картина наблюдалась и в Кабарде. Так, в Нальчикском округе валовой сбор кукурузы с 1,4 млн. пудов в 1892 г. вырос до 3 млн. пудов в 1896 г.²⁰ Обращает на себя внимание тот факт, что эта тенденция продолжалась вплоть до 1917 с небольшими колебаниями в определенные годы. Причем следует отметить, что степень хлебопашества у горского населения зависела как от численности их в общем населении региона, так и от географических и

климатических условий. Отсюда можно заключить, что вывод некоторых исследователей об отсталости горского земледелия не соответствует действительности.

О характере развития земельных отношений свидетельствует и его товарность. Здесь следует отметить, что у горского населения она была ниже, чем у русского. Но рыночные отношения содействовали расширению посевов технических культур – льна, конопли, табака, подсолнечника и др. Сдвиги в хозяйстве адыгов объяснялись в основном наличием сельхозорудий, которые находились прежде всего в помещичьих и кулацких хозяйствах, но наряду с этим повышалось их наличие и в горских обществах. Среди сельхозорудий были жатки, молотилки, косилки, веялки и др.

С развитием земледелия сокращался удельный вес животноводства, но все же оно сохранялось. Животноводством занимались как кубанские горцы, так и баталпашинские и нальчикские, но на первом месте по крупному рогатому скоту был Нальчикский округ. Здесь же благодаря хорошо поставленному племенному коневодству резко улучшалась порода кавказских лошадей. Благодаря этой работе были получены смешанные породы кабардинских, туркменских, арабских, персидских пород лошадей. Улучшалась также породность крупного рогатого скота.

Параллельно с сельским хозяйством развивалась и промышленность. Возникновению и развитию промышленных предприятий способствовало появление сети железных дорог, которая соединила регион с Черным и Каспийским морями. В конце XIX в. в 3-х отделах Кубанской области их насчитывалось около 2-х тысяч с годовым производством в 2,7 млн. руб., а в 4-х округах Терской области имелось 2,8 тыс. промышленных заведений с годовым производством в 1,1 млн руб.²¹ Хотя 2/3 из них были кустарными заведениями, это все же

свидетельство начала возникновения фабрично-заводской промышленности. Более быстрыми темпами развивалась горнодобывающая промышленность.

В ряде аулов появились мелкие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. К 90-м годам в аулах Абинского отдела находилось 30 таких предприятий. В Баталпашинском отделе действовали небольшое черепично-кирпичное, винокуренные, кожевенные и маслобойные заводы, в Кабарде – 13 кирпично-черепичных заводов, 3 маслобойных и 4 известковых предприятий, годовое производство которых не превышало 36 тыс. рублей.

Под влиянием промышленности России отдельные отрасли кустарной промышленности горского населения приходили в упадок, особенно изготовление оружия и их отделка. Но многие ремесла сохранились и развивались неплохо: слесарное, кузнечное, плотничье, арбяное, седельное дело. Женщины в основном занимались золотым и серебряным шитьем. Каждый 2-ой двор среди закубанских адыгов занимался производством сукна для продажи²². Широко было развито производство бурок и войлочных ковров, появились мукомольные мельницы. В 1875 г. в Майкопском и Екатеринодарском отделах их было уже 11. Несмотря на то, что многие изделия горского ремесла производились вручную и во многом уступали фабричной продукции, отдельные изделия отличались совершенством работ, красотой отделки и дешевизной и они охотно покупались русским населением. На сельскохозяйственных выставках в Кубанской и Терской областях в многие кустарные изделия адыгов были отмечены грамотами и денежными премиями²³. Положительные отзывы они имели и в Москве 70-80-е годы.

Расширялись и торговые операции. Кубанские горцы вели торговлю как продуктами животноводства, так и сельскохозяйственного

сырья. Торговля проводилась на базарах и ярмарках. Чаще всего ярмарки проводились в Екатеринодаре, Майкопе, Армавире, Пятигорске, Невинномысске, Моздоке, Нальчике и др. местах. Ярмарки приобрели такой размах, что сюда съезжались скупщики со всех мест, даже из Московской губернии. Все это свидетельство того, что меновая торговля уходила в прошлое.

С развитием торговых операций возникали торговые лавки и не только в русских станицах, но и в аулах, причем их количество росло с каждым годом. Так, если в 1875 г. в аулах Майкопского и Екатеринодарского отделов имелось 37 таких лавок, то в 1890 г. их стало 110²⁴.

Рост доходов русского и горского населения способствовал появлению в регионе банковских и кредитных учреждений, что являлось свидетельством проникновения на Северо-Западный Кавказ капиталистических отношений.

Таким образом, краткий обзор развития земельных отношений на Северо-Западном Кавказе дает возможность сделать вывод, что насильственное включение адыгов в состав Российской империи не только подрывало патриархальный уклад горцев, но и содействовал развитию земледелия и животноводства, промышленности, торговли, становлению здесь банковско-кредитных учреждений, включению хозяйства горцев во всероссийский рынок.

Примечания:

¹ Фадеев Р.А. Собрание сочинений. 1892. -Ч.I. Т.I. – С.200-202.

² Кудаева С.Г. Огнем и железом. Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20-70 гг. XIX в.). Майкоп, 1998. – С. 62.

³ Кубанский календарь на 1900 г. Екатеринодар. 1899. Т.I. -С.304-305.

⁴ Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986. – С.94.

⁵ Там же. - С. 95.

- ⁶ Мужев И. Крестьянская реформа в Кабарде в 1867 г. / Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1951. – С.231.
- ⁷ Там же. – С.236.
- ⁸ Там же. – С.257.
- ⁹ Памятная книжка Кубанской области. (Далее ПККО). Обр. 2. Екатеринодар. 1867. С.74, 75, 76.
- ¹⁰ Джимов Б.М. Указ. соч. -С. 95-96.
- ¹¹ ПККО. Отд. 2. 1876. -С.105-115.
- ¹² Там же. С. 109-110.
- ¹³ Джимов Б.М. Указ. соч. – С.104-105.
- ¹⁴ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. -Т. I. -С. 314-315.
- ¹⁵ Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статист. сборник за 1922-1923 гг. Статотдел Кубано-Черноморского объединения. 1923. -С.238-240; ПККО за 1876 г. Отд. 2. -С.101-103.
- ¹⁶ ГАРА. Ф.21. Оп. 1. Д. 746. Л.2, 10, 15.
- ¹⁷ ГАКК. Ф. 234. Оп. 18. Л. 18-19.
- ¹⁸ Адыгейский областной статистический отдел. Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг. на территории Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927. Табл. 12,13.
- ¹⁹ История сельского хозяйства и крестьянство Адыгеи (1870-1917 гг.). Майкоп, 1994. -С.36.
- ²⁰ Мартграф Л.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1982. -С.78.
- ²¹ Записка Кавказского общества сельского хозяйства. 1870. №1. -С. 132, 181
- ²² Джимов Б.М. Указ соч. -С.113.
- ²³ История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. -С. 320.
- ²⁴ ПККО на 1876 г. Табл. №3-4; КСК. 1891.- С. 148-152.

